Ольга и Сергей Бузиновские
Тайна Воланда

Аннотация

В начале двадцатых годов прошлого века в СССР появился загадочный человек — барон Роберто Орос ди Бартини. Он стал не только выдающимся конструктором и ученым, но и тайным вдохновителем советской космической программы. Сергей Павлович Королев называл Бартини своим учителем. «Красный барон» доказал, что время, как и пространство, имеет три измерения, а до самых далеких галактик рукой подать. Бартини извлек из подземелья библиотеку Ивана Грозного и во многом определил судьбу своих учеников — М.Булгакова, В.Набокова, А. Грина, А.Толстого, А.Платонова, Е.Шварца, Л.Лагина, А.Волкова, Л.Леонова, И.Ефремова, А. де Сент-Экзюпери и других писателей. Именно Бартини стал прототипом самых необычных персонажей — Воланда, Друда, Хотгабыча, Буратино и даже Маленького принца. Но главная тайна «советского Сен-Жермена» зашифрована в романе «Мастер и Маргарита».

Книга не предназначена для массового читателя.

Ольга и Сергей БУЗИНОВСКИЕ
ТАЙНА ВОЛАНДА
(Опыт дешифровки)

И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет, потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют…

Евангелие от Матфея 13. 10 — 13. 13

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПО СЛЕДАМ НЕВИДИМКИ

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти, — ответил Кот.

— Да мне почти все равно, — начала Алиса.
— Тогда все равно, куда идти, — сказал Кот.
— Лишь бы попасть куда-нибудь, — пояснила Алиса.
— Не беспокойся, куда-нибудь ты обязательно попадешь, — сказал Кот, — конечно, если не остановишься на полпути.
Л.Кэрролл, «Приключения Алисы в Стране Чудес».

1. «СЕКРЕТНЫЕ МИФЫ»

«Помоги, Господи, кончить роман!» — записал Булгаков в своем дневнике. Рукопись «Мастера и Маргариты» он называл «секретными мифами». А за несколько часов до смерти Михаил Афанасьевич показал глазами на картонную папку и прошептал: «Чтобы знали… чтобы знали…». Умирающего вряд ли могло заботить признание современников.

«Ваш роман вам принесет еще сюрпризы», — обещает Воланд. В первой главе перед нами возникает «человек-невидимка» — Коровьев, — а таинственный иностранец говорит о дешифровке рукописей: «Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века. Так вот требуется, чтобы я их разобрал». Может быть, нужно «разобрать» роман самого Булгакова?

Во-первых, кто такой Воланд? Нам услужливо подсказывают: сатана. А кто его так отрекомендовал? Ночной гость, приходивший в палату к Ивану Бездомному и назвавший себя мастером. Внимательный читатель помнит, что в субботу, после бала влюбленные оказываются в подвале у мастера. «Он был выбрит впервые, считая с той осенней ночи (в клинике бородку ему подстригали машинкой)». Но если до субботнего вечера у мастера была бородка, кто приходил к Ивану в ночь с четверга на пятницу — «бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и со свешивающимся на лоб клоком волос человек примерно лет тридцати восьми»? А вот как выглядит иностранец: «Выбрит гладко. Брюнет». Маг и мастер — одно лицо? Это косвенно подтверждает первая полная редакция романа (1936): в клинике поэта навещает сам Воланд. «В кресле перед ним, приятно окрашенный в голубоватый от колпачка свет, положив ногу на ногу и руки скрестив, сидел незнакомец с Патриарших прудов».

Таков первый из обещанных сюрпризов: Воланда назвал сатаной сам Воланд!

Коровьев советует швейцару: «Перечтите еще раз хотя бы историю знаменитого калифа Гарун-аль-Рашида». Этот правитель знаменит тем, что инкогнито посещал своих бедных подданных. А Воланд говорит литераторам, что лично присутствовал при допросе и казни Иешуа — «тайно, инкогнито». На сцене Воланд в черном. Черный цвет — символ тайны: черный — темный — тайный. Маг выступает в черной полумаске — скрывает лицо. Истинное лицо! Булгаков постоянно подчеркивает — почти до потери чувства меры: Воланд — «артист», «замаскированный», «фокусник», «неизвестный». Припомните слова и дела Воланда: он убеждает литераторов поверить в Бога или «хотя бы в дьявола», рассуждает о милосердии, пророчествует и устраивает неземное счастье двум влюбленным — словом, ведет себя неподобающе для сатаны.

«Царство Божие внутри вас», — говорил Иисус. «Изменились ли эти горожане внутренне?» — спрашивает маг на сцене Варьете. «Да, это важнейший вопрос, сударь», — соглашается Коровьев. Фокус с отрыванием головы, фальшивые червонцы и колдовской магазин как рентгеном просвечивают души зрителей: «Квартирный вопрос только испортил их». Но сатана не может быть озабочен деградацией человеческого рода — по определению, как говорят математики. И свита дьявола не могла советовать Маргарите полюбить страшных гостей воландова бала. «Любите врагов ваших!» — это, как известно, «проходит по другому ведомству».

«Убийца и шпион!» — говорит Иван о Воланде. Значит, вновь свершилось древнее пророчество Исайи о приходе Христа: «к злодеям причтен». Иностранец не поселился в гостинице, — стало быть, он не гость, а хозяин. «Владыка царей земных» — сказано про Иисуса. «И родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому, что не было им места в гостинице». Не случайно перед балом Воланд «одет в одну ночную длинную рубашку, грязную и заплатанную на левом плече»: заплатанная рубашка — это

«разорванный голубой хитон» Иешуа, те самые «грязные тряпки, от которых отказались даже палачи»! Там же сказано, что «под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта — ссадина с запекшейся кровью». У Воланда, соответственно, левый глаз — «пустой», «мертвый», а «угол рта оттянут книзу». Иешуа страдал на столбе, «сжигаемый солнцем» — «кожу на лице Воланда как будто бы навеки сжег загар». Оба — одинокие, «путешественники», полиглоты, про обоих говорят, что они сумасшедшие. Иешуа арестован, Воланда пытаются арестовать. Евангелисты все напутали, — говорят они. И убеждают своих собеседников в том, что миром управляет тот, кто его создал. (Иешуа: «Перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил». Воланд: «Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится»). Оба незамедлительно доказывают этот тезис.

Обратите внимание на метеоусловия двух пришествий — московского и ершалаимского: сначала стоит адская жара, затем — ураган, гроза, потоки воды. «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город». То же самое повторяется в Москве: «Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город».

Сверхъестественная туча появляется вместе с Иешуа и Воландом. Туча — черная. Но Апостол Лука и не обещал, что она будет светлой: «И тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силой и славою великою». А на чем скачет Воланд в последней главе? «И самый конь — только глыба мрака, и грива этого коня — туча…». Чигающий да разумеет слова из «Завета Двенадцати Апостолов»: «Высочайший придет на землю в образе человеческом, будет есть и пить с людьми в мире».

Воланд появился на Патриарших в тот момент, когда литераторы беседовали об Иисусе.

«— Разрешите мне присесть? — вежливо попросил иностранец, и приятели как-то невольно раздвинулись; иностранец ловко уселся между ними и тотчас вступил в разговор».

(Иисус: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»).

2. «ЕГО НЕЛЬЗЯ НЕ УЗНАТЬ»

«Аннушка уже купила масло». Сколько остроумнейших домыслов породила эта знаменитая булгаковская фраза! Но есть очень простое объяснение: ветхозаветная пророчица Анна первой объявила о грядущем Мессии-Помазаннике, то есть о Христе (греч. «Христос» — евр. «мессия», «помазанник»). Цари, первосвященники и пророки помазывались священным маслом — елеем.

Чем пахло в комнате Воланда, когда Маргарита умащивала его ногу? Серой и смолой! С серой все понятно, а вот смола — как раз наоборот: мирро, благословенная смола богослужений, подарок волхвов маленькому Иисусу. Вспоминается и то место в Евангелии от Иоанна, где женщина умащивала мирром ноги Иисуса. «Одним мирром мазаны»? (Кстати: запах серы был древним и почти повсеместным способом защиты от злых духов. Как все языческое, он со временем сделался атрибутом дьявола). Но в «нехорошей квартире» присутствует еще один запах:

"Во тьме сильно пахло лимоном, что-то задело Маргариту по голове, она вздрогнула…

— Не пугайтесь, это листья растений".

Зачем понадобились «листья растений» с запахом лимона, и что заставило Булгакова убрать эти листья (но не запах!) из последней редакции? Известно лишь одно дерево, пахнущее лимоном — алоэ. Не тот, который выращивают на подоконниках, а настоящий алоэ — алоэксилон агаллахум. Геродот писал, что из его листьев египтяне приготовляли драгоценный фимиам для умащивания мертвых перед бальзамированием. В апокрифическом (не признаваемом церковью) Евангелии от Никодима говорится, что алоэ использовали при погребении Иисуса. Не упустите и эту деталь: «Плащ Воланда вздуло над головами всей кавалькады, этим плащом начало закрывать вечереющий небосвод». И далее: «Когда на мгновение черный покров отнесло в сторону…». Ясный намек на знаменитую плащаницу, ставшую погребальным покровом Богочеловека!

Евангельский Иисус обещал прийти еще раз — перед «концом времен», когда на Земле воцарится «мерзость запустения». А что мы видим в момент появления Воланда? Весь третий абзац первой главы рассказывает о том, как «пуста была аллея»! Соблюден и второй

важнейший канон — вернувшийся на землю Иисус должен восславить Христа. Именно об Иисусе шла речь на Патриарших прудах.

«Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плащи и, содрав их с плеч, разоблачала обманы. И когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели».

Дьяблерии — так назывались средневековые спектакли с ряжеными бесами. В последней главе булгаковского романа маски сброшены: «Воланд летел тоже в своем настоящем виде». В Писании обнаружено более 250 упоминаний о втором пришествии Иисуса. Он должен появиться неожиданно, в другом облике и под другим именем: «И назовут тебя новым именем». «Его нельзя не узнать», — сказал ночной гость Ивана. Воланд появился в Москве и не был узнан, как не узнали москвичи и маскарадное воинство Его — «членов преступной шайки». Но разве Иисус не предупреждал, что придет тайно: «Се, иду как тать»? «Тать» означает «вор», «разбойник»: беседуя с литераторами, неизвестный «воровски оглянулся». Воланд назвал Левия глупым рабом, Ивана — дураком, а Маргариту — королевой. Он помог бывшему историку выиграть сто тысяч и написать роман, — отняв старое имя и саму память о нем. «Я — мастер!» Свершилось еще одно пророчество: «И рабов своих назовет новым именем». Иешуа не узнал даже его ученик и посланец Левий Матвей, загадочным образом оказавшийся в Москве. (Еван. от Луки: «Ибо у Него все живы»). Воланд именует Левия рабом, — но почему? В пятнадцатой главе Евангелия от Иоанна Иисус говорит ученикам: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его». Левий назван рабом именно потому, что не узнал своего «господина».

Мессию опять не признали: лицо Иешуа названо «обезображенным» и «неузнаваемым». А в изборожденном страданием «лысеющем лбе» Воланда можно увидеть намек на Лысую Гору, чье второе название в романе тоже приводится — Лысый Череп. По-арамейски — Голгофа… «Мир вам!» — говорит Азазелло словами Христа. «Сегодня такая ночь, когда сводятся счеты», — объясняет Воланд. «Кот… откуда-то добыл печать, по всем правилам подышал на нее, оттиснул на бумаге слово „уплочено“…». Между тем, обещано, что во второй раз Мессия придет как «Искупитель».

(Мессир — Мессия?)

«Боги, боги мои!» — эти слова Булгаков повторяет несколько раз. Иешуа — Пилату: «Бог один!». И Воланд подтверждает:

«Один, один, я всегда один…».

«Имейте в виду, что Иисус существовал», — говорит «иностранец». Свидетельствует — о себе? Именно так: «Я лично присутствовал при всем этом». В самом раннем варианте главы (1928 г.) он почти не скрывается: «Смешно даже говорить о евангелиях, если я вам рассказал. Мне видней». А в булгаковских черновиках 1929 года мы обнаружили такие строки:

"— В самом деле, если бог вездесущ, то спрашивается, зачем Моисею понадобилось на гору лезть, чтобы с ним беседовать? Превосходнейшим образом он мог с ним и внизу поговорить!

В это время и показался в аллее гражданин. Откуда он взялся? В этом-то весь и вопрос".

Так кто же посетил булгаковскую Москву — «однажды весной, в час небывало жаркого заката», — а затем неузнанный вознесся с Воробьевых гор? Ответ скрыт в названии той главы, где Воланд приходит к Ивану под видом мастера — «Явление героя». Богоявление? В православии этим словом называют приход Иисуса на Иордан, к Иоанну Крестителю. А что делает булгаковский Иван после встречи с иностранцем? Он купается в Москве-реке — на том самом месте, где до революции была крещенская «иордань»! «Дух перехватило у него, до того была холодна вода…». Очень красноречива и «неточность», допущенная в имени знаменитой отравительницы: «госпожа Тофана». На самом деле ее звали Теофания — то есть, Богоявление.

3. «ТЕМ, КТО ХОРОШО ЗНАКОМ С ПЯТЫМ ИЗМЕРЕНИЕМ…»

«И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида». Так возникает Коровьев. А через пять лет после первой публикации «Мастера…» появилась любопытнейшая статья в журнале «Изобретатель и

рационализатор». Событие, о котором рассказывает И.Вишняков, произошло поздней осенью тридцать седьмого года, — когда Булгаков работал над последней редакцией своих «секретных мифов».

«Необыкновенное началось сразу же, как только заработал мотор. Этого ждали: слух, что надо ждать именно запуска мотора, уже прошел по базе, поэтому зрители запомнили все детали. Донеслось, как полагается, ослабленное расстоянием „От винта!“ и „Есть от винта!“, потом из патрубков по бокам капота вырвались синие струи первых выхлопов, и тут же, одновременно с нарастанием оборотов, самолет стал исчезать из виду. Начал истаивать, растворяться в воздухе. Что он разбегается, оторвался, набирает высоту, можно было определить уже только по перемещению звука к лесу и над лесом… Вскоре он сел. Слышно было, как он катился по бетонке, как остановился невдалеке от группы командования и развернулся. За бетонкой полегла трава под воздушной струёй от невидимого винта. Затем обороты упали, мотор стал затихать, и самолет снова „сгустился“ на полосе, как джинн из арабской сказки».

О том, что незадолго до войны в нашей стране испытывали невидимый самолет, читатели «ИРа» узнали в июне 1972 года. Номер ходил по рукам, статью горячо обсуждали в курилках КБ и отраслевых институтов. Одни толковали о дымовой завесе, другие отстаивали различные комбинации отраженного и преломленного света, третьи допускали, что невидимость создавалась неким силовым полем, заставлявшим лучи огибать препятствие. Но самую ошеломляющую гипотезу высказал один младший научный сотрудник из НИИДАРа: самолет «задвинули» в пятое измерение! Эмэнэс утверждал, что в мире, имеющем пять измерений, предмет может исчезнуть и возникнуть где-нибудь в другом месте. Или даже в другом времени!..

Никто из читателей не усомнился в реальности «невидимки», — очевидно, потому, что журнал «Изобретатель и рационализатор» считался серьезным изданием и фантастическими прожектами не грешил. К тому же Вишняков ссылается на книгу авиаконструктора В.Б.Шаврова «История конструкций самолетов в СССР до 1938 г.». На странице 559 Шавров пишет о проекте «Невидимый самолет» (другое название — ПС): «Самолет строился бригадой Военно-Воздушной академии под руководством С.Г. Козлова в 1935 году. Это была переделка яковлевского АИР-4. Особенностью самолета была обшивка его поверхностей прозрачным материалом „родоидом“ — органическим стеклом французского производства». И далее: «Результат этих мероприятий был значителен. Самолет в воздухе быстро исчезал с глаз наземных наблюдателей. Были проделаны опыты полетов „невидимого самолета“ рядом с У-2 на определенном расстоянии. С третьего самолета оба были засняты на кинопленку. На кинокадрах не получалось изображение самолета, а на больших расстояниях не видно было даже пятен. Впрочем, родоид довольно скоро потускнел, потрескался, и эффект невидимости снизился. По окончании испытаний самолет был разобран, и работы по нему прекращены».

Через четыре с половиной года статью И.Вишнякова перепечатал журнал «Техника-молодежи» — давнишний конкурент «ИРа». При тогдашней тотальной засекреченности этот дуплет выглядел очень странно. К тому же Вишняков утверждает, что услышал о «невидимом самолете» в 1951 году — от бывшего капитана ВВС Артура Владимировича Вагуля, с которым он познакомился в поезде. Спросите у тех, кто помнит начало пятидесятых: мог ли офицер запаса рассказывать о таких вещах случайному попутчику? Сомнения усилились, когда была получена справка Центрального архива Министерства обороны: в рядах советских ВВС никогда не числился человек по фамилии Вагуль. А в штатах обеих редакций и в списках внештатных авторов, получавших гонорары в 1972 и 1977 годах, отсутствовала фамилия «Вишняков».

Никакой «невидимки» не было, — решили мы. Первая мысль — о дезинформации: статья, напечатанная в двух журналах, и двадцать четыре строчки в шавровской книге могли быть адресованы аналитикам ЦРУ и РУМО. Но один крупный специалист в области информационной войны — отставной полковник, работавший в отделе "Т" ГУ-1 КГБ (научно-техническая разведка), не оставил от нашей версии камня на камне. «Органы не имели никакого отношения к публикациям, — сказал полковник. — Вероятно, это чья-то личная инициатива».

Кто же разыгрывал «самую читающую в мире страну»? И главное — с какой целью?.. Можно предположить, например, что статья послужила сетью, заброшенной в человеческое море. Улов — новые идеи. И не обязательно физические, — пути раскрепощенного сознания неисповедимы. Но самым правдоподобным выглядит другое объяснение: статья должна была привлечь внимание к работам какого-то человека. «Сказка — ложь, да в ней намек…».

Авиаконструктор Сергей Козлов существовал в действительности. Бывший балтийский моряк, участник гражданской войны, в 20-е годы закончил Академию Воздушного флота, преподавал, спроектировал несколько оригинальных машин. После войны жил в Прибалтике, умер в начале пятидесятых. Но Вишнякова он совершенно не интересует. По словам Вагуля, испытаниями «невидимки» руководил человек в штатском по фамилии Дунаев, и автор пускается в догадки о том, кто бы это мог быть. А в статье, перепечатанной в «Технике-молодежи», появилась любопытная сноска: Вишняков сообщает, что встречался с авиаконструктором Р.Л.Бартини. спрашивал его о «невидимке» и получил ответ: «Я консультировал разработчиков по отдельным вопросам».

Сравним два текста:

«И вида был совершенно холостяцкого, неухоженного: потертое на плечах кожаное пальто, карманы оттопырены, полны надорванными пачками „Беломора“, простецкая шапка… На шее, однако, шелковая белая косынка, заколотая булавкой с прозрачным камушком… Глаза усталые, прищуренные. Возможно, больные: он избегал яркого света, шторы и днем держал задернутыми. Сядет в кресло в тени абажура, курит не переставая, и на игру смотрит».

«…В солнечный летний полдень в его квартиру с зашторенными окнами еле пробивался шум с Кутузовского проспекта. В большой проходной комнате слабо и рассеянно светила люстра, укутанная марлей, горела настольная лампа с глубоким самодельным абажуром из плотной зеленой бумаги. Заметив мое недоумение при виде темноты, объяснил улыбаясь: у него, оказывается. не суживаются зрачки — осложнение после какой-то болезни…».

Первый отрывок взят из статьи о «невидимке»: несуществующий Вагуль рассказывает о Дунаеве. Второй отрывок — из документальной повести И.Чутко «Красные самолеты», напечатанной в 1978 году. Похожи не только персонажи, — у нас сложилось впечатление, что эти тексты писала одна и та же рука Так и оказалось: псевдоним «И.Вишняков» принадлежит журналисту Игорю Эммануиловичу Чутко, а его повесть рассказывает об авиаконструкторе Роберте Людвиговиче Бартини — итальянском политэмигранте, работавшем в нашей стране с 1923 года. Бартини родился в Австро-Венгрии, детство провел в небольшом приморском городе Фиуме и в Будапеште — городе на Дунае. Учился в Милане. В СССР он разработал более шестидесяти проектов летательных аппаратов, но построить удалось лишь несколько машин. «Непонятый гений советской авиации» — так отозвался о конструкторе академик О.Антонов. На досуге Бартини занимался теоретической физикой и космологией поиском единого и общего решения проблемы времени и пространства.

Чутко подтвердил: «Дунаев» — это Бартини.

«И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида». Так появляется булгаковский Коровьев. Он же приоткрывает технологию подобных чудес: «Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, до черт знает каких пределов!» А эти слова говорит инженер Рейн из булгаковской пьесы «Блаженство» (1934): «Да, впрочем, как я вам объясню, что время есть фикция, что не существует прошедшего и будущего… Как я вам объясню идею о пространстве, которое, например, может иметь пять измерений?»

Дунаев и Рейн. Это даже не совпадение — просто две «речные» фамилии. Но за первой скрывается Бартини, а вторая принадлежит персонажу, который занимается проблемами пятимерного пространства и перемещением во времени. Два года спустя М.Булгаков переработал сюжет «Блаженства» и написал новую пьесу — «Иван Васильевич». А летом 1945 года на имя академика С.Вавилова, только что ставшего президентом Академии наук СССР, поступило заказное письмо из мест заключения. В конверте оказался научный доклад «Оптические аналогии в релятивистской механике и нелинейная электродинамика», посвященный… пятимерной оптике! Соавторы этой работы — Ю.Румер и Р.Бартини.

4."КРАСНЫЙ БАРОН"

«Бартини Роберт Людвигович (1897-1974). Сов. авиаконструктор. Чл. Итал. компартии с 1921. В СССР с 1923, чл. КПСС с 1927. Разработал и создал св. 10 эксперим. и опытн. самолетов. Тр. по аэродинамике, теор. физике».

Какая невероятная судьба уместилась в пяти строчках «Советского энциклопедического словаря»! Роберто Орос ди Бартини был внебрачным сыном барона Лодовико ди Бартини, вице-губернатора австро-венгерского города Фиуме (сегодня — г. Риека, Хорватия). Его мать происходила из очень знатного рода, рано осталась без родителей и воспитывалась у родственников в Каниже-на-Тисе. По другой версии — в Мишкольце… Ее возлюбленного вынудили жениться на другой, а молодая воспитанница утопилась, оставив завернутого в плед ребенка на крыльце дома своих опекунов. Крестьянин, которому отдали подкидыша, перебрался в Фиуме и совершенно случайно устроился садовником в дом… отца ребенка! Как и следовало ожидать, очаровательный малыш попался на глаза бездетной баронессе, был обласкан, усыновлен и получил блестящее образование. Этому способствовала феноменальная одаренность Роберто, а также абсолютная свобода в качестве главного принципа воспитания. К его услугам была прекрасная библиотека, фехтовальный зал, двухмачтовая яхта «Регина» и даже домашняя обсерватория. Когда он заинтересовался биологией, из Германии выписали микроскоп — лучшую цейссовскую модель. Был такой случай: занимаясь химическими опытами, гимназист Роберто спалил флигель, расположенный во дворе дядюшкиного дома. Дядя пришел в полный восторг, а его знакомые были обречены выслушивать эту историю много раз — вместе с обширными рассуждениями о цене, которую платит человечество за научный прогресс.

…Ах, как замечательно начинался XX век! Над ипподромами тарахтели первые аэропланы, и дамы с гордостью показывали пятнышки касторового масла, упавшего с небес на их шелка и муслины. В университетских аудиториях, на благотворительных балах и в кафешантанах толковали о вечном мире и свободе. Грезилось: наука облагодетельствует человечество и даст каждому кусок хлеба с маслом. Но щепотка урановой соли уже засветила упакованные в черную бумагу фотографические пластины Антуана Беккереля — будущего нобелевского лауреата. «Аннушка уже купила подсолнечное масло…». В сентябре 1912 года Роберто впервые поднялся в небо — на самолете русскою летчика Харитона Славороссова, гастролировавшего по Южной Европе. Он мечтал построить свой аэроплан. Но 28 июня 1914 года член оккультной группы «Черная рука» Гаврила Принцип застрелил наследника австро-венгерского престола и его супругу. Вена при поддержке Берлина предъявила ультиматум Сербии, за сербов вступились Россия и Франция, Германия объявила войну им обеим, Англия и Япония объявили войну Германии… Миллионы жизней были перемолоты в верденской мясорубке, на гиблых полях у Ипра, в Галиции и в мозырских болотах…

После окончания будапештской гимназии Роберто был призван в армию. Далее — кадетское училище, фронт, русский плен и возвращение в Европу по замысловатому маршруту — через Дальний Восток, Китай, Цейлон и Сирию. Но к отцу он почему-то не вернулся. Жил в Италии, работал на заводе, вступил в компартию, участвовал в операции против группы Савинкова и даже вынужден был перейти на нелегальное положение. Революционная деятельность сочеталась с учебой: «красный барон» закончил воздухоплавательный факультет Миланского политехнического института, а в Риме получил пилотское свидетельство.

Год 1923-й: провал и эмиграция в Советскую Россию. Последующие шесть лет Бартини служил инженером-механиком — на Научно-опытном аэродроме в Москве и в 1-й миноносной эскадрилье Морских сил Черного и Азовского морей. В 1929 году он участвовал в подготовке к перелету в США туполевского АНТ-4. На следующий год Бартини вышел в отставку, возглавил конструкторскую группу в НИИ ГВФ и построил самолет с удивительно чистыми обводами — «Сталь-6». «Я словно увидел прекрасную обнаженную девушку», — рассказывал полвека спустя бывший летчик-испытатель, которому позволили взглянуть на этот сверхсекретный

самолет. Благодаря прекрасной аэродинамики машина показала скорость 420 км/ час — на сто пятьдесят километров больше, чем у лучших истребителей тех лет. Через два года Бартини сконструировал истребитель «Сталь-8»: 630 км/час! Серийные машины достигли такой скорости через пять-шесть лет. Затем строится стальная амфибия ДАР — «дальний арктический разведчик» — и двухмоторный пассажирский самолет «Сталь-7». Бартиниевская «семерка» имела исключительные по тем временам летные данные: скорость 450 километров в час и дальность 5000 километров. Осенью 1936 года эту машину показали на Парижской авиационной выставке.

«Сталь-7» готовили к кругосветному перелету, но этому помешал арест «итальянского шпиона» Бартини. В 1939 году «семерку» спешно переделали в дальний бомбардировщик ДБ-240. Первоначально он предназначался для ударов по Англии и Франции, а также по их базам на Ближнем Востоке. Находясь в заключении, Бартини консультировал этот проект: поздно вечером тюремная «маруся» доставляла его в КБ, а утром увозила обратно. Бомбардировщик пошел в серию под маркой Ер-2 — по имени парторга В.Ермолаева, возглавившего коллектив после ареста главного конструктора. В Воронеже и Иркутске было построено четыреста самолетов. В ночь на 10 августа 1941 года три Ер-2 421-го авиаполка бомбили Берлин, а 12 ноября полк нанес удар по железнодорожному вокзалу в Варшаве, куда должен был прибыть поезд Гитлера.

В московском, омском, казанском и таганрогском тюремных КБ (в просторечии — шараги) Бартини работал над проектами сверхзвуковых перехватчиков и широкофюзеляжных транспортных самолетов. Освободился после войны. По заказа оборонного общества он сконструировал рекордную машину для беспосадочного перелета вокруг Земли — двухмоторную, трехфюзеляжную, с крылом большого удлинения и двумя стабилизаторами. Но с постройкой дело затянулось, а затем проект закрыли. Любопытно, что сорок лет спустя американцы выбрали именно эту схему для кругосветного «Вояджера».

В 1952 году Бартини уехал в Новосибирск. Там он разработал эскизный проект межконтинентального бомбардировщика-амфибии А-55, фронтового А-57 и пассажирского самолета "Е". Скорость — 2200-2500 км/час. Эти машины так и не стали строить, но через десять лет аэродинамические расчеты и чертежи крыла пассажирского «сверхзвуковика» были использованы при создании знаменитого Ту-144. Туполев позаимствовал у Бартини и конструкцию носовой части: на взлете и перед посадкой «клюв» опускался, и пилоты получали отличный обзор вперед-вниз.

В апреле 1956 года барон вернулся в Москву. Он предложил флоту новый проект — амфибию вертикального взлета. Летавший прототип этого уникального самолета и поныне стоит без крыльев на поле Монинского авиамузея: смерть конструктора подрезала машине крылья — в самом прямом смысле. Остались невостребованными и другие бартиниевские разработки — монорельсовый поезд на магнитной подушке, десантный экранолет колоссальной грузоподъемности, летающий авианосец (проект «2500»), орбитальный космоплан, грузопассажирский самолет для местных линий… Тем не менее в 1967 году барона наградили орденом Ленина и только что учрежденным орденом Октябрьской революции — за номером 1.

Авиаконструктор С.Ильюшин сказал о Бартини: «Его идеи будут служить авиации десятки лет, если не больше». Даже при жизни «непонятого гения» многие пользовались бартиниевскими идеями, расчетами и целыми комплектами чертежей, по простоте душевной не ставя в известность автора. Это продолжалось и после смерти конструктора: были защищены кандидатские и докторские диссертации, получены десятки авторских свидетельств. Не пропадать же добру! Тем более, что по закону покойник не может быть соавтором, — это объяснили тем соискателям, которые ставили его имя перед своим.

Роберт Людвигович умер в декабре 1974 года. Через неделю после похорон в 10-м управлении Минавиапрома была образована комиссия по разбору и изучению материалов покойного конструктора. Все, что касалось авиации, комиссия передала в ОКБ им. Бериева — «в целях использования». Оттуда бумаги поступили в Научно-мемориальный музей Н.Е.Жуковского. Куда меньшее внимание было уделено другим работам Бартини. Это видно даже по актам: но одному документу в квартире найдено 322 листа по теоретической физике, по другому — 1014!

Так получилось, что некоторые рукописи Бартини и отдельные автографы оказались v его коллег — людей честных и достойных. Один из таких документов много лет хранился у старшего научного сотрудника ЦАГИ В.Казневского. Всего несколько слов на листке, вырванном из большого блокнота: «Знакомство с Булгаковым. Роман о дьяволе». Но весной 92-го Виктор Павлович умер, а еще через полгода в его доме, расположенном неподалеку от метро «Кропоткинская», во 2-м Обыдненском переулке, случился сильный пожар. Бумаг почти не осталось: то. что пощадил огонь, уничтожили струи брандспойтов.

5. ИНОСТРАННЫЙ КОНСУЛЬТАНТ

«Роман о дьяволе» Михаил Булгаков начал писать в 1928 году. Он объяснял друзьям, почему избегает даже малейшего сходства Воланда с какой-нибудь реальной личностью: «Не хочу давать повода любителям разыскивать прототипы. У Воланда никаких прототипов нет».

На нет и суда нет. Случайно совпало: булгаковские герои — иностранный консультант Воланд и инженер Рейн — «хорошо знакомы с пятым измерением». А в первой редакции романа инженером назвался сам таинственный иностранец.

Весной 1930 года комбриг Роберто Бартини уходит в отставку и поступает на работу в Центральное конструкторское бюро — на должность… консультанта! Именно в те дни Булгаков сжег первый вариант романа — о приезде в Москву инженера Фаланда. Этим именем назвался Мефистофель в одном из эпизодов «Фауста». Но в последних редакциях загадочный иностранец стал Воландом — по имени древнескандинавского кузнеца-"авиаконструктора" (варианты: Волант, Велент и Вилант). Энциклопедия «Мифы народов мира» сообщает: «В некоторых вариантах сказания о В. он улетает на летательном аппарате, изготовленном из перьев птиц».

Воланд — «пожалуй, немец»: чувствуете сомнение? А в одной из ранних редакций романа его зовут… Азазелло Воланд! Позднее это «итальянское» имя отошло телохранителю. («Мессир, мне больше нравится Рим!»). Исчезло также итальянское окно в гостиной «нехорошей квартиры». Можно предположить, что Булгаков убрал самые прозрачные намеки на «итальянского шпиона» Бартини: иностранный инженер становится историком, а особые приметы запутываются («маленького роста» — «росту громадного»). Но остался возраст — «лет сорока с лишним», — брови «одна выше другой» и серый берет: точно такой же Бартини носил до ареста и после освобождения. «Совпал» даже перемежающийся акцент: иногда «итальянское» грассирование Бартини пропадало, и барон изъяснялся на чистейшем русском наречии.

В предпоследней редакции романа Маргарита летает над морем на летающей лодке. На Воробьевых горах Воланда и его свиту атакует истребитель. А в рукописи 1932 года есть место, где директор Варьете Римский (!) напряженно размышляет: как мог Степа Лиходеев оказаться во Владикавказе (в последней редакции — Ялта) всего за два часа? «Римский представил себе Степу в ночной сорочке, торопливо влезающего в самый-самый, делающий, скажем, триста километров в час аэроплан, и тут же сокрушил эту мысль как явно гнилую. На таком далеко не улетишь. Он представил другой самолет, военный, сверхбоевой, шестьсот километров в час». Триста и шестьсот… Известно, что Булгаков был далек от всяческой техники, — это, кстати, подтверждает и профаническое словечко «сверхбоевой». Тем неожиданнее его осведомленность: около трехсот километров в час давал И-5 — лучший из тогдашних истребителей. Но в том же 1932 году Бартини начал проектировать боевой самолет на 600 км/час. Его истребитель должен был взлетать и садиться на одно колесо. Эту характерную деталь Булгаков обыграл в эпизоде с летающей машиной: «Грач почтительно козырнул, сел на колесо верхом и улетел».

В 1938 году конструктор был обвинен в подготовке поджога завода №240, на котором строился его самолет. Это также отразилось в романе: ночью в подвале мастера появилась Маргарита и объяснила, что ее мужа срочно вызвали — пожар на заводе! А в предыдущем варианте, написанном до ареста Бартини, мужа просто «вызвали телеграммой». В последней редакции романа, законченной через два года после ареста конструктора, летающей лодки уже нет, а военный самолет, придуманный Римским, назван просто «сверхбыстроходным». Но

эпизод с истребителем Булгаков решил оставить: "Тут вдалеке за городом возникла темная точка и стала приближаться с невыносимой быстротой. Два-три мгновения, точка эта сверкнула, начала разрастаться. Явственно послышалось, что всхлипывает и ворчит воздух.

— Эге-ге, — сказал Коровьев, — это, по-видимому, нам хотят намекнуть, что мы излишне задержались здесь. А не разрешите ли мне, мессир, свистнуть еще раз?

— Нет, — ответил Воланд, — не разрешаю. — Он поднял голову, всмотрелся в разрастающуюся с волшебной быстротой точку и добавил: — У него мужественное лицо, он правильно делает свое дело…".

Эти строчки загадочным образом исчезли при подготовке первой публикации: в гранках они были, но в журнале их уже не оказалось.

Бартини также подтверждает свое знакомство с Булгаковым — и делает это весьма своеобразно. Все его проекты имеют однобуквенную маркировку (А-57, С-6, Т-200, М-62 и т. д. Даже ВВА-14 в проектной документации обозначалась как 14М). Но в сравнении с другими советскими авиаконструкторами Роберт Людвигович использовал рекордное количество букв: М, А, С, Т, Е, Р.

6. «СОБЕРИТЕ СВЕДЕНИЯ О ВСЕЙ МОЕЙ ЖИЗНИ»

Тридцать лет назад родилась интересная идея: если найти закономерность в появлении важнейших изобретений и открытий, можно смоделировать оптимальный вариант развития цивилизации. Эта мысль прозвучала на XIII Международном конгрессе историков науки. «Красный барон» предложил другой путь: искать человека. Вот что писал И.Чутко в газете «Московская правда» (1989, №103): «Бартини предположил, что гораздо проще будет построить для начала не модель развития науки и техники, а модель человека, способного развивать науку и технику. Они, талантливые люди, изменяются гораздо медленнее, чем машины, приборы и сооружения, если вообще меняются. Техника XX века неизмеримо сложнее, не сравнима с техникой XIX века, но Эдисон, Королев, Тесла, — да и Кулибин, да и Ломоносов, — явления одного порядка. И если какой-нибудь еще неведомый старатель-одиночка, впервые постучавшийся в двери ВНИИ государственной патентной экспертизы, „проходит“ по такой обобщенной модели, скажем, по набору соответствующих тестов, — передавать его заявку наиболее квалифицированным экспертам на рассмотрение вне очереди».

Мысль Бартини ясна: в массе людей есть индивиды, представляющие особый интерес — «непонятые гении». Выявлять их следует с помощью специальных тестов. И вот что любопытно: всего через год после московского конгресса историков науки И.Чутко напечатал статью о «невидимом самолете» и о его конструкторе Дунаеве. «Дунаев — это Бартини», — признался Игорь Эммануилович. Может быть, барон вел собственный поиск, и настоящей целью статьи было массовое тестирование читателей?

«Соберите сведения о всей моей жизни. Извлеките из этого урок». Эти слова Бартини написал в своем завещании. К кому он обращается? Какой урок может преподать его биография?

На первый взгляд судьба конструктора служит примером удивительного невезения. В стране строили все, что могло мало-мальски летать. С миллионов плакатов суровая летчица вопрошала прохожих: «Что ты сделал для Воздушного флота?» И при такой нужде в аэропланах Бартини довел до серии лишь одну из своих замечательных машин! Остается предположить, что полсотни проектов были «заготовкой рогов и копыт» — прикрытием настоящей работы.

Один из немногих людей, знавших Бартини еще до войны, вспоминал: "Постройка «Сталь-7» продвигалась медленно. После ареста главного конструктора нас без конца таскали к следователю: срыв всех сроков — единственная правда из всего, что «вешали» на Роберта. Что скрывать: в тридцать седьмом году были дни, недели и месяцы даже, когда он необъяснимо охладевал к «семерке». «Выпрягался»… Одно время пропадал у ракетчиков, потом что-то считал и не подходил к телефону. Куда-то уезжал — всегда неожиданно и надолго. Однажды ночью мне пришлось разыскивать Бартини: его срочно вызывали в главк. Нашел… в

обсерватории! В другой раз мы шли пешком через центр, и Роберт еле успевал раскланиваться со знакомыми: «писатель…», «академик такой-то…», «художник…».

(Странно: этот человек ничего существенного не рассказал, но несколько раз просил не называть свою фамилию!)

В 50-60-е годы «красного барона» видели в приемной Хрущева и за кулисами МХАТа, на «оттепельных» выставках, в лабораториях и на полигонах. Его идеи шокировали физиков-теоретиков. Ходили слухи о том, что Бартини каким-то образом причастен к космическим делам, к строительству научного центра в Дубне и новосибирского Академгородка. А его участие в создании Баксанской нейтринной обсерватории подтверждают некоторые документы, хранящиеся в архиве Главштаба ВМФ.

«Он был безмерно богат идеями и щедро их раздавал», — писал О.Антонов в предисловии к документальной повести «Красные самолеты». Бартини знал семь языков, еще на двух свободно читал, прекрасно рисовал, играл на фортепьяно писал стихи и держал в памяти чудовищное множество вещей, — порой весьма экзотических. Кажется, не существовало в мире такого вопроса, по которому у него не было бы веского мнения. И что-то неуловимо сдвигалось в жизни — там, где проходил этот красиво стареющий патриций. Барона всегда окружала аура тайны, — она волновала его романтичных коллег, внештатных сотрудников компетентных органов и даже писателей мемуаров — народ крепкий и бывалый. Попав в гравитационное поле Бартини, мемуаристы вдруг обнаруживали, что пишут не про себя, а про свои встречи с Робертом Людвиговичем. Но маска ученого-чудака, бескорыстного сеятеля идей не всем отводила глаза. Некоторые задумывались. Это заставляло барона импровизировать. После выхода книги «Красных самолетов» ее автору довелось испытать немало неприятных минут: люди, хорошо знавшие конструктора, утверждали, что все было совсем не так, Чутко недопонял, исказил… Но как было на самом деле, — об этом все рассказывали по-разному. В шараге, например, барон говорил о побеге из итальянской тюрьмы. («Муссолини дал мне двадцать лет, а Сталин только десять!») Но в лубянском «Деле» это приключение отсутствует. Такого эпизода нет в книге Чутко и в автобиографиях, писавшихся для первых отделов. Несколько разнятся версии о том, как Бартини добирался до СССР: в трюме германского парохода или на палубе, с документами своего русского друга Бориса Иофана. Слышали и про подводную лодку, всплывшую ночью у румынского берега. Неизвестно также, где жил Бартини по приезде в Москву: одним он рассказывал про общежитие Коминтерна на Тверской (бывшая гостиница «Париж»), другим — про «реввоенсоветовское» общежитие в Мерзляковском переулке. А мог ли Бартини, занимавший на флоте инженерные должности, быть комбригом? В «Красных самолетах» это звание упоминается раз десять. Но Бартини ушел в запас в тридцатом году, а воинские звания ввели в тридцать пятом. До того звание определяла должность: комбриг — командир бригады. Зачем нужна была эта путаница?

Над биографией Бартини долгое время работал бывший военпред В.Ключенков. Он слышал рассказы барона о своем детстве, отрочестве и юности, но позднее не смог найти в архивах никаких документальных подтверждений. Еще один биограф-доброволец — В.Казневский — сообщил нам, что Бартини родился не в 1897-м, а на год раньше. Ему рассказал об этом сам Роберт Людвигович. Можно понять причины, заставляющие человека сменить фамилию и национальность, но зачем скрывать возраст? Наша догадка может показаться странной: тем, кого он опасался, были известны лишь время и место его появления на свет. Это косвенно подтверждает И.Чутко:

"В ЦКБ Бартини пытались заставить работать над машиной «103» Туполева — будущий пикирующий бомбардировщик ТУ-2. Туполев сказал:

— Роберт, давай сделаем им «сто третью» — и нас освободят.

— Нет, у меня есть своя, пусть дают под нее КБ!

И не работал, пока ему не дали КБ. Но в итоге туполевцев освободили, а Бартини отсидел все десять лет".

Берия обещал твердо: сделаете пикировщик — отпустим. Тем не менее Бартини отказывается присоединиться к туполевцам, требует особых условий, ведет себя дерзко и вызывающе. О странном поведении барона вспоминает в своих мемуарах авиаконструктор Л.Кербер. Он пишет, что в болшевской шараге Бартини громко возмущался произволом

чекистов. Однажды он при всех подошел к Берии и заявил, что ни в чем не виноват и сидит зря. Неудивительно, что из всех главных и ведущих конструкторов Бартини был освобожден в последнюю очередь — за год до окончания срока.

Между «сигналом», поступившим в органы на Бартини и его арестом прошло всего около двух недель. Но из протоколов первых допросов видно, что следователь знал абсолютно все: кто, где и когда завербовал Бартини для работы в СССР. Арестованному оставалось только подтвердить, — что он вскоре и сделал, заодно признавшись в подготовке поджога авиазавода №240. И еще: до ареста и после освобождения Бартини примерно одинаково рассказывал об отплытии из Владивостока в 1920 году. Вместе с другими военнопленными из Австро-Венгрии он сел на пароход, который должен был доставить их в Европу. В Шанхае барону и его венгерскому другу Ласло Кеменю пришлось сойти на берег: их хотели выбросить за борт как сочувствующих большевизму. Так написано и в «Красных самолетах». А на Лубянке Бартини излагал эту историю несколько иначе: расправа грозила ему со стороны венгров-большевиков!

В середине 50-х годов Бартини реабилитировали. Но при этом было точно установлено, что советские разведорганы никогда не привлекали его к своим акциям. В архивах ГРУ и ПГУ КГБ нет сведений о генуэзской операции 1922 года, в ходе которой «красный барон» познакомился с князем Феликсом Юсуповым и через него внедрился в группу Бориса Савинкова. Савинкова в Италии вообще не было, а монархист Юсупов, женатый на племяннице Николая II, вряд ли мог сотрудничать с бывшим эсеровским террористом.

В бывшем архиве ЦК КПСС хранится коминтерновское «Личное дело» Бартини. По словам референта отдела, оно выглядит очень подозрительно: тоненькая папочка в пять-шесть страниц. Нет, в частности, ни одной анкеты (остальные политэмигранты заполняли их каждый год), зато сделана запись о том, что прием в итальянскую компартию «документально не подтвержден».

Мы проверили: ни в одном из итальянских, венгерских, австро-венгерских, австрийских и немецких генеалогических изданий не упоминается род ди Бартини. Нет этого имени и в многочисленных справочниках «Кто есть кто», изданных в начале XX века. Кое-что объяснил протокол первого допроса в Бутырской тюрьме: там записано, что документы на имя Бартини и соответствующую «легенду» барон получил перед отправкой в Советский Союз. Ранее Роберто носил фамилию отчима — венгра Людвига Орожди. Своего родного отца — австрийского барона Формаха — он никогда не видел. Со слов Бартини следователь записал и девичью фамилию матери — Ферсель (по другим документам — Ферцель). Но и эти фамилии в справочниках не встречаются.

Большую помощь в наших розысках оказало посольство Республики Хорватии в Москве и работники городского архива Риеки. Директор архива д-р Горан Горнкович сообщил, что в сентябре 1912 года русский пилот Харитон Славороссов действительно летал в Фиуме. Но вице-губернатором до 1902 года был д-р Франческо Вио. Затем он был назначен губернатором, а вице-губернатором стал д-р Андреа Беллен. Сведений о людях по фамилии Бартини, Формах и Ферсель в архиве не обнаружили. Зато нашелся другой след: неподалеку от Фиуме было поместье барона Филиппа Орожди (Orozdi) — итальянца по происхождению, крупного землевладельца и депутата верхней палаты венгерского парламента. Барон фигурирует и в списке почетных членов венгерского аэроклуба. Его брат жил в Будапеште.

Роберто Орос ди Бартини: Orozdi?

Кто же был отцом или отчимом Роберто — барон, увлеченный авиацией, или его брат Лайош (по-итальянски — Лодовико, по-немецки — Людвиг)? Ответ подсказывает отчество Бартини — Людвигович. Но нельзя исключать того, что история с внебрачным рождением выдумана от начала до конца, и мальчика привезли из другой страны. Такое бывало: ребенка из знатной семьи увозили подальше или отдавали на воспитание, когда ему угрожала опасность или его рождение путало какие-то династические расчеты. Значит, Бартини не эмигрировал в Советскую Россию, — он вернулся из эмиграции!

(Иван Бездомный — о Воланде: «Это русский эмигрант, перебравшийся к нам!»)

7."ТИПИЧНЫЙ ПРОГРЕССОР"

Статья про испытание «невидимого самолета» и книга о «красном бароне» — как две половинки разорванной купюры. Пароль. Возможно, он откроет «второе дно» булгаковского романа и объяснит, почему прототипом Воланда стал Роберто Бартини — инженер, художник, физик, пилот, подпольщик, аристократ… Парадокс Агриппы: «Я — Бог, я — герой, я — философ, я — демон, я — весь мир, на деле же это просто утомительный способ сказать, что меня нет».

«Человек-невидимка».

Истина проявляется в мелочах. В книге И.Чутко можно прочитать о том, что главный конструктор носил очень старое пальто и шапку, которой впору было чистить обувь. Работал в полутьме. Писал странные картины. «Одну комнату в квартире он попросил маляров выкрасить в ярко-красный цвет, другую сам разрисовал таким образом: на голубом потолке — солнце, чуть ниже, на стенах, — поверхность моря, волны в белых барашках, кое-где островки. Чем „глубже“, ниже по стенам, тем зелень воды становилась гуще, темнее, и в самом низу — дно». В красной комнате барон работал, а «на дне» отдыхал — пил бурду из крепчайшего чая и кофе со сгущенкой — один к двум — и кушал вафельный торт «Сюрприз».

(Был такой случай: в тридцатые годы один наш разведчик зашел в берлинскую парикмахерскую и с непривычки дернулся, когда его стали брить с холодной водой. Сообразительный парикмахер позвонил в гестапо).

Рассказывая о картинах Бартини, Чутко особо подчеркивает фантастичность сюжетов: «…про то, чего никто не видел, но нельзя сказать уверенно, что такого быть не может». Явно неземные пейзажи, солнце — маленькое, нездешнее, похожее на яркую звезду, необыкновенные сооружения и летательные аппараты… А эта картина описана в первой статье о «невидимке», напечатанной еще при жизни конструктора: «На другом рисунке было море, волны и остров. На острове невероятно высокая башня, каких не бывает и быть не может, уходящая сквозь подсвеченные снизу облака. И на кончике башни, за облаками, чуть ли не среди звезд — белый огонь».

Картин у Бартини было много, — почему же Чутко (или сам Бартини) выбрал именно эту — с явно аллегорическим маяком? Последователь Рерихов непременно вспомнит о Башне Шамбалы. Белый свет на вершине исходит из таинственного кристалла, называемого Чантамани. Тибетские ламы утверждают, чтс мелкими осколками этого камня владеют десятки посвященных, выполняющих свою тайную миссию в разных странах. Похожая легенда была известна в духовно-рыцарских орденах раннего Средневековья. Говорили о чудесном камне, разбившемся на два или три осколка; меньший из них был вделан в знаменитое кольцо Соломона, а из большого выточили чашу Святого Грааля — ту самую, из которой Апостолы причащались на Тайной Вечере. После казни в нее собрали кровь Учителя. Красиво и неправдоподобно… Но все, кто рассказывал нам о Бартини, отмечали, что на его галстуке была булавка с каким-то блестящим камушком. Эту же булавку он прикалывал на шарф, — если надевалось пальто.

И.Чутко: «…Некоторые странности в его поведении, в том, как он воспринимает окружающее, можно было заметить еще задолго до гимназии. Например, он ничего не боялся: в пять лет, был случай, темным осенним вечером ушел один в заброшенный парк князей Скарпа, чтобы увидеть фею, жившую, по преданию, в боковой башне пустующего замка. К этой башне, сложенной из небольших ноздреватых валунов, чуть подует ветер — гудевшей внутри на разные голоса, добрые люди и днем-то решались приближаться только компаниями. В парке Роберто заблудился, заснул под папоротником».

В последнем издании «Красных самолетов» есть эпизод с неким гипнотизером и телепатом. Он предложил проверить наличие таких способностей у зрителей. Здесь появились слова, которых не было в первых изданиях: «…оказывается, по части телепатии пятнадцатилетний Роберто может поспорить с самим маэстро».

«Типичный прогрессор!» — полушутя-полусерьезно уверял нас один таганрогский знакомый Бартини, большой почитатель Стругацких. В доказательство он привел немало случаев, когда барон отвечал на вопрос раньше, чем его успевали задать. Знали за ним и другую странность: Бартини почему-то не чувствовал жажду и голод, и коробка с вафельным тортом стояла на рабочем столе, — как напоминание. Однажды конструктор упал в обморок прямо у

чертежной доски — забыл вовремя попить! То же самое произошло в минавиапромовской столовой , когда Роберта Людвиговича заставили пригубить водку. Об этом вспомнили два человека, — они утверждали, что Бартини был абсолютным трезвенником.

— Чепуха! — убежденно сказал С., старый приятель Бартини. — Ел и пил он как все. Женщин любил. А вот то, что без чувств его находили — факт. Талантливейший визионер был, по-нынешнему — контактер: без страховки «улетал» на несколько часов! Смотреть страшно было: бледный, под глазами темные круги, — как после глубокого запоя. В шараге его таким и запомнили — сидит часами, глаза закрыты, в лице ни кровинки. А потом выдавал сумасшедшие проекты… Был такой случай: в конце сорокового года, когда Ту-2 еще не летал, Бартини предсказал, что максимальная скорость будет почти на сто километров меньше ожидаемой. Сперва прогноз не подтвердился: опытный экземпляр достиг расчетной скорости. Туполев, конечно, посмеивался… И что вы думаете?! Серийные машины — с усиленным, по требованию ВВС, вооружением и с другими моторами — развивали скорость, предсказанную Робертом Людвиговичем! Ну откуда он мог знать, что «движок» АМ-37 снимут с производства? Таких случаев было немало — достаточно, чтобы понять: это не расчет, не интуиция. Как, извините, рассчитать — в каком гастрономе хороший коньяк дают? А ведь ни разу не ошибся! Удивительный был человек, — какой-то… неземной, что ли? Не помню, чтобы он на кого-нибудь голос повысил. Совершенно одинаково держался, разговаривая с министром и с чертежником. В кабинете Бартини царил полнейший беспорядок: бумаги лежали везде — на столе, на полу, на подоконнике — в несколько слоев… Но в этом хаосе была какая-то система: он никогда ничего не искал, брал нужный чертеж из кучи не глядя.

8. «В МОЕМ СОЗНАНИИ СОВЕРШАЕТСЯ ТАИНСТВО…»

«Не понятое вами остерегайтесь называть несуществующим», — говорил Бартини. В одной из работ он пишет: «Есть Мир, необозримо разнообразный во времени и пространстве, и есть Я, исчезающе малая частица этого Мира. Появившись на мгновение на вечной арене бытия, она старается понять, что есть Мир и что есть сознание, включающее в себя всю Вселенную и само навсегда в нее включенное. Начало вещей уходит в беспредельную даль исчезнувших времен, их будущее — вечное чередование в загадочном калейдоскопе судьбы. Их прошлое уже исчезло, оно ушло. Куда? Никто этого не знает. Их будущее еще не наступило, его сейчас также нет. А настоящее? Это вечно исчезающий рубеж между бесконечным уже не существующим прошлым и бесконечным еще не существующим будущим. Мертвая материя ожила и мыслит. В моем сознании совершается таинство: материя изумленно рассматривает самое себя в моем лице. В этом акте самопознания невозможно проследить границу между объектом и субъектом ни во времени, ни в пространстве. Мне думается, что поэтому невозможно дать раздельное понимание сущности вещей и сущности их познания».

Если нет будущего и прошлого, что же остается? Нечто, не имеющее длительности и соединяющее одно небытие с другим. Стало быть, мир вообще не существует? Единственный способ избежать этого абсурда — признать другой: все времена существуют одновременно. «Прошлое, настоящее и будущее — одно и то же, — говорил Бартини. — В этом смысле время похоже на дорогу: она не исчезает после того, как мы прошли по ней и не возникает сию секунду, открываясь за поворотом». Так считал и Мишель Нострадамус: возможность предсказаний он объяснял «самим фактом абсолютной вечности, включающей в себя все времена».

(«Он заранее знал, что Берлиоз попадет под трамвай!» — сказал Иван Бездомный, оказавшись в сумасшедшем доме. И это ему тоже было предсказано).

В пятидесятые годы Бартини начал писать автобиографическую киноповесть «Цепь». В прологе — далекое будущее, но само действие начинается в позднем неолите, с таинственного рождения великана Ра-Мега, зачатого в момент взрыва Сверхновой. И.Чутко пересказывает этот сюжет в «Красных самолетах»: «Счастливыми для него оказались самые первоначальные обстоятельства: его родители в брачную ночь подверглись действию космического излучения, вызвавшего когда-то переход неживой материи в живую. Почему бы не не предположить, что те же силы внешней природы могут перевести живую материю на некую более высокую

ступень? Если, конечно, не считать, что человек и без того уже сейчас — венец творения…».

Космическая сила, однажды сотворившая живое из неживого, перевела отдельно взятого счастливца на сутпеньку выше и сохранила новые свойства у его потомков. Что может быть прекраснее? Почему же в самых светлых эпизодах «Цепи» царит пронзительная печаль? Повествование обрывается в начале XX века. Но автобиографического героя — последнее звено цепи его воплощений — зовут не Роберто, а Ромео. Ро, — как называли мальчика домашние… «Его привела сюда рука, которая правит судьбами смертных», — пишет Бартини.

Мы предположили, что «красный барон» родился в России. Здесь никогда не было князей Скарна, — но в генеалогических книгах Европы их тоже не оказалось. Кому же принадлежал заброшенный парк, в котором заблудился маленький Роберто? Чтобы убедиться в том, что И.Чутко не ошибся, записывая за Бартини, достаточно прочитать фамилию «Скарпа» наоборот: Апракс. Не намекает ли барон на верхневолжское имение графов Апраксиных, оказавшееся на дне Иваньковского водохранилища? Возможно, земли Апраксиных соседствовали с поместьем его настоящих родителей. «Российский след» мы обнаружили и в «Цепи»: в последней главе Ромео отправляют учиться в Пажеский корпус. Единственное заведение с таким названием находилось в Санкт-Петербурге, на Садовой улице, в бывшем дворце графа Воронцова.

9."МЫ ВСЕ ОБЯЗАНЫ ЕМУ ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ МНОГИМ"

Проследив до истока любое великое событие, мы непременно обнаружим какой-нибудь пустяк — случайную обмолвку, пометку на полях книги, забытую лабораторную чашку… Время — тот самый рычаг, которым можно перевернуть мир. Даже легкое дуновение ветерка способно породить лавину следствий и повлиять на историю. А если это делать целенаправленно? «Мы имеем множество фактов, собранных достойными доверия людьми, — писал К.Циолковский. — Факты эти доказывают присутствие каких-то разумных существ, вмешивающихся в нашу жизнь». Классическое руководство по выявлению прогрессорской деятельности дали братья Стругацкие. Они полагали, что такие действия «…не могут не сопровождаться событиями, доступными внимательному наблюдателю. Можно ожидать, например, возникновения массовых фобий, новых учений мессианского толка, появления людей с необычными способностями, необъяснимых исчезновений людей, внезапного, как бы по волшебству, появления у людей новых талантов».

В начале XX века нечто подобное происходило в действительности: в трущобах и дворцах вертелись столики, деревенские колдуны наставляли монархов, мистические шабаши сотрясали астрал. Ждали Мессию, который подарит человечеству самоновейшую религию. А за три года до первой мировой войны лидеры Теософского общества Чарльз Ледбиттер и Анни Безант объявили, что Иисус и Майтрейя — разные имена одного Учителя, и Он уже воплотился в индийском мальчике Кришнамурти. Затем последовал откат. Проникновение человека в запредельные области было решительно пресечено. Одновременно проводилась усиленная пропаганда новых технических идей: Менделеев увидел во сне свою таблицу, Сикорскому снились огромные аэропланы, глухой «основоположник космонавтики», очнувшись среди ночи, набрасывал схемы реактивных аппаратов. Это подкреплялось массовым показом «наглядных пособий».

Задолго до первых цеппелинов над Америкой барражировали загадочные дирижабли с моторами, прожекторами и остекленными кабинами. Когда в небо поднялись «этажерки», нам стали демонстрировать образцы для техники следующего поколения — многомоторные самолеты, удивительно похожие на «летающие крепости» Второй мировой войны. В тридцатые годы над Скандинавией часто видели ракетоподобные объекты, а в середине сороковых началось нынешнее нашествие «тарелочек».

«Дядя Роберт, ты умеешь рисовать самолеты?» — спросил однажды маленький сын профессора Румера. Бартини улыбнулся: «Только этим я и занимаюсь». В начале пятьдесят пятого года он обратился за помощью к Королеву: требовалось сделать десяток продувок модели сверхзвуковой амфибии. Договорились, что Бартини приедет в Подлипки. Сергей Павлович, любивший эффектные жесты, несколько затянул совещание «гвардейцев» — заместителей и ведущих специалистов, — а когда появился Бартини, главный конструктор

представил его как своего учителя.

«Мы все обязаны Бартини очень и очень многим, — сказал Королев скульптору Файдыш-Крандиевскому. — Без Бартини не было бы спутника. Его образ вы должны запечатлеть в первую очередь».

Впечатление, произведенное спутником, было ошеломляющим: взрыв удивления, радости и страха захлестнул весь цивилизованный мир. Один американский пастор объявил «Красную луну» знаком близкого конца света. Между тем, биограф Королева Ярослав Голованов с нескрываемым изумлением пишет о том, что вплоть до самого запуска космические дела никого не интересовали, — кроме самого Королева и нескольких его соратников.

Кому же на самом деле понадобился этот блестящий шар? И насколько случаен был дуэт спутника и знаменитой фантастической утопии И.Ефремова «Туманность Андромеды»? Работу над этой книгой Ефремов закончил в сентябре 1956 года — за тринадцать месяцев до спутника. В январе следующего года роман начал печататься в журнале «Техника-молодежи». Вопрос о спутнике решался летом 1957 года, но даже сам Королев не был уверен в том, что его удастся запустить до конца года. Между тем, в сюжете «Туманности…» очень важное место занимает… «спутник №57»!

Ефремовский роман стал для нашей фантастики эпохальной вехой — ничуть не меньшей, чем спутник для науки. Стоит только припомнить дерзновенные мечты советских фантастов 50-х годов: ветроэнергетика, солнечные батареи на колхозных крышах, ледоколы, прожигающие паковый лед струями горящей нефти… За год до «Туманности…» тот же журнал опубликовал научно-фантастический рассказ об изобретателе, переделавшем карбюратор своей «Победы». Он получил прибавку аж в двадцать «лошадей»! «Перепад давления» был слишком велик: тридцатый век, развитой коммунизм, звездные экспедиции… Убогие поделки фантастов-"пятидесятников" мгновенно обратились в прах. Можно по-разному относиться к ефремовскому роману, что-то вызовет сегодня только усмешку, но тогда «Туманность…» оказала громадное воздействие на умы. Это почувствовали и на Старой площади. Писателю твердо пообещали Ленинскую премию и массовые тиражи, если он «ввернет» скульптуру Ильича в отдельное издание. Ефремов отказался. Вместо этого он «ввернул» другой монумент — «…изваяние человека в рабочем комбинезоне Эры Разобщенного Мира. В правой руке он держал молоток, левой высоко поднимал вверх, в бледное экваториальное небо, блестящий шар с четырьмя отростками передающих антенн. Это был памятник создателям первых искусственных спутников Земли».

— Иван Антонович не был знаком с Бартини, — сказала нам вдова писателя Таисия Иосифовна Ефремова. — Разумеется, я могу поручиться только за те двадцать лет, что мы прожили вместе.

Примем к сведению.

В «предсмертном» письме 1966 года (писатель лежал в больнице в очень тяжелом состоянии) Ефремов наказывал Таисии Иосифовне «…помнить, что все письма, ни экспедиционные, ни семейные, фото, записи, адреса — ничего не сохранилось от периода 1923-1953 гг. Я все уничтожил, опасаясь, что в случае моего попадания в сталинскую мясорубку они могут послужить для компрометации моих друзей. По тем же причинам я не вел никаких дневников». (Обратите внимание: записи и фотографии уничтожены с 1923 года, — когда в России появляется Бартини. Ясно также, что документы были уничтожены в январе, феврале или начале марта пятьдесят третьего — до смерти Сталина). И далее: «Оставшись одна, ты подвергаешься опасности любой провокации… Может прийти сволочь, прикинувшись твоим или моим другом, а потом обвинить в какой-нибудь политической выходке и схватить, а то и посадить. Вот это памятуй всегда, не пускай неизвестных людей; пустив, никогда не говори откровенно».

Весной шестьдесят пятого В.Казневский встретил Бартини и Ефремова на Гоголевском бульваре. Писателя он узнал сразу, — видел его на вечере в одном из НИИ.

10. НЕ ВСКРЫВАТЬ ДО 2197 ГОДА

Москва, начало семидесятых. Друзья и коллеги Бартини с удивлением заметили, что он

резко изменился. «Это выглядело так, словно Роберт Людвигович чего-то боялся, — рассказывал И.Чутко. — Даже самые близкие люди должны были договариваться о встрече по телефону, — иначе он не подходил к двери».

Угрожала ли ему какая-нибудь опасность? Вполне возможно. Со слов Бартини известно о трех попытках покушения на его жизнь — в Берлине, в Севастополе и в Москве. В последний раз это случилось в 1967 году, в самом центре столицы: «москвич» с погашенными фарами пытался сбить его на улице Кирова. Вряд ли это было связано с работой, — только в плохих книжках похищают или убивают военных конструкторов.

— Отчего же, и такое бывает, — возразил один из наших консультантов. — Помнится, лет двадцать назад агенты «Моссад» убрали одного западного конструктора: он подрядился сделать Хусейну гигантскую пушку для обстрела Израиля. Но я не удивлюсь, если окажется, что «Моссад» здесь совершенно ни при чем. А что касается Бартини… Вряд ли нужно верить всему, что он говорил. О нестыковках в его биографии органы отлично знали. Были ниточки, за которые можно потянуть, и желающие копытом били, но… Похоже, кто-то на самом верху приказал оставить барона в покое.

Загадочная жизнь Бартини оборвалась в ночь с 4 на 5 декабря 1974 года. Или — завершилась?.. Когда его нашли на полу ванной, из крана хлестала вода, на кухне горел газ. В этой смерти явно были обстоятельства, заставлявшие тех, кто знал ученого, что-то недоговаривать. Человек умирает на восьмом десятке, а спустя двадцать лет друзья и коллеги качают седыми головами: «Странная смерть!» И переводят разговор на другое…

…Ночью Бартини почувствовал себя плохо, встал из-за стола, опрокинув стул, и прошел на кухню. Зажег газ, не приготовив чайник или кастрюлю. И стал набирать воду в ванной. Потом упал навзничь, ударившись головой об косяк. Такова, в общих чертах, милицейская реконструкция. Но именно в ту ночь барон написал завещание, приложил к нему черный пакет и спрятал за плотной шторой, которая всегда наглухо закрывала окно. Вероятно, он ждал гостей. И кто-то действительно посетил квартиру Бартини сразу после его кончины. Вряд ли они приходили днем, а ночью штору не открывали, — чтобы включить свет и основательно просмотреть все бумаги. Видимо, на это и рассчитывал Бартини. Как вошли эти гости — неизвестно, зато ясно, как уходили: входная дверь была заперта изнутри, но окно, выходящее во двор — настежь…

— Пакет был тщательно заклеен, — вспоминал В.Казневский. — А в завещании Роберт Людвигович просил запаять его бумаги в металлический ящик и не вскрывать до 2197 года. К сожалению, эта просьба не была выполнена.

«Достоверных, бесспорных сведений о нем у нас не очень много, — пишет И.Чутко, — и едва ли они будут значительно пополнены. Особенно сведения о первых 20-25 годах его жизни. Для этого пришлось бы разыскать документы, которые, возможно, еще хранятся в Австрии, Венгрии, Югославии, Германии, Китае, Сирии, на Цейлоне». Даже в «советской» биографии барона зияет разрыв — семь лет, с двадцать третьего по тридцатый. В первых изданиях «Красных самолетов» про это время вообще ничего нет, — как нет ни слова об аресте и шараге, о работе в Новосибирске. В издании 1989 года остались «неохваченными» лишь двадцатые годы. Умолчание очень красноречиво, особенно в контексте завещания. Бартини понимал, что «собрать сведения» о его жизни до 1923 года очень трудно, — значит, искать нужно именно в двадцатых годах.

В 1987 году вышла в свет уникальная книга — «Наука и техника СССР. 1917-1987. Хроника». Из нее можно узнать, что в 1923 году Совнарком издал декрет об организации большой экспедиции в Монголию и Тибет, «Красный путиловец» освоил выпуск тракторов и так далее… Единственная «авиационная» новость — постройка аэросаней конструкции Туполева. Но уже в следующем году взлетел первый цельнометаллический самолет АНТ-2, а также первый пассажирский — АК-1. В Москве было основано Общество изучения межпланетных сообщений, опубликована книга Цандера «Перелеты на другие планеты» и работа Циолковского «Ракета в космическом пространстве». 1925 год: первая конструкторская группа по вертолетам, первый тяжелый бомбардировщик ТБ-1, первый в мире самолет — «летающее крыло», первый дальний перелет, крупнейшая в мире аэродинамическая труба… Но в двадцать третьем году произошло событие, которое составители хроники пропустили: весной

было объявлено о первых всесоюзных соревнованиях планеристов в Коктебеле. Полеты начались в конце сентября, и тогда же в Крым приезжал Бартини.

Считается, что идея планерных соревнований на горе Узун-Сырт принадлежит летчику, конструктору и художнику Константину Арцеулову.Юн же стал первым председателем оргкомитета. Известно также, что Арцеулов дружил с поэтом и художником Максимилианом Волошиным — «коктебельским чародеем». Площадку для будущих стартов они выбирали вместе. Поэт-мистик неизменно присутствовал на открытии соревнований, наблюдал за полетами, знакомился с планеристами и конструкторами.

«Дом Волошина был одним из культурнейших центров не только России, но и Европы», — писал Андрей Белый. Сотни людей жили там каждое лето — поэты, писатели, актеры, художники, композиторы, ученые. В 1925 году, например, в волошинском доме гостили четыреста человек! Среди них — М.Булгаков с женой… А в булгаковском архиве сохранился путеводитель по Крыму, изданный в двадцать четвертом году. Карандашом отмечены строчки, рассказывающие о судьбе тех, кто решит отдохнуть в этом ужасном месте: «Крымское сирокко доводит нервных больных до исступления. Люди умственного труда чувствуют ухудшение… Неудобство комнат, полное отсутствие медицинской помощи… Как только мраком окутывается долина, идут они в свои комнатки и спят, тревожимые страшными сновидениями». О таинственных свойствах здешних мест знали еще в древности: не напрасно Овидий поместил в киммерийскую пещеру бога сна Гипноса и сына его Морфея. Это постоянно «подтверждали» и гости Волошина: первые два дня они спали как убитые.

«В Коктебеле у меня возникла мысль попробовать самому сконструировать настоящий планер», — пишет в своих мемуарах А. Яковлев. У кого еще возникли подобные мысли — здесь, среди киммерийских скал, на стыке моря, земли и неба, прошлого и будущего?

В двадцатые и тридцатые годы коктебельская гора Узун-Сырт свела вместе людей, чьи имена вскоре узнает весь мир — Королева, Ильюшина, Антонова, Мясищева, Яковлева и многих других. Все они в разное время и в разной степени были связаны с Бартини. В известных мемуарах А.Яковлева о «красном бароне» нет ни слова: он недолюбливал Бартини. Но почему молчал Арцеулов? В книге летчика и писателя Марка Галлая «Жизнь Арцеулова» подробно изложены перипетии первого слета и перечислены все известные люди, прошедшие школу Коктебеля. Не странно ли: Арцеулов и Галлай, прекрасно знавшие Бартини, не удостоили его ни строчкой! Может быть, он не присутствовал на соревнованиях двадцать третьего года? Яковлев пишет, что вначале технический комитет возглавлял Н.Анощенко. Но его планер «Макака» признали чрезвычайно неудачным, и от руководства техкомитетом он отошел. О том, кто его заменил, Яковлев умалчивает — очевидно, потому, что в двадцать четвертом году председателем техкомитета Московского Общества друзей Воздушного Флота был избран… Бартини! Могло ли такое случиться, если бы он не принимал участия в первом слете?

Бартини приезжал в Коктебель в 1925 году (в том же месяце, что и Булгаковы) для подготовки очередных соревнований. Следующей весной был удовлетворен его рапорт о переводе в Севастополь, в гидроавиацию Черноморского флота. А еще через год с Научно-опытного аэродрома ушел летчик-испытатель Константин Арцеулов. Он поступил на работу в организацию, занимавшуюся аэрофотосъемкой. Дело было новое, интересное, но для пилота весьма рутинное. Два года один из первых русских асов утюжил небо над горами Внутреннего Тянь-Шаня — как раз там, где обычно помещают таинственную Шамбалу. Странное совпадение: «Туманность Андромеды» И.Ефремов писал в Коктебеле. А десять лет спустя он просил жену после его смерти развеять прах «над скалистыми вершинами тянь-шаньских гор». Среди тех, кто мог помочь ей в этой технически сложной операции, Ефремов назвал авиаконструктора О.Антонова, с которым он познакомился в Коктебеле. Правда, это произошло уже после войны, — если верить Ефремову. Бывший планерист Антонов дружил с Арцеуловым и с Бартини. Он даже написал предисловие к первому изданию «Красных самолетов». А в 1952 году, когда над «красным бароном» вновь сгустились тучи, Антонов устроил его к себе — в Новосибирский научно-исследовательский институт авиации.

11.УСКОРЕНИЕ ВРЕМЕНИ

В лубянском «Деле» Бартини есть одна странность: из протокола первого допроса следует, что он не выполнил того, что обещал работникам римской резидентуры ОГПУ. Оказалось, что Роберто Орожди вышел на связь с советской разведкой через Маргариту Блуа — молодую женщину, работавшую в советском полпредстве на улице Виа Гаэта. Он должен был передать СССР какое-то изобретение, — настолько важное, что даже строительство самолетов было расценено как обман и дезертирство. Суть изобретения удалось выяснить из «оперативных материалов», поступавших в НКВД: Бартини предложил снизить лобовое сопротивление самолетов и подлодок при помощи сверхвысокочастотного излучения. В шараге он проверил эту идею. Ярослав Голованов пишет об этом в книге «Королев»: «Полищук, Бартини и Соколов в свободное время занимались наукой — ставили опыты, исследовали, как влияет электрическое поле на обтекание конструкций воздушным потоком».

…Остехбюро — так называлась шарага, организованная на территории Болшевской трудовой колонии. Она же — Спецтехотдел, она же — ЦКБ-29. Перед войной здесь собрали цвет советской науки и техники — авиаконструкторов, ракетчиков, аэродинамиков, радистов, судостроителей, двигателистов, физиков-ядерщиков, специалистов по турбинам и по химии полимеров… Настоящий инкубатор идей! Даже не склонный к восторженности Я.Голованов называв шарагу «новой Александрией». "Вырвавшиеся из рудников и с лесоповалов, голодные, избитые, больные люди попали пусть в тюрьму, «о тюрьму, где досыта кормили, где спали на простынях, где не было воров, отнимающих валенки, конвоиров, бьющих прикладом в позвоночник, а главное — не было тачек, коробов, бутар, лопат, пил. топоров, не было этого смертельного изнурения, когда их заставляли делать то, что они никогда не делали, не умели и не в состоянии были делать».

Кормили здесь превосходно, алкоголь был строжайше запрещен, прогулки на воздухе обязательны, — неудивительно, что несколько консгрукторов излечились от язвы желудка, а один — от туберкулеза. Людям предоставили возможность заниматься любимым делом, — и. свободные от мелких условностей вольной жизни, они работали, как никогда прежде. К тому же в «новой Александрии» естественным образом исчезли секреты и ведомственные барьеры. «Тайн не существовало! — пишет Я.Голованов. — Собираясь группками, они по многу часов что-то обсуждали, рисовали, чертили пальцем в воздухе и понимали, читали эти невидимые чертежи, схвагив карандашный огрызок, тут же считали, радостно тыча в грудь друг друга клочки бумаги с формулами».

По вечерам в шараге часто устраивали «научные посиделки»: зеки делали доклады, делились планами и идеями. Особенно много слушателей собирали бартиниевскне «лекции».

«Считается, что много самолетов — лучше, чем мало, — рассуждал Бартини. — А много бомб с ипритом, люизитом или чем похуже? И вообще — как определить уровень развития цивилизации? По выплавке стали и добыче угля? По количеству пар обуви на душу населения? Завирально! То же самое, что оценивать греческие полисы но числу выкованных медных ошейников для рабов. Кстати: тонкий железный ошейник был предметом гордости у афинских рабов — все равно, что здесь орден. Но есть универсальный критерий — скорость реализации желания. Сколько времени мне надо, чтобы… ну, скажем, получить огонь? Достать зажигалку, снять крышку, покрутить колесико… А в пещере? Часа три-четыре… Наверное, каждый из вас задумывался над вопросом: что было бы, если бы?.. Если бы египтяне придумали воздушный шар? Если бы лет на сто раньше изобрели телескоп? Если бы Наполеон не отверг с порога проект парохода Фултона? И нельзя ли сократить сроки реализации сегодняшних и будущих изобретений? Я сделал выборку важнейших изобретений за последние три столетия и вычертил график: ось абсцисс — годы, ось ординат — срок реализации… Разброс точек дает среднюю линию, — это говорит о том, что сроки реализации идей сокращаются, повинуясь некой закономерности. Если эта пикирующая кривая коснется оси абсцисс, исчезнет разница между желаемым и действительным».

«Закон ибиса» — так назвал Бартини найденную закономерность. Кривая, похожая на клюв этой птицы, зеркально повторяется на графиках прироста населения Земли, потребления воды на одного человека, выработки электроэнергии и так далее… Все ускоряется: по историческим меркам в одночасье возникают и рушатся огромные державы, новые социальные

и технологические идеи с невероятной быстротой охватывают целые континенты, народными массами овладевает страсть к перемене мест. Но именно об этом предупреждал Нострадамус: «События в будущем происходят с нарастающей быстротой». Ускорение… времени?

«Бартини, углубленный в себя, сидел за кульманом и производил впечатление какой-то экзотической птицы в клетке», — вспоминал бывший чертежник шараги Н.Желтухин. В том году, когда родился «красный барон», учитель из Калуги записал формулу реактивного движения. Кончиком стального пера и каплей дешевых ализариновых чернил он послал человечество «в погоню за светом и просгранством». Но уже через несколько лет скромный служащий бернского бюро патентов Альберт Эйнштейн положил этому предел — скорость света. Узда для грядущей дерзости, лимит на экспансию разума, крах тайного стремления стать равным богам…

Нелепое мироздание походило на египетскую пирамиду вершиной вниз: фундамент — дюжина мировых констант, ответственных за то, что мир таков, каков он есть. Полученные эмпирически, константы не были связаны между собой. Свести их воедино, выведя значения из одной формулы — все равно что создать периодическую таблицу законов природы. Пятимерность этого не позволяет. Но расчеты Бартини доказывают, что самое устойчивое состояние Вселенной достигается в шести измерениях: трехмерное пространство в трехмерном времени. В этой модели масса и заряд эквивалентны, вещество является агрегатным состоянием ноля, а Мироздание в целом — одной-единственной частицей, прячущейся под бесконечным множеством масок-манифестаций.

«Существует одно-единственное, отображенное в себе образование, оно все время есть везде. Эта уникальная „частица“. находясь одновременно в разных местах, есть наш мир».

Бартини опубликовал этот вывод в «Докладах Академии наук СССР» (1965, т. 163, №4) и в сборнике «Проблемы теории гравитации и элеметарных частиц» (Атомнздат, 1966). Но он умолчал о некоторых свойствах этого «образования», — например, о возможности мгновенного перемещения в пространстве и времени.

12. КОНСТАНТА ЖИЗНИ

Августин Блаженный невесело пошутил: «Я прекрасно знаю, что такое время, пока меня об этом не спросят». За полторы тысячи лет ничего не изменилось: о природе времени мы знаем не больше, чем рыба о воде. Время может тянуться, идти и лететь, — но мы по-прежнему считаем это результатом психического состояния субъекта. У психиатров даже термин есть — «дисторсия времени». В экстремальной ситуации слабый человек отключается — «сжимает» время ожидания опасности, — а сильный «растягивает» мгновение и спокойно находит выход. Вот что чувствовал в горящем самолете летчик-испытатель Марк Галлай: «Каждая секунда обрела способность неограниченно — сколько потребуется — расширяться. Кажется, ход времени почти остановился!»

Во время летаргического сна человек не стареет, зато после пробуждения он за несколько дней «набирает» столько же лет, сколько провел во сне. Означает ли это, что локальная дисторсия времени — физическая реальность? Белковая жизнь является экзотермической реакцией, и резкое ускорение личного времени должно сопровождаться быстрым разогревом организма. О необъяснимых возгораниях людей знали еще в древности. Лукреций, например, недоумевал: почему от божественного огня гибнут далеко не самые плохие люди? А патологоанатома Вильтона Крогмана, прибывшего на место самовозгорания 67-летней американки Мэри Ризер, поразил ее обугленный череп: он сжался до размеров кулака!

Заметьте: речь идет только о живой материи. По воспоминаниям очевидцев, «коктебельский чародей» Волошин несколько раз демонстрировал пирокинез — поджигал ткань одним взглядом или прикосновением. Однажды поэт мысленно потушил пожар в подвале своего дома. Бартини показывал подобный «фокус» коллегам из новосибирского СибНИА — для доказательства того, что скорость времени зависит от нашего сознания. «Время трехмерно и пространственноподобно, — говорил барон. — То, что мы обозначаем словами „далеко“ и „давно“ — в сущности, одно и то же. Никакого движения в мире нет, а есть скачкообразная — от „кадра“ к „кадру“ — смена состояний».

Вообразим, к примеру, летящий мяч: сам он трехмерный и, как нам кажется, движется по оси одномерного времени. Его четырехмерное изображение можно представить, как ряд «картинок» — пунктир, который тянется из прошлого в будущее. Так сказать, целокупность… Из всей «киноленты» для нас существует лишь «кадр» настоящего момента — «мгновенный» мяч. Если его обозначить точкой, то его движение во времени образует линию. Мяч в двухмерном времени (пятимерный мир) можно изобразить как «плоскость» из бесконечного множества параллельных линий. Таким образом, пятимерная вселенная должна быть ансамблем миров-дублетов.

В трех-, четырех— и пятимерной Вселенной вечность невозможна в принципе: особо несчастливая комбинация причин и следствии может уничтожить все Мироздание. Вероятность такого исхода исчезающе мала — на биллионы порядков меньше, чем у монетки — упасть на ребро. Но угроза существует и растет с каждым днем. Чтобы исключить малейший риск, монетка должна упасть всевозможно — на орла, на решку, на ребро… По расчетам Бартини, абсолютно устойчивой может считаться только шестимерная Вселенная: трехмерное пространство в трехмерном времени. Иначе говоря, каждое тело имеет объем времени — длину (длительность существования в каждом из миров — число «кадров»), ширину (число дублетов) и высоту (скорость смены «кадров»). Время — не цирковая проволока над бездной, а дерево из бесконечно ветвящихся вариантов будущего.

Дерево как образ Вселенной — символ, пришедший из глубочайшей древности. Сама история человечества началась в тот момент, когда праматерь Еву соблазнили яблоком с Древа Познания: «Нет, не умрете — но станете как боги!..». Яблоко — это тороид, бублик с дыркой, диаметр которой стремится к нулю. Древо миров ветвится по поверхности этого шестимерного яблока — достигает экстремума, «падает» в сердцевину и вновь «поднимается». Было ли у такой Вселенной начало? Будет ли конец? «Мир и конечен и бесконечен», — утверждал Бартини. На поверхности гиперсферы Макрокосма может разместиться бесчисленное количество «точек» — миров, подобных нашему.

Одним из парадоксальных следствий шестимерности является новое представление о размерах физических тел: самые «обширные» объекты — те, которые имеют больше вариантов. А сколько вариантов может быть у самой Вселенной? Один-единственный! Наше трехмерное воображение не способно вообразить это иначе, чем нить, из которой соткан «гобелен» физического мира.

«Эта уникальная „частица“, находясь одновременно в разных местах, есть наш мир».

В последнем издании повести «Красные самолеты» И.Чутко приводит: «Я убрал из моих статей о константах одно следствие. Прошу вас, когда вы сочтете это уместным, сообщить в любой форме, по вашему выбору, что я, Роберто Бартини, пришел к нему математически, не уверен, что не ошибся, поэтому публиковать его не стал. Оно нуждается в проверке, у меня на это уже не осталось времени. Следствие такое: количество жизни во Вселенной, то есть количество материи, которая в бесконечно отдаленном от нас прошлом вдруг увидела себя и свое окружение, — тоже величина постоянная. Мировая константа. Но, понятно, для Вселенной, а не для отдельной планеты».

13. «ВОЗМОЖНОСТЬ ДРУГОГО МИРА»

Странные видения посещают каждого человека — хотя бы раз в жизни. Многие оказываются в незнакомой местности и встречаются с существами, похожими на людей. Возвращение к реальности происходит почти мгновенно, — порождая догадки о таинственной совмещенности нескольких пространств. Е.Блаватская объясняет это явление так: «Каждый из миров повинуется своим собственным особым законам и условиям, не имея непосредственного отношения к нашей сфере. Обитатели их, как уже сказано, могут без того, чтоб мы это знали и ощущали, проходить через нас и вокруг нас, как бы сквозь пустое пространство, их жилища и страны переплетаются с нашими, тем не менее не мешают нашему зрению, ибо мы еще не обладаем способностью, необходимой, чтобы различать их».

С этим согласен и Достоевский: "Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что

здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну, а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и «соприкосновений с другим миром больше…».

Но «земной порядок в организме» могут нарушить и муки творчества. Тогда возникает «подсказка» — обычно во сне. «Ночь приносит совет», — говорил Наполеон своим маршалам и нередко откладывал до утра важнейшие решения. Бывало, что он засыпал минут на десять в самый разгар сражения. Шлиману приснилась Троя, Нильсу Бору — модель атома, Кольриджу — поэма… «Учитесь видеть сны, джентльмены!» — самодовольно наставлял коллег химик Фридрих Кекуле. Морфей подарил ему формулу бензола.

«Клочки и отрывки других миров» видел, вероятно, и сам Достоевский. Или — других времен?.. Иначе невозможно объяснить эти строки из «Братьев Карамазовых»: «На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя…». Так и случилось: в следующем веке главный храм России был взорван, а на его месте начали возводить гигантскую башню Дворца Советов. Строительству помешала война.

Может быть, перемещение в «параллельный» вариант похоже на путешествие во времени? Эту мысль подтверждает удивительное приключение, которое пережил англиискый пилот Виктор Годдард. В 1934 году он попал в грозовую облачность и решил сесть на соседний аэродром, расположенный вблизи шотландского города Дрема. Выйдя из облаков. Годдард не поверил своим глазам: вместо знакомой «грунтовки» перед ним лежала бетонная полоса, а на стоянках — десятки желтых самолетов. Пилот испугался и снова нырнул в облака. Кое-как дотянув до своею аэродрома, он долго не решался рассказать о происшедшем. Но в 1938 году на том аэродроме открыли летную школу и построили бетонную взлетно-посадочную полосу. А все учебные самолеты Королевских ВВС перекрасили в желтый цвет.

Похожий случаи произошел 9 сентября 1990 года в аэропорту Каракаса. Запросил посадку заблудившийся «борт» — чартерный рейс 914, летевший из Нью-Йорка в Майами с 57 пассажирами. Посадку разрешили. Четырехмоторный DC-4 зарулил к терминалу, вызвав веселое изумление пилотов и механиков аэродрома: последние машины этого типа были сняты с линий лет двадцать назад! Когда диспетчер и пилот «сверили часы», оказалось, что «дуглас» занесло из 2 июля 1955 года! Увидев на стоянке самолеты непривычных очертаний — истребители «F-16» венесуэльских ВВС, — пилот испугался и пошел на взлет. Расследование этого происшествия установило лишь то, что в 1955 году не было ни одного ЧП с самолетами «DC-4».

«Живая изменчивость пространства искажает геометрические аксиомы», — писал знаменитый английский астролог, алхимик и картограф Джон Ди. По поводу опубликования первой карты мира Ди заметил: «Теория меридианов Меркатора, пригодная для практической навигации, неприменима для всякой иной навигации». Для «иной навигации» он изобрел специальную магическую астролябию. Ди был убежден в том, что в Гренландии открывается «северо-западный проход», через который можно попасть в «другую Америку».

Баронет Джон Ди — мистик и романтик. Чего не скажешь, к примеру, о знаменитом английском мореплавателе и пирате Мартине Фробишере. В архиве британского адмиралтейства хранятся его сообщения о том, что Гренландия — «живая земля». Капитан докладывал, что береговая линия меняется там с невероятной быстротой, и две шлюпки были раздавлены скалами, которые вдруг сомкнулись на глазах всего экипажа. А впередсмотрящий готов был поклясться на Библии, что ночью слышал на берегу рычание льва и треск ломающихся кустов.

За два столетия до Фробишера на западном побережье Гренландии побывал шведский мореплаватель Гуннар Юнсон. Он тоже свидетельствует о «живой изменчивости пространства»: «И когда я выбрался из ущелья, восстало надо мной яркое голубое солнце. Из зарослей исполинских древовидных цветов вышла женщина в белом одеянии с короной на голове. Я упал перед ней на колени. Внезапно зрение и слух оставили меня. И очнулся я среди голых неприютных скал». Несколько лет спустя эти места посетил англичанин Генри Гудзон. В судовом журнале он написал про встречу с русалкой: «…Ее обнаженная грудь и спина были как

у обычной женщины. Бросались в глаза бледная кожа и ниспадающие черные волосы. Но когда она нырнула, мелькнул ее хвост, похожий на хвост бурого дельфина, испещренный пятнышками, как у макрели».

Так уж сложилось, что средневековым путешественникам мы не очень верим. Но вот факт из нового времени: 1820 году на западном побережье Гренландии моряки английского судна «Баффин» видели… город! Капитан Скорсби наблюдал его в подзорную трубу и даже зарисовал — «огромный древний город, изобиловавший руинами замков, обелисками, храмами, памятниками и другими внушительными и впечатляющими сооружениями». А несколько лет назад американский турист Джеймс Слокомб обнаружил в Гренландии большую змею, лежавшую без признаков жизни. Ученые-герпентологи из университета штата Иллинойс оживили пресмыкающееся, но не смогли объяснить, каким образом змея попала в ледяную пустыню за Полярным кругом. Мало того: на Земле этот вид вообще неизвестен!

Бартини утверждал, что Вселенная («тотальный и уникальный экземпляр») является 6-мерным комплексным образованием, обладающим ориентацией и состоящим из произведения трехмерной пространственноподобной и ортогональной к ней времяподобной протяженности. Эти протяженности взаимно переходят друг в друга, а ориентация объекта делает его волной и осциллятором. «В осцилляторе происходит поляризация компонентов фона, преобразование L в T или T в L в зависимости от ориентации осциллятора, создающего ветвление L и T протяженностей». Проще говоря, в шестимерной Вселенной можно перемещаться во времени, используя движение в пространстве. И наоборот…

14.ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО ПРОВЕРЕННЫЙ ФАКТ

Шестидесятые годы были золотым веком СССР. Водородную бомбу в шараге не сделаешь, — и партия закрыла глаза на вольнодумствующих физиков. По кисельным берегам госбюджетной реки, под сенью лазеров и «токамаков» вызревали многие науки-подкидыши — от структурной лингвистики до парапсихологии. В те благословенные годы КБ Бартини проектировало ВВА-14 — противолодочный самолет-амфибию вертикального взлета, действующий совместно с подводными танкерами. Эти машины должны были прикрывать военно-морские базы, дежурить в зонах патрулирования советских атомных ракетоносцев и на путях натовских конвоев. По предложению Бартини океанографическое судно «Академик Петровский» исследовало рельеф дна в одном из предполагаемых районов развертывания ВВА-14 — в ста милях к западу от Гибралтара. Подводные телекамеры запечатлели странные скалы, напоминающие развалины огромного города.

Бартини принимал участие в космических экспериментах, опровергнувших гипотезу о панспермии. Было доказано, что даже простейшее живое вещество не может преодолеть межзвездное пространство. На королевских спутниках нашлось место для аппаратуры, проверяющей некоторые следствия «шестимерной» теории. В бумагах Бартини есть упоминание о работе, выполненной совместно с астрофизиками Крымской обсерватории. Эксперимент с радиотелескопом РТ-31 показал, что излучение удаленных звезд и галактик несет информацию не только об этих объектах, но и о структуре самого пространства — то, что мы ошибочно принимаем за «красное смещение». Тогда же была высказана мысль о существовании особых частиц, движущихся со скоростью, в сотни тысяч раз большей, чем скорость света. Они доносят до нас чувства, идеи и образы, рожденные в далеких мирах. Некоторые люди улавливают эти «послания» и пользуются ими в меру разумения, — сами о том не подозревая.

«В другом сообщении будет показано, что (3+3)-мерность пространства-времени является экспериментально проверенным фактом», — писал Бартини в «Докладах Академии наук». Через год была опубликоьана вторая статья о константах — в «атомиздатовском» сборнике «Проблемы теории гравитации» под редакцией К.П.Станюковича. После выхода из печати последнего издания «Красных самолетов», профессор Станюкович позвонил И.Чутко.

— Он поздравил меня с выходом книги, — вспоминает Игорь Эммануилович. — Потом стал говорить о том, что теорию Бартини совершенно не поняли, и только сейчас ему стало ясно все значение бартиниевских открытий. Они вызовут полный переворот в физике,

астрономии, космологии и вообще в человеческом сознании. Мы хотели встретиться и поговорить об этом подробнее, но через две недели Станюкович умер.

Переворот в сознании — это достойно прогрессора!

«Красный барон» рассчитал верно: И.Чутко написал о нем увлекательную и вполне «проходную» книгу, а также упомянул его имя в статье о «невидимке». О Бартини узнали сотни тысяч людей, и среди них — несколько ученых-физиков, не поленившихся разыскать его публикации. Уже есть результаты. В майском номере «Техники-молодежи» за 1990 год была напечатана статья физика Виталия Новицкого. Вслед за Бартини (и добросовестно ссылаясь на его статьи о константах) Новицкий пересчитывает известные физические величины в размерности метра и секунды. Автор «идет дальше Бартини», — он приводит расчет силы, нейтрализующей гравитацию и предлагает примерную конструкцию такого аппарата. Шесть лет спустя по каналам ИТАР-ТАСС прошло сообщение, перепечатанное множеством региональных газет: В.Новицкий готов приступить к строительству большого антигравитационного аппарата, а группа молодых архитекторов уже спроектировала «летающий особняк». Упоминание Новицким одной из работ Бартини сопровождается ссылкой на статью Германа Смирнова «Числа, которые преобразили мир» («Техника-молодежи», ь1, 1981), — в ней рассказывается про бартиниевскую статью о константах. Материал Новицкого готовил к печати сам Герман Владимирович. Он же в 1977 году «подсунул» руководству «Техники-молодежи» статью о «невидимом самолете», уже опубликованную в «Изобретателе и рационализаторе»; в перепечатке был упомянут Р.Л.Бартини, консультировавший этот проект. Дотошный читатель обязательно спросит: по какому вопросу создатели «невидимки» обращались к Бартини? Ответ подскажет книга И.Чутко «Красные самолеты», — там есть ссылки на статьи о константах. Бартиниевская Вселенная — это шестимерный гиперсферический экран и образ события, который постоянно смещается в сторону ближайшего из возможных состояний. Каждое живое существо может управлять таким движением — отклонять доступный ему фрагмент мира от наивероятнейшей траектории, — но очень немногие делают это осознанно. «Знание — сила».

Объясняя в письме профессору Ю.Румеру онтологическую связь времени, энергии и информации, Бартини приписал загадочную фразу: «Вряд ли способ прямого преобразования времени в энергию будет дан в ближайшие сто лет». Дан — кем?.. Возможно, вся история человечества — поиск ответа на этот вопрос.

15.ПРОГРЕССОРЫ И КОНСЕРВАТОРЫ

Статьи о константах «красный барон» подписал полным именем: «Роберто Орос ди Бартини». Но имя оказалось вымышленным, обстоятельства появления в СССР — неясными, а предшествующие годы почти ничем не подтверждены.

— «Загадочный», «таинственный»… Если хотите знать, Бартини был просто большим ребенком! — сказал бывший работник Технического управления Минавиапрома, попросивший не называть его фамилию. — Каждая новая идея завораживала его, он пытался делать много дел сразу, но получалось плохо — летели планы, сроки, премии, заказчик терял терпение… К тому же бартиниевские конструкции всегда были на грани возможного. Одному Богу известно, откуда что бралось: это же работа целых институтов! Но доводить изделие до серии он не умел.

— Бартини не был конструктором в общепринятом смысле, — подтвердил Михаил Александрович Гурьянов, работавший с ним над проектом реактивной амфибии. — Он даже простейший узел не мог рассчитать! Говорил, что закончил политехнический институт в Милане — и не умел чертить! Приехав «помогать в становлении молодой советской авиации», Бартини поступил на работу простым лаборантом-фотограмметристом — и это при тогдашней нехватке инженеров! Зато он был знаком с невероятным множеством вещей за пределами специальности — литература, архитектура, история, — играл на рояле, занимался живописью, владел множеством языков… Его машины рассчитывали и чертили другие люди. Бартини — видел. Сядет, глаза закроет — проходит час, другой, — потом берет карандаш и рисует. Рисовал он превосходно!

…Не имея технического образования, человек отважно предлагает свои услуги

правительству другой страны. Его военные изобретения явно опережают время, но довести «до железа» почти ничего не удается: отвлекают бесконечные научные идеи, — настолько «безумные», что их понимают всего несколько человек. Он пытается реализовать некоторые побочные эффекты своей теории — всегда неудачно. Не позволяет общий уровень технологии и… новые идеи. Наконец, гений умирает, скрыв свои работы на долгие годы. Не напоминает ли это судьбу Леонардо? Его знаменитое письмо, адресованное миланскому правителю Лодовико Сфорца, содержало перечень военных изобретений, которые он готов «в подходящее время успешно осуществить»: новые системы орудий, разрывные снаряды, военно-морские средства, новые способы разрушения крепостей, бронированные самоходные артиллерийские повозки — прообраз танков… «…И другие средства удивительной эффективности, никогда ранее не употреблявшиеся», — скромно завершает Леонардо этот список. А напоследок — о своих познаниях в сооружении каналов, в архитектуре, скульптуре и живописи… Биограф Леонардо М.Гукович пишет о гигантском, ни на чем не основанном самомнении гения: научиться всему этому просто невозможно. Да и негде: пятнадцатый век все-таки! Хоть и не сделал он почти ничего из того, что предлагал, кроме нескольких десятков небрежных набросков в записных книжках, — но даже они изумляют своей очевидной преждевременностью! И конечно, все биографы итальянского гения отмечали его способность бросать любое дело на полпути, чтобы забыть о нем навсегда. Количество леонардовской «незавершенки» подавляло его жизнеописателей.

«Все гении похожи друг на друга!» — возразит скептик. Для таких читателей мы приготовили два отрывка.

Д.Соболев, «Рождение самолета»: «При разработке этих летательных аппаратов Леонардо выдвинул ряд замечательных конструктивных идей — фюзеляж в виде лодки, управляемое хвостовое оперение, убираемое шасси».

В.Шавров, «История конструкций самолетов в СССР до 1938 года»: «Бартини впервые у нас предложил убирать шасси полностью».

Но не исключено, что барон специально внушал мысль о своем сходстве с Леонардо. Он все делал «след в след» — рисовал, музицировал, писал стихи, изучал динамику воды и воздуха, предлагал властям кучу смертоносных механизмов и работал над архитектурными проектами. Среди знакомых конструктора не было, наверное, ни одного человека, которому бы он не показал леонардовский способ «зеркального» письма. Да и сами жизненные обстоятельства итальянца ди Бартини — калька с судьбы Леонардо да Винчи. «Леонардо XX века!» — восторгались его биографы. «Леонардо недовинченный!» — шипели завистники.

Очень важно понять бартиниевскую мысль о единстве однородных вещей и явлений. Все существует «одновременно» — прошлое и будущее. Тому, кто воспринимает мир таким образом, Бартини и Леонардо могут видеться одним и тем же человеком — примерно так же, как мы сознаем одной личностью ребенка, юношу и старика. Но почему одни черты демонстративно проявлялись, а другие противоречили образу? Возможно, прогрессор лишь мимикрировал под Леонардо — и тем самым путал некий ментальный след, тянущийся за ним через века. От кого же он скрывался?

На могильном камне двадцатидвухлетнего математика Эва-риста Галуа, погибшего на дуэли, вырезана эпитафия — короткая, как вздох облегчения: «Он не успел». А если бы исход дуэли был другой? Если бы Наполеон не подхватил насморк перед Ватерлоо, если бы Тесла прожил еще лет пять, если бы Эйнштейн не сжег перед смертью свою работу по единой теории поля?.. Бартини предлагал создать специальную науку для изучения исторических альтернатив — экспериментальную историю. «Эта наука будет более или менее произвольно менять судьбы некоторых идей и строить прогностические модели возможного прошлого и настоящего».

Смотрите, что получается: одно из главных действующих лиц в ефремовской «Туманности Андромеды» — историк Веда Конг. В романе «Час Быка» женщина-историк Фай Родис возглавляет звездную экспедицию, а сама история объявлена важнейшей из наук. «Я историк», — представился профессор Воланд писателям на Патриарших. Историком был и мастер — до того, как выиграл в лотерее сто тысяч и получил возможность писать роман. Даже поэт Иван Бездомный стал профессором истории!

Прогрессор Румата из повести Стругацких «Трудно быть богом» — резидент Института

экспериментальной истории в инопланетном Арканарском королевстве. В одном из своих интервью А.Стругацкий рассказывал, что в первом варианте повести всемогущего министра охраны звали дон Рэбия. Анаграмма от «Берия». Осторожный редактор попросил братьев не дразнить гусей, — и Рэбия стал Рэбой. Но кто же послужил прототипом Руматы? Намек скрыт в имени «экспериментального историка»: Рум — арабское название Рима.

«Киты не могут спасти китов», — пишет Б.Стругацкий. Иначе говоря, история человечества невозможна без постоянного и целенаправленного вмешательства извне. Принято считать, что единственной целью такого вмешательства может быть ускорение — форсированная эволюция социума и технологии. Но не менее увлекательно ставить палки в колеса: тормоз необходим всему, что чересчур быстро движется. В последнем издании «Красных самолетов» И.Чутко приводит интересное рассуждение Бартини: «Ну-ка, представьте себе, что в какой-нибудь стране, да еще и в такой, где к власти прорвался очередной фюрер, родилось и с колоссальным опережением заданных историей сроков освоено грандиозное изобретение! Равновесие в мире, следовательно, пошатнулось, нарушилось, страна фюрера сразу получила огромный, возможно, решающий перевес над соседями… Что будет? Почему этого не происходит?»

Еще во времена фараонов были возможны тепловые аэростаты, планеры, артиллерия, гальванические батареи и многое другое. А сколько загадочных (и наверняка опасных) изобретений «притормозили» в XX столетии! Очень многое станет понятным, если предположить, что историю движет противоборство двух могущественных сил, не принадлежащих к человечеству — «ускорителен» и «замедлителей». Или, если угодно — прогрессоров и консерваторов… Из века в век длится эта шахматная партия: одни неустанно смазывают скрипучее колесо истории, другие охотятся за «смазчиками» и не пускают в мир новые идеи. Костры инквизиции, застенки контрразведок, услуги киллеров и газетчиков — все средства хороши, чтобы сбросить с доски чужую фигуру.

16. КУНДАЛИНИ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

В массовых репрессиях конца тридцатых годов трудно усмотреть какую-нибудь логику. Никто не чувствовал себя в безопасности, — ареста боялись даже самые преданные функционеры и работники карательных органов. «Фюрер» американских фашистов Анастасий Вонсяцкий писал в те дни: «Сталин уничтожил больше коммунистов, чем Гитлер, Муссолини и Чан Кай-ши вместе взятые».

Если хватали всех подряд, — историку вообще делать нечего. Психопатологический феномен. Но не была ли массовая фобия делом рук Консерваторов? Об этом свидетельствует и поразительная синхронность трагических событий, происходивших в СССР и Германии, — при диаметральной ментальности народонаселения. Об истинной направленности этого воздействия можно судить по тому. что Сталин и Гитлер питали ненависть к мистическим структурам, якобы обладающим тайными знаниями. Не случайно исследователь русского масонства Н.Берберова называет тридцатые годы «трагическими для российских братьев». Еще в начале 20-х годов Коминтерн принял постановление, запрещающее коммунистам состоять в ложах. Но известна сталинская реплика о том, что большевистская партия должна быть чем-то вроде «Ордена Меченосцев». Великий вождь прекрасно знал историю: «Орден Меченосцев», объединивший прибалтийских рыцарей церкви, «списал» свой устав у рыцарей Храма Соломона — тамплиеров. Много позже этот устав был положен в основу ритуалов масонства. А вот какой монолог записал биограф Гитлера Герман Раушнинг:

«Все практикуемые масонами мерзости — скелеты, мертвые головы, гробы и разные таинства, — всего лишь игрушки для детей. Но в них имеется опасный элемент, с которым необходимо считаться. В масонстве образовался вид священнической знати. Они развили эзотерическую доктрину, не только сформулированную, но и связанную посредством символов и мистерий со степенями посвящения. Иерархическая организация и посвящение через символические обряды, действующие магически на воображение — опасный элемент… Разве вы не понимаете, что и наша партия должна быть такого же характера?… Орден, иерархический орден секулярного священничества… Мы. масоны или церковь — есть место

только для одного из трех… Мы сильнейшие из них, и поэтому избавимся от двух других».

Это было похоже на ревность. Переняв символику масонства — все эти звезды, свастики, молоты, циркули, черепа, а также некоторые ритуалы и элементы структуры, — режимы подхватили и порыв в светлое будущее. Вожди хорошо понимали, что для достижения дальних целей наличный человеческий материал был непригоден. Планировалось форсированное выведение особой породы людей — «воспитание нового человека». У обоих режимов был острейший и тщательно скрываемый интерес к тайным знаниям. Более известны мистические настроения Гитлера, его тяга к астрологии, к учению альбигойцев и других гностических сект. Он стремился в Гималаи, в легендарную Шамбалу, видя в ней духовный оплот арийской расы. Данные о советских оккультных исследованиях глухи и противоречивы. Известно очень немногое: письмо гималайских Махатм советскому правительству, загадочные папки, якобы найденные в личном сейфе Дзержинского, пристальный интерес советской разведки к экспедициям Н.Рериха, а также некоторые аспекты дипломатической и разведывательной активности в Индии и Афганистане.

Сотрудники одного из отделов Института мозга, созданного при Мавзолее В.И. Ленина, занимались проблемой телепатии. В начале 30-х годов был создан Всесоюзный институт экспериментальной медицины, где проводились, в частности, секретные исследования биополя и экстрасенсорных возможностей человека. В этом направлении работал и Александр Барченко. До революции он был известен как журналист и писатель, популяризатор авиации, теософии и мистических знаний Востока. За несколько лет до Чижевского Барченко опубликовал свою гипотезу, связывающую биологические и социальные пертурбации с активностью Солнца. В его романах под именем доктора Черного выведен известный русский ученый-теософ Петр Успенский — автор работ «Четвертое измерение» и «Новая модель Вселенной».

(Запомните эту фамилию: Успенский).

В 1922 году Барченко при поддержке Дзержинского организовал экспедицию на Кольский полуостров. Не совсем понятно, что они искали в Ловозерской тундре, но нашли какую-то странную пещеру. Если верить старожилам, у входящих туда возникает такое чувство, словно с них сдирают кожу. Научные результаты были признаны весьма интересными, и Коллегия ОГПУ ассигновала средства на исследование «кундалини» или так называемой сидеральной силы, которая упоминается в «Вишну Пуране», «Рамаяне», «Астра-Видья» и в других древнеиндийских текстах. Сказано, что она «обращает в пепел сто тысяч человек и слонов так же легко, как и одну крысу». Пирокинез?

Барченко убедил Коллегию ОГПУ в том, что умение высвобождать «кундалини» заложено в каждом человеке, нужно только научиться ей пользоваться. Чекисты были не одиноки в своих фантастических надеждах: у Гитлера над этой проблемой билось «Аненербе» — институт оккультных исследований СС, поглотивший за десять лет больше средств, чем американцы потратили на создание ядерной бомбы…

В 1925 году Барченко готовился к большой экспедиции в Гималаи — для поиска Шамбалы. Она почему-то не состоялась. Вместо этого ученый посетил Крым и Горный Алтай, где исследовал какие-то пещеры. На Алтае Барченко познакомился с шаманами и получил от них полную поддержку. Эта связь продолжалась вплоть до тридцать восьмого года, когда ученого расстреляли по приговору Особого совещания — вместе с начальником 9-го отдела при ГУГБ НКВД Глебом Бокием — его покровителем и «братом» по мистическому обществу. Их обвиняли в создании "масонской контрреволюционной террористической организации «Единое трудовое братство» и шпионаже в пользу Англии. Уберем дежурные обороты, подводящие под шестой, восьмой и одиннадцатый пункты пятьдесят восьмой статьи — и мы, возможно, получим нечто, имевшее место быть. В чем же признался «британский шпион» Барченко? «В своей мистической самонадеянности я полагал, что ключ в решении социальных проблем находится в Шамбале-Агарте, в этом конспиративном восточном очаге, где сохраняются остатки знаний и опыта того общества, которое находилось на более высокой ступени социального и материально-технического развития, чем современное общество. А поскольку это так. необходимо выяснить пути в Шамбалу и установить с ней связь».

«Единое трудовое братство» возникло через год после приезда Бартини в СССР. В начале шестидесятых годов в разговоре со своим заместителем И.Берлиным конструктор сказал, что в

юности учился у некоего Гурджиева. Или — Гюрджиева… Упомянуто об этом было вскользь да и не совсем по теме — словом, уточнять Берлин не стал. И очень жаль! Потому, что Барченко называл своим учителем Петра Успенского (1У78-1949) — лучшего из учеников кавказского грека Георгия Гурджиева (1877-1949). Гурджнев — личность необыкновенная: человек, обладавший мощнейшим экстрасенсорным даром, знаменитый гипнотизер, тонкий знаток каббалы, философ оккультизма. Он считал себя потомком византийской династии Палеологов и отдаленным родственником Ивана Грозного.

«Я увидел человека с лицом восточного типа, уже немолодого. с черными усами и проницательным взглядом. — писал П.Успенский о первой встрече с магом. — Он удивил меня прежде всего тем, что казался ряженым». Почти до самой смерти Гурджисв занимался метанием бисера — созданием оккультных кружков и массовым насаждением «тайных знаний» на Западе. «Ну и вляпались же вы!» — сказал он своим ближайшим ученикам за несколько минут до кончины.

Неизвестно, что делал Гурджиев до приезда в Москву в 1915 году. Сам он рассказывал о том, как ездил по Европе с сеансами гипноза и телепатии. Подобное выступление описано в бартиниевской «Цепи»: летом 1912 года Ромео побывал в Венеции и познакомился с гипнотизером по имени Ахмад. В лукавой и намеренно запутанной книге Г.Гурджиева «Все и вся» (1934) есть описание странного летательного аппарата — «звездолета Архангела Харитона». Архангелов, как известно, трое — Михаил, Гавриил и Рафаил, — а Харитоном звали русского авиатора Славороссова (настоящая фамилия — Семенко). В сентябре 1912 года он гастролировал в Фиуме и прокатил на своем «Блерио» юного Роберто.

17."ИЩУЩИЕ ОБЩЕГО БЛАГА"

В послании к королю Генриху II — «Непобедимейшему, Самому Могущественному, Христианнейшему» — Нострадамус признается в том, что в своих пророчествах он завуалировал грядущие события и смешал их последовательность. Но одно из них бесспорно относится к 1917 году. Чтобы оценить его точность, следует помнить, что внук крещеного еврея был (или хотел выглядеть) истовым католиком, а счет времени велся по старому юлианскому календарю.

«И в месяце октябре произойдет великое перемещение, такое, что покажется, будто тяжесть земли потеряла свое естественное движение и обрушилась в вечный мрак. Весной будут знамения, а затем великие перемены, перевороты в царствах, страшные землетрясения. И тогда возникнет новый Вавилон, презренная дочь, возросшая из мерзостей первого всесожжения. Это продлится только 73 года и семь месяцев. Затем появится новый побег у ствола, который долгое время оставался бесплодным. На 50-й параллели явится обновитель всей христианской церкви. Будет установлен прочный мир. Союз и согласие будут царить среди детей противоположных идей, разделенных границами разных царств. И мир будет настолько прочен, что подстрекатель и организатор военных клик, порожденных различиями религий, останется прикованный в глубочайшем подземелье. А царство Бешеного, который выдавал себя за мудреца, будет объединено».

Россия и Германия?

Сталин и Гитлер родились на 46 градусе северной широты, но потом «мигрировали» на север, в другую страну, и отождествили себя с ее народом. Отцы обоих — сапожники. (Правда, под конец жизни папа Адольфа «выбился в люди» — стал таможенником). В детстве будущие вожди учились в церковных школах, мечтали о поприще служителей культа, а затем ощутили тягу к прекрасному — впрочем, вполне бесплодную. Узрев трагическое несоответствие собственных ожиданий с действительностью, оба, словно сговорившись, решают изменить саму действительность.

Есть сведения о том, что Сталин и Гурджиев были однокашниками по тифлисской духовной семинарии. О личном знакомстве мага и вождя может говорить одна красноречивая обмолвка Гурджиева — о некоем князе Нижарадзе, на которого «Великие Братья» возложили важную миссию. Под этим именем юный Иосиф Джугашвили экспроприировал почтовые кареты. По словам самого Гурджиева, перед войной велись переговоры о его возвращении в

СССР.

Даниил Андреев в «Розе Мира» пишет, что Сталина инициировали некие высшие силы. Он был медиумом и мощнейшим психократом — человеком, подчиняющим себе толпу. Андреев не читал мемуары Черчилля, а между тем этот великий англичанин писал о магической силе генералиссимуса: «Сталин произвел на нас величайшее впечатление… Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все, словно по команде, вставали и — странное дело — держали почему-то руки по швам». Черчилль решил было не вставать, но — «будто потусторонняя сила подняла меня с места»!

…1912 год был поистине судьбоносным для России и Германии. Русские большевики на конференции в Праге окончательно размежевались с меньшевиками, — и тогда же Сталин вошел в Центральный Комитет. Через несколько лет кучка говорунов превратится в ту самую партию, которую Сталин видел «орденом меченосцев». Насколько случайным было такое сравнение? Известно, что в Вене молодой Гитлер состоял учеником масонской ложи «Орден Новых Тамплиеров», а многие исследователи ведут отсчет истории нацистской партии с того же 1912 года. Например, российский историк В.Пруссаков пишет в книге «Оккультный мессия и его рейх»:

«Для обнаружения корней Германской рабочей партии нужно вернуться назад, в 1912 год, когда на конференции оккультистов образовалось „магическое братство“ — Германский орден».

В дальнейшем от него отпочковалось братство «Туле». Символом нового сообщества стала свастика с мечом. Из недр этой организации родилась нацистская партия. Члены «Туле» называли себя… «новыми меченосцами»!

Все биографы Гитлера дружно отмечают такой факт: его однополчане верили, что, если Адольф будет рядом, то с ними ничего не случится. Отравленный ипритом ефрейтор слышит «голоса»: бессонными ночами «Великие Неизвестные» нашептывают будущему фюреру, что именно он — спаситель загнивающей цивилизации. И должен быть жесток, как жестоки были средневековые лекари, сжигавшие чумные трупы вместе с умирающими. Словно во сне он видит много маленьких городков — чистых и светлых. В каменных чашах алтарей пылает огонь, все люди белокуры, здоровы и счастливы. По-своему счастливы и десятки миллионов «унтерменшей», работающих на заводах, в шахтах и на бескрайних плантациях «тысячелетнего рейха»: это достигается сбалансированным питанием, научно выверенным чередованием труда и отдыха, превосходной санитарией и контролем за рождаемостью.

Гитлер повинуется «голосам» и побеждает. Он совершенно не боится смерти — в сентябре тридцать девятого фюрер примчался в пылающую Варшаву, когда пушки еще стреляли. Снаряды рвались поблизости, но он не замечал их, осматривая разбитый пикировщиками польский бронепоезд.

«Привет вам, ищущим общего блага!» — этими словами начиналось знаменитое «Письмо индийских Махатм Советскому Правительству». То есть — Сталину, Троцкому, Бухарину, Каменеву, Рыкову, Дзержинскому — и так далее… Что же пишут почтенные мудрецы, имеющие, как доподлинно известно, связь с Шамбалой?

«На Гималаях мы знаем совершаемое вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага…».

Можно вдоволь поиронизировать над «домами общего блага» — и не почувствовать ту ужасающую слаженность, с которой готовилось историческое действо. Актеры еще заучивают роли, рабочие сцены сколачивают декорации, музыканты пробуют смычки… И уже повесили на стену то самое ружье, которое должно выстрелить в конце — атомным дуплетом. У Гитлера и Сталина была реальная возможность договориться, поделить мир полюбовно. Но словно злой

рок неудержимо толкал вождей-близнецов навстречу друг другу.

«Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Сама судьба как бы указывает этот путь», — говорил Гитлер на совещании в Ставке. И каждый советский школьник твердо знал, что война неминуемо разразится. Генерал-майор Байдуков, летавший с Чкаловым в Америку, писал в «Правде» 18 августа 1940 года: «Какое счастье и радость будут выражать взоры тех, кто тут, в Кремлевском дворце, примет последнюю республику в братство народов всего мира! Я ясно представляю: бомбардировщики, разрушающие заводы, железнодорожные узлы, мосты, склады и позиции противника; штурмовики, атакующие ливнями огня колонны войск, артиллерийские позиции; десантные воздушные корабли, высаживающие свои дивизии в глубине расположения противника. Могучий и грозный Воздушный флот Страны Советов вместе с пехотой, артиллеристами, танкистами свято выполнит свой долг и поможет угнетенным народам избавиться от палачей».

Очень многое свидетельствует о том, что Сталин готовил удар страшной силы. Он не успел, — столкновение произошло раньше. Режимы аннигилировали вместе со своими лидерами:

Сталин ненадолго пережил Гитлера. Осенью пятьдесят второго года страна с изумлением увидела в кинохронике своего вождя — изможденного старичка с погасшим взглядом. Последним усилием воли победитель вытоптал память о том, что двигало страшной машиной национал-социализма. Но не стало и той страны, которая была до войны. Новые правители дважды в год взбирались на гранитный склеп, чтобы показаться ритуально ликующему народу, — но это был лишь дряхлеющий муляж «нерушимого Союза». Не в силах наследовать сталинскую харизму, Хрущев развеял ее в докладе на XX съезде партии: «После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличения одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать, он непогрешим в своих поступках».

…"Понять — значит, упростить". Инстинктивный антифашизм нормального человека — упрощение. Прошло полвека, — и пора, наконец, взглянуть на историю холодно и трезво. Почему они были нечеловечески жестоки — эти двое — и бестрепетно приняли на себя кровь миллионов жертв?

«Низшие народности вымирают при соприкосновении с высшими. Им суждено рано или поздно, послужив человечеству, исчезнуть… Чем полнее будет население Земли, тем строже будет отбор лучших, сильнее их размножение и слабее размножение отставших. В конце концов последние исчезнут…». Это не гитлеровский «Майн кампф» и не «Миф XX века» Альфреда Розенберга. Автор этих строк сидит под громадным титановым монументом с маленькой ракетой на верхушке: Константин Эдуардович Циолковский. Он верил, что эволюция — «отбор лучших» — через миллионы лет трансформирует человечество в поток лучистой энергии, в единое сверхсущество — невидимое и всемогущее. Получив в управление свой участок Вселенной, оно станет карать и миловать низшие формы жизни.

Под знаком подобных идей начался новый век, и вожди исполняли даже то, что высоколобые философы стыдливо недоговаривали. Что придавало им силы, почему они не сошли с ума, — как тот пилот американского самолета-разведчика, который из двух намеченных целей выбрал для атомного удара Нагасаки? Ответ прост: Гитлер и Сталин были абсолютно уверены в том, что в следующей жизни их жертвы получат тела высшей расы. А цитата «калужского мечтателя» заканчивается так: «…в конце концов последние исчезнут для их же блага, так как воплотятся в совершенных формах».

18. НЕДОСТУПНЫЙ И НЕВИДИМЫЙ

Все сцеплено в этой загадочной истории, — словно шестеренки в часовом механизме. В первой статье о «невидимке», например, упомянут странный портрет: человек, у которого одна половина лица — звериный оскал, другая — светлая, задумчивая. Остальные детали И.Чутко

благоразумно опустил: усы, трубку и погоны генералиссимуса. Этот портрет висел в бартиниевском кабинете. Но была и другая картина, — о ней вспомнил В.Казневский: Бартини у окна, черная фигура, серый рассвет. Печаль. На переднем плане виден угол стола, на нем — тарелка громкоговорителя. Подпись в левом нижнем углу: «5 марта 1953 года». Какая же тайная нить связывала узника бериевской шараги с «кремлевским горцем»? И насколько случаен был эпизод в Ставке, когда обсуждали, какой самолет выбрать для Верховного Главнокомандующего, и Сталин сам предложил переделать бомбардировщик Бартини? Странный портрет Сталина в бартиниевском кабинете ничего не доказывает, как и «обмолвка» Гурджиева насчет «князя Нижарадзе». Невозможно подтвердить и то, что Бартини был учеником кавказского мага. Но про школу Гурджиева известно не так уж мало, — во многом благодаря Успенскому. Писатель и философ, хорошо разбиравшийся в физике и математике, знаток истории магии и оккультизма, Петр Успенский задумался над природой сновидений и телепатии. Он весьма рискованно экспериментировал с измененными формами сознания. В своих книгах Успенский пытался совместить метки научного позитивизма и оккультизма, перебросить мостик в новый век — век магии. Он был убежден, что сверхчеловечество всегда жило среди нас:

«Сверхчеловек не принадлежит исключительно историческому будущему. Если сверхчеловек может существовать на земле, он должен существовать и в прошлом и в настоящем. Но он не остается в жизни: он появляется и уходит. Точно так же, как зерно пшеницы, становясь растением, покидает сферу жизни зерна; как желудь, становясь дубом, покидает жизнь желудей; как гусеница, становясь куколкой, умирает для гусениц, а становясь бабочкой, покидает сферу наблюдения куколок — точно так же сверхчеловек покидает сферу наблюдения других людей, уходит из их исторической жизни. Обычный человек не в состоянии видеть сверхчеловека или знать о его существовании, как гусеницы не знают о существовании бабочки. Этот факт чрезвычайно труден для понимания, но он естественно психологически неизбежен. Высший тип ни в коем случае не может находиться под властью низшего типа или быть объектом его наблюдения, в то время как низший тип может находиться под властью и под наблюдением высшего типа. С этой точки зрения наша жизнь и история могут иметь определенную цель и смысл, которые мы не в силах понять. Этот смысл, эта цель — сверхчеловек. Все остальное существует для единственной цели — чтобы из массы человечества, ползающего по земле, время от времени возникал и вырастал сверхчеловек, — а затем покидал массы и становился недоступным и невидимым для них».

В своих ранних работах Успенский рассматривает мир четырех измерений, считая его достаточным для объяснения всех феноменов. После долгого путешествия «в поисках чудесного» (он побывал в Индии, на Цейлоне, в Персии и Египте) Успенский знакомится с Гурджиевым. В 1930 году на Западе выходит его самая значительная работа — «Новая модель Вселенной». В ней философ горячо убеждает читателя в том, что мир шестимерен: три измерения — это пространство, и еще три — время. Успенский вплотную подходит к идее множественности «параллельных» миров и даже пытается зримо описать ветвящийся фрактал шестимерной Вселенной: «Фигура трехмерного времени предстает в виде сложной структуры, которая состоит из лучей, исходящих из каждого мгновения времени: каждый из них содержит внутри себя собственное время и испускает в каждой точке новые лучи…».

До 1930 года в книгах и лекциях Успенского не было ни шестимерности, ни рассуждений о природе сверхчеловека. Две ноТзые идеи могли быть следствием личного знакомства Успенского и Бартини. Писатель покидает Россию в 1920 году — за три года до приезда туда «красного барона». В этот период встреча двух учеников Гурджиева представляется весьма вероятной.

«Обычный человек не в состоянии видеть сверхчеловека или знать о его существовании», — пишет Успенский. А знает ли о себе сам сверхчеловек? Его рождение должно быть похоже на десантирование в тыл противника: ревущая тьма. рывок, тишина, удар… Первые минуты о задании не помнят: нужно собрать парашют, закопать, сориентироваться и уйти как можно дальше от места приземления, не забывая при этом посыпать махоркой следы. Только потом в памяти всплывают явки, пароли, легенды — основная и запасная. Такая же задержка необходима при схождении Игрока в земной мир.

Особенно опасна память о предыдущих существованиях, — это знание обязательно проступит в поведении малыша, испугает родных, насторожит учителей, оттолкнет товарищей. Только богатство и знатность семьи могут уберечь ребенка от лишних контактов, — на то время, пока тактичный и ничему не удивляющийся домашний наставник подготовит Игрока к раскрытию его тайных способностей. Именно такая обстановка была создана для автобиографического героя «Цепи».

«Сосредоточив, очистив и прояснив свое сознание, устранив из него все нечистое, приготовив его к работе, сделав его непоколебимым и неизменным, я направил его к распознаванию воспоминаний о своих прежних существованиях, — говорит Будда Гаутама в „Мадджхиманикайя“. — Я вызвал в сознании мои различные существования в прошлом — одно рождение, второе, третье, стотысячное, великое множество рождений в эпоху распада мира, в эпоху его восстановления, и в новую эпоху распада, и в новую эпоху восстановления. Я вспомнил, какое имя я носил в каждом из них, к какому принадлежал роду, к какому сословию, какой вел образ жизни, какие наслаждения и страдания испытывал и каков был конец каждой из моих жизней. Покинув одну из них, я рождался где-нибудь в другом месте».

Можно предположить, что люди, поместившие Роберто в семью Орожди, имели возможность следить за его развитием. Тайная опека должна была продолжаться и в Будапеште. У нас есть основания полагать, что один из членов таинственного сообщества — человек необыкновенного педагогического таланта — стал преподавать физику в той гимназии, где учился его подопечный. Существование такого наблюдателя косвенно подтверждает эпизод, произошедший в туполевской шараге. В 1939 году туда привезли венгра Карла Сциларда. Оказалось, что в детстве Бартини сидел за одной партой с его братом Лео. Уехав в Германию, а затем в США, Лео Сцилард стал известным физиком, — именно он доказал практическую осуществимость цепной реакции при делении ядер урана. Поразительных успехов добились и другие однокашники Бартини: Эдуард Теллер стал «отцом водородной бомбы», Эуген Вигнер разрабатывал первый в мире ядерный реактор, Деннис Габор открыл голографию, Янош фон Нейман создал первые ЭВМ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «БОГИ, БОГИ МОИ!..»

— Неужели одно слово может столько всего значить! — задумчиво сказала Алиса.

— Когда я даю слову много работы, — сказал Шалтай-Болтай, — я всегда плачу ему сверхурочные.

Л.Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье».

1. «В БЕЛОМ ВЕНЧИКЕ ИЗ РОЗ…»

Устами своего героя Булгаков предостерегает читателей:

«Вы судите по костюму? Никогда не делайте этого, драгоценнейший страж! Вы можете ошибиться и притом весьма крупно». Так и оказалось: в булгаковскую Москву явился герой, удивительно похожий на Иешуа. При этом столица СССР описана с поразительной точностью, а таинственный иностранец некоторыми чергами походит на реального человека — барона ди Бартини. Может быть, в Москве тридцатых годов происходило нечто важное, имеющее самое прямое отношение к Иисусу из Назарета?

Две тысячи двадцать шесть лет назад поэт Вергилий предсказал скорое рождение чудесного ребенка, который приведет человечество к Золотому Веку. Буддисты ожидали Майтрейю, персы — Спасителя-Саошианта, индуисты — новое воплощение милосердного Вишну, иудеи — Мессию, могущественного царя-священника. Наконец, в маленьком галилеиском селении Назарет посвященная Богу девственница услышала обещание: «Ты родишь Сына и наречешь Ему имя Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца». «Дана мне всякая власть на небе и на земле», — говорил Своим

ученикам Спаситель. Но Иисус знал — не мог не знать! — что и через две тысячи лет мир будет далек от Его заповедей. Зачем же Он приходил?

«— Эти добрые люди, — заговорил арестант и, торопливо прибавив: — игемон, — продолжил: — ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время». А в одной из ранних рукописей Булгаков указывает точный срок — тысяча девятьсот лет. Не его ли роман должен положить конец «путанице»?

Есть факт. который не станет оспаривать даже атеист: то, что мы называем Историей, пустилось с места в карьер после рождения Иисуса. Инновационный взрыв. Сначала западному отряду человечества внушили, что надо спешить: каждому дается одна попытка, после чего избранные прямиком попадают в рай. Реформация довершила дело: успех в мирских делах был осознан христианами-протестантами как знак избранничества и прямая помощь Всевышнего. С невероятной быстротой люди обследовали, поделили, оборудовали доставшуюся им планету. И двинулись дальше… «Земля — колыбель человечества. Но нельзя же всю жизнь жить в колыбели!» — сказал глухой пророк из Калуги.

Три года потратил Магеллан, чтобы обогнуть земной шар. восемьдесят дней потребовалось герою Жюля Верна, сто восемь минут — Гагарину. По закону неубывания энтропии любая замкнутая система стремится к простоте и покою. Если она усложняется или ускоряет свое движение — налицо информационно-энергетическая подпитка извне. Иначе говоря — вмешательство… Вектор этих сил хорошо заметен на примере России. Первая мировая война и последовавший за ней небывалый социальный эксперимент поставил бывшую крестьянскую страну в положение осажденной крепости. Всего за два десятилетия родилась новая сверхдержава, — и это потребовало от людей небывалого напряжения сил и ограничения свободы. В тот год, когда на ракетных стендах заполыхали первые струи огня, треть населения голодала. Крестьян снова прикрепляли к земле. Инженера Цандера соседи считали помешанным, но каждый из них отдавал свои кровные Осоавиахиму, — а, значит, и Цандеру. Позднее ракетные дела стали субсидировать военные — опять-таки деньгами здравомыслящих граждан. То же самое происходило в других странах. Одну цель ловко подменили другой, и в невероятно короткий срок земляне сделали то, на что потребовались бы многие столетия мирной жизни: человек ступил на Луну и послал автоматические зонды на Марс и Венеру. Один аппарат уже покинул Солнечную систему. Крестовые походы, войны, революции и контрреволюции, массовые репрессии, научные открытия и технологические перевороты — все это совершалось ради того. чтобы вытолкнуть нас из тесной и прописанной колыбели.

Возможно, когда-нибудь историки смогут принимать в расчет количество и качество психической энергии, выброшенной в момент интересующего их события. Эти невидимые наслоения будут тщательно изучать, — как сегодня изучают изменение климата по годовым кольцам деревьев. Будущие исследователи непременно заметят два самых светлых слоя XX века — 9 мая 1945 года и день, когда полетел Гагарин. 12 апреля 1961 года необыкновенная радость буквально затопила страну.

«Почти весь путь от аэропорта до Кремля Гагарин стоял, потому, что не было ни одного километра на его трассе, где бы ни было ликующих людей, которые аплодировали ему, махали и бросали цветы, рискуя попасть под колеса семнадцати мотоциклов эскорта, окружавших его автомобиль. У самого Кремля, на повороте под своды Боровицких ворот, толпа прорвала оцепление: люди бежали бегом от Волхонки и Румянцевской библиотеки, размахивая флагами и букетами. Когда, подталкиваемый Хрущевым, он появился на трибуне Мавзолея, восторженный рев толпы прокатился над Красной площадью». (Я.Голованов, «Королев»).

Очень символично: внизу — «рев толпы», на трибуне — исполнители, а истинные виновники торжества остаются в тени. У Исторического музея ликующая толпа чуть не раздавила С.П.Королева с женой, а человек, которого Королев назвал своим учителем, в тот день вылетел в командировку.

«Бартини говорил о времени, когда околоземное пространство будет насыщено научными станциями — спутниками Земли, что это будут целые „острова“ на орбитах, о том, как с ними будет поддерживаться регулярная транспортная связь, что это будут стартовые площадки для полетов на другие планеты. И все это было задолго до запуска первого искусственного

спутника. Признаюсь, мы этому не верили и думали, что это дело далекого будущего. Но подошел 1957 год, и спутник был запущен».

Эти строки написал новосибирский ученый-аэродинамик П.Заев. Про давний интерес Бартини к ракетным делам и еще довоенные контакты с ГИРДом и Реактивным НИИ упоминал и В.Казневский. Он же рассказал о том, что кто-то из коллег-цаговцев видел в архиве калужского Музея космонавтики фотографию 30-х годов — группа участников запуска одной из первых ракет. Бартини — крайний слева, его почти не видно из-за плеча Меркулова. Очень интересный снимок: дело в том, что И.Меркулов — разработчик первых прямоточных реактивных двигателей — был давним другом И.Ефремова.

Таганрогского конструктора Владимира Воронцова, не раз бывавшего в московской квартире Бартини, поразила картина, датированная сорок седьмым годом. Она изображала взлетающую ракету. Удивила форма пламени — огненный шар: «Откуда он мог знать, что именно так будет выглядеть ракетный старт!?» А бывший парторг бартиниевского КБ вспомнил, что в конце 60-х годов Роберт Людвигович говорил о каком-то глобальном проекте под названием «Паутина». Он упомянул и о письме Хрущеву, которое Бартини написал через год после запуска спутника.

— Письмо Роберта Людвиговича не было связано с космосом и формально касалось лишь его проекта А-57, — объяснил нам маршал ВВС, числившийся в Группе генеральных инспекторов Генштаба. — Но оно добавило аргументов тем, кто предлагал сократить авиацию, чтобы высвободить ресурсы для Королева. Уже тогда его «семерка» могла доставить куда надо шесть тонн «водорода»! Ну, и спутники… Сербин говорил мне, что Бартинн лично встречался с Хрущевым и убедил его в том, что наши самолеты и самолеты-снаряды — нынешние и проектируемые — не смогут гарантировать ответный удар. Зачем ему это понадобилось?!

Письмо сохранилось в Архиве ЦК КПСС (ныне — Архив Президента РФ). Там все изложено так. как рассказал престарелый маршал, только зачем-то уточняется, что расчеты по машине проверяли в королевском КБ. Значит, наш информатор не ошибся в главном: в 1958 году Бартини помог Хрущеву утвердиться в правильности ракетного выбора, и дополнительные ресурсы были отданы Королеву. 16 сентября 1959 года, в 22 часа 02 минуты по Гринвичу советский космический аппарат достиг Луны. Как писали тогдашние газеты — «доставил вымпел Страны Советов». Доставка получилась очень символической: первый «лунник» врезался в поверхность на скорости двенадцать тысяч километров в час, — металл просто испарился. В эти дни Никита Хрущев был в США и выжал из триумфа максимум возможного.

В начале шестидесятых все советские проекты, могущие помешать гигантской лунной ракете Н-1, были решительно свернуты. А что происходило за океаном? Лишь одна программа могла угрожать «Аполлону» — сверхдорогой стратегический бомбардировщик ХВ-70 «Валькирия». Эта великолепная машина прошла первые испытания и показала скорость, в три раза превышающую звуковую. С такой скоростью она могла лететь целых полчаса — вполне достаточно, чтобы прорвать московское «Зеленое кольцо» — самую мощную в мире систему ПВО. Но 8 июня 1966 года во время показательного полета маленький «Старфайтер» словно магнитом притянуло к крылу бомбардировщика. «Очевидно, что перемещение F-104 с безопасной дистанции в точку контакта происходило постепенно и не осознавалось пилотом», — такой удивительный вывод сделала комиссия о действиях Джозефа Уокера, одного из лучших летчиков-испытателей Соединенных Штатов.

Некоторые военные аналитики сегодня считают, что «Валькирия» могла не только затормозить лунную программу, — она бы ее похоронила! Представим, что катастрофы не было, и принято решение о производстве этих бомбардировщиков. Не было также кремлевского переворота шестьдесят четвертого года. В ответ на «Валькирию» Хрущев подвешивает над Америкой первую гроздь водородных зарядов, — такой проект существовал и получил поддержку военных. Реакцию американцев нетрудно просчитать: они напрочь забывают о Луне и бросают все силы на нейтрализацию орбитальных мин. Этого, конечно, не допустили.

Понимал ли Хрущев смысл происходящего? В последние годы он много читал, надиктовывал мемуары и даже пробовал заниматься живописью. Одну из его картин недавно показали широкой публике: трое на фоне земного шара — сам Никита Сергеевич, Карл Маркс и… Христос!

2."И ПРИ ЛУНЕ МНЕ НЕТ ПОКОЯ…"

Первую большую ракету построил потомственный рыцарь Мальтийского ордена барон Вернер Магнус Максимилиан фон Браун — в те годы, когда его русский коллега кайлил вечную мерзлоту на колымском прииске, а потом делал разную мелочевку в авиационной шараге. Но и фон Брауна ненадолго арестовывали: в приватной беседе конструктор сказал, что ему «наплевать на победу фюрера» и что «лично ему нужна Луна». В конце войны немцы обстреливали ракетами ФАУ-2 Англию и готовились пускать через океан двухступенчатые А-9.

Летом сорок пятого Королева освобождают и командируют в побежденную Германию. Бывший зек скопировал брауновские «изделия» и пошел дальше, а немецкий конструктор все еще убеждал американцев в преимуществах ракеты перед бомбардировщиком. Только в 1951 году фон Браун по-настоящему включился в гонку. Когда первый спутник потряс мир, коллегам по обе стороны океана стало легче. Космос превратился в выставку достижений народного хозяйства СССР и США, стал священной коровой государственных бюджетов.

Выступая в конгрессе, президент Кеннеди назвал высадку человека на Луну «программой спасения национального престижа». Вопрос стоял так: победить в лунной гонке должна самая совершенная социальная система. Лидировал Советский Союз — первый спутник, первый человек, первые межпланетные зонды, первый выход в открытый космос… Когда битва за Луну уже близилась к завершению, умер Королев. Фон Браун ушел в отрыв, и 20 июля 1969 года «Аполлон — 11» достиг Луны. Только СССР и Китай не транслировали лунный репортаж. Когда Нейл Армстронг произносил заранее приготовленную фразу — «Маленький шаг одного человека — огромный скачок человечества!» — советские телезрители смотрели старую комедию «Свинарка и пастух».

…В такие моменты остро ощущается присутствие невидимой силы — по особой симметричности лиц и событий. Академик Борис Раушенбах писал о «мистическом соответствии» судеб лунных полководцев — Королева и фон Брауна: «Оба они увлекались планеризмом. Оба получили образование в высших технических учебных заведениях и получили звания авиационных инженеров. Оба начали практическую работу по ракетной технике в малых, полулюбительских группах: Королев — в ГИРДе, фон Браун — на берлинском „ракетодроме“. Оба перешли на работу по заданиям военных ведомств: Королев — в Реактивный научно-исследовательский институт, фон Браун — в Куммерсдорф. Оба отличались выдающимися способностями организаторов и стояли у истоков того, что сегодня называется ракетно-космической промышленностью. Оба на начальных этапах вели свои работы в тоталитарных государствах: Королев — в сталинском, фон Браун — в гитлеровском. Оба в возрасте 32-х лет были репрессированы по надуманным обвинениям: Королев — НКВД, фон Браун — гестапо. Обоим были предъявлены одинаковые обвинения: Королеву — во вредительстве, фон Брауну — в саботаже. Обоим удалось вернуться к активным работам по ракетной технике. Королев запустил первый советский искусственный спутник Земли (он был и первый в мире), фон Браун — первый спутник в США. Оба были признанными руководителями космических программ своих стран, и оба умерли от одной и той же болезни, проклятья нашего времени — рака».

Фон Браун считал своим учителем Германа Оберта — одного из пионеров космонавтики, страстного пропагандиста полета на Луну. Еще студентом он прочитал «Пути осуществления космических полетов» и предложил Оберту все свое свободное время. Но сам Оберт по многим причинам вынужден был отойти от постройки ракет и заняться теоретическими вопросами. В конце жизни он пришел к любопытным выводам: человечество пасется могущественными и невидимыми существами — «уранидами» (от греческого «уранос» — «небо») — истинными хозяевами Галактики. Земля и другие планеты — это своего рода «исправительные учреждения», а космические старты выражают неосознанное стремление к свободе. Оберт говорил, что созревающая душа сменяет множество планет и телесных оболочек, но вырваться из этого круга и стать «уранидом» удается очень немногим.

Двенадцать человек побывали на Луне. Затем программу закрыли. Сами американцы сегодня с изумлением вспоминают лунный психоз шестидесятых: зачем нам понадобилась эта

стылая глыба? Каждый посадочный модуль стоил в 15 раз дороже, чем если бы его сделали из чистого золота. Ведро лунной породы — как 35 ведер бриллиантов!..

В Библии сказано: «Создал Господь два светила великие — одно для управления днем, другое — для управления ночью». Луна — ретранслятор? Между тем, сам Бартини — тайный вдохновитель советской космической программы — очень плохо переносил полнолуние. Одному из своих друзей он объяснил, почему не открывает плотную штору в кабинете: ночное светило, как гигантский пылесос, втягивает в себя психическое излучение человечества. «Луна — санаторий душ», — сказал Бартини и процитировал Плутарха: «Души проводят там очень легкую и приятную, но не блаженную и не божественную жизнь».

По-видимому, Булгаков это знал. «И при луне мне нет покоя!» — говорят в романе Пилат и мастер, а Маргарита летит на бал весеннего полнолуния. Затем влюбленные «умирают» и улетают с земли, — но куда? Разгадка ждет нас в конце эпилога: «Тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны. Луна властвует и играет, луна танцует и шалит. Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина и выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося, обросшего бородой человека». Затем она возвращается — «уходит вместе со своим спутником к луне». В более откровенной редакции 1938 года эпилога не было, и роман заканчивался прощанием с Воландом. Пилат встретился с Иешуа на лунной дороге, и это же предстоит влюбленным: «Идите же и вы к нему!» К Иешуа — на Луну?.. «Мастер одной рукой прижал к себе подругу и погнал шпорами коня к луне, к которой только что улетел прощенный в ночь воскресенья пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат».

«Он не заслужил свет, он заслужил покой».

Следы остаются, а знаки оставляются — видимые всем, но адресованные очень немногим. Двухтысячелетний скачок от колесницы к «Аполлону» потребовал колоссальной концентрации ресурсов и сопровождался целой серией глобальных подвижек. Наиболее кровавые из них закончились перед стартом лунного марафона. Те, кто жил в «самой читающей в мире стране», могли заметить странное совпадение: булгаковский роман напечатали в том году, когда человек облетел Луну. Через два с половиной года люди, никогда не слышавшие о Булгакове — американцы Армстронг и Олдрин — назвали место прилунения «Базой Покоя». Когда на Луну ступил последний из двенадцати астронавтов, началось триумфальное шествие рок-оперы «Иисус Христос — суперзвезда».

3. «РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ»

Историк, пытающийся проследить за действиями «существ, более развитых, чем человек», чувствует себя, словно муха в паутине. Трудно отделить главное от второстепенного. Запуск первого «лунника», например, может быть связан с Атлантидой, — только потому, что он счастливо совпал с началом хрущевской кампании по кукурузе. Не спешите улыбаться: дело в том, что на Земле не найдено диких предков кукурузы. Это означает, что «королева полей» — результат генной инженерии и единственный стоящий аргумент тех, кто верит в существование древней высокоразвитой цивилизации.

В неожиданном свете предстает и поведение нашего естественного спутника. Луна расположена на таком расстоянии от Земли, что ее видимый диаметр равен видимому диаметру Солнца. Собственное вращение точно синхронизировано с обращением вокруг Земли, — и потому мы всегда наблюдаем только одно лунное полушарие. Долгое время считалось, что «виновато» смещение центра масс. Но гипотеза не подтвердилась, и сегодня никто не может найти естественные причины этого явления.

Примерно сто лет назад астрономы всего мира стали отмечать таинственную активность на лунной поверхности — светящиеся точки, линии, кресты. Более двух тысяч подобных сообщений получило от своих членов Британское астрономическое общество в одном только 1879 году. Полвека спустя были зафиксированы так называемые «лунные купола», — их насчитали около двухсот. Опубликованы сотни сообщений о движущихся огнях и целых сериях разноцветных вспышек. В начале пятидесятых астрономы наблюдали нечто, напоминающее мальтийский крест. В 1959 году профессор Козырев обнаружил на Луне вулканическую деятельность. А чуть позже появилась гипотеза американского астронома Карла Сагана — о

том, что под лунной поверхностью существуют гигантские пещеры искусственного происхождения. Сагана поддержал директор Пулковской обсерватории Александр Дейч.

Но самое интересное открытие сделано в 1937 году: Луна — не единственный наш спутник. По сильно вытянутой орбите движется крохотная планетка Гермес диаметром 700 метров. Не про нее ли рассказывал Маленький принц? Георгий Гурджиев писал о второй луне: «Современные трехмозговые существа… ничего не знают об этом прежнем осколке их планеты, главным образом потому, что его сравнительно малый размер и отдаленность места его движения делают его совершенно невидимым для их взора… И если кто-нибудь из них случайно увидит его через их хорошую, но тем не менее детскую игрушку, называемую телескопом, он не обратит на него внимания, принимая его просто за большой метеорит».

В Европе Гурджиева считали турком. После войны и революции он перебрался из России сначала в Турцию, а затем во Францию, где приобрел вполне европейский вид. (Ср.: турецкий астроном в «Маленьком принце» открыл новый астероид, но ему сначала не поверили, потому, что он был одет не по-европейски). Гурджиев утверждал, что маленькая луна была хорошо известна атлантам, которые называли ее словом, переводимым так: «Никогда не позволяющий кому-либо спать спокойно». Оба спутника поддерживают и направляют органическую жизнь на Земле. Эту мысль развивает и его ученик Успенский:

«Органическая жизнь на Земле питает Луну. Все живое на Земле — люди, животные, растения — служат пищей для Луны. Луна — это огромное живое существо, которое питается всем, что живет и растет на Земле… Человек, как и всякое иное живое существо, не может в обычных условиях жизни оторваться от Луны. Все его движения и, следовательно, все действия совершаются под контролем Луны. Если он убивает другого человека, это делает Луна; если он убивает себя, приносит себя в жертву ради других, это также делает Луна».

История человечества — это история лунного рабства, настолько абсолютного, что о нем никто не догадывается. Из невидимых пут вырываются лишь одиночки: «Освобождение, которое приходит вместе с ростом умственных сил и способностей, есть освобождение от Луны». Гурджиев говорил о неограниченной власти Луны еще в начале XX века. А тем временем на Земле в тихих провинциальных городках рождались безумцы, охваченные странной идеей: взлететь, опираясь на струю пламени. Юрий Кондратюк, например, еще в 1916 году рассчитал «улиточную» трассу полета к Луне — ту, по которой полвека спустя полетели «Аполлоны».

«Луна властвует и играет, луна танцует и шалит».

В булгаковском романе есть одна странная ниточка, которая ведет непосредственно к «Аполлону». Она начинается в Москве, в Воротниковском переулке, д.1, кв.2, — именно сюда направился Булгаков по приезде в Москву в двадцать первом году. Там проживал родственник его первой жены Борис Земский — помощник начальника Академии воздушного флота по учебной части. В 1922 году он устроил Булгакова на работу в издательский отдел научно-технической комиссии Академии. Тогда же будущий писатель знакомится с другом Земского — известным аэродинамиком Владимиром Ветчинкиным. В 1927 году энтузиасты космических полетов Земский и Ветчинкин были в числе организаторов «Первой мировой выставки межпланетных аппаратов и механизмов» — в доме №68 на Тверском бульваре. Десять тысяч посетителей видели эту композицию. Она начиналась прямо на улице — за стеклом огромной витрины расстилался лунный пейзаж с серебристой ракетой, и маленький космонавт в скафандре стоял на гребне кратера, глядя на зеленоватый диск восходящей Земли.

В начале тридцатых Земский и Ветчинкин читали лекции ракетчикам Королева, а позже работали консультантами в Реактивном НИИ. Именно профессор Ветчинкин редактировал брошюру Ю.Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств», изданную в Новосибирске за счет автора. Он же познакомил Кондратюка с Королевым. Королев предложил ему работать в ГИРДе, но Кондратюк отказался. Почему? Историки космонавтики объясняют, что он жил под чужим именем и опасался проверки: группа Королева была полувоенной организацией. Вполне убедительно, — если рассматривать факты изолированно. Но, зная цепочку последующих событий, можно предположить, что его согласие могло нарушить какие-то сроки.

В сорок втором году сержант Кондратюк погиб на фронте; его полуобгоревшую тетрадь с формулами нашел немецкий солдат и передал по инстанции. Таким непростым путем тетрадь

попала в ракетный центр Пенемюнде — к фон Брауну, а в сорок пятом — на Лубянку. Но и на этом странная история не заканчивается. Сразу после войны Ветчинкин прилагает массу усилий, чтобы переиздать книгу Кондратюка в «Оборонгизе». Она выходит в 1947 году тиражом 2000 экземпляров. Один экземпляр поступает в библиотеку Конгресса США. После триумфа первого спутника американцы подняли всю советскую литературу по космосу, — таким образом репринт английского перевода «Завоевания межпланетных пространств» оказался на рабочем столе Джона Хуболта, одного из ведущих специалистов проекта «Аполлон». Три года Хуболт твердил фон Брауну о преимуществах кондратюковской схемы посадки. И убедил его, — сэкономив Америке несколько лет и миллиарды долларов. А в 1971 году Нейл Армстронг — первый человек, ступивший на Луну, — во время поездки в СССР специально побывал в Новосибирске — в доме, где жил «лунный пророк».

4."АТОН" ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

В бартиниевском фонде Научно-мемориального музея Н.Е. Жуковского хранится одна из работ, посвященных природе времени. Бартини пишет о том, что пространство-время похоже на киноленту: наше сознание перескакивает от кадра к кадру через разрывы непрерывности — черные щели небытия.

«Передо мной качается маятник часов. В своих крайних положениях маятник останавливается, между этими положениями он находится в движении. Качание маятника я заснял киноаппаратом. Последовательные положения маятника на киноленте отображены рядом, они присутствуют тут неподвижно и в одинаковой мере. Но все кадры несколько смазаны: во время экспозиции маятник переместился, центр груза изображен не точкой, а черточкой. Когда я увеличивал скорость съемки, длительность экспозиции сокращалась и черточка становилась короче. Что же будет в пределе? Очевидно, я получу вереницу неподвижных дискретных точек, плотно прилегающих друг к другу: тут точка есть, потом она исчезает и появляется рядом. Это та же самая точка? Или исчезла одна, а появилась другая? Что есть движение — сумма неподвижных положений или сумма исчезновений и появлений? Как возникает движение? Куда исчезает и откуда появляется точка? Уничтожается ли она, когда исчезает, или существует попеременно в бытие и инобытие?»

Именно эта идея легла в основу фантастической новеллы Сигизмунда Кржижановского «Собиратель щелей». Его герой останавливает прыжки сознания и проваливается в щель между «кадрами», — исчезает из мира, оставив мертвое тело. Сходство налицо. Видно также, что автор любит слово «диск»: оно встречается восемнадцать раз, и больше половины — в первой главе.

Летом двадцать пятого года Кржижановский жил в доме Волошина — вместе со своим другом Михаилом Булгаковым. А первое, что делает в полете булгаковская Маргарита — разбивает «освещенный диск» дорожного знака и крушит окна писательского дома. «Писательским домом» назван и ресторан: «Ба! Да ведь это писательский дом. Знаешь, Бегемот, я очень много хорошего и лестного слышал про этот дом. Обрати внимание, мой друг, на этот дом. Приятно думать о том, что под этой крышей скрывается и вызревает целая бездна талантов». Даже самые мелкие детали подчеркивают скрытое единство двух домов: к писательскому дому подъезжает пожарная машина, а ресторан («писательский дом») действительно сгорает. Но «форменный пророк» Бегемот обещает, что будет построено новое здание — «лучше прежнего». Эти строки появились после ареста Бартини. Можно предположить, что дом, в котором жильцы «скрывались и вызревали» — аллегория тайного общества, выбравшего своим знаком диск. Не ведет ли эта ниточка к дому Волошина?

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, событья, мечты, корабли…
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений Земли!..

Знатоки советской фантастики, несомненно, припомнят это четверостишие. Оно приведено без указания авторства в «Туманности Андромеды», — эпитафия, высеченная на надгробном камне «знаменитого поэта очень древних времен». Но автор известен —

Максимилиан Волошин.

В ефремовском романе тоже встречается много дисков, — начиная с дисков-циферблатов и кончая той звездой, к которой направляется экспедиция: «По мере приближения к Зирде ее светило стало огромным алым диском…». На обратном пути герои становятся пленниками опасной планеты и находят там огромный звездолет дискообразной формы, потерпевший катастрофу много миллионов лет назад. Во второй главе действие переносится на земную станцию связи с другими цивилизациями. Главный «связист» Дар Ветер уходит с работы, и перед этим руководит последним сеансом: «По знаку Дар Ветра Веда Конг встала на отливающий синим блеском круг металла…». Затем мы видим третий диск: Дар Ветер и его возлюбленная летят над Западной Сибирью на маленькой круглой площадке. Тоже понятно: когда Ефремов писал эту главу, создатель самолета-амфибии ДАР еще работал в Новосибирске. В конце романа Дар Ветер вернулся к руководству межзвездной связью, а к огромному диску отправилась новая экспедиция. Тайный союз возродился? Через год Ефремов напечатал новую повесть — «Сердце Змеи». Сюжет ее похож на «Туманность…»: земная экспедиция летит к одной из ближайших звезд. «Подозревалось, что звезда была связана с темным облаком в форме вращающегося электромагнитного диска, обращенного ребром к Земле».

Нашу догадку неожиданно подтвердил В.Казневский:

— Учениками Бартини были некоторые писатели, кинорежиссеры, художники, ученые. Они именовали себя «дисковцами», а тайная школа называлась «Атон». Атон — солнечный диск у древних египтян. Он считался воплощением великого бога Ра, его видимым телом.

(Ра-Мег!)

Виктор Павлович показал нам список «дисковцев». Максимилиан Волошин, Владимир Маяковский, Александр Грин, Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Сигизмунд Кржижановский, Алексей Толстой, Леонид Леонов, Валентин Катаев, Юрий Олеша, Евгений Шварц, Иван Ефремов, Лазарь Лагин, Николай Носов — эти имена (и некоторые другие) мы встретили с чувством глубокого удовлетворения. Но кто такие Г.Альтшуллер, Ю.Долгушин, А.Полещук, П.Аматуни? И почему среди сказочников и фантастов оказались знаменитые сатирики Илья Ильф и Евгений Петров? Еще загадочнее выглядит в этом списке Владимир Набоков, покинувший Россию в 1919 году: где и когда он мог познакомиться с Бартини? Но одна ниточка все же существует — очень тонкая и ничего не объясняющая. В 1904 году Набоковы побывали в Фиуме. Полвека спустя писатель вспоминал об этом в автобиографических «Других берегах»:

«Место это, конечно, Аббация, на Адриатике. Накануне в кафе у фиумской пристани, когда уже нам подавали заказанное, мой отец заметил за ближним столиком двух японских офицеров, и мы тотчас ушли; однако я успел схватить целую бомбочку лимонного мороженого, которую так и унес в набухающем небной болью рту. Время, значит, 1904 год, мне пять лет».

5. «ПРИЕХАЛ ЖРЕЦ!»

Барон не мог уйти, не заложив новую информационную бомбу. Мы глотали пыль в библиотеках и архивах, листали семейные альбомы, чертежи, письма, мы опрашивали людей, которые знали Бартини или только слышали о нем от других. Обнаружились любопытные связи — Гурджиев, Сталин, Хрущев, Королев, Булгаков, Ефремов — но настоящий «клад» найти не удавалось.

«Где умный человек спрячет лист? В лесу». Все объяснил список «Атона»: каждый из писателей-"дисковцев" зашифровал информацию и размножил ее в сотнях тысяч экземпляров своих книг. Некоторые — в миллионах… Следует ожидать, что «второе дно» этих произведений почти не соотносится с их жанром и содержанием. Менее очевидным может показаться другое предположение: все зашифрованные книги содержат одни и те же сведения, — как голограмма, разрезанная на кусочки.

«Четким очертанием, огромным, косматым клубком Солнце висело в пустой темноте. С боков его, как крылья, были раскинуты две световые туманности». Через несколько страниц герои «Аэлиты» снова видят наше светило: «Раскинув узкие туманные крылья, пылающее солнце клонилось к закату». Именно так изображали Атон древние египтяне — солнечный диск

с крыльями. В энциклопедии «Мифы народов мира» можно прочитать о том, что Ра, родившийся от небесной коровы, именовался «золотым теленком». Его главный атрибут — диск. А какой предмет мы видим у Бендера при первом появлении в «Двенадцати стульях»? «В руках молодой человек нес астролябию». Этот угломерный прибор представляет собой диск — медный, бронзовый или деревянный. В «Золотом теленке» герой прямо отождествляется с диском:

«Перед ним сидел атлет с точеным, словно выбитым на монете лицом». Тот же знак предъявлен в последней главе романа: «Разжав руку, Бендер увидел на ладони плоскую медную пуговицу…».

«Чтоб дети наши не угасли, пожалуйста, организуйте ясли!» — такой плакат видят во время автопробега «дети лейтенанта Шмидта». А во что превратилось сокровище воробьяниновской тещи? В железнодорожный клуб с яслями!.. Сопоставьте это с нелепым «вер-блюдом» из спектакля театра «Колумб», с «блюдечком», на котором Корейко должен принести деньги, и с золотыми предметами, перенесенными Бендером через границу — блюдом и крестом. В церковной символике блюдо означает Вифлеемские ясли, а называется — дискос. Школа «Атон»? В пустейшей болтовне Остапа со студентами-попутчиками проскользнули два слова — «тайное обучение». А в предыдущей главе Бендер встречается со знаменитым индийским мудрецом, которого все называют Учителем, и несколько часов слушает его панегирик советским школам. Но настоящий Учитель надежно укрылся за обаятельным мошенником из «внешнего» сюжета — убитым и воскресшим. «Дважды рожденный», как именуют индусских браминов…

Вспомните текст афиши «с портретом самого Бендера», которую Остап вынул из акушерского саквояжа: «Приехал Жрец (знаменитый бомбейский брамин-йог)». Далее следует перечисление чудес, в числе которых — «материализация духов и раздача слонов». Не напоминает ли это афишу булгаковского мага? Вот еще одно пересечение: «Мужская сила и красота Бендера были совершенно неотразимы для провинциальных Маргарит…». Воланд: «Один, один, я всегда один». Бендер: «У меня нет родственников, товарищ Шура, я один на всем свете…». Бендер представляется Вольдемаром — не слышится ли в этом имени какое-то другое? И не угадывается ли в конторе «Рога и копыта» одно из ранних названий булгаковского романа — «Копыто инженера»?

«Когда поднялась луна и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского…», — пишут Ильф и Петров. И далее: «На медной его спине можно было ясно разобрать написанное мелом краткое ругательство». Медных и каменных жуков с письменами на спинке — скарабеев — носили древние египтяне. Скарабеи олицетворяли бога Ра, а на груди умершего жук указывал на реинкарнацию. Этот знак носит и булгаковский иностранец: «Еще разглядела Маргарита на раскрытой безволосой груди Воланда искусно из темного камня вырезанного жука на золотой цепочке и с какими-то письменами на спинке». Нетрудно догадаться, что прообразом Бендера и Воланда послужил один и тот же человек.

Что пожелал купить Бендер в «Золотом теленке», — получив заветный миллион? «Я покупаю самолет! — поспешно сказал великий комбинатор. — Заверните в бумажку». Еще одна примета — шарф: «Его могучая шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом». Именно так ходил Бартини! Правда, шарфы он признавал только одного цвета — белые — и покупал их в Военторге на Кировском. Когда в тюрьме шарф отобрали, он стал накручивать на шею вафельное полотенце. В статье о «самолете-невидимке» И.Чутко вывел Бартини под фамилией Дунаев: по документам барон родился в Австро-Венгрии, в маленьком задунайском городке. «Ах, да!.. Волнующая история! Барон-изгнанник!..» — говорит Бендер в седьмой главе. Муссируются и «баронские сапоги» Воробьянинова. А в тридцать пятой главе «Золотого теленка» Остап почему-то рекомендуется… Бендером-Задунайским! Это повторяется трижды — достаточно для вдумчивого читателя.

В старгородском приюте Бендер встречает своего карикатурного двойника — Пашу Эмильевича: именно он украл стул из красного уголка. Эмилий Павел — римский полководец, завоевавший и ограбивший Грецию. Но самый прозрачный намек на таинственного итальянца остался в главе «Могучая кучка или Золотоискатели», опубликованной лишь в журнальной редакции первого романа. В этой главе рассказывается, как Ляпис-Трубецкой сопоставил

несколько сообщений о потрошителях стульев, и в его голове родилась идея поэмы: в одном из стульев спрятана формула «лучей смерти». Поэт поделился замыслом с друзьями, и они решили написать оперу «Железная роза» — про то, как за стулом охотятся лица итальянской национальности — гроссмейстер фашистского ордена Уголино и принц Сфорца, переодевшийся советским комсомольцем. В книгу этот сюжет не вошел: итальянского гроссмейстера слишком легко связать с «гроссмейстером» Бендером.

6. «ИНТЕРЕСНЫЕ РУКОПИСИ БЭКОНА»

Мы предположили, что булгаковский Воланд списан с Бартини. На «красного барона» болезненно действовал свет полной луны, и это черта отразилась в той главе, где иностранец под видом мастера посещает Ивана Бездомного: «На балконе возникла таинственная фигура, прячущаяся от лунного света…». И далее: «Судороги то и дело проходили по его лицу. В глазах его плавал и метался страх и ярость. Рассказчик указывал куда-то в сторону луны, которая давно уже ушла с балкона».

Вина Луны, она, как видно,
Не в меру близко подошла к Земле
И сводит всех с ума.

Эти шекспировские строки заставляют вспомнить о загадочной болезни его современника — Френсиса Бэкона, барона Веруламского, виконта де Сент-Олбани: случалось, что в ночи полнолуния он падал в обморок. Лорд Бэкон был блестящим придворным, ученым-естествоиспытателем, мыслителем, сокрушившим средневековую схоластику и угадавшим некоторые черты будущего — воздушные корабли, сверхглубокие шахты, радио и телевидение. Духовник короля Якова I Джозеф Глэнвиль передает, что Бэкон создал некое общество для осуществления своих любимых идей. А доктор У.Роули — друг и духовник самого Бэкона — с восхищением писал: «Если бы я помыслил, что Бог излил на кого-нибудь из нынешних людей луч познания, то это относилось бы к нему. Он прочитал много книг, но знание его происходит не от книг, но из самих основ и понятий внутри него самого».

Многие западные исследователи считают, что Френсис Бэкон стал первым идеологом того типа общественных отношений, который впоследствии наиболее отчетливо сложился в Соединенных Штатах Америки. Будучи лордом-канцлером, Ф.Бэкон тайно способствовал тому, чтобы государство притесняло пуритан — этих религиозных максималистов, мужественных и трудолюбивых скопидомов, обуянных идеей своего избранничества. Историкам еще предстоит оценить усилия великого канцлера, благодаря которым в 1620 году корабль «Мейфлауэр» высадил на североамериканский континент «отцов-пилигримов» — первых колонистов-пуритан.

Новая Англия — ступенька к Луне: чем ближе к экватору располагается место старта, тем меньшая мощность нужна для вывода аппарата на орбиту. Таким образом, победитель лунного марафона 60-х годов был предрешен: чтобы быть в равном положении с американцами, нам требовался космодром где-то на широте Дели.

…Вы заметили, читатель, что в булгаковском романе чересчур много сидящих? Взять, к примеру, Воланда: он присаживается на скамейку между двумя литераторам, сидит на табуретке, на кровати, в седле и на террасе, требует кресло на сцене Варьете. «Я люблю сидеть низко», — говорит иностранец. То же самое делают другие персонажи — Пилат, Левий Матвей, Иван, Маргарита и Босой. А Бегемот, сидящий на толстой пачке рукописей!?. Все объясняет странная латинская надпись на надгробном камне в церкви Св. Павла в Сент-Олбани: вместо обычного «Здесь покоится…» — «Бэкон сидел здесь». Писали, что при раскопках в гробу была найдена лишь свинцовая кукла.

В редакции «Мастера…», датированной 1937 годом, Воланд так объясняет цель своего приезда: «…Тут в государственной библиотеке нашли интересные рукописи Бэкона и бенедиктинского монаха Гильдебранда, тринадцатый и одиннадцатый век». Но в тринадцатом веке жил совсем другой Бэкон! Было два знаменитых однофамильца — монах-францисканец Роджер Бэкон (XIII в.) и лорд-канцлер Френсис Бэкон (XVI-XVII в.в.). Во всех текстах их традиционно различают по именам, и Булгаков не мог этого не знать. К тому же, будь это

Роджер Бэкон, писатель упомянул бы его монашеский сан и даже орден, к которому тот принадлежал, — как он сделал это с «бенедиктинским монахом Гильдебрандом». Но имя, сан и конгрегацию Булгаков опускает — не для того ли, чтобы посредством одного Бэкона указать на другого?

В рукописи 1934 года Бэкона еще нет: «Тут в государственной библиотеке громадный отдел старой книги, магии и демонологии…». А в последней редакции (менее откровенной) — его уже нет. Почему? И на какие рукописи намекает Воланд, якобы приглашенный государственной библиотекой их «разбирать»?

«На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий Москвы, здания, построенного около полутораста лет назад, находились двое: Воланд и Азазелло». Это, как известно — «Дом Пашкова». В первой редакции романа здание еще более узнаваемо: Воланд и его свита проходят через читальный зал библиотеки. Дело в том, что в «Доме Пашкова» долгое время располагался отдел рукописей той самой государственной библиотеки, где «историк» Воланд должен был разбирать рукописи Ф.Бэкона. На самом деле мага интересовала лишь одна рукопись — роман мастера, рассказывающий о Пилате и Иешуа. Новое Евангелие. Но именно Френсис Бэкон возглавлял работу по переводу и уточнению Библии!

«Историк по образованию, он еще два года тому назад работал в одном из московских музеев, а кроме того, занимался переводами». Это сказано о мастере. Рекомендуется переводчиком и помощник «евангелиста» Воланда — Коровьев. В конце жизни Ф.Бэкон становится лордом-канцлером, — не потому ли первая полная редакция романа называлась «Великий канцлер»?

«Фирменный знак» Бэкона — боров — украшал его герб и виньетку одного из гравированных портретов. Некоторые исследователи считают, что наличие этого знака в ряде известных книг того времени указывает на истинного автора или на его школу. Не случайно в булгаковском романе появляется кот, «громадный, как боров», и Николай Иванович — ответственный работник, превратившийся в летающего борова. (В полете он беспокоится о сохранности каких-то важных бумаг!) Прибавьте сюда засаленный халат Воланда, который он набрасывает на плечи Маргариты и засаленную шапочку мастера, — сшитую Маргаритой. А в эпилоге романа упомянут кандидат химических наук Ветчинкевич, — его приняли за Воланда и арестовали. Сало — ветчина — бекон. Сравните с пьесой «Иван Васильевич»: действие начинается с «утренней лекции свиновода». В момент появления царя радио убеждает слушателей хорошо относиться к свиньям.

7."МОИ СОЧИНЕНИЯ Я ЗАШИФРОВАЛ…"

Если Воланд должен «разобрать» рукописи Бэкона, — значит, они зашифрованы. Между тем, Френсис Бэкон считался специалистом по шифрам, — он даже написал специальную работу, посвященную криптографии. Известна и бэконовская классификация «идолов» — ложных идей, загромождающих сознание человека. Не случайно слово «идолы» несколько раз повторяется в ершалаимской части и трижды — в последней главе романа. «…И эти идолы, ах, золотые идолы. Они почему-то вес время не дают покоя», — говорит Маргарита мастеру. А почему Булгаков назвал свою героиню этим именем?

«Вы сами — королевской крови», — говорит Маргарите Коро-вьсв и объясняет, что она — прапрапраправпучка одной из французских королев шестнадцатого века. Булгаковеды уже вычислили эту августейшую особу — Маргарита Наваррская. Строго говоря, она не была французской королевой — такой, как жившая в том же веке Маргарита де Валуа, жена короля Генриха IV. Но та королева была бездетной и не могла иметь прапрапраправнучку. Значит — Наваррская?.. Согласиться с этим мешает эпизод на реке, где прилетевшую Маргариту узнает какой-то загадочный толстяк: «Светлая королева Марго!»

Дюма-отец, «Королева Марго»?

И все-таки это была Маргарита де Валуа: толстяк «залопотал… какой-то вздор про кровавую свадьбу своего друга в Па риже Гессара». Гессар — парижский издатель, опубликовавший переписку Маргариты де Валуа. Про ее свадьбу у Брокгауза и Ефрона сказано:

«отпразднованная с большой пышностью, закончилась Варфоломеевской ночью или парижской кровавой свадьбой».

А зачем вообще понадобилось запутывать читателя — тем же нехитрым приемом, что и с двумя Бэконами? Маргарита де Валуа была бездетна (как и Маргарита!), но в той же редакции романа, где упомянуты «интересные рукописи Бэкона», Коровьев говорит отнюдь не о «прапрапраправнучке»: «Если разрешите… потом… это долго, — голос Коровьева становился все тише, — тут вопрос переселения душ… В шестнадцатом веке вы были королевой французской… Воспользуюсь случаем принести вам сожаления о том, что знаменитая свадьба ваша ознаменовалась столь великим кровопролитием…». Не Гессара, а ее собственная!..

Душа ровесницы Ф.Бэкона — французской королевы Маргариты де Валуа — воплотилась в Маргариту. По какому-то загадочному закону обстоятельства ее жизни воспроизвелись в Москве 30-х годов: она бездетна, не любит своего мужа, занимает верх прекрасного особняка, не нуждается в деньгах и не прикасается к примусу. Даже замуж она вышла девятнадцати лет — как и Маргарита де Валуа! В последней редакции Булгаков убирает намеки на Френсиса Бэкона и запутывает вопрос о происхождении Маргариты. Тогда же из текста исчезают некоторые приметы Бартини. Не связано ли это с его арестом в январе тридцать восьмого года?

…После первой мировой войны шеф шифровальной службы французской армии генерал Картье и американский контрразведчик полковник Фабиан заинтересовались страницей из прижизненного издания бэконовского «Нового Органона». Картье нашел ключ к шрифтовому коду, и в начале двадцатых годов расшифровал один документ, про который было точно известно, что он принадлежал Френсису Бэкону. Текст оказался автобиографией барона. Первые же строки стали настоящей сенсацией: «Я законный сын королевы Елизаветы I. Мое настоящее имя Тюдор. Сэр Николас Бэкон — мой приемный отец. Леди Анне Бэкон я приношу мою горячую благодарность: она меня вырастила, воспитала, защищала и мудро наставляла. Я ей обязан жизнью: это она меня спасла, когда 25 января 1561 года я был рожден Елизаветой, которая требовала умертвить меня. Рожая, королева Елизавета кричала: „Убейте, задушите его!“…».

Далее рассказывается о том, что отцом непризнанного принца был граф Лейстерский. Но гораздо больше нас заинтересовало это признание: «Шли интриги при дворе. Королеве нашептывали, что я готовлюсь управлять не только Англией, но и всем миром. Напуганная такими наветами, королева с согласия графа Лейстерского поспешила отправить меня во Францию в качестве дипломата при английском посольстве. С большим интересом взялся я за мою дипломатическую миссию в 1576 году. Тогда я начал разрабатывать секретный метод криптографии и писать историю моей жизни. Я описал свою любовь к Маргарите де Валуа, сестре короля Франции и жене Генриха Наваррского. Я ревновал ее к принцу Генриху Гизу, но прелестная и верная Маргарита дала мне все доказательства преданности и любви. Она мне казалась красивее всех англичанок вместе взятых, я хотел с ней обвенчаться, но королева Елизавета этому браку воспротивилась (1579 г.). И роман мой закончился».

Круг замкнулся: Воланда интересуют рукописи Бэкона — то есть, роман мастера. — а тайной женой мастера оказывается перевоплотившаяся Маргарита де Валуа — возлюбленная Ф.Бэкона! Понятно также, почему героем романа стал писатель: расшифрованный документ подтвердил правоту тех исследователей, которые доказывали, что Шекспир был лишь маской истинного автора — лорда Бэкона. «Весь мир — театр». Сопоставьте эту шекспировскую фразу с эпизодом на Воробьевых горах: в конце XIX — начале XX века на двадцатиметровом занавесе Большого театра был изображен вид на Москву с Воробьевых гор.

«Мои сочинения я зашифровал, и это требовало много времени. Подписываюсь именем Шекспира, но мое настоящее имя можно прочесть в моих произведениях, зашифрованным в цифрах на греческом или на латыни. Философские мысли, мудрость — содержание своих работ я завещаю руководителям человечества всего мира. Тысячелетия прошли, а произведения Гомера живы. Время не наложило на них руку; так должно быть и с моими манускриптами (если только они не пропадут). Пророка не чтут на его родине, так это было и 1600 лет назад в Палестине. Я жду дня справедливости и правосудия».

Шекспироведы отлично знают, что фамилия «стратфордского гения» — Шакспер (Shakspere). Именно так он подписал завещание и был записан при крещении и погребении.

Родители, жена и дочь Шакспера были неграмотными, а сам он спекулировал солодом для варки пива, занимался ростовщичеством и даже судился с соседом из-за двух шиллингов. Не найдено ни одного автографа пьесы или сонета. В завещании Шакспера упомянуты кровать и старая ваза, но нет ни слова о книгах и о правах на его литературное наследие.

Почему бы не признать факт подмены, если он так очевиден? Должно быть, кто-то весьма заинтересован в том, чтобы на свет не появились таинственные манускрипты. «Если только они не пропадут», — пишет сэр Френсис. Но у лорда-канцлера английского королевства было немало возможностей для того, чтобы надежно спрятать рукописи или вывезти их в другую страну. Например, — в далекую Москву, считающую себя духовной наследницей Римской империи… Прямых доказательств нет, но известно, что Френсис Бэкон принимал участие в организации «Русской компании» и добился для нее патента на монопольную торговлю с Московией.

Эта реконструкция событий четырехсотлетней давности может показаться не слишком убедительной. Но справедливости ради стоит заметить, что многие исторические факты считаются таковыми на гораздо меньших основаниях.

8. ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ КАЛИТА?

Возвышение Москвы в четырнадцатом столетии кажется делом естественным и даже неизбежным. В школьных учебниках это объясняется просто: московский князь Иван Данилович, прозванный за свое богатство Калитой, взял на службу много способных и энергичных людей, в том числе иноземцев. Он скупал у соседей целые города — такие, как Белозерск, Галич и Углич. Затем князь уговорил митрополита Петра переехать из Владимира в Москву. Таким образом город стал церковной столицей. А к концу жизни Иван Данилович повелел именовать себя великим князем всея Руси.

(Любопытная деталь: на печатях, скрепляющих грамоты великого князя, отсутствуют христианские символы. Зато есть другие — буддистский знак Вечности и шестиконечная звезда).

Калита — это кошель, тогдашняя барсетка. Откуда же взялась калита у внука четвертого сына Александра Невского? Москва находилась в лесной глуши, в стороне от торговых путей; здесь не было золотых и серебряных приисков, алмазных копей, железных и медных рудников, в лесах не водился ценный зверь. Официальная история утверждает, что князь Иван Данилович втерся в доверие к татарскому хану, и тот даровал ему право собирать дань с русских княжеств для Золотой Орды. Часть дани хитрый московит оставлял себе. Нелегко поверить этому наивному объяснению: «прилипшие к рукам» суммы должны быть чересчур велики. К тому же нет никаких документов. подтверждающих исключительные фискальные полномочия Ивана Калиты.

Богатство не может возникнуть ниоткуда. Если большое количество золота появилось в одном месте, — значит, в другом оно исчезло. Московские историки Дмитрий Зенин и Виталий Смирнов обратили внимание на такой факт: за двадцать лет до княжения Ивана Калиты бесследно пропала казна тамплиеров.

…По преданию, орден тамплиеров возник в Палестине после первого крестового похода. В 1119 голу Гуго де Пейн, Готфрид де Сент-Омер. Андре де Монбар и шесть других рыцарей основали военно-монашеское братство для охраны паломников, направляющихся в Иерусалим. Иерусалимский король Болдуин I выделил ордену конюшни, стоящие на месте разрушенного храма Соломона. С тех пор рыцари стали именовать себя орденом бедных братьев Христа из храма Соломона. В просторечии — тамплиеры, то есть храмовники… Через несколько лет на их белых платах появился красный крест — «лапчатый», с раздвоенными концами.

Рим дал тамплиерам невиданные привилегии: рыцари-монахи не подчинялись светской власти и местным епископам, их не могли отлучить от церкви, они строили свои церкви и хоронили покойников на своих кладбищах. Все имущество, движимое и недвижимое, освобождалось от церковных налогов, а десятина, которую они собирали на своих землях, целиком шла в казну ордена. Неудивительно, что тамплиеры стали быстро процветать.

Почти два века орден управлялся из Палестины. Приораты и комтурии находились в

Триполитании. Антиохии. Пуату, в Англии. Франции, Португалии, Арагонии, Апулии, Венгрии, Ирландии и Польше. Богатство «бедных братьев Христа» поражало воображение современников. Достаточно сказать, что в 1192 году тамплиеры купили у английского короля остров Кипр за 100 тысяч византионов, — баснословная по тем временам сумма!

Но основным источником богатства была не военная добыча, не пожертвования верующих, а обыкновенное ростовщичество, — правда, поставленное на невиданный доселе уровень. Именно храмовники изобрели главные составляющие современного банковского дела — безналичный перевод денег, систему чеков и аккредитивов, текущий счет, представительства. Они давали огромные ссуды королевским дворам и торговым компаниям — не только в Европе, но и в странах Востока. Торговля стала менее рискованным занятием: за небольшой процент купцы могли сдать золото в одной комтурии и получить ее в другой. Эти новшества ускорили рост городов и подъем производства.

Пока орден копил свои богатства, дела крестоносцев в Палестине шли все хуже и хуже. После битвы при Хаттине султан Саладдин овладел Иерусалимом. В 1291 году христианское войско, основу которого составляли тамплиеры, оставили последнюю крепость в Святой Земле. Но потерю Гроба Господня храмовники пережили довольно спокойно: их владения в Европе были очень велики. Особенно сильны были позиции ордена во Франции: Верховный Капитул находился в парижском замке Тампль, а значительная часть рыцарей происходила из французского дворянства,

К концу XIII века доходы французских командорств в несколько раз превышали доходы королевской казны. С этим решил покончить Филипп IV Красивый. Он воспользовался тем, что в сознании человека Средневековья благородство происхождения, воинская доблесть и монашеское смирение были несовместимы с занятием ростовщичеством. В народе стали распространять слухи о том, что тамплиеры давно отреклись от Христа, погрязли в ереси и предаются противоестественным оргиям. На этом основании христианнейший король вырвал согласие на арест рыцарей-банкиров у папы Климента V.

Французские тамплиеры были арестованы в ночь на 13 октября 1307 года. На движимое и недвижимое имущество ордена был наложен секвестр. Но главная цель достигнута не была: главная казна в Тампле оказалась пуста. То же самое королевские чиновники обнаружили в приоратах и комтуриях: предупрежденные тамплиеры сумели вывезти из замков огромное количество золота и серебра. Ходили слухи о том, что сокровища привезли на телегах в Ла-Рошель — морскую базу ордена. Восемнадцать галер вышли в море и бесследно исчезли.

Через пять лет орден был упразднен официально — папской буллой. Большую часть французских рыцарей Храма приговорили к пожизненному заключению, а руководителей — к сожжению. Гроссмейстер Жак де Молэ и приор Нормандии Жоффруа де Шарне были казнены последними, — их сожгли в Париже 18 марта 1314 года. На костре гроссмейстер проклял короля и папу. Ровно через сорок дней Климент V умер от дизентерии, а полгода спустя за ним последовал Филипп Красивый. Это породило легенду о том, что оставшиеся на свободе тамплиеры и их тайные последователи мстят за вероломный разгром ордена. Делом рук тамплиеров объявлялись и великие революции, сотрясавшие христианский мир. Некоторые основания для таких подозрений дает происшествие, случившееся во время казни французского короля Людовика XVI. Когда голова несчастного монарха скатилась с помоста, ее схватил какой-то господин и поднял над толпой. «Ты отмщен, Жак де Молэ!» — воскликнул незнакомец.

Папские посланники внимательно следили: где выплывут сокровища Тампля? Первые двадцать тонн появились у английского короля Эдуарда III: это золото якобы «наделал» легендарный алхимик Раймонд Луллий. Захолустье Европы в одночасье стало могущественным государством и начало Столетнюю войну с Францией. Но не для мести «проклятым королям» Игроки аккумулировали величайшее богатство мира: Жанна д'Арк не пустила англичан на континент, а Колумб, плывший под парусами с красными «лапчатыми» крестами, открыл путь в Америку. Британию направили к мысу Канаверал. А что происходило в стране, которой суждено было стать второй участницей космической гонки? Через двадцать лет после ареста французских тамплиеров у Ивана Калиты появились «незадекларированные» деньги, и самое захудалое из русских княжеств собрало вокруг себя враждующие земли.

9. «ТОЛИКОЕ МНОЖЕСТВО КНИГ»

Орден выполнил свое тайное назначение: его богатства были инвестированы в завоевание Луны. Но славянская цивилизация отставала от англосаксонской. Чтобы «выровнять фронт», в Москве были сконцентрированы и духовные сокровища человечества. В «Сказании о Максиме философе» говорится: когда великий князь Василий III показал ему свою библиотеку, то «…инок во многоразмышленном удивлении бысть о толиком множестве бесчисленного трудолюбивого собрания и с клятвою изрече перед благочестивым государством, яко ни в Грецех толикое множество книг сподобился видети». Эта библиотека — одна из величайших в тогдашнем мире — была приданым Зои Палеолог, жены Ивана III и племянницы последнего византийского императора. Она вывезла книги из Константинополя и тем самым спасла их: через несколько месяцев столица Византии пала под натиском турок-сельджуков.

Огромную ценность «толикого множества книг» сознавал и Иван IV, прозванный Грозным: библиотека — живая память мира, а ее хранитель по праву считает себя наследником правителей древности. Не потому ли великий князь увенчал себя царским титулом? Первый русский царь двинулся к Казани и Астрахани — в направлении грядущего Байконура. Он овладел Волгой, не зная, что четыреста лет спустя по реке будут спускаться огромные самоходные баржи с «изделиями» горьковского и московского ракетных заводов. Но об этом мог знать Игрок — ближайший советник Ивана Грозного и единственный человек, имевший свободный доступ к царской «либерее». Его имя зашифровано в том абзаце первой главы, который заменил упоминание о рукописях Бэкона: «Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века». Монах-алхимик Герберт Аврилакский (Герберт из Орийяка — если «по-французски») впоследствии стал папой римским Сильвестром II. В своем знаменитом письме князь Курбский напомнил Ивану Грозному, как «…пришел один муж, чином пресвитер, именем Сильвестр, пришлец из Новгорода Великого, стал претить ему от Бога священными писаниями и строго заклинать его страшным Божьим именем, кроме того, поведал ему о чудесах, о явлениях, как бы от Бога происшедших».

Русский историк С.Соловьев считал, что поп Сильвестр приобрел большое влияние на молодого царя: «…душу его исцелил и очистил, развращенный ум исправил». Он же был настоящим инициатором казанского похода, во время которого Ивану IV было ободряющее видение Св. Димитрия Прилуцкого.

Четырнадцать лет спустя Сильвестр попал в опалу, и к царю пришлось подводить нового Игрока. Скорее всего, он был иностранцем — так сказать, иностранным консультантом. В разгар затянувшегося противостояния с непокорными боярами Иван Грозный перенес свою резиденцию в Вологду, откуда в те времена начинался путь в Англию. Он сделал это по совету английского посла Дженкинсона, которому чрезвычайно доверял. Вот что писал очевидец этих событий — французский врач Пьер Мартин де Ламартиньер: «Царь питал уважение и такое особенное расположение к королеве Елизавете, что не упускал ни одного случая засвидетельствовать ей это. Полагаю, что он даже хотел на ней жениться и что когда он приказал укрепить Вологду и свез туда свои сокровища, у него было намерение — искать убежище в Англии, если бы обстоятельства довели его до последней крайности».

Еще при жизни Ивана Грозного папский легат Антонио Поссевино дважды пытался выкупить библиотеку и предлагал очень большие деньги. «Либерея» срочно понадобилась папе римскому Григорию XIII, — не потому ли, что там были «интересные рукописи Бэкона», представлявшие опасность для самих основ средневекового мира? Поссевино в своих «Записках о России» упоминает о какой-то английской книге, попавшей к Ивану Грозному: «Кроме того, еретики — английские купцы — …. может быть, испугавшись, как бы в чем-нибудь не уронить авторитет своей королевы,…. или чтобы угодить князю, передали ему книгу, в которой Папу именуют антихристом».

Сразу после смерти царя Поссевино удалось сговориться с ближними боярами. Но сделка так и не состоялась: лари с «либереей» таинственно исчезли. Вскоре скончался папа Григорий XIII. (Булгаков весьма прозрачно намекает на эту историю: финансовый директор Варьете —

Григорий Римский!)

О библиотеке забыли на целое столетие. Но при Петре I звонарь Конон Осипов рассказал о том, что слышал от дьяка Василия Макарьева: в подземелье под «Кремлем-городом» якобы хранятся сундуки с навесными замками. Очевидно, это классическая «деза»: звонарь вспомнил о сундуках через много лет после смерти престарелого дьяка.

Систематические поиски начались только в конце XIX века. В 1891 году Эдуард Тремер искал тайник в подвалах сгоревших царских теремов. Профессор Забелин и князь Щербатов исследовали ходы под Боровицким холмом. При Сталине пропавшую «либерею» разыскивал археолог Игнатий Стеллецкий. Еще две попытки предпринимались в начале шестидесятых и в конце девяностых годов, — они также окончились безрезультатно. Библиотеку искали не только в Москве, но и в Вологде — там, где она действительно находилась до возвращения царя в столицу. «Вологодский след» мельком отразился в кривом зеркале «Мастера…»: в клинике Иван Бездомный вспоминает про своего дядю, «пившего в Вологде запоем».

10. АЛЕКСАНДРИЯ

В творчестве М.Булгакова Иван Грозный впервые появляется в пьесах «Блаженство» и «Иван Васильевич». Присутствует он и в ранних вариантах «Мастера и Маргариты»: Иван Бездомный видит царя возле собора Василия Блаженного, звонит в милицию и требует выслать стрельцов. Диагноз, который поставили Ивану Бездомному — шизофрения. А в предыдущих редакциях болезнь называлась «мания фурибунди» — маниакальная ярость. Та самая болезнь, которая, по предположениям психиатров XX века, была у Ивана Грозного!

В окончательном тексте романа сохранились лишь тонкие намеки вроде этого: «Не притворяйтесь! — грозно сказал Иван…». Оставил Булгаков и царского палача Малюту Скуратова — его видит на балу Маргарита. Неспроста появляется и «Дом Пашкова»: он построен на том месте, где размещался Опричный двор — резиденция Ивана Грозного.

«Тут в государственной библиотеке нашли интересные рукописи Бэкона», — говорит Воланд в одной из редакций романа. Он должен их «разбирать». Библиотека — государева?.. А вот что говорит Пилат: «У меня в Кесарии есть большая библиотека, я очень богат и хочу взять тебя на службу. Ты будешь разбирать и хранить папирусы…». Кесария происходит от слова «кесарь», — как и русское «царь».

Некоторые историки считают, что Иван Грозный поделил «либерею» на две неравные части — по степени важности. Особую ценность могли представлять наиболее древние произведения — египетские папирусы, ассирийские глиняные таблички, рукописи из Индии и Китая, пергаменты Иудеи и Финикии. Но как они попали в Константинополь?

В первой главе «Мастера и Маргариты» Берлиоз поучает Ивана и ссылается на целый ряд древних историков, — начиная с Филона Александрийского. «Рукописи не горят», — говорит «историк» Воланд. Но мы видим, как горит квартира мастера, заполненная книгами и рукописями. Даже средней прилежности пятиклассник без запинки ответит — когда и где горело самое большое в мире и самое знаменитое собрание рукописей: Александрийская библиотека, 47 год до н.э..

Обратите внимание на странные слова Иешуа: «Мне говорили, что мой отец был сириец». Хотя библейский Иисус имеет чисто иудейское происхождение, александрийские философы-гностики называли Его «Священным Сирийцем».

Азазелло говорит про каких-то женщин с содранной кожей. Эта фраза напоминает о страшной судьбе Гипатии — легендарной женщины-философа, последнего хранителя александрийских манускриптов, спасенных из огня и укрытых в храме Сераписа. Она была растерзана толпой фанатиков по наущению епископа Теофила. Затем с мертвой содрали кожу. А где Азазелло подошел к Маргарите? В Александровском саду, во время шествия писателей и поэтов за машиной с гробом Берлиоза. Историк Рене Менар писал о Дионисийских праздниках в Александрии: «Особенно роскошно и великолепно устраивались шествия в Александрии… За колесницей шли писатели, поэты, музыканты, танцоры». Далее у Р.Менара — про то, что участники процессии везли клетки с птицами и медведями. Это запоминающаяся деталь объясняет, почему о медведях и попугаях говорят Воланд и Бегемот. К тому же мастер работал

в музее — до того, как поселился в подвале с книгами. А почему у бывшего музейного работника появляется фалернское вино? Не «в честь» ли Деметрия Фалернского — основателя Мусейона и первого библиотекаря?

Сожженная войсками Цезаря библиотека была частью знаменитого Александрийского Мусейона — научным центром античного мира. С Мусейоном связаны имена Архимеда, Евклида, К.Птолемея, Филона, Плотина, Каллимаха, Феокрита и многих других математиков, астрономов, философов, историков, поэтов… Именно здесь Герон Александрийский изготовил первую в мире паровую турбину, Эратосфен вычислил диаметр и окружность земного шара (последняя цифра расходится с современными данными всего на пятьдесят километров!). Великий астроном и математик Аристарх Самосский установил, что Земля вращается вокруг Солнца — за семнадцать веков до Коперника! То, что осталось от Мусейона к концу четвертого века от Рождества Христова, было уничтожено в царствование христианского императора Феодосия I. А книги, пережившие пожар и буйство фанатиков, были сожжены в VII веке по приказу арабского полководца Омара ибн ал-Хаттаба. «Если в этих манускриптах написано то же самое, что в Коране, то они бесполезны, а если другое — вредны».

11. «САМЫЙ СВЕЖИЙ И НОВЫЙ ИЗ ВСЕХ ВОКЗАЛОВ»

«…Прошло несколько часов с того момента, когда огонь с горящего флота, подожженного по приказу Цезаря, перекинулся на здания гавани в городе, и что все библиотекари с помощью нескольких сот рабов, прикрепленных к музею, успели спасти наиболее драгоценные из этих свитков. Настолько совершенным и плотным было вещество пергамента, что в то время, как в одних свитках внутренние страницы и деревянные переплеты превратились в пепел, в других переплет пергамента даже не покоробился от огня. Эти подробности все были описаны на греческом, латинском и халдео-сирийском диалектах ученым-юношей по имени Феодас, одним из писцов, служивших в музее. Утверждают, что одна из этих рукописей доныне хранится в греческом монастыре, и человек, рассказавший нам об этом, видел ее сам. Он сказал, что многие еще увидят ее и узнают, где искать важные документы, когда исполнится одно пророчество, и добавил, что большинство этих трудов могут быть найдены в Татарии».

Эти слова были написаны более ста лет назад Е.Блаватской («Разоблаченная Изида», том 2, глава I). Чье же пророчество должно исполниться? Френсиса Бэкона — «пророка, которого не чтут на его родине»!..

Нельзя не заметить, что в булгаковском романе несколько раз поминаются драконы: крыша ершалаимского храма — «как чешуя дракона», на женщине в театре Варьете — «пижама с драконами», Иван видит на луне «темного конька-дракона». В главе «Полет» на луне «отчетливо виден … какой-то загадочный, темный — не то дракон, не то — конек-горбунок, острой мордой обращенный к покинутому городу».

Город дракона?

А вот какой герб придумали для Казани по высочайшему повелению Екатерины II: черный змей с красными крыльями и золотым венцом. Не Китай все-таки!.. Но это в официальном (блазонном) описании герба — «змей», а что мы видим на самом деле? Красные перепончатые крылья и две когтистые ноги, похожие на куриные, — словом, классический дракон! Неспроста переодетый «сатаной» Воланд («дракон, змий древний» — по Библии) носит «траурный плащ, подбитый огненной материей»: красное и черное!

(«…Большинство этих трудов могут быть найдены в Татарии»!)

Известно, что Булгаков не сразу выбрал имя иностранного профессора. В ранних вариантах был Фаланд — так звали черта в средневековых немецких сказках. Этим именем назвал себя и гетевский Мефистофель. Фаланд стал Воландом — не для того ли, чтобы внимательный читатель услышал латинское «volans» — «крылатый»? Черно-красный крылатый дракон — в точности как на казанском гербе!.. И понятно, почему в первых редакциях романа Иван Бездомный видит Ивана Грозного именно возле собора Василия Блаженного, — построенного, как известно, в ознаменование взятия Казани. Это событие отмечено и в «Иване Васильевиче» — в сцене милицейского допроса царя: «Казань брал, Астрахань брал…». В раннем рассказе «Ханский огонь» из-за границы нелегально приезжает татарский князь — для

того только, чтобы выкрасть из реквизированной большевиками библиотеки пачку древних пергаментов. Зачем же ему понадобились древние рукописи? Ответ скрыт в кличке собаки, принадлежащей музейному сторожу — Цезарь.

Музей, библиотека, огонь и Цезарь, — возможен ли более откровенный намек на знаменитый пожар Александрийского Мусейона? Булгаков подсказывает: «Нежными искорками поблескивали переплеты в шкафах. Александр I ожил и, лысый, мягко улыбался со стены». И еще: «По вспоротому портрету Александра I лезло, треща, пламя…».

Хороший текст воспринимается как данность, и никто из читателей не задумывается — зачем Булгакову понадобился именно татарский князь? И для какой цели в эпилоге «Мастера и Маргариты» перечислены шестнадцать городов? Сопоставьте их с тремя городами, упомянутыми в «царских» пьесах: в обоих перечнях есть Казань!

«Проездом в Казань», — так объясняет Остап Бендер свое появление в Васюках. А в «Золотом теленке» про Казань говорит один эпизодический персонаж: «Выбыл с чемоданами в Казань». Эти слова Бендер слышит в газоубежище — там, где он встречает девушку, указавшую ему путь к заветному чемодану Корейко.

Действие второго романа Ильфа и Петрова начинается в несуществующем городе Арбатове — «у белых башенных ворот провинциального кремля». Какой из трех белокаменных кремлей имели в виду «сатирики» — псковский, ростовский или казанский? «Арбат» — татарский топоним. Еще один ориентир — Волга. Прямо она не называется, но среди пассажиров-растратчиков, которых возил Козлевич, были руководители киноорганизации, снимавшей фильм «Степан Разин и княжна». А когда Паниковскому досталось Поволжье, он «перешел границу» и оказался на «золотом арбатовском участке».

Нам дают понять, что речь идет именно о библиотеке: войдя в город, Остап видит одиноких молодых девиц, читающих книги Гладкова, Сейфуллиной и Элизы Ожешко. Подбор авторов выглядит произвольным, но это не так: Гладков родился в Поволжье, а татарская фамилия советской писательницы локализует участок волжского берега. Полячку Элизу Ожешко нужно просто запомнить: мы вернемся к ней, когда попытаемся проникнуть в тайну «либереи».

Все говорит о том, что «золотой арбатовский участок» — татарское Поволжье. Но главная подсказка оставлена в «Двенадцати стульях» — там, где концессионеры приезжают в Москву. Они выходят на Каланчевскую площадь (ныне — Комсомольская), и соавторы дважды упоминают о «геральдических курочках» Ярославского вокзала. На гербе Ярославля изображен медведь, а существо, очень похожее на курицу, украшает герб Казани. Ильф и Петров перечисляют вокзалы, расположенные на Каланчевской площади: Октябрьский (ныне — Ленинградский), Ярославский и Рязанский — «самый свежий и новый». Именно на Рязанский вокзал прибывают искатели сокровищ. Но ведь третий вокзал — Казанский!?

На первый взгляд, все объясняется просто: Казанский вокзал начали строить в 1913 году на месте старого Рязанского, а «железку» в то время протянули только до Казани. Именно поэтому архитектор Щусев стилизовал новый вокзал под башню Сююмбеки Казанского кремля. «Самый свежий и новый из всех вокзалов» был достроен в двадцать шестом, — и это не могли не знать соавторы, работавшие в ту пору в железнодорожной газете «Гудок». А если ошиблись — почему не исправили ошибку в отдельном издании и в «Золотом теленке»? Но Ильф и Петров упорствуют: разбогатевший Бендер встречает Балаганова на Рязанском вокзале, снесенном двадцать лет назад!

Странная прихоть «сатириков» заставляет кое-что сопоставить. Идя к архивариусу, жившему на окраине города, Бендtр видит «светящийся остров — железнодорожный клуб». Островок света — на дальней окраине? Сокровища последнего стула превратились в клуб железнодорожников (с "прекрасной библиотекой!) — на той самой Каланчевской площади, с которой исчез Казанский вокзал!

Герои романа «Туманность Андромеды» нашли под водой громадного золотого коня. Таким способом некие правители спрятали золотой запас страны: драгоценная скульптура была покрыта слоем из дешевого сплава. Место прямо не указано, но поблизости расположена могила «знаменитого поэта древних времен» с эпитафией, в которой узнаются строки М.Волошина. Он похоронен в Крыму, у горы с татарским именем Карадаг.

Ответ лежит на поверхности, — это подозрительно. Не скрыт ли здесь намек на другое место и другую находку? Ефремов пишет, что статую установили на центральной площади столицы… «соседнего государства»! Казань — столица завоеванного ханства. Если верить легенде, этот город возник на том месте, где ханская дочь уронила в Волгу золотой казан. А кто нашел под водой золотую статую? Девушка с восточными чертами лица!..

Еще одна находка появляется несколькими главами выше, — это дискообразный звездолет, прилетевший из другой галактики. Конь весит четыреста тонн, диаметр звездного диска — четыреста метров. (Какое интересное совпадение: у Остапа — четыреста способов отъема денег, Бендер и Корейко проехали на верблюдах четыреста километров!) Не намекает ли это число на отрезок времени, отделяющий «Атон» от эпохи Ивана Грозного? Золотой конь найден в подводном гроте: «Грозный обрыв андезитовых скал навис над пловцами». О самом коне сказано, что он смотрел «с грозною злобой».

Одна из героинь «Туманности…» — историк Веда Конг — мечтает найти под землей «древние тайники для сокровищ искусств». Коня обнаружили в подводном гроте «странного острова», похожего на «низкую башню». Подземелье башни? Известно, что после взятия Казани в тамошнем кремле стали строить церковь. По совету попа Сильвестра ее назвали Благовещенской, — как и храм в Московском Кремле, в котором Сильвестр был настоятелем.

В первой главе «Золотого теленка» великий комбинатор идет по «провинциальному кремлю» и замечает некоторые советские реалии: «Из церковного подвала несло холодом, бил оттуда кислый винный запах. Там, как видно, хранился картофель». «Храм спаса на картошке», — сказал Остап. А чего стоит реплика председателя арбатовского исполкома: «Церкви у нас замечательные. Тут уже из Главнауки приезжали, собираются реставрировать». Действие романа точно датируется: «1930 год от Рождества Христова» — самый разгул воинствующего атеизма!

Вернемся к шифру «Двенадцати стульев». Железнодорожный клуб с «прекрасной библиотекой» соединился с несуществующим Рязанским вокзалом и привел нас в Казань. Но вокзал-анахронизм скрывает еще одну тайну — имя человека, ставшего прототипом Воланда. Старый клуб снесли и построили новый, — и точно так же поступили со старым вокзалом в 1912 году. Единственный предмет, оставшийся от прежнего клуба — стул. В романе его ищут Бендер и Воробьянинов, а в либретто, задуманном Ляписом-Трубецким — переодетый итальянский аристократ, гроссмейстер тайного ордена. А что осталось от Рязанского вокзала? Небольшой зал в итальянском стиле.

12."В ОДНОЙ ИСТОРИИ ОТЫСКИВАЮЩИЙ ДРУГУЮ…"

Отвечая на вопросы журнала «Техника-молодежи», И.Ефремов назвал своей любимой книгой «Золотую цепь» А.Грина. Она начинается с того, что юнга вертит в руках переплет с начисто вырванными страницами — «тайную книгу». «Что знаем мы о себе?» — такую надпись оставил неизвестный на внутренней стороне переплета. И далее: «Надпись в особенности терзала тем, что недавно парни с „Мелузины“, напоив меня особым коктейлем, испортили мне кожу на правой руке, выколов татуировку в виде трех слов: „Я все знаю“. Они высмеяли меня за то, что я читал книги…».

Истинное золото — книги?

Мелузина — женщина, превратившаяся в крылатого змея. Не зашифровано ли здесь местонахождение сундуков с царской библиотекой? Все дальнейшее убеждает в правильности нашей догадки: юный книгочей слышит о человеке, нашедшем сказочное сокровище и в его воображении рисуются «сундуки, окованные золотыми скрепами». Затем он попадает в библиотеку таинственного дворца, видит золотую цепь (скрепы!) и назначается… помощником библиотекаря!

Имя юнги — Сандро. Александр. Нетрудно догадаться, что в образе ученика и помощника Александр Грин вывел себя. Но кто же был его учителем? После публикации романа «Блистающий мир» один маститый писатель похвалил автора: «Прекрасная фантастика!» Грин удивился: «Какая фантастика?! Разве не понятно, что летающий человек — это символ!» Что же символизирует Друд? Как и булгаковский Воланд, он единственный раз выступает в цирке,

его пытаются арестовать и даже называют сатаной. Безмерно велик «объем власти» гриновского сверхчеловека: Друд говорит, что мог бы стать для планеты живым богом и в один миг преобразить человечество. «Его влияние огромно, его связи бесчисленны. Никто не подозревает, кто он — одно, другое, третье, десятое имя открывают ему доверчивые двери и уши. Он бродит по мастерским молодых пьяниц, внушая им или обольщая их пейзажами неведомых нам планет, насвистывает поэтам оратории и симфонии, …, поддакивает изобретателям, тревожит сны и вмешивается в судьбу…».

Типичное прогрессорство!

«Вот все, что надо, что можно, что следовало сказать об этой крупной душе.., — пишет Грин в конце романа. — Но еще несколько слов, может быть, совершенно удовлетворят пытливого читателя, думающего дальше, чем автор, и в одной истории отыскивающего другую…». Значит, у героя этой истории был прототип?

Друд носит в галстуке булавку с бриллиантом, сорит идеями, выдает себя за авиаконструктора и принимает участие в состязании воздухоплавателей. Он поет итальянскую песню «Санта-Лючия» и живет в гостинице «Рим». Детское прозвище Друда — Гора, а имя хозяина дворца в «Золотой цепи» — Эверест. Эверест Ганувер. Не намекает ли Грин на барона Роберто Ороса ди Бартини: «oros» — «гора»?

Обратите внимание на портрет Друда: «Светлый, как купол, лоб нисходил к темным глазам чертой тонких и высоких бровей, придававших его резкому лицу выражение высокомерной ясности старинных портретов; на этом бледном лице, полном спокойной власти, меж тенью темных усов и щелью твердого подбородка презрительно кривился маленький строгий рот».

Этот отрывок мы прочитали В.Казневскому, знавшему барона еще в тридцатые годы. «Похож! — без раздумий ответил Виктор Павлович. И добавил: — Вот только усов у него уже не было. Разве что в самом начале двадцатых, — судя по фотографии». Ну, конечно: роман о летающем человеке датирован двадцать третьим годом!

Имя Айшер, под которым Друд поселился в гостинице — анаграмма слова «решай». Грин предлагает нам решить эту шараду — «в одной истории отыскивать другую». Если верить афише, Друд выступал в цирке 23 июня 1913 года, а по дневнику героини это случилось 23 июня 1911 года. Ошибка наборщика или простейший шифр? Нельзя не заметить также, что число 23 присутствует в обеих датах. Других в тексте нет, но есть даты начала и окончания работы над романом:

14 ноября 1921 г.

28-го марта 23 г.

Странно, не правда ли: верхняя и нижняя даты резко отличаются по способу написания! К тому же это единственный случай, когда Грин отметил начало и конец работы. Сопоставьте последнее число с тем, которое получилось выше: двадцать третий год?

В 1923 году «итальянец» Бартини приезжает в СССР и отправляется в Коктебель, на соревнования планеристов. Через год в Крыму поселился Грин. Летом 1925 года Бартини переводится в Севастополь, а в Коктебеле собираются первые «атоновцы» — Волошин, Грин, Булгаков, Леонов и Кржижановский. Тем же годом датирована «Золотая цепь». В этом романе тоже нарушена хронология: события, описанные в эпилоге, происходят в 1915 году, через пять лет после драматического новоселья и смерти Ганувера. Значит, все это случилось в 1910 году. Но есть и другая датировка, — она отличается от первой на целых пятнадцать лет! Автор пишет, что золотая цепь была выкована 6 апреля 1777 года, пять лет спустя ее утопили и через сто сорок лет нашли: 1922-й. Еще три года Ганувер путешествует и перестраивает дворец: 1925 год — тот самый, которым датируется роман. Надо полагать, что это не случайное совпадение.

13."ЧЕЛОВЕК БЕССМЕРТЕН, И ПОТОМУ ОН ДОЛЖЕН БЕЗ КОНЦА УМИРАТЬ"

Бартини работал в Казани с 1943-го по 1945 год. Годом раньше там оказался его ученик — «лунатик» Королев. А житель Казани, бывший авиационный инженер А.Ю.Лисс вспомнил, что в пятьдесят шестом или пятьдесят седьмом году Бартини несколько раз посещал город

черно-красного дракона.

Несколько лет назад о конструкторе упомянули в популярной телепередаче «Очевидное-невероятное». Она была посвящена легкому гидросамолету «Роберт», построенному в Таганроге учениками конструктора. Ведущий прочитал несколько отрывков из «Красных самолетов», затем на экране появились черно-белые кадры, снятые в квартире на Кутузовском проспекте: Бартини подходит к книжным полкам, закрытым полиэтиленовой пленкой, берет толстый том, раскрывает его и несет в кабинет — под свет настольной лампы. Этот короткий «клип» был сделан в 1972 году по просьбе самого Роберта Людвиговича. Тогда же была впервые опубликована статья И.Вишнякова (И.Чутко) о «невидимом самолете». А незадолго до смерти барон написал завещание, в котором просил сохранить свою домашнюю библиотеку и передать ее «талантливой молодежи». Этот пункт завещания озадачил комиссию Минавиапрома: в списке бартиниевских книг не было никаких раритетов. После недолгих споров художественную литературу отдали родственникам, а шкаф с техническими книгами до сих пор стоит в тесном кабинете директора музея Н.Е.Жуковского.

Предположим, что в книгах «Атона», в кинокадрах и в завещании Бартини зашифровано сообщение о библиотеке Ивана Грозного. Не исключено также, что барон извлек из казанского тайника часть «либереи» — сразу после войны и в конце пятидесятых. Можно лишь догадываться, какого страшного напряжения ему это стоило: перед освобождением Бартини стал необыкновенно замкнутым и сосредоточенным. А историк авиации П.Дузь, работавший в таганрогской шараге, рассказывал о необъяснимом равнодушии барона к первым материалам о немецкой реактивной технике, поступившим в КБ в конце 1946 года.

Конструктора освободили ранней весной сорок седьмого — за год до окончания срока, — но выезд из Таганрога был запрещен. Друзья сняли ему комнату неподалеку от завода им. Димитрова. В конце марта Бартини «бюллетенил» и почти месяц не появлялся на работе. Второй этап этой непростой операции мог происходить весной пятьдесят седьмого года: Бартини переехал в Москву и зачастил в Казань. Возможно, этим объясняется упорное нежелание «красного барона» стать заместителем кого-нибудь из генеральных конструкторов — с перспективой выделиться в самостоятельное КБ. Вместо этого он предпочел возглавить маленькую группу в минавиапромовском Бюро стандартов.

Но почему именно Бартини должен был распорядиться той частью царской библиотеки, в которой хранились манускрипты Френсиса Бэкона? Объяснение скрыто в «Золотом теленке». В главе «Индийский гость» Бендер спрашивает о смысле жизни у индуса — белобородого и смуглого человека в длинной коричневой рясе. Несомненно, это Рабиндранат Тагор: он действительно посещал СССР в 1931 году. (Вспомните и цирковую афишу Бендера: «жрец» называет себя «любимцем Рабиндраната Тагора»!) А какой ответ мог дать Остапу — убитому и воскресшему страннику — настоящий Тагор? «Человек бессмертен, — писал философ, — и потому он должен без конца умирать. Ибо Жизнь — это творческая идея, она может обрести себя лишь в изменяющихся формах». О реинкарнации говорил и евангельский Иисус. Когда ученики спросили, почему не пришел обещанный пророком Илия, Иисус ответил, что пророчество исполнилось в Иоанне Крестителе: «Он и есть Илия».

Не сам ли барон Роберто Орос ди Бартини был «доном Ру-матой» при дворах Елизаветы I и Якова I — пять или шесть жизней назад? В «Блистающем мире» есть эпизод, в котором Друд рассуждает о литературе и… ест свинину. «Свиным корытом» называют парусник юнги Санди — будущего помощника библиотекаря. (Название этого маленького суденышка — «Эспаньола» — вызывает в памяти стивенсовский «Остров сокровищ»). Ближайший помощник Руматы — отец Кабани. А вот какой сон видит Воробьянинов после знакомства с Бендером: «В руках Ипполита Матвеевича очутился кинжал. Им он ударил свинью в бок, и из большой широкой раны посыпались и заскакали по цементу бриллианты».

Сон в руку: истинное сокровище связано с человеком, имя которого происходит от английского слова, означающего «свиное мясо». В конце первого романа Воробьянинов зарезал Остапа: значит, Бендер и есть символическая свинья — сэр Френсис Бэкон, барон Веруламский, лорд-хранитель Большой Королевской печати! Неспроста в первом романе то и дело мелькают многозначительные слова — «хранитель большой печати», «Английская набережная» и даже «сочинения графа Салиаса». Сало? Ильф и Петров несколько раз повторяют, что стулья обиты

английским ситцем. И пружины — английские, а в начале романа английскими именуются сами стулья.

«Лед тронулся!» — говорит Бендер. В первых главах умирает усатая мадам Петухова, про которую сказано, что в прошлом она носила «шантеклер» (фр. chanteclere — петух). Воробьянинова посылают в аптеку за пузырем для льда. Петух, лед и смерть — эти знаки предваряют рассказ о спрятанном сокровище. Известно, что Френсис Бэкон умер от воспаления легких: он слишком увлекся опытами по замораживанию во льду… петуха! То же самое мы видим в «Золотом теленке»: Бендер «наследует» миллион у человека с «ветчинным рылом» и английскими усиками — Корейко. (Корейка — копченая свинина, у англичан — бекон). А куда предлагается переехать учреждению, где он работает? В помещение бывшего акционерного общества «Жесть и бекон»!..

14. «ДЕЛО ПОМОЩИ УТОПАЮЩИМ — ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ!»

Может показаться, что зашифрованная книга не имеет никакого смысла: незнающему она бесполезна, знающему — не нужна. А забывшему?.. Великий мистик и знаток практической магии Джордано Бруно писал, что некоторые книги обладают «магической мнемоникой», заставляющей вспомнить гораздо больше того, что в них сказано. Есть ведь и третья возможность: человек все когда-то знал, но забыл, погрузившись в темные воды очередной жизни. «Утонул». В домоуправлении дома № 302-бис, в котором поселился Воланд, «на стене висел старый плакат, изображавший в нескольких картинках способы оживления утонувших в реке». А какой лозунг мы видим в «Двенадцати стульях», — во время шахматной лекции О.Бендера? «Дело помощи утопающим — дело рук самих утопающих!»

Мы уже отмечали, что в книгах бартиниевских учеников присутствует ряд явно аллегорических находок — золотая цепь, золотой ключ, золотой конь и дискообразный звездолет. Что в них общего? Все эти предметы найдены под водой, — за исключением ефремовского звездолета, обнаруженного на далекой планете. Но даже здесь трудно отделаться от мысли, что действие происходит на дне моря: диск оброс чем-то зеленым (водоросли?), а рядом — погибший корабль «Парус» (затонувший парусник?). Прибавьте сюда переходные камеры, скафандры, продувку азотом, мрак, призрачные очертания скал и прочие «водолазные» приметы. Даже страшное чудище этой планеты — электрическая медуза! В одном месте Ефремов «проговаривается»: «Мрак в нагретой инфракрасным излучением башенке казался плотным, как черная жидкость, будто сооружение стояло на дне океана».

В сказке Л.Лагина со дна реки извлекается кувшин с Хоттабычем, затем джинн ищет на морском дне другой кувшин — со своим братом Омаром. Даже исчезновение Женьки — друга главного героя — стало поводом для включения в сюжет эпизода с водолазами, которые разыскивали его тело. Подозрительно много ныряющих персонажей встречается и в булгаковском романе — Иван, Маргарита, Бегемот, мулат с портнихой и беспорточный гость с Енисея. В конце последней главы «прыгнул в бездну» сам Воланд.

Другим путем пошел Александр Грин. В романе «Золотая цепь» он зашифровал слово «Титаник» — символ всех затонувших кораблей. Найденная на дне золотая цепь — якорная, и выкована она по приказу пирата Пиррона. Затем цепь утопили, и человек, который ее достал, призывает не путать Пиррона со знаменитым пиратом Морганом. Все объясняется просто: не менее знаменитый миллиардер Дж. П. Морган был владельцем «Титаника», а лорд Пирри — директором судоверфи, строившей этот корабль. Именно у него родилась идея колоссального судна. Даже огромный дворец «Золотая цепь», возведенный гриновским героем за три года, намекает на погибший корабль: «Титаник» строили ровно три года.

Тот же символ эксплуатируют Ильф и Петров: во дворе юбилейного учреждения ржавеет «титаническое зубило», Титанушкин — главврач сумасшедшего дома, ограбление Корейко именуется «битвой титанов»… Но все это мелочи по сравнению с тем, что действие «Двенадцати стульев» начинается 15 апреля 1927 года, в пятнадцатилетнюю годовщину гибели «Титаника»! Глава «Следы „Титаника“» связана с путешествием на «тиражном» пароходе: Воробьянинов, пострадавший от краски «Титаник», снова размешивает краски! Затем мы видим «кораблекрушение» васюкинских шахматистов (недвусмысленный намек на «утонувших»

Игроков!) и плывущий по реке английский стул мастера Гамбса. «Среди океана стульев» (первая глава второй части) Бендер разыскивает двенадцать гамбсовских, — в каждом из которых может скрываться сокровище. Надо ли понимать так, что под видом поиска стульев «гроссмейстер» (великий мастер) ищет своих Игроков?

«Мы видим, что блондин играет хорошо, а брюнет играет плохо. И никакие лекции не изменят этого соотношения сил». Человечество разделено изначально — на немногих участников Игры и всех остальных. Бездна печальной мудрости скрыта в дурашливом вопросе Бегемота: «Неужели, мессир, в праздничную ночь гостей за столом разделяют на два сорта? Одни — первой, а другие, как выражается этот грустный скупердяй-буфетчик, второй свежести?» Трудность в том, что Игроки, забывшие об Игре — «утонувшие», — почти ничем не отличаются от людей. Но обе стороны ищут своих бойцов и приводят их в чувство. «Я теперь ничего и никогда не забуду», — говорит мастер, преображенный вином Воланда.

…В 1966 году, когда началась публикация «Мастера и Маргариты», Бартини принимал участие в одном из семинаров в Дубне. Он говорил, что человечество — «аккумулятор и преобразователь психоэнергии, работающий в некой локализованной зоне». Когда эту зону отторгли от непредставимого для нас Целого, нарушилось изначальное равновесие центробежных и центростремительных сил — та первородная взвесь психочастиц, каждая из которых подобна Целому. Попытка восстановить синхронность волнового пространства повлекла за собой лавинообразное уплотнение материи: «тяжелые» частицы начали опускаться на «дно» Мира, а «легкие» — подниматься, диффузировать по направлению к центральному источнику энергии. Соотношение этих компонентов — мировая константа. Смыслом органической жизни является сепарация, извлечение «легких» частиц, застрявших в материи. Они неразрушимы и способны заключать в себе всю информацию, которую генерирует источник ее зарождения, — назовем его Абсолютом. «Легкие» частицы являются частью Абсолюта, и в этом качестве они могут стать любой другой его частью, перемещаться в пространстве и времени, объединяться с себе подобными и взаимодействовать с окружающей средой. По словам Бартини, именно так возникают различные формы жизни.

«Было что-то гипнотическое в его будничном голосе, — вспоминал в конце 70-х годов профессор К.Станюкович. — На одно мгновение мне даже показалось, что все это я хорошо знаю».

15. «БЛУДНЫЙ СЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ»

Допустим, что мы угадали: Игра на отдельно взятой планете является крохотной частью общевселенской сепарации. В массе народонаселения ищут «гостей первого сорта». Кто они? Что отличает их от обычных людей? Какое значение для этого поиска имеют манускрипты Френсиса Бэкона?

В споре с Берлиозом Воланд упомянул о кантовских доказательствах бытия Божьего. «Увы! — с сожалением ответил Берлиоз, — ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив». Доказательства — в архиве?.. Сравните эту фразу со словами «историка» Воланда о цели своего пребывания в Москве: «Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века». А в предыдущем варианте — «подлинные рукописи Бэкона»… Но документы, оказавшиеся в царской «либерее», не обязательно должны содержать доказательства бытия Божьего, — они могут указывать их местонахождение и функцию. Проще говоря — способ применения… Возможно, речь идет о какой-то реликвии — очень древней и знаменитой.

В романе И.Ефремова «Лезвие бритвы» рассказывается о кристаллах-галлюциногенах, вделанных в древнюю корону. Таинственные камни помогают вытащить из-под спуда сознания картины далекого прошлого: «…Серые кристаллы под действием солнечного света в определенных условиях испускают лучи, действующие на нервные клетки мозга. А их расположение в короне и ориентировка такова, что излучение попадает в области задней половины больших полушарий, ведающих памятью». Но эта «машина времени» действует очень избирательно: «Среди развалин уцелел незапамятной древности храм. Несколько жрецов жили в нем среди населенной львами пустыни, охраняя священную реликвию прошлого —

черную корону царей исчезнувшего народа. Тех времен, когда людьми правили боги или герои, происшедшие от союза смертных женщин с небожителями. Существовало предание, что, если человек божественного происхождения наденет эту корону и выйдет в ней на свет полуденного солнца, его ум обострится волшебным образом, и он, познав сущее и вспомнив прошедшее, приобретет равную богам силу. Но, если корону наденет простой смертный — горе ему! — он лишится памяти и станет, как младенец, игрушкой в руках судьбы и людей».

Тест на божественное происхождение?

В последней части «Лезвия…» соседствуют две главы — «Милость богов» и «Серый кристалл». Вкрапление металлических пылинок придает камням искрящийся вид. Порфировая структура. Сравните это с «колоннами из какого-то желтоватого искрящегося камня» на балу Воланда, а также с колоннами из семнадцатой главы: «Городской зрелищный филиал помещался в облупленном от времени особняке в глубине двора и знаменит был своими порфировыми колоннами в вестибюле». Очевидно, это «общешкольная» аллегория: искры, плененные в камне — небожители, забывшие о своей истинной сущности.

«Но не колонны поражали в этот день посетителей филиала, а то, что происходило под ними», — пишет Булгаков. Что же происходило в филиале? «Несколько посетителей стояли в оцепенении и глядели на плачущую барышню, сидевшую за столиком, на котором лежала специальная зрелищная литература, продаваемая барышней. В данный момент барышня никому ничего не предлагала из этой литературы и на участливые вопросы только отмахивалась, а в это время и сверху и снизу и с боков, из всех отделов филиала сыпался телефонный звон, по крайней мере, двадцати надрывавшихся аппаратов».

«Облупленный от времени» зрелищный филиал с драгоценными колоннами — «коммутатор» миров? «Далее все пошло, как в скверном сне», — подсказывает автор, и мы должны догадаться, что филиальские зрелища были особыми снами, после которых у писателей-учеников рождалась «специальная зрелищная литература». Сцена в филиале — посетители и колонны — точно воспроизводится в конце бала: «Гости несметной толпой теснились между колоннами». Похожий эпизод есть и в «Двенадцати стульях»: Лиза входит в вестибюль особняка, видит малахитовую колонну, и под ней — посетителя!

Слово «филиал» происходит от латинского «filius» — «сын». Стругацкие в «Волнах…» пишут о харьковском филиале «Института Чудаков», в котором проводили тайную проверку на сверхчеловечность. «Лично пригляжу за филейчиками», — говорит булгаковский метрдотель. В «Аэлите» землян зовут «Сынами Неба», у Лагина — Хоттабыч, то есть ибн Хоттаб — сын Хоттаба, а способ мгновенного перемещения в пространстве открыл Рен Боз из «Туманности Андромеды». (Здесь простая перестановка заглавных букв: Рен Боз — Бен Роз. «Бен» — «сын»).

"Медленный шепот раздался в его ушах. Лось сейчас же закрыл глаза. Снова повторился отдаленный тревожный, медленный шепот. Повторялось какое-то странное слово. Лось напряг слух. Словно тихая молния, пронзил его сердце далекий голос, повторявший печально на неземном языке:

— Где ты, где ты, где ты, Сын Неба?"

Под видом романа о полете на Марс А.Толстой рассказывает о людях, которых ведет таинственный зов. «Вы — соль земли», — так сказал Своим ученикам Иисус. Переставьте буквы в фамилии «Сына Неба»: Лось — соль. «Ты, Иван, — говорил Берлиоз, — очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов божьих…». «Ряд сынов божьих» — цепь воплощений, по которой они сходят на Землю и почти забывают о своей истинной природе. А вот в какой комнате поселился красноармеец Гусев: «На потолке, среди золотой резьбы и облаков, летела пышная женщина с улыбкой во все лицо, кругом — крылатые младенцы».

В «Лезвии…» Ефремов пишет о временах, «…когда людьми правили боги или герои, происшедшие от союза смертных женщин с небожителями». Это и показано в «Аэлите»: марсианская «принцесса» становится женой Лося. В сравнении с тщедушными марсианами Лось и Гусев кажутся великанами. А вот что говорится в шестой главе Бытия: «В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божий стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им; это сильные, издревле славные люди».

«Живу как бог или как полубог», — говорит сын лейтенанта Шмидта. Обратите внимание и на «защиту Филидора»: из десятка других вариантов Ильф и Петров выбрали именно ее — для шахматной партии, в которую играет «филиус» Бендер (евр. «бен» — сын), «рыцарь, лишенный наследства». В «Золотом теленке» есть глава под названием «Блудный сын возвращается домой». О том же рассказывает тайный сюжет повести Стругацких «Трудно быть богом». Румата — не простой наблюдатель. Он разыскивает и спасает цвет тамошнего человечества — людей, родственных по духу самому «благородному дону Румате». «Глаз бога», — так называет герой объектив телепередатчика, который он носит на лбу. Третий глаз был у бога Шивы. Очевидно, нам подсказывают, что потомки «целого ряда сынов божьих» еще живут среди людей.

«Вы, Старшие, позвавшие меня на путь труда, примите мое умение и желание, примите мой труд и учите меня среди дня и среди ночи. Дайте мне руку помощи, ибо труден путь. Я пойду за вами!» «Клятва Геркулеса» — так называется это обращение ученика к наставнику. «В этой древней формуле между строк заключено очень многое», — объясняет одна из героинь «Туманности…». Ну, разумеется: Геркулес — сын Зевса и земной женщины! А «древняя формула», которую произносят выпускники «школы третьего цикла», — это калька с «Молитвы Шамбале» из «Агни-Йоги»: «Ты, позвавший меня на путь труда, прими умение и желание мое. Прими труд мой, Владыка, ибо видишь меня среди дня и среди ночи. Яви, Владыка, руку Твою, ибо тьма велика. Иду за Тобой!». Но в следующем романе («Лезвие бритвы») Ефремов пишет о том, что Шамбала не является географическим понятием: «Даже в самом названии Шамбала не подразумевается никакая страна. Шамба или Чамба — одно из главных воплощений Будды, ла — перевал. Значит, эта мнимая страна — перевал Будды, иными словами — восхождение, совершенствование. Настолько высокое, что достигший его более не возвращается в круговорот рождений и смертей, не спускается в нижний мир».

16."СЧАСТЛИВ БУДЕТ ТОТ, КТО ЭТО ПОЙМЕТ"

На Земле появились странные больные — «мокрецы». Мутанты-сверхчеловеки. «Внутри вида зарождается новый вид, и мы называем это генетической болезнью». Титаны духа обосновались неподалеку от маленького курортного городка, — в странном заведении, которое горожане называют лепрозорием. Рядом расположен «приемный покой», замаскированный под санаторий «Теплые ключи» — здесь происходит тайная проверка людей на «филиусность». Несколько отдыхающих стали новыми «мокрецами».

Таков сюжет романа, который пишет главный герой «Хромой судьбы» — московский писатель Сорокин. Он тоже ощущает свою чужеродность: «Терпеть не могу общаться с посторонними людьми. С другой же стороны, мне вдруг пришло в голову, что такое бывало и раньше: в троллейбусах ли, в метро, в таких вот забегаловках, где меня никто не знает, пустующее место рядом со мной занимают в последнюю очередь, когда других свободных мест больше нет. Где-то я читал, что есть такие люди, самый вид которых внушает окружающим то ли робость, то ли отвращение, то ли вообще инстинктивное желание держаться подальше».

То, о чем написал Феликс Сорокин, неожиданно оказалось правдой, — он сам стал объектом внимания высших сил. Но дело не в «генетической мутации», — идет извлечение из человечества бессмертных существ, забывших о своей истинной природе. Память начала возвращаться, — и писатель-баталист неожиданно для самого себя стал сочинять «Современные сказки». «Феликс» — «счастливый». Стругацкие дублируют намек: «Просто он был возмутительно, непристойно и неумело счастлив сейчас…». То же самое Сорокин пишет про свою героиню: «Диана Счастливая». И уже нельзя не вспомнить знаменитую фразу из «Изумрудной Скрижали»: «Люди — смертные боги, боги — бессмертные люди. Счастлив будет тот, кто это поймет!»

«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, змий древний, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним». Многие богословы отождествляют восставших ангелов из Откровения и сынов Божьих из шестой главы Бытия. Ту

же мысль тонко подсказывают Стругацкие: в первой главе Сорокин работает над сценарием фильма о партизанах, а затем перечитывает дарственную надпись на единственной книге, оставшейся от отца — про «зам. командира Крымской Повстанческой».

Таинственный человек, ведающий судьбой Сорокина, пытается напомнить Игроку о битве, а также о том, кто он есть на самом деле. При этом незнакомец принимает облик Булгакова и называет себя Михаилом Афанасьевичем, — для того только, чтобы намекнуть на апокалиптическую войну в небесах. Он же появляется под видом падшего ангела и передает подопечному ноты для труб Страшного Суда. Сорокин должен догадаться, что «падший ангел» — это он сам, а ноты — «визитная карточка» Архангела Михаила: именно ему полагается вострубить в конце времен. «Удивительное ощущение возникло у меня в эту секунду. Он словно хотел что-то подсказать мне, навести на какую-то мысль. Он словно стучался в какую-то неведомую мне дверцу моего сознания».

Поиск, проверка и восстановление «права первородства», — по этой схеме написаны почти все вещи Стругацких. Остается соотнести их с некоторыми реалиями.

«Город поразил его воображение. Он жался к земле, все движение здесь шло либо по земле, либо под землею, гигантские пространства между домами и над домами пустовали, отданные дыму, дождю и туману». Так выглядит инопланетный город в «Обитаемом острове». А этот «академгородок» создан землянином-резидентом, ставшим одним из правителей Страны Отцов: «Тотчас же ворота распахнулись, открылся густой сад, белые и желтые корпуса жилых домов, а за ними — гигантский стеклянный параллелепипед института. Медленно проехали по автомобильной дорожке с грозными предупреждениями насчет скорости, миновали детскую площадку, пестрое веселое здание клуба-ресторана, и все это в зелени, в облаках зелени, в тучах зелени, и прекрасный чистейший воздух…». На этот тайный островок другого мира Странник привозит своих учеников: «…Он очень внимательно следит за каждым более или менее талантливым человеком. Прибирает к рукам с юных лет, обласкивает, отдаляет от родителей, — а родители-то до смерти, дураки, рады! — и вот, глядишь, еще один солдатик становится в твой строй…».

Страна Отцов — Отечество. Фамилия прогрессора-резидента — Сикорски — напоминает о знаменитом русском авиаконструкторе-эмигранте. А вот еще одно совпадение: отчество Бартини — Людвигович, а прогрессор Рудольф Сикорски, он же Странник, однажды назван… Карлом-Людвигом! Эта «ошибка» допущена в повести «Малыш», написанной Стругацкими сразу после «Обитаемого острова». Сикорски здесь упомянут мельком, но зачем-то сказано о его заслугах в нейтрализации агрессивного режима Островной Империи. Япония?

В повести «Волны гасят ветер» действие происходит на Земле: всемогущие невидимки — Странники — ищут индивидов, пригодных для форсированной трансформации в космические существа невероятной мощи. Кандидатов отбирают под крышей филиала «Института Чудаков». Тот, у кого выявлена латентная сверхчеловечность, подвергается инициации и становится люденом (от «гомо люденс» — «человек играющий»). Их дом — Галактика. Игроки, которые остаются на Земле, называют себя акушерами, а человечество считают инкубатором люденов.

В повести «За миллиард лет до конца света» таинственный Фил Вечеровский («филиус»!) испытывает интеллект и психику астрофизика Малянова. Тайный «жрец-посвятитель» всегда рядом, — он отслеживает состояние ученика и подводит нужных персонажей. Цель, которую преследует Вечеровский — главная загадка этой повести: ясно, что экзаменатор нисколько не озабочен судьбой научных идей и прогрессом человечества в целом — его интересует лишь сам подопечный.

В последней главе Вечеровский угощает Малянова коньяком: «Это был „Ахтамар“, очень редкий в наших широтах армянский коньяк с легендой». Классическая анаграмма: «Ахтамар» — «Махатма Р.». В том, что буква Р — не случайный остаток, убеждает другое произведение Стругацких — киносценарий «Искушение Р.». Махатма Роберт? «Махатмы — это Адепты высшего порядка, — пишет Е.Блаватская. — Возвышенные существа, которые, достигнув владычества над своими низшими принципами, и поэтому живущие без помех от „человека плотского“, обладают познаниями и властью, соответствующими той стадии, которой они достигли в своей духовной эволюции».

Анаграмма — древнейший способ шифрования текстов, и Стругацкие его, конечно,

использовали. Прочитайте наоборот имя одного из прогрессоров в повести «Трудно быть богом»: Шуштулетидоводус. В сказке «Экспедиция в преисподнюю» есть персонаж по имени Ятуркенженсирхив. А про анаграмму Берия-Рэбия-Рэба рассказывал сам Б.Стругацкий в одном из своих интервью. И про планету из «Обитаемого острова»: Саракш — Ракшас. Ракшасы — злые духи Древней Индии, а «планета зла», как и ефремовский Торманс, удивительно похожа на Землю. Кто же тогда «земные прогрессоры»? Ответ мы найдем в имени первого прогрессора Стругацких: Румата — Марута. Маруты — сыновья бога Рудры, прекрасные и могучие юноши, сражающиеся с ракшасами. «Филиусы». Стало быть, анаграмматический «Ахтамар» — не исключение.

На столе Вечеровского Малянов видит бумажку с загадочными письменами: «Листок был наполовину исписан символами, которых Малянов не понимал». Вряд ли это иероглифы или буквы одного из современных языков — их начертание известно или, по крайней мере, узнаваемо. Может быть, греческие?.. Исключено: почти все они используются в математических и физических формулах. Астроном Малянов может «не понять» математика Вечеровского, но знать математические символы он просто обязан. Остается допустить, что таким образом «Махатма Р.» пытается напомнить ученику литеры одного из древних языков. Древнееврейского, например… Не случайно Стругацкие выбрали для своего героя фамилию, намекающую на Тайную Вечерю.

17. «НЕ НА РЕКЕ ТИСЕ…»

Предположим, что прототипом Филиппа Вечеровского стал Р.Бартини. Конструктор умер в 1974 году, — и тем же годом датирована повесть. Есть и другие «приметы» — «дуги Рагозинского» и формула Жуковского, которая «откуда-то вдруг выплыла». Точно известно, что великий аэродинамик и «отец русской авиации» не имел ни малейшего касательства к звездным делам, а в астрофизике нет никаких «дуг Рагозинского». Зато аэродинамикам хорошо знаком метод аналитического вычисления идеально обтекаемых поверхностей — с помощью бартиниевских дуг R.

«В желтом, слегка искривленном пространстве медленно поворачивались гигантскими пузырями осесимметричные полости…», — пишут Стругацкие. А про «отображение осесимметричных шаровидных полостей» сказано дважды — вдвое больше, чем требуется для наукообразного антуража. К тому же эта фраза удивительно похожа на бартиниевское описание формы шестимерной Вселенной: «конечная симметрическая система, которую можно рассматривать, как топологическую протяженность, отображенную в сферическое пространство».

Очень впечатляет сходство обстоятельств смерти Бартини и маляновского соседа Арнольда Снегового — «не то физика, не то ракетчика»: «Сегодня в восемь часов утра за Снеговым пришла машина, чтобы отвезти его на аэродром. К удивлению водителя, Снеговой не дожидался в подъезде, как обычно. Повременив пять минут, водитель поднялся на лифте и позвонил в квартиру. Никто ему не открыл, хотя звонок работал — водитель слышал это прекрасно. Тогда он спустился вниз и из автомата на углу доложил по начальству о создавшейся ситуации. Начальство стало звонить Снеговому по телефону. Телефон Снегового был все время занят. Тем временем водитель, обойдя дом, обнаружил, что все три окна Снегового раскрыты настежь и в квартире, несмотря на высокое уже солнце, горит электрический свет. Водитель немедленно доложил об этом. Были вызваны компетентные лица, которые, прибыв, тут же взломали замок и осмотрели квартиру…». В квартире Бартини было распахнуто только одно окно (в декабре, заметьте!), — остальное описано точно. И ехать он должен был на аэродром в Жуковском. Между тем, Арнольд Снеговой — второстепенный персонаж, и его «смерть», разыгранная Вечеровским, понадобилась для устрашения испытуемого. К тому же приведенный выше отрывок нигде больше не задействован, — от него не тянутся никакие причинно-следственные ниточки. Как говорят редакторы — «эпизод не работает». В текстах талантливых писателей такие места наиболее интересны: есть десяток глав Библии, в которых слово «снег» толкуется как дар Божий, символ очищения.

А теперь вернемся к повести «Волны гасят ветер». Где был отмечен первый случай

тестирования на сверхчеловечность? На планете Тисса. В скобках зачем-то уточняется: «(не на реке Тисе, что мирно протекает по Венгрии и Закарпатью, а на планете Тиссе…)». Все ясно, не правда ли: по документам Бартини родился в венгерском городке Каниже-на-Тисе!

Многое могут объяснить ранние рассказы Стругацких. Взять, к примеру, «Забытый эксперимент», опубликованный в 1959 году: в этом рассказе предрекается катастрофа, подозрительно похожая на чернобыльскую. Описан и «двигатель времени», — он служит для прямого преобразования времени в энергию. Но самое невероятное совпадение — это КРИ. Так назывался прибор Бартини, воссоздающий картины прошлого — «Концентратор Рассеянной Информации». По сведениям, которые не удалось проверить, он был смонтирован и испытан в одной из лабораторий Дубны. КРИ описан и в «Цепи» — под видом фантастического телескопа с регулятором времени, в который рассматривают планету, поразительно похожую на Землю. Бартини пишет: «В гравитационном поле нашей космической системы лучи движутся по замкнутым траекториям. И не исключено, что, несмотря на возмущения, свет вернется к своему источнику. Информация, исходящая из каждой точки пространства — это чередование световых сигналов. Что-то вроде гигантской кинопленки, свернутой в кольцо. Значит, можно уловить и зафиксировать сигнал — как астрономы фиксируют свет звезды, которой уже нет». Похожее устройство есть и у Стругацких, — оно появляется в повести «Полдень, XXII век» и даже называется точно так же — КРИ, «Коллектор Рассеянной Информации»! Фактически это «машина времени»: мы видим вспышку Сверхновой, про которую сказано, что она породила динозавров, затем одно из этих животных откусывает голову другому. Третье из полученных изображений герою так и не показали: захват турками Константинополя. Именно это событие привело к тому, что александрийские манускрипты оказались в Москве! Понятно также, почему в «космической» повести Стругацких «Страна багровых туч» целый абзац посвящен Ивану Грозному.

С помощью КРИ решается и вечный вопрос о свободе воли. Этот эксперимент проведен «по методу Каспаро-Карпова», — намек на соперничество двух планетарных «гроссмейстеров». Игроки просчитывают свои ходы на много лет вперед: в 1961 году, когда Стругацкие напечатали эту повесть, Анатолию Карпову было девять лет, а Гарри Каспаров еще не родился.

18. «…НАПОДОБИЕ БУЛГАКОВСКОГО ВОЛАНДА»

В 1960-62 годах у братьев-фантастов произошел качественный скачок, после которого они стали «настоящими Стругацкими». Именно такие случаи расследуются в их повести «Волны гасят ветер»: «внезапное, как бы по волшебству, появление у людей новых талантов» — один из признаков тайной работы по выявлению сверхчеловеков. В одном из интервью Стругацкие сожалеют, что не читали Булгакова до того, как начали писать. Но «Мастер и Маргарита» был напечатан в шестьдесят седьмом, а влияние этого романа начало проявляться гораздо раньше — после творческой мутации шестьдесят первого года. С этого времени их произведения насыщаются аллюзиями на «Мастера…», узнаваемыми словечками и целыми выражениями — цитатами без кавычек. Сравните, к примеру, страшную жару в первых главах «Мастера…» и «Миллиарда лет…», печати на дверях Берлиоза и Снегового, штампы — «уплочено» и «оплачено». Плюс к тому — интуристы, испорченные телефоны, роговые очки и прочее, прочее, прочее… Вот как описывается первое появление Вечеровского: «…у него был такой вид, словно он собирается в консульство Нидерландов на прием в честь прибытия ее величества, и через пять минут за ним должна заехать машина». Знакомый набор, не правда ли: «иностранный консультант» Воланд (консульство Нидерландов!), бал, летающая машина, королева Маргарита.. К тому же у Вечеровского «все было самого высшего качества — на мировом уровне или несколько выше».

Затем появляется «Хромая судьба», вызвавшая некоторое недоумение у почитателей Стругацких. Но все встало на свои места, когда был опубликован полный вариант. Это «роман в романе», — как и булгаковский «Мастер…»: в начале 80-х годов некий литератор пишет свою самую заветную книгу — «Синюю Папку», — и сюжет ее становится второй повествовательной линией, объясняющей первую. В конце перед героем предстает таинственный Михаил Афанасьевич — человек, удивительно похожий на Булгакова — и строго

выговаривает писателю: «…Единственное, что меня интересует, это ваша Синяя Папка, чтобы роман ваш был написан и закончен. А как вы сделаете, какой ценой — это, право же, мне не интересно». Затем он диктует писателю окончание его романа!

В романе «Отягощенные злом или Сорок лет спустя» на Землю приходит Демиург — творец и «управдом» нашей Вселенной. Стругацкие называют его также Назаретянином, Иисусом, Яхве, Гефестом, Птахом и другими подобными именами. Место пришествия — СССР, время — восьмидесятые годы. В главе «Необходимые пояснения» есть две строчки, свидетельствующие о том, что Стругацкие прекрасно поняли, кто такой Воланд: «Ни у кого не вызовет сомнения, скажем, что Демиург — фигура совершенно фантастическая (наподобие булгаковского Воланда)…». Но загадки Стругацких нельзя объяснить одним влиянием М.Булгакова. В начале шестидесятых у соавторов резко изменилась модель мира, — стало возможным путешествие во времени без какой-либо аппаратуры («Полдень, XXII век», «Попытка к бегству»). А там, где братья вынуждены маскировать средство передвижения (в «Парне из преисподней», например), появляются звездолеты типа «призрак»: «Ровно в пять, только роса выпала, раздалось у меня над самым ухом знакомое хриплое мяуканье, ударило по кустам горячим ветром, зажегся над поляной первый огонь, и вот — он уже стоит. Рядом. Так близко я его никогда не видел. Огромный, теплый, живой, и бока у него, оказывается, вроде бы даже шерстью покрыты и заметно шевелятся, пульсируют, дышат… Черт знает, что за машина. Не бывает таких машин». Летающая машина — это опять-таки Булгаков! «Призрак» мяукает, дышит, огромный, шерстью покрыт: не наш ли это старый знакомый — кот Бегемот, «летающий котяра», «огромный, как боров»? Здесь есть тонкая подсказка: герой повести — курсант-десантник, человек с «другой планеты». «Бойцовый Кот» — так именуют там десантников. Попав на Землю (не на нашу, понятно, а на «будущую» — прекрасную и счастливую), Бойцовый Кот духовно перерождается. Затем он отбывает на свою отсталую планету — надо полагать, для того, чтобы впоследствии стать чем-то вроде Антона-Руматы из «Трудно быть богом». Не случайно действие «Парня из преисподней» происходит вблизи несуществующего города Антонова: римское имя «Антон» выводят из греческого «антео» — «вступать в бой». Надо понять тайный смысл этой притчи: прекрасная «будущая Земля» — некое место, где приводят в чувство Игроков. Школа. По-видимому, она располагалась в Москве: Бойцовый Кот — «курсант третьего курса Особой столичной школы». «Бойцовый котенок» и мяукающий «звездолет» — ученик и Учитель. Ясно также, что человек, научившийся быть «призраком», может очень вольно обходиться с пространством и временем.

Стругацкие настойчиво демонстрируют свою преемственность по отношению к старшим «атоновцам» — М.Булгакову, А.Толстому, Ильфу и Петрову, А.Грину, И.Ефремову и другим «дисковцам». Взять, к примеру , строчку из повести «Волны гасят ветер»: «…Здесь какой-то ловкач в модном радужном плащике и с метавизиркой через плечо прохаживается по площадям Свердловска». Это говорится о таинственных Странниках, которые лишь внешне похожи на обычных людей. Но площади Свердловска напоминают и о другом «ловкаче»: «Вчера на площади Свердлова попал под лошадь №8974 гр. О.Бендер». В «Повести о дружбе и недружбе» героя строго экзаменуют по устройству гиперболоида". А в конце романа «Град обреченный» есть совершенно необязательная реплика про какой-то «союз меча и гнева». Союз меча и орала?

«— Союз меча и гнева… — бормотал Изя, торопливо устремляясь к дверному проему. — То-то же я ни хрена не понимал, что это за союз… откуда здесь меч какой-то… Так разве сообразишь такое?..».

Ни за что не сообразишь, — если, конечно, не знаешь, что искать. На той же странице, где промелькнул «союз меча и гнева», высится еще один знак — норманнская башня. Можно смело сказать, что во всей советской литературе есть лишь одна норманнская башня — та, с которой Гарин уничтожил анилиновые заводы.

Вернемся к «Миллиарду лет до конца света». Повесть имитирует рукопись без начала и конца, причем лакуны в тексте указывают на недостачу некоторых страниц. Это подчеркнуто двойной нумерацией — по главам и страницам рукописи. Автор записок — ленинградский астроном Малянов — человек, который подвергся страшному давлению со стороны «неизвестных разумных сил». Несомненно, это был экзамен. Но почему лауреат («увенчанный лаврами» — то есть герой) Вечеровский выбрал именно Малянова? Ответ скрыт в адресе, по

которому проживает ученик: улица Героев. В Ленинграде нет такой улицы, но греческое слово «heros» в древности указывало на божественное происхождение: герой — сын бога и смертной женщины. В Библии — исполин…

(«Отягощенные злом»: «…И для каких же, интересно, целей разрезали фасад узкие, до пятого этажа ниши? Неужто для неимоверно длинных и тощих статуй неких героев и страдальцев прошлого?»)

На первый взгляд, «сын божий» не выдержал экзамен. Забывший себя «полубог» струсил и был признан непригодным для какой-то битвы, в которой участвует «Махатма Р.». «Бароны, знаете ли, стареют», — сказали Вечеровскому, и он ответил: «Бароны также и воюют». И далее: «…Я остановился на всю жизнь, а Вечеровский пошел дальше, и теперь он пойдет сквозь разрывы, пыль и грязь неведомых мне боев, скроется в ядовито-алом зареве, и мы будем едва здороваться, встретившись случайно на лестнице».

Странная война, не правда ли: можно идти сквозь разрывы и в то же время встречаться на лестнице! Где же происходят эти «неведомые бои» и кто с кем воюет?

Заметьте: вначале герой пишет о себе в третьем лице — «объективно» — и не слишком пугается («все прошедшее казалось не то, чтобы сном, а скорее некой эксцентрической повестью»). Затем ракурс меняется, и третье лицо становится первым: «Я опять ощутил то же знакомое оцепенение внутри…». Страх сразил ученика, и в это мгновение он снова отождествился с миром, из которого должен быть извлечен. А как же рукопись? Наверное, это и есть главное экзаменационное задание — литературная запись всего пережитого. О том, что ученики «Особой столичной школы» должны были проделывать такую работу, Стругацкие проговариваются в повести «Жук в муравейнике»: «Психологи (засевшие в штабах) требуют, чтобы отчеты содержали не столько объективные данные о событиях и фактах, сколько сугубо субъективные ощущения, личные впечатления и поток сознания автора». То же самое советуют герою «Театрального романа»: «Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует». Речь идет о творческих галлюцинациях писателя Максудова. Это правило объясняется в «Исповедании Братства Розы и Креста» (1615): «В разные века были просвещенные, кто видел, ощущал и слышал волю Бога, но истина будет открыта лишь тем, кто не только слышал и видел ее, но и сможет изречь ее». Иначе говоря, — облечь в художественную форму и посредством печатного станка передать дальше…

19. «НЕ СУЩЕСТВУЕТ ЕДИНСТВЕННОГО ДЛЯ ВСЕХ БУДУЩЕГО»

«Миллиард лет…» — отчет о пребывании ученика в том мире, где в Ленинграде есть улица Героев и где известны астрофизик Рагозинский, совершенно неизвестный у нас. А на столе у Малянова мы видим «одного Смирнова Владимира Ивановича шесть томов». В нашем мире классический «Курс высшей математики» В.И.Смирнова издавался только в пяти томах, и астроном Б.Стругацкий не может этого не знать!

Итак, ученик вернулся из сна и точно описал увиденное. На дальнейшее намекает подзаголовок повести — «Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах». Очевидно, автор просто исчез. Между тем, подобный случай предусмотрен в инструкции по выявлению деятельности чужих прогрессоров: «необъяснимое исчезновение людей» («Волны гасят ветер»).

Людей испытывают и разделяют. «…Меня отделили от человечества, как отделяют овцу от стада, и волокут куда-то, неизвестно куда, неизвестно зачем…». Вечеровский объясняет: «Я хотел бы, чтобы ты это понял: что, по сути, ничего принципиально нового и необычного в этой ситуации нет». Действительно: идея отбора стара, как мир. В той или иной форме она присутствует во всех мировых религиях, — зерна отделяют от плевел, агнцев — от козлищ… Критерий тот же, что и у Булгакова: ученик перестает бояться и, вернувшись из очередного «зрелищного» путешествия, набрасывает такую схему мироустройства, при котором подобная экскурсия возможна. Намечает, так сказать, вчерне… Именно поэтому в хорошо знакомых произведениях Стругацких картина мироздания дается лишь косвенным образом. Почему, к примеру, другие планеты — «обитаемые острова» — невероятно земноподобны? Доходит до того, что в Арканарском королевстве мы с изумлением обнаруживаем куст бузины!

Параллельные миры?

Бартини говорил про «складки пространства-времени». Очень похожее выражение мы обнаружили в сказке А.Ярославцева «Экспедиция в преисподнюю»: «Деформация пространства-времени в складках десплузионных слоев при наложении параллельных пространств». А.Ярославцев — псевдоним Аркадия Стругацкого. «Я — Ро — славцев»? Бартини пишет, что в детстве его звали Ро, а в одном из интервью Стругацкие вспомнили, что героя трех повестей — прогрессора Каммерера — они вначале хотели назвать Ростиславцевым. «Ро» и «слава» в некотором смысле «масло масляное»: в древнегерманском языке «ро» — «слава». Имя «Роберт», соответственно — «Слава Света»… В «Экспедиции…» нельзя не заметить великое множество булгаковских словечек и даже незакавыченных цитат. Взять хотя бы аллюзию на первую фразу «Белой гвардии»: «Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 15 июля 2222 года нашей эры, от начала же Великой Революции 305-го»). Немало любопытного найдут для себя знатоки средневековой орденской, алхимической и астрологической эмблематики, — шифр там предельно простой, все на поверхности. Нас же больше заинтересовал космологический пласт «сказки для среднего школьного возраста»: «Известны были пространства параллельные и перпендикулярные, пространства с прямым, обратным и ортогональным течением времени, вероятностные пространств с числом измерении большим или меньшим трех, пространства, замкнутые на себя и пространства, разомкнутые в реальную бесконечность, и прочие головоломки, представленные только математически — квази-, псевдо— и эсекосмосы…».

В повести Стругацких «Полдень, XXII век» есть место, где упоминается некая теория совмещенных пространств. Люди с паранормальными способностями — ридеры — пытаются «услышать» параллельные миры. «Связью с параллельными пространствами» занимается и директор НИИЧАВО («Понедельник начинается в субботу»). Сказано об этом вскользь, но слова директора, обращенные к ученику, завершают «повесть-сказку»: «Постарайтесь понять, Александр Иванович, что не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них». Вечеровский тоже что-то объясняет астрофизику Малянову. Само объяснение не приведено, и судить приходится лишь по резюме ученика: «Нельзя сказать, чтобы я не понял его гипотезу, но не могу сказать, что я осознал ее до конца. Не могу сказать, что гипотеза убедила меня, но, с другой стороны, все происходившее с нами в нее укладывалось. Более того, в нее укладывалось вообще все. что происходило, происходит и будет происходить во Вселенной…».

«Малянов — это я». — сказал Борис Стругацкий в интервью «Комсомолке». А в «Хромой судьбе» выведен его брат и соавтор — в образе бывшего военного переводчика и писателя-лауреата Феликса Александровича Сорокина. (На лацкане его пиджака — соответствующий значок). В последнем из московских эпизодов действие происходит в библиотеке, а на трех страницах первой главы рассказано о пяти домашних библиотеках, собранных героем в разные годы, причем единственная из сохранившихся книг первой библиотеки принадлежала отцу писателя — Александру Александровичу. Но самый прозрачный намек на Александрийскую библиотеку скрывается в рассказе о спасенных от сожжения книгах из трофейной библиотеки придворного маньчжоугоского императора. В «Хромой судьбе» перечислены места, где проходил службу военный переводчик Феликс Сорокин: Камчатка, Канск и Казань. А в повести «Попытка к бегству» зашифрован герб Казани — дракон с красными крыльями. Поклонники Стругацких наверняка припомнят красный вертолет «рамфоринх», на котором прилетел путешественник по Времени: в первой главе он упомянут целых десять раз! Расчет прост: любознательный читатель откроет 21-й том БСЭ и узнает, что рамфоринх — крылатый ящер. Следующая статья — «Рамфотека». Остается припомнить место появления винтокрылого «дракона»: он был замечен над Дворцовой площадью — там, где стоит александрийский столб.

Возможно, братья-фантасты знали про то, что часть Александрийской библиотеки была спасена от огня и доставлена на Русь из Византии. После смерти Ивана IV «либерея» исчезла. Очевидно, ее тайно хранили в Казани. В начале 1947 года в этом городе находился старший лейтенант Аркадий Стругацкий: в качестве переводчика он участвовал в допросах пленных японских генералов. Мы предположили, что в это же время Бартини перевез из Казани в Москву какие-то манускрипты. Ровно через сорок лет появляются «Отягощенные злом или

Сорок лет спустя» — роман о втором пришествии Христа. Читателю дают возможность подсчитать, что действие происходит в 1987 году, а главному герою — сорок лет. «Библиотекарем Иоанна Грозного были, а где библиотека находилась — показать не можете», — говорит он одному из персонажей — Апостолу Иоанну.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЗАПАСНОЙ ВЫХОД

— А потом я решила взобраться на Гору и…

— Ты вот говоришь — «на гору», — перебила ее Королева. — А ведь я видывала горы, по сравнении с которыми эта — канава.

— Этого не может быть! — вступила Алиса в спор. — Гора не может быть канавой! Это чушь какая-то!

— С твоей точки зрения, это, возможно, и чушь — покачав головой, сказала Черная Королева, — но я слыхала чушь, по сравнении с которой эта — прописная истина.

Л.Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье».

1. ПОИСК ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

Книги с «двойным дном» были адресованы существам, чуждым нашему миру, как водолазы — рыбам. Ибо что такое добро и зло в представлении тех, кто знает, что человеческое тело является одеждой — одной из многих, которые предстоит износить?

«И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные» — маскарад для Великой Игры. Бесконечно переодеваясь, Прогрессоры и Консерваторы встречаются в незримых битвах на шахматных досках миллионов миров. Здесь все имеет тайное значение — первый крик ребенка и веселая опечатка в телефонном справочнике, и древний манускрипт, точно в срок извлеченный из небытия, и погрузившийся в пучину лайнер… Только уголком глаза можно уловить тысячелетние комбинации. оценить расстановку и силовые поля фигур. У каждого Игрока — своя идея. Как муравей Дедала, он тянет незримую нить через века и народы, сплетая ее с другими в немыслимых узорах. Для этого требуются помощники. Так возникают тайные школы, прикрытые дымовой завесой мистических орденов, сект и кружков. Участвуя в невидимой битве, ученики совершенствуют свою природу — телесную и духовную. Иногда эти люди надолго теряются — внезапно гибнут или утрачивают память. Родившись вновь, они забывают то. чему их учили. Но обретенные возможности не исчезают бесследно, и это позволяет ученикам вмешиваться в процессы, которые выше их понимания.

«Идеи неизмеримо прочнее вещей, — говорил Бартнни. — Что осталось от некогда могучих империй? Куда исчезла легендарная Атлантида, где сказочные богатства Креза, мраморные портики. рыцарские замки, чайные клиперы или московская Триумфальная арка? Все обратилось в прах. Но откройте самые мудрые книги последнего столетия: далеко ли мы ушли в поиске ответов на вечные вопросы? Не крутится ли мысль человеческая вокруг нескольких идей. ни на йоту не приблизившись к ним со времен Платона и Аристотеля?»

Это похоже на провода высокого напряжения, пронизывающие время — миллионы и миллиарды идей и идеек — от вечных до самых ничтожных, живущих одно-два поколения. Каждая из них индуцирует свое силовое поле. Видимый мир — это «завихрение» множества полей, пакет волн, наиболее устойчивый вблизи «проводов». Именно поэтому чудеса совпадений, вещих снов и реализации желаний сопровождают того, кто захвачен какой-либо идеей. Словно чья-то рука подхватывает над пропастью и направляет к цели, не особенно заботясь о правдоподобии сюжета.

Максимилиан Волошин удивительно легко пережил ужасы революции и гражданской войны. Все стороны уважали его нейтралитет. Не тронули Волошина и во время кровавой зачистки после прихода красных.

Алексей Толстой стал примером счастливейшей литературной судьбы. В 1919 году писатель эмигрировал во Францию. Через четыре года вернулся на Родину. Граф был обласкан

новой властью и стал живым символом преемственности русской и советской литературы.

Судьба хранила и Александра Грина. Его биограф В.Вихров пишет: «Мальчик слыл странным. В школе его звали колдуном. Он пытался открыть „философский камень“ и производил всякие алхимические опыты». Благополучно закончилось его эсерство, обошла стороной мировая война, пощадила революция.

Михаил Булгаков после окончания медицинского факультета был призван в армию. В 1916 году молодого хирурга неожиданно демобилизуют и направляют земским врачом в смоленскую глухомань. Там он стал безнадежным морфинистом, но поборол смертельную зависимость. В девятнадцатом году Булгакова мобилизовали в белую армию. В Чечне он получил тяжелую контузию. Выжил. Когда разгромленные деникинцы уходили в Турцию, сыпной тиф заставил его остаться в России. Бывшего военврача белой армии М.Булгакова даже не посадили. Мало того: в момент, когда «пролетарская» литературная критика начала самую жестокую травлю писателя, ей буквально сворачивают голову — РАПП распускают, журнал «На литературном посту» закрывают… Были расстреляны самые рьяные гонители «булгаковщины», а «недобитый белогвардеец» умер своей смертью. Публикацию «Мастера…» в журнале «Москва» (1966-67 г.г.) знающие люди считают чудом: подобные книги стали воскресать лишь двадцать лет спустя. А в первом отдельном издании (1973) были восстановлены 159 купюр, — невиданный случай в тогдашней издательской практике!

Сергей Королев разбивался на планере и горел в самолете, — когда ракетный «движок» взорвался на большой высоте и снес половину оперения. При взрыве одного «изделия» кусок трубы ударил в висок, — спасли миллиметры… После ареста его не расстреляли, как других руководителей РНИИ, а отправили на колымский прииск. К осени он уже числился «доходягой». Только счастливый случай помог Королеву пережить зиму: проходя по старой вырубке, он увидел на пне целый каравай хлеба! Затем конструктора освободили — так же неожиданно, как арестовали. С огромным трудом он добирается до Магадана, но опаздывает на пароход «Индигирка». Пароход гибнет в проливе Лаперуза. Когда Королев все же добирается до Москвы, его снова судят и отправляют в туполевскую шарагу — единственное в стране место, где можно было работать и не думать о том, что ночью за тобой придут. В конце войны его снова освободили. Плотная опека государства продолжалась всю жизнь, страхуя конструктора от всех случайностей, кроме самой последней.

Борис Стругацкий: «Это совершенно невероятное, вообще говоря, стечение обстоятельств — конечно, мы все должны были погибнуть. Я должен был умереть в блокаду — это было ежу ясно, я умирал, мама мне об этом рассказывала… меня спасла соседка. у которой каким-то чудом оказался бактериофаг… Мне дали ложку этого лекарства, и я выжил, как видите. Аркадий тоже должен был погибнуть, конечно, — весь выпуск его минометной школы был отправлен на Курскую дугу, и никого не осталось в живых. Его буквально за две недели до этих событий откомандировали в Куйбышев, на курсы военных переводчиков». О том, насколько серьезно Борис Натанович интересовался этим вопросом, свидетельствует его последний роман — «Поиск предназначения или Двадцать седьмая теорема этики». Имеется в виду одно из умозаключений Баруха Спинозы: «Вещь, которая определена Богом к какому-либо действию, не может сама себя сделать не определенной к нему». В этом романе, изданном под псевдонимом «С.Витицкий». есть любопытные строчки: «…От него первого узнал я, например, почему в России традиционно разводят жирных свиней, в то время как в мире давно уже перешли на свинину чисто мясную, беконную». Эта фраза настолько не соотносится с сюжетом, что автор заключил ее в скобки!

Иван Ефремов все тридцатые годы провел в бесконечных экспедициях. В 41-м его приковала к постели странная болезнь, подхваченная в Центральной Азии и очень похожая на тиф. Именно тогда палеонтолог начинает писать свои «рассказы о необыкновенном», первый из которых — «Озеро горных духов». «Стремительное вторжение Ефремова в литературу произошло в 1944 году, — пишет его друг и биограф П.Чудинов. — Интересно отметить, что в послевоенной истории Союза писателей СССР (Ефремов — член СП с 1945 г.) он остался единственным, кого в СП приняли „автоматом“ — без заявлений, рекомендаций и прочих атрибутов, доказывающих значительность и право кандидата». В начале пятидесятых здоровье профессора снова пошатнулось, — так появились первые крупные вещи Ефремова. В прологе

романа «Лезвие бритвы» (1963) он пишет о том, что «незаметные совпадения, давно наметившиеся сцепления обстоятельств, тонкие нити, соединяющие те или другие случайности, вырастают в накрепко спаянную логическую цепь, влекущую за собой попавшие в ее орбиту жизни». Именно в этом романе упоминается Шамбала, а главный герой занимается управляемыми галлюцинациями, — как и Барченко. Вот еще одно «сцепление обстоятельств»: действие эпилога происходит в Ленинграде, возле здания бывшего буддийского храма — там, где в конце 1923 года поселился А.Барченко, мечтавший о походе в Шамбалу. В то время Ефремов тоже жил в Петрограде. Не потому ли он уничтожил все свои записи, начиная с двадцать третьего года?

2. "ХОД БЫКА'

О детстве и юности Ивана Ефремова точно ничего не известно. Был беспризорным, «сыном полка», контужен… А самый ранний документ — удостоверение об окончании школы (1924) — имеет явные следы подчистки в графах «отчество» и «год рождения». В архиве писателя есть две интересные фотографии. На первой из них Ефремову лет двенадцать, одет в офицерский френч. «Сын полка». Красного или белого?.. На другом снимке он года на три старше — прицеливается из «парабеллума».

В молодости Ефремов писал стихи. Одно его стихотворение было найдено при обыске. Оно начинается словами: «Нашел себя в обличье новом…». Эти строки очень заинтересовали полковника Ришата Хабибулина, руководившего следствием. Не послужил ли ученик «Атона» Иван Ефремов прототипом булгаковского поэта Ивана Бездомного? В одном из ранних вариантов романа поэт назван Безродным, а в другом он не Иван, а Антон (Атон — Антон?). В эпилоге, написанном в 1939 году, поэт становится профессором. Ему «тридцать с лишним». В том же году тридцатидвухлетний палеонтолог Иван Антонович Ефремов садится за докторскую диссертацию. Булгаковский «ученик» обещает мастеру написать продолжение романа, — четыре года спустя после смерти Булгакова молодой доктор наук печатает свои первые «Рассказы о необыкновенном». Вспомните алмазный треугольник на портсигаре — парольный знак, который Воланд показывает в ответ на ивановы слова «Наша марка». Маленькие зеркальные треугольники украшают скафандры землян в ефремовском «Часе Быка», а каменный треугольник можно увидеть на могиле писателя в Комарове. Там нет отчества — только имя и фамилия. «Безродный».

Ефремов умер в октябре 1972 года. Ходили слухи, что перед смертью он распечатал письмо, присланное из США, и экспертиза якобы показала, что в почтовом конверте был тонкодисперсный порошок нервно-паралитического действия. А вот какие строчки мы обнаружили в «Лезвии бритвы»: «Ну, например, книга или письмо с отравой, рукопись, скрепленная так, что вы обязательно уколетесь, разнимая листки. Образцы камней или кристаллов, в которые вделан сильный заряд радиоактивного вещества или испаряющегося на воздухе яда… Не доверяйте даже присланному от давнишних ваших коллег, ведь воспользоваться их адресами ничего не стоит».

Вскоре после похорон в квартире произвели обыск — с применением металлоискателя и даже счетчика Гейгера. Чекисты отправили на химанализ коллекцию минералов и несколько металлических предметов неясного назначения. Ряд вещей было реквизировано, в их числе — небольшая палица и трость с рукояткой-стилетом («трость деревянная, разборная, с вмонтированнным острым металлическим предметом»). Что же надеялись найти у всемирно известного писателя и ученого, чьи произведения выдержали полтысячи изданий суммарным тиражом 200 миллионов экземпляров? Люди этого круга не способны предавать государство, они просто идут своим путем. Следы тайного общества — единственное, что могла искать Лубянка.

Своему второму фантастическому роману Ефремов дал любопытное название — «Час Быка». Дело в том, что существует вид архаического письма — бустрофедон. В переводе с греческого — «ход быка»: слева направо, а потом обратно. В переносном значении — понимание текста в обратном смысле. Земной звездолет посещает очень неблагоустроенную планету Торманс и входит в контакт с тамошней цивилизацией. Но райская область, которая у

Ефремова зовется Землей, совсем не похожа на нашу планету. Зато на нее похож Торманс. Тормансиане оказались потомками земных колонистов — тупиковой ветвью нашей истории.

Если под Тормансом подразумевается Земля, то «земные» прогрессоры — это существа, прошедшие человеческую стадию, но живущие рядом с нами. Махатмы, если угодно… Звездолет называется «Темное Пламя». Помимо прямого значения, у слова «темный» имеется три смысла: «незнающий», «подозрительный» и «тайный». «Тайный Огонь» упоминается во многих эзотерических учениях и символизирует одно и то же — скрытое знание. Средневековые алхимики именовали себя «работниками Тайного Пламени», а в каббалистическом «Зохаре» говорится о Черном Огне. Не случайно писатель употребляет слово «магические», — когда речь заходит о некоторых способностях «владычицы землян» — начальницы экспедиции. Самыми несложными приемами она делится с учениками-тормансианами.

В «Туманности Андромеды» много раз упоминается «школа третьего цикла» — в одноименной главе и по всему тексту. Но даже это не выглядит так подозрительно, как в «Часе Быка»: «школа третьего цикла» закольцовывает сюжет, и все происходящее видится глазами учеников, которым учитель показывает видеозапись экспедиции. Очень важен эпизод в «древнем святилище Трех Шагов» (три цикла — три шага?), где «владычица землян» говорит об этапах инициации:

«В любой религии есть испытания перед посвящением в высшее, тайное знание. Их три, три шага к индивидуальному величию и мощи… Первое испытание, так называемое „испытание огнем“ — это приобретение выдержки, высшего мужества, достоинства, доверия к себе, как бы процесс сгорания всего плохого в душе. После испытания огнем еще можно вернуться назад, стать обычным человеком. После двух следующих — пути назад отрезаны: сделавший их уже не сможет жить повседневной жизнью».

Кто же испытывает кандидата? Об этом прямо не говорится, но целая страница объяснений по поводу «Трех Шагов» завершается явным «ходом быка»: «Вера в верховное существо, следящее за лучшими судьбами, была наивным пережитком пещерного представления о мире».

3. РОЗА И КРЕСТ

Каким образом автор может подсказать читателю, что текст зашифрован? Очевидно, он должен оставить знак в начале книги — «сигнальный» заголовок, многозначительный псевдоним или эпиграф. Средневековые авторы, например, заказывали для своих изданий гравированные портреты с массой символических аксессуаров, — таковы дошедшие до нас изображения знаменитых алхимиков и философов, принадлежавших к различным тайным обществам.

Имеется великолепная фотография Ивана Антоновича Ефремова, которая неоднократно воспроизводилась в различных изданиях: писатель за рабочим столом. На столе стоит металлическая статуэтка — рыцарь в латах, рядом в стакане — роскошная роза, а за спиной Ефремова — крест, образованный стенками книжных полок. Роза и крест? А как называлась опера о гроссмейстере тайного ордена, которую пишут Ляпис-Трубецкой и его «подельники»? «Железная роза»!

Вернейшим признаком шифра служит путаница во времени. Вот пример: в конце второй главы «Гиперболоида…» Роллингу докладывают о том, что нанятые им люди «завтра могут выехать в Варшаву», а «в первых числах апреля» они перейдут советскую границу. Но пятью строчками ниже читаем: «Этот разговор происходил в начале мая 192… года».

Героиня «Гиперболоида…» выбрала для себя фамилию Монроз. В переводе с французского — «моя роза»…"Я розы люблю", — говорит булгаковский мастер. Вспомните также густой аромат роз, сводящий с ума прокуратора Иудеи, и стену из роз на балу Воланда. Еще один любопытный факт припомнила Татьяна Лаппа — первая жена Булгакова: в студенческие годы над его письменным столом висел самодельный плакатик: «Igne Natura Renovatur Integra» («Огнем природа обновляется вся»). Этот девиз принадлежит «Рыцарям Достохвального Ордена Креста и Розы», а начальные буквы слов были начертаны над

распятием: INRI — «Иисус Назареянин, Царь Иудейский».

Считается, что розенкрейцеры были глубоко законспирированным сообществом ученых-мистиков. Они называли себя «Невидимыми Философами», а происхождение ордена выводили от Аменхотепа IV. Этот фараон-революционер принял имя Эхнатон — «Угодный Атону» — и первым в мире попытался декретировать единобожие. Свергнутый с трона, Эхнатон передал открывшееся ему знание ученикам, и эту тайну они пронесли через века. Среди хранителей назывались очень известные персонажи — например, Моисей и Соломон. Согласно другой легенде орден был воссоздан в XV веке немцем Христианом Розенкрейцем («розовый крест»), — он получил посвящение в секреты Великих Адептов Востока. Считается, что в конце следующего столетия орден возглавил Френсис Бэкон — человек, которого называют отцом современной науки.

Рыцари Розы и Креста практиковали магию и алхимию. Они ставили перед собой вполне прогрессорскую задачу: ускорение развития отдельного человека и цивилизации в целом. Единственный раз орден вышел из тени в начале XVII века, — опубликовав несколько программных манифестов, которые вызвали немалое смятение светских и духовных властей. Вот, к примеру, отрывок из «Конфессио» — самого знаменитого розенкрейцеровского текста: «Ложь и тьма, проникшие в науки, искусства, религии и правительства и делающие затруднительным даже для мудрых открытие подлинного пути, будут повержены, и установится единый стандарт, чтобы все могли радоваться плодам истины. Нас не будут рассматривать как ответственных за это изменение, потому что люди будут говорить, что это результат прогресса». Европейским интеллектуалам обещали: «Весь мир предстанет как одна книга, а противоречия науки и теологии будут преодолены».

Многие ученые мечтали вступить в это тайное общество, но никто из принятых о своем членстве не заявлял. Тем не менее стало известно, что инициация новых членов происходит в астрале, где посвящаемые переживают необычайные приключения, «умирают» и «возрождаются» к новой жизни. Это называется «поднять Розу с Креста» — победить страх смерти, освободиться от рабской привязанности к телу, к физическому миру. Прошедших первые испытания именовали неофитами — «новой травой». (Воланд: «Поразительные травы оставила в наследство поганая старушка, моя бабушка!»).

Смерть — незначительный эпизод в жизни розенкрейцера. Азазелло втолковывает эту мысль «отравленному» мастеру: «Разве для того, чтобы считать себя живым, нужно непременно сидеть в подвале, имея на себе рубашку и больничные кальсоны?»

Одна из героинь «Туманности Андромеды» спасает своего возлюбленного, умирает и воскресает. «Девушка упала,… широко раскинув руки». Символическое распятие. Очень многозначительно выглядит и существо, которое ее «убило»: «…в серой полутени двигался черный крест с широкими лопастями и выпуклым эллипсом посередине. На трех концах креста виднелись линзы…». Шляпки гвоздей? Ефремов подчеркивает: «Основание креста утопало во мраке неосвещенного углубления почвы». Известно толкование главного символа розенкрейцеров: роза — сердце Иисуса, распятое на кресте нашего мира. Именно поэтому на старинных гравюрах в центре розы нередко изображалось сердце.

Христиан Розенкрейц привез из Сирии таинственную книгу "М". После его смерти книга исчезла. Букву "М" Маргарита вышивает на шапочке своего возлюбленного, а Воланда (первая буква "W" — перевернутая "М") очень интересует книга мастера. «Гиперболоид инженера Гарина»: 95-я глава пересыпана загадочным «металлом М»! У Стругацких мы встречаем М-полости и М-поле. В письме И.Ефремова к И.Пузанову, датированном 1953 годом, есть перечень заглавий рассказов, которые он собирался написать. Среди них — «Красный гигант М».

В одном из важнейших розенкрейцеровских документов — «Исповедании Братства Розы и Креста» (1615) — содержится малопонятная фраза о двух новых звездах, открытых незадолго до того в созвездиях Лебедя и Змееносца. Есть основания полагать, что это было чрезвычайно важно для ордена: символы двух созвездий не раз встречаются в текстах розенкрейцеров. Сравните с ефремовским «Сердцем Змеи»: «Путь звездолета подходил к концу — сегодня надо было повернуть корабль в направлении созвездия Змееносца…». То же самое происходит в начале «Туманности Андромеды»: «Тридцать седьмая звездная экспедиция была направлена на

планетную систему близкой звезды в созвездии Змееносца». А вот какими словами заканчивается роман: «„Лебедь“ будет доступен нашему зову еще девятнадцать часов!». Эти знаки дублируются во второй главе:

"— Через шестьдесят один Лебедя?

— Ну, конечно. Или иногда через сто семь Змееносца…".

Глава третья: «Совет Звездоплавания только недавно закончил подготовку к приему друзей с недалеких звезд из Змееносца, Лебедя…».

4. СТРАЖ ВЕНЕРЫ

Планета Венера упоминается в четырнадцати произведениях Стругацких, а в «Улитке на склоне» герой видит чернильницу в форме одноименной богини. Об экспедиции на Венеру рассказывает и первая повесть — «Страна багровых туч». Там есть интересный эпизод: возле таинственной башни герой обнаружил людей в скафандрах. Один из них в ответ на изумление Быкова отвечает: «Нет, не мы! Рыцари ордена розенкрейцеров! Представители женского комитета!».

На первый взгляд, шутка кажется простой: космонавты готовятся лететь к планете, названной именем богини любви. Но истинный смысл этого намека поймет лишь тот, кто читал «Химическую женитьбу Христиана Розенкрейца» — сказку о человеке, приглашенном в королевский дворец. Король и королева умирают, а герой вместе с другими гостями проходит несколько странных испытаний — явно иносказательных — и становится свидетелем воскрешения королевской четы. В этой алхимической инструкции есть правило: тот, кто пройдет мимо швейцара, охраняющего спящую Венеру и взглянет на нее, сам становится швейцаром. И получает знак розенкрейцеровского посвящения — Золотое Руно… Булгаков весело воспроизвел эту церемонию: Николай Иванович взглянул на обнаженных женщин и был немедленно оседлан. А что он кричит в полете? «Венера!» Иван тоже видит «Венеру» — голую гражданку в ванной, — затем он крадет венчальную свечу («Химическая женитьба»!) и проходит мимо швейцара в ресторан. Символическая «Венера» мастера — Маргарита: это имя происходит от известного эпитета Афродиты-Венеры — «жемчужина». Не случайно в романе появляются многочисленные швейцары, метрдотели, кондукторы, дворники, горничные, дежурные и прочие привратные стражи. Ту же роль исполняет свита Воланда: гостей «нехорошей квартиры» поочередно встречает Гелла, Коровьев, Азазелло и даже Бегемот. «Кот начал шаркать задней лапой, передней и в то же время выделывая какие-то жесты, свойственные швейцарам, открывающим дверь». На балу нескончаемая толпа гостей выходит из камина швейцарской и поднимается к обнаженной Маргарите. Но где же Золотое Руно? «Какой-то чернокожий подкинул под ноги Маргарите подушку с вышитым на ней золотым пуделем».

Розенкрейцеровская символика заметна и в сказке Л.Лаги-на. Волька объясняет Хоттабычу значение слова «экзамен»: «Это то же самое, что испытания. Я опаздываю в школу на испытания». Затем ученик проходит мимо школьного швейцара (в советских школах такой должности никогда не было!) и рассказывает про страну, находящуюся «почти на самом краю земного диска».

Первая глава «Гиперболоида инженера Гарина», целиком посвящена очень важной фигуре: «Это был верховный швейцар, духовный заместитель акционерного общества, эксплуатирующего гостиницу…». А.Толстой воспроизводит и финал «Химической женитьбы…»: Гарин встречает Зою Монроз (роза — цветок Венеры и ее символ), затем он сменяет старого «швейцара» — химического короля Роллинга — и распоряжается от его имени. Зоя — «королева», как и Маргарита. Подобно булгаковским героям, Гарин и Зоя «заслужили покой» — «получили, наконец, полное, совершенное одиночество».

Перечитайте первую главу «Страны багровых туч». Действие происходит в комитете межпланетных сообщений, а глава начинается так: «Секретарь поднял на Быкова единственный глаз». Памятливый читатель усмехнется: никто иной как Бендер говорил одноглазому секретарю васюкинской шахсекции о «способах междупланетного сообщения» и о том, что «сообщение с Венерой сделается таким же легким, как переезд из Рыбинска в Ярославль»!

Но самый откровенный намек скрывается в "Золотом теленке: «На любом пляже мира можно встретить одного такого человека. Кто он такой, почему пришел сюда, почему лежит в полном обмундировании — ничего не известно. Но такие люди есть, по одному на каждый пляж. Может быть это члены какой-нибудь тайной лиги дураков или остатки некогда могучего ордена розенкрейцеров…».

Мы уже отмечали, что наряду с Гладковым и Сейфуллиной арбатовские девицы читают Элизу Ожешко — польскую писательницу конца XIX века. Самый известный ее роман называется «Аргонавты», — знак, указывающий на поиски золотого руна. Но именно с этим знаком герой возвращается в СССР: «Разжав руку, Бендер увидел на ладони плоскую медную пуговицу, завиток чьих-то твердых черных волос и чудом сохранившийся в битве орден Золотого Руна».

5. «ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ»

Многие исследователи считают, что первые манифесты розенкрейцеров написал Иоганн Валентин Андреа — немецкий пастор, признавшийся в авторстве «Химической женитьбы…». Его жизнь была изучена вдоль и поперек: ничего интересного! Но в книге Мэнли П. Холла «Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии» мы обнаружили любопытный абзац:

"Это долго и много обсуждавшийся вопрос — а не использовал ли сэр Френсис Бэкон имя Андреа как псевдоним — с разрешения самого Андреа? Кстати, по этому поводу есть две чрезвычайно важные ссылки, встречающиеся к этакому замечательному попурри, «Анатомии Меланхолии». Этот том впервые был напечатан в 1621 году, и вышел он из-под пера Демокрита Младшего, которым впоследствии оказался Роберт Бертон. Его подозревают в близком знакомстве с сэром Френсисом Бэконом. Одна ссылка лукаво предполагает, что в год публикации «Анатомии Меланхолии» основатель Братства R.C. был все еще жив. Это утверждение избегло внимания исследователей розенкрейцерства.

В той же работе появилась небольшая сноска огромной важности. Она просто содержит слова: «Йог. Валент. Андреа, лорд Веруламский». Одна эта строчка определенно соотносит Иоганна Валентина Андреа с сэром Френсисом Бэконом, который и был лордом Веруламским, и как раз эта запись говорит о том, что оба этих человека были одним и тем же лицом".

Мэнли П. Холл посвятил целую главу алхимическим криптограммам. Он писал: «Священная наука нуждалась в священном языке». Эта нужда была вполне объяснима: в средневековой Европе вовсю полыхали костры Святой Инквизиции. Даже много позднее, когда нравы смягчились, необходимость в шифрах сохранилась. Арго, симпатические чернила, особые шрифты, нарушение нумерации страниц, путаница с датами, абсурдные слова и целые темные абзацы, виньетки, тайные алфавиты и столбцы цифр, секретный язык архитектурных пропорций, особые символы, притчи и аллегории — таков был далеко не полный арсенал сокрытия опасных мыслей. Алхимия, к примеру , называлась «Великим Деланием» (другой перевод — «Великая Работа»), а ее цель обозначалась целой дюжиной слов и символов — «Философский Камень», «Магистериум», «Красный Лев», «Божественное Дитя», знак спирали… Себя алхимики именовали «артистами», «знатоками Искусства», «работниками Тайного Пламени» или просто «садовниками». (В «Золотой цепи» дворец расположен на мысе Гарднера: в переводе с английского — «садовник»). Но те, кто получил «Философский Камень», называли себя «Птицами».

Легендарный алхимик Филалет прямо предупреждал: «Я так исказил философские истины в этой книге, что если только не воспринимать метафорически все изложенное мною, читатель не поймет ничего и лишь напрасно потратит свои деньги».

Один из героев ефремовского «Лезвия бритвы» — итальянец Андреа. Очевидно, этот персонаж следует «воспринимать метафорически», — тем более, что во второй главе романа не очень кстати упомянут фараон Эхнатон — легендарный прародитель розенкрейцерства.

Вернемся к Ильфу и Петрову: Корейко — человек с «ветчинным рылом» — прячет свой чемоданчик в камере хранения Восточного вокзала, а заветный миллион Бендер получает от него на Восточной магистрали. Восточный вокзал столицы — Казанский. Какие же сокровища

хранились в казанском «чемоданчике»? Об этом могут рассказать детали, кажущиеся несущественными: в первом романе — общежитие студентов-химиков имени Бертольда Шварца (он был монахом и знаменитым алхимиком), во втором — артель химпродуктов «Реванш». Нельзя не вспомнить и знаменитый алхимический трактат Гельвеция «Vitulus Aurelus» — «Золотой Теленок». А кто направляет Бендера к цели? Его возлюбленная, — девушка, которую он встретил на лекции по химическому оружию! Вот еще одно совпадение: в начале «Двенадцати стульев» делопроизводитель Воробьянинов («Великое Делание») регистрирует брак («Химическая женитьба»), а почти в конце герои смотрят гоголевскую «Женитьбу».

Про грибоедовского метрдотеля Арчибальда Арчибальдо-вича сказано, что в прошлой жизни он имел отношение к флоту — командовал пиратским бригом в Караибском море. Булгаков неспроста использует это архаичное название: «кара» по-татарски — «черный» (ср.: Карадаг). Не видится ли здесь намек на Бартини — бывшего военинженера Черноморского флота?

«Говорили, говорили мистики, что было время, когда красавец не носил фрака, а был опоясан широким кожаным поясом, из-за которого торчали рукоятки пистолетов, а его волосы воронова крыла были повязаны алым шелком, и плыл в Караибском море под его командой бриг под черным гробовым флагом с адамовой головой». Немало тайн скрывается в этих строчках. «Алый шелк», «вороново крыло», «адамова голова», гроб и черное покрывало («под черным гробовым флагом») — известные алхимические символы, обозначающие стадии процесса трансмутации.

К этим знакам мы еще вернемся, а пока заметим, что метрдотель — то же самое, что управдом, но происходит от слова «мэтр» — учитель, наставник, профессор. (Мэтром дважды называют профессора Воланда). Может быть, Булгаков имеет в виду годы перед отставкой Роберто Бартини — «время, когда красавец не носил фрака»?

«По лестнице поднимался вверх бегом одинокий фрачник. — Граф Роберт, — шепнул Маргарите Коровьев…». Первый гость на балу Воланда («черноволосый красавец» и «недурной алхимик») неявно ассоциируется с метрдотелем. Второй — «одинокий фрачник» граф Роберт, а последний — «одинокий гость» барон Майгель. Сходство гостей с Воландом тоже несомненно : в Варьете на маге был «фрак дивного покроя». Булгаков подсказывает: «Все их имена спутались в голове, лица слепились…». «Слепим» имена и лица: барон Роберто Бартини — наставник, маг и… алхимик?! Это объясняет странные слова Воланда: «Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?»

6. «У МЕНЯ СЛИШКОМ БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ»

Принято считать, что цель «Великой Работы» — превращение неблагородных металлов в золото. Одни алхимики тратили десятилетия на проверку самых причудливых рецептов, другие без конца повторяли один и тот же опыт, вычитанный в древних трактатах, — абсолютно бессмысленный с точки зрения современной науки. Но некоторые тексты утверждают, что главное превращение происходит с самим алхимиком. Подвижничество в работе с веществом вознаграждается появлением магических способностей, а трансмутация металлов — всего лишь проверка подлинности награды. Тест.

Гурджиев говорил: «Алхимия — это не что иное, как аллегорическое описание человеческой „фабрики“ и ее работы по преобразованию „низших металлов“ (т.е. грубых субстанций) в металлы благородные (т.е. в тонкие субстанции)».

Знаменитый алхимик Теофраст Бомбаст фон Гугенхейм Парацельс пишет: «К черту этих алчных лицемеров, сводящих божественную науку к одной цели: делать серебро и золото!» В своем сочинении «О царстве природы» Парацельс приоткрыл одну из наиболее тщательно охраняемых тайн «божественной науки»: «Искусству алхимии посильно создание гомункулуса — совершенно подобного человеку, но прозрачного, лишенного тела». Об этом пишет и Сирано де Бержерак:

«Они тоже тела, но не такие, как мы; и вообще не такие, каких мы можем себе представить, ибо в просторечии мы называем телом лишь то, до чего можем дотронуться.

Впрочем, в природе нет ничего, что не было бы материальным, и хотя они сами материальны, все же, когда они хотят стать для нас видимыми, им приходится принимать такие формы и размеры, которые доступны нашим органам чувств…».

«Что знаем мы о себе?» — прочитал юнга из «Золотой цепи» на «внутренней стороне» пустого книжного переплета. Затем он вспомнил про издевательскую надпись, которую выкололи на его руке пьяные матросы: «Я все знаю». Духовное золото — внутри человека?

Именно об этом рассказывают зашифрованные книги бар-тиниевских учеников. Санди видит золотую цепь и становится помощником библиотекаря, герой повести А.Платонова «Эфирный тракт» вырастил огромный куб золота, в куваевской «Территории» открывают золотоносную провинцию, инженер Гарин добирается до слоя жидкого золота, Хоттабыч материализует телефон из чистого золота, Балаганов и Паниковский пилят «золотые» гири, Дар Ветер находит золотого коня, мастер и Маргарита получают золотую подкову…

Булгаков почти выдает эту тайну: его героиня преображается при помощи массивной золотой коробочки с кремом. Алхимическое золото («наше золото», — так писали в древних трактатах) выступает как знак Солнца и его «представитель» на Земле. Они обозначались одним и тем же символом — кружком с точкой. Алхимики считали Солнце сердцем нашей планетной системы, управляющим центром, поддерживающим существование материального мира — «и дольней лозы прозябанье, и гад морских подводный ход». Мы увязнем в дебрях метафор, если попытаемся словами передать суть удивительной связи всего со всем. Ясно только, что Солнце не «питает» каждый предмет в отдельности: любая вещь представляет собой лишь микроскопический участок гигантской «голограммы» — идеи этой вещи.

Гриневский сверхчеловек Друд выступает в цирке «Солейл» («Солнце»). На цирковой сцене прозвучал и вопрос Воланда: «Изменились ли эти горожане внутренне?» При этом он дважды говорит о милосердии — на сцене и после бала. Трансмутацию человеческого сердца алхимики называли «Работой Солнца». Бартини утверждал, что «тонкая» структура сердца подобна солнечной — это излучатель психической энергии, управляющий посильным ему ручейком общего энергоинформационного потока. Реальность — текущий итог борьбы желаний.

Воланд испытывает зрителей в театре Варьете и выдает диагноз: «Милосердие иногда стучится в их сердца». Подобный тест прошла и Маргарита: история с Фридой и настойчиво предлагаемая месть критику Латунскому были проверкой готовности к обретению «королевской» власти над земными обстоятельствами. Проста и понятна эта «металлическая» аллегория: латунь (медь) стала золотом. То же самое мы видим на ладони Бендера: медная пуговица и завиток черных волос намекают на первую — «черную» — стадию приготовления «Философского Камня», называемую также «нигредо». Она означает смерть «исходного вещества», — этим и завершается первый роман. А что происходит во втором? «Великое Делание» продолжается: Бендер — человек с «медальным профилем» — заводит «Дело» на миллионера Корейко и получает в награду «Золотое Руно». Медь животной души (медаль — медь) стала золотом Святого Духа: "Мощная выя командора сгибалась под тяжестью архиерейского наперстного креста с надписью «Во имя Отца и Сына и Святого Духа».

«Мы вас испытывали», — признается Воланд и уточняет: «Я о милосердии говорю». Именно в этой главе Булгаков восемь раз употребил слово «сердце». То же самое подсказывают Ильф и Петров: "Остап отправился в цветочный магазин и купил на тридцать пять рублей большой, как клумба, шевелящийся букет роз… Между цветов он поместил записку: «Слышите ли вы, как бьется мое большое сердце?» И почти в самом конце: «У меня слишком большое сердце»! А «надувало Коровьев» (лат. cor — сердце) толкует Маргарите про «объем власти»: ученик должен почувствовать и «раздуть» этот важнейший орган невидимого гомункулуса.

«Кто же управляет жизнью человеческой?» — спросил профессор Воланд. И наглядно доказал, что управлять можно, лишь умея предвидеть. «Солнце дает человеку силу творить, Луна связывает его с Высшим», — писал анонимный автор XVI века. Человеческими «солнцем» и «луной» алхимики называли сердце и голову, — не физиологические органы, а их соответствия на тонком — «сверхфизическом» — плане. Адепт Великого Делания, достигший совершенства, получает духовное золото — реализационную мощь «золотого сердца» и «золотую голову», необходимую для связи с «Высшим» — дар предвидения. Это объясняет,

почему в эпилоге булгаковского романа профессор Иван Понырев видит луну: «Теперь она цельная, в начале вечера белая, а затем золотая…». «Золотая голова»? Чтобы мы не упустили эту мысль, голова Берлиоза становится золотой — превращается в золотой кубок.

Луна и солнце появляются на обложке первого издания «Золотого ключика». Перед тем, как нырнуть за ключом, черепаха Тортила «долго смотрела на луну». Эти слова повторяются дважды — в двух соседних абзацах!

7. РЕЗИНОВОЕ ЯБЛОКО

«Он наполнил знанием большую чашу и приказал доставить ее на землю. Он призвал посланца и поручил ему известить души людские: „Черпайте сами из этой чаши, черпайте те, кто считает себя способным, те, кто полагает себя в состоянии дорасти до Того, Кто послал вам эту чашу на землю, те, кто знает, для чего он рожден“. Услышавшие призыв получили крещение разумом. Они приобщились к Высшему Знанию, стали Совершенными. Те, кто не стал слушать посланца, способны разговаривать и рассуждать, но не более того».

Этот отрывок взят из александрийского «Герметического свода», авторство которого приписывается легендарному патриарху магии и алхимии — Гермесу Грисмегисту. Там же приводится описание пустотелой Вселенной:

«Мир есть полый шар, имеющий в себе самом причину своего качества и невидимый в своей целости; если, выбрав какую-нибудь точку на его поверхности, мы пожелали бы увидеть что-нибудь в середине, мы не смогли бы это увидеть. Поэтому многие приписывают миру природу и качества пространства. Шар сей кажется видимым только посредством отдельных отражений идеальных форм, как бы нарисованных на его поверхности».

А какую форму имеет время — в полом шаре мирового пространства? «Время есть шар», — утверждал Пифагор. То же самое математически доказал Бартини: Вселенная представляет собой пустотелую шестимерную гиперсферу, поверхность которой «слеплена» из пятимерных торов. Это похоже на яблоко с бесконечным числом черенков — миров, подобных нашему.

Казневский рассказывал, что однажды Бартини выпросил у своего приятеля детскую резиновую соску. Дело было в середине тридцатых, соски — дефицит. Он вывернул наизнанку кончик соски, перевязал суровой ниткой, в таком положении накачал ее велосипедным насосом и той же ниткой завязал. «Полюсы» стянулись, и получилось большое резиновое яблоко. Эту модель Вселенной Бартини показал на каком-то «весьма философском вечере». Где происходил вечер, барон не сказал, но надувное яблоко с легкой руки одного из бартиниевских приятелей завоевало сначала маленький Минаевский рынок, а затем всю страну — «до самых до окраин». Рыночные умельцы раскрашивали игрушку кричащими анилиновыми красками, сухие горошины внутри гулко гремели… «Изделие пошло в массовую серию», — шутил Бартини. Резиновые яблоки подвешивали над детскими кроватками. Смутный образ чего-то округлого, пустотелого и в то же время уходящего в самую глубь сохранит, может быть, один из десяти. Один из тысячи запомнит осязаемую форму пустоты, один из десяти миллионов — задумается…

"Молодой человек вынул из кармана нагретое яблоко, но тот не отставал. Тогда пешеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и тихо сказал:

— Может, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?"

Человек с астролябией показывает яблоко и говорит про ключ. У «сатириков» все было расчислено на годы вперед: в начале первого романа у героя нет ни денег, ни ключа, а в конце второго он получает то и другое: миллион — на станции Гремящий Ключ! Но где же «заключительное» яблоко? «Понимаете, забыл вложить банку варенья. Из райских яблочек». И снова: «Вложить баночку, — пролепетал Остап, — райские яблочки».

Знание о Вселенной — аллегорическое богатство, которое ищет тайный герой Ильфа и Петрова. Он завоевал право на плоды с Древа Познания, но подразумеваемое сокровище всегда было с ним: яблоко в кармане! Может быть, это и есть ключ к магической силе, изначально скрытой в самом человеке? «То, что внизу — подобие того, что наверху». Соединим это с другим магическим постулатом — «подобное притягивается подобным», — и мы, возможно,

получим представление о форме тонкой структуры человеческого сердца и о том, как оно управляет миром. Тор, «яблоко» — идеальная форма силового поля, окружающего человеческое сердце. Но существо, обладающее шестимерным восприятием, увидело бы его в виде правильного шара. Незадолго до смерти Бартини пытался объяснить это одному из своих биографов: «Достигнув такой степени духовного совершенства, при которой сердце принимает вселенноподобную форму шестимерной гиперсферы, человек становится подобен Богу».

«Это верно, без обмана, истинно и справедливо. Его отец солнце, его мать луна. Ветер носил его в своем чреве, земля его кормилица. Отдели землю от огня, тонкое от грубого. осторожно, с большим искусством, и ты получишь Славу Света, и всякий мрак удалится от тебя». Это — «Изумрудная Скрижаль» Гермеса Трисмегиста («Триждывеличайшего»). самая древняя алхимическая инструкция, записанная, если верить легенде, на большом плоском изумруде. «Новорожденный» — «Философский Камень», «Божественное дитя» порождение внутренних «Солнца» и «Луны». Именно поэтому в комнате Воланда «пахло крепчайшими духами», а «Золотая цепь» начинается словами «дул ветер». Ветер, который носит в себе «Божественное дитя» — это Дух Божий. А как называется история про девочку по имени Элли (древне-евр. «Эли» — «Бог»), которую ветер унес в сказочную страну? «Волшебник Изумрудного Города»!

(«Ветер носил его в своем чреве…»).

Скрытый сюжет подобных книг один-единственный: инициация ученика. На самом деле все происходит в самом неофите, посвящаемом в таинство магического знания: «Царство Божие внутри вас». Три качества должны получить друзья Элли — Страшила, Железный Дровосек и Лев прежде чем она сможет вернуться домой. Первые два уже известны — ум и сердце. Третье — это смелость: Лев, считающий себя трусливым, умирает и возрождается, а затем становится царем зверей. Смысл иносказания ясен: власть над собственной животной природой получает тот, кто победил страх исчезновения. Пройдя через смерть, маг в самом себе отделил «тонкое от грубого» — животное от духовного — и осознал свое бессмертие. Алхимики говорили: «Чтобы получить золото, нужно его иметь».

Три заветных качества не могли быть вложены в героев мудрым обманщиком Гудвином, — они существовали всегда и проявились на пути к цели. Очевидно, это и есть три шага, которые должна сделать Элли по инструкции волшебницы Розовой (!) страны: «три шага перенесут тебя хоть на край света». (У И.Ефремова — «Святилище Трех Шагов»!) Ученика мага не обманут вывески псевдомистических орденов, но он может использовать их в своих целях. Поэтому герои А.Волкова видят все в истинном свете — в отличие от обитателей Изумрудного Города, которые обязаны носить зеленые очки. Страшила принимает титул Триждымудрейшего (!) и становится их повелителем.

Александр Мелентьевич Волков до сорока лет преподавал старшеклассникам историю и литературу. Затем поступил на математический факультет МГУ и за семь месяцев освоил весь курс. В конце 1936 года А.Волков перевел и перекроил на новый лад сказку Ф.Баума «Мудрец из Страны Оз» — почти одновременно с А.Толстым, переделавшим сказку Коллоди о приключениях Пиноккио. Две главы «Мудреца…» Волков выбросил, вставил три новых и внес массу мелких изменений. Девочка Дороти, например, стала Элли. А в начале первой главы появилась «необязательная» строчка: «Элли хорошо знала всех соседей на три мили кругом. На западе проживал дядя Роберт…».

8. «НАРИСУЙ БАРАШКА!»

Какие любопытные вещи скрываются в книгах нашего детства! Мало кто помнит, например, что в «Старике Хоттабыче» ковер-самолет был «поставлен на поплавки» — перед полетом в Италию. Этой темой Бартини занимался в 1928-29 годах: он ставил на поплавки туполевский ТБ-1 и одновременно проектировал свой гидросамолет МК-1. Переверните: WK-1. Именно так назвал свой «ковер-гидросамолет» Волька: ВК-1 — «Владимир Костыльков — первая модель»!

А зачем понадобился порошок, посредством которого советский пионер был избавлен от роскошной бороды? Она появилась в результате весьма надуманного эпизода в кинотеатре и

была удалена лишь через сорок страниц! Его друг тоже не миновал этой участи: «Волька с тоской смотрел, как Женя с непостижимой быстротой превратился сначала в юношу, потом в зрелого мужчину с большой черной бородой, как затем его борода быстро поседела…». Именно борода «включала» магическую силу Хоттабыча: «Затем старичок с хрустальным звоном выдернул из бороды волосок, разорвал его…».

Слово «борода» играет важнейшую роль в булгаковском романе: если бы не бородка «мастера», мы не узнали бы о том, кто приходил в палату к Ивану. И «комбриг» Арчибальд Арчибальдович — «красавец с кинжальной бородой»!.. А в «Золотом ключике» — гипертрофированная борода Карабаса-Барабаса. «Barba» по-итальянски — «борода». По-немецки — «bart»…

Но самое замечательное совпадение мы обнаружили в бар-тиниевской рукописи «Цепь»: в детстве автобиографического героя называли… маленьким принцем! «Маленький принц Ро» — эти слова повторяются в киноповести десятки раз.

«Трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который лучится в нем, словно пламя светильника», — пишет Антуан де Сент-Экзюпери. Кем же был загадочный малыш, явившийся пилоту в пустыне? Четыре шипа розы намекают на крест и тернии Иисуса. Роза и Крест. Мальчик с золотыми волосами — это золотое руно, знаменующее получение «Философского Камня». «Зорко одно лишь сердце», — подсказывает Сент-Экзюпери и повторяет: «Но глаза слепы. Искать надо сердцем». Герои ищут и находят загадочный колодец. «Вода бывает нужна и сердцу», — говорит мальчик с «золотой» головой. «Вода сердца» — кровь?

Все признаки свидетельствуют о том, что Сент-Экзюпери зашифровал в своей сказке так называемый натальный гороскоп — астрологический «чертеж» какого-то великого рождения. Малыш жил на астероиде Б-612. «Но мы, те, кто понимает, что такое жизнь, — мы, конечно, смеемся над номерами и цифрами!» — добавляет автор. Маленькая планета, управляющая земной жизнью — Луна?

Древние астрологи считали, что, спускаясь в земную юдоль, человеческая душа поочередно посещает Луну, Солнце, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн — семь могущественных сущностей, называемых планетами. Душа облекается во все более плотные оболочки и получает присущие каждой планете качества. Земля дарует последнее тело — самое плотное, — от которого душу освобождает смерть. В алхимии это соответствует первой стадии Великого Делания («брак Луны и Солнца») — смерти первичного вещества и «отделению тонкого от грубого». Золотые волосы и царское одеяние мальчика ясно указывают на солнечный знак Льва. Это подтверждает и странное посвящение, предпосланное «Маленькому принцу»: «Леону Верту, когда он был маленький». «Леон» — «лев». «Нарисуй барашка!» — просит мальчик: еще в Древнем Египте «барашком» именовали декан — тридцать шестую часть зодиакального круга, десять градусов. Таким образом, каждый знак имел три «барашка» — столько и нарисовал летчик! Но мальчику рисунки не понравились: ему нужен был символ — ящик с тремя дырочками. Ясно также, что имелся в виду средний «барашек»: «не такой уж он и маленький!» Среднее положение — 15 градусов. 15 градусов Льва считается одной из четырех особых небесных точек (15 градусов — Тельца, Льва, Скорпиона и Водолея), известных каждому астрологу. Это так называемые «врата схождения аватар» — дни, предпочтительные для воплощения в человеческое тело высшего существа. 15 градусов Льва соответствуют 7-8 августа. Прибавив девять месяцев (280 суток) к максимуму, мы получим 14 мая — день рождения Бартини.

И.Чутко: «Бартини скрытен, отвечает лишь на некоторые вопросы, остальные спокойно пропускает мимо ушей. Повторять вопросы бесполезно: он их опять пропустит».

Сент-Экзюпери: «…когда я спрашивал о чем-нибудь, он словно и не слышал». Должно быть, это очень узнаваемая примета, и писатель повторил ее в последних строчках: «Если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой».

О том, что Бартини был знаком с Сент-Экзюпери задолго до 1923 года, нам рассказала дочь бывшей расчетчицы, работавшей в СибНИА (п/я 82). В последний раз они встречались в мае 1935 года, когда знаменитый летчик и писатель приезжал в Москву в качестве

корреспондента одной из французских газет. Его биограф Марсель Мижо упоминал о том, что в роду де Сент-Экзюпери были рыцари Святого Грааля. Граф обладал необыкновенными способностями. Дидье Дора — его друг и начальник — говорил о «каком-то непостижимом даре или волшебстве», с помощью которого пилот видел в непроглядной тьме — «чем угодно, только не глазами». Взяв в руки письмо от незнакомого человека, он мог точно описать внешность отправителя.

«…Слишком часто я видел жалость, которая заблуждается. Но нас поставили над людьми, мы не вправе тратить себя на то, чем можно пренебречь, мы должны смотреть вглубь человеческого сердца». Этими словами начинается «Цитадель» — последняя книга Антуана де Сент-Экзюпери. А за несколько недель до смерти он написал: «Я хочу превратиться в нечто иное».

9. «РАЗДВОЕНИЕ ИВАНА»

Земля — огромная шахматная доска, и все ходы Игроков публикуются «чернокнижниками» обеих сторон. Но будьте бдительны: читая подобные книги, нельзя давать воображению ни малейшей поблажки! Не успеете оглянуться, как течение сюжета увлечет вас в омут выдуманных персонажей и обстоятельств, и вы снова отождествитесь с иллюзорным миром. Франсуа Рабле, к примеру, прямо предостерегал своего читателя: «Если вы даже найдете, что буквальный смысл книги весьма забавен и вполне соответствует ее названию, то и тогда не увлекайтесь этим, словно пением сирен, а постарайтесь истолковать в высшем смысле то, что кажется вам сказанным в простоте сердца».

Самое трудное — удержаться на заданной глубине символа, не перепутать разные смысловые слои. «Истолковывая в высшем смысле» роман Булгакова, нужно помнить, что две свиты — Воланда и Стравинского — противопоставлены друг другу лишь в предельно упрощенной схеме Великой Игры. Это не мешает видеть в клинике Стравинского одну из масок мистической школы: именно здесь Ивана называют учеником, и обучение идет столь успешно, что «он и сам подивился тому, как изменились его мысли».

Кто же учит бывшего поэта? Профессор (пер. с фр. — «учитель») Воланд. В ранних редакциях романа Булгаков подчеркивал его «громадный рост» («Великан стал уходить по аллее, направляясь к Ермолаевскому переулку…»). Позднее эта примета была намеренно смазана («маленького роста» — «росту громадного»), зато глава, в которой профессор посетил Ивана под видом мастера, стала называться «Явление героя». Иначе говоря, — сына бога и смертной женщины!..

В клинике мы видим знакомые по квартире №50 чудеса изобилия (в своем роде, конечно) — например, «громаднейших размеров кабинет», наполненный загадочной аппаратурой — «совершенно никому не известными приборами». Булгаков уточняет: «Такого оборудования нет нигде и за границей». А хозяин этого неземного великолепия подчеркнуто похож на Воланда: «Впереди всех шел тщательно, по-актерски обритый человек лет сорока пяти, с приятными, но очень пронзительными глазами и вежливыми манерами».

Заметьте: оба профессора ставят Ивану одинаковый диагноз («шизофрения») и усыпляют его, оба сидят на табуретах. Они бритые, причем Воланд назван «артистом», а Стравинский — «по-актерски обритый». «Он уйдет!» — тревожится Иван насчет иностранного консультанта. «О нет, — уверенно возразил Стравинский, — он никуда не уйдет, ручаюсь вам». В этом слое шифра психиатр Стравинский — очередная трансформация Воланда. На Патриарших прудах и в клинике он что-то сделал с Иваном, и поэт стал видеть события, отдаленные во времени и пространстве. Как писал Бартини — «был здесь и в то же время в другом месте».

Изменить собственную природу — вот цель истинного алхимика. Анонимный алхимический трактат XVI века сообщает: «Наша работа представляет собой трансформацию, превращение одного существа в другое, одной вещи в другую, слабость — в силу, телесную природу — в духовную». Но как достигалось «превращение одного существа в другое»?

В гностическом Евангелии от Филиппа говорится, что человек «будет разорван в своей основе». Александрийские гностики учили, что «охема» — некая нематериальная составляющая человека — должна быть отделена от тела. «Потеряешь половину — сохранишь

целое». На необходимости «быть разорванным в своей основе» настаивает и Каролус Бовиллус («О разумном», 1509 г.): «Человек утратил тайную энергию бытия. Ему должно раздвоиться в себе самом и через это раздвоение вернуться к единству».

В клинике Стравинского поэт «беседовал сам с собою», и эта глава называется — «Раздвоение Ивана». А в предпоследней главе мы видим, что любовники, «отравленные» в подвале, умирают совсем в других местах: мастер — в клинике, Маргарита — у себя в особняке. («Ему должно раздвоиться в себе самом и через это раздвоение вернуться к единству»).

10. «ВОСХИЩЕН БЫЛ ДО ТРЕТЬЕГО НЕБА»

В петербургском альманахе «Если» (1993, №2) появилась любопытная публикация: доктор исторических наук Юрий Синченко вспоминает о том, как в начале шестидесятых годов оленеводческому колхозу на Таймыре присваивали имя Гагарина. Правление горячо поддержало эту идею: народность нганасан будет рада, если «начальником» колхоза станет сын Гагары — священной птицы, связывающей три мира. Партработник попытался объяснить всемирно-историческое значение первого полета человека в космос, но это не произвело никакого впечатления. «Поговорите с нашим шаманом, он часто летает на небо», — сказали ему. Шаман все подтвердил и очень подробно описал, как видится наша планета из космоса. Он рассказал также о пребывании на Луне и добавил, что визит был очень кратким: «Там свой шаман».

О возможности таких путешествий знали всегда. Многие счастливцы посещали ближние и дальние окрестности нашей планеты и оставили потомкам весьма подробные воспоминания. В трактате «О государстве» Цицерон приводит рассказ Сципиона Африканского Младшего: «С этого высокого наблюдательного пункта все казалось мне удивительным и прекрасным. Я видел звезды, которые не видны с Земли, а их размеры были куда больше, чем мы могли подозревать… Звезды были куда больше, чем Земля. И действительно, последняя казалась столь маленькой, что я испытал унижение вместе с нашей империей, которая не более чем точка на поверхности земного шара». Проводником римского полководца оказался его умерший отец. Он сообщил, что «те, кто завершил свою земную жизнь и был освобожден от тела», обитают в месте, которое греки называют Млечным Путем.

Подобный опыт переживала и Св. Тереза Авильская: «В этом вознесении душа, казалось бы, покидает тело; а потому его природный жар понемногу ослабевает, и оно постепенно остывает, испытывая в то же время чувство великой радости и блаженства. При этом сопротивляться нет никакой возможности… экстаз, как правило, увлекает непреодолимо. Прежде чем мысль успеет предупредить тебя или как-то прийти на помощь, он охватывает стремительно и неистово, ты видишь и ощущаешь это облако или этого могучего орла, уносящего тебя ввысь на своих крыльях. Ты осознаешь, повторяю, и видишь воочию, как тебя уносит вдаль неведомо куда…». Затем Св.Тереза сообщает о том, что иногда все тело ее «отрывалось от земли».

«Не всякая плоть одинакова, — учил Апостол Павел, — есть тела земные, а есть небесные». И далее: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба».

(Коровьев: «Королева в восхищении!»)

Героиня «была разорвана в своей основе» — «тонкое от грубого» — чудодейственным кремом Воланда: «Маргарита догадалась, что она летит с чудовищной скоростью, и поразилась тому, что она не задыхается». Все ясно: сопротивление воздуха отсутствует. Но более тонкую среду движение Маргариты возмущает: «лунный свет со свистом омывал ее тело». Очевидно. это «астральный свет» — немыслимо разреженный «воздух» другого мира. Иначе говоря, на бал отправилось лишь «тонкое тело» Маргариты — невидимый гомункулус. А вот как летит Наташа: «Тяжкий шум вспарываемого воздуха послышался сзади». Поговорив с хозяйкой, домработница пришпорила борова, — и «опять распороло воздух»! Похожее состояние ощутил и поэт Бездомный, попавший в клинику: «После лекарства, напоившего все его тело, успокоение пришло к нему, как волна, накрывшая его. Тело его облегчилось…».

Говоря о полетах «в теле», уместно вспомнить о хождении «по воде аки по суху» Иисуса и Апостола Петра. Про возможность левитации отлично знали и в средневековой Европе: женщин, подозреваемых в ведомстве, связывали и бросали в воду. Тех, кто не тонул, сжигали. Но оправданных не всегда успевали откачать, и судьи брали на душу грех убийства. Потом стали просто взвешивать. В одном из германских городов перед ратушей до сих пор стоят большие чугунные весы, на которых принародно тестировали подозрительных граждан. Были случаи — тщательно запротоколированные! — когда очень полные женщины весили меньше четырехлетнего ребенка. Они почему-то не могли быстро восстанавливать нормальный вес. Именно поэтому лунатики спокойно ходят по карнизам и всяческим ограждениям: они просто легчают!

Е.Блаватская отмечала: «Изучением нервных заболеваний установлено, что даже при обычном сомнамбулизме так же, как при месмерическом сомнамбулизме вес тела значительно уменьшается. Профессор Перти упоминает об одном сомнамбуле Кохлере, который не тонул в воде. Он упоминает и об Анне Флейшер, которая была подвержена эпилептическим припадкам, и доктор часто видел ее поднимающейся в воздух». Некоторые исследователи полагают, что подъемная сила левитирующего организма напрямую зависит от состояния духа. Помимо Св.Терезы, известны около трехсот святых разных конфессий, которые отрывались от земли во время молитвы.

Для устойчивого полета, очевидно, требуется настоящий экстаз. Именно так поднимался в воздух герой «Блистающего мира»: «Он сделал внутреннее усилие, подобное глубокому вздоху, вызванному восторгом…». А в 1983 году физики Биркбекского колледжа Дж. Хастед, Д. Робертсон и Е. Спинелли опубликовали результаты лабораторного исследования одной девочки, которую частенько видели парящей в воздухе. Ей давали задание изменять вес своего тела в ту и другую сторону, — что и было зафиксировано.

Но летать «в теле» — все равно, что лезть на гору в водолазном костюме. Мистики говорят о том, что нужно закалять вторую оболочку человека — «тонкую», — позволяющую путешествовать налегке. Еще более таинственными свойствами наделена субстанция, называемая ментальным телом. Оно может в одно мгновение оказаться в любой точке Вселенной — так, как это делают «живые» звездолеты Стругацких и ефремовские «звездолеты прямого луча».

Почему планета в «Часе Быка» получила название Торманс? Автор объясняет: так называлась воображаемая планета искупления, описанная в романе английского мистика Дэвида Линдсея «Путешествие к Арктуру» (1920). Земля — чистилище душ? Только через двадцать лет мы смогли проверить эту догадку, — когда знаменитый роман был издан в России. Герои Линдсея — ученики могущественного существа — проходят через смерть и рождаются снова, чтобы принять посильное участие в битве за вызволение чудесных частиц, поглощенных материей — «зеленых искорок». Самое страшное в этой инициации — возвращение в мир материи. «Я не смогу перенести второе рождение, — сказал Найтспор. — Ужас смерти — ничто по сравнении с ним».

«Конечно, путешествие мыслилось духовно-мистическим, — пишет Ефремов о романе Линдсея. — Ни о каких звездолетах техника того времени не могла и думать». Не такими ли путешествиями объясняются случаи внезапного, как по волшебству, появления литературного таланта у некоторых врачей, астрономов, геологов, палеонтологов, учителей и переводчиков с японского? Взять, к примеру, ефремовский рассказ «Звездные корабли», написанный в 1947 году: речь идет о межгалактическом перелете! Тогда же у Ефремова впервые появляется спираль — знак, неизменно присутствующий во всех сфремовских книгах. В последний раз он встречается в «Таис Афинской»: над дверью, ведущей в дом знаменитой греческой гетеры, написано слово «кохлион» (спиральная раковина). Особенно много спиралей в «Туманности Андромеды»: они видны на памятнике покорителям космоса и на подземной машине. Спиральная Дорога охватывает всю планету, звездолет из другой галактики назван спиралодиском. Спираль появляется и в описании сеанса межзвездной связи: «По столбу струилась вверх, спирально завиваясь на его поверхности, ослепительно светящаяся голубая дымка». Да и сама галактика М-31 (туманность Андромеды) — спиральная. Кульминация романа — эксперимент по «получению нуль-пространства в любом направлении». Ефремов

пишет, что победа над временем стала возможной благодаря открытию «кохлеарного исчисления — раздела биполярной математики. занимающегося анализом спирального поступательного движения».

Сообщение, скрытое за этим наукообразным выражением, не имеет ничего общего с внешним сюжетом. Или почти ничего… Погибший земной звездолет, найденный на планете «невидимой звезды спектрального класса Т» («распятие»), похож на рыбу — он удлиненный и с плавниками.

("Рыба стала примитивным христианским символом на основе анаграммы, полученной из имени рыбы, «ихтис», начальные буквы которого расшифровываются как «Иисус Христос Сын Божий Спаситель». Хуан Эдуарде Керлот, «Словарь символов»).

Экипаж второго звездолета спасся тем, что взял топливо первого. Но перед этим земляне попытались проникнуть в колоссальный спиралодиск. Чужой звездолет стоит, сильно накренившись, — именно так нам виден диск галактики М-31. Возможно, это что-то вроде наглядного пособия по теме «Строение спиральной галактики»: «Обращенная к „Парусу“ сторона диска была снабжена спирально свернутым валообразным возвышением…». И далее: «По этой стороне тоже изгибался спиралью высокий вал, словно на поверхность выступала наружная сторона погруженной в корпус корабля спиральной трубы».

Между тем, в прологе «Часа Быка» говорится о том, что нашу Вселенную уравновешивает антимир, — они разделены нуль-пространством и завиты в метагалактический рулет. Шакти и Тамас. «Нуль-пространство тоже скручено в спираль», — уточняет Ефремов. Устами школьного учителя он утверждает, что спиралевидность нуль-пространства дает «возможность передвигаться в нем, почти мгновенно достигая любой точки нашей вселенной». Это было сказано в вагоне поезда Спиральной Дороги. «Будто иллюстрируя слова учителя, поезд нырнул в длинный тоннель».

Намеки на спиральную форму «межпространственного тоннеля» встречаются и у других учеников «Атона». «Мощной спиралью» поднимается в небо шелковая лодочка Друда. В.Катаев, «Уже написан „Вертер“»: «Пространство сновидения, в котором он находился, имело структуру спирали». В «Обитаемом острове» Стругацкие упоминают про «нуль-передатчик со спиральным ходом», а в доме, где поселился Иисус («Отягощенные злом или Сорок лет спустя»), особо отмечены «прямоугольные тоннели» и «завитые неведомой силой в спирали водопроводные трубы».

Но это не означает, что мы должны полностью доверять Ефремову и его «биполярной модели» Вселенной. Хотя бы потому, что нуль-пространство, мыслимое как граница между Шакти и Тамасом, не может служить для переброски объекта, принадлежащего одному из миров — по определению. Ключ к истинной картине — Великое Кольцо: под видом содружества цивилизаций в «Туманности Андромеды» зашифровано кольцо «первонити», скрученное в большие и малые спирали шестимерного Мироздания. Для «живых звездолетов» — настоящее «нуль-пространство»!..

11. «БЫЛО ДЕЛО В ГРИБОЕДОВЕ»

Кэрролловская Алиса очень любила воображать, «будто она не одна, а две разные девочки». Не от этого ли раздвоения с героиней происходят всякие чудеса? В первой сказке Алиса видит сон: она попадает в невероятно глубокий колодец (вертикальный тоннель?) и золотым ключиком открывает дверь в мир чудес. Ровно через тридцать лет была написана вторая история, в которой дверью становится обыкновенное зеркало. Что объединяет сказки про Алису? Идея Игры: ожившие шахматы и карты подразумевают существование невидимых Игроков.

«Литература — чисто внешнее занятие», — говорил Александр Грин. Что-то вроде сладкой оболочки таблетки: она растворяется, доставив к месту назначения ошеломляющую горечь знания. Сны Алисы придумал Чарльз Латуидж Доджсон — профессор математики и священник англиканской церкви в Оксфорде. Льюис Кэрролл — его литературная маска.

Подсчитано, что за последние сто лет Кэрролла цитировали больше, чем Шекспира — за триста. Дневники профессора изумляют его биографов: как мог этот педант написать

прелестные сказки, предвосхитившие некоторые научные открытия следующего века?

Все объясняется, если допустить, что профессор изображал из себя прилежного зануду. Год за годом он вел размеренно-скучную, уединенную жизнь, — но это была уединенность фугаса и размеренность часового механизма. Отдушиной служило увлечение фотографией, а также страсть ко всякого рода техническим новинкам. Кэрролл не упускал случая проехаться по железной дороге, купил фонограф и первым из писателей стал использовать авторучку и пишущую машинку. Это несколько «выпадало» из образа, хотя могло сойти за причуду. Как и «зеркальное» письмо, которым Доджсон-Кэрролл владел в совершенстве и часто демонстрировал. Но обе «Алисы» и «Охота на Снарка» — риск осознанный.

То же самое можно сказать о его единственном далеком путешествии: в 1867 году убежденный домосед Доджсон впервые покидает Англию и отправляется в Москву. Он пробыл там два месяца, но позже никогда не вспоминал об этой поездке. На этом основании его биографы проницательно замечают, что Россия не произвела на него никакого впечатления.

«Мы не привыкли первыми вступать в разговор, — сказала Роза. — Ах, как я ждала, когда же ты заговоришь!» Это, как вы помните — из «Алисы в Зазеркалье». Действительно: Братство Креста и Розы, по преданию, само ищет и выбирает учеников, — по лишь из числа тех, кто уже чем-то проявил себя — «заговорил первым». Воланд неспроста подошел к литераторам на Патриарших: Иван Бездомный написал поэму о Христе!

«Ты умеешь играть в шахматы?» — спросила Алиса черного котенка. Булгаков подхватывает веселую аллегорию Игры: свита мага выходит из зеркала «нехорошей квартиры»; Воланд и черный Бегемот играют в шахматы живыми фигурами.

«Для того, чтобы высшие силы человека ввести в действие, нужна длительная подготовка, точно такая же, какую проходят художники, готовясь к творчеству, к высшему полету своей души, когда приходит, как будто извне, великое интуитивное понимание. И здесь тоже три шага: отрешение, сосредоточение и явление познания». Это — «Час Быка», глава о Святилище Трех Шагов. «Три шага перенесут тебя хоть на край света», — сказали Элли о серебряных башмачках. Столько же шагов к «явлению познания» насчитал Льюис Кэрролл — в предисловии к своей «детской» повести «Сильвия и Бруно»:

"Я предположил наличие у человека способности к разному физическому состоянию в зависимости от степени осознания, а именно:

а) обычное состояние, когда присутствие фей не осознается;

б) состояние «жути», когда, осознавая все происходящее, человек одновременно осознает присутствие фей;

в) состояние своего рода транса, когда человек, вернее, его нематериальная сущность, не осознавая окружающего и будучи погружена в сон, перемещается в действительном мире или в Волшебной стране и осознает присутствие фей".

Вероятно, и сам преподобный Доджсон умел перемещаться в виде «нематериальной сущности». Отличался ли его способ от того, что проделала Алиса, — выпив из волшебного пузырька или скушав кусочек гриба? Вспомните, читатель: помимо прочего, в булгаковском доме Грибоедова подавали шампиньоновое пюре и трюфели — земляные грибы. «Белые маринованные грибы» Воланд предложил на закуску Лиходееву, а затем и кот «успел поддеть маринованный гриб». И наябедничал он — «жуя гриб»!.. Откроем эпилог «Мастера…»: Семплеярова после скандала в Варьете «назначили заведующим грибнозаготовочным пунктом». Булгаков дополняет диспозицию: «Едят теперь москвичи соленые рыжики и маринованные белые и не нахвалятся ими». Надо ли понимать так, что некоторые москвичи кушают какие-то особенные грибы?

Законспирированные грибы есть и в «Двенадцати стульях»: гробовой мастер (!) Бсзенчук привез в Москву восемь гробов, — прослышав, что там «свирепствует гриб». Нехитрый прием переспрашивания утроил это слово — для понятливого читателя достаточно. Затем Бсплср рассказывает Воробьянинову историю про гусара-схимника (алхимик?) и ловко вставляет в нее «семейство белых грибов-толстобрюшек».

Помянуты грибы и у Алексея Толстого в «Гиперболоиде…»: они растут в доме, где Гарин производил свои первые опыты. «Химический король»(!) Роллинг кушает омара с трюфелями. Остальное — метафоры: «Внизу, у самого города, грибом поднимался серо-желтый дым». Это

— взрыв заводов. Далее следует литературный Пирл-Харбор (за тринадцать лет до настоящего!): «…за горизонтом вырастали дымные грибы и все восемь линейных кораблей американской эскадры взлетели на воздух».

«Грибной след» протянулся в сороковые, пятидесятые и шестидесятые годы. В «Маленьком принце», например, грибы упомянуты дважды. В повести Стругацких «Стажеры» про грибы говорят в очень неподходящем месте — на борту планетолета. В «Улитке…» грибы являются единственной пищей жителей лесных деревень.

А что делает «сквозной» герой Максим Каммерер при первом появлении в «Обитаемом острове»? Оказавшись на чужой планете, он жарит грибы. Ядовитые. И хладнокровно рассуждает: «Мы вас подвесим над огоньком, и вся активная органика выйдет из вас паром, и станете вы — объедение, и станете вы первым моим взносом в культуру…». «Я всегда была против употребления в пищу грибов», — говорит один второстепенный персонаж в повести «Волны гасят ветер». Писателю Сорокину («Хромая судьба») захотелось «соленых груздей, сопливеньких, в соку». А в «Поиске предназначения» грибы появляются сразу после того, как герой понял, что он — сверхчеловек.

(В этом эпизоде присутствует еще один знак — трилистник. Он выгравирован на наручниках. Но мы не обратили бы на него внимание, если бы Банев из «Хромой судьбы» не получил странную медаль — «Серебряный трилистник второй степени»).

Делаег свой «взнос в культуру» и Ефремов. Герой его раннего рассказа «Тень минувшего» воочию увидел древний мир с помощью своего изобретения. Но техническая сторона дела — та самая «аппаратура», которой фокусники отвлекают внимание. Настоящий способ зашифрован в этом пейзаже: «Бугорок зарос странными растениями, похожими на грибы, высокие и узкие фиолетовые бокалы которых усеивали мокрую красную почву. Мясистые отвороты чашечки каждого гриба показывали маслянистую желтую внутренность». Грибы упоминаются даже в «Туманности Андромеды», — в самом конце романа. Из передачи, принятой по Великому Кольцу, выяснилось, что диск прилетел из туманности Андромеды, — для Ефремова этого достаточно, чтобы озаглавить всю книгу. А вот видеоряд передачи: «Сумеречная плоская равнина едва угадывалась в скудном свете. На ней были разбросаны странные грибовидные сооружения».

Сразу после «Туманности…» Иван Антонович пишет «Лезвие бритвы» — роман о поисках загадочных камней, помогающих человеку вспомнить цепь его предков. Два таких камня были найдены на морском дне: «В центре каждого диска торчали камни странного серого цвета, в виде коротких столбиков с плоско отшлифованными концами». Столбик и диск — символический гриб? К тому же корона изготовлена из черного металла, а редкие листья и короткие штырьки, упирающиеся в голову, напоминают терновый венец Иисуса. Три алых рубина — «капли крови»?

Черное и красное — цвета Воланда и казанского дракона. Вряд ли это простое совпадение: на «лбу» ефремовского венца — три узких листика большего размера, наподобие «адидасовских», и такое же украшение — на короне дракона. Похожая корона появляется и в последней главе «Туманности…»: «Веда очертила пальцем в воздухе контур широкого кольца с крупными зубцами в виде трилистника». Веда — историк, она разыскивает древние тайники. На происхождение казанского тайника намекает «александрийский след»: черный венец принадлежал Александру Македонскому — основателю Александрии.

И совсем в другом свете видятся некоторые подробности, которые мы упустили при первом прочтении «Лезвия…». Особенно интересна история человека, отравившегося ядовитыми грибами: у него начались «галлюцинации» — просмотр наследственной памяти — и он обратился к Гирину. Профессор и пациент продолжили эти загадочные сеансы, но уже на «научной» основе: «Теперь возможность что-нибудь увидеть зависит только от снадобий — желтоватого порошка в приземистой склянке, синеватой жидкости в длинных запаянных ампулах. Вытяжки из кактуса, экстракта грибов и кто его знает еще каких лекарств, куда более волшебных, чем колдовские зелья».

В романе подозрительно много рассуждений о механизме «памяти рода» и о роли заднего отдела больших полушарий головного мозга. Пациент — сибирский охотник Селезнев — видит древний мир глазами своего предка-охотника. Или это память о прошлых воплощениях?.. А что

увидел бы сам профессор Иван Гирин — главный герой романа, обладающий мощным экстрасенсорным даром? Иван Ефремов, по собственному признанию, списал профессора с себя.

Отчество героя — Родионович. Не потому ли булгаковский Иван Бездомный в первых вариантах именовался Безродным? «Безродный» Иван («Иван, не помнящий родства») пишет поэму об Иисусе, встречается с Воландом и становится профессором: «Ивану Николаевичу все известно, он все знает и понимает». У зеленоглазого грибоедовца Ивана начались видения, причем видит он всегда одно и то же — распятие.

Мы уже упоминали про страшный крест, парализовавший героиню «Туманности Андромеды»: она упала, «раскинув руки». В «Лезвии бритвы» один малозначительный персонаж поет романс — про «мачты затонувших кораблей» и про то, что он умрет, «раскинув руки на темном дне твоих зеленых глаз». Мало того: история с «короной памяти», найденной в затонувшем паруснике, выстроена точно по сюжету романса!

Но при чем тут «память рода»?

12. «…И ОСОЗНАЕТ ПРИСУТСТВИЕ ФЕЙ»

Грибная тема озадачила нас самих — главным образом, из-за аналогии с наркотическими веществами, к которым мы относимся резко отрицательно. Но природная магия издавна использует неизвестные науке свойства животного, растительного и минерального царств — совершенно так же, как человек пользуется лошадью, почтовым голубем или чечевицеобразно обточенным куском стекла. Средство передвижения. Таинственный гриб, на который дружно намекают ученики «Атона» — возможно, это своего рода «линза», усилитель особого зрения, дарующий способность видеть невидимое, — «…когда человек, вернее, его нематериальная сущность, не осознавая окружающего и будучи погружена в сои, перемещается в действительном мире или в Волшебной стране и осознает присутствие фей». Не открывается ли при этом объемность времени?

В «Красных самолетах» Чутко приводит интересное рассуждение Бартини:

«Представьте себе, что вы сидите в кино, где на плоском экране перед вами плоские тени изображают чью-то жизнь. И фильм вы смотрите хороший, стало быть, забываете, что это всего лишь плоские тени на плоском экране; вам начинает казаться, что это настоящая жизнь, целый настоящий мир. А теперь представьте себе, что в зал входит, знаете, очень красивая женщина — фея: она дотрагивается волшебной палочкой до экрана, и мир на нем вдруг оживает: тени людей вдруг увидели себя и все свое плоское окружение! Но, оставаясь на экране, они видят это, как муха видит картину, по которой ползет: сперва, допустим, нос, потом щеку, ухо… И для них это в порядке вещей. Другого мира они не видят, не знают и даже не задумываются, что он может существовать. Но вы-то, сидящий в зале, вы знаете, что мир — другой! Что он не плоский, а объемный, что в нем не два измерения — ширина и высота, а три: еще и глубина. Только почему, собственно, вы знаете, что мир именно такой — трехмерный? Это для вас очевидно? Другое — абсурд? А для „экранных людей“, которые вас не видят, потому что вы не в их плоскости, и не подозревают о вашем присутствии за пределами их мира, для них глубина — абсурд. Так что очевидность — далеко еще не доказательство».

Неисчислимы варианты «Волшебной страны». Но пройти туда с полной выкладкой невозможно — тело «путешественника» остается на Земле. «Мое тело слишком тяжелое, — объяснял Маленький принц. — Мне его не унести.» Эту мысль подтверждает Джианбеттиста делла Порта (1536-1615): во втором томе «Натуральной магии» он рассказывает о своих опытах над волшебными мазями, с помощью которых человек впадает в глубокий сон и переживает чудесные приключения.

Чешский историк оккультизма профессор Тухолка пишет: «В большинстве случаев видения и сцены шабаша объясняются воображением колдуний и колдунов. Для отправления на шабаш они мазали свое тело особыми мазями, содержащими в себе травы, которые, усыпляя, в то же время возбуждают воображение и чувственность. Затем они засыпали и во сне видели созданные ими и другими сумеречные мизансцены».

Но кэрролловская Алиса не только кушает гриб, но и пьет из пузырька — с тем же

результатом. «Экстракт грибов», — подсказывает Ефремов в «Лезвии…». Не потому ли в булгаковском романе все чего-нибудь пьют — от абрикосовой до отравленного фалернского? «Пойду, приму триста капель эфирной валерьянки!» — говорит Коровьев. И далее: «…передняя наполнилась запахом эфира, валерьянки и еще какой-то тошной мерзости». Эфиром пахнет и в клинике Стравинского. Завсегдатая, который расхваливал грибоедовскую кухню, звали Амвросий: амброзия, пища бессмертных богов. Не «тошная мерзость» — медицинский диэтиловый эфир, — а сияющий эфир древних мистиков, светоносная жидкость, разлитая в воздухе, но невидимая для смертных!

Именно об этой субстанции писал алхимик и философ Яков Беме: «Кто пьет эфир, тот бессмертен». Заметьте: в клинике у Ивана происходили «некоторые видения», а в эпилоге он в полной мере «осознает присутствие фей» — приходит «непомерной красоты женщина», целует его и щедро поит мистическим эфиром: «…Она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны,… свет качается, поднимается выше, затопляет постель. Вот тогда и спит Иван Николаевич со счастливым лицом».

…"Яд, мудрецом тебе предложенный, прими, из рук же дурака не принимай бальзама". В шестидесятые годы проводились многочисленные и небезопасные эксперименты с психоделиками растительного происхождения, в том числе с галлюциногенным грибом «псилоцибе», применявшемся в индейских культах. Роланд Фишер в своем докладе отмечал, что во время действия очень малых доз псилоцибина интеллектуальные способности испытуемых возрастали. Но почему? Фишер отшутился: «Это решительно доказывает, что в определенных ситуациях, если ты принял некое вещество, то ты лучше информирован о реальном мире, нежели если бы ты его не принял».

Результаты таких исследований позволили Теренсу Маккене сформулировать свою гипотезу о роли грибов-галлюциногенов в превращении гоминида в человека: «Я утверждаю, что вызывающие мутации психоактивные химические соединения в пище древних людей привели к быстрой реорганизации мозга. Действие галлюциногенов, присутствующих во многих растениях, увеличили активность переработки информации». Тогда же англичанин Р. Грейвс (Р. фон Ранке-Гравес) обратил внимание на некоторые древнегреческие барельефы с изображениями богов и грибов. Он предположил, что кандидаты в тайных мистериях, кушали амброзию — «пищу богов», — в состав которой входил и экстракт мухомора. Известна также фреска Планкуро из Национального музея естественной истории в Париже: она изображает в виде гриба библейское древо познания добра и зла

13. «КУБИНСКИЙ ПРОФЕССОР»

«Красный барон» оставлял загадки, — и то же самое делали его ученики. И ученики учеников… А мы с изумлением наблюдаем, как в знакомых с детства книгах проступает «симпатический» сюжет — всегда один и тот же! В «Туманности Андромеды», например, есть эпизодический, но чрезвычайно интересный персонаж — «нехороший» ученый Бет Лон, предтеча Рена Боза, открывшего способ нуль-транспортировки. Двойник-антипод. «Бет Лон нашел, что некоторые признаки смещения во взаимодействии мощных силовых полей могут быть объяснены существованием параллельных измерений. Он поставил серию интересных опытов с исчезновением предметов». Затем ученый приступил к опытам с добровольцами: двенадцать человек исчезли бесследно. Тем не менее ученый «был убежден в том, что люди странствуют живыми». Странников по «параллельным измерениям» было двенадцать — точно по числу учеников Иисуса. Инициалы учителя зашифрованы в заглавных буквах имен Рен Боз и Бет Лон: Р.Л.Б. — Роберт Людвигович Бартини.

Очевидно, речь идет о «нематериальной сущности»: под действием грибной настойки гомункулус отделяется от физического тела и входит в межзвездный Тоннель. Обратите внимание на переезжающее с места на место «Красное Здание» из романа Стругацких «Град обреченный»: в этом таинственном доме происходит главное испытание героя — «что-то вроде сна». И дом в «Отягощенных злом» — «целиком красного кирпича»!.. Возможно, «нехороших квартир» было несколько, и первая из них находилась в здании красного цвета.

…Нет никаких документальных свидетельств пребывания Бартини в хабаровском лагере

военнопленных. Зато в книгах некоторых «дисковцев» есть намеки на то, что они познакомились с Бартини до его эмиграции в СССР. А.Толстой начал работать над «Аэлитой» в 1921 году, а закончил в двадцать третьем. Весной того же года был дописан «Блистающий мир». Но у Грина мы обнаружили более ранний знак Школы: в рассказе «Истребитель» (1919) упомянут броненосец «Диск».

В гриновском рассказе «Фанданго» (1927) волшебник Бам-Гран и его свита прибыли в революционный Петроград в январе двадцать первого года. Они привезли экзотические подарки и продукты для КУБУ — «Комиссии по улучшению быта ученых». Собрав интеллектуальную элиту столицы, «испанский профессор» Бам-Гран устроил точное подобие булгаковского Варьете: перед замерзшими и голодными людьми распаковывали тюки шелка, ковры, гитары, кораллы и морские раковины. Эту жестокую проверку выдержал лишь скромный переводчик с испанского Александр Каур. Он не потерял веру в чудо и удостоился награды: Каура переместили из холодной «колыбели революции» в Зурбаган — город веселья, тепла и покоя. Герою пришлось покинуть свое плотное тело: «…Задев случайно рукой за стул, я не почувствовал прикосновения так, как если бы был бестелесен». Но в Зурбагане чувство телесности возвратилось, — не потому ли, что этот мир соответствовал новому состоянию Каура? «Я стоял на твердом полу и машинально взял с круглого лакированного стола несколько лепестков, ощутив их шелковистую влажность».

Александр Каур — персонаж автобиографический: в 1920-21 годах Александр Грин жил в петроградском «Доме искусств» и получал академический паек в КУБУ. Легко догадаться и о прототипе «испанского профессора»: за полтора века до описываемых событий в Петербург приезжал «великий маг» Калиостро, выдававший себя за испанского полковника. Но эта подсказка слишком демонстративна, — так опытные диверсанты закладывают отвлекающий заряд поверх главного. А.Грин подчеркивает, что Бам-Гран — «личность не та, за кого себя выдает»: «Будто, говорят, проверили полномочия, а печать-то не та, нет». Кто же он на самом деле? Тот, кто «поддакивает изобретателям, тревожит сны и вмешивается в судьбу», — словом, необыкновенное существо, похожее на Друда. Косвенное подтверждение этой догадки мы обнаружили в первых черновиках «Блистающего мира»: летающий человек носил имя… Бам-Гран!

Таинственный герой «Фанданго» говорит, что прибыл с Кубы: Куба созвучна с КУБУ. «Эта любопытная, сильная и деятельная организация еще ждет своего историка», — пишет А.Грин. Не сам ли «кубинский профессор» курировал «деятельную организацию», опекавшую русских интеллектуалов? Сравните: чтобы спасти ученых и писателей Арканара, Румата Эсторский сорит деньгами налево и направо. Когда они кончаются, прогрессор загружает опилки в синтезатор «Мидас» и на выходе получает «золотые кружочки с профилем короля Пица Первого». Нельзя не вспомнить и четыреста тонн золота, найденные героями «Туманности Андромеды»: эта находка позволила приготовить топливо для нового звездолета, похожего на древнего рыцаря. Очевидно, Ефремов намекает на исчезнувшие сокровища рыцарей-тамплиеров: золотой конь указывает на конюшни Соломонова храма — первую резиденцию ордена. Находит объяснение и «лошадиная фамилия» героя «Фанданго» — Каур.

О происхождении «первоначального капитала» КУБУ ничего не известно. Зато в «Красных самолетах» упоминается о наследстве, которое оставил сыну несуществующий барон Лодовико ди Бартини — десять миллионов долларов. По словам Роберта Людвиговича, эти деньги были переданы в Международную организацию помощи революционерам. Но Лодовико ди Бартини в действительности не существовал, а огромная по тем временам сумма не оставила в финансовой отчетности МОПРа никаких следов. «Извлеките из этого урок».

14. В КРАСНОМ ДОМЕ

В 1993 году в Самаре был издан роман Елены Чудиновой «Держатель знака». Речь идет о петроградском белом подполье в 1919-21 годах и о многовековой борьбе двух ветвей масонства, одна из которых захватила власть в октябре 1917 года. Прямо сказано, что за спиной обеих сторон действовали некие могущественные силы — внешние по отношению к людям. «…По меньшей мере половина фигур, без которых нам немыслимо представить себе историю

человечества, недоказуемо являются в действительности не более, чем марионетками».

Большинство персонажей романа существовали на самом деле, а некоторые очень известны — Воино-Ясенецкий, Гумилев, Даль, Голенищев, Петерс, Дзержинский, Блюмкин и другие. Но особенно интересен один из вымышленных героев — подпоручик Чернецкой: энциклопедически образованный человек, обладатель незаурядного экстрасенсорного дара, помнящий многовековую цепь своих воплощений. Он был придворным Екатерины Великой, одним из сыновей-близнецов исландского конунга и даже сыном Нефертити — жены уже упомянутого фараона Эхнатона. В бесконечном путешествии его сопровождает Т-образный крест с петелькой вверху — древнеегипетский анх, знак бессмертия.

(По-латински — «крукс ансата». Крукс — одно из имен гри-новского Друда).

Родители Евгения Чернецкого, как водится, неизвестны: в раннем детстве он был увезен из России теми, кто ждал его очередного рождения и надеялся сделать из необыкновенного ребенка мощнейшего психократа — повелителя людей-марионеток. Сказано также, что для Чернецкого были мучительны ночи полнолуния.

Бартини?

В массе вымысла просвечивает тонкая арматура фактов. Несколько деталей, разбросанных по тексту, говорят о том, что в основе романа лежат воспоминания и документы двух семей — Чудиновых и Альбрехтов. Мы не очень удивились, когда выяснилось, что Елена Петровна Чудинова является дочерью Петра Константиновича Чудинова — друга И.Ефремова и автора его научной биографии!

В 1921 году Ефремов жил в Петрограде: не он ли выведен под именем школьника Андрея Шмидта? Роман завершается тем, что смертельно больного Андрея этапируют с колонной зеков, а затем оставляют умирать на руках ссыльного хирурга — знаменитого Воино-Ясенецкого. Но врач выхаживает юношу и отдает в ученики какому-то таинственному тунгусскому шаману. Фамилию Воино-Ясенецкого нам называл Виктор Павлович Казневский: Бартини упоминал о нем, когда рассказывал про Бутырки.

В «Держателе знака» много места отведено петроградскому «Дому Искусств» (сокращенно — «Диск»), который располагался в бывшем особняке Елисеевых. «Дом Искусств» прекрасно известен историкам литературы: он был создан в 1920 году стараниями КУБУ и поэта Николая Гумилева. В большом красном доме на углу Невского и Мойки жили многие писатели, поэты, переводчики, литературные критики, актеры и художники. В их числе был и Александр Грин. А в декабре 1920 года в Петроград приезжал Маяковский — специально для того, чтобы выступить в «Диске». ,

Известная поэтесса Ирина Одоевцева — ученица Гумилева — вспоминает те годы: «В Доме искусств, или, как его называли сокращенно, в „Диске“, всегда было шумно и многолюдно. Сюда заходили все жившие поблизости, здесь назначались встречи и любовные свидания, здесь студисты устраивали после лекций игры, в приступе молодого буйного веселья носясь с визгом и хохотом по залам».

Очень удобно: войдя в здание, ученики «Атона» растворялись в пестрой толпе и незаметно проходили в одну из комнат. Для тайных занятий больше подходили роскошные ванные комнаты — та, в которой жил Гумилев и соседняя, выполнявшая роль гостиницы. Они расположены в левом крыле особняка, — далеко от гостиных, ставших столовой и лекционной аудиторией.

15. «В МОРЕ-ОКИЯНЕ, НА ОСТРОВЕ БУЯНЕ…»

Если верить Бартини, он покинул Советскую Россию в конце 1920 года, а вернулся в двадцать третьем. Мы не знаем, что произошло с ним за эти три года: рассказы «красного барона» о работе на заводе «Изотта-Фраскини» и об участии в боевых акциях Итальянской компартии ничем не подтверждаются. Но, может быть, его биография только намекает на истину?

Любопытно проследить маршрут, по которому Бартини возвращался в СССР: из Италии через Австрию, Чехословакию и Германию. В Штеттине (ныне — польский город Щецин) Бартини сел на немецкий пароход и через трое суток прибыл в Петроград. Но из Италии проще

и быстрее плыть в Одессу. Этот путь подсказывали и имевшиеся у Бартини документы на имя одессита Бориса Иофана. Возможно, барон намеренно рассказал о «ходе конем», — дав понять, что по пути в Союз он посетил некое место, расположенное неподалеку от Штеттина.

В статье о «невидимке» Чутко описывает странную акварель, висевшую в комнате Бартини: «На острове невероятно высокая башня, каких не бывает и быть не может, уходящая сквозь подсвеченные снизу облака. И на кончике башни, за облаками, чуть ли не среди звезд — белый огонь». Башня и… большая звезда? Или это не башня, а невидимый Тоннель, берущий начало с какого-то таинственного острова?

Нет никаких оснований связывать эту картину с Балтикой, — если не считать некоторых намеков, содержащихся в романе «Мастер и Маргарита». Воланд со своей свитой появляется в столице с запада, — как и черные тучи, наползавшие на Москву и Ершалаим. И улетают они на запад: ночь догоняет всадников. А куда летала перед балом Маргарита? На юг, к реке — как было приказано по телефону? Это нетрудно проверить по положению луны: «…Маргарита увидела, что она наедине с летящей над нею и слева луной». И далее: «Поворачивая голову вверх и влево, летящая любовалась тем, что луна несется над нею…». Ясно также, что луна высокая: глядя на нее, Маргарита поднимает голову, а в зеркале воды луна оказывается прямо под ногами. Но при полете на юг высокая луна должна быть видна прямо по курсу. Это означает, что героиня летит на запад — «над холмами, усеянными редкими валунами, лежащими меж отдельных громадных сосен». Прибалтика?

Булгаков четко отслеживает маршрут перелета: на конечном участке («очень далеко от Москвы») Маргарита поворачивает на север («теперь луна светила в спину») и выходит к воде. Река ли это, — как сказал Азазелло? Но мы уже разуверились в его указаниях насчет «юга». Налицо лишь водная преграда, разделяющая два берега, один из которых — «меловой обрыв». Между тем, в конце главы «Полет» выясняется, что место, куда прилетела Маргарита, является островом: «на остров обрушилась» летающая машина. Затем «островок опустел», а «машина взвыла, прыгнула и поднялась к самой луне, остров пропал…».

Очень важные приметы: меловой остров, лежащий к западу от Москвы. Не исключено также, что в его названии имеется буквосочетание «юг», — иначе зачем Азазелло понадобилось об этом упоминать? Таким требованиям удовлетворяет лишь остров Рюген. Его обрывистые меловые берега отделены от материка лишь узким проливом, а прекрасным рюгенским мелом пишут в школах и университетах всей Германии.

Заметьте: Воланд назвал себя немцем (точнее — «пожалуй, немец»). Сразу по прибытии Маргарита зачем-то «ругается», а Ивана в таинственную клинику сопровождает «тщательно маскирующийся» Рюхин. Созвучно, не правда ли: Рюхин — Рюген?

Хотя писателю-шифровальщику проще работать с фамилиями, бывают случаи, когда нужно обыграть имя. Если подходящего имени нет, придумывают новое. Физик Рю Васэда появляется в «Полдне…», переводчик Рю Таками — в «Хромой судьбе», а в «Хищных вещах…» присутствуют два подростка — Рюг и Лэн. Землян из «Обитаемого острова» зовут Максим Каммерер и Рудольф Сикорски. Остров — германский? Позднее у Стругацких часто спрашивали — почему они выбрали такие фамилии? Соавторы дружно ссылались на какого-то редактора Детгиза, который «настоятельно посоветовал» сделать героев немцами.

Жители земноподобной планеты Саракш полагают, что они находятся внутри пустотелого шара. Но именно в фашистской Германии расцвела теория полой Земли. В апреле 1942 года на Рюгене побывала немецкая экспедиция, вооруженная новейшим по тем временам радаром фирмы «Телефункен». Радар включался в определенное время, а его антенны были зафиксированы под углом примерно 45 градусов. После войны обслуживающий аппаратуру физик Гейнц Фишер рассказывал, что цель эксперимента — доказать, что Земля полая, и мы живем внутри сферы. Исходя из этих представлений, немецкие ученые пытались получить радиолокационное изображение английской военно-морской базы в Скапа-Флоу.

Про рюгенский эксперимент писали на Западе и у нас — для доказательства безумия нацистской верхушки. Но проверить такую теорию при помощи радара можно в любой точке Земли — это во-первых. Во-вторых, Рюген отстоит от Скапа-Флоу гораздо дальше, чем радиолокационные посты на северном побережье Франции. В-третьих: угол возвышения слишком велик. Если мы живем внутри полой Земли, то главный лепесток радиолуча,

направленный в небо под углом 45 градусов, достанет до Южной Америки.

Может быть, остров Рюген был древним посвятительным центром? Об этом могли знать и нацистские мистики из «Аненербе», и мощные радиосигналы, посланные в определенную область неба, имели целью привлечь внимание «Высших Неизвестных», в которых горячо верил Гитлер. Нечто подобное произошло в день 700-летия падения альбигойской крепости Монсегюр: 16 марта 1944 года немецкий самолет «Шторх» сделал несколько кругов над руинами замка, затем пилот набрал высоту, включил дымогенератор и выписал в небе гигантский каббалистический знак.

Цепочка совпадений тянется, не обрываясь — ясная, как следы на снегу. Или — вешки… Еще в средние века на Рюгене было обнаружено святилище со странным каменным идолом, совершенно не похожим на обычные в той местности языческие фигуры. Эта статуя, уничтоженная христианскими миссионерами, скупо описана у Сакса Грамматика: «…Нечто огромное, более, чем в два человеческих роста, с четырьмя головами и затылками, вызывающее безмерное изумление». Четыре — в одном! Очень похожую статую мы видим в «Часе Быка»: «Четыре воедино слитые мужские фигуры гигантского размера». Эта скульптура находится в Храме Времени, под которым расположено заинтересовавшее нас Святилище Трех Шагов. А вход в Святилище начинается из колодца под химической лабораторией.

Вернемся к булгаковскому роману и отметим подозрительную настойчивость, с которой упоминается Пушкин. Особенно интересен тот момент, когда рядом с памятником Пушкину возникает Рюхин (Рюхин — Рюген?), отвозивший в клинику «буйного» Ивана. («Вы не буйный?» — спросил ночной гость у поэта). У Маргариты появилась «буйность черт», затем она «буйно расхохоталась», — не намекает ли Булгаков на пушкинский остров Буян? Он расположен западнее «царства славного Салтана»: корабельщики, посещавшие остров, направлялись домой — на восток. «Салтаново царство» — это, конечно, Россия: купцы везут меха — чернобурок и соболей, — а также донских жеребцов. Но вторая партия товара — металлы, символизирующие три стадии Великого Делания. Третья — «неуказанный товар». Иначе говоря — тайный…

Буян — остров Рюген? Настоящая правда всегда неправдоподобна: древнее название Рюгена — Руян. «В море-окияне, на острове Руяне…»?

16. «ПРОКЛЯТАЯ ДЫРА»

После возвращения в Советскую Россию Бартини жил в Москве — сначала в Мерзляковском переулке, 23, а затем в «реввоенсоветовском» общежитии на Мясницкой — через дорогу от Лубянки. Эта улица упоминается и в романе «Мастер и Маргарита»:

"Выиграв сто тысяч, загадочный гость Ивана поступил так: купил книг, бросил свою комнату на Мясницкой…

— Уу, проклятая дыра! — прорычал гость".

А вот как начинается «Собачье сердце»: «У-у-у-у-у-гу-гу-гуу!». Затем следует многозначительный эпизод на улице Мясницкой: пес учится читать. Школа? «Этот знаменитый момент и следует считать началом шариковского образования», — подтверждает Булгаков. Уже на первой странице Шарик рассуждает о грибах («но это — последнее дело»!). Двумя строчками ниже читатель узнает, что «в ресторане „Бар“ жрут дежурное блюдо — грибы». Совершенно не относящийся к делу ресторан «Бар» упоминается еще пару раз, а пес вспоминает Сокольники и певицу, исполнявшую на круге арии из «Аиды». Круг — это летняя сцена, имевшая форму невысокого диска, Сокольники — намек на соколиноголового Гора, сына бога Ра, чье тело — Атон. Чем же кончается повесть? Профессор дважды напевает строчку из «Аиды»: «К берегам священным Нила…».

Весной 1926 года Бартини переводится в эскадрилью гидропланов Черноморского флота. Но в Крым он прилетал и летом двадцать пятого — в связи с подготовкой очередных планерных соревнований в Коктебеле. Там же собрались «дисковцы» первого набора — Булгаков, Кржижановский, Грин и Леонов. Добирались так: по железной дороге до Феодосии, потом на бричке — к дому Волошина.

Для Булгакова эта поездка оказалась настолько важной, что оставила след в эпилоге

«Мастера и Маргариты»: «Пишущий эти правдивые строки сам лично, направляясь в Феодосию, слышал в поезде рассказ…». А в рукописи 1932 года Маргарите снятся полеты над теплым морем на летающей лодке (в следующей главе она названа аэропланом).

Это только кажется, что в деталях и подробностях писатель волен, как птица. Ничего подобного! Чем талантливее автор, тем строже отбор слов. Если в тексте замечено ничем не оправданное изобилие однородных предметов, — весьма вероятно, что читателю сигнализируют. Дают понять. У Булгакова, например, мы видим целый лес колонн: дворцовые колоннады Ирода и Воланда, розовые колонны балкона, на котором допрашивали Иешуа, знаменитые порфировые колонны в филиале и простые — в круглом зале дома Грибоедова. «Маргариту установили на место, и под левой рукой у нее оказалась низкая аметистовая колонка». Иван видит колонку в ванной, про колонку кричит улетающий Могарыч, Рюхин застрял в колонне машин, в Ершалаиме — колонна римской пехоты… Плюс к тому — бесчисленные цилиндры, башни и столбы.

В начале романа «летели пыльные столбы», возле Иешуа «столбом загорелась пыль», а в конце «кот полез в лунный столб». О пожаре в подвале мастера: «Комната уже колыхалась в багровых столбах». В восьмой главе есть абзац, в котором слово «цилиндр» встречается целых четыре раза! «Само собою разумеется, что хитроумный цилиндр поразил Ивана», — добавил Булгаков в следующем абзаце. «В ногах Ивановой постели загорелся матовый цилиндр…». Затем поэт нажимает кнопку: «Цилиндр тихо прозвенел в ответ, остановился, потух, и в комнату вошла полная симпатичная женщина». Наконец, в романе появляется персонаж, мгновенно переместившийся на Енисей и обратно, — как и следовало ожидать, он в черном цилиндре!

Прибавьте сюда разноцветные башни Девичьего монастыря, шоколадную Эйфелеву башню в Торгсине и еще одну, упоминаемую многажды и без видимой причины — «страшную Антониеву башню». Выход — в башне? «Но тут что-то заставило Воланда отвернуться от города и обратить свое внимание на круглую башню, которая была у него за спиной на крыше. Из стены ее вышел оборванный, выпачканный в глине мрачный человек…». А где мы впервые встречаем Маргариту? «В своей спальне, выходящей фонарем в башню особняка…». Намек повторяется в «предполетной» главе: «окно в фонаре …. светилось бешеным электрическим светом».

Фонарь — застекленный выступ в стене здания. Но так называется и площадка на вершине маяка, где установлены мощные дуговые лампы.

В «Стране багровых туч» советские космонавты летят на Венеру и устанавливают маяк. А в одну из «земных» глав Стругацкие вставили очень многозначительный эпизод: «Внимание его привлекло круглое сооружение из светлого бетона, видневшееся в тумане… Быков поколебался с минуту, затем решительно двинулся к круглому зданию. Оно показалось ему необычным — в гладких высоких стенах не было ни окон, ни отдушин, только у самой земли виднелась небольшая, раскрытая настежь квадратная дверь».

«Проклятая дыра» — в круглой башне? Не случайно возле этой башни происходит встреча героя с людьми в скафандрах — «рыцарями ордена розенкрейцеров».

Герой «Хромой судьбы» лезет через дыру в заборе и читает газетную статью «Дыра во Вселенной». В повести «Жук в муравейнике» говорится про вход в «межпространственный тоннель»: «Очень страшно, твердит он. Планеты круглые, пытается объяснить он, и эта планета тоже круглая, я сам видел, но на той площади она вовсе не круглая. Она там как тарелка. И в тарелке дырка. И дырка эта ведет из одной пустоты, где находимся мы, прямо в другую пустоту, где нас нет». А так выглядит «проклятая дыра» индивидуального пользования: «Цилиндр высотой метра в два и метр в диаметре из полупрозрачного, похожего на янтарь материала. Овальная дверца во всю ее высоту распахнута». Это устройство неспроста названо «стаканом» и будкой: в булгаковском романе чудеса начались после того, как литераторы бросились к будочке и выпили абрикосовой. В результате Иван Бездомный оказывается в клинике профессора-психиатра, а отделенное от головы тело Берлиоза — на столе профессора-патологоанатома. «И на что нужна какая бы то ни было телеграмма тому, чей затылок сдавлен сейчас в резиновых руках прозектора, чью шею сейчас колет кривыми иглами профессор?».

Абрикосовая и патологоанатом — какая здесь может быть связь? Решить эту шараду поможет «фруктовая» фамилия из повести «Роковые яйца» — профессор Персиков. Принято считать, что Булгаков намекает на профессора-патологоанатома А.И.Абрикосова, извлекшего мозг из ленинской головы.

Сознание покидает тело?

17. «БЛЕСНУЛ БЕРЕГОВОЙ МАЯЧОК…»

«Не рассчитывая в оставшиеся сроки завершить свою последнюю книгу, автор принял совет друзей публиковать ее в нынешнем состоянии. Спешность решения диктуется близостью самого грозного из всех когда-либо пережитых нами потрясений — вероисповедных, этнических и социальных — и уже заключительного для землян вообще…». Эти строки написал ученик «Атона» Леонид Леонов — в авторском предисловии к своему последнему роману «Пирамида» (1994). Он работал над ним почти полвека. В аннотации говорится: «В центре романа командированный на Землю ангел, которого хотят использовать в своих целях различные темные силы, среди которых Сталин».

Посланец небес вышел из круглой колонны в заброшенной церкви, — как булгаковский Левий Матвей, появившийся из круглой башенки на крыше «Дома Пашкова». Легко узнаются и другие «цитаты» — летающий автомобиль, волшебные цирковые номера и чудовищные объемы апартаментов, втиснутые в скромную лесную дачу. Но самое ошеломляющее совпадение — с домом Грибоедова:

«Года три назад сей даровитый паренек, случайно прогуливаясь в дремучих саянских предгорьях, обнаружил под навесом скалы небольшую, полтора на полтора, колонию розоватых, с просинью, на шаткой ножке высотою с палец и, как оказалось, мыслящих грибов. Неизвестно, что именно происходило в них в тот час — месса, митинг или коллективная медитация — но в бормотанье их, если зажмуриться, то ясно прослушивались характерные стридулирующие фонемы раннего санскрита. Они-то и вдохновили даровитого ученого на докторскую диссертацию с заключением, что дрожавшие тогда у ног его в ожидании неминуемой расправы скромные создания являются истинными предками человечества».

Хотя эти грибы в сюжете не участвуют, но появляются еще не раз. Вот, к примеру: «…В ту пору, когда отщепившийся от гриба человек бродил на четвереньках…». В другом месте излагается просьба: «…малость повысить родословную людишек на уровень гриба съедобного, в пределах от боровика до рыжика».

В «Пирамиде» лично присутствует автор — должно быть, для того, чтобы читатель понял: в основе своей эта вещь почти документальна. А тринадцатая глава первой части представляет собой художественное изложение новой модели Вселенной, преподанной таинственным персонажем по фамилии Дымков — не то пришельцем, не то ангелом. Мироздание по Дымкову располагается на поверхности непостижимой сферы и составляет ее. Этот мир заполнен разумной живностью разной степени «разреженности», причем в одном пространстве могут сосуществовать несколько «параллельных» временных потоков. В объяснениях Дымкова присутствует и парадоксальное утверждение Бартини о том, что мельчайшая из частиц Вселенной — сама Вселенная.

Кто же такой Дымков? Он, как и следовало ожидать, не ангел и не пришелец: «самое наличие таинственной двери да еще связка ключей в руке позволяют приписать ему заведование запасным выходом к нам оттуда и наоборот». В булгаковском Варьете все наоборот — «…зеленые огни с надписью „Выход“ у дверей погасли». Нет выхода? Но в одной из ранних редакций (1937 г.) надпись загорается. И не просто «Выход», а «Запасной выход» — как у Леонова! Эти слова появляются перед последним отделением концерта — «выходом мага с его длинным помощником и котом». Намек повторяется на балу: «Последний выход, — прошептал ей озабоченно Коровьев, — и мы свободны». И, наконец, левый глаз Воланда — «как выход в бездонный колодец». (В одной из ранних редакций — «глаз с дырой»!)

Церковь с загадочной колонной Леонов поместил в несуществующее Старо-Федосеево. Про героя сказано: «Местонахождение Дымкова на колонне, а также характер размещенных внутри ее, то и дело меняющихся пейзажей, дают основание предположить что-то вроде

маячной службы на бескрайнем океане времени». Не указывает ли писатель на Феодосию и на маяк феодосийского порта, расположенный неподалеку от Коктебеля? Этот маяк не раз описан у Грина. Его летающий Друд даже жил там, — когда «тревожил сны и вмешивался в судьбу» изобретателей и поэтов.

В «Часе Быка» земной звездолет садится на мыс у «темного моря», среди «сухой и пустынной приморской степи». Втайне от властей проводится тщательный отбор людей, способных воспринять космические знания. Для этого они посещают звездолет: «…Все было необычайным: плавание — украдкой на низких надувных плотах по темному морю, внезапное появление светящихся знаков на гониометре от невидимого ультрафиолетового маяка, высадка под прибрежными кустами, подъем в гору с ориентиром на размытое светящееся пятнышко какого-то звездного скопления, поиски двух невысоких деревьев, между которыми пролегал вход в запретную теперь для всех других ложбину…».

Маяк — на «темном море»!

В «Мастере и Маргарите» фальшивые червонцы превращаются в этикетки от крымского вина «Абрау-Дюрсо». Но в первых вариантах романа этикетки были другие — от рыбных консервов «Маяк»! Маяки упомянуты и в «Двенадцати стульях» — например, в знаменитом перечне, который начинается словами: «Статистика знает все…». И еще: «Остап в темноте продолжал рыться в стуле. Блеснул береговой маячок. На воду лег золотой столбик и поплыл за пароходом».

Считается, что идея «Двенадцати стульев» была подарена Ильфу и Петрову писателем Валентином Катаевым. Он подробно рассказывает об этом в автобиографической книге «Алмазный мой венец». Там нет ни слова о таинственном итальянце, но в катаевской повести «Уже написан „Вертер“…» появляется «итальянский» маяк: «Воскресный обед на открытой террасе, в виду моря, отражавшего колонну маяка…». И далее: «…Он начал и никак не мог закончить по-детски старательно вылизанный морской пейзаж с дачей на обрыве, маяком и большим облаком, как-то по-итальянски отраженным в воде». Маяк «работает» и во внешнем сюжете повести: там происходят тайные собрания врангелевских подпольщиков — «группы маяка».

(«Черный барон» Врангель — «красный барон» Бартини?)

«Все вокруг было испорчено, еле держалось, каждый миг грозило обрушиться: падение с обморочной высоты погашенного маяка, некогда нового, прекрасного на фоне летнего моря с итальянскими облаками над горизонтом, а теперь одряхлевшего, с облупившейся штукатуркой и обнаженными кирпичами все того же венозного цвета». Феодосийский маяк построили в начале века, а по-настоящему старым был маяк в Балаклавской бухте — там, где служил Бартини. Но балаклавский маяк рухнул…

«Остап лежал на полу, легко придавленный фанерными щитами. Было двенадцать часов и четырнадцать минут. Это был первый удар большого крымского землетрясения 1927 года. Удар в девять баллов, причинивший неисчислимые бедствия всему полуострову, вырвал сокровище из рук комиссионеров». А вот что пишет «дисковец» Л.Лагин: «Если не считать крымского землетрясения, старожилы домов отдыха не запомнят случая, когда их сбросило бы с кровати во время сна». Эти строчки взяты из «Старика Хоттабыча» — из той главы, где рассказывается о первых днях путешествия в… Арктику! За явной нелепостью скрывается важнейшая информация: в помещении, обозначенном как «дом отдыха», нарушен сон неких «старожилов». Место и время — Крым, 11 сентября 1927 года. Эпицентр землетрясения пришелся точно на Балаклаву. Но в тот день «старожилы» были потрясены еще одним страшным и никогда не виданным зрелищем: загорелось… море! У западного берега на поверхность прорвался метан, и стена огня встала от Евпатории до Севастополя.

(Странное совпадение: по словам Бартини, вторая попытка покушения на него произошла в 1927 году!)

Перечитайте то место у Ильфа и Петрова, где Бендер обольщает васюкинцев: «Гнилые стены коннозаводского гнезда рухнули и вместо них в голубое небо ушел стеклянный тридцатитрехэтажный дворец…». Все понятно: «гнездо» рухнуло и некто могущественный (33-я степень посвящения — высшая в целом ряде мистических орденов) ушел в «голубое небо». Балаклава в переводе с татарского — «рыбье гнездо», а Коктебель — «голубое небо».

Зная это, нетрудно прочитать сообщение о передислокации Школы.

18. «БРЕДОВОЕ СООРУЖЕНИЕ»

«Пирамида» заканчивается сносом старо-федосеевской церкви, но герои «продолжали жить и действовать во исполнение назначенных им судеб». «Нет никакого сомнения, что имеются и другие, сокрытые от нас до поры проходы туда, на безграничный простор времени», — пишет Леонов. Не идет ли речь о переезде Школы?

Можно предположить, что задолго до отставки Бартини и его возвращения в Москву кто-то из учеников позаботился о новом месте для занятий. Требовалось достаточно просторное помещение со всеми специфическими свойствами явочной квартиры. К тому же оно должно располагаться в стороне от шумных улиц: не забудем, что речь идет о большой спальне! Нелегкую задачу предстояло решить неизвестному бартиниевскому «квартирьеру», — имея в виду знаменитый «квартирный вопрос» — острейший жилищный кризис тех лет. Но даже тогда можно было снять, купить или построить какое-нибудь жилье. Бартини прибыл в Москву в начале тридцатого года, — и, вероятно, к этому сроку все было готово.

В одном из самых «булгаковских» романов братьев Стругацких — «Отягощенные злом» — действие происходит в квартире только что построенного жилого дома «странной архитектуры». (Сказано: «дом сдан под ключ». «Ключ от квартиры, где деньги лежат»?) Пустая квартира (из мебели — только топчан, на котором спали строители!) расположена в одной из двух полукруглых башен. Затем топчан заменяется грандиозной кроватью из спального гарнитура «Архитектор».

Очень важные детали: спальный гарнитур, архитектор и две полукруглые башни, — причем одна выше другой! Похожее сооружение мы обнаружили и в раннем рассказе «Забытый эксперимент» — преобразователь времени в энергию имел вид сдвоенной колонны. Не намекают ли Стругацкие на какое-то реальное здание, ставшее новым прибежищем «Атона»? Очень много примет говорит о том, что место, где «скрывалась и вызревала целая бездна талантов», находилось на Арбате. О.Бендер в «Золотом теленке» (1934) прибывает в несуществующий город Арбатов, Маргарита и мастер живут в арбатских особняках. При этом мастер часто посещает «чудесный» арбатский ресторанчик, Маргарита разбивает «освещенный диск», а Наташа рассказывает хозяйке о происшествии в арбатском гастрономе: у женщины исчезли туфли, и стал виден чулок с дырой.

Мастер заговорил со своей возлюбленной в «кривом» арбатском переулке. «Кривым» назван и арбатский переулок, над которым пролетала Маргарита. Случайное совпадение? Но Кривоарбатский переулок существует в действительности и знаком всему архитектурному миру благодаря архитектору Константину Мельникову. В конце лета 1927 года (сразу после землетрясения, разрушившего балаклавский маяк!) Мельников получил разрешение на строительство в центре столицы собственного трехэтажного особняка странной формы — два полуутопленных друг в друга цилиндра неравной высоты. Или один — начавший раздваиваться… В плане это видится как две окружности, наложенные друг на друга, причем одна окружность проходит через центр другой.

Архитектор заявил, что его будущий дом — «показательный». Через два года это футуристическое жилье было готово, и с тех пор ручеек посетителей не пересыхал: шли студенты, пионеры, работники наркоматов, писатели, старые большевики… Словом, повторилась в миниатюре история с «Домом искусств» и с домом Волошина.

(М.Булгаков: «Верите ли, это бредовое сооружение Ирода, — прокуратор махнул рукой вдоль колоннады, так, что стало ясно, что он говорит о дворце, — положительно сводит меня с ума. Я не могу ночевать в нем». «Бредовое сооружение» — специальное здание для «положительного сведения с ума»? Перечитайте эти строчки в главе «Было дело в Грибоедове»: «Помнится даже, что кажется, никакой тетки-домовладелицы у Грибоедова не было… Однако дом так называли. Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из „Горя от ума“ этой самой тетке, раскинувшейся на софе». То же самое мы видим в «Двенадцати стульях» — в главе о музее мебельного мастерства, написанной в октябре 1927 года: «круглая комната с

верхним светом, меблированная, казалось только цветочными подушками». Круглый зал с лежаками?)

В 1967 году заслуженный архитектор РСФСР Константин Степанович Мельников вспоминал: «Дом строился два года, с 1927-го по 1929-й, и находится под №10 в Кривоарбатском переулке Москвы, в нем впервые в истории затронута архитектурой величайшая проблема одной трети жизни каждого из нас на земле». Что же он полагает «величайшей проблемой»? «Одну треть жизни человек спит. Если взять 60 лет — 20 лет сна; 20 лет путешествий в область загадочных миров без сознания, без руководства, касаясь неизведанных глубин, источников целительных таинств, а может быть — чудес, да, может быть, и чудес!»

(Сон обычного человека — «без сознания, без руководства»!)

И далее: «Путь мой останется собственным, путь Искусства, ему одному принадлежащий, путь сияния Вселенной, с полетами без ракет». Сны — «полеты без ракет»?

Один из учеников знаменитого архитектора вспоминал: «Сон был его идеей фикс. Мельников был абсолютно убежден, что цилиндрическая форма спальни наиболее благоприятна для этой физиологической потребности, но никак не мог вразумительно объяснить — почему? Это вызывало насмешки со стороны коллег». В конце 1930 года Мельников создает грандиозный проект «Зеленого города» — зоны отдыха и увеселений для трудящихся, концентрически расположенной вокруг «Института изменений вида человека». Ни больше и ни меньше!

В пояснительной записке отмечено, что главное в этом проекте «предназначено исключительно для сна» — «в виде ряда корпусов, размещенных по кольцу на расстоянии около десяти километров». Огромные цилиндрические спальные корпуса — «по кольцу»!.. И далее: «Здесь могут найти себе место не только какие-либо механические кровати, здесь могут быть уместны специальные камеры с разреженным или сгущенным воздухом, камеры, насыщенные каким-либо эфиром…».

(«Нарыдавшись вдоволь, Коровьев отлепился, наконец, от стенки и вымолвил: — Нет, не могу больше! Пойду, приму триста капель эфирной валерьянки!» И далее: «Пойду, забудусь сном!»).

Обратите внимание: у Стругацких — «бойцовый Кот его высочества, курсант третьего курса Особой столичной школы», булгаковский мастер — «трижды романтический», в ефремовском «Часе Быка» — Святилище Трех Шагов… В «Туманности Андромеды» появляется «Школа третьего цикла»: «Веда Конг и Эвда Наль приехали в час занятий и медленно шли по кольцевому коридору, обегавшему учебные комнаты, развернутые по периметру круглого здания». Не напоминает ли это мельни-ковский проект «сонного города»? Ефремов настойчив: «Круглый зал в центре здания собрал все население школьного городка».

19. БАРЗАК— БАРСКАЯ РОЩА — БАРВИХА?

В 1936 году журнал «Пионер» напечатал сказку Л.Лагина «Старик Хоттабыч». «Кому из наших читателей не случалось видеть такие сны, когда ты ясно отдаешь себе отчет, что все это происходит с тобой не наяву, — пишет Лагин. — Большое удовольствие — видеть такой сон: опасности тебе нипочем, самые головоломные подвиги ты совершаешь легко и всегда в высшей мере удачно. А главное, ты знаешь, что придет время, и ты живой и невредимый проснешься на своей кровати». Неспроста «авиаконструктор» и «комбриг» Волька Костыльков (во второй главе он командует воображаемой бригадой) предусмотрел в своем ковре-гидросамолете три койки.

В том году страной овладел психоз шпиономании, искусно подогреваемый в канун Большой Чистки. Зависть и смутные подозрения вызывал странным особняк в Кривоарбатском переулке, а также его гости — люди явно непролетарского обличья. Следовало опасаться и некоторых слабостей хозяина, вполне извинительных в другой ситуации. Мельников считал себя гением, и это многих раздражало. Какой-нибудь особо проницательный товарищ мог припомнить странный проект тридцатого года и задуматься: нет дыма без огня! Очень симптоматична статья Р.Хигера в журнале «Советская архитектура» за 1935 год. Он резко

критиковал проект «спального города» и мельниковскую идею управления сном, — упирая на то, что проектировщику «совершенно не важно, что в науке эта проблема не поставлена и не решена даже в незначительной степени».

Словом, есть основания полагать, что в середине тридцатых Школе пора было перемещаться в другое место. Следы «переезда» можно увидеть и в булгаковском романе — в той главе, где говорится о судьбе «служащих филиала». Их увезли на грузовиках в загадочную клинику Стравинского (заметьте: Ивана тоже доставил грузовик!). В ранних рукописях это место называлось Барзак, затем — Барская роща. В окончательном тексте топоним вообще отсутствует. Но Булгаков дает ориентиры — реку и бор: грузовик проезжает мимо них, возвращаясь в город, и то же самое Иван видит за окном палаты. В полдень открыли шторы, в палату «хлынуло солнце», — это означает, что окно выходит на юг. Стало быть, сама клиника расположена к северу от Москвы.

Еще одна примета — невиданный комфорт «психушки»: не «дом скорби», а правительственный санаторий! Особенно впечатляет описание клиники в рукописи 1936 года: «В здании было триста совершенно изолированных одиночных палат, причем каждая имела отдельную ванную и уборную. Этого, действительно, нигде в мире не было, и приезжающих в Союз иностранцев специально возили в Барскую рощу». Единственный похожий топоним — «Барвиха», всем известный правительственный клинический санаторий. Его спроектировал архитектор Борис Иофан — друг Бартини и единственный человек, знавший «красного барона» еще до приезда в СССР — с 1920 года. Первый спальный корпус строили с 1931 по 1936 год. А 18 ноября 1939 года в «Барвиху» поступает пациент с диагнозом «гипертонический нефросклероз» — Михаил Афанасьевич Булгаков. Месяц интенсивнейшего лечения дал результат — смерть согласилась подождать.

Обратите внимание: в клинике Иван встречает «мастера» и при этом вспоминает про санаторий — как говорится, ни к селу ни к городу. Герои Лагина, летевшие на ковре-самолете, приземляются в роскошном санатории и сразу встречают… бурового мастера — в «первом спальном корпусе»! К тому же вдоль этажей первого спального корпуса «Барвихи» тянутся ленты общих балконов — точь в точь как в булгаковской клинике!

20. «СТАЛЬНАЯ ПТИЦА»

В первой половине шестидесятых годов в творчестве молодого, но очень популярного писателя Василия Аксенова произошел заметный сдвиг. Он отмечен аллегорической повестью «Стальная Птица» — ненапечатанной, но ходившей в «самиздате». Сюжет таков: в 1948 году в Москву возвращается необыкновенный человек по фамилии Попенков. Он и был Стальной Птицей — в своем настоящем облике: «…и все-таки я убежден, что перед нами не homo sapiens, а обыкновенный стальной самолет». Эти слова произносит врач, рассматривающий рентгеновские снимки Попенкова. Но многозначительный абсурд продолжается: на консилиум приглашают Туполева. Знаменитый конструктор уточняет диагноз: «Нет, это не окончательный самолет, хотя и имеет много общих черт с истребителем-перехватчиком».

Странное существо незаметно входит в жизнь обитателей старого арбатского (!) дома и беспощадно рушит его. Население переезжает в новое прекрасное здание. («И увидел я новое небо и новую землю…»). Это не просто аллегория, а самый настоящий шифр, скрывающий историю о втором пришествии Иисуса.. Автор без конца повторяет, что Стальная Птица — «спаситель». Библейскому Сыну Божьему «негде преклонить голову» — та же ситуация у аксеновского «спасителя». Он появляется в арбатском дворе с двумя авоськами в руках: в одной — рыба, известный символ Иисуса, в другой — мясо, истекающее кровью. Жертвенное?.. Но Аксенов намекает и на что-то конкретное, известное самому автору и его ближайшему окружению. Кто имел прямое отношение к стальным самолетам? Кто работал в шараге с Туполевым? Кто проектировал ракетный перехватчик? Кто приехал в Москву из Таганрога в 1948 году?

В 50-60 годы Бартини поддерживал тесные связи с учеными двух крупнейших научных центров — Дубны и новосибирского Академгородка. Увидеть его вклад в тогдашнее кипение идей нам поможет повесть Василия Аксенова «Золотая наша Железка» (1973). В этом тексте не

раз упомянута магия и каббала, а среди персонажей присутствует старый алхимик (он же — иностранный физик с мировым именем). Да и само название повести ясно указывает на трансмутацию неблагородного металла в золото.

Легко заметить, что в «Железке…» воспроизводится сюжет «Стальной птицы»: некто Мемозов, — существо с фантастическими возможностями — появляется в сибирском научном центре Пихты, озонирует творческую атмосферу и производит великое сотрясение ученых мозгов. Это его функция. «Я сплю, и вы суть мое сновидение, — объясняет Мемозов. — Есть только я, одинокий и великий очаг энергии, и вы во мне, как мои антиперсонажи, как моя собственность, и я делаю с вами, что хочу».

Фамилия героя начинается с «мем», — эта древнееврейская буква в каббале соответствует миру сна и иллюзии, царству мистической воды — «маим». Не забыта и грибная тема: муссируется слух о том, что Мемозов торговал в Москве волнушками, а главное действо разворачивается вокруг институтского кафе «Волна». («Мем» — вода!) Этого достаточно, чтобы увидеть «ресторан Грибоедова», действующий в одном из советских «академгородков». По примеру старших товарищей писатель дублирует намек: аксеновский «Воланд» продает волнушки на несуществующем Терентьевском рынке, а директора научного центра зовут Терентием.

21. «СТРАНА ДАЛА СТАЛЬНЫЕ РУКИ — КРЫЛЬЯ…»

Зачатый при свете Сверхновой древний великан Ра-Мег — возможно, это аллегория божественного рождения. «Звездный мальчик». И первое, что сделал бартиниевский герой — научил людей добывать и обрабатывать металл. Между тем, это занятие напрямую связано с именем булгаковского мага: Воланд — чудесный кузнец, полузабытый цивилизатор Северной Европы. Мало того: древнегерманский Воланд оказался конструктором и пилотом! А прототип «иностранного консультанта» внедрял сталь в авиастроение. Вот что пишет об этом И.Чутко: «Так было и со сваркой хромомолибденовой и нержавеющей сталей. Бартини и инженер Сергей Михайлович Попов разработали для этого свою технологию».

…Скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» всемирно прославилась на Парижской выставке 1937 года. Чуть позже она появилась на мосфильмовской заставке: стальные гиганты возникают из тьмы, разворачиваются, — и всякий раз зрители испытывают какое-то непонятное волнение.

Известно, что Вера Ивановна Мухина трудилась над знаменитым монументом вместе с авиационными инженерами-технологами. В их числе был и С.Попов, работавший над стальными самолетами Бартини. Пустотелые фигуры, сваренные из выколоченных по модели миллиметровых листов «нержавейки», изнутри держит мощный каркас из хромомолибденовой стали — технология, впервые отработанная на бартиниевской «Сталь-6». Бартинн изобрел для этого специальный сварочный станок. А советский павильон, послуживший постаментом для нержавеющей пары, проектировал уже знакомый нам архитектор Б.Иофан. Он нашел очень интересное решение: здание павильона выстроено в виде лестницы, по которой поднимаются стальные гиганты. Первые ступени — широкие и низкие, последние — узкие и крутые. Кривая, проведенная по касательной к уступам и острию серпа, точно накладывается на бартиниевский график ускорения.

В 1934 году Мухина предлагала построить сорокаметровый маяк в виде фигуры водолаза с огненными иллюминаторами шлема — в Балаклавской бухте. Через полгода после ареста Бартини она лепит «Икара» — крылатого юношу, падающего в море. А этот факт приводится во всех книгах о Мухиной: в 1912 году они с подругой путешествуют по Италии в сопровождении двух итальянцев, с которыми познакомились в Париже.

Не странно ли: спустя сорок лет Вера Ивановна в беседах со своими биографами неизменно вспоминает старого учителя физики и его сына-гимназиста! Фамилия у итальянских друзей очень интересная: Бертини. В другой книге — Бортини… Может быть, кто-то из биографов плохо расслышал? Но в третьей книге о творчестве Мухиной гимназист оказывается не сыном, а братом учителя, да и самому почтенному мэтру всего тридцать лет!

Нельзя ли предположить, что именно Бартини был истинным вдохновителем знаменитой

скульптуры? Автором идеи и эскиза первого варианта Вера Мухина называла Иофана, но сам Борис Михайлович на этот счет загадочно отмалчивался. После смерти Бартини в его бумагах было обнаружено немало архитектурных набросков. Среди них есть эскиз башни, похожей на Останкинскую и полусферический зал с колонной-постаментом, на которой обнаженная женщина держит над головой большой блестящий шар.

Свой ли эскиз предложил Мухиной Иофан? Выполненная в гипсе модель несколько отличалась от окончательного варианта — главным образом, тем, что «пролетарий» не имел фартука и штанов. В таком странном виде скульптура была показана комиссии из ЦК. «Наденьте мужику штаны!» — приказал Молотов. В тот вечер художественная элита столицы давилась смешком: Молотов — молотобойцу!.. «Отметился» и Булгаков: «Штаны коту не полагаются, мессир, — с большим достоинством отвечал кот, — уж не прикажете ли вы мне надеть и сапоги?» А кто попрекает кота отсутствием штанов? Мессир Воланд, — сидевший, как вы помните, в одной ночной сорочке!..

Кому же на самом деле «не полагается» человеческая одежда? Вера Ивановна Мухина рассказывала своему биографу, что на цековских «смотринах» первого варианта скульптуры кто-то высказал странное предположение: это один из Сыновей Божьих и земная женщина из шестой главы Бытия! Но скорее всего никакого эрудита не было (тридцать шестой год все-таки!), — просто Мухина указала на две неравные части библейского человечества.

«Боги, боги мои!» — повторяет Булгаков, — с маленькой буквы и во множественном числе. Цепь инкарнаций тянется за каждым «исполином» — череда великих магов, царей, философов, поэтов, религиозных реформаторов, авантюристов, народных вождей, ученых и конструкторов.

22. ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

Особого внимания требуют мелкие, но запоминающиеся подробности, которые повторяются у разных авторов. Перед сеансом магии в Варьете мелькнул «бледный от пудры рассказчик», а Бегемот напудрил золотой пудрой усы. Тави Тум из «Блистающего мира» разыгрывает вокруг пудры целую сцену. «Пудра „Рашель“ золотистого цвета» появляется в первой главе «Двенадцати стульев», затем мы видим «девушек, осыпанных лиловой пудрой», в сцене отъезда на гастроли театра «Колумб» вспоминают пьесу со странным названием «Порошок идеологии», а в следующей главе мелькнул еще более загадочный «ракетный порошок». Даже Хоттабыч свел волькину бороду каким-то порошком серого цвета! Прибавьте сюда «Аэлиту» (яйцевидный космический аппарат приводится в движение взрывчатым порошком), повесть М.Булгакова «Роковые яйца», а также «нехорошую квартиру» в «Мастере…», которая принадлежит вдове ювелира Фужере — явный намек на Фаберже и его знаменитые пасхальные яйца. На двери ювелиршиной спальни, в которой поселился Воланд. мы видим «огромнейшую сургучную печать». Порошок, яйцо и печать.

Все объясняется просто: в большинстве трактатов Философский Камень назывался «пудрой проекции» и описывался как порошок серого или темно-красного цвета. Он вызревает в Философском Яйце, — особом сосуде, опечатанном так называемой «печатью Соломона». Неспроста упомянут и громадный камин: Философское Яйцо называли «фурнус секретус» — «тайная печь». Вот что говорит Бегемот о романе мастера: «Главная линия этого опуса ясна мне насквозь». Opus Magnus — «Великое Делание»!

А зачем летят на Венеру герои «Страны багровых туч»? Цель экспедиции — разведка богатейшего месторождения радиоактивных руд, названного Урановой Голкондой. Но «уранос» — «небо», Голконда — библейский город, в котором Соломон хранил свои драгоценные камни, а первооткрыватель венерианской Голконды почему-то заинтересовался порошком розовато-серого цвета, про который сказано, что на земле он «давно известен». По-видимому, это и есть главный секрет повести — Философский Камень, созревший на «Тайном Огне» венерианских вулканов под «печатью Соломона».

Герой «Улитки на склоне» видит статуэтку Венеры, читает запись «пудру Але» (алая пудра?) и становится директором Управления. Посыпан пудрой и парик Демиурга из «Отягощенных злом». Не идет ли речь о «пудре проекции»? А что еще может означать странная

обязанность, возложенная на секретаря Демиурга: он должен тщательно собирать пыль, брикетировать ее и сдавать под расписку!

«Золотое Руно», полученное Бендером — символ окончания Великого Делания. Награда. Не означает ли это, что Бартини — человек, ставший прототипом тайного героя Ильфа и Петрова — владел Философским Камнем? Вспомните «Стальную птицу» Аксенова, полную намеков на Бартини: алхимики, получившие Камень, именовали себя Птицами, Адептами или Мастерами. МАСТЕР — прочитали мы, сложив буквенные индексы самолетов Бартини. Но оказалось, что в архиве Минавиапрома сохранился еще один бартиниевский проект — Ф-57.

Мастер Ф.?

А теперь вернемся в Париж 1912 года: юная Вера Мухина знакомится с отцом и сыном (или все-таки братья?) Бертини (Бортини?) и до самой смерти помнит об этой встрече. В 1937 году Мухина снова едет в Париж — для авторского надзора за монтажом гигантской статуи, — и виновником этого события оказывается Иофан — друг Бартини!

В середине августа 1937 года, в канун Дня Воздушного флота, Бартини шел со своим замом М. Бондарюком с Большой Ордынки. Возле ГУМа он раскланялся с какой-то женщиной. Когда отошли подальше, барон сказал: «Жена начальника военной разведки». Этот маленький эпизод подтверждает, что Бартини был хорошо знаком с комиссаром 2-го ранга Яном Берзиным. Известно также, что муж Мухиной — доктор Алексей Замков — был домашним врачом Берзиных. В тридцать пятом году именно ему доверили проводить медицинское освидетельствование всех нелегалов, отправляемых за границу Разведупром. Сам Берзин весной и летом тридцать седьмого года несколько раз посетил Париж, где руководил работой своих людей на Всемирной выставке и переброской в Испанию советских военных.

Для строительства павильона и монтажа гигантской статуи в Париж выезжала группа инженеров и рабочих. Возможно, конструктор был включен в нее стараниями Берзина — под другой фамилией. Казневский писал (со слов З.Б.Ценциппера), что летом 1937 года Бартини несколько недель отсутствовал в Москве, из-за чего срывался график работ по доводке самолета «Сталь-7». Время было тревожное, люди нервничали… А незадолго до ареста на столе главного конструктора видели бюллетень Парижской выставки.

Иофан построил для молодого барона виллу в окрестностях Рима — явочную квартиру коммунистов. Но членство Бартини в итальянской компартии — дело темное: «красный барон» не значился в списках ни под одним известным нам именем — Бартини, Орос, Орожди и Формах, — и мы вправе усомниться насчет конспиративной виллы под Римом. А вот у булгаковского иностранца вилла была, — правда, во Франции. Коровьев говорит управдому: «Если бы вы видели, какая у него вилла в Ницце! Да будущим летом, как поедете за границу, нарочно заезжайте посмотреть — ахнете!»

Эта загадочная фраза появилась в тридцать шестом году, — значит, управдом должен был посетить Францию летом тридцать седьмого. А в последней главе романа «вилла» была подарена влюбленным — вместе с советом мастеру «сидеть над ретортой».

23. МАСТЕР Ф.

«Сначала по ртутной глади проходит легкая зыбь. Затем на поверхности возникает танцующий голубой блик и слышится шорох, напоминающий шипение морской пены, сопровождающийся острым запахом гниющих водорослей. Ртуть волнуется и бьется о стенки реторты, отбрасывая зеленые, синие и оранжевые тени. Затем субстанция начинает сильно бурлить, уподобляясь алой львиной гриве. Через час процесс заканчивается, — золотая масса, редкая по красоте радужных переливов, застывает».

Так описывается классический опыт трансмутации — алхимическое превращение ртути в золото. Вспомните «Территорию» Олега Куваева: вместе с золотом геологи открывают целую гору из киновари — ртутной руды. В «Туманности Андромеды» находят золотого коня, но первый рассказ Ефремова («Озеро Горных Духов», 1944) рассказывает про открытие огромного месторождения ртути. То же самое мы видим у АТрина: золото — в «Золотой цепи», а в «Бегущей по волнам» один горожанин разбогател, обнаружив на своем участке ртутное месторождение. И в толстовском «Гиперболоиде инженера Гарина» из недр Земли полилось

золото, растворенное в ртути. Но самым откровенным оказался «атоновец» А.Полещук (1923-1979). В 1959 году он издал свою первую повесть — «Великое Делание или Удивительные приключения доктора Меканикуса и его собаки Альмы». Она заканчивается приездом в СССР потомка знаменитого алхимика древности.

Если в 1923 году в Советской России появился человек, обладающий поразительными знаниями и способностями, — значит, в каком-то другом месте он должен был исчезнуть. Но историки европейской алхимии могут назвать лишь два-три имени знатоков «Королевского Искусства», живших в первой половине XX века. Плюс один псевдоним — «Мастер Фулканелли», — принадлежавший единственному алхимику, получившему Философский Камень. Псевдоним выбран не случайно: слово «вулкан» — один из полдюжины алхимических символов, обозначающих процесс нагревания. В 1922 году этот Адепт жил в Париже, но затем бесследно исчез. А несколько лет спустя были напечатаны две его книги — «Тайны готических соборов и эзотерическая интерпретация герметических символов Великого Делания» (1926) и «Философские приюты и герметический символизм в их соотношении со Священным Искусством и эзотеризмом Великого Делания» (1930). Эти труды достаточно известны и, по мнению людей сведущих, стоят в одном ряду со знаменитыми трактатами Космополита, Филалета и Бернара Тревизанского. Они изданы его учеником Эженом Канселье, — единственным человеком, знавшим Адепта под этим именем. В предисловии к первому изданию «Тайн готических соборов…» Канселье писал, что после 1922 года Учитель «достиг вершины познания», а затем исчез. «Если бы я приобщился к знаниям, которые дали этому Адепту возможность презреть суету нашего мира, то, что касается меня лично, я бы поступил так же, как и он, несмотря на горечь неизбежного расставания». И далее: «Действие этого божественного огня целиком источает старого человека. Имя, семья, родина, все иллюзии, все заблуждения, все тщеславие — все обращается в прах. И из этого пепла, как поэтический феникс, возрождается новая личность». Этот абзац выделен курсивом. Можно догадаться, что Канселье говорит не о возрасте, а о превращении «старого человека» в «новую личность». Кроме того, в предисловии дважды упомянуты некие «Гелиопольские Братья», которые благодарны Адепту. Возможно, речь идет о первых учениках школы «Атон»: Гелиополь (Иуну) был центром культа Ра, чей Атон — Солнце.

О происхождении Адепта ничего не известно. Фамилия явно итальянская, но с таким же успехом этот человек мог быть французом, немцем, поляком или русским. Его называли «новым Сен-Жерменом». Писали даже, что под именем Фулканелли скрывается принц, имеющий право на престолы нескольких европейских монархий — бывших и нынешних. «Маленький принц»?

…В конце жизни Антуан де Сент-Экзюпери пишет сказку о принце-волшебнике, прилетевшем с планеты трех вулканов. Не намекает ли он на знакомство с Фулканелли? Все биографы писателя особо выделяют парижский период — 1920-21 годы — «время внутреннего созревания» и увлечения Платоном. Товарищи насмешливо звали его «Тонио-лунатик». Тогда же Сент-Экзюпери принимает решение стать летчиком и берет частные уроки пилотирования. В это же время в Париже происходит другое событие — генерал Картье расшифровывает автобиографию Ф.Бэкона. А через год после того, как Фулканелли «презрел суету нашего мира», в Петроград прибыл конструктор и пилот Роберто Бартини. Первым приезд барона «отметил» Грин, сделав Бартини прототипом летающего Друда в «Блистающем мире» (1923). Цирковой псевдоним Друда — «Человек Двойной Звезды». Сравните это с загадочной фразой Фулканелли, которую приводит его ученик в предисловии к «Тайне готических соборов» (русский перевод — 1996 г.): «Наша звезда — единственная, но, однако, она двойная. Умейте различать реальную звезду и ее отражение и вы заметите, что она светит гораздо ярче днем, чем в полной тьме». Становятся понятными ртуть и золото, обнаруженные в книгах «Атона» — начало и конец, превращение Меркурия в Красного Льва. Именно этот путь избрал Фулканелли. После его исчезновения было найдено письмо неизвестному Учителю, в котором Фулканелли утверждает еретическую для всякого алхимика мысль: «Тот, кто может совершить Делание с помощью одного лишь Меркурия, нашел наиболее совершенное, то есть обрел свет и совершил Магистериум».

Свет — не только аллегория. Адепт называет его верным знаком завершения Делания:

сосуд «становится светящимся, подобно солнцу». Вспомним булгаковскую Маргариту, живущую в готическом особняке: ее кожа засветилась от крема из золотой коробочки Азазелло, а в полете она разбивает «освещенный» знак. В том же ряду — необыкновенный свет, который обрушился на Маргариту в начале бала («мессир не любит электрический свет»!). Яростный свет пылает в чреве толстовского гиперболоида, светится радиоактивный металл М, добытый из вулкана. Свет Фулканелли… Не потому ли летательный аппарат Друда (настоящее имя — Гора) сравнивается с «помпейским светильником»? Помпея — вулкан — Фулканелли? Нельзя не вспомнить и «альтер эго» Хоттабыча — циркового мага с «русско-итальянской» фамилией Сидорелли, — а также волковскую девочку Элли — алхимическое дитя «Изумрудной Скрижали».

24. «РУССКИЙ В ИТАЛИИ»

Мать отдала грудного ребенка в приют и утопилась в реке. В раннем детстве мальчик стал проявлять некоторые странности. Затем его взял на воспитание барон по имени Бартоломеус. Неожиданно для себя барон оказался родным отцом подкидыша и открыл в нем магические способности, передающиеся по наследству. Когда отец умер, юноша осознал свое таинственное предназначение…

Это не биография барона ди Бартини, а сюжет знаменитого романа Густава Майринка, написанного в 1921 году — в то время, когда Бартини жил в Италии. К тому же «Белый доминиканец» стал первым литературным произведением, в котором прямо и открыто говорится о преображении человека как истинной цели алхимии. Вместе с титулом к герою переходит звание потомственного городского фонарщика и членство в «цепи» — в каком-то сверхмогущественном ордене, действующем во всей обитаемой вселенной. О целях этого сообщества говорит имя барона — Христофор: так звали легендарного великана, перенесшего через реку младенца Иисуса. В конце романа герой переживает трансмутацию, схожую с той, что описал Канселье: «Все тленное во мне выжжено и в таинстве смерти превращено в пламя жизни». В предисловии к следующему роману — «Ангел западного окна» — Майринк пишет: «Я говорю… не о той сугубо практической алхимии, которая занята единственно превращением неблагородных металлов в золото, а о том сокровенном искусстве королей, которое трансмутирует самого человека, его темную, тленную природу, в вечное, светоносное, уже никогда не теряющее сознание своего Я существо».

Предположим, что прототипом майринковского Христофора стал барон Роберто ди Бартини, известный на Западе под псевдонимом Фулкансллн. В 1921 году Адепт заканчивает «Тайны готических соборов». Эта книга рассказывает об этапах Великого Делания, зашифрованных в архитектурных деталях и скульптурах католических церквей. Наряду с алхимическими символами Фул-канелли выделяет знаки древних египетских мистерий. Главный из них — анх (crux ansata): «…Форма больших религиозных сооружений Средневековья, с присоединенной к хорам полукруглой или эллиптической абсидой, скорее напоминает другой символ — египетский анх… Герметический эквивалент анха — эмблема Венеры». Но особое внимание Фулканелли обращает на статуи Св.Христофора. Именно этому святому должен уподобиться алхимик, желающий получить Камень и найти в себе духовное золото. «Сколько чудесных вещей мы откроем, если научимся тщательно разбирать слова, разбивать оболочку и высвобождать истинный смысл, божественный смысл, который они в себе заключают».

Христофор Манцев — истинный вдохновитель событий, описанных в «Гиперболоиде инженера Гарина», — взбирается на вулкан. Исследуя вулканические газы, он выделяет металл М — очень радиоактивный. но совершенно не задействованный в сюжете. После взрыва химических заводов вся компания собирается на яхте Роллинга, стоящей на неаполитанском рейде. Почему А.Толстой выбрал именно этот порт? «На востоке поднимались испарения еще невидимой земли, и стоял пепельный столб дыма над Везувием». В «Стране багровых туч» планетолет совершает посадку в кратере гигантского вулкана, чтобы установить там маяк. В «Туманности Андромеды» с вершины величайшего в мире вулкана Кения уходит луч передачи по Великому Кольцу, а заведующий станциями Кольца находит золотого коня в подводном

гроте андезитового островка (андезит, как сказано в ефремовском примечании — вулканическая порода). В романе булгаковского друга Леонида Леонова мы видим гравюру, изображающую «извержение Крокотау 1883 года» — непосредственно перед появлением ангела Дымкова. (Дымков — и дым над кратером!) Следующая глава начинается описанием сновидения, которое посетило старофедосеевского попа: «Глаз не оторвать, сеанс длился дольше обычного и заключался в том, что внезапно на бывших Воробьевых горах открылась огнедышащая дыра, по церковному волкан, переполошившая столицу, почти как тот самый Крокотау, в рамочке над комодом, но чуть послабже. Уже над ним летают дежурные аэропланы, безуспешно кидая в прорву тушительный порошок…». «Пудра проекции»? Не упустите и намек на Воланда («волкан» — на Воробьевых горах!). Вспомните также громадный золотой портсигар иностранного профессора: в рукописи тридцать седьмого года вместо бриллиантового треугольника "…на крышке его сверкнула синим и белым светом алмазная буква "F"". Мастер Ф.?

Воланд хромает, а его ногу натирают черной жижей, — «горячей, как лава». Не вспоминается ли здесь Вулкан — хромой бог-кузнец древних римлян, «списанный» с греческого Гефеста? Кроме того, в «Илиаде» мы встречаем Гефеста в кратере вулкана, — там находится его кузница. Не случайно воландоподобного персонажа из «Отягощенных злом» чаще всего именуют Гефестом и Кузнецом. Его помощник носит странный портфель, — клокочущий подземным огнем, извергающий столбы вонючего дыма. Вулкан? А чего стоит эта восточная цветистость с комментарием в скобках: «Сам Пророк незадолго до смерти говорил о Раххале как о человеке, зубы которого в огне превзойдут гору Оход. (Видимо, Оход был вулканом, и странную эту фразу надо понимать в том смысле, что, когда Раххаль будет гореть в аду, зубы его запылают пламенем вулканическим)».

Одной из лучших вещей Стругацких знатоки считают «Улитку на склоне». На склоне чего?.. Обратите внимание на эпиграф повести: «Тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи…». Фудзияма — вулкан! Откроем «Двенадцать стульев»: что снилось О.Бендеру в ночь после судьбоносной встречи с «господином из Парижа»? «Остап видел вулкан Фудзияму…». Вряд ли это случайная деталь: в начале «Золотого теленка» герой снова видит Фудзияму — в кабинете председателя исполкома! Бендер в газоубежище: «Из его горла вырвались вулканические раскаты». При посещении Бендером старгородского дома престарелых случилось веселое извержение огнетушителя — красного конуса. Незадолго до того проснулся громкоговоритель: «В трубе послышался страшный рокот. Не то это были громовые аплодисменты, не то начали работать подземные вулканы». Какое интересное сочетание: труба и вулканы! Затем, как вы помните, Остап отправился к архивариусу. «Живем как на вулкане», — образно выразился гражданин Коробейников. Описание рассвета на Волге: «На востоке распускались розовые бутоны. … Бутоны превратились в вулканы и принялись извергать лаву наилучших кондитерских красок». Воробьянинов после очередной неудачи: «За ночь на щеке огорченного до крайности Ипполита Матвеевича выскочил вулканический прыщ».

Не забудем, что искателей бриллиантов было трое. Отец Федор готовился к путешествию очень своеобразно: «Выложив на пол лежавшие сверху книги: комплект журнала „Русский паломник“ за 1903 год, толстеннейшую „Историю раскола“ и брошюрку „Русский в Италии“, на обложке которой отпечатан был курящийся Везувий…».

25. ХОЛОДНЫЙ ОГОНЬ

Допустим, что Бартини и Фулканелли — это один и тот же человек, приехавший в Россию под видом итальянского революционера. В начале осени двадцать третьего года Бартини встречался с Берзиным. Вскоре Берзин направляет на длительную нелегальную работу в Америку изобретателя Льва Термена. Там он налаживает производство своего любимого детища — терменвокса, — электромузыкального аппарата, очень популярного в двадцатые и тридцатые годы. А летом тридцать седьмого Термен приезжает на Всемирную выставку.

(Есть ли связь между этими людьми и событиями? Обратите внимание: электромузыкальный аппарат Термен изобрел до 1923 года. Этим годом датирован роман «Блистающий мир», а его герой дружил со смотрителем маяка, придумавшим «машину для

услаждения слуха»).

В Америке Термен становится миллионером, покупает небоскреб и завязывает контакты с промышленниками, инженерами и учеными. В числе его близких друзей был Альберт Эйнштейн. В 1937 году Термен показал в Париже новые модели терменвокса, затем свернул все свои дела, продал имущество и вернулся в Союз. Почему? Очевидно, он посчитал свою задачу выполненной.

Термен встретился с Бартини в туполевской шараге — в тридцать девятом. По странной случайности там оказываются еще два человека, знакомые с Эйнштейном — профессор Ю.Б.Румер и Карл Сцилард, брат бартиниевского одноклассника Лео Сциларда. В августе того же года Лео неожиданно приходит к Эйнштейну и убеждает его в необходимости создания атомной бомбы. Так появилось первое из знаменитых писем Эйнштейна Рузвельту, ставших спусковым крючком ядерной гонки. А что подтолкнуло Сталина?

Официальные историки убеждены в том, что главную роль сыграли письма физика Г.Флерова, предлагавшего начать разработку урановой бомбы. Но они оставались без ответа, пока не вмешался всемогущий случай: в 1942 году под Таганрогом была найдена полевая сумка убитого немецкого офицера, в которой лежала тетрадь с расчетами по цепной реакции в уране-235. А в конце января 1943 года в Москве узнали о крупном успехе американцев: под руководством Энрико Ферми осуществлена первая в мире управляемая цепная реакция. Это сообщение окончательно убедило вождя, и 11 февраля он подписал постановление об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Возглавил проект Лаврентий Берия.

Но вот что интересно: первая информация о запуске американского реактора поступила от бартиниевского друга Бруно Понтекорво — ближайшего сотрудника Энрико Ферми. В середине 30-х годов молодой итальянский физик начал сотрудничать с советской разведкой. Затем он уехал во Францию, а в 1938 году убедил своего учителя эмигрировать в США. После атомной бомбардировки Японии Понтекорво переслал в Москву полный комплект чертежей плутониевой бомбы — той, что сбросили на Нагасаки. В 1950 году он чудом избежал ареста, был тайно вывезен в Советский Союз, получил лабораторию в Дубне и звание академика.

…Вернемся в тридцать седьмой год. В конце мая в Париж прилетает Сент-Экзюпери. Всего три месяца назад пилот получил страховку, купил одномоторный «Симун» и установил прямую связь между Дакаром и Томбукту (Мали). Тем неожиданнее было его решение оставить новую трассу. Своим парижским друзьям он говорит очень странные вещи — о грядущей мировой войне, о ракетах и реактивных самолетах.

В июне Сент-Экзюпери едет корреспондентом в Испанию, а в августе посещает Германию. Тем же летом А.Толстой переделывает «Гиперболоид инженера Гарина» — роман о смертоносных лучах. Вместо эпиграфа автор посчитал своим долгом сообщить об этом читателям: «Этот роман написан в 1926-1927 годах. Переработан. со включением новых глав, в 1937 году». Радиоактивный металл М, добытый из вулкана — одно из таких «включений». Не на эти ли «лучи смерчи» намекает Толстой? Нельзя не вспомнить и «лучевую» главу, исчезнувшую из канонического издания «Двенадцати стульев».

Радиоактивность играет важную роль в произведениях бар-тиниевских «школьников». В аксеновском романе «Золотая наша Железка» ученые ищут неуловимую частицу «Дабль-ю». Тайные надежды связывают ее с преображением человека: «Ночью где-нибудь в уголке твоего организма может пройти какая-нибудь случайная реакция, и ты проснешься Светофором Колумбом, Френсисом Ветчиной или братьями Черепановыми…». (Ветчина — бекон).

В «Звездных кораблях» Ефремов дважды повторяет мысль о том, что излучение урановых руд подстегнуло эволюцию живых организмов. Ускорение мутации. То же самое можно увидеть в «Лезвии бритвы»: галлюцинации вызывают не только снадобья из грибов, но и таинственное излучение серых кристаллов. Могучий луч уничтожает расстояния в «Туманности Андромеды», и там же мы видим космодром под названием «Аризонская радиоактивная пустыня». Герои «Страны багровых туч» летят осваивать урановое месторождение на Венере. Планета с ужасающим радиационным фоном показана и в «Обитаемом острове» — там, где герой жарит на огне ядовитые грибы. А в эпилоге лагинской сказки маг Хоттабыч и Волька всерьез увлекаются радиотехникой: магия и радиация?

В повести Стругацких «Хищные вещи века» радиоактивности нет, зато радиоприемнику отведена очень важная и неожиданная роль. В нем скрыт один из двух компонентов сверхмощного галлюциногена. Все сделано просто: репеллент (вещество, отпугивающее кровососущих) плюс маленькое усовершенствование радиоприемника. Неподготовленные люди быстро теряют человеческий облик и умирают от нервного истощения: они не в силах отказаться от ошеломляющих ощущений и удивительных способностей, от безраздельного владычества над иллюзорными мирами. Или — не иллюзорными?..

В «Граде обреченном» некий Наставник перебрасывает молодого астронома из Ленинграда 1951 года в виртуальный мир. смоделированный по образу и подобию земного. Радиации здесь тоже нет, но эпиграфом к роману взяты две строчки из катаевского «Радиожирафа». К тому же один из персонажей получил фамилию Румер (физик Ю.Румер — друг Бартини), а другой назван Гейгером. Счетчик Гейгера?

На планете Саракш лучевая мутация породила расу голованов — разумных собак («Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер»). Один из тамошних гуманоидов — Колдун — получил магические способности чрезвычайной силы. Даже появление люденов в «Волнах…» явилось следствием «какой-то древней мутации». Но особенно откровенна последняя повесть А-Ярославцева (А.Стругацкого) — «Дьявол среди людей». Ее герой — обыкновенный человек по фамилии Волошин, — обретает магическую мощь после возвращения из Чернобыля. А вот чем он занимался: «И Ким все два месяца проработал бульдозеристом: то ли забивал там какой-то тоннель, то ли, напротив, тоннель расчищал».

Не является ли подобная мутация результатом целенаправленной деятельности высших сил? Ответ скрыт в двух строчках: «…затем пришло и двадцать шестое апреля 86-го года. Господь посетил нашу страну, и совершилась страшная трагедия Полынь-города». В конце повести один незначительный персонаж говорит о ста сорока тысячах избранных — «искупленных от земли» — из Откровения Иоанна Богослова.

В романе С.Витицкого (Б.Стругацкого) «Поиск предназначения» есть эпизод, в котором радиация прямо связывается с магией: в том районе, где герои производили раскопки, имеются «залегания урановой смолки». Местность называлась Мугиан — «Магия», «Колдовство» и «Страна Чудес», а раскапывали археологи «Крепость магов».

26. «ЭТО — ДУХ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В ВЕЩАХ»

«Многие из алхимиков заблуждаются, потому что они не знают расположение огня, который есть ключ Делания». Эти слова написал знаменитый Адепт Раймонд Луллий.

…Новый вариант «Гиперболоида…» появился сразу после публикации «Золотого ключика». Не связан ли светящийся в темноте радиоактивный «металл М» с судьбой деревянного человечка? Вспомните: сначала Буратино хотят сжечь в очаге, а затем посылают к папе Карло — в огонь нарисованного очага, о котором Буратино рассказал Карабасу. И Булгакову зачем-то понадобилась такая деталь: ярко горящий камин в спальне Воланда совершенно не греет. Холодный огонь — «золотой ключ» алхимических трактатов? «Розовый кометный огонь рвался из высоких труб силикатных заводов», — пишут «сатирики» Ильф и Петров. Труба и розовый огонь.

Мы уже отмечали, что все розовое в таких книгах очень значимо. Почему, например, после бала лапы булгаковского Бегемота были «в розовом креме»? Ассоциативная цепочка: крем — кремация — огонь. «Розовый огонь»? «Дом Грибоедова» (сгоревший!) был кремового цвета, а «общежитие студентов-химиков имени монаха Бертольда Шварца», в котором поселился «пожарный инспектор» Бендер со своим компаньоном — розовое. Роза и крест.

Корейко беседует с швейцаром «Геркулеса» о кремации, «кожу на лице Воланда навеки сжег загар», Маргарита «обожжена» кремом Азазелло, — тело ее «загорелось», кожа «налилась ровным розовым цветом». К тому же она живет в кремовом особняке, улетает с мастером из горящего дома, перед встречей с Азазелло слышит разговор о кремации… И совершенно ясно, что речь идет об алхимической трансмутации посредством «тайного огня». На туфлях Маргариты мы видим стальные пряжки, про Азазелло сказано, что он «летел, блистая сталью»,

Воланд опирается на шпагу, как на трость. На шпагу опирается и житель планеты трех вулканов — Маленький принц с рисунка Экзюпери. Все объясняется просто: «тайный огонь» алхимики именовали «нашей сталью» и «Вулканом».

В начале XX века радиацию называли «черным светом» — даже в научных трудах (в этом нетрудно убедиться на примере работ французского физика Гюстава Лебона). А историки науки доказали, что монаха Бертольда Шварца — алхимика и изобретателя пороха — никогда не было. Между тем, об этом давно писали мистики: «Бертольд Шварц» — это «черный свет», самый таинственный реагент алхимического процесса. Другой перевод — «темное пламя» («тайный огонь»).

В «Часе Быка» есть звездолет «Темное пламя». Стругацкие как-то чересчур восхищаются кремовым (огненным?) костюмом Вечеровского. К тому же в «Миллиарде…» присутствует странный и никак не объясненный эпизод: кремовый костюм обгорел, а у квартиры был «такой вид, словно здесь взорвался картуз черного пороха». По легенде порох взорвался в келье монаха-алхимика, — значит, Фил Вечеровский и есть символический «Бертольд Шварц» — хранитель «темного пламени», на котором производится отжиг «филиусов».

Все без исключения алхимические сочинения говорят о том, что «тайный огонь» никоим образом не похож на обычный и абсолютно необходим для приготовления Камня. Вот как описывает его Фулканелли: «Этот огонь или эта пылающая вода — жизненная искра, вложенная Создателем в инертную материю, это — дух, заключенный в вещах, вечный огненный луч внутри темной, бесформенной, холодной субстанции. Здесь мы соприкасаемся с самой великой тайной Делания». (Друд — «луч в темную воду»!) Далее Адепт сетует на то, что не вправе выразиться яснее.

«Средневековые алхимики не могли знать о радиации!» — возразит скептик. Но много ли мы знаем о средних веках, — не говоря уж о временах более отдаленных? Не так давно на Кольском полуострове был обнаружен ритуальный комплекс, включающий сооружения явно астрономического характера. Это, по-видимому, самый древний объект такого рода: по предварительным оценкам, ему не менее двадцати тысяч лет! Он найден неподалеку от того места, где А.Барченко исследовал пещеру, защищенную от незваных гостей очень болезненным эффектом — с человека словно сдирали кожу. Пещеру, кстати, тоже искали, но не нашли. Возможно, об этом позаботился сам Барченко или люди из ГПУ, помогавшие снарядить его экспедицию.

Не связан ли древний посвятительный центр со странной пещерой и с крупным месторождением урановой смолки, разведанным здесь в пятидесятые годы?

…По данным российской медстатистики, за десять лет, предшествовавших прекращению ядерных испытаний, частота мутаций возросла вдвое. Проводились специальные исследования интеллектуальных способностей детей, подвергшихся облучению в материнском чреве — в России, Белоруссии и Украине. Был сделан осторожный вывод: «Не представляется возможным сделать окончательное заключение о связи между увеличением числа детей с умственной отсталостью и фактором воздействия ионизирующей радиации». Случаи усиления интеллекта по понятным причинам не изучались.

27. «ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ КО ВСЕЛЕННОЙ»

Радиофизик Фредерико Содди — нобелевский лауреат 1921 года — стал известен благодаря своим исследованиям урана и радия. Он же впервые объяснил природу изотопов. Но незадолго до смерти Содди писал о том, что все открытия в ядерной физике были инспирированы тайными обществами, хранившими знания древних цивилизаций. Значит, мысль о превращении урана в радий была ему подсказана?

Следующая цепочка открытий началась в конце 1937 года и привела к овладению ядерной энергией. Не появился ли снова «Гермес XX столетия»? Сказка о мальчике, прилетевшем с планеты трех вулканов, намекает не только на легендарного Фулканелли, но и на крохотную планету Гермес, открытую в 1937 году. О беседе с Фулканелли, состоявшейся летом тридцать седьмого, рассказал физик Жак Бержье в книге «Утро магов». В то время он был сотрудником

парижской лаборатории ядерных исследований, которую возглавлял профессор Андрэ Гейльброннер — один из создателей физической химии. Первые успехи обнадеживали: искусственную радиоактивность обнаружили в момент, когда висмутовая проволока, помещенная в дейтерий, испарилась от мощного электрического разряда.

Фулканелли поздравил ученых, но предупредил о грозной опасности, которую таит в себе освобожденная энергия атомного ядра. «Алхимики знают это уже давно», — сказал он и добавил, что «расщепить ядро легче, чем вы думаете». «Геометрического расположения сверхчистых веществ достаточно для того, чтобы развязать атомные силы без использования электричества и вакуума».

Сегодня даже старшеклассник сообразит: Фулканелли говорил про атомный реактор! Но в те годы никто не знал о том, что, выложив в определенном порядке слои «сверхчистых веществ» — урана и графита — можно вызвать цепную реакцию деления ядер. Остается поверить: «алхимики знают это уже давно». Бержье спросил своего собеседника о сущности алхимии, — добавив, что, как ученый, он не может относиться к этому предмету серьезно. Вот ответ Фулканелли:

«Вы просите меня дать четырехминутный обзор четырехтысячелетней философии и работы всей моей жизни. Более того, вы просите меня облечь в слова понятия, для которых словесных объяснений просто не существует. Могу только сказать: пусть вас не удивляет, что в современной официальной науке возрастает роль наблюдателя. Относительность и принцип неопределенности показывают, что тонкие процессы подвержены воздействию наблюдателя. Секрет алхимии в том, что существует такой способ манипулирования материей и энергией, при котором возникает то, что современная наука называет силовым полем. Оно воздействует на наблюдателя и ставит его в привилегированное положение по отношению ко Вселенной. Оттуда он получает доступ к реальностям, которые пространство и время, материя и энергия обычно от нас скрывают. Вот что мы называем Великим Деланием».

О Философском Камне и получении золота: «Это только следствия применения принципа, его частные случаи. Существенным является не превращение металлов, а преображение самого исследователя. Это древний секрет, открываемый в каждом веке немногими посвященными».

Вскоре после войны с Бержье встретился американский майор из группы «Алсос», созданной для поиска атомных секретов побежденной Германии. Майора интересовало: знаком ли Бержье с человеком по фамилии Фулканелли? Очевидно, в тридцать седьмом году Адепт успел побеседовать еще с несколькими заинтересованными лицами. Это дало определенные результаты: в начале 1938 года немецкие физики О.Ган и Ф.Штрассман открыли способ деления атомного ядра урана — бомбардировкой нейтронами. В августе 1939 года атомной проблемой заинтересовалось военное руководство Германии. Почему же Германия не получила бомбу? Вспомните загадочные слова Бартини — об усилиях, которые требуются для сохранения мирового равновесия.

Чтобы направить человечество к Луне, лучшие умы ядерной физики оказались за океаном, а немецкие работы были активизированы ровно настолько, чтобы стать пугалом для двух сверхдержав — США и СССР. Лишь один европейский физик оставался опасен по обе стороны Атлантики — молодой и фантастически талантливый Этторе Майорана, первым разгадавший структуру атомного ядра. В начале тридцать восьмого года он имитировал самоубийство и бесследно исчез.

…Первый атомный взрыв был произведен 16 июля 1945 года в 5 часов 29 минут 45 секунд в Тринити-Сайт, штат Нью-Мексика. Вот как описывает это событие один из очевидцев: «Световой эффект смело можно назвать невиданным, прекрасным, ошеломляющим, ужасающим… Он не поддается воображению. Все было озарено опаляющим огнем, который по яркости во много раз превосходил свет полуденного солнца. Огонь был золотистым, багровым, фиолетовым, серым и голубым. Каждый близлежащий горный кряж, каждая вершина и каждая расселина были ярко освещены и неописуемо красивы. Вообразить подобное невозможно, это надо увидеть. О такой красоте лишь мечтают великие поэты, не будучи в силах ее описать».

«Мир никогда не будет таким, как прежде», — сказал Роберт Оппенгеймер, научный руководитель «Манхеттэнского проекта».

…Люди из «Алсос» искали следы Фулканелли в Западной Европе. Знал ли об этих

поисках сам Бартини? Среди его книг, хранящихся в Научно-мемориальном музее Н.Е.Жуковского, нам попалась небольшая брошюра американского профессора Самюэля Гоудсмита — "Миссия «Алсос».

28. «САМАЯ МОГУЧАЯ ИЗ МИРОВЫХ СИЛ»

«Красный барон» проявлял повышенный интерес к ядерным делам, особенно к работам по физической химии. Об этом свидетельствует и его библиотека: несколько соответствующих книг густо испещрены карандашными пометками — синими и красными. Профессора К.Станюковича всегда удивляло, что барон был в курсе новейших исследований — наших и зарубежных. Например, после первого испытания водородной бомбы биофизик Тимофеев-Ресовский познакомил его с результатами, полученными при воздействии жесткого излучения на биологические объекты разной степени сложности. Именно тогда он услышал от Бартини поразительные слова — о том, что ядерные взрывы проделывают бреши в пространстве-времени. На Землю устремляются клочья ноосфер из чудовищно далеких миров, вызывающие волны необъяснимых психических аберраций. «Потому, что наша Вселенная похожа на коммуналку…».

Фулканелли говорит, что излучение благотворно действует на некоторых людей — ставит их «в привилегированное положение по отношению ко Вселенной». То же самое происходит в «Цепи»: Ра-Мег был зачат в тот момент, когда сквозь материнское чрево прошло космическое излучение — тяжелые мезоны. Следствием этого стали необыкновенные свойства, сохранившиеся у всей цепи его потомков. В другом эпизоде Ра-Мег смотрит на огромное бревно и вдруг понимает, что сам он одновременно существует в разных местах. Бартини пишет, что во сне эти миры можно посещать — «двигаться в покое». Бревно, деревянный цилиндр… Возможно, это еще один намек на Тоннель. Он не виден обитателям физического мира. но каким-то образом отражается в нем. А на бартиниевской картине, иллюстрирующей этот эпизод «Цепи», желтый комель бревна отражается в реке.

(Фулканелли: «Умейте различать реальную звезду и ее отражение»).

Цилиндр, столб или колонна символизируют один из аспектов Камня — способность мгновенно перемещаться. В «Золотом теленке» директор музея с гордостью демонстрирует Бендеру и Корейко маленький камень. «Здесь будет стоять обелиск, — сказал он значительно. — Колонна марксизма». То же самое подсказывает леоновская «Пирамида»: героиня, желая продать секрет колонны с «запасным выходом» в другие места и времена. почему-то говорит о… камне! Это несколько запутывает предполагаемого покупателя, но затем выясняется, что «камень только приступка, над которой и помещается самая дверь».

Колонна и камень — символы Двери?

«Здесь я живу — и на самых далеких звездах», — пишет Бартини в «Цепи». Одно из свойств шестимерного мира — эквивалентность всех точек гиперсферы, разрешающая перемещение в пространстве и времени. Что мы иногда и проделываем — во сне… Путешествует лишь «легкая фракция», находящаяся «в привилегированном положении», — это показано в «Маленьком принце», «Мастере и Маргарите», «Граде обреченном» и во множестве других подобных книг. Но если «преображение самого исследователя» достигается воздействием радиации, то при чем здесь грибы? Возможно очень простое объяснение: грибы — рекордсмены по абсорбции тяжелых металлов. Эти низшие растения могли служить живыми дозаторами «тайного огня».

В «Аэлите» летающие машины марсиан работают на энергии распада какого-то серебристого металла, похожего на порошкообразный уран. Порошок служит топливом и для космического аппарата землян. А что двигало яйцевидными звездолетами толстовских атлантов, завоевавших Марс? «В то же время было сделано изумительное открытие — найдена возможность мгновенно освобождать жизненную силу, дремлющую в семенах растений. Эта сила — гремучая, огненно-холодная материя, — освобождаясь, устремлялась в пространство. Были построены огромные летающие корабли, приводимые в движение этой силой». (Алхимия, растение, «холодный огонь» радиации и космический полет!) А.Толстой несколько раз повторяет, что атланты поклонялись Спящей Голове Негра. Их жрецы учили, что «в человеке

дремлет самая могучая из мировых сил». А в «Гиперболоиде…» мы видим Шайтан-камень, возле которого люди Петра Петровича Гарина (греч. имя «Петр» — «камень»!) обнаружили вулканолога Манцева — настоящего изобретателя аппарата. «Это была огромная глыба в форме человеческой головы, окутанная клубами пара. У ее подножия из земли била, пульсируя, струя горячей воды. С незапамятных времен люди, оставившие путевые знаки на скалах, купались в этом источнике, восстанавливающем силы. Это была та самая „живая вода“, которую в сказках приносил ворон, — вода, богатая радиоактивными солями».

(«Черная голова» по-татарски — «кара бас»).

«Голова ворона», «черная голова», «нигредо», «черное покрывало», «разложение» и «смерть первовещества» — разные имена первой стадии Великого Делания. Если соединить эти намеки, получится следующее: радиоактивное вещество, выделенное из какого-то растения, освобождает силу, способную перебросить астральное тело человека в другой мир.

В «Аэлите» говорится о том, что полет происходит «за гранью смерти»: в момент старта у космических путешественников даже останавливается сердце! «Под лучом, навзничь, лежал Гусев, — зубы оскалены, стеклянные глаза вышли из орбит». Мертвый сон? Это подтверждает первая глава «Туманности…», — если ее понимать метафорически. Звездолет со спящим экипажем летит к планете, погибшей от радиоактивного заражения. На ней вымерли все формы жизни, кроме черных маков: связь радиации и сна? Особо подчеркнуто, что для этих растений радиоактивная мутация оказалась исключительно удачной, и они укрыли черным ковром всю планету. «Черное покрывало»? Все говорит о том, что перед нами чистая аллегория: на обратном пути земляне посещают «черную планету» звезды спектрального класса Т (распятие). Там они сталкиваются с «черным крестом», парализующим человека, и обнаруживают колоссальный диск, прилетевший с планеты, на которой мы видим «странные грибовидные сооружения».

В «Часе Быка» Ефремов пытается выразить словами ощущения, которые переживает астральный путешественник: «И вдруг все погасло. Чувство провала, падения в бездну без опоры и спасения придавило гаснущее сознание Чеди. Несказанно мучительное ощущение внутреннего нервного взрыва заставило ее кричать надрывно и бессмысленно. На самом деле Чеди лишь беззвучно шевелила губами. Ей казалось что все ее существо испаряется, точно капля воды. Потом ледяной холод сковал ее в глубине той бездны, куда она падала без конца…».

…"В доме Отца Моего обителей много", — сказал Иисус. Через шестнадцать столетий то же самое осмелился утверждать монах Джордано Бруно: «Я считаю недостойным Божественной милости и силы, чтобы всемогущий Бог, который во власти сотворить, помимо этого мира, еще и другие многие миры, сотворил только один конечный мир. И поэтому я признаю, что существует бесконечное множество миров, подобных нашей Земле…».

Как нераскаявшийся еретик, Бруно был лишен духовного сана, отлучен от церкви и сожжен на площади Цветов. Но в конце XX века планетные системы были обнаружены у десятка звезд, а в 1999 году новозеландский астроном Филипп Йок объявил об открытии первой планеты земного типа — в самом центре Млечного Пути.

29. «ПОЯВИЛАСЬ СТЕНА С ДЫРОЙ…»

В уже упомянутом рассказе «Фанданго» соединились Петроград и Зурбаган — реальность и вымысел — единственный раз в творчестве А.Грина. Так же причудливо переплелись времена и пространства: когда Каур, отсутствовавший полчаса, вернулся в город, там прошло два года и четыре месяца. Окружающие ничего не заметили: все это время в Петрограде оставался ничего не подозревающий двойник. Он даже успел жениться, — и герой каким-то образом унаследовал память обо всем, что случилось без него.

Но многозначительная история с рыбой и рестораном подсказывает, что никакого скачка в будущее не было. Произошла рокировка душ: через астральный мир Зурбагана «тонкое тело» Каура перебросили в другой — «параллельный» — Петроград, а его тамошний дублет занял место героя. На виду оставлено еще одно доказательство: в той стране, откуда прибыл Каур, нэп объявили в январе двадцать первого года — за два месяца до нашего Кронштадтского

мятежа и X съезда ВКП(б)!

(«Здесь я живу — и на самых далеких звездах…»).

…В начале семидесятых годов «мистический» андеграунд в США был увлечен «Путешествиями вне тела» — книгой Роберта Монро, журналиста и пилота-любителя. Автор обнаружил в себе способность к внетелесному перемещению в загадочные области, которые он назвал Локал II и Локал III (чтобы отличить от земного Локала I). По описанию второго мира можно понять, что речь идет об астрале. А вот третий…

"Локал III, в общем и целом, оказался физически-материальным миром, почти идентичным нашему. Природная среда — та же самая. Там есть деревья, города, люди, предметы и все прочее, присущее достаточно цивилизованному обществу. Имеются жилища, семьи, бизнес, люди работают, чтобы обеспечить себя. Есть дороги, по которым ездят машины. Есть и железные дороги с поездами. Теперь что касается «почти». Поначалу я думал, что Локал III — просто какая-то часть нашего мира, неизвестная как мне, так и другим. Такое именно впечатление она производила.

Однако более тщательный анализ показал, что это не может быть ни настоящим, ни прошлым нашего физически-материального мира. Техническое развитие — причудливое. Совершенно нет электрических приборов. Электричество, электромагнетизм и все, с ними связанное, отсутствует. Нет электрического света, телефона, радио, телевидения, электрической энергии. Не удалось обнаружить ни двигателей внутреннего сгорания, ни бензина или нефти в качестве источника энергии. Вместо них используется механическая энергия. Внимательный осмотр локомотива, тащившего состав из старомодного вида пассажирских вагонов, показал, что он приводится в движение паровым двигателем".

(Рефлекторная реакция среднего американца — поиск чего-нибудь «присущего достаточно цивилизованному обществу». Но этот бесхитростный геоцентризм убеждает в правдивости автора).

«Мне довелось в деталях наблюдать обслуживание одного из локомотивов. Ни дрова, ни уголь для получения пара не применялись. Вместо этого из-под парового котла осторожно выкатывали похожие на баки контейнеры, отсоединяли их и увозили на маленькой тележке в здание с толстыми массивными стенами. В верхней части контейнеров имелись трубкообразные выступы. Люди, выполнявшие эту операцию, работали с сугубой осторожностью, за особыми экранами».

Атомный паровоз?!

«Обычаи и порядки отличаются от наших. Те немногие сведения, которые удалось собрать, позволяют сделать вывод, что историческое прошлое там иное — с иными событиями, именами, местами и датами. Хотя люди (по крайней мере сознание воспринимает их как людей) этого мира, по-видимому, находятся на той же стадии эволюции, что и мы, техническое и социальное развитие не вполне совпадает с нашим».

А эти строки объясняют то, что описано в «Фанданго»: "Самое большое открытие ждало меня, когда, осмелев, я начал совершать длительные экспедиции в Локал III. Вопреки первоначальным данным, тамошние обитатели не подозревали о моем присутствии, пока я не встретился и не «слился» с неким человеком, которого я могу охарактеризовать только как мое второе "Я", живущее там. Единственное объяснение, которое приходит мне в голову, сводится к следующему: полностью осознавая себя живущим и существующим «здесь», я оказался притянутым к очень похожему на меня человеку «того мира» и стал на непродолжительное время вселяться в его тело. Когда это случалось, а это стало происходить автоматически каждый раз, когда я отправлялся в Локал III, я попросту брал себе его тело. При этом, когда я временно замещал его, его ментальное присутствие не ощущалось".

Способ, которым овладел Р.Монро, чрезвычайно прост: выход из тела в астрал и прохождение через какую-то дыру в стене, которая всегда рядом — где бы человек ни находился. Вот, например, запись из дневника, датированная 18 ноября 1958 года: «Вибрации — сильные, больше ничего. Снова решил попробовать вращение — сработало, и я медленно повернулся на 180 градусов. Появилась стена с дырой, за ней — тьма…».

30. «МОЕ ТЕЛО СЛИШКОМ ТЯЖЕЛОЕ»

Мы предположили, что «человеческие» планеты нашей Вселенной связывает незримая линия доставки — Тоннель. На шахматных досках этих миров сражаются две команды Игроков — «междупланетный шахматный конгресс», о котором говорил О.Бендер. Король, переодевшийся шутом, может безбоязненно выдавать тайны своего королевства: «Ангелам теперь хочется на землю. На земле хорошо, там коммунальные услуги, там есть планетарий, можно посмотреть звезды в сопровождении антирелигиозной лекции».

Остап Бендер — рыцарь в «зеленых доспехах», вечный странник с астролябией, путешествующий по звездам. В конце «Золотого теленка» междупланетный рыцарь несколько раз жалуется, что на него давит атмосферный столб. А вот как зашифрован «живой звездолет» в «Туманности Андромеды»:

"Вертикально стоявший на растопыренных упорах звездолет имел в себе что-то человекообразное. Может быть, это впечатление создавал круглый шар носовой части, увенчанный острым колпаком и светящий сигнальными огнями, как глазами. Или ребристые рассекатели центральной контейнерной части корабля, похожие на наплечники рыцарских лат?

Звездолет высился на своих упорах, словно растопыривший ноги исполин, презрительно и самоуверенно взиравший поверх толпы людей".

Очень откровенно: библейский «исполин», сверхчеловек, космический рыцарь! Чтобы описать старт «живого звездолета», Иван Антонович находит такие слова: «Башня огня превратилась в колонну, вытянулась длинным столбом, затем сделалась ослепительно яркой линией». Башня, колонна, длинный столб, линия — к звездам!..

Еще раз прочитайте наоборот имя прогрессора-шамана у Стругацких — Шуштулетидоводус. Бартини пишет «Цепь», золотую цепь носит Бам-Гран из «Фанданго», а герой «Золотой цепи» видит ее обвитую вокруг золотистого столба (кадуцей — жезл мага!), переживает опасные приключения и становится штурманом. Иначе говоря — судоводителем… Что имел в виду Александр Грин? Многое станет понятным, если вспомнить, что старшим «посвятителем» Сандро был некий Дюрок — «профессиональный шахматный игрок».

Цепь «параллельных» Земель?

«Мое тело слишком тяжелое, — объяснял Маленький принц. — Мне его не унести». Для удобства Игроков на каждой из планет должны быть устроены «пункты проката». Возможно, на Земле существует целая сеть космических «отелей», — это позволяет воплощаться, не рождаясь. «Господин Мозес, которого вы видете. это скафандр. Господин Мозес, которого вы слышите, это трансляционное устройство», — так говорил про свое земное обличье один из героев Стругацких — пришелец «…может быть, с Венеры, может быть, из другой планетной системы, может быть, из соседствующего пространства». Повесть называется "Отель «У Погибшего Альпиниста».

(Друд живет в гостинице «Рим», «Гиперболоид…» начинается в гостинице «Мажестик». Воланд поселился в гостиной ювелирши. В булгаковском романе упоминаются московский «Метрополь» и ленинградская «Астория»).

О чем-то подобном догадывались всегда: стоит только припомнить великое множество историй про заколдованные пещеры, а также бесчисленные мифы о рождении богов в пещерах — от Зевса до золотоголового Митры. По апокрифическому «Евангелию Фомы» в пещере родился Иисус. Легендарные государи и пророки выходили из пещер или, напротив, скрывались там, — чтобы вернуться через многие века. В Тибете и сегодня бытуют легенды о таинственных пещерах с тысячами тел, находящихся в анабиотическом состоянии — «сомати». Любопытное совпадение: анабиоз описан в «Туманности Андромеды», и там же рассказывается о мгновенном перемещении в мир. похожий на Землю — в главе «Тибетский опыт».

Хозяин улетает, и в освободившуюся оболочку может вселиться какой-нибудь далекий гость. Это очень древняя аллегория — тело как жилище души. Булгаков использует ее. разыграв веселую сцену-притчу: заселение «иностранного гостя» в квартиру Лиходеева и перелет прежнего хозяина в Ялту. «Филиусы» забыли о собственном бессмертии и полностью отождествили себя с «жилищем»: «квартирный вопрос только испортил их». «Интурист» Воланд напоминает, что в этом мире человек транзитен, и тело его — не квартира, а гостиничный номер.

В ершалаимских видениях Ивана Бездомного несколько раз возникает «страшная Антониева башня». В древнем Иерусалиме действительно была башня, названная в честь римского императора Антония, и в ней хранилось праздничное облачение иудейского первосвященника. Словом, «платяной шкаф»… Не случайно в рукописи тридцать четвертого года в вестибюле гостиницы «Метрополь» продается парчовое одеяние священника, а в каноническом тексте появляйся церковное облачение в гостиной квартиры №50. Нам остается сопоставить священные одеяния с «ночной сорочкой» Воланда — хитоном Иешуа, — и с маленьким эпизодом в Ленинграде: «…Римский обнаружен в номере четыреста двенадцатом гостиницы „Астория“, в четвертом этаже, рядом с номером, где останавливался заведующий репертуаром одного из московских театров…».

Странное уточнение, не правда ли? Булгакову зачем-то нужно было в связи с Римским упомянуть безымянного «заведующего репертуаром», тоже приехавшего из Москвы. Абзацем ниже — еще одна многозначительная деталь: «Обнаруженный в платяном шкафу чегыреста двенадцатого номера „Астории“ Римский…». Не намекает ли писатель на итальянца Бартини — «заведующего репертуаром» феодосийского маяка? Бартини действительно жил в гостинице «Астория», — но не в питерской, а в феодосийской, — как и многие другие участники коктебельских планерных слетов 20-30-х годов.

«Красный барон» — «первосвященник» и хранитель «платяного шкафа»?

В гостиной квартиры №50 «входящего охватывала какая-то погребная сырость». Там же мы видим «пещеру» — «громадный камин», из которого появляются знаменитые покойники. В конце бала по квартире «потек запах склепа». «Пещеры смерти» есть и в ершалаимской части романа: Низа зовет обреченного Иуду в грот, а Левий Матвей «прятался в пещере на северном склоне Лысого Черепа». И далее: «Голое тело Иешуа Га-Ноцри было с ним». Затем тела казненных были тайно похоронены «в пустынном ущелье, к северу от Ершалаима». К северу от Москвы расположена клиника Стравинского, в которой «скончался» мастер и получил покой обезумевший Иван.

«Сомати» — это, в сущности, временная смерть. В эпилоге говорится о том, что хозяйку и домработницу похитили из особняка, а мастера — из клиники. Но ранее утверждалось, что Маргарита и ее возлюбленный умерли. После бала Наташа попросила не возвращать ее в земной мир: «Ведь и мы хотим жить и летать!».

…В конце прошлого века физики выдвинули любопытную гипотезу: при определенных условиях создается проход для мгновенного перемещения в пространстве и времени. Такие условия могут возникнуть в «черной дыре». Но для переброски физического тела этот способ непригоден: малейшее возмущение гравитационного поля, — и «червоточина» захлопнется, став физической сингулярностью.

31. «ПЕРЕВОЗОЧНОЕ СРЕДСТВО»

Герои отправляются в странное путешествие, а их тела хранятся в «платяных шкафах». Возможно, такие пункты существуют на всех континентах Земли, кроме Антарктиды. Но место для устройства «межзвездной явки» должно удовлетворять очень противоречивым требованиям: не слишком большая удаленность от культурных центров, редкое и суеверное народонаселение, пересеченная местность. Желательно — с дурной славой…

«Едва ли не в самой чаще леса, в миле от дороги, под громадным деревом, засохшим от старости, вросла в землю покосившаяся изба…». Это вариант Стругацких («Трудно быть богом»). Очень удобно: база прогрессоров замаскирована под нехорошую лесную избушку. Рядом — дорога. Абзацем выше приведена такая подробность: «Здесь можно было встретить и… скрюченного в три погибели колдуна, собирающего тайные грибы для своих колдовских настоев, при помощи которых можно стать невидимым…». И далее: «Говорили, что в ненастные ночи идолы сами собой выкапываются из земли, выходят к дороге и подают знаки. И говорили еще, что изредка в мертвых окнах загорается нелюдской свет, раздаются звуки и дым из трубы идет столбом до самого неба».

Итого: грибы — настой — невидимость — труба — столб до неба — нелюдской свет… А лучшая охрана от любопытства населения — суеверный страх, усиленный мощным

психотронным воздействием. Не этим ли объясняется тайна пещеры, найденной экспедицией Барченко? Нечто подобное наблюдалось и в хакасской пещере, которую исследовали сотрудники академика В.Казначеева: приступы беспричинного ужаса выгоняли людей на поверхность. В это время аппаратура фиксировала мощные радиоимпульсы. Похожие чувства испытала и англичанка Джоан Грант, спустившаяся в одну из шотландских пещер: «Нечто — враждебное, непристойное человеческому, невидимое и в то же время достаточно тяжелое, чтобы я могла слышать весомую его поступь — пыталось меня догнать. Если бы это ему удалось, мне бы ничего не осталось, кроме смерти. Я пробежала триста с лишним метров, пока не пересекла невидимый барьер, за которым почувствовала себя в безопасности». (Д.Грант. «Время вне ума»). Еще одно свидетельство принадлежит альпинисту Петеру Даншэму: «Меня охватило дурное предчувствие, а через несколько мгновении осталось одно-единственное, всепроникающее желание — как можно бысгрее покинуть гору. Общее впечатление: кто-то властно толкает меня…».

Некоторые системы защиты не ограничиваются «общим впечатлением». В 1921 году «Феодосийская газета» писала о «колоссальном змее», замеченном у горы Карадаг, и о том, что на поимку гада отрядили роту красноармейцев. Жена М.Волошина переслала газетную вырезку Булгакову. — так появились «Роковые яйца».

…Обратите внимание на сходство двух персонажей «Мастера…» — Азазелло и Абадонны. На балу они сработали с подозрительной синхронностью: «Абадонна оказался перед бароном и на секунду снял свои очки. В тот же момент что-то сверкнуло в руках Азазелло…». Азазелло и Абадонна — нечто аллегорическое и двулико-единое. Этим объясняется и отсутствие Абадонны при отлете из Москвы: фигуры соединились, и рядом с Маргаритой скакал всадник, похожий на Азазелло, но без клыка, с белым липом и черными провалами глазниц, — как очки смертельно-бледного Абадонны. Очевидно, это одна из символических фигур, которыми молчаливо изъясняется с нами Булгаков — двойной знак, указывающий на истинную природу Воланда.

(Коровьев, к примеру — «переводчик». Он иллюстрирует еще одну функцию своего хозяина — переводить в другой мир. «Перевозочное средство». По ходу действия Воланд обращается в черных коней, в борова, в летающую машину и грача-шофера, — как серый волк в русской сказке. То же самое делает Хоттабыч, превращая волоски из своей бороды — иначе говоря, самого себя! — в различные виды транспорта).

Что же означает эта двоящаяся в глазах фигура? Заметьте: именно Азазелло пригласил Маргариту на бал и открыл ключом дверь «нехорошей квартиры». Он же «отравил» влюбленных в подвале и оживил их, — опять-таки пригласив на прогулку с Воландом. Но перед этим Азазелло удостоверился в том, что мастер умер в палате номер сто восемнадцать, а Маргарита — у себя в особняке. Что же произошло с физическими телами? Очевидно, их сохраняют в специальном месте: неспроста в эпилоге говорится о том, что пациент, Маргарита и ее домработница были похищены. Такова функция Азазелло-Абадонны: он «приглашает на прогулку» и хранит телесные оболочки тех, кто отправляется в таинственное странствие. Хранитель тел.

Подтверждение этой догадки мы обнаружили в рукописи 1937 года — там, где Воланд представляет Маргарите свою свиту: «Абадонна. Командир моих телохранителей, заместителем его является Азазелло». «Владыка телохранителей», — говорит о себе Хоттабыч. Вспомним и связку ключей у «неизвестного гостя» Ивана Бездомного: это очень древний мистический символ — два страшных ключа, открывающих двери в жизнь и смерть. Двуединое существо с итальянскими именами — Азазелло и Абадонна — живые ключи Воланда. Стража Ворот и Владыки Времени. Он — древнеримский ключарь Янус, двумя своими лицами обращенный к прошлому и будущему. В своем настоящем облике видится и леоновский «Воланд» — ангел Дымков («Пирамида»), хранитель чудесной колонны с дверью, открывающейся в другие миры: «…Самое наличие таинственной двери да еще связка ключей в руке позволяют приписать ему заведование запасным выходом к нам оттуда и наоборот».

«Иностранный профессор» преподает «зрелищно» — усыпляет учеников, «перевозит» их астральные тела в дальние миры и содержит в порядке «одежды кожаные». В общем, что-то вроде межзвездного туристического агентства. Не этим ли занимался барон Роберто Орос ди

Бартини? В детстве его называли «маленьким принцем Ро»: иероглифом «ро» древнеегипетские жрецы обозначали Врата Света — выход в Небесный Мир. Возможно, с «параллельных» планет пожелали вернуться не все ученики. Или — не должны были вернуться?.. Вероятно, земные тела невозвращенцев не оставались бесхозными, — их заселяли гости из дальних миров.

Наиболее опасный период — акклиматизация: планеты различаются в массе мелких и мельчайших деталей и условностей. Не на пустом же месте появилась удивительная версия КГБ о подмене настоящего Ефремова двойником: сорок томов документации, восьмилетний труд нескольких следователей — это не шутка! На Лубянке могли случайно угадать невероятную правду: в сорок втором году произошла таинственная рокировка, и у Бартини появился помощник. А через двадцать лет была создана так называемая «Школа Ефремова», объединившая большую часть советских фантастов — от вполне приличных авторов до откровенных графоманов. После смерти Ефремова это сообщество получило продолжение «вниз» — в бесчисленные «клубы любителей фантастики».

«Мы выслушивали повестку дня очередного собрания, — писал один из провинциальных фэн-активистов, — в которой обычно было обсуждение того или иного произведения, или доклад в честь юбилея какого-нибудь автора или сообщения из других КЛФ, а чаще всего все вместе, и еще многое другое…. По отдельности каждый из нас узнавал что-то одно, немногое о мире фантастики, а все эти кусочки складывались в могучий поток фантастической информации, под который мы с удовольствием подставляли свои головы. И всем нам было радостно и интересно… Среди нас были и рабочие, и инженеры, и студенты, и домохозяйки, и научные работники, и милиционеры… — все было так же, как и в большом государстве».

Ефремовское детище жило и процветало до 1984 года, — после чего у «большого государства» иссякло терпение, и оно разогнало КЛФы. Но свою задачу клубы выполнили: они не только втянули и профильтровали огромную массу людей, но и отвлекли внимание от настоящего улова.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. «ОТДЕЛИ ТОНКОЕ ОТ ГРУБОГО…»

— Простите меня, пожалуйста, — сказала Алиса очень вежливо, — но лучше я, наверное, не сумею объяснить. Во-первых, я сама никак ничего не пойму, а во-вторых, когда ты то большой, то маленький, то такой, то сякой, то этакий — все как-то путается, правда?

— Неправда! — ответил Червяк.

Л.Кэрролл, «Алиса в Стране Чудес».

1. «ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ ЛУНЫ»

«Истории для детей — лучшая форма того, о чем ты хочешь рассказать». — писал Клайв С. Льюис. Не случайно его герои выходили в другой мир через платяной шкаф! Когда маленькие читатели повзрослеют, и скрытые смыслы начнут пробиваться в их сознание, как трава сквозь асфальт, автора уже не будет. Никто ничего не подтвердит и не опровергнет.

Почему, к примеру, Сент-Экзюпери назвал своего золотоволосого героя Маленьким принцем? Отец принца — король. А золотые волосы — «генетический признак»: в алхимии, как и в астрологии, король и золото символизируют Солнце. Сын Солнца должен вернуться на Луну: «Ею отец — солнце, его мать — луна. Ветер носил его в своем чреве, земля — его кормилица…». Значит, «филиусы» должны вернуться на Луну — туда, где они родились? Это очень давняя мысль. В «Ветхом Завете», например, встречается утверждение, что Иегова — «Владыка Луны». Известны католические изображения Девы Марии, стоящей на лунном полумесяце. Полумесяц со звездой — символ мусульманских государств и… христианской Византии! Во второй книге Фулка-нелли цитируется большой отрывок из Сирано де Бержерака — очевидно, для лучшего понимания истинной цели алхимии:

«В ходе этих приготовлений я сделал также колесницу из очень легкого железа, и когда через несколько месяцев все приборы были мной закончены, я вошел на эту хитроумную

колесницу. Возможно, вы спросите меня, зачем все эти приготовления? Знайте, что Ангел сказал мне во сне, что если я хочу обрести „совершенную науку“, я должен подняться к миру Луны, где я и найду рай Адама, Древо Познания, и как только я вкушу его плод, моя душа просветится всеми истинами…».

«Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль», — сказала Маленькому принцу змея — «колечко цвета лунного луча». Он — «змееносец»: лунная змея «обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет».

На созвездие Змееносца указывали средневековые розенкрейцеры. Оно часто упоминается в «Сердце Змеи», в «Туманности Андромеды» и в «Часе Быка». Змея — символ планеты Торманс, и тормансианские высшие сановники называют себя «змееносцами». В булгаковском романс, как и в «Часе Быка», встречается множество змей: очередь в кассу Варьете — «змея длиною в километр», у рыбы в Торгсине — «кожа, похожая на змеиную», змею «пригрел на груди» Рюхин, Аннушка «выскользнула, как змея», у Поплавского от удара в глазах возникла «траурная змея»… А в первой главе Берлиоз видит Коровьева («в плечах узок, худ неимоверно» и «качался перед ним и влево и вправо»).

Воланд составляет астрологический гороскоп Берлиоза: «Вам отрежут голову!» Не указывает ли Булгаков на созвездие Змееносца — тринадцатый знак древнего зодиака, располагавшийся между Скорпионом и Стрельцом? Точнее — на альфу Змееносца, названную арабами Рас Альхаг — «Голова заклинателя змей»?.. Заседание не состоялось, двенадцать членов правления (знаки зодиака — управляющие!) не дождались тринадцатого.

Змееносец, Луна и Тоннель.

Булгаковский роман залит лунным светом, полон лунных столбов и дорог, а кульминация всего действия — «бал весеннего полнолуния». «И при луне мне нет покоя!» — говорит Пилат. Рядом с ним дважды возникает мраморная женская фигура. То же самое происходит на балу: «Маргариту установили на место». Кого же изображала (замещала, представляла, символизировала) Маргарита на балу полнолуния? Не ту ли «непомерной красоты женщину», которая появилась из лунного потока, заливающего спящего Ивана — в эпилоге романа? Обратите внимание на маленькую деталь: Наташа в полете обращается к хозяйке с просьбой, — «подбоченившись одной рукой, а другую простирая к луне»! Лунная богиня Диана?

(Многие булгаковеды видят прообраз Маргариты в «Блаженстве»: Аврора — девушка из будущего, возлюбленная инженера Рейна. Но в первых вариантах пьесы ее зовут Дианой и Луной!)

Римляне называли Диану «Матерью Мира», — не потому ли несметная толпа гостей бала полнолуния течет к Маргарите по громадной лестнице? «Вот в чем прелесть путешествия вверх по лестнице луны», — читаем мы в главе «Погребение». Лунная лестница — к Диане! Именно поэтому перед балом ее встречает Коровьев: корова была символом богини, а позолоченные коровьи рога украшали ее главный храм в Риме (Азазелло: «Мессир, мне больше нравится Рим!»). Гриневская героиня Тави Тум — избранница Друда — читает роман А.Дюма «Две Дианы». В «Хромой судьбе» Стругацких мы видим писателя Сорокина со своей подругой Ритой (мастер и Маргарита!). Герой его рукописи — тоже писатель — любит женщину, которую зовут… Диана! Очень прозрачно: булгаковская Маргарита — аллегорическая Диана.

Но самое интересное в рукописи Сорокина — странные существа-мутанты, обладающие сверхчеловеческой мощью. Они ушли с Земли в тот момент, когда в облаках открылось квадратное окно, в центре которого светила Луна. Лунная богиня и «запасной выход»?

Вернемся к булгаковскому роману:

«…кот полез в лунный столб…»,

«…столб воды выбросило почти до самой луны»,

«…серебрилась только узенькая дорожка от луны. По ней пробежала Маргарита…».

«Ровное гудение машины, летящей высоко над землей, убаюкивало Маргариту, а лунный свет ее приятно согревал».

Допустим, что наша догадка верна: наиболее благоприятный момент для входа в Тоннель — Луна, находящаяся в точке пересечения плоскостей зодиака и эклиптики. Обратите внимание на сцену, которой завершается бальная ночь: Воланд дарит Маргарите «золотую подковку» (полумесяц, астрологический символ Луны), и она завязывает подарок в узелок.

Точки пересечения плоскости эклиптики с орбитой Луны называются лунными узлами или «драконовыми точками».

В Варьете появляется женщина в халате с драконами. Летящая Маргарита видит дракона на луне. То же самое наблюдает Иван в эпилоге — перед тем, как во сне к нему приходит с луны «непомерной красоты женщина». Ориентир Тоннеля — «драконовая точка» в Змееносце?

…Юрий Кондратюк вспоминал: «Любопытно, что читаемые мною ранее фантастические романы Жюля Верна и Г.Уэллса не произвели на меня особого впечатления». А что же произвело? Роман Келлермана «Тоннель», рассказывающий о строительстве подводной трубы между Европой и Америкой. Гимназист Кондратюк прочитал эту книгу летом 1914 года и… «определил осуществимость вылета с Земли»!

2. «И ВОЗНИКАЕТ СВЕРХСОЗНАНИЕ…»

«Эволюционирующей частью органической жизни является человечество. И в нем есть своя эволюционирующая часть», — говорил Гурджиев. Это сверхчеловечество каким-то образом связано с Луной. В книге «Все и вся» он рассказывает о мифических лунных людях, — похожих на землян, но «сильных духом». «Они обладают чрезвычайной настойчивостью и способностью к работе», — сообщает Гурджиев и уточняет результат этой настойчивости: «Они „протуннелили“, так сказать, всю свою планету». А в первых главах сравниваются преимущества и недостатки некоторых звездолетов. Вот что пишет знаток тантрической магии о звездолете «системы Архангела Харитона»:

«В целом это великое изобретение состоит только из единственного цилиндра, напоминающего по форме обычный бочонок. Секрет этого цилиндра состоит в расположении материалов, из которых сделана его внутренняя сторона. Эти материалы расположены в определенном порядке и изолированы друг от друга посредством „янтаря“…».

«Живой звездолет»?

(О «туннельном городе» из янтарина писали Стругацкие. И о будках для индивидуальной телепортации, сделанных из того же материала… Янтарин — «фирменный знак» загадочной сверхцивилизации Странников).

Считается, что Гурджиев принес в Россию тантрическую практику изменения сознания — освобождение от земных оков путем слияния с Шакти, космической силой женского рода. Согласно «Тантрасаттве», эта энергия скрыта в самом человеке, она — «корень всякого существования, начало и конец миров». Тантристы говорят о символической змее Кундалини, свернувшейся у основания позвоночного столба, — ее нужно суметь поднять к макушке и выше.

Совершенно эпизодическая акушерка Кондалини промелькнула в булгаковском черновике 1930 года, — в набросках к главе «Было дело в Грибоедове». Позднее она стала Кандалаки, а затем вовсе исчезла. В «Лезвии бритвы» Ефремов пишет: «Когда освобожденная поднимается от крестца по всем чакрамам и достигает седьмого центра Тысячи лепестков, смыкаются женская и мужская ее половина, и возникает сверхсознание…». В «Туманности Андромеды» звездолет «Тантра» летит к радиоактивной планете. Командир Эрг Ноор полюбил астронавигатора по имени Низа. Низ позвоночника — местонахождение «женской» силы Кундалини, смертельно опасной для тех, кто ее потревожит. Символический Эрг Ноор (эрг — единица работы, а греч. «ноос» — «мысль»: работа мысли) победил и поднял Кундалини: «Эрг Ноор и Низа поднялись одновременно» — в круглую «голову» человекообразного звездолета! То же самое происходит в «Блистающем мире»: могучий Друд спасает любимую девушку и улетает с ней.

Бал Воланда также похож на тантрическос посвящение: Маргарита поднимается по огромной лестнице, соединяется со своим возлюбленным и улетает. А имя женщины, которая заманила под нож убийцы влюбленного Иуду — Низа! Московская «Низа» — Маргарита — словно заманивает мастера в кривой арбатский переулок: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!».

Мужская и женская силы соединились, и роман был дописан. Затем про мастера сказано,

что он «остолбенел»(!), и на него обрушился первобытный ужас странной душевной болезни. Но Маргарита-Кундалини поднимается все выше — пройдя через смерть, она спасает своего возлюбленного и отправляется с ним в загадочный полет. Похожий путь предлагает и даосская алхимия. Адепт должен привести в равновесие «ин» и «ян» — мужское и женское начала, — а также очистить сознание самосозерцанием и отрешенностью. Эту ступень пародируют Ильф и Петров. «Может, именно в этом искупление, очищение, великая жертва…», — думает Лоханкин, обладатель пудового тома «Мужчины и женщины». Лохань — даос, достигший наивысшего духовного развития. А вот какое объяснение мы нашли в «Аэлите»: «Солнечный луч падает на землю, погибает и воскресает в плод земли: вот основной закон жизни. Таково же движение мирового разума: нисхождение, жертвенная гибель и воскресение в плоть. Первоосновной грех — одиночество разума — может быть уничтожен грехопадением. Разум должен пасть в плоть и пройти через живые врата смерти. Эти врата — пол. Падение разума совершается силою полового влечения или Эроса».

Таков путь схождения на Землю «Сынов Неба» — воплощение высших существ в человеческие тела. Обратный процесс — освобождение «филиусов» от телесных оков — связан с радиацией и Луной: неспроста марсиане используют энергии распада вещества, а один из героев принимает Марс за Луну.

У Ефремова есть рассказ «Встреча над Тускаророй» (1944) — о «живой воде», добытой на большой глубине. Радиации там нет, но четверть века спустя автор признался, что имел в виду «проблему накопления тяжелой воды вне термического перемешивания на дне глубочайших океанических впадин». В том же сорок четвертом году появился еще один рассказ — «Обсерватория Нур-и-Дешт». Сюжет прост: в марте 1942 года раненый майор направляется в среднеазиатский санаторий, но по пути оказывается на раскопках древней обсерватории. Он влюбляется в аспирантку и помогает археологам сделать важное открытие: башня построена на месторождении урановой руды, а ее «эманации» оказывают целительное действие на тела и души людей.

Если в тексте зашифровано реальное событие, то особое значение приобретают даты. В марте 1942 года заболел сам Ефремов. Его коллега доктор Р.Геккер писал директору Палеонтологического института: «Иван Антонович лежит, будем надеяться, что все обойдется благополучно. Сыпной тиф, им самим определенный, врач сегодня отрицает. Диагноза не ставит. Налицо высокая, до 39,8-40(С, неспадающая температура в течении нескольких дней. Лежит пластом в каморке». Единственный симптом ефремовской болезни очень похож на то, что происходит с человеком при «поднятии Кундалини» — главным образом, это многодневный жар. Тот же симптом описывает Булгаков: от крема Азазелло тело Маргариты «загорелось». Особо отмечен признак окончания тантрической инициации — в ушах посвящаемого раздастся «крик петуха». «Маргарита, не раскрывая глаз, сделала глоток, и сладкий ток пробежал по ее жилам, в ушах начался звон. Ей показалось, что кричат оглушительные петухи».

3. «БУДЕТ ПАСТИ ИХ ЖЕЗЛОМ ЖЕЛЕЗНЫМ»

Алхимию называли «Королевским Искусством». Булгаков-ский «бал ста королей» — алхимическая женитьба мастера и его возлюбленной. Сын неизвестного короля — Маленький принц, «мальчик с золотыми волосами» — летает по звездам, а ефремовские звездолеты работают на фантастическом топливе, сделанном из золота.

«Проинтегрируем» знаки: человек, нашедший духовное золото в себе самом, превращается в сверхчеловека. Это золото понесет его к звездам. — как уносят влюбленных волшебные кони Воланда. «Коня потерял», — говорит Бегемот, вылезая из-под кровати. Он тоже аспект Воланда: Демиург разыскивает «филиусов» — блудных сыновей из знаменитой притчи Иисуса. Библейские «исполины» стали людьми, забыв свою истинную природу.

В «Туманности Андромеды» мы видим гигантскую статую — «каменное чудовище», оказавшееся золотым конем. Его находят мужчина и женщина, опустившиеся на дно с помощью тяжелых камней: «Химическая женитьба» и Философский Камень? Из золотого коня делают топливо для человекообразного звездолета — того самого, что «высился на своих

упорах, словно растопыривший ноги исполин».

Испытание космосом — тест на «филиусность»?

Про гриновского Друда сказано, что он «опекает» творческих людей, «обольщая их пейзажами неведомых нам планет». В повести Стругацких «Волны гасят ветер» у предполагаемого сверхчеловека проверяют реакцию на открытый космос. В «Попытке к бегству», с которой начинались «настоящие» Стругацкие, впервые появляется тема живого звездолета: "…"Корабль" был совсем молодой, ему не исполнилось и двух лет. Черные матовые его бока были абсолютно сухи и едва заметно колыхались".

Звездолет типа «турист» посещает землеподобную планету, а таинственный инициатор этого приключения назвался именем первого царя Израиля — Саул. Библейский Саул погиб в бою. Его тело было сожжено. Стругацкие повторяют этот сюжет: советский танкист Саул Репнин каким-то образом переносится в будущее, затем возвращается в XX век и погибает, а его мертвое тело отправляют в крематорий концлагеря. Но перед тем он символически указывает на своего преемника — командира звездолета. Таким неявным образом воспроизводится история воцарения библейского Давида — основателя царского рода, из которого впоследствии выйдет Иисус.

В Откровении Иоанна Богослова говорится, что немногим избранным дадут «одежды белые», и они станут помощниками самому Иисусу, сыну Давидову. Сравните с явлением Саула Репнина: «Из-за кустов появился высокий костлявый человек в широкой белой блузе и белых брюках». Затем он назван «человеком в белом» — три раза подряд. В одном ряду с Саулом стоит и прогрсссор Румата Эсторский («Трудно быть богом»): на отсталой планете он и впрямь кажется наместником Бога. «Эстор» — анаграмма слова «Сотер», по-гречески — «Спаситель». Но это «титул» Иисуса, — чье имя к тому же означает «Бог спасет»! А почему герои пьют «тягучее эсторское вино»? «Пейте, сие есть кровь Моя нового завета» — сказал Иисус ученикам во время Тайной Вечери.

Обещано, что второй раз Иисус придет как Искупитель. Известно и число подлежащих «искуплению от земли» — сто сорок четыре тысячи. «Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками, и будет пасти их жезлом железным».

Очевидно, это их функция — «соблюдение до конца» каких-то таинственных дел Иисуса. Победители сдают свой пост другим и переводятся с повышением на другие планеты — «искупаются от земли», становятся «управдомами» — пастухами «язычников». То есть, — неземных человечеств?.. Не случайно обладатель «нечеловеческого мозга» Вечеровский назван «лауреатом»: буквально — «увенчанный лаврами», то есть герой-победитель. «Пастух» говорит своему подопечному Малянову: «Вы здесь совсем ни при чем, бедные мои барашки!» «Очень следит за барашком» и Маленький принц, а в «Туманности Андромеды» никем не замеченная, «горела яркая звезда наблюдательной башни скотоводов».

«Междупланетный игрок» и «астронавигатор» О.Бендер (человек с астролябией) не устает повторять, что будет командовать парадом и ходить в белых штанах. Целеустремленный пройдоха Ильфа и Петрова несет свой незримый крест, и читательский смех следует за ним. «Вы судите по костюму? Никогда не делайте этого!..» — предупреждает нас «надувало» Коровьев. И верно: «На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотой цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом».

Подобно Иисусу, Бендер умер и вновь воскрес — в «Золотом теленке». «Комбинация укрепляется смертью», — говорят алхимики о начальной — «черной» — стадии трансмутации. Вместе с алхимическим золотом — Золотым Руном — великому комбинатору была дана и «власть над язычниками»: «Придется переквалифицироваться в управдомы».

Булгаковский Иван — тоже символический «пастух»: в конце последней главы его поцеловала Маргарита, а в эпилоге спящего Ивана целует «необыкновенной красоты женщина», возникшая из лунного света. Здесь нельзя не вспомнить миф о спящем пастухе Эндимионе, которого целовала влюбленная в него Селена.

4. «НИ БОЛЬШЕ И НИ МЕНЬШЕ»

Некоторые исследователи Средневековья считают, что большая часть алхимических знаний была получена от альбигойцев (другое название — катары). Эта загадочная церковь существовала на юге Франции, в Италии и на Балканах. В начале XIII века альбигойцы избрали своего папу — константинопольского священника Никиту. Они учили, что материальный мир является полем бесконечной битвы двух богов — доброго и злого. Человек создан не Богом, а его мятежным Архангелом — Демиургом. Вселенная пребывает во зле, но Спаситель, принявший образ человека, не мог быть жертвой. Он — Учитель, и Его смерть была лишь видимостью. По этой причине альбигойцы не поклонялись римскому орудию казни — распятию.

Альбигойцы верили в реинкарнацию: длинная цепь воплощений необходима для того, чтобы очиститься, обрести «тело света» и вырваться из темницы физического мира. «Нет иного ада, чем этот видимый мир, — говорил альбигойский священник Гильем Белибаст. — Души мыкаются, переходя из одной оболочки в другую, из тела в тело». А вот что писал автор трактата XIII века Бартелеми из Каркассона: «Мы утверждаем, что есть иной мир и иные существа, нетленные, вечные, и в них наша радость, на них мы уповаем».Альбигойцы Окситании представляли серьезную угрозу для Ватикана, и в 1209 году века папа Иннокентий III организовал против них крестовый поход — беспримерный по своей жестокости. При взятии Безье, например, было уничтожено двадцать тысяч мирных жителей. Когда папского легата Арно-Амори спросили, как отличить доброго католика от еретика, он ответил: «Убивайте всех, Господь признает своих».

Самое знаменитое произведение той героической эпохи — «Песня об Альбигойском крестовом походе», сочиненная неизвестным поэтом-трубадуром — очевидцем или участником сражений с крестоносцами. В XVIII веке рукопись попала к некоему Пьеру Бомбарду — страстному собирателю древностей. Об этом можно прочитать лишь в одной французской книге — «La chanson de la croisade albiqeoise». Она была издана в 1931 году, через год экземпляр прислали в «Ленинку», а еще через пять лет в рукописи булгаковского «Театрального романа» появляется персонаж по имени Петр Бомбардов. Очевидно, была причина, по которой Булгаков интересовался историей альбигойцев.

…"Отриньте испачканное платье, коим является плоть ваша, — учил альбигойский епископ Бертран д'Ан Марти. — Во имя справедливого дела вы должны будете претерпеть голод, жажду, преследования и смерть". В 1244 году после сорокалетней кровопролитной войны пал главный оплот альбигойцев — замок Монсегюр, — и 215 защитников во главе с д'Ан Марти добровольно взошли на костер.

Но в документах Святой Инквизиции сохранились показания нескольких пленных — тех, кто выжил ценой отречения. Рыцарь Беранже де Лавлане сообщил, что троим священникам — «Чистым» — удалось вырваться из осажденного замка. Арно-Роже де Мирпуа подтверждает:

«Когда еретики покинули замок Монсегюр, который должны были передать Церкви и королю, Пьер-Роже де Мирпуа задержал в вышеуказанном замке Амьеля Экара и его друга Гуго, еретиков. В ночь после того, как остальные еретики были сожжены на костре, он спрятал их и устроил побег. Сделано это было для того, чтобы церковь еретиков не потеряла свое сокровище, спрятанное в окрестных лесах».

Некоторые историки считают, что сотни уцелевших воинов и священников нашли приют у тамплиеров. Много лет спустя их последователи создали несколько тайных религиозно-мистических обществ, окончательно исказивших учение «Чистых». В первозданном виде остались лишь символы, — только потому, что их значение знал узкий круг посвященных. Важнейший из этих знаков — пятиугольник и вписанная в него пятиконечная звезда. Вот что сообщает Жерар де Сед в своей книге «Тайна катаров»: «В самом Монсегюре, на вершине неподалеку от замка, в 1964 году нашли свинцовую пятиугольную пластину: похожая, но сделанная из терракоты, была найдена приблизительно в то же время в окрестностях замка Керибюс». И далее: «Самой примечательной находкой можно считать изображение в пещере, именуемой „Вифлеем“ (Юсса, департамент Арьеж). Это пятиугольник, врезанный в вертикальную скалу, причем так глубоко, что человек в полный рост, раскинувший крестом руки и ноги, вполне может вписаться в него, положив кисти рук, ступни и голову в пять выемок, вырезанных в каждом из углов. Такая ниша была, без сомнения, вырублена для

соискателей посвящения, дабы они могли принять позу совершенного человека, представленную на одном из рисунков Леонардо да Винчи».

В Древнем Египте пятиконечная звезда считалась знаком Гора — сына «Ра, чей Атон — солнце». Гора называли «Хранителем Времени». Через семь веков после падения Монсегюра две страны, увенчанные пентаграммами — красной и белой — овладели атомной энергией и наперегонки устремились в космос. Этому немало способствовали ученики «Атона» — тайно или явно. А вот еще один пример синхронности: в тридцатых годах в Москве и Вашингтоне были построены два пятиугольных здания — Театр Красной Армии и Пентагон.

Мы не знаем, кто подсказал идею В.Симбирцеву и К.Алабяну. Зато американского подсказчика удалось установить, — это Лев Сергеевич Термен, «советский Эдисон», изобретатель электромузыки, телевизора и остроумных подслушивающих устройств. После возвращения в СССР Термен был арестован, попал на Колыму, а затем оказался в шараге. Вместе с С.П.Королевым он проектировал противотанковую радиоуправляемую ракету. Незадолго до своей кончины столетний Термен намеревался исследовать закономерности в движении кровяных телец — «подсмотреть их танец». Он даже объявил, что знает тайну бессмертия.

«Ни больше и ни меньше» — этот девиз украшал герб Терменов. Мы видели черную клеенчатую тетрадь, в которой записаны его предки: семь с половиной веков и более двух десятков имен отделяют Льва Сергеевича от одного из «Чистых», ускользнувших в ночь перед падением Монсегюра. Легенда гласит, что спасшиеся альбигойцы унесли с собой Святой Грааль — чашу с кровью Иисуса. Она путешествует по миру, передаваемая из поколения в поколение рыцарями Грааля. Помимо других чудесных свойств, предание наделяет Чашу способностью кормить и поить своего хранителя.

Но как она попала к альбигойцам?

В книге Жерара де Седа приведена любопытная история, которая началась осенью 1918 года. На следующий день после окончания Первой мировой войны в Мадрид прибыл французский атташе по культуре Анри Колле — признанный знаток испанского искусства и горячий поклонник «Дон Кихота». Почти все свободное время атташе проводил в огромной библиотеке Эскуриала. Перелистывая «Библиографию Ламанчи», Колле наткнулся на два документа XVI века, которые его поразили. Это были нотариальные акты, составленные в Армагасилье неким Алонсо Кихано. Но именно в этом городе Сервантес написал роман о злоключениях бедного идальго Кихана, назвавшего себя Дон Кихотом Ламанчским!

Взволнованный Анри Колле поехал в Армагасилью и нашел там Родриго Пачеко — последнего из потомков Кихано. Они подружились. Но лишь через двадцать лет престарелый дон Родриго поведал французскому дипломату о том, что «Дон Кихот» — зашифрованная книга. За внешним сюжетом романа скрывается повествование о странствиях Грааля.

«Мой предок, послуживший прообразом главного героя, кое-что знал об этом, — сказал Пачеко. — Грааль был чашей, выточенной из камня и формой напоминающей большой апельсин. Она помещалась в ковчеге из слоновой кости».

Дон Родриго сообщил, что в первые века нашей эры этот предмет находился в Риме, а затем был перевезен в Арагон. До 1134 года Грааль хранили на горе Пано, в гроте Святого Хуана де ла Пенья. Но, опасаясь нашествия Альморавидов, арагонский король Альфонс Воитель переправил реликвию на север Пиренеев. Возможно, Чаша была передана альбигойцам, — не случайно столетие спустя арагонские войска воевали вместе с ними против крестоносцев. К тому же после разгрома альбигойцев Грааль вернулся в грот Сан-Хуан де ла Пенья. Спустя некоторое время папа Бенедикт XII — бывший инквизитор Жан Фурнье, подавлявший ересь в Провансе, — направил королю Арагона Мартину Человеколюбивому послание, в котором требовал перевезти Грааль в Валенсию, а затем в Рим. Этот документ сохранился. Но король послал валенсийскому епископу искусную подделку. Возможно, это открылось, и каменную чашу не отправили в Ватикан. В 1744 году ее случайно разбили.

«Так называемый Грааль, стоящий ныне в Валенсийском соборе — это копия копии, — сказал дон Родриго. — А настоящую Чашу король Мартин спрятал на речном острове Баракатариа, в пещере Монтесинос».

В этом месте Пачеко многозначительно замолчал. Анри Колле понял намек: оба топонима

упоминаются в «Дон Кихоте».

5. РЫЦАРИ ЧАШИ

Можно посчитать случайностью то, что параллельно с работой над последней редакцией «Мастера…» Булгаков писал инсценировку «Дон Кихота». Шла война в Испании, и эту пьесу ему заказали вахтанговцы. Понятны и странные слова Коровьева — про автора «Дон Кихота», который вызревает под крышей дома Грибоедова. Сам Коровьев тоже напоминает о Рыцаре Печального Образа: в последней главе он превращается в «темно-фиолетового рыцаря с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом». «Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?» — спрашивают у булгаковского буфетчика. Ответ может подсказать чудесный глобус, показанный Маргарите: «Вот, например, видите этот кусок земли, бок которого моет океан? Смотрите, вот он наливается огнем. Там началась война».

«Вино» — испанское?..

Но глобус Воланда и чаша в виде черепа подозрительно похожи на сосуд с кровью Спасителя, о котором рассказал Родриго Пачеко. В прихожей «нехорошей квартиры» скупердяя-буфетчика называют рыцарем («скупой рыцарь»!), и он опрокидывает на себя чашу с красным вином. О Пилате: «И опять померещилась ему чаша с темной жидкостью». Коровьева несколько раз назвали рыцарем, Азазелло «летел, блистая сталью доспехов», а Бегемот превратился в юношу-пажа (первая степень посвящения в рыцари). Наконец, сам Воланд пьет кровь из золотой чаши и принимает обличье рыцаря-монаха:

"Воланд оказался в какой-то черной хламиде со стальной шпагой на бедре. Он быстро приблизился к Маргарите, поднес ей чашу и повелительно сказал:

— Пей!"

Страшное испытание пережила Маргарита на балу: как Иисус, она символически приняла на себя все грехи мира — одаряя улыбкой любви и всепрощения каждого из жутких гостей воландова бала. «Нужно полюбить его, полюбить, королева. Сторицей будет вознаграждена за это хозяйка бала!» Маргарита видит золотую чашу на столике рядом с постелью мага, а в конце бала она причащается кровью, ставшей вином, и получает возможность выполнить свое заветное желание.

В «Двенадцати стульях» О.Бендер назван «странствующим рыцарем» и «рыцарем, лишенным наследства». В тридцать пятой главе «Золотого теленка» Бендер снова именует себя рыцарем — трижды на одной странице! А последняя глава называется «Кавалер ордена Золотого Руна»: слово «кавалер» происходит от французского «шевалье» — «рыцарь». Остап идет через границу (за пределы нашего мира?), весь увешанный золотом: «Один раз странный человек зацепился за мокрый корень и упал на живот. Тут раздался такой громкий звук, будто свалился на паркет рыцарский доспех». Про «походные зеленые доспехи» говорится и в первом романе, — это намек на средневековый роман «Сэр Гавейн и зеленый рыцарь», рассказывающий о поисках Святого Грааля.

Так же аллегорически надо понимать и «Гиперболоид инженера Гарина»: золото — духовное. Идею гиперболоида и сверхглубокой золотой шахты Гарин получил от некоего Манцева Николая Христофоровича — больного и полубезумного ученого. (Христофор — «носитель Христа»). В средневековых легендах о Граале больной король, хранивший драгоценный кратер (широкая чаша на низкой ножке), должен передать сокровище новому хранителю. А где мы встречаем «больного короля» Манцева? У кратера вулкана!.. «Ослепительно алый свет бил из бездны, окрашивая низкие облака». Кратер — с алой кровью?

«В розовой пустоте висел планетолет… Это был фотонный грузовик первого класса с параболическим отражателем, похожим на растопыренную юбку, с круглой жилой гондолой и дис-ковидным грузовым отсеком…». Космический корабль в повести Стругацких «Путь на Амальтею» (1959) похож на фужер. Он везет сотни тонн продовольствия на спутник Юпитера, названный именем нимфы, вскормившей маленького Зевса. В «Стажерах» (1960) юнга-межпланетник летит на Рею (Рея — мать Зевса). Планетолет — тот же самый! — прямо назван «бокалом».

Божественная Чаша?

Мы уже упоминали о раннем рассказе И.Ефремова «Обсерватория Нур-и-Дешт». Название холма, на котором расположена древняя обсерватория, переводится как «Светящаяся Чаша», а в основании башни замурована чаша, покрытая люминесцирующей эмалью. Как гласит надпись на камнях башни — «в память великого дела». Великое Делание и чаша Святого Грааля?

«Туманность Андромеды» начинается с несостоявшегося рандеву земного звездолета с «Альграбом» — кораблем-заправщиком. Дозаправка не удалась — звездолет не напился «золотой крови» «Альграба» (топливо для ефремовских звездолетов делается из золота). Звезд, имеющих собственное имя, около двух сотен, — значит, выбор у Ефремова был. Почему же он называет корабль-заправщик «Альграбом»? Простейшая анаграмма: АЛЬГРАБ — ГРААЛЬ Б. Очевидно, для того, чтобы подтвердить правильность расшифровки, в текст вставлена глава «Праздник Пламенных Чаш».

Но почему — Грааль Б?.. Скорее всего, буква Б — остаток неполной анаграммы. Но нельзя исключить и того, что сосудов с кровью Иисуса было два. Этим объясняется и многовековой спор о Граале между английскими и французскими авторами: французы доказывают, что Святую Кровь доставили в Прованс Св. Мария Магдалина, Св. Лазарь и Св. Марфа, а британцы считают хранителем Грааля Св. Иосифа Аримафейского — первосвятителя Англии. Джон Кентерберрийский (XIV в.) обнаружил в древней «Книге Мелкина» указание на то, что сосудов было два, и они хранятся в Гластонбери — в гробнице Св. Иосифа Аримафейского!

Если верить другим источникам, через четыреста лет после казни Иисуса Грааль был вручен Артуру — легендарному королю бриттов. Он родился в Корнуэлле, в замке Тинтажель, — не потому ли в конце «Туманности Андромеды» к звезде Т отправляется звездолет «Тинтажель»? А вот что говорит одна из героинь «Лезвия бритвы»: «С детства мечтала о рыцарях, плакала над книгами о короле Артуре и чаше святого Грааля».

В «Часе Быка» упомянута звезда Бета Чаши (Грааль Б, вторая чаша?). Звездолет «Темное Пламя» имеет форму полусферы: символическая чаша, полная темного (тайного) света. Хранители чаши — Фай Родис и ее двенадцать «апостолов» — одеты в «тонкую металлическую броню», а «на пятках выступали зубцы вроде коротких шпор».

«Рыцари» входят в древнее святилище и видят четырехголовую статую, олицетворяющую Время. Первое лицо — «бесстрастное», второе — с улыбкой, скрывающей «злое потаенное знание», третье — с жестокой радостью смотрящее на предсмертные корчи множества людей. Это — время смертных. И, наконец — четвертый лик:

«…Четвертое лицо исполина озаряла улыбка, полная утешения и странного торжества. С ласковой осторожностью он склонялся над толпой стремившихся к нему молодых мужчин и женщин с сильными и красивыми телами. Они тянулись к гиганту и он как бы приглаживал ладонью ниву поднятых к нему рук и опрокидывал широкую чашу на обращенные к нему с надеждой и радостью лица».

Чаша достается избранным — «сильным и красивым».

Обращайте внимание на детали, кажущиеся второстепенными. Почему, к примеру, глаз Воланда сравнивается с «выходом в бездонный колодец»? То же самое мы видим в «Часе быка»: четырехголовый исполин с чашей расположен в колодце под химической лабораторией. В сказке Сент-Экзюпери герой видит во сне Маленького принца — то есть, будущего короля. Он приводит пилота к волшебному колодцу, вода из которого нужна сердцу. Кровь и Святой Грааль? Но при чем здесь колодец, и что скрывается за шуткой насчет полезности географии? Не указывает ли писатель на какую-то местность, связанную с колодцем и… лисьими норами? К тому же Лис на рисунках Экзюпери получился очень странным: он больше похож на кролика. Ключ к этой загадке мы обнаружили в первой из «сонных сказок» Кэрролла: падающая в колодец Алиса видит географические карты, думает про широту и долготу и берет с полки стеклянную банку из-под варенья. Банка — это сосуд, не правда ли? А на дне колодца девочка нашла стеклянный пузырек и отведала волшебный напиток, по вкусу похожий сразу на несколько блюд — «вишневый сироп с кремом, ананас, жареную индейку, сливочную помадку и горячие гренки с маслом». Здесь уж нельзя не вспомнить легенды о Граале: он способен придавать обыкновенной воде любой вкус.

Где же находится этот колодец? Если английский автор начинает и завершает сказку словами о лете, мы должны сообразить, что имеются в виду южные графства: в древности эти земли называли Летней страной. Здесь правил король Артур. А зачем Кэрроллу понадобился Белый Кролик и его нора, которая превращается в таинственный колодец? Самый известный в Англии колодец находится неподалеку от Гластонберрийского аббатства, в местечке Чалис Вэлл — «Колодец Чаши». На его крышке вырезано Святое Копье — то самое, которое избавило Иисуса от долгих мук. («Один из воинов копьем пронзил ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода»). А рядом с «Колодцем Чаши» туристам и паломникам показывают место, которое называется… «Кроличий садок»!

«Кровь — великое дело», — говорит Воланд. Значит, «Великое Делание» связано с кровью Иисуса?

6. «КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ»

Известно, что работы Чарльза Л. Доджсона по математической логике оказали влияние на его современника Джорджа Буля — английского математика, без которого была бы немыслима современная кибернетика. Они познакомились еще до путешествия Доджсона в Россию. В том году, когда появилась сказка о подземных приключениях Алисы, в семье Дж. Буля родилась будущая писательница Этель Лилиан Войнич. Она увлекалась антикварными книгами и системами шифров — древними и современными.

В юности Этель Лилиан потрясли «Слова верующего» — книга французского священника Ламеннэ, призывавшего к освобождению христианства от позднейших наслоений. В апреле 1887 года молодая девушка уехала в Россию, а летом совершила поездку по Волге. После этого Войнич две недели жила в Москве, но никуда не выходила, объясняя это переутомлением. Десять лет спустя появился «Овод» — самая мятежная книга в истории христианской цивилизации. Не случайно ее полюбили революционеры и богоборцы всех стран. Но никто не заметил, что на весьма условном фоне борьбы за независимость Италии воспроизведена новозаветная ситуация: Бог-Отец приносит в жертву Сына. Герой тайного сюжета «Овода» возвращается после своей мнимой смерти (второе пришествие Иисуса?), чтобы пробудить единственное существо — каноника Монтанелли.

В начале романа юноша приводит Монтанелли к Монблану (итал. Monte Blanco — «Белая Гора») и говорит: «Словно сквозь темный кристалл я вижу в этой голубой пустыне без начала и конца величественное существо в белых одеждах. Век за веком оно ждет озарения Духом Божьим». А что мы видим в конце? Старик, облаченный в белые ризы, переживает озарение и вещает от имени… Бога-Отца! «Пейте же! — призывает впавший в священное безумие Монтанелли. — Пейте из чаши все! Разве эта кровь не ваше достояние?» Чаща, божественная кровь и Тайный Камень — «темный кристалл»…

Овод любит девушку по имени Джемма, ставшую шифроваль-щицей тайного общества «Молодая Италия». Инталия — разновидность геммы («gemma») — резного камня. Но здесь слышится и другое слово — «gema», «кровь». Фамилия каноника происходит от итальянского слова «monte» — «гора». «Oros». Псевдоним героя, давший название всему роману, на русский язык переведен неточно: «Овод» вместо «Слепня». Так благозвучнее. Но для какой цели в самом тексте дается перевод на французский язык: «Taon»? Очевидно для того, чтобы читатель-дешифровщик поменял местами первую и вторую буквы этого слова.

А теперь сделаем небольшое отступление. Мы предположили, что Булгаков упомянул о зашифрованных рукописях Роджера Бэкона (1214 — 1292) лишь для того, чтобы указать на Френсиса (1561 — 1626). Но так ли это? Усомниться нас заставили два Берлиоза — редактор журнала и композитор. Удвоение продолжается: психиатр Стравинский — однофамилец знаменитого композитора, Иоганн из Кронштадта вызывает в памяти Иоанна Кронштадского, Бегемот и Коровьев назвались Панаевым и Скабичевским — однофамильцами русских писателей, — а подписались — наоборот. Два Бэкона? «Тут вопрос переселения душ», — подсказывает Коровьсв в предпоследней редакции «Мастера…» — там, где Волакд говорит о дешифровке «интересных рукописей Бэкона». Настолько интересных, что Булгаков счел за лучшее заменить Р.Бэкона на другого монаха-чернокнижника — Герберта Аврилакского,

ставшего папой Сильвестром II. Беседа на Патриарших касалась основ христианской религии и ее тогдашнего состояния, — не этому ли вопросу были посвящены «интересные рукописи» знаменитого астролога Роджера Бэкона? В самом известном из своих сочинении — «Зеркале астрономии» — он доказывает, что христианство подчинено влиянию Меркурия. А что говорит Воланд? «Меркурий во втором доме…»! Булгаков придумал, как связать Роджера Бэкона с темой реинкарнации: в «грибоедовской» главе появляется странный абзац о прошлой жизни Арчибальда Арчибальдовича. «Говорили, говорили мистики», что в прошлой жизни метрдотель плавал «под черным гробовым флагом с адамовой головой». Во времена Булгакова каждый мальчишка знал, как называется этот флаг — «Веселый Роджер». (И золотая цепь у Грина — пиратская. К тому же с ней соседствует говорящий человекообразный автомат: по преданию. такой же механизм построил Роджер Бэкон).

Многие мистики считали Френсиса (Франциска) Бэкона очередной инкарнацией монаха-францисканца Роджера. Доказательству этого посвящено несколько работ, и приведенный в них список совпадений трудно объяснить простой случайностью. К примеру, они оба писали о возможности создания летательных аппаратов и средств связи, а Р.Бэкон предсказал полет на Луну!

В начале 20-х годов XX века во Франции и США была начата дешифровка рукописей двух Бэконов — почти одновременно и независимо друг от друга. О первой рукописи мы уже упоминали: она оказалась дневником сэра Френсиса. А рукописная книга ин-октаво с зашифрованным посланием Роджера Бэкона попала к Джону Ди, а затем была подарена императору Рудольфу II. Считалось, что эта книга содержит все тайны мира. В 1912 году ее выкупил у итальянских иезуитов книготорговец-антиквар Вильфрид Войнич — бывший польский революционер и супруг знаменитой писательницы. (Именно она посоветовала мужу заняться поиском и перепродажей старинных рукописей и книг). Семь лет спустя Этель Лилиан Войнич передала фотокопию этой «черной книги» американскому историку и криптографу Уильяму Ньюболду. Он был признанным знатоком гностических учений и легенд о Граале, а в первую мировую войну прославился тем, что сумел прочитачь шифрованные донесения от германских шпионов.

В начале 20-х годов Ныоболд объявил, что нашел ключ к шифру Роджера Бэкона. Затем ключ был «утерян», — не потому ли, что на профессора было оказано давление? Тем не менее он успел напечатать фрагмент расшифрованного «Манускрипта Войнича», и это сообщение стало настоящей сенсацией. Оказалось, что монах-алхимик знал о существовании хромосом и спиралевидных галактик! Вот что писал Роджер Бэкон за триста лет до изобретения телескопа: «Я увидел в вогнутом зеркале звезду, имеющую форму улитки. Она расположена между пупом Пегаса, бюстом Андромеды и головой Кассиопеи». Через три года в указанном месте была открыта первая звездная «улитка» — М-31. спиральная туманность Андромеды. Вскоре после этого Ныоболд умер — и унес в могилу тайну ключа. В 1930 году скончался Вильфрид Войнич, в шестидесятом умерла Этель Лилиан, а в шестьдесят втором загадочная рукопись была выставлена на продажу и оценена в 160 тысяч долларов. В следующем году авгор «Туманности Андромеды» закончил свой новый роман «Лезвие бритвы», в котором положительному герою Гирину противостоит некий охотник за рукописями — турецкий археолог Вильфрид Деригази. Странное имя для турка, не правда ли? Археолога интересует месторождение таинственных кристаллов, тестирующих на «божественность».

…"Перечитайте «Овода»", — посоветовал Бартини своему биографу В.Казневскому. Не потому ли, что биография барона словно списана с судьбы героя «революционного» романа? Овод рано лишается матери, а опекуном становится итальянский священник — его родной отец. Затем он надолго уезжает и возвращается на родину под видом иностранца. Можно предположить, что в романе Войнич зашифрована весть о чудесном ребенке, увезенном из России. По документам Бартини родился в год появления «Овода», но именно Казневский говорил о том, что барон прибавил себе год или два. А с какой целью писательница сделала Овода наполовину англичанином? Его настоящее имя — Артур Бертон. Мать — уроженка Корнуэлла: именно там родился и таинственно уснул король Артур, владевший Граалем. С умыслом выбрана и фамилия: она отсылает нас к Роберту Бертону — английскому писателю XVII века — и подсказывает имя будущего хранителя Чаши. Еще одна подсказка спрятана в

последней главе: возлюбленная Бертона разговаривает с влюбленным в нее Мартини. Бертон — Мартини — Бартини?

По преданию, Святая Чаща стояла в артуровском замке Камелот — в центре Круглого Стола. Маргарита видит в комнате Воланда золотую чашу на столике, а на балу — стену камелий, причем именно там, где вино, бьющее из фонтана, разливали в плоские чаши. В конце бала эти цветы упомянуты вновь: «…и не стало никаких тюльпанов, фонтанов и камелий». Заметьте: Коровьев несколько раз назван рыцарем. После бала он говорит, что приятно сидеть «при камельке», в «тесном кругу». Круглый Стол в Камелоте? «А на круглом столе был накрыт обед», — пишет Булгаков. Но это уже субботний вечер в подвале мастера, — когда Азазелло подарил влюбленным вино Воланда.

О короле Артуре напоминает и феерия А.Грина «Алые паруса», написанная в год приезда «красного барона». Первая часть озаглавлена очень символично — «Предсказание». Что же было предсказано маленькой Ассоль? Явление принца. «Алые паруса» — это символическая кровь, ставшая вином причастия: неспроста в гриновском сюжете появляются две бочки со «святым вином», чудесно преображающим человека. Два Грааля? В этом убеждает имя мальчика, который унаследовал вино: Артур. Маленький Артур пытался «исправить» сцену распятия на картине знаменитого художника: он замазал краской кровавые стигматы Иисуса.

Целый ряд косвенных признаков подсказывают, что страна, в которой родился Артур Грэй — это Англия. И про чудесное вино сказано, что оно «существовало во времена Кромвеля». В библиотеке родового замка Артур Грэй переживает мистическое посвящение, нанимается юнгой на шхуну и уплывает в Марсель. Англия и Прованс. Через несколько лет юнга становится капитаном и владельцем трехмачтового галиота «Секрет». Судьба приводит Артура в рыбацкий поселок Каперну, он видит спящую девушку (Христиан Розенкрейц и спящая Венера!) и женится на ней. По случаю свадьбы была вскрыта одна из двух заветных бочек.

Описывая винный погреб, Грин обращает наше внимание лишь на три бочки. Две из них — со «святым вином» — закопаны в землю полностью, а третья занимает всю стену и выглядит, как диск: «самая большая, в форме плоского круга». Здесь же мы видим «серые грибы с тонкими ножками».

Гриноведам известно, что Каперна «списана» с Балаклавы. Но почему ученик «Атона» выбрал такое название? Капернаум — город, в котором Иисус творил чудеса и проповедовал ученикам.

7. ВОДА ЖИЗНИ

Небольшая повесть «Сердце Змеи» (1958) — ключ к «Туманности Андромеды». Действие романа начинается в окрестностях звезды класса Т, а в повести звездолет «Теллур» обнаруживает чужой корабль из планетной системы Тау Змееносца. Греческая буква «тау» — Т, а змей, распятый на тау-кресте — алхимический символ, означающий фиксацию летучей субстанции. Понятно также, почему земляне летят к звезде, связанной с «темным облаком в форме вращающегося электромагнитного диска», и почему корабль «змееносцев» появился на «прозрачном, как хрусталь, диске локатора». («Огромный диск как бы сливался с космическим пространством»). Звездолеты соединились трубой — очевидно, это намек на Тоннель. Но инопланетяне дышат фтором, и земляне предлагают изменить наследственность фторного человечества. Имя командира земного звездолета — Мут Анг: не слышится ли здесь другое слово? К тому же кожа инопланетян не просто серая, а с «кроваво-красным отблеском, какой бывает на полированном красном железняке — гематите». (От греч. «haimatos» — «кровь»). И снова: «Серый цвет этого минерала был одинаков с кожей обитателей фторной планеты»!

Большую часть времени земляне проводят возле «огромного диска» и в библиотеке. Но встрече с чужим звездолетом предшествует эпизод с операцией аппендицита. Обратите внимание: доктор биологических наук И.Ефремов описывает змееобразный аппарат, который вползает в рот спящего астронавигатора, проходит сфинктер (?), двенадцатиперстную кишку (?!) и достигает червеобразного отростка (?!!). «Ошибка» — знак того, что текст следует понимать в обратном смысле: все происходит на Земле («Теллур» — от лат. «Tellus» —

«Земля»), а в межзвездный Тоннель уходят люди с особой наследственностью — «живые звездолеты».

Любой символ заключает в себе гигантскую пирамиду смыслов, плавно перетекающих один в другой и все более неразличимых по мере приближения к вершине. Многие алхимики туманно намекали на связь Великого Делания с кровью, но лишь единицы из них понимали, что истинной целью работы с веществом должно быть преображение души. «Душа тела — в крови», — учит Библия. Не на эту ли фиксацию указывает Ефремов? Что же происходит с кровью — материальным носителем души?

«Мастер и Маргарита» — очень «кровавый» роман: льется кровь Иешуа, Берлиоза, Ивана, Майгеля, Бенгальского и Бегемота, кровавый душ принимает Маргарита, лужи крови темнеют на булыжнике мостовой — и все смешивается в золотой чаше Воланда, пресуществляясь в мистическое вино. Этот символ отлично поняли братья Стругацкие: в «Попытке к бегству» упомянут напиток «Кровь тахорга», в «Миллионе лет…» пьют вино «Бычья кровь», с винопития начинается «Хромая судьба».

«Мы увидим чистую реку воды жизни», — записал на пергаменте Левий Матвей, ученик Иешуа. Кровь — это и есть «вода жизни». «Единственный живой» шахматист Воланд, играющий всеми остальными фигурами — жертва и палач одновременно. Он проливает свою животворящую кровь в человечество и собирает ее обратно: «Сдавайте валюту!». (Лат. valeo — здоровье). «Я пью ваше здоровье, господа!» — объявляет Воланд гостям и пьет кровь барона — то есть, свою собственную, уже ставшую вином. А что пили перед полетом мастер, Маргарита и Азазелло? Здоровье Воланда. Вино, присланное влюбленным — это его собственная кровь:

«Вино нюхали, налили в стаканы, глядели сквозь него на исчезающий перед грозою свет в окне. Видели, как все окрашивается в цвет крови».

И далее: «— Здоровье Воланда! — воскликнула Маргарита, поднимая свой стакан. Все трое приложились к стаканам и сделали по большому глотку».

Кровообращение.

«Маргарита разглядела маленькую женскую фигурку, лежащую на земле, а возле нее в луже крови разметавшего руки маленького ребенка». Но: «Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья».

Кровь Воланда — великое жертвоприношение, незримое вино, которое от века пьет человечество. Опасаясь того, что читатели не поймут этот символ, Булгаков вводит эпизод с медицинскими кровососами и профессором Кузьминым. Профессор «…сидел в спальне на кровати, причем пиявки висели у него на висках, за ушами и на шее». (Воланд — тоже профессор, его видят в спальне сидящим на постели!). Но и это не помогло: роман прочитали с точностью до наоборот. Именно в заключительной сцене бала — там, где Воланд и Маргарита пьют кровь, — булгаковеды дружно увидели «сатанизм» и «черную мессу».

«Пейте, сие есть кровь Моя», — говорил Иисус. А вот как описывается казнь Иешуа: «…Сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело». Это и есть человечество по Булгакову: «Мухи и слепни поэтому совершенно облепили его, так что лицо его исчезло под черной шевелящейся массой». «Просто мне хотелось повидать москвичей в массе», — объяснил артист буфетчику. И — «в партере зашевелились»…

Эта черная шевелящаяся масса народонаселения, сосущая невидимую кровь земного Демиурга — миллиардоликая маска Воланда, под которой исчезло его лицо. Ее нужно снять: «Зрительская масса требует разоблачения!»

8. ПРИМУС-ПЕРВЫЙ

Булгаковское «Золотое Руно» почти неузнаваемо — это золотой пудель, вытканный на подушке, которую чернокожий слуга кладет Маргарите под правую ногу. На трости Воланда мы видим голову черного пуделя: «нигредо», «черная голова», первая стадия Великого Делания, называемая также «головой Адама». На превращение черноты первовещества в духовное золото указывает и черный пудель в овальной золотой рамке на тяжелой цепи, которую надевают на шею «бездетной тридцатилетней Маргарите». Но кто же она — не буквально, разумеется, а символически? «Это украшение чрезвычайно обременило

королеву», — подсказывает Булгаков. Праматерь Ева? Вот почему к всепрощающей «хозяйке бала» поднимаются толпы гостей Воланда: все они — ее дети!

Живописная свита иностранца вызывает особенный восторг у читателей. Но это лишь символические фигуры, готовые «рассказать» нам все о своем хозяине. «Разные аспекты сущности», — как выразился бы философ. Словно ожившие буквы, они складываются в настоящее имя таинственного незнакомца. Взять, к примеру, кота Бегемота: уже на Патриарших Воланд «жмурится как кот», а сам Бегемот то и дело превращается в «круглоголового человека с примусом». Латинское слово «primus» — «первый». Не указывает ли Булгаков на первого человека, прогневившего Бога своим непослушанием? И не случайно Иван решил, что иностранец — поляк: если читать начало первой главы, сверяясь с картой московских улиц, то станет ясно, что Воланд вошел в аллею со стороны улицы… Адама Мицкевича! Читаем: «…На аллее показался первый человек». Первый и единственный! «Вы и фамилию мою забыли?» — говорит Воланд Степе Лиходееву. Но христианские мистики «фамилию» Адама не забыли. Они называли его Кадмоном и понимали как мистическое существо, состоящее из всех людей Земли. Адам Кадмон дает им жизнь и питает каждого своими эманациями. Он действительно первый человек, но в отличие от библейского праотца Адама, никогда не умирал.

Иисус называл себя «Бен-Адам» — Сын Человеческий. «Я единственный в мире специалист», — говорит «иностранный профессор». Вот что сказал Воланд про Иисуса, то есть — про самого себя: «Просто он существовал, а больше ничего».

«Один, один, я всегда один!..» — Иешуа и Берлиоз, Пилат и Могарыч, Майгель и Фрида, и ее задушенное дитя, и тот маленький мальчик, распростершийся в луже крови, которого видела Маргарита на глобусе, и жуткие гости Воланда, и его свита… Булгаковский Адам Кадмон, «первый человек» — сам Иисус, вечно воскресающая жертва и свой же «невольный палач» — стреляющий, удушающий, сжигающий, бросающий под трамвай, сводящий с ума, отрывающий головы…

«Казни не было», — Булгаков готов снова и снова втолковывать эту непростую истину: тысячи покойных негодяев восстают из праха на балу, благополучно оживают отравленные любовники, оторванная голова конферансье возвращается на место, мгновенно выздоравливает сраженный чекистской пулей Бегемот, умирает и воскресает Лиходеев… «Умерев, Куролесов поднялся, отряхнул пыль с фрачных брюк, поклонился, улыбнувшись фальшивой улыбкой и удалился при жидких аплодисментах». Именно про артиста Куролесова сказано в эпилоге: «Он был, а остальных не было». И это тоже о нем — «единственном живом, влетевшем в этот сон»: «…Вдруг стал обращаться к кому-то, кого на сцене не было, и за этого отсутствующего сам же себе и отвечал, причем называл себя то „государем“, то „бароном“, то „отцом“, то „сыном“…».

Вот что втолковывает нам Булгаков: все народонаселение планеты — воплощения «единственно живого» Адама, ячейки сознания, «клетки» гигантского организма. Он ведет каждого из нас по цепи жизней, питает «водой жизни» и получает дань — некий таинственный нектар, необходимый его бессмертной душе, рассеянной по мириадам галактик.

(Воланд: «Приветствую вас от всей души!»).

«Пейте, сие есть кровь Моя!..» Пьют у Булгакова все поголовно, да и разных напитков упомянуто великое множество — начиная с абрикосовой и заканчивая отравленным фалернским. Воланд и Маргарита пьют кровь барона, ставшую вином, а Пилат обещает напоить кровью мятежный город: «И не водою из Соломонова пруда, как хотел я для вашей пользы, напою я тогда Ершалаим! Нет, не водою!..». На балу Маргарите показывают символ жертвенной крови «черного» Воланда — розовую пенистую струю, бьющую из «черного Нептуна». Очевидно, это символический «черный бог» — тот, о котором кричал на Лысой Горе Левий Матвей и которого «очертил черными красками» Иван. Булгаковское человечество («гости бала») плавает в бассейне, наполненном его живительной эманацией.

Великие и страшные тайны скрыты в этих сценах. Все, чем живет «зрительская масса» — лишь непостижимый сон вселенского Адама, плод галлюцинации. Именно об этом говорит Коровьев: «Почем вы знаете, какие замыслы роятся в моей голове? Или в этой голове? — и он указал на голову Бегемота». В романе присутствует навязчивый мотив головы, живущей в некотором смысле самостоятельно, в отрыве от остального тела, причем это всегда связано с

кровью.

«…Его волосы воронова крыла были повязаны алым шелком, — пишет Булгаков о метрдотеле, — и плыл в Караибском море под его командой бриг под черным гробовым флагом с адамовой головой». Кровь и голова появляются на Патриарших («Вам отрежут голову!»), кровавый фонтан вырвался из обезглавленного Бенгальского, в голову Берлиоза, ставшую чашей в виде черепа, сливают кровь Майгеля. Кровь Иешуа и разбойников стекает в землю на Лысом Черепе: по одной из легенд на Голгофе похоронен громадный череп… Адама!

«Это была огромная глыба в форме человеческой головы», — пишет Алексей Толстой в «Гиперболоиде…». А в «Аэлите» мы читаем про «Спящую Голову Негра» — символическую скульптуру, изображающую незримого Творца. В «царской библиотеке» земляне слушают лекцию Аэлиты:

«Истинный мир — невидим, неосязаем, неслышим, не имеет вкуса и запаха. Истинный мир есть движение разума. Начальная и конечная цель этого движения непостигаема. Разум есть материя, более твердая, чем камень и более быстрая, чем свет. Ища покоя, как всякая материя, разум впадает в некоторый сон, то есть становится более замедленным, что называется — воплощением разума в вещество… Вещь есть временное сгущение разума».

9. «ВЕРХ ПУТЕЙ ГОСПОДНИХ»

«Кровь давно ушла в землю», — в глобус Воланда, ставший головой Берлиоза, черепом и, наконец, чашей… На глобальную «голову» надета «шапка»: «Шапка на полюсе лежала как настоящая». Вот еще одна подсказка: лицо Воланда — «навеки сожженное загаром», а глобус — «как будто живой и освещенный с одного бока солнцем». Земля — «череп» Адама Кадмона и чаша, в которую стекает кровь человечества: «И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья». Кровь рождает человечество и возвращает его в прах, — как гостей Воланда. Именно поэтому Коровьев и пьющий Бегемот названы «неразлучной парочкой». Древние египтяне так и представляли себе мироустройство: золотая корова Хатор питает своих детей — фараонов, «золотых телят». (Главный храм золоторогой богини был в Дендере: Бендер и… «Рога и копыта»?!) Коровьев — аспект жертвенный, питающий, небесный жизнедатель. «Истомленный жаждой» кот Бегемот — потребитель: он ныряет в коньяк и глотает всевозможные жидкости — воду. водку, спирт, кофе, пиво, бензин из примуса и молоко, — вспомните черного котенка, подброшенного профессору Кузьмину. Кота даже грозят утопить! А в Ветхом Завете говорится о бегемоте — загадочном существе, названном «верхом путей Господних»: «Вот он пьет из реки и не спешит, остается спокойным, хотя бы и Иордан устремился к его рту».

Мощь, размеры, неуязвимость «верха путей Господних» особо подчеркиваются. — и потому многие богословы увидели в бегемоте аллегорию животного мира. Они были близки к догадке. Но средневековые демонологи аллегорию не поняли и «очертили черными красками»: имя «Бегемот» они дали церемониймейстеру дьявола. Булгаков смеется над человеческой глупостью: бал «сатаны» Воланда объявляет Бегемот. Но кот предупреждает чекистов о том, что он — «древнее и неприкосновенное животное». Это подтверждает и Книга Иова: «Только создавший его коснется его ножом».

Коровьев и Бегемот — дающие и берущие… кровь?

Про «верх путей Господних» говорится: «Кости у него, как медные трубы…». Это обыграно у Булгакова: удирая от чекистов, Бегемот бросился «…к угловой водосточной трубе дома, построенного, как было сказано, покоем. По этой трубе кот взобрался на крышу. Там его, к сожалению, так же безрезультатно обстреляла охрана, стерегущая дымовые трубы». (Про трубы — три раза!) Считается, что в библейские времена бегемотом называли слона.

Вспомните детский рисунок в «Маленьком принце»: слон в удаве. Расшифровку этого двойного символа мы найдем в Книге Иова, где с бегемотом соседствует еще одно чудесное животное. сотворенное Богом и живущее в бездне вод — левиафан. Между словами о бегемоте и левиафане нет логического «шва», и потому некоторые комментаторы Писания полагают, что речь идет о разных аспектах одной сущности.

«Огонь пришел Я низвести на землю», — сказал Иисус в Евангелии от Луки. Не про этот

ли огонь говорится в описании библейского левиафана («из пасти его выходит пламя»)? То же самое мы видим у Булгакова — примус Бегемота, таящий в себе «огонь, с которого все началось, и которым мы все заканчиваем». Еще одна остроумная подсказка — «реки кепок» на Арбате. «От этих рек отделялись ручейки и вливались в огненные пасти ночных магазинов».

(«Вот он пьет из реки и не спешит…»).

Одна и та же «пасть» — бегемот и левиафан! Она пьет «здоровье» человечества и низвергает в него Иисусов огонь. А что пила Маргарита после бала?

"— Это водка? — слабо спросила Маргарита.

Кот подпрыгнул на стуле от обиды.

— Помилуйте, королева, — прохрипел он, — разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!"

«Спирт» — от латинского «spiritus», «дух». Огонь Святого Духа? Не случайно в комнате Воланда пахло «крепчайшими духами».

10. «ВАМ НРАВИТСЯ АВИАЦИОННЫЙ БЕНЗИН?»

Ефремовский звездолет похож на человека с круглой головой. «Золотая голова», — говорят про Остапа. Аэлита рассказывает инженеру Лосю о древней расе Земли, поклонявшейся гигантской черной голове. Чаша Воланда — череп на золотой ноге. Бегемот превращается в толстяка с «круглой головой»…

Человечество — это «черная шевелящаяся масса», облепившая «круглую голову» Земли и пьющая ее живительный сок. Суккус — так называли эту субстанцию алхимики. Булгаков зашифровал ее в названии писательского санатория «Суук-су» — на плакате в доме Грибоедова.

«Сок и огонь!» — внушает нам Михаил Афанасьевич с первых же строк: абрикосовая и солнечный жар! А что увидел буфетчик Соков(!), навестивший Воланда? Азазелло жарил «очень свежее» мясо (жертвенное — всегда «первой свежести»!): «сок капал в огонь и в дымоход уходил дым». Прибавьте к этому нескончаемое кровообращение: барон Майгель пьет шампанское и проливает кровь, на глобусе «наливается огнем» квадратик земли — и отдает кровь убитого ребенка, то же самое, но в обратном порядке проделывает Бегемот: сначала проливает кровь, затем «наливается огнем» — пьет бензин из примуса. Двустороннее движение: кровь — туда, бензин — обратно. Но бензин ли это? «Загорелось как-то необыкновенно, быстро и сильно, как не бывает даже при бензине».

«— Единственное, что может спасти смертельно раненного кота, — проговорил кот, — это глоток бензина».

Булгаковский Бегемот пьет, как одноименное библейское чудовище, и купается в огненной жидкости. А что делает напарник бегемота — левиафан? «Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь». Не этой ли мазью лечится Воланд перед балом? «Колено этой темной ноги и натирала какою-то дымящеюся мазью Гелла». И ниже: «Горячая, как лава, жижа обжигала руки». Вскипают и пузырятся лужи, сползает с холма туча — «дымное варево», кот «гремит кастрюлями» на кухне и спасает из огня «одежды белые» — обгоревший поварской халат. Но вот Бегемот появляется перед Маргаритой с дамским биноклем. Это, собственно, две трубки — «дамские»: древнееврейское слово «дам» — «кровь». Две трубы — «венозная» и «артериальная»?

Суммируем наши догадки: булгаковский Бегемот, ставший круглоголовым человеком с примусом, символизирует Адама Кадмона, первочеловека каббалистов. Он соотносится с человечеством, как организм — со своими клетками. Мировая душа. Она же — ноосфера профессора Вернадского, придумавшего наукообразную интерпретацию того, что посвященные знали много тысячелетий назад. (В восемнадцатой главе «Мастера…» — «профессор Вернадский»!) Библейские чудовища — левиафан и бегемот — лишь двуликая аллегория этого истинного Адама, живой планетарной машины, служащей для производства и перекачки «наверх» чего-то очень важного. По первой трубе идет топливо для самой машины. Чем бы неожиданным для нас это ни было, но мы его потребляем и, следовательно, хорошо с ним знакомы. А какой продукт готовят на земной кухне и подают богам по второй трубе «бинокля»?

11. «МАСЛОПРОВОДНЫЙ ШЛАНГ»

Цепочка многозначительных совпадений протянулась через годы и книги: от «непонятого гения советской авиации» — к летающему «Адаму». Мы уже отмечали, что булгаковский роман перенасыщен сталью: стальная шпага Воланда, стальные пряжки Маргариты, стальной клюв таинственного воробушка… «Летел. блистая сталью», телохранитель Воланда — звероподобный Азазелло. Но в полете он сменил свой маскарад и стал похож на Абадонну: лицо «белое и холодное», а глаза — «пустые и черные». Череп? Сталь и Лысый Череп, то есть Голгофа — могильный курган над черепом Адама (пер. с древнееврейского — «красная глина»). Таким косвенным образом мы вновь получаем странного Адама — летающего и блистающего сталью. Нельзя не вспомнить и «Стальную птицу» В.Аксенова.

«Красный барон» тоже оставил «дорожный указатель»: именно Бартини в конце двадцатых голов предложил строить стальные самолеты. Он же подсказал общее название программы — «Сталь». Были созданы машины А.Путилова («Сталь-2, — 3, — 11») и Р.Бартини («Сталь-6, — 7, — 8»). Технологи, работавшие над стальными самолетами, впоследствии участвовали в проектировании и строительстве гигантов Веры Мухиной.

Стальная пара — Адам и Ева? Нашу догадку подтверждает бартиниевский автопортрет 1952 года: темный профиль на фоне окна с решеткой-крестом, перевитой колючей проволокой. За окном нагая женщина протягивает надкушенное яблоко. Эта аллегорическая картина упомянута и в первой статье о «невидимом самолете».

Повторяющиеся символы — первое, что должен отмечать дешифровщик. Он ищет невидимый порядок в видимом хаосе. Сталь по-гречески — «адамас». А полная дешифровка этой коллективной криптограммы такова: Адам — «машина», «перевозочное средство». В «Золотом теленке» Бендер рассказывает притчу о советских комсомольцах Адаме и Еве. Он же говорит: «Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения». «Антилопа-гну» — «адамическая» машина: имя владельца — Адам Козлевич. «…В городе Арбатове появился первый автомобиль. Основоположником автомобильного дела был шофер по фамилии Козлевич». Четкая параллель: первый человек — первый автомобиль — животное (Козлевич). Иначе говоря — «живая машина», пьющая, подобно булгаковскому Бегемоту, какой-то необыкновенный бензин. А что предлагает Бендер Адаму Козлевичу? Большую железную бочку с авиационным бензином!.. «Вам нравится авиационный бензин?»

Из реки можно пить, — и по ней же легко добраться до соседних селений и городов. Наверное, это и есть «перевозочное средство» для путников но Вселенной — ветвящийся трубопровод, дающий «возможность передвигаться в нем, почти мгновенно достигая любой точки нашей вселенной».

«Стоило мне перед сном потушить лампу в маленькой комнате, как мне казалось, что через оконце, хотя оно и было закрыто, влезает какой-то спрут с очень длинными и холодными щупальцами». Он кажется чернилами, в которых можно захлебнуться. И далее: «Проснулся я от ощущения, что спрут здесь». В словах булгаковского «мастера» (в действительности это был иностранец) скрыта тайна «первой трубы», по которой поступает «топливо» для планетарной машины. «Единственный живой» Воланд, склонившийся над глобусом — «ноосферный» Адам Кадмон, единый и неделимый с миллиардами человеческих существ. Наша кровь — Его кровь. Она «ушла в землю» — в символическую Голгофу, в «адамову голову», в череп, который и есть наша планета. Лысый Череп. В этой чаше кровь загадочным образом пресуществляется и возвращается к своему истоку, из которого пьет человечество: «И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья». Кровь — в вино…

Что же течет на Землю? Не та ли огненная мазь. которую многозначительно втирают в больную ногу Воланда? Подсказка есть: глобус, «с одного бока освещенный солнцем», и «сожженное солнцем» лицо Воланда. А какое масло разливает Аннушка — перед тем, как пролиться крови? Подсолнечное! Перечитайте то место, где Бегемот сбегает от чекистов: в одном предложении упомянуты две трубы — водосточная и дымовая (вниз и вверх). Намек на «неразлучную парочку»? Левиафан — низводит на Землю невидимое «подсолнечное масло», порождающее органическую жизнь. То есть — библейского бегемота, тварь Божью (Воланд о

Бегемоте: «Убить проклятую тварь!»), которая пьет эту огненную жидкость и купается в ней. Затем «…кот смылся в заходящем солнце, заливавшем город».

Солнечное масло «заливает город», и от этого у Берлиоза было «что-то вроде галлюцинации». Кто же сгустился из знойного воздуха? «Левиафан»-Коровьев, жизнедатель. Иначе говоря. в излучении светила присутствует какой-то загадочный компонент, управляющий материализацией того, что мы полагаем объективной действительностью. Чтобы нам стала понятнее роль труб, питающих Землю «солнечным маслом», Булгаков завершает бал Воланда этой картиной: «Колонны распались, угасли огни, все съежилось, и не стало никаких фонтанов, тюльпанов и камелий». То же самое происходит в Варьете: материализовался и исчез «дамский магазин».

(Не напоминает ли это «Солярис»? Загадочная планета Станислава Лема тоже «лепит гомункулов» — абсолютно точные копии давно умерших людей. Латинское слово «солярис» — «солнечный». Нетрудно догадаться, что «фантаст» Лем имеет в виду наше светило).

Солнце не просто большой калорифер — это управляющий центр «материализации духов и раздачи слонов». Такая мысль прослеживается на многих алхимических гравюрах Средневековья. Вот один из сюжетов: человекоподобный гигант высится над миром людей, голова его — солнечный диск, руки — лучи, а ноги — толстые трубы. Мистический Адам Кадмон. (О.Бендер: «Вы знаете. Адам, новость — на каждого гражданина давит столб воздуха…»). О «тайном огне», исходящем от Солнца, писали алхимики. Они предупреждали, что без этой незримой субстанции, называемой также «огненным маслом», не получится никакое превращение. Не потому ли масло настойчиво упоминается в текстах бартиниевских учеников? Воланд предупреждает, что «Аннушка уже купила масло». О.Бендер интересуется: не на машинном ли масле готовится обед для старушек? Воробьянинов "…еще неясно представлял себе, что последует вслед за получением ордеров, но был уверен, что тогда все пойдет как по маслу: «А масломЮ — почему-то вертелось у него в голове, — каши не испортишь». В начале первого романа Остапу снится заведующий Маслоцентром, в конце второго Бендер подарил Адаму новый… маслопроводный шланг! А эти слова мы прочитали в гурджиевском предисловии к книге «Все и вся»: «Надо мной была произведена церемония великого посвящения в Братство по изготовлению масла из воздуха».

12. «ПО ЭТОЙ ДОРОГЕ, МАСТЕР, ПО ЭТОЙ!..»

О чем думает голодный герой повести «Понедельник начинается в субботу»? О бутерброде с маслом… А что он получает в избушке на курьих ножках? Картошку с топленым маслом… На другой день будущий маг залезает под машину с масляным шприцем в руках. Перед этим он видит стенд «Развитие идеи философского камня» и слышит фразу, никак не связанную с сюжетом: «Прозрачное масло, находящееся в корове, не способствует ее питанию, но оно снабжает наилучшим питанием, будучи обработано наилучшим способом».

Подобные вещи можно лишь угадать, — без малейшей надежды на то, что кто-нибудь одобрительно похлопает тебя по плечу или хотя бы молча кивнет: верной, мол, дорогой идете! Но допустим, что мы поняли правильно: река «огненного масла» течет на Землю, питая все живое. Невидимый поток можно сконцентрировать в определенной точке мозга — для того. чтобы пробудить забывшего себя «филиуса». Не так ли действует Философский Камень, называемый также «Тинктурой Адептов»?

(Вспомните: крем Азазслло «пахнет болотной тиной». Вряд ли это случайное совпадение: «Тинктуру Адептов» Яков Беме именует «жилищем вечной души», а Воланд дарит влюбленным «вечный дом». Бемс объясняет природу неблагородных металлов: «Металлическая натура темна и суха. мало дает пищи и потому сама себя пожирает, и находится в доме скорби». «Домом скорби» названо и заведение, в котором лечился мастер").

«Свинец не может стать золотом, — говорили алхимики. — Он и есть золото, пораженное проказой, которое можно вылечить». «Вылечите его, он стоит того!» — просит булгаковская Маргарита, и мы видим, как под действием таинственной субстанции избранный прозревает. Но обычный человек теряет даже то, что имел: Николая Ивановича крем сделал боровом, дрянный мальчик в «Старике Хоттабыче» стал собакой, девушка, надевшая «черную корону»

(«Лезвие бритвы») потеряла память.

Все давно описано. Символический шифр бартиниевских учеников лишь указывает на древние тексты, помогая связать их в нечто осмысленное. Например, про библейского бегемота сказано, что он легко мог бы выпить Иордан, а булгаковский Иван бросается в реку с «гранитных ступеней амфитеатра» — там, где раньше была «иордань». Ученик уподобляется бессмертному Адаму — «верху путей Господних». «По этой дороге, мастер, по этой!» — на которой и разлито таинственное масло прозрения. Пилат видит ее во сне — «скользкую, как бы укатанную маслом, голубую дорогу». Вслед за ним по дороге прозрения идет ученик Иван Бездомный (Понырев): он ныряет в символический Иордан — реку «огненного масла». По-видимому, это и есть «глазная мазь» Иисуса: поэт прозревает — «у него начались некоторые видения». Река масла — «верх путей Господних». Именно на этой дороге душа бывшего прокуратора встречает долгожданного Иешуа — в эпилоге. «Я есмь путь, истина и жизнь», — сказал Иисус.

Две трубы: «масло», текущее с Солнца и уходящая в землю кровь. Затем кровь снова превращается в таинственный компонент солнечного света, управляющий человечеством. Неспроста Маргарите говорят про кровь и виноградные гроздья, а из хрустальных гроздьев льется ослепительный свет, чудесно оживляющий покойников на балу Воланда. Иначе говоря, солнечный свет — лишь «оболочка», носитель невидимого «сока жизни» — суккуса древних мистиков. Человечество потребляет некую субстанцию, и взамен отдает другую — ту, которая содержится в крови. В Москве — масло Аннушки и кровь Берлиоза. В Ершалаиме — одуряющий запах розового масла и кровь казненных. А где проливается кровь Иуды? Возле масличного жома! Булгаков повторяет подсказку: в клинике Иван ест хлеб с маслом и тут же сдает кровь на анализ. («Сдавайте валюту!») В Библии сказано, что кровь является обиталищем души. На сленге сегодняшней научной парадигмы — жидкокристаллический носитель информации. Об этом «знают» и языки мира: «зов крови», «память крови», «вошло в плоть и кровь», «у нас в крови», — похожие выражения есть почти у всех народов.

«Я был в крови своих родителей», — говорит мыслящий пес-мутант из повести «Жук в муравейнике». А в последних строчках повести «Трудно быть богом» Стругацкие зашифровали булгаковскую мысль о крови, уходящей в землю: «Она робко потянулась к нему и тут же отпрянула. На пальцах у него… Но это была не кровь — просто сок земляники». Кровь, сок, земля… Сладкий сок жизни (память? информация? образы? эмоции?) собирается в страшный кубок Воланда — трансформацию глобуса. Череп стоит «на золотой ноге»: труба вниз?

Но все это условно: труба, по-видимому, одна — и не труба даже, а что-то вроде корневой системы дерева. Откройте «Маленького принца» на той странице, где Сент-Экзюпери изобразил планету с тремя баобабами: их корневища змеятся, как трубы, ветви уходят к звездам.

«Быть может, вы спросите: отчего в этой книге нет больше таких внушительных рисунков, как этот, с баобабами? Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно».

Невидимый фрактал из «страшно важных» труб оплетает маленькую планету, ветвится и пронизывает все живое.

Наши построения могли бы рухнуть в одном-единственном пункте: в булгаковской Москве-реке не было никакого масла. Но: «Иван Николаевич начал плавать в пахнущей нефтью черной воде». Нефть и черная вода! «Вода в пруду почернела» и после видения Ивана на Патриарших. Поэт очертил Иисуса «черными красками», а спрут, почудившийся больному мастеру, вдруг становится чернилами, в которых можно захлебнуться. «Нагадил в чернильницу» и ужасный воробышек, посетивший профессора Кузьмина. Маргарита вылила чернила в постель критика Латунского. Все «окрасилось в черный цвет», когда влюбленные выпили вина, присланного Воландом. Черная вода в реке пахла нефтью, нефть для котельной чрезвычайно заботит управдома Никанора Ивановича, дважды упомянута нефтелавка на Арбате. Все объясняется просто: древние египтяне и греки называли нефть «огненным маслом».

13. СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Мы уже упоминали о книге американского визионера Роберта Монро — отважного путешественника по одной из «параллельных» планет. В сентябре 1960 года в его дневнике появилась запись про мысленный контакт с каким-то неведомым существом: «Эта разумная сила вступила мне в голову в месте, расположенном над самым лбом и не содержала ни одной мысли или слова утешения. Казалось, она даже не подозревала о наличии у меня чувств и эмоций. Мною она была воспринята как нечто безличное, торопливо и целенаправленно ищущее в моем уме что-то вполне конкретное».

Что искала «разумная сила» в голове Монро, и почему именно ему разрешили посмотреть другой мир? Что-то подобное Монро спросил и получил ответ: «Возникло отчетливое ощущение, что я неразрывно связан (и всегда был связан) с нею долгом, и что здесь, на Земле я выполняю определенную работу. Моего согласия на это не требуется, мне просто поручено делать ее. Впечатление такое, что я приставлен обслуживать некую „насосную станцию“, что это — грязная, заурядная работа, но она моя, мне ее навязали и ничего, абсолютно ничего в этой ситуации изменить нельзя».

Общение с «работодателем» происходит без слов, при помощи аллегорических «картинок». Ясно, что «насосная станция» — не более, чем символ, понятный человеку середины XX века. А кому-то были понятны аллегории Книги Иова…

(Может быть, это одно и то же — библейский бегемот, запросто выпивающий реку, и увиденная Монро «насосная станция»? «Кости у него как медные трубы…»).

«Станционный смотритель» пишет: «Возникло ощущение огромных труб, столь древних, что все они покрыты отложениями и ржавчиной. По ним текло что-то вроде нефти, только гораздо более насыщенное энергией, нечто жизненно необходимое и ценимое где-то в другом месте (предположение: не на этой материальной планете). Это продолжается уже в течение эонов. Тут же присутствовали другие группы сил, извлекающие то же самое вещество, каким-то образом очень сильно конкурируя при этом друг с другом, а само вещество в некоем далеком пункте или в некоей цивилизации перерабатывалась в нечто, представляющее большую ценность для существ, находящихся за пределами моего понимания».

«Топливо» для котелка, в котором варится человечество — новые идеи. Именно об этом Бендер говорит Адаму Козлевичу: «Я вам уже сообщал, что в идеях у меня недостатка нет. Ровно через шестьдесят километров вас прямо на дороге будет поджидать большая железная бочка с авиационным бензином». («Авиационный бензин» — небесное происхождение идей?) Вниз поступает мистический суккус, огненное масло идей, управляющих миром — «кровь» бессмертных богов. Что же они берут взамен?

Роберт Монро понял показанную ему картину буквально: насосная станция, трубы, а в них — «что-то вроде нефти, только гораздо более насыщенное энергией, нечто жизненно необходимое и ценимое в другом месте». Встречная жертва — кровь? Ни в коем случае: по восходящей трубе течет все, что мы когда-либо видели, слышали, обоняли, осязали и пробовали на вкус — кинопленка жизней, те самые «рукописи», которые не горят.

Сок идей капает в вечный огонь жизни, и столбы невидимого дыма восходят к чутким ноздрям богов. «Дым отечества» пахнет печеным хлебом и пеплом сожженных еретиков, ипритом и амброй, росным ладаном и карболкой, стреляными гильзами и розами Казанлыкской долины.

«Прошу заметить!» — заклинает Булгаков, показывая читателю картину космического жертвоприношения человечества: «У камина маленький, рыжий, с ножом за поясом, на длинной стальной шпаге жарил куски мяса, и сок капал в огонь, и в дымоход уходил дым».

(Иешуа — Пилату: «Сказал так, чтобы было понятнее»).

Солнце снабжает Землю «огненным маслом» управляющей информации — большими и малыми идеями, порождающими историю, — а взамен получает дым человеческих грез. Но платой за скорость перемен стало однообразие восприятия. Если богам скучно — жди потрясений: придет «сантехник», постучит по трубе, и в одночасье рухнут моральные нормы, священные догматы, непоколебимые принципы и солидные, все на свете объясняющие теории. Поднимется брат на брата, толпа радостно низвергнет кумиров, прольется кровь и омоет новорожденную идею. И новые «небоги» примутся обжигать пресловутые горшки. Вероятно, в

этом и состоит смысл всех войн, революций и контрреволюций, военных переворотов, биржевых крахов, неурожаев, эпидемий, природных и технологических катастроф — прочистка трубы. Безжалостная ломка стереотипов, разрушение окаменелостей мысли, — ментальных тромбов, тормозящих единственно возможный прогресс — превращение человеческой гусеницы в куколку, а затем в бабочку.

Пешка никогда не станет гроссмейстером. Хотя бы потому, что пешка и есть гроссмейстер — овеществленная мысль Демиурга, упакованная в «одежды кожаные», в живую шахматную фигуру. Именно об этом толкует О.Бендер: «Идея, товарищи, это человеческая мысль, облеченная в логическую шахматную форму». Еще одна подсказка — «милиционер, одетый в специальную шахматную форму». Человек — «логическая форма», одежда Божественного Логоса — своего рода капсула большой или маленькой идеи. Средство доставки. Затем все возвращается к своему истоку, сбрасывая телесные оболочки — «прах к праху». Булгаков показывает этот восходящий поток на балу Воланда: «Снизу текла река. Конца этой реке не было видно. Источник ее, громадный камин, продолжал ее питать». Про таинственный камин сказано: «холодная и черная пасть». А на Арбате Маргарита видит реки кепок, от которых «…отделялись ручейки и вливались в огненные пасти ночных магазинов».

(Бегемот и левиафан: из пасти — в пасть…)

Нечто спустилось и сложило себя из земного вещества: «прах сложился в нагую вертлявую женщину». Выпив кровь («Пью ваше здоровье, господа!»), Воланд возвратил свое в себя («Нам чужого не надо!» — говорит помощник Демиурга), а вещество оставил на земле: «И фрачники и женщины распались в прах».

В конце романа герои умирают, но продолжают жить в той форме, которая позволяет перемещаться по воздуху и проходить сквозь стену больничной палаты. Это — астрал. Если представить человечество плывущим по реке ледяным крошевом, то астральные существа — это водяные струи и даже целые гольфстримы, играющие льдинками. Но астрал — лишь первая ступенька огромной лестницы, по которой поднимаются «избранные» — те, кто спустился.

«Это верно, без обмана, истинно и справедливо. Его отец — солнце, его мать — луна. Ветер носил его в своем чреве, Земля его кормилица. Отдели землю от огня, тонкое от грубого, осторожно, с большим искусством, и ты получишь Славу Света, и всякий мрак удалится от тебя».

«Славой Света» алхимики называли Философский Камень. Не случайно Адепт выбрал себе имя Роберт — «Слава Света».

14. ЗВЕЗДЫ И ТРУБЫ

«Здесь все совершалось по трубе. Труба управляла невидимой жизнью этого дома. Труба вдруг вызывала слитный шум сотен голосов и шарканья сотен ног. Она же вдруг водворяла такую мертвую тишину, что ни одного звука больше не слышалось, кроме шлепанья капли из рукомойника в умывальной и резкого тиканья часов под лестницей. Один раз труба приказала выстроиться невидимой роте, и Биденко слышал, как в тишине где-то строилась эта невидимая рота, рассчитываясь на пcрвый-второй, сдваивала ряды, поворачивала, а потом быстро прошла…».

Это — «Сын полка», любимая книга нескольких поколений советских школьников. Ее написал «дисковец» Валентин Катаев — друг Булгакова, Ильфа и Петрова. Повесть начинается с" того, что разведчики находят спящего мальчика — сироту Ваню Солнцева (ср.: Иван Бездомный). Писатель упорно именует разведчиков «великанами» и «богатырями»: «Оба великана не без труда помещались в палатке, рассчитанной на шесть человек». Богатыри В.Катаева, несоразмерные с обычными людьми — аллегория Сынов Божьих из шестой главы Бытия. Они — «исполины», родоначальники «сильных, издревле славных людей». И эпиграф к «Сыну полка» писатель подобрал соответствующим: «Это многих славных путь». Спасенный из ада Ваня тоже не из простых: чтобы намекнуть на тайну его происхождения, в первых строчках повести упоминается сказочный «серый волк, несущий Ивана-царевича». Катаев без конца повторяет, что «сын полка» — «пастушок» и «прирожденный воин», — то есть, избранный по праву рождения. Будущий «пастух народов»?

После страшных испытаний «маленький принц» получает символический ключ к тайне Трубы. «У меня и ключ специальный есть, чтобы трубки ставить», — говорит пастушок Солнцев. Сравните: булгаковский мастер «умирает», передав эстафету ученику Ивану: «Вы о нем продолжение напишите!» Погибает и наставник Ивана Солнцева — капитан Енакиев (тоже бывший пастушок!), — а ученику передают, как эстафетную палочку, погоны капитана — «сберечь до того дня, когда, может быть, и сам он сможет надеть их себе на плечи». В конце повести Катаев приводит своего героя в суворовское училище. Легко доказать, что писатель имел в виду бартиниевскую школу: Атон — солнечный диск, фамилия Вани — Солнцев. Подойдя к училищу («дом с колоннами»!), новый ученик видит светлый диск — «низкое солнце, лишенное лучей».

Сказано: «Труба управляла невидимой жизнью этого дома». Только на одной странице «училищной» главы труба упомянута целых десять раз! Что же делает бездомный Иван, управляемый Трубой? «Душа мальчика, блуждающая в мире сновидений, была так далека от тела, что он не почувствовал, как генерал покрыл его одеялом и поправил подушку». Очевидно, это главная забота «метрдотеля» Школы — управлять снами и стеречь покинутые тела учеников-астронавигаторов. Но сном была и вся прежняя жизнь Ивана: «Ему снилось то же самое, что совсем недавно было с ним наяву». Иначе говоря, сон в училище — лишь продолжение предыдущего сна: жизнь есть сон. И этим сном, живо напоминающим некоторые булгаковские страницы, завершается повесть:

"Внезапно какой-то далекий звук раздался в темной глубине леса. Ваня сразу узнал его: это был резкий, требовательный голос трубы. Труба звала его. И тотчас все волшебно изменилось. Ели по сторонам дороги превратились в седые плащи и косматые бурки генералов. Лес превратился в сияющий зал. А дорога превратилась в громадную мраморную лестницу, окруженную пушками, барабанами и трубами.

И Ваня бежал по этой лестнице.

Бежать ему было трудно. Но сверху ему протягивал руку старик в сером плаще, переброшенном через плечо, в высоких ботфортах со шпорами, с алмазной звездой на груди и с серым хохолком над прекрасным сухим лбом.

Он взял Ваню за руку и повел его по ступенькам еще выше, говоря:

— Иди, пастушок… Шагай смелее!"

Алмаз в древности называли адамантом. «Алмазный» Суворов — Адам Кадмон, Демиург человечества? Куда же ведет старый полководец маленького «сына полка»? На одну из планет, приготовленных для новых Адамов: «Там дрожало и переливалось несколько таких крупных и таких чистых созвездий, словно они были выгранены из самых лучших и самых крупных алмазов в мире». Напутствие старого Демиурга просто и понятно: паси народы, будь бесстрашен и помни о том, что жизнь — сон.

Нельзя не заметить, что катаевский «Воланд» — в сером. В конце повести мы видим его в плаще и ботфортах со шпорами, он демонстрирует алмазный знак и погружает героя в сон. И остальное сходится: бездомный Иван, сияющий зал и огромная мраморная лестница.

М.Булгаков: "По этой дороге, мастер, по этой!.. .

В.Катаев: «Это многих славных путь».

15. ДВА СОЛНЦА

Символы, увиденные «сыном полка», — алмазный знак и лестница — вызывают в памяти слова из алхимического трактата «Беседа отшельника Мориена с королем Халидом»: «Сын мой, мы рождены у подножия горы: внизу пропасть бездонная, слева тлетворная зеленая мгла, справа — шелестящие изумрудные луга. Если хочешь победить смерть — не страшись трудного восхождения, не отрывай глаз от сияния горного кристалла на вершине, ибо кристалл этот — зрелый алмаз Господнего милосердия».

«О, кристалл моей души!» — обращается Хоттабыч к Вольке. Алмазы ищут в стульях герои Ильфа и Петрова, а булгаковский Коровьев говорит Римскому: «Алмаз вы наш небесный, драгоценнейший господин директор». В том же 1944 году, когда был написан «Сын полка» (алмаз и труба), появился рассказ И.Ефремова «Алмазная труба». Катаев пишет в своей

автобиографической повести «Алмазный мой венец»:

«Мы много и упорно работали в газете „Гудок“, предназначенной для рабочих-железнодорожников. По странному стечению обстоятельств в „Гудке“ собралась компания молодых литераторов, которые впоследствии стали, смею сказать, знаменитыми писателями, авторами таких произведений, как „Белая гвардия“, „Дни Турбиных“, „Три толстяка“, „Зависть“, „Двенадцать стульев“, „Роковые яйца“, „Дьяволиада“, „Растратчики“, „Мастер и Маргарита“ и много, много других. Эти книги писались по вечерам и по ночам, в то время как днем авторы их сидели за столами в редакционной комнате и быстро строчили на полосках газетного срыва статьи, заметки, маленькие фельетоны, стихи, политические памфлеты, обрабатывали читательские письма и, наконец, составляли счета за проделанную работу».

Катаев, Булгаков, Ильф и Петров… Кто остался на «алмазной трубе»? Юрий Олеша. Возьмем, к примеру, его знаменитый мемуар под названием «Ни дня без строчки» и откроем последнюю страницу:

"Я очень часто ухожу очень далеко, один. И тем не менее связь моя с некоей станцией не нарушается. Значит, я сам в себе живу? Как же так? Неужели я ношу в себе весь заряд жизни? Неужели весь провод во мне? И весь аккумулятор? Это я — вся моя жизнь? Этого не может быть. Очевидно, при каждом моем шаге с тех пор, как я явился в мир, мною заведует внешняя среда, очевидно, солнце, которое все время держит меня на проводе, на шнуре — и движет мною, и является моей вечно заряжающей станцией.

Оно проступает в виде мутно светящегося круга сквозь неплотную, но почти непроницаемую преграду туч — всего лишь проступает, и, смотрите, все же видны на камне тени. Еле различимо, но все же я вижу на тротуаре свою тень, тень ворот и, главное, — даже тень каких-то свисающих с дерева весенних сережек!

Что же это — солнце? Ничего не было в моей человеческой жизни, что обходилось бы без участия солнца, как фактического, так и скрытого, как реального, так и метафорического. Что бы я ни делал, куда бы я ни шел, во сне ли, бодрствуя, в темноте, юным, старым, — я всегда был на кончике луча".

Солнце Олеши — «фактическое» и «скрытое», «реальное» и «метафорическое». Именно так: «тайное солнце» магов и алхимиков (оно же — «полночное солнце», «темное пламя», «огненное масло», «красный лев») к нашему «фактическому» светилу отношения не имеет. Это лишь метафора, — как нарисованный очаг в каморке папы Карло. (В «Золотом ключике» тоже два солнца: бутафорское светило встает над игрушечным городом, а истинное — светит «со сводчатого потолка сквозь круглое окно»).

Итак, писателю Олеше известны очень узкоспециальные вещи: «тайное солнце» управляет людьми. Не посещал ли он астральным образом некоторые «братские» планеты? «Я очень часто ухожу очень далеко, один. И тем не менее связь моя с некоей станцией не нарушается». Но самое интересное признание автор делает в самом конце книги: оказывается, отбор эпизодов подчинен замыслу таинственного человека, объясняющего тайны мироздания и управляющего грезами Олеши:

"Он все возвращался к теме света. Материальный мир создан светом. Называйте это как хотите — квантами, атомами, но это свет, это солнце.

— Все создано солнцем? — спросил я.

— Конечно!

Ему можно было поверить хотя бы потому, что в конце концов он говорил школьные вещи. Ему просто нельзя было не поверить, поскольку он…"

Здесь Олеша интригующе замолкает. Кто же этот человек, говорящий «школьные вещи» о солнце?

16. «ПОД РАДУЖНЫМ ОПЕРЕНИЕМ»

«Я всегда был на кончике луча», — пишет Олеша, намекая на египетский Атон — диск с опущенным вниз веером лучей-рук. На кончиках лучей — крохотные кулачки с анхами — ключами бессмертия. Это человеческие души, управляемые солнцем («Вани Солнцевы») —

жрецы и фараоны. А на розенкрейцеровских гравюрах царствующее светило изображалось с ногами-трубами.

«…Ко мне, по доброй воле, само, раскинув луч-шаги, шагает солнце в поле!» У этого стихотворения очень длинное название — «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». И дата: 1920 год. Миллионы советских школьников учили наизусть — про то, как один из основоположников социалистического реализма пригласил Солнце на чай. Посидели они запанибрата и договорились о совместной деятельности: «Я буду солнце лить свое, а ты — свое, стихами». Дуэт стихов и света поэт сравнивает с… двустволкой!

(Солнечные «луч-шаги» — две трубы? Вспомните фамилию поэта-халтурщика в «Двенадцати стульях»: Ляпис-Трубецкой. Его прототипом считается Маяковский. Lapis Exilis — одно из названий Философского Камня. Труба и Камень?!)

Давайте поверим на слово пролетарскому поэту: в июле двадцатого года с ним случилось что-то необыкновенное. Не отмечено ли это событие в других произведениях Маяковского? Возьмем, к примеру, знаменитую сатирическую пьесу «Клоп»: некий Иван Присыпкин расстается с невестой Зоей (по-гречески — «жизнь») и вообще порывает со своей прежней жизнью — бросает работу, выходит из партии, меняет имя и фамилию, покидает общежитие, проходит обучение хорошим манерам и, наконец, сочетается браком с девицей по фамилии… Ренессанс!

Женитьба завершается пожаром и гибелью: мистическое рождение через смерть. Внешний сюжет подобных произведений — лишь веселая притча, знак чего-то другого. Не случайно смерть и второе рождение героя «Клопа» дублируется попыткой самоубийства Зои («жизнь») и встречей через полвека в Институте человеческих воскрешении: жизнь вернулась.

Свадьба, смерть, воскрешение и множество роз — даже мать невесты зовут Розалией! Не обыгрывает ли поэт розенкрейцеровскую «Химическую женитьбу…»? «Есть про розы только в учебниках садоводства, есть грезы только в медицине, в отделе сновидений», — пишет Маяковский. Упоминается также множество всяческих труб и раструбов, которые механики смазывают маслом.

Пьесу «Клоп» Маяковский назвал «феерической комедией». В конце прямо говорится, что пьеса зашифрована: «Однако мы никогда не отказываемся от зрелища, которое, будучи феерическим по внешности, таит под радужным оперением глубокий научный смысл». Павлин в христианской символогии — знак воскресшего Иисуса. Таким образом, в «феерической комедии» скрывается древний ритуал посвящения: неофит переживает временную смерть в «отделе сновидений» и уподобляется Богочеловеку. В конце пьесы герой скрытого сюжета предлагает себя в жертву кровососу-человечеству. Застывший в своем стерильном благополучии мир был потрясен эпидемией влюбленности, половодьем других неведомых ему чувств, — так бывает всегда с приходом Мессии. Но и сам Иван — «клоп»: «…разжирев и упившись на теле всего человечества, падает на кровать». Нам показывают схему кровообращения Адама Кадмона. чье тело — все человечество. Чтобы было понятнее, в конце спектакля «первочеловек» Иван приглашает к кормлению клопа всех присутствующих персонажей и даже зрителей спектакля.

Героя Стругацких — Максима Каммерера — называют Биг-Багом. В переводе с английского — «Большой Клоп»… Мы уже упоминали о вставной новелле в «Двенадцати стульях» — «Рассказ о гусаре-схимнике». Что же вернуло к жизни бывшего графа? Клопы! В «Золотом ключике» и в булгаковском романе упомянуты лечебные пиявки, мухи сосут тело Иешуа, Воланд и Маргарита пьют кровь, ставшую вином, а Варенуха от этой чести отказывается: «Не могу быть вампиром!» Прибавьте сюда многозначительные эпизоды с больным коленом Воланда и с коленом Маргариты, заболевшим от поцелуев тысяч гостей-"кровососов". Человечество пьет мистическую кровь и отдает ее обратно: донор и вампир — одновременно. Почему Маргарита помиловала Фриду, убившую своего ребенка? Женщина с назойливыми глазами олицетворяет все человечество — жертву и палача.

«Кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?» — многозначительно спрашивает Воланд, и тот же вопрос задает Маргарита — о хозяине Фриды. Адам-Воланд, «первый человек» — истинный хозяин планеты, играющий миллиардами живых фигур, в которые он постоянно воплощается. Перечитайте то место в романе, где поет

невольный хор служащих филиала: «Поражало безмолвных посетителей филиала то, что хористы, рассеянные в разных местах, пели очень складно, как будто весь хор стоял, не спуская глаз с невидимого дирижера».

Маргарита-Ева отважилась пройти страшное посвящение в тайну планетарного «управдома»: став «хозяйкой бала» («Бал» по-древнееврейски — «Господь») и выпив «чистый спирт» (Sancta Spiritas — Святой Дух), она уподобилась Воланду — приняла на себя его крест. Неспроста от поцелуев грешников у Маргариты разболелась нога — в точности как у Воланда! Нельзя не узнать и лестницу, по которой поднимались толпы гостей: это Санта Скала — Святая Лестница, — перевезенная в Рим из Иерусалима. По этим ступеням Иисуса водили на допрос к Пилату.

17. СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Сходство тайных сюжетов «Клопа» и «Мастера…» кажется странным и неожиданным. Но давно замечено, что сцена с Рюхиным у памятника Пушкину — аллюзия на стихотворение В.Маяковского «Юбилейное». Узнаваемы и стихи Рюхина, которые взялся обличать Иван: «взвейтесь!» да «развейтесь!» («Время, ленинские лозунги развей!..»). В рукописи романа был еще один намек на Маяковского: Воланд не пожелал жить в «Метрополе» потому, что увидел там клопа. А в самом «Клопе» есть эпизод, где профессор читает «Словарь устаревших слов»: «Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков…».

На людях они относились друг к другу с демонстративной враждебностью. Маяковский постоянно нападал на Булгакова — устно и печатно. «Литературный белогвардеец» и «платный певец буржуазии» — самые мягкие из его ругательств. Не оставался в долгу и «белогвардеец». "Нигде кроме такой отравы не получите, как в «Моссельпроме», — думает Шарик из «Собачьего сердца». (Маяковский: "Нигде кроме, как в «Моссельпроме!»). Тем более странной выглядит находка М.Чудаковой — лирическое стихотворение Булгакова (1930), в котором можно увидеть ответ на посмертное стихотворение Маяковского. Но Булгаков не мог его читать: оно осталось в записной книжке поэта и было опубликовано несколько лет спустя. Или все же мог?.. А незадолго до своей смерти Булгаков записал в дневнике: «Маяковского прочесть как следует».

«Черепа шкатулку вскройте — сверкнет драгоценнейший ум. Есть ли, чего б не мог я?». И далее: «Солнца ладонь на голове моей…» Таким Маяковский был до семнадцатого года — обыкновенный сверхчеловек, избранник Солнца. Затем он надевает маску пролетарского поэта, «горлана-главаря», выразителя чувств угнетенных низов: «Сто пятьдесят миллионов говорят губами моими»! Маяковский воспевал жертвенность ради светлого будущего и безжалостность к врагу. Он отдал свой язык толпе, стал шпаргалкой неграмотных активистов, поэтическим бульдозером, сметающим прочь все то, что зовется простым человеческим счастьем.

«Маяковский дал улице то, чего ей хотелось, изысканное опошлил, сложное упростил, тонкое огрубил, глубокое обмелил и втоптал в грязь, — писал в 1930 году эмигрант В.Ходасевич. — Его истинный пафос — пафос погрома, насилия и надругательства надо всем, что слабо и беззащитно».

«Опутали революцию обывательщины нити. Страшнее Врангеля обывательский быт. Скорее головы канарейкам сверните — чтобы коммунизм канарейками не был побит!»

Архиреволюционно, не правда ли? Но в день рождения своей возлюбленной поэт подарил ей… канарейку! Из первой же заграничной поездки Маяковский вернулся одетый по последней парижской моде, нагруженный сорочками, галстуками, духами и тальком «Пальмолив» для бритья. Из второго путешествия певец революционной аскезы привез «иномарку» — первый личный автомобиль у советских писателей. Он сумел стать своим среди чужих, поэтическим Штирлицем, — и в этом действительно было что-то сверхчеловеческое. Перечитайте то место в «Мастере…», где Иван разоблачает Рюхина: «Типичный кулачок по своей психологии… и притом кулачок, тщательно маскирующийся под пролетария». И далее: «А вы загляните к нему внутрь — что он там думает… вы ахнете!» Анх — в кулачке? Анх, покоящийся в руке Атона — душа избранного. «А вы загляните к нему внутрь», — советует Булгаков. Не поможет ли «внутренний» Маяковский лучше понять Булгакова и других учеников мистической школы? В

книге «Алмазный мой венец» Катаев назвал поэта Командором. Единственного из «республики безумных гениев» — с заглавной буквы!.. «Игра с читателем», — объясняют литературоведы. А сам Катаев без конца повторяет, что человеческая память — штука очень ненадежная.

Значит, все было по-другому?

В Откровении сказано: «Имеющий ухо да слышит: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает». Олешу Катаев назвал первым: ключик. Еще были синеглазый, мулат, колченогий, королевич и другие: разве это не новые имена? А на последней странице каждый из литераторов получает «белый камень» — скульптуру, изваянную из «звездного вещества» — из «светящейся неземной белизны, … по сравнению с которой лучший каррарский мрамор показался бы сероватым». «Побеждающим дам одежды белые…».

Далеко не все герои Катаева присутствуют в списке «дисковцев», — но это и следовало ожидать. Интереснее другое: воскрешение и преображение в «звездное вещество» происходит во сне, — пасхальным утром. На той же странице — про «восковое лицо человекобога» и его кровь… Катаев дважды повторил, что скульптуры из «звездного вещества» не отбрасывают тень: значит, они нематериальны?

Астрал, звездный свет — так назвал эту субстанцию знаменитый христианский мистик Элифас Леви. Астральное тело — «тонкая фракция» каждого существа. В состоянии измененного сознания оно может выходить за пределы физической оболочки — во сне, например, или после очередной смерти. «Запасной выход».

Маяковский: «А за горой была дыра и в ту дыру наверное спускалось солнце каждый раз — медленно и верно».

18. НЕВИДИМЫЙ КРЕСТ

«Когда я вспоминаю Маяковского теперь, во мне очень ярко ощущение чего-то недосказанного, — пишет Ида Яковлевна Хвасс. — Всегда чувствовалось, что за всеми внешними проявлениями грубости, чудачествами скрыта какая-то совсем другая жизнь. В те годы это подчас злило, возмущало то, что он как бы не допускает в свою другую, настоящую жизнь…».

Ю.Олеша: «Глаза у него были несравненные — большие, черные, с таким взглядом, который, когда мы встречались с ним, казалось, только и составляет единственное, что есть в данную минуту в мире. Ничего, казалось, нет вокруг вас, только этот взгляд существует. Когда я вспоминаю Маяковского, я тотчас вижу эти глаза — сквозь обои, сквозь листву. Они на меня смотрят, и мне кажется, что в мире становится тихо, таинственно…».

Роман Якобсон: "Весной 1920 года я вернулся в закупоренную блокадой Москву. Привез новые европейские книги, сведения о научной работе Запада. Маяковский заставил меня несколько раз повторить мой сбивчивый рассказ об общей теории относительности и о ширившейся вокруг нее в то время дискуссии. Освобождение энергии, проблематика времени, вопрос о том, не является ли скорость, обгоняющая световой луч, обратным движением во времени, — все это захватывало Маяковского. Я редко видел его таким внимательным и увлеченным. «А ты не думаешь, — спросил он вдруг, — что так будет завоевано бессмертие?» Я посмотрел изумленно, пробормотал нечто недоверчивое. Тогда с гипнотизирующим упорством, наверное, знакомым всем, кто ближе знал Маяковского, он задвигал скулами: «А я совершенно убежден, что смерти не будет».

Это — настоящее?..

В апреле 1927 года Маяковский посещает «Первую мировую выставку межпланетных аппаратов и механизмов» (о ней мы упоминали в связи с булгаковскими друзьями Земским и Ветчинкиным). Через несколько дней «Командора» снова видят в доме №68 на Тверском бульваре — среди диковинных экспонатов и странных людей. Десять тысяч человек побывали на этой невероятной выставке. Вот что сообщала одна из московских газет: «Посетители идут сюда как-то застенчиво, оглядываясь, словно боясь чтобы не увидел кто и не осмеял. Только у немногих решительный вид, — так и кажется, что этот человек пришел записываться для первого полета на Луну. Впрочем, такие желающие и в самом деле были». Маяковскому

показали специальную тетрадь, в которой регистрировали кандидатов — по всей форме, как на бирже труда!

В пьесе «Баня» изобретатель «машины времени» Чудаков объясняет: «Волга человечьего времени, в которую нас, как бревна в сплав, бросало наше рождение, бросало барахтаться и плыть по течению, — эта Волга отныне подчиняется нам. Я заставлю время и стоять и мчать в любом направлении и с любой скоростью». В сатирической пьесе такое разъяснение кажется лишним, но оно совершенно необходимо, если нужно передать объемность времени. Именно в шестимерном мире Бартини, где нет разницы между субъективным и объективным, единственно возможная «машина времени» — сам человек.

«Я почти могу поручиться, что в машине материализуется постороннее тело», — говорит Чудаков. «Постороннее тело» возникло и оказалось «фосфорической женщиной» из будущего. Но вот что подозрительно: посланница 2030 года показывает мандат в виде древнего свитка! С собой она берет только избранных — «хорошие экземпляры людей».

Куда же на самом деле возвращается фосфорическая женщина и каких людей она отбирает? «Летящее время сметет и срежет балласт, отягченный хламом, балласт опустошенных неверием». Неверие — во что?.. Обратите внимание на ту сцену, где уверовавшие в Чудакова (чудо!) люди мучительно затаскивают по лестнице его «аппарат» — тяжелый и раскаленный, как кухонная плита. Это и есть символические весы, на которых взвешивают достойных: «Смотри, ты призаметил эти две линейки, горизонтальную и вертикальную, с делениями, как на весах?»

Чудо, крест и Голгофа?

…Через три месяца после премьеры «Бани» Командор кончил жизнь самоубийством. Некоторые исследователи видят здесь руку ОГПУ — только на том основании, что обстоятельства его смерти не вполне ясны. Это кажется маловероятным: если бы пролетарский поэт действительно мешал государству, его ликвидацию обставили бы как несчастный случай. Но можно представить ситуацию, при которой Консерваторы принимают Маяковского за кого-то другого и выключают его из Игры. Бартини возвращается в столицу сразу после гибели поэта.

19. ТЕЛО РА

Третье действие «Бани» предваряет ремарка: «Сцена — продолжение театральных рядов». Иначе говоря, по ходу пьесы мы, сидящие в театре, видим на сцене другой театр и других зрителей, которые видят пьесу с теми же персонажами. Вселенская матрешка. Маяковский подсказывает, что наш мир —тоже чей-то спектакль, плод воображения невидимого режиссера: «Мужской свободный состав, сбрасывайте воображаемые оковы, вздымайтесь к символу солнца. Размахивайте победоносно руками. Свобода, равенство и братство, симулируйте железную поступь рабочих когорт. Ставьте якобы рабочие ноги на якобы свергнутый якобы капитал. Свобода, равенство, братство, делайте улыбку, как будто радуетесь. Свободный мужской состав, притворитесь, что вы — „кто был ничем“, и вообразите, что вы — „тот станет всем“. Взбирайтесь на плечи друг друга, отображая рост социалистического соревнования…». И еще полстраницы в том же духе — на грани саморазоблачения. После этого как-то не очень веришь поэту, сказавшему в интервью «Литгазете», что идея пьесы — «борьба с узостью, с делячеством, с бюрократизмом, за героизм, за темп, за социалистические перспективы».

«Сбрасывайте воображаемые оковы, вздымайтесь к символу солнца!» Символ солнца — диск Атона. Египетские жрецы называли его «видимым телом Ра» — невидимого солнца. Не это ли «светящееся тело» материализовалось в невидимой машине Чудакова? Неспроста инженер говорит про «Волгу человечьего времени»: в древности эта река называлась Ра.

Нужно найти и перечитать те места «шифровок» Маяковского и Булгакова, где они говорят об одном и том же. Общее — самое важное. Левий Матвей, например, записал слова Иешуа: «Мы увидим чистую реку воды жизни». Не эту ли воду пьет булгаковский Бегемот и аллегорический бегемот Иова — человечество? А Бартини говорил о невидимой реке времени, текущей от Солнца, заливающей Землю и планеты. Откровение Иоанна Богослова предупреждает, что «времени уже не будет», — очевидно, в тот момент, когда иссякнет поток

душ, сходящих в зарождение.

Река времени — река жизни? Ра называли держателем анха, «Ключа от Небесного Нила» — «золотого ключика», открывающего выход из Страны Дураков. (Нельзя не вспомнить и булгаковскую пьесу «Блаженство»: вор украл «золотой ключик» к «машине времени», которую создал инженер с «речной» фамилией Рейн). А вот каким образом в «Бане» объясняется принцип движения по реке времени: «Этим ключом ты изолируешь включенное пространство и отсекаешь от всех тяжестей потоки земного притяжения, и вот этими странноватыми рычажками включаешь скорость и направление времени».

Человек, плывущий по реке времени, похож на льдину — в том смысле, что он сам состоит из этой «воды». Маяковский уточняет, что люди перемещаются по времени «как бревна в сплав» — движутся в будущее. Против течения времени может перемещаться лишь астральное тело: прибывшая из будущего гостья постепенно остывает, тяжелеет и становится видимой. Ясно, что она снова облекается в плоть, в материю — «материализуется постороннее тело». Для выхода из своего времени необходима «смерть вещества» и освобождение души — растворение в потоке времени. Не скрывается ли здесь тайна «Золотого Правила» алхимиков: «растворяй и осаждай»?

«Этим ключом ты изолируешь включенное пространство», —объясняет изобретатель Чудаков. Слова «ключом» и «включенное» оказались рядом: «включенное» пространство — значит, присутствующее в самом ключе, открывающем дверь. Иначе говоря, — ключ от квартиры, где лежат пресловутые деньги, находится в самой квартире. В «Золотом теленке» Остап объясняет: «Я изучаю души своих пациентов». Он получает миллион на станции Гремящий Ключ. А в «Двенадцати стульях» эту мысль иллюстрирует маленький диалог:

"— Ключ, — замычал инженер.
— Что ключ? — спросил Остап.
— От кв-в-варти-ыры.
— Где деньги лежат?"

Ключ — это и есть мистические «деньги», единственное сокровище, которое следует искать ученику мага. В себе нужно что-то «изолировать» — отделить одно от другого. Мистики понимали это как временное освобождение бессмертной души от оков смертного тела. Отделением «тонкого от грубого» завершилась символическая инициация Вани Солнцева: «Душа мальчика, блуждающая в мире сновидений, была так далека от тела, что он не почувствовал, как генерал покрыл его одеялом и поправил подушку».

Анх — ключ к бессмертию души. Анх всегда находится в руке Атона: избранная душа исполняет волю солнечного бога, и он о ней постоянно помнит. (Ю.Олеша: «Я всегда был на кончике луча»). То же самое мы видим в христианстве: избранные — те, кто «соблюдают дела Мои» — изначально записаны в Книгу Жизни.

20. ПРОЙТИ СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО

Золотой ключик открывает дверь в себя, — именно поэтому на деревянной двери нового кукольного театра вырезан портрет самого Буратино, выструганного из полена. А в толстовском сценарии полнометражного мультфильма Буратино поет песенку про дверь: «В стене той заветная дверца, за дверцей большая страна…». У нас есть с чем сравнить: «темная дверь» ведет в спальню Воланда, — в то иллюзорное пространство, где на зеркальном полу кружатся вальсирующие пары, — в «Золотом теленке» есть глава «Врата великих возможностей», у Катаева — «Маленькая железная дверь в стене», в «Пирамиде» Леонова — «запасной выход» в колонне… Но вот что говорит леоновская героиня: «А там и нечего бояться, если можно пройти все до края, не прикасаясь ни к чему. Ведь помимо того, что железная, это моя входная дверь. И что плохое может случиться внутри меня со мной?»

Душа «филиуса» — не только ключ, но и дверь, к которому этот ключ подходит. И то, что открывается за этой дверью… Не потому ли изобретатель Чудаков говорит о «включенном пространстве»? Пространство — в душе?.. «Пространство внутри сердца такое же огромное,

как Вселенная, — так написано в „Упанишадах“. — Именно в сердце заключены все миры, небо и земля, огонь и ветер, солнце, звезды, луна и молния».

Аристотель рассуждал о человеке большом и малом, а древние маги учили, что человеческая душа есть Микрокосм — маленькая Вселенная, в целом подобная большой — Макрокосму. Самое раннее упоминание о таком представлении мы обнаружили у Боэция — в его знаменитом «Утешении философа», написанном в ожидании казни. Тысячу лет спустя эту мысль основательно прорабатывал Джордано Бруно — и тоже не успел. Но идея не вполне погибла: став поначалу общим местом в сочинениях европейских мистиков, она благополучно выродилась в абстрактно-гуманистические сентенции типа «каждый человек — это целый мир».

Микрокосм — точная копия большого мира. Но не простое отражение, а непостижимое единство большого и малого, "я" и «не я» — объекта и субъекта. В этом, собственно, и состоит скрытый смысл бартиниевских статей о шестимерной гиперсфере Вселенной как ансамбле миров-дублетов.

«Представьте океан и каплю, — говорил Бартини. — Капля безбрежного океана, способная стать любой другой каплей — разве она не есть весь океан?». В «Цепи» человеческая душа уподобляется зеркальному шару. Она отражает в себе весь мир, — столь же реально, как то, что отражается. Или — столь же иллюзорно?.. Но этот внутренний «шар» способен исполнить любые пожелания внешнего заказчика — если, конечно, индивид сумеет отыскать его в захламленной кладовке своего сознания.

«Внутреннее подобно внешнему», — учили маги, передавая достойным и сообразительным ключ к могуществу. В своих объяснениях они использовали разные аллегории, но имели в виду одно — единство малого и большого, воображаемого и реального. Кастанеда, например, говорит о «точке сборки», которая есть у каждого человека, — в это место по незримому «кабелю» поступает вся информация о мире. Наша реальность — не «окно», а «дисплей». Индивид способен не только корректировать свое видение, но и навязывать его окружающим. Мир — среднее арифметическое наших иллюзий, и маг может изменить его, заставив ближайшее окружение переключиться на нужную ему «картинку». Затем волна переключений примет необратимый характер.

…Океан и капля, — которая может стать любой другой каплей или всеми сразу. Перемещение во времени и пространстве сводится к тому, чтобы осознать себя богоподобным существом — «зеркально-шарообразным». Булгаков следует именно этой бартиниевской метафоре: «Оба хулигана взлетели вверх под потолок и там будто бы лопнули оба, как воздушные детские шары». А в каком виде улетают с Земли мастер и его возлюбленная? «Они пролетели над городом, который уже заливала темнота. Над ними вспыхивала молния. Потом крыши сменились зеленью. Тогда только хлынул дождь и превратил летящих в три огромных пузыря в воде». Воздушные пузыри в воде, как известно, зеркальные — за счет отражения на границе двух сред.

Микрокосм, шарообразное зеркало души — не здесь ли открывается обетованная дверь в себя? Мы видим зеркальный пол на балу Воланда, в Торгсине — «зеркальные двери», в квартире Латунского — « двери зеркального шкафа», а двери в подъезде «Дома Драмлита» — стеклянные. «…В зелени трельяжа было устроено входное отверстие», — пишет Булгаков. Затем он упоминает о микроорганизмах. Вход — в зеркале Микрокосма?

Писатель терпеливо повторяет одну и ту же метафору: посвящаемый бросается в реку (варианты — в кровь, в масло, в коньяк и даже в селедочный рассол, — как сиреневый «иностранец» в Торгсине) и выныривает на поверхность. Аллегорическая модель жертвенного схождения Бога в созданный им мир: вечность стала временем, а дух утонул в человеческой плоти, начисто забывшей свою божественность.

Дверь, открывающаяся в зеркале Микрокосма — по-видимому, это и есть путь спасения: «Зазвенели и посыпались стекла в выходных зеркальных дверях, выдавленных спасающимися людьми». Булгаков повторяет намек: «В то время, как Наташа, хохоча от радости, упивалась перед зеркалом своею волшебною красой, дверь открылась…». А каким образом свита Воланда оказалась в «нехорошей квартире»? «Прямо из зеркала трюмо вышел маленький, но необыкновенно широкоплечий…».

(Значит, Буратино тоже входит в «зеркало»?)

Льюис Кэрролл: «Ох, как мне хочется попасть в Зазеркалье! Там наверняка столько удивительных вещей! Давай играть, как будто мы с тобой можем пройти сквозь зеркало».

Александр Грин: «— Я взял Ремма с Тристан д'Акунья, — сказал Бам-Гран, когда тот ушел, — я взял его из страшной тайны зеркального стекла, куда он засмотрелся в особую для себя минуту». А в этих строчках «Фанданго» скрыта форма «тайного зеркала»: «Отчетливость всего изображения была не меньше, чем те цветные отражения зеркальных шаров, какие ставят в садах».

21. «ДВЕРИ ЛИЦА ЕГО»

В библейской «Книге Иова» Создатель описывает лучшее Свое творение — бегемота, — а затем плавно переходит к левиафану. Мы предположили, что два чудовища символизируют человечество — единый живой «агрегат» в его разных аспектах — вход и выход. Господь риторически вопрошает Иова: «Нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его; кто же может устоять перед Моим лицем?» Смысл вопроса ясен: испугавшийся Божьего творения («по образу и подобию»!), устоит ли перед оригиналом? Значит, всечеловек Адам Кадмон, — бегемот и левиафан, взятые вместе — образ Творца и Его Микрокосм. Каждый человек — «микроорганизм», капля, отразившая в себе океан…

«Кто может отворить двери лица его?» — спрашивает Господь о бегемоте. Булгаковский Адам-Воланд играет в шахматы с Бегемотом, не отрывая взгляда от хрустального глобуса — «странного, как будто бы живого». Перед балом кот несколько раз «шаркает», затем его называют «шарлатаном». Живой шар? Булгаков с готовностью подтверждает эту догадку: «Кот от обиды так раздулся, что казалось, еще секунда, и он лопнет». Перед входом в магазин кот превращается в человека «с круглой головой», он же отрывает голову у конферансье и устанавливает ее на место, вцепляется в голову Геллы, а в виде котенка — в голову буфетчика. Как и вся свита, Бегемот являет собой символическую фигуру, показывающую истинные полномочия булгаковского Демиурга — хранителя шара: «Кот начал шаркать задней лапой, передней и в то же время выделывать какие-то жесты, свойственные швейцарам, открывающим дверь». («Шаркать», «швейцар», «дверь»). В эту дверь (в живой шар глобуса, в свой «образ и подобие», то есть — в левиафана и бегемота!) Воланд входит и выходит беспрерывно — рождениями и смертями. Человечество — Микрокосм булгаковского Адама, его коллективная душа, творящая историю. «Позвольте вас поблагодарить от всей души!» — говорит Ивану «историк» Воланд.

Про Коровьева сказано — «переводчик». Он переводит из одного мира в другой: «Турникет ищете, гражданин? — треснувшим голосом осведомился клетчатый тип, сюда, пожалуйте! Прямо, и выйдете куда надо». Именно Коровьев ведет Маргариту к двери в спальню Воланда. Обратите внимание: в тот день Маргарита трижды оказывалась перед зеркалом. Утром — «расчесывая перед тройным зеркалом короткие завитые волосы», затем — перед «трехстворчатым зеркалом», а вечером — «перед трюмо». Трюмо — подсказка: строго говоря, это двереподобное зеркало в стене. Маргарита, «отражаясь в зеркале, долго сидела, не спуская глаз с фотографии»: «двери лица его» — зеркальные! — через которые пройдет лишь тот, кто заглянул внутрь себя, в шар своего Микрокосма.

«Изменились ли эти горожане внутренне?» — многозначительно спрашивает Воланд. Всмотритесь пристально в разные глаза мага: один, горящий («Глаз Воланда горел так же, как одно из таких окон»), ведет наверх — к свету, другой — «выход в бездонный колодец всякой тьмы и теней». Но из беседы Воланда с Левием мы узнаем, что мир теней — Земля. Свет и тьма, верх и низ, белое и черное, посередине — серый Воланд…

Только падение происходит быстро и по наикратчайшей траектории. Путь наверх — извилист и труден. Берлиоз ушел вниз, — «в небытие», которое и есть наш мир, — а ученик Иван мучительно поднимается наверх. Воланд — посредник: «иностранец ловко уселся между ними». Но разделитель двух мировых потоков является и объединяющим началом, вечным двигателем этого страшного и чудесного эскалатора. Он — «престранный субъект» человеческой не горни и заботливый проводник каждого, кто сходит вниз или поднимается по

«двойной трубе».

(Не потому ли знаменитый дом в Кривоарбатском переулке выстроен в виде сдвоенного цилиндра? Форма помещения может быть материальным символом, полезным при обучении астральным полетам).

В одном из ранних вариантов романа у Воланда — «глаз с дырой» («Уу, проклятая дыра!»). В глазу Коровьева — разбитый монокль, а летящая Маргарита крушит преимущественно стеклянное и зеркальное: зеркало Микрокосма нужно разбить — сделать пролом в стеклянной стене реальности, сорвать старую холстину с фальшивым котелком человеческого ума.

«— Ах, так?! — дико и затравленно озираясь, произнес Иван, — ну ладно же! Прощайте… — и головой вперед он бросился в штору окна. Раздался удар, но небьющиеся стекла за шторою выдержали его…».

Звон разбиваемого стекла нескончаем: очки Ивана, пенсне Коровьева и его монокль, литровая банка с маслом, стекло трамвая, светящийся дорожный знак, зеркало трюмо, ресторанная посуда, зеркальные двери и зеркальный шкаф, окна в «Доме Драмлита», лампочки, стакан, бокал, стекло фотографии, хрустальная люстра, кувшин с вином у Пилата, и хрустальный кувшин в столовой «нехорошей квартиры»… Мы видим «ломаное солнце» и луну, которая «разваливалась на куски» в глазах несчастного Берлиоза. Золотой коробочкой с волшебной мазью Маргарита разбивает стекло часов, и то же самое проделывает Бегемот после бала: «Разбитые часы остановились». «И времени уже не будет…». Но время остановилось только в квартире №50, а «светила великие» разбились в глазах одного Берлиоза. Вспомним, что говорил Беме: «Живущий по звездам — живет скотом». Здесь разгадка: пробиться через зеркало своего Микрокосма — значит, перестать быть «скотом», выйти из-под власти Солнца и Луны — излучателя времени и его ночного «ретранслятора».

Вселенная в отдельно взятой голове — превосходное определение сумасшествия! Но в тех местах и временах, где преобладало мистическое мироощущение, душевная болезнь почиталась чуть ли не божественным даром. Иисус объяснял своим ученикам, что человеческая мудрость — та, что именуется житейской — в глазах Бога выглядит чистейшим безумием. И наоборот… В булгаковском романе эта тема проходит красной нитью: священное безумие охватило всех, кто соприкоснулся с «сумасшедшим иностранцем». Полностью преобразились и ушли с земного плана мастер и его возлюбленная, разительно переменился поэт Бездомный, а несколько тысяч москвичей «пострадали незначительно». Остальные вообще ничего не заметили, — как в старой шутке про сотрясение мозга, которое грозит далеко не каждому.

В «Волнах…» Стругацкие придумали осторожный эвфемизм — слово «психокосм». «Подразумевается, что информация о психокосме обладает неизмеримо более высоким качеством, нежели информация о Внешнем Космосе». Весьма интересными наблюдениями на этот счет поделилась с читателями журнала «Человек» (№1, 1996) доктор биологических наук Лидия Пу-чинская из НИИ психиатрии: «Восприятие времени больными также изменяется. Возникают ощущения „остановки“ времени, когда все окружающее на мгновение как бы застывает, „растягивание“ времени, при котором все события и движения замедляются, „исчезновение“ времени. Как отмечают при этом больные, „времени будто нет“, „освободился от гнета времени“ или „время течет вниз“, „идет в обратном направлении“, „я иду назад во времени“… Восприятие окружающего мира также искажается: больные слышат несуществующие звуки — шум моря, шелест листьев, пение птиц и т.п. Иногда мир лишается реальности, приобретает иную окраску, яркость, а иногда застывает. В сознании может возникать иной, фантастический мир. Больные подробно описывают переживание глобальных событий, которых в их жизни не было».

Но кто удостоверит объективность событий физического мира?

«Субъективные свидетельства очевидцев в гносеологическом отношении не имеют доказательной силы, — говорил Бартини. — Во-первых, потому, что заблуждение может носить общий характер и считаться нормой. А во-вторых… Однажды я спросил большую группу людей, — правильно ли я вижу на небе два солнца? Они тоже увидели это чудо, стали размахивать руками и возбужденно кричать: „Два солнца!!. Два солнца!..“ Потом я проснулся, и не было ни двух солнц, ни толпы, которая подтверждала их существование».

22. ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК К ИМЕНИ ТАРАБАРСКОГО КОРОЛЯ

Рукопись сказки «Золотой ключик» была снабжена многозначительной «этикеткой» — «новый роман для детей и взрослых». «Новый» — продолжающий какую-то традицию?.. Ключ — древний знак Мистерий. У масонов, например, ключ считается одним из важнейших символов, — наряду с перчатками, фартуками, шахматными половичками и прочей бутафорией. На гербе Ватикана — два скрещенных ключа и папская тиара…

Многие исследователи полагают, что истоки этого знака следует искать в учении Пифагора. «Золотой ключ Пифагора» — цифра 4, священная тетрада. Вспомните обгоревшую тетрадь мастера, которую тайно хранила Маргарита («Беречь твой сон буду я»), и посчитайте, сколько пожаров было в булгаковской Москве. Это отнюдь не надуманные параллели: душа (ключ) скрыта в «одеждах кожаных», — то есть, в теле, — а тетрадь мастера спрятана в «альбоме коричневой кожи». В эпилоге финдиректор Римский уходит из Варьете и заведует кукольным театром, — как Буратино, ставший директором нового кукольного театра. Обратите внимание на этот миниатюрный театр: он стоит в центре большого круглого зала со сводчатым потолком, и на одной из башен бьют часы.

Часы и куклы: маленькая, но роскошная часовня в центре храма Гроба Господня называется кувуклией! Не из скучноватых приключений Пиноккио, придуманных К.Коллоди, а из этого слова родилась история про чудесную куклу, выструганную старым шарманщиком: маленький храм — в большом. За нарисованным очагом открывается дверь с портретом самого Буратино — вход в себя.

(У Коллоди тоже есть нарисованный очаг, но за ним ничего не скрывается. А чего достигает его деревянный герой? Пиноккио перестает обманывать старших, становится образцом добродетели и превращается в настоящего мальчика — к вящей радости своего создателя. Пигмалион и Галатея).

Алексей Толстой воспользовался идеей сюжета, но вложил в него совершенно другое содержание. Буратино идет в школу, но попадает в кукольный театр, где его почему-то все узнают и встречают с непонятным восторгом — как Мессию. Воодушевленные пришествием Буратино, куклы сбежали из обветшавшего шатра Карабаса-Барабаса и пережили множество страшных приключений. Не это ли настоящая школа? Ровно через шесть дней деревянный человечек получил золотой ключ к волшебной двери, на которой вырезано его собственное изображение. Но за ней оказался такой же кукольный театр, только совсем крохотный! Перед восхищенными куклами проходят декорации миниатюрного мира — леса, сады, пустыня, город…

Школа, Микрокосм и шесть дней Творения?

Золотой ключ — знак успешной инициации. В результате таинственного обучения куклы стали кукловодами — пастухами народов, новыми Карабасами: «Это сами куклы открыли кукольный театр „Молния“, они сами пишут пьесы в стихах, сами играют…». О, дивный новый мир! «Нижнее подобно верхнему»: кажется, что, заглянув в окошко одного из этих игрушечных домов, мы увидим, как новый папа Карло задумчиво поглаживает узловатыми пальцами крохотное полено. И значит, во времена незапамятные кто-то выстрогал тех, кто играет с нами. «Весь мир — театр».

"Буратино сказал:

— Артемон будет заведовать бутафорией и театральными костюмами, ему дадим ключи от кладовой. Во время представления он может изображать за кулисами рычание льва, топот носорога, скрип крокодиловых зубов, вой ветра…".

Новый мир — новый театр, новая бутафория и костюмы. Но заведует всем этим — закулисно! — таинственный Артемон, получивший «ключи от кладовой».

БураТИНо.
АРТемон.

БАРТИНИ.

«Очень многое можно доказать, тасуя имена и буквы!» — недоверчиво усмехнется скептик. Но мы поступаем точно по толстовской инструкции: «Именем Тарабарского короля — ломайте дверь!» Что же это за имя? Для современного читателя слово «тарабарщина» означает нечто непонятное и бессмысленное, но граф А.Толстой отлично знал его первоначальное значение. «Тарабарская грамота» — анаграмматический код («склад затейным письмом»), изобретенный патриархом Филаретом — отцом первого царя из династии Романовых. «Тарабарской грамотой» шифровали особо важные документы Посольского приказа и Приказа тайных дел: одни буквы заменяли другими или располагали в обратном порядке, не дописывая окончания.

Знаки, предупреждающие о необходимости дешифровки, встречаются во всех книгах «Атона». Взять, к примеру, «Собачье сердце»: почему Булгаков выбрал для своего героя такое странное имя — Полиграф? Его не было в рекомендательных списках первых советских календарей. Но книга с таким названием известна; она принадлежит перу знаменитого аббата Тритемия (1462-1516) и рассказывает о нескольких способах тайнописи.

23. «ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС»

В сказке Алексея Толстого легко различить массу намеков на Кэрролла — вроде кота разбойного вида и его боевой подруги по имени Алиса. В обеих сказках есть золотой ключик и скрытая занавеской дверь, ведущая в маленький мир. И булгаковская Маргарита держит в руке желтые цветы. «Все зло — от Маргариток», — сказал Алисе «зазеркальный» Гладиолус. Совершенно верно: Ева заставила Адама ослушаться Создателя и скушать райский плод. А с чего начинаются злоключения мастера? Он получает выигранные по облигации деньги и спускается в подвал (подземелье!) — как Алиса и Буратино. Маргарита — «искуситель»: «Она сулила славу, она подгоняла…».

Когда говорят про «Высший Разум», подразумевают хотя бы сущностное равенство, — как если бы палец считал своего владельца сверхпальцем. Все мы — литературные персонажи, творческая галлюцинация Демиурга, и наша макрокосмическая Вселенная — его Микрокосм. Именно поэтому куклы из театра Карабаса-Барабаса дружно танцуют польку «карабас»: правитель мира воплощен в каждом существе! «Злой» Карабас дарит Буратино золотые монеты. Таким образом старый кукловод передает эстафету новому директору театра, — чтобы не прервалась цепь, чтобы вечный папа Карло снова завел часы на башне нового игрушечного мира.

«Я умоляю вас не прерывать партии!» Тот, кто способен по-настоящему осознать это, сам становится «Карабасом»: он проделывает дыру в иллюзорном котелке, открывает заветную дверь и обнаруживает за ней целый мир — новый «кукольный театр». готовый к Игре. Но Алексей Толстой писал об этом еще в «Гиперболоиде…»: «…Я вот сижу и уважаю мой гениальный мозг… Мне бы хотелось проткнуть им вселенную…».

«Царство Божие внутри вас».

Бартини говорил о том, что мир материи — дно Вселенной и добровольная тюрьма духа. О модернизации тюрьмы заботится ее хозяин, а единственно возможный прогресс, предлагаемый человеку — личное осознание происходящего и постепенное освобождение из плена увлекательной иллюзии. Этому учил и Джордано Бруно: «Дух человека божественен, индивидуальность вечна. Высшее счастье — трансформация человека в Бога».

Можно предположить, что вначале ученик примеряет на себе те или иные ощущения Адама — «станционного смотрителя» Земли. Он накапливает знания, осматривает владения, учится управлять собой и окружающими, знакомится с ближними соседями по галактике. Затем ему вручается «ключ» — умение входить в себя, в свою «карманную» вселенную. Наверное, это парадоксальное свойство есть только у обитателей физического мира — «дна» матрешечного мироздания: проникнув в игольное ушко своего Микрокосма, ученик «идет на повышение» — становится Адамом нового человечества. Или — новой Евой…

Вспомним, как удивили «королеву» Маргариту размеры помещения: «Как в передней обыкновенной московской квартиры может помещаться эта необыкновенная невидимая, но

хорошо ощущаемая бесконечная лестница?». Затем она выпивает из кубка — и грандиозные залы снова «съеживаются», становятся скромной гостиной ювслирши. На самом деле перед балом уменьшается сама Маргарита, и квартира кажется ей огромной: «Внизу. так далеко, как будто бы Маргарита смотрела обратным способом в бинокль, она видела громаднейшую швейцарскую с совершенно необъятным камином, в холодную и черную пасть которого мог свободно въехать пятитонный грузовик». Нечто подобное происходит в гофмановском «Щелкунчике», — в тот момент, когда Мари становится ростом с елочную игрушку. И кэрролловская Алиса стремительно уменьшается, выпив что-то из стеклянного пузырька. Затем она открывает золотым ключиком крохотную дверцу — вход в Страну Чудес. Алиса повторяет это упражнение, кушая кусочки гриба. То же самое случилось с ней в Зазеркалье: девочка уменьшается, и шахматные фигурки не только оживают, но делаются на полголовы выше Алисы. В конце сказки Алиса становится королевой и хозяйкой на праздничном обеде — как и булгаковская Маргарита!

Бартини предложил простейшую модель связи человека и Мира: капелька ртути, плавающая в центре зеркальной сферы. Все отражается в ней, и она — во всем. Не случайно герои Булгакова летят в прозрачных пузырях, из стеклянного пузырька пьет Алиса, Маленький принц накрывает Розу стеклянным колпаком, Воланд предлагает мастеру уподобиться Фаусту и «вылепить нового гомункула» в реторте, а гетевский Фауст делает маленького человечка, летающего в стеклянном пузыре реторты!

Сто лет спустя Стругацкие задают читателям загадку в том же роде: герой повести «Град обреченный» вырывается из «страны чудес» сквозь зеркальную стену. В «Миллиарде лет до конца света» астроном Малянов (умалившийся!) пытается проникнуть в тайну неких пузырей: «Так и назову: пузыри. Нет, наверное, лучше „полости“. Полости Малянова. „М-полости“…». Ученому кажется, что сама Вселенная ополчилась против него, не допуская к тайне рождения звезд. Он сдается, — и этим заканчивается повесть. Разгадка — в двух словах телеграммы. Эти слова повторяются дважды и все-таки кажутся вполне бессмысленными: «гомеопатическое мироздание». Гомеопатия — лечение микродозами лекарств, а само слово происходит от греческого «гомеос» — «подобие». Микродоза… мироздания? Но это и есть Микрокосм («М-полость») — маленький космос, подобный большому и вложенный в него.

Леонид Леонов выражает эту мысль еще яснее: герой «Пирамиды» путешествует по мирам, входя в микроскопическую вселенную, уместившуюся на ладони. Вот что наблюдается при отбытии леоновского «ангела»: «Помнилось только, что сперва в несколько сильнейших рывков, как оно наблюдается при росте кристаллов, Дымков стал раздаваться во все стороны, главным образом ввысь, попутно туманясь и утрачивая сходство…».

«Умалившийся возвысится», — обещал Иисус. «Внешний» — морально-дидактический — смысл этих слов понятен каждому. Но проникнув глубже, не обнаружим ли мы миниатюрную дверцу в Царствие Небесное — «запасной выход к нам оттуда и наоборот»? Неспроста Леонов выбрал такое название для своего романа: пирамида — лестница, сужающаяся кверху, символ восхождения через уменьшение. «Мы строим для правителя ступени, чтобы по ним он мог подняться на небо», — написано в «Текстах пирамид». Туда же ведет дверь, нарисованная на леоновской колонне, а ключ в руке Дымкова — это анх — человеческая душа в руке Атона.

«Кто может отворить двери лица его?» Страж зеркальной двери, «швейцар» — на символическом языке тех, для кого «литература — чисто внешнее занятие». Нам показалось, что в «Цепи» Бартини выдал свое настоящее имя — Ро. Но это совершенно немыслимо — для того, кто знает магическую власть имен. «Ро» — древнеегипетский иероглиф «вход». Помимо прямого значения, жрецы называли этим словом определенную точку небесной сферы, из которой исходят души высоких существ, спускающиеся на землю.

Иисус сказал: «Я есмь дверь; кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет».

24. «В ЛЮБУЮ ТОЧКУ НАШЕГО ПРОСТРАНСТВА»

«Бывают ведь такие многоступенчатые сны, похожие на игрушечную матрешку.

Раскроешь ее, а внутри нее другая, поменьше, а внутри той — третья, еще меньше». Так рассуждает молодой герой в фантастическом романе Л.Лагина «Голубой человек» (1964). Из 13 января 1959 года он попадает в 31 декабря 1893 года и думает, что все это ему снится. Сравните это со «сказкой для среднего школьного возраста» А.Ярославцева (А.Стругацкого) «Экспедиция в преисподнюю»:

«В частности, разработана была гипотеза так называемой „матрешки пространства". Разработали ее давно, да так и забыли за совершенной непрактичностью, суть же ее заключается в признании возможности системы пространственно-временных континуумов, вложенных друг в друга на манер известной древнерусской игрушки. Метрика этих вложенных друг в друга космосов строго скоррелирована известным постулатом, гласящим, что произведение мерности на темп течения времени есть всегда величина постоянная. Попросту говоря, ежели в каком-нибудь космосе, вложенном в наш Космос, длина волны излучения данного атома в миллион раз короче, чем у нас, то и время там бежит со скоростью в миллион раз большей. Элементарные расчеты показывают, что космосы большей и меньшей мерности, чем наш, менее стабильны, и теоретически не исключена возможность проделывать в них „дыры" или „воронки" в любую точку нашего пространства при весьма незначительных энергетических затратах…».

Течение времени убыстряется при переходе в меньший из «матрешечных» миров. Вот почему «остановилось время» в «Граде обреченном»: когда герой после многих лет испытаний вернулся в свой 1951 год, там не прошло и минуты! То же самое происходит с Алисой, с Маргаритой и вообще с каждым, кто помнит свои сны.

«Разум был единственной реальностью, мир — его представлением, его сновидением», — так сказано в «Аэлите» о воззрениях атлантов. Полет, в который отправляются герои А.Толстого — астральный: один сон сменяется другим. Обратите внимание на прощальные слова инженера Лося: все, что связано с земной жизнью, он оставляет «на одинокой койке»! Истина скрыта в первом абзаце главы «На лестнице»: «Когда впоследствии Лось вспоминал это время, — оно представлялось ему одним сумраком, удивительным покоем, где наяву проходили вереницы дивных сновидений».

Вспомните: после слов «Наша марка» Воланд показывает портсигар с бриллиантовым треугольником. Булгаков, по обыкновению, настойчив: такую же «марку» мы видим на крышке часов мага. Квадрат (портсигар), круг (часы) и треугольник, вписанные друг в друга — древнейшие символы, раскрывающие посвященному строение человека и Мира: тело, душа и дух. В «Улитке…» деревни, повергнутые загадочному Одержанию, превращаются в треугольные озера. В «Отягощенных злом» открывается проход из двадцатого века в седьмой — треугольной формы. В «Хромой судьбе» сверхчеловеки с треугольными ртами ушли через квадратное окно в облаках, сквозь которое светил круг луны.

Откройте первые главы «Аэлиты»: если обычную дверь условно посчитать квадратом, становится понятным, зачем перед отлетом инженер Лось «замкнул дверь спальни». Пробуждение от земного сна. Его напарник продублировал намек: Гусев проснулся, быстро собрался и вышел, но перед этим «задержался у двери». Затем путешественники пролезают в «круглое отверстие люка»: душа — ключ к пробуждению духа. Квадратные и круглые двери налицо, а треугольных, как известно, не бывает. Но: «Лось подошел к скале, к треугольной дверце, приоткрыл ее и, нагнувшись, вошел в пещеру». Квадрат, круг, треугольник! В пещеру Священного Порога (главное святилище Марса) герои попадают в конце своего пребывания в чужом мире. Порог — это дверь, не так ли? Но истинный «запасной выход» нам показывают в библиотеке с зеркальным полом: «Она снова протянула перед собой руку, ладонью вверх. Почти тотчас же Лось и Гусев увидели в углублении ее ладони бледно-зеленый туманный шарик, с небольшое яблоко величиной. Внутри своей сферы он весь двигался и переливался. Теперь оба гостя и Аэлита внимательно глядели на это облачное, опаловое яблоко. Вдруг струи в нем остановились, пропустили темные пятна. Вглядевшись, Лось вскрикнул: на ладони Аэлиты лежал земной шар».

Новая Ева протягивает спасительное яблоко новому Адаму. («…И вы будете как боги, знающие добро и зло»). Рецепт прост: нужно отыскать дверь в свой Микрокосм, пройти через его зеркало, уменьшиться и стать повелителем нового мира.

«Вспыхнули матовые уличные фонарики. На сцене была городская площадь. Двери в домах раскрылись, выбежали маленькие человечки, полезли в игрушечный трамвай. Кондуктор зазвонил, вагоновожатый завертел ручку, мальчишка живо прицепился к „колбасе“, милиционер засвистел, — трамвай укатился в боковую улицу между высокими домами. Проехал велосипедист на колесах — не больше блюдечка для варенья. Пробежал газетчик, — вчетверо сложенные листки отрывного календаря — вот такой величины были у него газеты». Открыв квадратную дверь, Буратино стал новым Карабасом. Но из заколдованного круга нужно вырваться: именно поэтому доктор кукольных наук Карабас-Барабас тоже ищет тайную дверцу. Круглых дверей в сказке нет, зато в подземном кукольном театре мы видим башню с «круглым окошком из разноцветных стекол». Оно открывается, и заводная птица приглашает пытливых читателей: «К нам — к нам, к нам — к нам, к нам — к нам…». А где же знак последнего выхода — треугольник? Только что выструганный Буратино попытался сбежать и был пойман огромным полицейским в треугольной шляпе. Среди всякой снеди, которую видит Буратино, идя в школу — «маковые, на меду, треугольнички». Затем знак повторяется: «Куплю много маковых треугольничков».

«Пора стать ушельцем в щель», — говорит ученый по фамилии Левеникс, герой новеллы С.Кржнжаповского «Собиратель щелей». Вслушайтесь: Левен-икс. Нетрудно догадаться, какие буквы «недоговаривает» автор, чтобы намекнуть на Микрокосм: основоположник микроскопии — Левенгук. Устами своего героя Кржижановский приоткрывает второе условие «запасного выхода» н Микрокосм — остановку сознания между двумя «кинокадрами»:

«Особенность моего метода такова: людям неведомо даже то, о чем знают все уличные циферблаты. Почему? Потому что щель, расщепляя бытие, поглощает вместе с ними и их сознания, бытие отражающее. Выброшенные назад в бытие, бедняки и не подозревают, что за миг до того их не было, — и только вещи и люди, не возвращенные вместе с ними назад, под солнце, возбуждают некоторый страх и недобрые предчувствия. О затерявшихся говорят: „умерли-погибли неизвестно где“. И не знают, что каждый миг грозит нам „неизвестно где“: всему и всем. Но узнать внутреннее бездны может лишь тот, кто не отдаст расщепившейся щели своего сознания, тот, кто исчислив точно час и миг катаклизма, властью воления и веры — останется быть один среди небытия, войдет живым в самую смерть». Выключиться из этого мира и войти в другой?.. Кржижановский был знаком с Булгаковым, гостил у Грина в Феодосии и два лета — 1925-26 — у Волошина. Двадцать пятый год представляет для нас особенный интерес: в Коктебель съехались Бартини, Булгаков, Грин и Леонов. Кржижановский читал им свою повесть «Странствующее „странно“», в которой есть очень любопытные строчки: «Сейчас, когда вся моя эзотерическая библиотека давно уже выменяна на муку и картофель, я не могу с книгой в руках показать вам те сложные формулы и максимы, которые руководили нами, магами, в годы наших ученических странствий. Но суть в следующем: самое имя Magus — от потерявшего букву (редуцированного, как говорят филологи) слова magnus, большой. Мы, люди, почувствовавшие всю тесноту жилпланетных площадей, захотевшие здесь, в малом мире, мира большего. Но в большее лишь один путь — через меньшее: в возвеличенье — сквозь умаление». И далее: «Правила нашего магического стажа — поскольку они хотят сделать нас большими среди меньших, великанами среди лилипутов, естественно, — стягивают линии наших учебных маршрутов, вводя нас в магизм, то есть в возвеличение, лишь путем трудной и длительной техники умаления…».

«Учебные маршруты» и «ученические странствия» — ясный намек на школу. Герой повести выпивает какую-то таинственную тинктуру из первого пузырька и делается ростом с пылинку. Второй пузырек дает еще более радикальный эффект, а третий может уменьшить Землю до размеров футбольного мяча (живой глобус!). Какие же «формулы» руководили «ученическими странствиями магов»? Любая формула инструктивна, — но только для того, кто вместо символов может подставить определенные силы.

Кржижановский употребляет два математических знака, известных каждому школьнику — > и <, — но поворачивает их так, чтобы вершины были направлены вверх или вниз (как у Булгакова — М и W). По сути, это один знак-перевертыш, он изображен на каком-то таинственном пузырьке и действует в зависимости от своего положения. Весьма вероятно, что формула, которую «не смог» показать нам старый маг, составлена из этих двух элементов,

наложенных друг на друга таким образом: XX. Нижняя половина символа — буква M. Верхняя, зеркальная — W. Сделав первого гостя воландова бала «очень недурным алхимиком», Булгаков надеялся, что внимательный читатель попробует расположить эти буквы одну над другой: знак XX в алхимических гримуарах означал амальгаму. Иначе говоря — зеркало!..

В «нехорошую квартиру» входят тремя способами — в дверь, из зеркала и через камин, — но это не что иное, как карнавальные маски Философского Камня, открывающего «дыру» в зеркальном шарике Микрокосма. (Вряд ли случайно такое созвучие: камин — камень. Рука Воланда — «как будто каменная», а Коровьев говорит о «микроскопических возможностях» гостей из камина).

25. «ВИЗИТ СТАРОЙ ДАМЫ»

В «Мастере и Маргарите» есть два третьестепенных персонажа — старые профессора Кузьмин и Буре. Смертельно больной писатель вставил их в уже готовую рукопись. — но зачем? Профессором — учителем высшей школы — называет себя Воланд. Булгаков подбирает «высшим учителям» очень многозначительные фамилии: имя «Кузьма» происходит от греческого слова «космос», а марка часов «Буре» — самая известная в начале XX века. Пространство и Время? Но именно в этом эпизоде появляются пиявки: профессор Буре прописал их профессору Кузьмину. (Профессор Воланд: «Кровь — великое дело!»).

Повесть Кржижановского «Странствующее „странно“» за-вершается путешествием микроскопического героя по венам. артериям и капиллярам. Путь крови. Последний пузырек, который предстояло выпить ученику мага, — красного цвета. Очевидно, это «рубедо» — третья стадия Великого Делания: адепт («Птица») устремляется в пролом Микрокосма и становится сверхчеловеком.

А вот как освобождается из тюрьмы летающий человек Грина: «…Друд, закрыв голову руками, пробил стеклянный свод замка, и освещенная крыша его понеслась вниз, угасая и суживаясь по мере того, как он овладевал высотой. Осколки стекол, порхая в озаренную глубину пролета, со звоном раздробились внизу…».

Нечто похожее наблюдает булгаковский профессор Кузьмин: таинственный воробушек «…взлетел вверх, повис в воздухе, потом с размаху будто стальным клювом клюнул в стекло фотографии, изображающей полный университетский выпуск 94-го года, разбил стекло вдребезги и затем уже улетел в окно».

А почему, собственно — «94-й год»?.. Может быть, Булгаков знал о каком-то важном событии, которое произойдет в 1994-м году? Эту догадку подтверждают Стругацкие: в 94-м году начинается цепочка происшествий, которая привела к «Большому Откровению 99-го года» («Волны гасят ветер»). Напомним. что в этой повести расследуется влияние таинственной и могущественной силы, названной Монокосмом (единство микро— и макрокосмов?). Монокосм занят поиском людей особого рода и пробуждением у них фантастических способностей, а отбор производится по наличию «Т-зубца в ментограмме». Т — истинная форма распятия. Обратите внимание и на условное название следственного дела — «Визит старой дамы». Пьеса Дюрренматта выбрана по созвучию: древнееврейское слово «дам» — «кровь». Значит, настоящий критерий отбора — генетический? «Перепроверим» у Кржижановского: «Я думал, что путаные медитации мои об аристотелевских большом и малом человеке распутали теперь для меня все свои узлы; теперь я, микрочеловек, познал макрочеловека до конца: мы соприкоснулись не кожей о кожу, а кровью о кровь. И то, мыслил я, что отняла у меня пролитая алая кровь, то вернут мне, влившись в меня, алые капли третьей склянки».

Кровь за кровь? Буква V — алхимический символ вина — раскрывает секрет «двойного вэ» у Булгакова и Кржижановского: мистическое кровообращение. Черная кровь шпиона Майгеля — «нижняя» — на наших глазах пресуществляется в кровь «верхнюю» — в то вино, которое пьет Маргарита, чтобы увеличиться и вернуться в привычный мир: «В спальне Воланда все оказалось, как было до бала».

Трехмерное пространство «коллапсировало» в точку, — вместе с трехмерным временем, которое сжалось в узкую щель — в те несколько мгновений, пока Маргарита стояла в темноте перед дверью и видела полоску света.

26. МИКРОКОСМОНАВТИКА

«Исключительно для вас, сыновья познания и мудрости, мы создали сей труд, — писал маг и алхимик Агриппа Неттесгеймский. — Исследуйте книгу, сосредоточьтесь на том замысле, который мы рассыпали по многим страницам; то, что мы скрыли в одном месте, проявили в другом, чтобы ваша мудрость смогла это постичь».

Самый надежный способ «скрыть» и «проявить» — выдать магическую технологию за художественную литературу. Почему, к примеру, пушкинский Гвидон непременно уменьшался, отправляясь в царство своего отца? И почему Свифт сделал своего Лемюэля Гулливера сначала хирургом, а только потом — «капитаном нескольких кораблей»? Хирург — это врач, «путешествующий» внутрь человека: он лилипут внутри Макрокосма и великан в своем Микрокосме. Повесть о микроскопическом герое, идущем путями крови, показывает, что замысел Свифта Кржижановский уяснил верно. Именно по его сценарию снят первый совечский художественный мультфильм «Новый Гулливер». Там есть очень многозначительная сценка: юный пионер засыпает, видит себя Гулливером и при этом наблюдает, как перед лилипутами выступает ансамбль тамошних карликов — совсем крошечных человечков. Бесконечная градация миров. То же самое подсказывает Булгаков: он дает взаимоисключающие приметы «иностранного туриста» — «маленького роста» и «роста громадного». Великан и лилипут? В рукописи тридцать восьмого года Воланд бросает директора театра «Варьете» не в Ялту, а во Владикавказ. Очнувшись, тог видит перед собой директора театра лилипутов по имени Пульс. (Пульс крови?)

«Отметились» у Свифта и советские «сатирики» Ильф и Петров: вечный странник О.Бендер — с докторским саквояжем и в фуражке со значком яхт-клуба: «хирург» и «капитан». Он называет себя командором (военно-морское звание), а Гулливер, как это явствует из заглавия, впоследствии становится «капитаном нескольких кораблей». «Клуб четырех коней» — намек на страну гуигнгнмов: если помните, Гулливер стремился во всем походить на этих благородных лошадей, особенно на своего великодушного хозяина и собеседника — серого в яблоках. Соответственно, и мечта О.Бендера — «дивный, в серых яблоках, костюм»!.. Даже машину Козлевича командор называет «Антилопой», — как и судно, на котором Гулливер отправился в первое из своих необыкновенных путешествий. К тому же в двух книгах бендерианы присутствует множество великанских предметов: гигантские охотничьи сапоги, громадный карандаш в витрине и перьевая ручка, упавшая на великого комбинатора в редакции «Станка», а также письменный стол, на котором Большой театр может показаться чернильницей.

Попробуйте раскрыть страницу наугад — наверняка наткнетесь на какую-нибудь гипертрофированную вещицу вроде этой: «…зубило, перевезенное на двух фургонах, бессмысленно и дико ржавело во дворе юбилейного учреждения». Здесь же мы видим приметы Лилипутии — «очень маленькую, величиной в кошку, модель паровоза» и «макет обелиска, который город собирался построить на главной площади».

О шифре Свифта знал и Бартини. В предисловии ко второму изданию «Тайн готических соборов» (1957) говорится, что Фулканелли отыскал «утерянный ключ к Веселой науке, Языку Богов или Птиц — тому. на котором Джонатан Свифт, необыкновенный дуайен из Сен-Патрика, изъяснялся с необычным знанием и виртуозностью». Этими словами заканчивается предисловие, написанное Э.Канселье — учеником Адепта.

Значит. Свифт занимался алхимией и путешествовал по планетам? Таких свидетельств нет, — кроме тех, что скрываются в тексте «Гулливера». Перечитайте, к примеру, описание антигравитационного острова Лапута: для начала XVIII века — очень даже смело! А откуда Свифт мог узнать про два спутника Марса, открытых сто тридцать два года спустя после его смерти? В тогдашние телескопы разглядеть их было просто невозможно.

27. «ЕДИНСТВЕННО МЫСЛИМАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ»

Шсстимерное мироздание по Бартини похоже на кристалл с бесконечным количеством

вселенных-граней. Только взаимное отражение делает каждую грань кристалла реальностью — в виде иерархии изоморфных миров различной размерности, сосуществующих в одном и том же пространстве. Расчеты «красного барона» доказывают, что число живых существ («отражателей»), изначально присутствующих в любом из слоев вселенской пирамиды, является константой.

«И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца». Это — Откровение Иоанна Богослова. То же самое говорит булгаковский Иешуа: «Мы увидим чистую реку воды жизни… Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл…». Спасенные Игроки пройдут сквозь вселенскую реторту. Они вернутся домой, а человечество останется дозревать внизу. Все, как обещано в Откровении: сто сорок четыре тысячи избранных будут петь хвалу Господу, стоя на «стеклянном море».

Хрустальный глобус «профессора» Воланда, способный увеличить и подробно рассмотреть все, что происходит в его личном Микрокосме — это не только реторта, но и окуляр микроскопа. Обратите внимание на всю эту оптику: Воланд играет в живые шахматы, не отрывая глаз от глобуса — миниатюрной Земли — и то же самое делает Бегемот с биноклем. Кот надевает роговые очки при разговоре с Поплавским, Коровьев не вынимает из глаза монокль — тоже своего рода «окуляр». И у Вечеровского — «толстые стекла очков» в «могучей роговой оправе»! Иначе «царя природы» не разглядеть: человек — вирус, микроорганизм, «Чума-Аннушка». Не случайно Воробьянинову в ночь после знакомства с Бендером снятся микробы.

Игрок должен умалиться до «одноклеточного» уровня: «Король на клетке гэ два!» — говорит Воланд. А Коровьев и Бегемот, озабоченные духовным ростом талантливых писателей, уподобляют их ананасам, зреющим в оранжерее: «Если на эти нежные тепличные растения не нападет какой-нибудь микроорганизм…».

Очень важны в таких книгах первые и последние строчки — они задают истинный масштаб иносказательным фигурам. В первой главе «Гиперболоида…» появляется необычный привратник — «верховный швейцар, духовный заместитель акционерного общества, эксплуатирующего гостиницу „Мажестик“…». Эта таинственная фигура, вызывающая в памяти «Химическую женитьбу…» стоит перед стеклянной крутящейся дверью: «…Он походил в эту минуту на профессора, изучающего жизнь растений и насекомых за стенкой аквариума». «Мажестик» переводится как «величественный». Макрокосм и Микрокосм. Между ними — стеклянная стена и мистический Страж Дверей, который интересуется земным народонаселением, — как Воланд в Варьете.

«Микроорганизмы» появляются и в шахматной партии двух второстепенных персонажей: «Высокая лампа под широким цветным абажуром освещала их лица. Несколько чахлых зелененьких существ кружились у лампочки, сидели на свежепроглаженной скатерти, топорща усики, глядя точечками глаз и, должно быть, не понимая, что имеют честь присутствовать при том, как два бога тешатся игрой небожителей». Божественные Игроки? И совершенно иначе видится теперь рисунок А.Толстого, иллюстрирующий геологические объяснения Гарина: это не планетарные слои, а сферы, вложенные одна в другую. Мировая «матрешка». В самом центре расположено «ядро из металла М». и в нем — «кристаллический гелий». «Гелий» переводится как «солнечный»: солнце (алхимический знак золота) — за кристаллической «ретортой»? Очевидно, писатель имеет в виду кристалл Микрокосма, в который входит его тайный герой. «Подкручивая микрометрический винт» гиперболоида, он стремится к символической крови Земли — жидкому золоту. А что делает гриновская Ассоль? Маленькая девочка играет миниатюрным корабликом с алыми парусами и ведет воображаемую беседу с капитаном. Затем ей обещают встречу с принцем. Через десять лет грезы материализуются: «принц» — капитан Грэй — приплыл к ней на корабле «Секрет», под алыми парусами.

Вход в Микрокосм — только для «принцев крови»?

Именно это описано под видом художественной литературы. Взять, к примеру, триумфальный поход Бендера за границу. К услугам Остапа было по меньшей мере восемь общеизвестных путей нелегального перехода границы. Но великий комбинатор, купивший «шарф румынских оттенков» в первой книге, в конце второй уходит в Румынию — по льду Днестра. Почему? Бендер, как Буратино, символически «входит в себя»: облюбованный

шпионами и контрабандистами участок границы, проходящий по Днестру, находился в тридцати километрах от бессарабского городка… Бендеры! Кандидат в управдомы прорвался через этот мучительный «запасной выход», взломав зеркальную стену иллюзии («Лед тронулся!»), и вернулся в наш мир с Золотым Руном — знаком завершения Великого Делания.

«Я ничего этого не оставлю. Теперь я решаю. Я, Рэдрик Шухарт, в здравом уме и трезвой памяти буду решать все за всех», — так думает сталкер, пробираясь к Золотому Шару, выполняющему самые сокровенные желания («Пикник на обочине»). И далее: «Надо было менять все. Не одну жизнь и не две жизни, не одну судьбу и не две судьбы — каждый винтик этого смрадного мира надо было менять…». Английское имя «Рэдрик» образовано из двух древнегерманских корней, означающих «слава» и «могущество». О том, что дело происходит в Англии, говорит и множество других признаков. А в последней главе повести Рэдрик идет к шару вместе с юношей по имени Артур и видит разбитый вертолет с «красно-синей эмблемой королевских военно-воздушных сил». Король Артур и Грааль?

Мучительный путь героя намекает на инициацию нового хозяина планеты, а в «Граале» зашифровано устройство Микрокосма: «Почему-то сразу в голову приходила мысль, что он, вероятно, полый…». Нечто подобное видит ученик Вечеровского — «осесимметричные шаровидные полости», будущие планеты. Любопытно также, что в первом варианте сценария фильма «Сталкер» («Машина желаний») волшебный артефакт выглядит иначе: «Где-то в глубине Зоны, в мрачном ущелье, опутанном чудовищной паутиной, лежит огромный золотой диск. Тот счастливец и смельчак, которому удастся преодолеть тысячи смертельных опасностей и ступить ногой на этот диск, получит право на исполнение любого своего желания».

«Нынешний» Демиург — уставший и потому ищущий себе достойного преемника. — появляется в романе Стругацких «Отягощенные злом». Что же мы видим в его «нехорошей квартире»? Среди прочего — девицу по имени Селена (Луна) и «микроскопическую книжную стенку» (иллюзорная стена Микрокосма), на которой стоят муляжи книг. Среди них — Петроний Арбитр. Петр — «камень», а процесс рождения Философского Камня алхимики называли Работой — «Арбором». Демиург нашел преемника — учителя лицея по фамилии Носов. Не намекают ли Стругацкие на детского писателя Николая Носова? Вдумайтесь в эти названия: «Незнайка в Солнечном Городе» и «Незнайка на Луне»! «Его отец — солнце. Его мать — луна. Ветер носил его в своем чреве, земля — его кормилица»? Тогда понятно, почему в конце лунного «романа-сказки» Незнайка «прижимается грудью к земле, словно к родному, близкому существу». А в первых главах — споры о вулканах!..

Луна, Фулканелли и… Философский Камень?

Носовские коротышки действительно находят загадочный камень. Он светится в темноте, обладает огромной «внутриатомной» энергией и даже вызывает левитацию. С помощью этого камня маленькие человечки летят на Луну. Они оказываются внутри вулкана, скользят по тоннелю и убеждаются, что «Луна — это такой большой шар, внутри которого есть другой шар, и на этом внутреннем шаре живут лунные коротышки». Но Луна ли это? «Значит, ты и впрямь к нам с Луны свалился? — спрашивают Незнайку лунные жители. — А может быть тебе все это во сне приснилось?»

Путешествие через Микрокосм?

«Незнайка на Луне» — ключ к роману «Отягощенные злом или Сорок лет спустя». Эта сказка позволяет понять, каким образом Демиург перебрасывает своего избранника Носова из одного мира в другой, очень похожий на недавнее прошлое его собственной планеты. А что происходит в «Обитаемом острове»? Молодой космический путешественник Максим Каммерер попадает на отсталую и очень опасную планету, обитатели которой убеждены в том, что они находятся внутри пустотелой сферы. (Каммерер тоже «Незнайка»: «Конечно, если тебе двадцать лет, если ты ничего толком не умеешь, если ты толком не знаешь, что тебе хотелось бы уметь…»).

Другой герой Стругацких — писатель Банев — лишь на одну минуту становится сверхчеловеком и пробивается сквозь прозрачную стену Микрокосма: «Мой мир, подумал он, глядя сквозь залитое водой стекло, и стекло исчезло, далеко внизу утонул в дожде замерший в ужасе город, и огромная мокрая страна, а потом все сдвинулось, уплыло, и остался только маленький голубой шарик с длинным голубым хвостом, и он увидел гигантскую чечевицу

галактики, косо и мертво висящую в мерцающей бездне, клочья светящейся материи, скрученные силовыми полями, и бездонные провалы там, где не было света, и он протянул руку и погрузил ее в пухлое белое ядро, и ощутил легкое тепло, и, когда он сжал кулак, материя прошла сквозь пальцы, как мыльная пена…».

Тот же принцип показан в «Гиперболоиде…»: луч рождается в маленьком зеркале, вложенном в большое, а затем вырывается наружу через отверстие в зеркальной стенке. Эта мистическая прямая не просто соединяет две точки, — она словно совмещает их, делает одной. Такую идею подсказывают «звездолеты прямого луча» в «Часе Быка» и установка Рена Боза в «Туманности Андромеды» («Тибетский опыт»): мгновенное перемещение во времени и пространстве через мысленное отождествление с «Великим Кольцом» — одной-единственной частицей, из которой «соткан» вселенский гобелен.

«Единственно мыслимая бесконечность есть неограниченных размеров кольцо, — пишет Л.Леонов в „Пирамиде“. — И кто знает: нырнув в середку атома, не вынырнем ли мы где-нибудь в окрестностях Андромеды?»

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. «ПОМАЖЬ ГЛАЗА ТВОИ, ЧТОБЫ ВИДЕТЬ»

— А теперь давай решим, кому же все это приснилось, — сказала Алиса черному котенку. — Ты со мной согласен? И нечего все время лизать лапку с таким видом, как будто ты сегодня не умывался. Понимаешь, все это могло присниться или мне, или Черному Королю Конечно, он был частью моего сна… Но ведь и я была частью его сна! Неужели все это приснилось Черному Королю?

Л.Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье».

1. «НИЧЕГО НЕ БУДЕТ НЕВОЗМОЖНОГО ДЛЯ ВАС»

«Я не буду литератором, если буду излагать только свои неизменные идеи, — писал „дисковец“ А.Платонов своей жене. — Меня не станут читать. Я должен опошлять и варьировать свои мысли, чтобы получились приемлемые произведения». И далее: «Истинного себя я еще никогда никому не показывал, и едва ли когда покажу».

Но скрыть истинного Платонова так же трудно, как истинного Булгакова, Грина или Леонова. В его «Лунной бомбе», например, слово «диск» повторяется двадцать раз, а Луна названа «сплошным и чудовищным мозгом». Она заставляет человека вспоминать его прошлые жизни: «Я думаю постоянно о незнакомом мне, я вспоминаю события, разрывы туч, лопающиеся солнца, — все я вспоминаю как бывшее и верное, но ничего этого не было со мной».

«Лунная бомба» появилась в 1926 году, когда идея космической ракеты прочно утвердилась в умах. Но для полета на Луну инженер Крейцкопф (в переводе с немецкого — «крестная голова». Голгофа?) строит «кидающий диск» — грандиозную электрическую пращу. Почему? Известно, что Платонов отлично знал физику и должен был понимать, что перегрузка превратит пилота в суспензию. Праща — оружие Давида.

В чем же состоит «неизменная идея» «Лунной бомбы» — «опошленная и варьированная» в «приемлемом произведении»? Ключ к шифру Платонова мы нашли в его эссе «О любви»: «Скажу все до конца. До сих пор человечество только и хотело ясного понимания, горячего ощущения той вольной, пламенной силы, которая творит и разрушает вселенные. Человек — соучастник этой силы, и его душа есть тот же огонь, каким зажжено солнце, и в душе человека такие же и еще большие пространства, какие лежат в межзвездных пустынях». Вселенная — часть человека?

На обороте своего завещания Бартини торопливо написал:

«Фундаментальная проблема одна. Это синтез онтологии и гносеологии. Фундаментальное образование одно-единственное. Оно внутренним отображением в себя является 6-мерным. Различные ориентации в 6-мерном фоне. Единственный экземпляр

„одновременно“ в разных местах. 6-мерная физическая линия Менгера. Метрика инверсии. Квант протяженности есть наименьшее, а также наибольшее (запрет двух квантовых чисел одного индекса быть равными). XiXi неотличим отXi. Ломаная (ортогонально) линия Xil Xi2 Xi3 Xi4 Xi5 Xi6. Лиувилль-Пуанкаре возврат (замкнутость). Существует одна-единственная фундаментальная частица, в разных ориентациях „одновременно“ во всех местах — она есть весь Мир. Квазистабнльная ориентация подмножества экземпляров: экран. Групповая траектория экрана. Отображение в экран множества образов единственного экземпляра. Тождество „объективного“ и „субъективного“». Проще говоря, реальность существует только в сознании тех. кто ее населяет. Мы делаем мир максимально правдоподобным, — но именно поэтому нельзя быть уверенным в том, что все окружающее нам не снится. Бартини говорил: «Мир — ясный сон дремлющего Бытия». Значит, «отражение в экран множества образов единственного экземпляра», — сон Бога, сотканный из бесконечного множества отдельных снов («образов»). каждый из которых — чья-то жизнь. Число сновидцев — мировая константа. Таким образом, простой человеческий сон — не что иное, как сон во сне. То же самое можно сказать об искусстве: эго «прелесть» второго порядка, слабая копия.

В поэме булгаковского Ивана Иисус получился всего лишь «как живой». Но, отправляя на отдых мастера, Воланд предупреждает его о новом этапе работы: «Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?» То есть — нового Адама?..

Догадайтесь: кого «лепит» булгаковский евангелист Левий Матвей — «выпачканный в глине мрачный человек»? Вот подсказка: место, где он появляется перед Воландом — Дом Пашкова, в ту пору — отдел рукописей Румяпцсвской библиотеки. Именно отсюда Демиург наблюдает горящий дом писателей: написанное — вечно. Воланд сидит на террасе (терра — земля!), на рукописях, которые не горят — аллегорически это и есть его земной трон. Шут Бегемот, как полагается, передразнивает своего повелителя, и нам непременно нужно понять эту молчаливую шутку: «Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей».

Живой глобус Воланда, то есть он сам — символически! — «на тяжелом постаменте». В «тяжелом каменном кресле» сидит спящий столетия напролет прокуратор — это еще одна подсказка. Не только книги — все, что остается после нас, идет на строительство этого незримого грона. Все забытое, умершее, сгоревшее, снесенное, утонувшее, съеденное ржавчиной — созданное и поглощенное Временем… «Вылепленное» — вечно.

«Рукописи не горят» — умирают лишь исписанная бумага и человеческие тела — библейские «одежды кожаные». Неспроста в тексте промелькнул «гражданин, сдирающий с себя летнее пальто», и телохранитель Азазелло вспоминает про «женщин с содранной кожей» — перед тем, как «умертвить» влюбленных. В «Торгсине» с рыбы снимают шкуру, а рыба из сгоревшего писательского ресторана — «в шкуре и с хвостом»! Рыба — символ Иисуса. «Казни не было», — втолковывает Иешуа освобожденному прокуратору. Есть только вечное обновление.

Обгоревший труп Майгеля и возрожденная из пепла тетрадь мастера — ключи к этой шараде: вылепленное требует отжига смертью. И настал «час небывало жаркого заката», когда в Москве появляется Воланд — «Великий Гончар» человечества. Но и сам «Гончар» вылеплен и отожжен: «Кожу на лице Воланда как будто бы навеки сжег загар». Кто же «скульптор» Воланда? Образ богов лепят люди. Потому и Левий Матвей — «выпачканный в глине мрачный человек». И, конечно, Воланд недоволен «нижним» творцом, не узнавшим свое творение.

Нельзя ни на минуту забывать, что «Мастер и Маргарита» — книга особого происхождения и загадочной судьбы. Читать ее нужно медленно. Рассчитывая на особую дотошность читателей, Булгаков очень точно приурочил момент первого появления Воланда: «…как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли…».

Лепили — «грозного бога Вицлипуцли»!..

«Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой». Боги лепят людей, люди лепят богов — по образу и подобию. «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли», — не случайно эта строчка была высечена на цоколе бюста Жуковского в «Двенадцати стульях». Она дает

ответ на вопрос, который мучил Алису, побывавшую в Зазеркалье: она снилась Черному Королю или он ей? Ведь обещанием новой «лепки гомункула» Воланд напутствует не мага, а писателя — смертельно уставшего человека с «изобразительной силой таланта», способного населить воображаемый мир героями и наполнить событиями.

Все ученые мистики одинаково описывают этот процесс: качественно вообразить — значит, поверить, что все будет по-твоему. Когда ментальный костяк желаемого события построен сила подобия притягивает к нему идеи помельче. Появляются единомышленники и люди с обостренным чутьем на грядущую выгоду, — они заполняют незримую «арматуру» веществом.

В XX веке это открыли заново: вообразить и поверить — все, что требуется для материализации идеи. В 1920 году русский философ Лев Шестов с изумлением писал: «Как ни странно, но большевики, фанатически исповедующие материализм, являются самыми наивными идеалистами. Для них реальные условия человеческой жизни не существуют. Они убеждены, что слово имеет сверхъестественную силу. По слову все сделается — нужно только безбоязненно и смело ввериться слову». Но именно об этом говорил ученикам Иисус: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: „перейди отсюда туда“, и она перейдет, и ничего не будет невозможного для вас».

2. «НИЖНИЙ ГОРОД»

Булгаковский мастер «остолбенел», посетители филиала — «оцепенели», а Рюхин — «застрял в колонне». Маг, следящий за путешествием, должен вовремя вытащить «филиуса», потерявшего память — и момент возвращения покажется ученику смертью. «Он видит неестественного безносого палача, который подпрыгнув и как-то ухнув голосом, колет копьем в сердце привязанного к столбу и потерявшего разум Гестаса». («Привязанный к столбу» — «застрявший в колонне»?)

«Казни не было!» — убеждает спящего прокуратора Иешуа. Его смерть на столбе лишь снится Ивану — как продолжение сна на Патриарших: «…Ему стало сниться, что солнце уже снижалось над Лысой Горой…». А в эпилоге мы видим, как мучительно, год за годом извлекают «уснувшего» Ивана: «Будит ученого и доводит его до жалкого крика в ночь полнолуния одно и то же».

«Ничего не бойтесь», — говорят Маргарите. По-видимому, это и есть главное условие пробуждения, выхода из вселенского подвала. Не случайно в имени метрдотеля — Арчибальд — соединились два древнегерманских корня — «свободный» и «смелый». Но в чем смысл удвоения имени? В «Мастере…» — Арчибальд Арчибальдович, в «Собачьем сердце» — Филипп Филиппович и Полиграф Полиграфович… Уже после смерти Булгакова нашли наметки нового романа, где главного героя зовут Ричард Ричардович. (Ср.: инженер Гарин — Петр Петрович). «Дважды рожденными» именовали тех, кто прошел испытание и удостоился высшей степени посвящения в некоторых мистериях.

«Трусость — это самый страшный порок!» — понял во сне Пилат. Ученик должен помнить, «что все это происходит с тобой не наяву» и ничего не бояться. На языке древнеиндийских магов — Майя: не потому ли иллюзорный булгаковский роман начинается «странным майским вечером»? А в эпилоге «нового Ивана» учат не бояться смерти — «неестественного безносого палача». Ведь все происходящее в романе — «молчаливая галлюцинация», и «реальный» магазин Торгсин может исчезнуть столь же внезапно, как колдовской магазин в Варьете.

О том же пишет в «Тайной доктрине» Е.П.Блаватская: «На каком бы плане наше сознание ни действовало, мы и предметы, принадлежащие этому плану, являемся на это время единственными нашими реальностями. Но по мере нашего продвижения в развитии мы постигаем, что в стадиях, через которые мы прошли, мы приняли тени за реальности и что восходящий процесс Эго состоит из целого ряда прогрессивных заблуждений, и каждое продвижение приносит с собой убеждение, что, наконец, теперь мы достигли „реальности“. Но только, когда мы достигнем абсолютного Сознания и сольем с ним наше сознание, только тогда будем мы освобождены от заблуждений, порожденных Майей».

Воланд назван «повелителем теней»: управлять можно лишь своей тенью. Он оказывается единственно живым в этом странном мире, где все появляется, чтобы тотчас же измениться или бесследно исчезнуть в круговороте снов. Булгаковские аллюзии понятны: мы, люди — «нижние жильцы», «народонаселение». Они — «гости», «иностранные туристы», которым пора возвращаться домой. Тени «первой свежести». «Разве для того, чтобы считать себя живым, нужно непременно сидеть в подвале?..»

Мастер и его возлюбленная «заслужили покой». «Покоем», то есть буквой П («покой» — название буквы в старом алфавите) выстроено здание, где происходил бал — в квартире покойного Берлиоза. И гости Воланда — покойники: древний эвфемизм этого слова — «гость». Летающая машина с Маргаритой приземлилась на Дорогомиловском кладбище, а зрелищный филиал с колоннами расположен в Ваганьковском переулке — намек на одноименное кладбище. С крыши «Дома Пашкова», стоящего на Ваганьковском холме, Воланд обозревает столицу — «нижний город».

Четко разделен и дом Грибоедова: в верхнем этаже решались судьбы отечественной литературы, а в нижнем ели и пили. «И было видение в аду», — сказано о ресторане. Земля — «Нижний Город», некрополь. Те, кто на время спускается сюда — «гости»… На двух уровнях разыгрывается и бал Воланда: Маргарита «летала над стеклянным полом с горящими под ним адскими топками и мечущимися под ними дьявольскими белыми поварами», а затем «видела темные подвалы, где горели какие-то светильники, где девушки подавали шипящее на раскаленных углях мясо, где пили из больших кружек за ее здоровье».

3. «ИСТИНА БУДЕТ ОТКРЫТА ЛИШЬ ТЕМ, КТО…»

После бала Маргарита с удивлением замечает, что луна остановилась. Все объясняется, если сравнить два отрывка, между которыми уместилось описание бала Воланда:

«…Маргарита увидела лежащую на полу перед нею полоску света под какой-то темной дверью».

«Колонны распались, угасли огни, все съежилось, и не стало никаких фонтанов, тюльпанов и камелий. А просто было, что было — скромная гостиная ювелирши, и из приоткрытой двери выпадала полоска света. И в эту приоткрытую дверь вошла Маргарита».

Луна не успела двинуться с места! Значит, не было никакого бала — только дверь и полоска света. Все остальное героине приснилось — в те несколько мгновений, пока она стояла перед «темной дверью». Но и это было сном: в предпоследней главе проснувшаяся Маргарита умирает от сердечного приступа. А вот чем заканчивается «Гиперболоид инженера Гарина»: «Наевшись, Зоя садится перелистывать книгу с дивными проектами дворцов, где среди мраморных колоннад и цветов возвышается ее прекрасная статуя из мрамора…». Зоя грезит. Тем же занят диктатор мира: Гарин «похрапывает, должно быть тоже переживая во сне разные занимательные истории». «Золотой остров — это сон, приснившийся мне однажды в Средиземном море, — говорит Зоя, — я задремала на палубе и увидела выходящие из моря лестницы и дворцы…».

Женщина, имя которой в переводе с греческого означает «жизнь», сидит рядом со спящим Гариным и листает ею же придуманную книгу страницу за страницей — жизнь за жизнью. «Беречь твой сон буду я!» — подтверждает булгаковская Маргарита. Две героини — разные имена неумолимой силы, которая снова и снова возвращает Игрока в бесконечную цепь иллюзорных воплощений. «Да, действительно, объяснилось все: и страннейший завтрак у покойного философа Канта…» — пишет Булгаков. Именно Кант учил, что время и пространство — лишь совокупность наших ощущений.

«В начале было Слово…». Божественное Слово материализовало мир и Само облеклось в Свое создание — как сказочный Гарун-аль-Рашид, надевший поверх золотой парчи одежду простого торговца. Христианские гностики Александрии учили, что таким образом Логос обрел форму (О.Бендер: «логическая шахматная форма»). Но однажды Он должен вернуться — снять одну за другой свои оболочки. Разоблачиться…

Глава «Сеанс черной магии и ее разоблачение» — символическая модель Его возвращения: женщины скидывают старую одежду и получают другую, которая тоже исчезает,

оставляя их в одном белье. А на балу Воланда гостьи совершенно нагие: возвращение к истоку. И катаевский Ваня Солнцев дважды меняет одежды, поднимаясь из темной и сырой ямы к алмазной звезде.

Слово стало миром — мир станет Словом?

По одному из апокрифов Бог заставил ангелов поклониться Адаму — только за то, что он дал имена всему сотворенному. Таким образом, Слово воплощается в мир не единожды, а постоянно: материальную Вселенную нужно непрерывно описывать. Александрийский алхимик и философ Зосима (III в.) указывал на истинное назначение бессмертного Адама — земного человечества:

«Он является толкователем всех вещей, которые суть, и дал имена всем телесным вещам. Халдеи, персы, индийцы и евреи назвали его Адамом, что переводится, как девственная земля, кроваво-красная земля, огненная или телесная земля. Это следует искать в библиотеках Птолемеев. Они хранили это в каждом святилище, особенно в Серапиуме…».

(Библиотека Птолемеев — Александрийская!)

Посвященный должен увидеть жертвенное схождение Бога-Слова в человечество и шаг за шагом уподобиться Ему — вернуться в первоначальное состояние. Иначе говоря — стать Адамом… В сущности, «человеком описывающим» является каждый из нас — просто потому, что мы пользуемся языком, мысленно или вслух называем существа, вещи и понятия. Но очень немногие способны делать это сознательно.

«Получить можно лишь то, что имеешь», — говорят маги. Бартиниевские ученики «вспоминали» знания и облекали их в обманчивые, как сам мир, одежды «научной фантастики», в «сказки» и «сатирические романы». Или — в «Рабочего и колхозницу», в проект колоссального золотого шара Дворца Ленинизма, в первый спутник — памятный всем блестящий шарик с усами антенн… Пользуясь доступными ему средствами, ученик должен воспроизвести матрицу, по которой создавался мир. А мы весело смеемся над Балагановым и Паниковским: в кромешной тьме они пилят железные гири, чтобы извлечь золото. Истинное золото алхимиков, называемое «Славой Света»…

«Божественный Свет обитает в середине смертной Тьмы и невежество не может разделить их. Союз Слова и Ума приводит к мистерии, называемой Жизнь. Как тьма вне тебя разделена сама, так и Тьма внутри тебя разделена подобным же образом. Божественный человек, который восходит по пути Слова, есть Свет и Огонь, а кто не может взойти, тот смертный человек, который не может приобщиться к бессмертию».

Это — «Поймандр» Гермеса Трисмегиста, древнейший учебник европейских мистиков. Учитель, принявший облик «Огненного Дракона», объявляет ученику, что пришло время измениться. Он говорит, что истинной мистерией является сама жизнь. Ученик должен встать «на путь Слова» и осознать свою раздвоенность на «Огонь и Свет», внешнее и внутреннее, тело и душу — то, что в алхимической символике именуется «железом и золотом». Вспомните булгаковское «Раздвоение Ивана» и раздвоение «пастушка» Вани Солнцева: душа, отделившаяся от тела, поднимается по лестнице. «А кто не может взойти, тог смертный человек…»

«Истина будет открыта лишь тем, кто не только слышал и видел ее, но и сможет ее изречь», — предупреждали розенкрейцеры четыре века назад. «Восхождение путем Слова» — это бесконечная запись истории мира. той шахматной партии, которую от века ведут всесильные боги. «Надо же что-нибудь описывать». — говорит Адам-Воланд, глобальный «историк» и «шахматист». Ему ведь ничего и не нужно было, кроме романа мастера. И «математик» Вечеровский — обладатель «нечеловеческого мозга» — требует, чтобы ученик в своем объяснении Вселенной обходился без формул: «Словами, пожалуйста!» Именно эту «кровь» пьют боги: «Малянов понял, что это стихи, только потому, что Вечеровский, закончив, разразился глуховатым уханьем, которое обозначало у него довольный смех. Наверное, так же ухали уэллсовские марсиане, упиваясь человеческой кровью, а Вечеровский так ухал, когда ему нравились стихи, которые он читал. Можно было подумать, что удовольствие, которое он испытывал от хороших стихов, было чисто физиологическим».

Слово — это очень важно. Бегемот и левиафан, две трубы, реки, текущие навстречу друг другу, кровообращение — все это жалкие попытки описать нечто, связывающее верх и низ. («Я

буду солнце лить свое, а ты свое — стихами»). Вспомните дубненскую лекцию Бартини: тяжелые психочастицы опускаются на «дно» — в мир солнц и планет. — а легкие дрейфуют по направлению к «источнику их зарождения». Это похоже на драгу: «ковши» душ опускаются один за другим, сбрасывают новейшие идеи и зачерпывают «наваждения Земли». Мир создается Словом и в Него возвращается.

А может, это тоже — Школа? Сыны Божьи строят и разрушают свои песочные замки на берегу великой Реки Времени — воплощаются, играют, творят, реализуют себя, — отлично зная. что в них самих воплощены еще более высокие существа. Все живое — единая цепь, которая удерживает Вселенную от бесформенности и хаоса.

4. «ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС, ГРАЖДАНИН, СОВРАМШИ!»

«Прошу заметить», — без конца повторяет Булгаков. И — «если строго вдуматься»… Разве не слышится в этом призыв к внимательному чтению? Заметьте: Воланд озабочен качеством провизии. Эпизод с буфетчиком показывает, что пища богов — «первой свежести», а ниже происходит деградация идеи: пирог с гусиной печенкой, третьедневочные щи, брюквенная баланда… Неспроста Булгаков показывает на балу два джаза — человеческий и обезьяний: «Человек — обезьяна бога». Еще более откровенен И. Ефремов в «Часе Быка»:

«Каждое действие, хотя бы внешне гуманное, оборачивается бедствием для отдельных людей, целых групп и всего человечества. Идея, провозглашающая добро, имеет тенденцию но мере исполнения нести с собой все больше плохого, становиться вредоносной…».

Идея — луч, брошенный в человечество. Вернее — просочившийся в него, как просачиваются в захолустье столичные сплетни. Он обезображивается до неузнаваемости: «Мысль изреченная есть ложь». Искажение информации — закон нашего мира. Именно по этой причине свет рассеивается даже в вакууме, а слово, прожив многие сотни лет, выворачивается наизнанку. Взять, к примеру, слово «урод»: в языке древних славян — «красавец»!

А разве сама жизнь не является результатом нескончаемой цепочки ошибок в генетическом коде? Абсолютное большинство мутантов гибнет, но единицы получают преимущество, размножаются и вытесняют прежний вид.

Своей непреложностью и всеобщностью всемирный закон искажения превосходит все известные физические закономерности: мысль и материя одинаково деформируются в потоке Времени. Кривая, по которой год от года ускоряется реализация задуманного — это одновременно и график стремительного превращения в свою противоположность. Никто не знает, сколько столетий разделяют миф об Икаре и самолет, но способы борьбы с летанием были реализованы через несколько лет после первых стартов братьев Райт: истребитель, зенитное орудие, аэростат заграждения… Подобным примерам нет числа. Нам пора догадаться, что мир создан для максимального искажения информации. Об этом знал и Льюис Кэрролл, придумавший детскую игру в «испорченный телефон».

Так говорил Бартини на междисциплинарном семинаре в Дубне. Идея сходит в ад физического мира через человека творческого. Он «слышит» сигнал и преобразует поступившую информацию во что-то другое — в художественный текст, на холст или в чертеж, — внося необходимые погрешности посильно, в меру таланта. Народные массы — «усилитель». Они подхватывают все новое и самоотверженно воплощают, искажая идею окончательно — строят ракету или рушат прогнившее государство. Засылаем, к примеру, в «мыслеприемник» по имени Ф.Ницще трижды романтическую грезу о свободном человеке. А что на выходе? Костры из книг, «ФАУ-2» и гора детской обуви перед газовой камерой…

«Царства, секты и религии претерпят столь полное изменение, что воистину станут своей противоположностью», — предупреждал Нострадамус. Не потому ли, что Вселенная — «испорченный телефон» Бога, королевство кривых зеркал? Воланд подсказывает: мир — «вранье от первого до последнего слова». И доктор Стравинский не зря говорит: «Мало ли чего можно рассказать. Не всему же надо верить».

«В начале было Слово…».

И — «вранье от первого до последнего слова»…

Неспроста в романе все перекошенные, косятся, косоглазые или косые, ударяются о

косяки и даже обзаводятся косами. Ночной гость Ивана что-то бормотал про косой дождь. Разгадка скрыта в разговоре поэта с мастером: «девица со скошенными к носу от постоянного вранья глазами». И про «испорченный телефон» у Булгакова есть, — он испортился в Варьете, перед сеансом Воланда. «И остальные аппараты в здании испортились», — повторяет автор. «Врать не надо по телефону!» — говорят Варенухе после бала. Этот «телефон» и сам прекрасно «соврет» — онтологически, по изначальной сути!

Допустим, что человечество является конечным участком грандиозной логической цепи, выворачивающим все наизнанку. Чтобы отделить «филиусов» от людей и указать им путь к Луне, Спаситель призвал двенадцать Апостолов и вернулся к Небесному Отцу. Через две тысячи лет двенадцать человек побывали на Луне и вернулись. Тринадцатый должен быть мертв изначально, — как антитеза вечно живого Христа. Закон есть закон: в последний июльский день 1999 года американская автоматическая станция выполнила программу и упала на Луну. На борту была урна с прахом знаменитого астронома Ойджена Шумейкера.

5. «МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ДУХОВ И РАЗДАЧА СЛОНОВ»

«Эволюция машины — действующая модель эволюции живой природы, — говорил Бартини. — Мы лишь пародируем акт Творения». Ребенок на берегу реки лепит из песка бегемотика. Инженер-дизайнер лепит пластилиновый макет будущего автомобиля. Или так: берем титан, магний, литий, сталь, композиты — «лепим» космолет. Играя, человек вгрызается в вещество планеты, в массив так называемой косной материи. Придавая ей новую форму, мы противостоим энтропии.

Сотворение мира никогда не кончается: мыслящие существа, «венцы природы» каждого из этажей пирамиды, лепят нижележащих «по образу и подобию своему». И потому наши машины все больше становятся похожи на нас самих: они «видят», «чувствуют» и даже самостоятельно принимают несложные решения. Но все, что мы делаем, остается на Земле — разрушается, сгорает, истлевает или превращается во что-то другое. Что же получают от нас «верхние» миры?

Во все времена были люди, которые пытались поставить себя на место наших создателей — в порядке мысленного эксперимента. Они постулировали принцип подобия верха и низа: наверху то же самое, но гораздо лучше. Дошедшие до наших дней трактаты древних магов и алхимиков предупреждают, что истинное Великое Делание возможно лишь при одновременной работе на трех уровнях — «в трех мирах». Именно поэтому Гермес именовал себя «Мастером Трех Миров», а булгаковский Воланд назвал возлюбленного Маргариты «трижды романтическим мастером». Первый уровень — работа с веществом. Алхимики предпочитали многомесячный процесс приготовления Философского Камня, но в принципе можно представить себе мага-пилота, механика и даже дворника. Или, к примеру, авиаконсгруктора… Физическая материя очень неподатлива, ее переоформление чребует предельной концентрации всех сил.

В процессе творчества меняется и сам работник, но только при особом — магическом — огношении к своему делу. Совершенствование человека — цель второго уровня. Третий уровень — описание Мира. Надо полагать, что этот продукт выдается на-гора всеми этажами вселенской пирамиды. Требуется выразить словами следующее: что сделано, что изменилось при этом в тебе самом, как устроена Вселенная и кто ее Создатель. Век за веком человечество пишет эту великую Книгу — бесконечное выпускное сочинение на тему «Как мы представляем себе Бога».

«Надо же чго-нибудь описывать!» — говорит Воланд мастеру, написавшему новое Евангелие и названному в газете «богомазом». В одном из ранних вариантов романа Берлиоз возглавлял не МАССОЛИТ, а Всеопис. Бог придумывает человека, человек придумывает Бога. — искаженного по образу и подобию человеческому. «Очертил Бездомный главное действующее лицо своей поэмы, то есть Иисуса, очень черными красками». Что же произошло? Сияющий луч Логоса, жертвенно отделившийся ог Абсолюта, спустился на мировое дно — в физическую Вселенную, — став на Земле «главным действующим лицом» — Иисусом Христом. Он воплощался в разных телах и под многими именами. (Берлиоз говорит о том, чго

«еще до Иисуса родился целый ряд сынов божиих»). Поэт «очертил» Иисуса — то есть, сделал чертом! Знаменательный момент: бойкое перо Ивана Бездомного завершило великую работу Мироздания — белое стало черным. «Поздравляю вас, гражданин, соврамши!»

«Ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда». Таков мир по Булгакову — то. что «не происходило на самом деле», а только было «описано». Иллюзия, майя, квазиреальносгь, ложь — словом, нечто похожее на литературу и на искусство вообще. Художник создает иллюзорную глубину на плоскости, актер изображает несуществующих людей, скульптор лепит, втайне мечтая оживить глину… (Многие литературные «гомункулусы» кажутся более реальными, чем те, кто полагает себя живыми людьми).

Маг делает то же самое, но осознанно. Он «перелопачивает» низ и пишет отчеты наверх — в художественной форме. То есть — в максимально искаженной… (Попробуйте составить представление о Бородинском сражении из стихотворения Лермонтова!). Не случайно литераторы более других «пострадали» от Воланда. Особенно досталось поэту Бездомному, обнаружившему «изобразительную силу», необходимую будущему магу: «Иисус в его изображении получился ну совершенно как живой…». И, конечно, он не один такой в доме Грибоедова: «Приятно думать, что под этой крышей скрывается и вызревает целая бездна талантов». Инкубатор?

Иван «созрел». У него «подходящая для этого почва», — поясняет Булгаков. «Когда готов ученик, приходит учитель»: на пустой аллее появляется профессор Воланд и преподаст поэту первый урок нелегкого искусства игры живыми фигурами. В третьем томе «Тайной доктрины» Е.П.Блаватская чуть приоткрыла главный секрет индийских магов: «Первым шагом к овладеванию Крияшакти является применение Воображения. Вообразить что-либо — значит, четко построить модель того, чего вы желаете, совершенную во всех подробностях. Затем приводится в действие Воля и этим форма переносится в объективный мир. Это есть творчество посредством Крияшакти».

Представить и сильно захочеть — что может быть проще? Но Блаватская не зря употребляет заглавные буквы: то, что мы обычно называем волей и воображением — детские каракули в сравнении с полотнами Леонардо. «Четко построить модель» и наполнить ее материей — это и есть магия.

В «Золотом теленке» имеется один многозначительный эпизод: на «макет обелиска, который город собирался поставить на главной площади», возложили большой жестяный венок с лентами. «Макет старого обозрения» мы видим и в кабинете Римского перед сеансом в Варьете: «варьете» в переводе с французского — «обозрение». Затем на этот макет набросили свежеотпечатанную афишу Воланда. «Воля ваша», — говорит Воланд: воля мага «накрыла» ментальную модель грядущего события и позволила ему материализоваться. А что предлагает афиша О.Бендера? «Материализацию духов и раздачу слонов»!..

«Все сделано из вещесгва того же, что наши сны». Многие исследователи считают, что эти слова написал лорд Френсис Бэкон, скрывшийся под маской полуграмотного актера Вильяма Шекспира. То же самое утверждал Роберто Бартини:

«Объективное и субъективное принципиально неотличимы».

6. «КОНЬ», «КУЧЕР», «СЕДОК»

Булгаковский мастер гордится раковиной на кухне, а Маргарита видит «горы устриц». Древние мистики называли души Сынов Божьих жемчужинами — то есть, «Маргаритами»: раковина-жемчужница — огромная редкость среди миллионов обычных устричных раковин. Эту метафору используют и Стругацкие в «Хромой судьбе»: в кафе «Жемчужница» герою вручают партитуру труб Страшного Суда. В «Отягощенных злом» ученик Демиурга (называемого также Казаретянином, то есть Иисусом) разыскивает «тени» — человеческие души особого рода. Он уподобляет их жемчугу: «Люди того времени воображали, будто каждый из них является обладателем тени. Так, может быть, раковины П. маргаритифера воображают, будто каждая из них несет в себе жемчужину».

Размышляя о путях воплощения бессмертного в смертном, средневековые розенкрейцеры

вывели формулу тройственности индивида. Они назвали ее «Верховной Мистерией Трех Я». В текстах «Атона» мы уже обнаружили маски, под которыми скрывается это учение: школа третьей ступени, «Святилище Трех Шагов», три шага в серебряных башмачках Элли.

Рыцари Креста и Розы считали, что совершенство может быть достигнуто осознанием Божественной Троицы и Ее отражения в человеческой природе — иерархии духа, души и тела. Речь идет о трех последовательно включающихся системах управления, условно названных «конем», «кучером» и «седоком» — по аналогии с конной повозкой. Первая система обслуживает нужды тела, но делает человека-"коня" рабом всех влияний. Астрологи знают: чем примитивнее устроен индивид, тем точнее его гороскоп. «Живущий по звездам живет скотом», — эту знаменитую фразу Якоба Бемс весело обыграл Булгаков. «С котами нельзя!» — кричит кондуктор, и то же самое повторяет швейцар «Торгсина». Вспомним и гороскоп Берлиоза, составленный Воландом: «Раз, два… Меркурий во втором доме… луна ушла… шесть — несчастье, вечер — семь…» — и громко и радостно объявил: — Вам отрежут голову!"

Люди первого типа отождествляются с телом и уходят в небытие — только потому, что два верхних «сосуда», способные пережить смену физической оболочки, остаются незаполненными. Им просто нечего перевоплощать. Выше «коня» стоит «кучер». Взяв верх над своей животной природой, он обретает влияние на людей-"коней". Именно об этом пишет Кэрролл во второй сказке про Алису: «Я бы обязательно выиграла, если бы этот несчастный Конь не мешал моим фигурам».

«Кучер» еще не чувствует в себе самую тонкую и могучую компоненту — «седока», — но уже способен к эволюции. То, что отличает его в нынешней жизни, непременно проявится в следующей — как врожденный талант к какой-либо деятельности. Третий и самый высший тип — «седок», — человек, осознавший свою тройственную природу. Он неподвластен звездам. Правя собой и людьми двух нижних типов, «седок» участвует в Игре, а после смерти полностью воспроизводит себя в новом рождении.

Самую прозрачную аллегорию «Верховной Мистерии трех Я» придумал Валентин Катаев: «серый волк, несущий Ивана-царевича». Волк — «конь». Два последних слова обозначают разные сущности — «кучера» и «седока». Это подтверждает восьмая глава «Сына полка», в которой тайный герой увидел своего «седока»: Ваня Солнцев встречает мальчика-кавалериста — сына полка и владельца бурки по фамилии Вознесенский. Вознесенный из ада — «искупленный от земли»? Обратите внимание и на «косматые бурки генералов» из сна пастушка: это — пастухи человечества, и герой станет одним из них, когда «проснется». То же самое зашифровано в «Мастере и Маргарите»: неспроста Коровьев носит «жокейский картузик», а Иван «был в ковбойке». Ковбой, как известно — конный пастух, в переводе с английского — «коровий парень».

В эту схему прекрасно укладываются обитатели особняка, в котором живет Маргарита: хозяйка, домработница и Николай Иванович — нижний жилец. Николай Иванович — «конь». Он проявил свою животную суть и превратился в «перевозочное средство» для «кучера» — Наташи. Хозяйка-"седок" в свою очередь должна «оседлать» домработницу. Символически так и происходит: Маргарита летит на наташиной щетке. Обратите внимание на разницу в поведении двух «перевозочных средств»: толстый «нижний жилец» сопротивляется, а тонкая и твердая щетка Маргариты «послушна» и «покорна». Градацию венчает длинная рапира, на которой летит Азазелло.

Эта триада воспроизводится и в эпизоде с летающей машиной: после очищения в реке Маргарита прямо названа '"седоком", она летит на «буланой машине» (конь!), управляемой грачем-"кучером". Не случайно сказано, что машина (тело) заканчивает свою жизнь в овраге за кладбищем: «В него она с грохотом обрушилась и в нем погибла». Сравните: «Голое влажное тело Иешуа обрушилось на Левия…».

Чтобы показать процесс обретения «конем» своего «кучера», Ильф и Петров вставляют новеллу, занимающую почти четыре страницы — «Рассказ о гусаре-схнмнике». Блестящий повеса граф Буланов (буланый конь), перекрашивает своего коня, — чтобы изменить масть и выиграть на скачках. Затем он принимает схиму, претерпевает добровольные страдания и через много лег становится кучером. Бендер — человек в ковбойке и бывший «конь» (на его афише указано: «сын Крепыша». Знаменитый рысак Крепыш был абсолютным чемпионом России в

начале прошлого века). Остап неспроста рассказывает о графе Буланове Ипполиту Воробьянинову: «Ипполит» переводится как «разнузданный конь». В тройке искателей бриллиантов (Бендер, отец Федор и Воробьянинов) Киса символизирует животный компонент человека.

Ту же схему легко увидеть в «Золотом теленке»: «Антилопа-гну» (животная природа), «кучер» Адам Козлевич и «седок» Бендер— «командующий парадом». Но пассажиров трое: Паниковский, Балаганов и Бендер — дети лейтенанта Шмидта. Три в одном — идеальное соотношение, подобное Троице и достижимое лишь в совершенном человеке. Находит своего «седока» и аллегорический герой «Фанданго»: Каур (каурый конь) встречает всемогущего «седока» Бам-Грана и удостаивается обращения «кабалерро» (от фр. «cavalier» — «всадник»).

На примере «Золотого теленка» можно проследить за посмертной судьбой «фракций». Как и у Булгакова, аллегорическая машина — прежнее тело адепта — гибнет (вместе с Паниковским!). Что же происходит с «кучером»? «Колесо описало дугу и мягко легло у ног Козлевича». Очевидно, это приглашение к перевоплощению: как учат буддисты, душа вновь возвращается на Колесо Сансары — в круг новых страданий. А что делает водитель погибшей машины у Булгакова? «Грач … сел на колесо верхом и улетел».

Когда тело погибает, душа вовлекается в новое рождение: «Антилопа-гну» заново собирается Козлевичем. «Седок» же в обычном человеке присутствует лишь потенциально, — пока тот остается пешкой в чужой и непонятной ему игре. В эпилоге булгаковского романа Ивана называют учеником, и ему снятся трое, идущие по лунной дороге: Иешуа, Пилат и «гигантский остроухий пес». Дух, душа и тело. А Пилату снится его «седок»: «Мы теперь будем всегда вместе, — говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом вставший на дороге всадника с золотым копьем. Раз один — то, значит, тут же и другой».

7. «ПЛОД ГАЛЛЮЦИНАЦИИ»

Мы не удивились, обнаружив в списке «дисковцев» Евгения Шварца. Его Золушка едет в волшебной карете и становится «хозяйкой бала» — как Маргарита. Перед этим она получает кучу труднейших поручений, самое любопытное из которых — «познай самое себя»! Ее крестная, сошедшая с вечернего неба и украшенная лунным полумесяцем (Луна и крест!), успокаивает Золушку словами, которые в фильм не попали: «А самое себя ты познаешь на балу».

Миром правит тот, кто не забыл про тройственность своей природы и укротил животную «фракцию», мешающую увидеть в себе божественного «седока». Об этом говорят все подобные книги. Возьмем, к примеру, уэллсовского «Человека-невидимку»: действие романа начинается в трактире «Кучер и кони»! А в эпилоге говорится о судьбе трех рукописных книг — зашифрованных! — в которых «скрыта тайна невидимости и много других поразительных тайн». Эти книги хранит полуграмотный трактирщик — иначе говоря, содержатель гостиницы.

На «Человека-невидимку» Булгаков намекает в главе «Беспокойный день»: став невидимым, начальник филиала как ни в чем ни бывало продолжает работать с бумагами. И приказы он отдает соответствующие — накладывает резолюции сухим пером. Намек дублируется: «Поражало безмолвных посетителей филиала то, что хористы, рассеянные в разных местах, пели очень складно, как будто весь хор стоял, не спуская глаз с невидимого дирижера». Все понятно, не правда ли: хор символизирует человечество, а невидимым дирижером был Коровьев — одно из воплощений Воланда-"седока". Не надеясь на то, что мы заметим его жокейскую шапочку (всадник!), автор называет Коровьева рыцарем, и это слово опять-таки происходит ог немецкого «Ritter» — «всадник».

«Коня потерял!» — говорит Бегемот, когда Маргарита появляется у Волапда. Она теряет физическое тело, чтобы уже в этом рождении стать «золотым конем» — «перевозочным средством» самого Воланда. Не случайно маг дарит Маргарите золотую подкову, а в конце романа она летит в воландовой свите. А что находят в «Туманности Андромеды»? Золотого коня! На эту ступень познания указано и в «Двенадцати стульях»: «Попал иод лошадь гр. О.Бендер. Пострадавший отделался легким испугом». Страдания тайного героя Ильфа и

Петрова — его крестный путь. Великий комбинатор умер в первом романе, воскрес во втором, получил свой миллион и оседлал верблюда — став, в свою очередь, «средством передвижения» для еще более высокого существа: «Мощная выя командора сгибалась под тяжестью архиерейского напсрстного креста». Он — носитель невидимого Христа, по-гречески — «Христофор»: неспроста же три стула из двенадцати были похищены в театре «Колумб»!

«И, наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, что это лунные цепочки и самый конь — только глыба мрака, и грива этого коня — туча, а шпоры всадника — белые пятна звезд». Вместо «настоящего обличья» описывается какой-то странный конь. Но это и есть тайная сущность Воланда: он лишь очередное «перевозочное средство» — «конь» невидимого Христа. Иностранец говорит, что «Иисус существовал» не так, как описано в Евангелиях, — не потому ли, что «седок» может одновременно присутствовать во множестве тел?

«Кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще распорядком на земле?» — спрашивает Воланд своего ученика. «Сам человек и управляет!» — отвечает «Иван-дурак». И получает первый урок: голова председателя МАССОЛИТа покатилась по мостовой. «Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?» Перед балом Воланд играет в шахматы живыми фигурами, не сводя глаз с планеты, которая кажется глобусом: «События мне нужно знать точно». Но это отнюдь не борьба сил света и тьмы. Таинственный профессор пытается объяснить глупому Левию. что зло не персонифицировано (Иван: «Нет никакого дьявола!»), а является неизбежным следствием живой и осознающей себя материи, ее «тенью»: «Ведь тени получаются от предметов и людей». Эпизод с шахматной партией подсказывает, что два невидимых «гроссмейстера» воплощены в пяти главных фигурах, каждая из которых связана со своей пятеркой «людей-пальцев». Посчитайте сами, читатель: сколько приближенных было в свите Воланда по прибытии в Москву? Пятеро. Столько же и улетели: Гелла и Абадонна исчезли, уступив места двум влюбленным. «И не жарко ему в перчатках», — думает Иван про Воланда. В конце романа Маргарита «продела свою руку в черной перчатке с раструбом». а «Воланд указал рукою в черной перчатке с раструбом». Словно огромная рука простерлась над землей в последней главе — пять всадников под властью шестого, накрывшего скачущих огромным черным плащом. «О боги, боги мои, яду мне, яду!..» Фанаты Булгакова напрасно исписали этими словами стены на Садовой: «яд» в переводе с древнееврейского — «рука». Но где же скрывается второй Игрок?

В булгаковском романе есть строки, которые не поддаются никакому объяснению. Например, в той главе, где Иуда идет навстречу своей гибели, мы видим очень странную иллюминацию: «…Ему показалось, что над Ершалаимом засветились десять невиданных по размерам лампад, спорящих со светом единственной лампады, которая все выше поднималась над Ершалаимом — лампады луны». Всего через пару страниц знак повторяется: «…Всадник рысью пробирался по пустынным улицам Нижнего Города, направляясь к Антониевой башне, изредка поглядывая на нигде не виданные в мире пятисвечия, пылающие над храмом, или на луну, которая висела еще выше пяти-свечий». Но священный канделябр иудеев — семисвечник! Не видится ли здесь символическое распятие: голова (луна), тело («храм души») и руки — два пятисвечия? А так выглядит погибший Иуда: «Бездыханное тело лежало с раскинутыми руками. Левая ступня попала в лунное пятно…».

Распятие — схема Игры?

Из трех десятков бартиписвских картин, висевших в квартире на Кутузовском проспекте, нам удалось увидеть лишь необычный автопортрет, датированный 1952 годом: темный профиль на фоне зарешеченного окна. В то место над переносицей, где мистики помещают «третий глаз», входит белый луч. Он проникает внутрь, в какой-то светлый треугольник и расщепляется на пять малых лучей, выходящих за пределы головы. «Рука» и «пальцы»?

«Тогда в булгаковской Москве должны быть два игрока и две свиты!» — возразит скептик. Так и есть: «Впереди всех шел тщательно, по-актерски обритый человек лет сорока пяти, с приятными, но очень пронзительными глазами и вежливыми манерами. Вся свита оказывала ему знаки внимания и уважения…».

Профессор Стравинский явно символизирует другую планетарную силу: он успокаивает тех, кого вывел из равновесия визит профессора Воланда. И совершенно ясен становится смысл

первой просьбы Маргариты: «Я умоляю вас не прерывать партии». А ее следующие слова дают ключ к пониманию текстов, замаскированных под художественную литературу: «Я полагаю, что шахматные журналы заплатили бы недурные деньги, если бы имели возможность ее напечатать».

Уподобим верхнее нижнему. Представим, что несколькими этажами выше человечества существует «управдом» невообразимой реализационной мощи, для которого нижние миры нашего Солнца — как глина для скульптора. Он мысленно разыгрывает гигантский спектакль — единый, но разветвленный на триллионы триллионов сюжетов, — транслируя Божественный Логос на подведомственный участок вселенского дна. Это — первый уровень. Второй и третий тоже подобны человеческим, но «сырье» для своих художественных отчетов «управдом» берет из придонных миров, — откуда непрерывно поступает и записывается поток литературы. Таким образом, работа гипотетического Управителя — те же три уровня Великого Делания, которые требуются и от простых магов. «Один, один, я всегда один», — подтверждает «артист» Воланд. Итого — три?.. Чудеса в Варьете и удивительная трансформация «нехорошей квартиры» выдают нашего «управдома». Гностики полагают, что Демиург создал и населил земной мир силой своего воображения. Мы — его персонажи. В эпилоге Булгаков предельно откровенен: например, про артиста Куролесова говорится — «единственный живой»! Совершенно, казалось бы, третьестепенное лицо, — но автор с подозрительной горячностью убеждает нас, что не было никого, кроме этого Куролесова: «Он был, а остальных не было». Сказано также и о других персонажах из сна управдома: «Ровно ничего с ними не случилось, да и случиться не может, ибо никогда в действительности не было их». Глава называется — «Сон Никанора Ивановича». Демиург — спящий «управдом» планеты. «Единственно живой». «Управдом» Воланд был, а остальных не было. Перед сеансом в Варьете афиша Воланда накрыла макет. В конце романа плащ летящего Воланда накрывает всю землю: идея принимает форму. Материализация. Мир снится усталому кукловоду нынешнего человечества, и этот сон незамедлительно наполняется веществом.

Сон Короля… Ну, конечно — это же «Алиса в Зазеркалье»! Героиню Кэрролла беспокоит странная мысль о том, что она сама и все, что ее окружает, снится Черному Королю. Все книги — одна Книга, которую «пишет» в своем непостижимом сне Черный Король. Ночной гость Ивана говорит, что Воланд мог бы рассказать историю Иешуа и Пилата гораздо лучше. Здесь скрыта квинтэссенция булгаковской идеи: писательское ремесло есть слабое и искаженное отражение грез Демиурга. Подсказка — «искаженные», «перекошенные», «кривые» лица персонажей. Все они — без малейшего исключения! — хотя бы одной своей черточкой похожи на мага. Но «кривое лицо» и у самого Воланда: он тоже — чье-то искаженное отражение. Принцип матрешки: некто видит себя Воландом, который вообразил мир и «народонаселение», а некоторые из его созданий в свою очередь придумывают персонажей третьего порядка — копии копий, — полагая при этом, что занимаются литературой. «Ибо мы все знаем вещи лишь в сновидении, а в действительности ничего не знаем», — учил Платон. Ничем иным и не объяснить последние строчки последней главы: «Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя». Воланд — лишь тень существа, которого наш убогий разум отказывается вообразить. Думается даже, что и эта ступень чуть возвышается над основанием вселенской пирамиды, уходящей в ту сияющую Тьму, откуда прозвучало Божественное Слово.

«Сон Черного Короля» — этот космический принцип воспроизводится во Вселенной сверху донизу. Сон во сне. Единственно Сущий сочиняет историю, воплощаясь в мириадах существ. «Имейте в виду, что Иисус существовал», — говорит «историк» Воланд. И многозначительно добавляет: «…просто он существовал, и больше ничего». Ничего, кроме Иисуса?.. Именно так: про сон управдома сказано, что «воскресший» Куролесов был («Умерев, Куролесов поднялся…»), а остальных не было. Ларчик просто открывался: слово «куролесить» произошло из греческого '"Кирие, элейсон!" — «Господи, помилуй!»

«Я — историк, — подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: — Сегодня на Патриарших будет интересная история…». Поэт Иван учится настоящему творению. Рукописи — в огонь! Не нужны также холсты и краски, глина и мрамор, компьютерные дисплеи, телеэкраны и даже самоновейшие кабины виртуальной реальности. История делается так: «Тут

Воланд махнул рукой в сторону Ершалаима, и он погас…».

«Вообразите» и «представьте себе» — без конца повторяет Булгаков. Этому искусству «консультант» учит Ивана. «Как же это я не заметил, что он успел сплести целый рассказ?.. — подумал Бездомный в изумлении, — ведь вот уже и вечер! А может, это и не он рассказывал, а просто я заснул и все это мне приснилось?» Магия — искусство обходиться без слов. «Не пишите больше!» — приказывает Ивану ночной гость. Поэту колют снотворное (снотворение!), и он прозревает: «Иванушка дремал лежа и перед ним проходили некоторые видения». Воланд воссоздал в его голове то, что мы называем «реальностью». Наведенная галлюцинация, попросту говоря — гипноз…

Православные священники употребляют другое слово — '"прелесть": в первоначальном смысле — прельщение тем, чего нет. «Казни не было! Не было! Вот в чем прелесть путешествия вверх по лестнице луны», — читаем мы в главе «Погребение». Бегемот затевает пустейший спор с Воландом о прелести бала, а в конце романа мы читаем диалог Коровьева с гражданкой, дежурившей у входа в ресторан: слово «прелесть» — трижды в четырех строчках! Несколько ранее Коровьев и Бегемот прошли мимо отдела Торгсиниа, — «минуя все эти прелести». Там продавали «штуки материи» (материальный мир — иллюзия, прелесть!), причем описание и дальнейшая судьба отдела подозрительно напоминает иллюзорный «дамский магазин» в Варьете.

Бегемот: «Я буду молчаливой галлюцинацией». «Гораздо спокойнее было бы считать вас плодом галлюцинации», — говорит мастер Воланду, и маг любезно соглашается: «если спокойнее то и считайте». Нам подсказывают, что все события, происходящие в романе — «плод галлюцинаций» «одинокой белой фигуры», сидящей в каменном кресле и грезящей наяву. Но Пилат ли это? Или Воланд снова внушает своим героям «прелестную» картинку — аллегорическую, — которую нам требуется расшифровать? Не объясняет ли эта одинокая фигура на троне природу самого Воланда — «прокуратора» человечества, единственно существующего персонажа романа, которому грезится все остальное? Он говорит, что «ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда». И совсем не потому, что евангелисты исказили истину. Просто наш мир — это «плод галлюцинации».

8. «ИЗВЛЕЧЕНИЕ МАСТЕРА»

Почему мастер пишет «роман о Пилате»? Услышав об этом, Воланд многозначительно спрашивает: «И вы не могли найти другой темы?» Но сам он отлично знает: мастер написал о… себе!

Иешуа предлагает прокуратору прогуляться с ним, и такое же приглашение передает мастеру Азазелло. «И ночью при луне мне нет покоя!» — жалуются мастер и Пилат. Оба — полиглоты, больные, подозрительные, трудно сходящиеся с людьми. Они боятся темноты и пьют вино, когда становится невыносимо страшно. А вот какое неприметное событие случилось в тот момент, когда Пилат собирался освободить Иешуа: «В это время в колоннаду стремительно влетела ласточка, сделала под золотым потолком круг, снизилась, чуть задела острым крылом лицо медной статуи в нише и скрылась за капителью колонны. Быть может, ей пришла мысль вить там гнездо».

Алхимическая символика: преобразование человеческой «меди» в божественное «золото». Эту догадку подтверждают золотые идолы на крыше дворца — «медный» низ и «золотой» верх, — а также Воланд, сидящий на крыше дома Пашкова.

«— Ты знаешь, — говорила Маргарита, — как раз когда ты заснул вчера ночью, я читала про тьму, которая пришла со Средиземного моря… и эти идолы, ах, золотые идолы. Они почему-то мне все время не дают покоя…».

Освобождение — вот что подсказывает ласточка, влетевшая в колоннаду. Эта птица дважды упомянута в Библии и названа словом «дрор» — «свобода». Пилату обещали свободу, но он не понял знака богов: «…показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил, а может быть, чего-то не дослушал». «Пришло бессмертие», — тоскливо думает Пидат перед объявлением приговора. Чье? Но он ничего не помнит. Его истинное "Я", переходящее из жизни в жизнь, забыло себя. Пилат — перигей погружения души: дно Вселенной, планета

Земля, телесная оболочка прокуратора, тяжелая, как водолазный скафандр.

Булгаков даст точные приметы его «придонного» состояния: «Поплыла вместо этого всего какая-то багровая гуща, в ней закачались водоросли». Странный арестант по имени Иешуа — «водолаз-спасатель». Он пытается напомнить прокуратору о свободе, которая его ждет, — но лишь в конце долгого и мучительного пути. Мы оставляем его спящим, он видит длинную череду снов, и в предпоследнем из них прокуратор становится… профессором Иваном Николаевичем Поныревым!

Будьте предельно внимательны, читатель: именно здесь скрыта разгадка многих неувязок, смущающих комментаторов «Мастера и Маргариты». Секрет в том, что все события, описанные в романе, — московские и ершалаимские — снятся двум персонажам из эпилога — душевнобольному профессору и его безымянной жене. Конец становится началом: о том, что снится профессору в эпилоге, мы читаем в первой главе. Сначала спящий видит себя поэтом Иваном Бездомным, который встречается с иностранным профессором и словно воочию наблюдает допрос Иешуа. Сон во сне. Поныреву снится гибель Берлиоза, погоня за Воландом, происходившая со «сверхъестественной скоростью», и «крещенское» купание в реке.

(«Дух перехватило у него, до того была холодна вода, и мелькнула даже мысль, что не удастся, пожалуй, выскочить на поверхность. Однако выскочить удалось, и, отдуваясь и фыркая, с круглыми от ужаса глазами Иван Николаевич начал плавать…»). После сцены в ресторане он попадает в клинику и… В этот момент спящему делают укол морфия (см. эпилог), но профессору снится, что ему колет снотворное дежурный врач. В палате его снова навещает Волапд, пришедший под видом мастера. Его рассказ погружает профессора во второй сон во сне: он — историк в одном из московских музеев — выигрывает сто тысяч, разводится с женой, нанимает маленькую квартиру, знакомится с Маргаритой и пишет роман о Пилате. Таким замысловатым способом спящему напоминают о прокураторе, — чтобы вернуть историка в ершалаимский слой матрешки снов. Извлечение начинается: в этом сне Понырев тоже попадает в психиатрическую клинику Стравинского, но в последней главе он словно раздваивается — умирает в своей палате и одновременно посещает 117-ю палату Ивана Бездомного — то есть, самого себя в предыдущем сне. (Символическое возвращение по ступенькам множества снов: обитатель палаты №118 (побритый в субботу) переходит в палату №117. Надо полагать, что в следующей палате — 116-й — обитает сам профессор Понырев из эпилога, которому снится ночной гость — «обросший бородой человек». Наконец, герой освобождает грезящего в каменном кресле прокуратора — опять-таки самого себя! — и этим заканчивает свой «роман о Пилате».

А кем была Маргарита во времена Пилата? Его женой! Жену Понтия Пилата звали Клавдией; она упомянута в первых редакциях романа. Клавдия — Клодина: именно это имя пытается напомнить Маргарите пахнущий коньяком толстяк без штанов — преобразившийся Бегемот. («Штаны коту не полагаются, мессир!» — говорит Бегемот, а немного позднее ныряет в коньяк).

Все это может показаться чересчур сложным и не очень убедительным. Но загляните в двадцать четвертую главу, где Воланд спрашивает мастера: «А ваш роман, Пилат?» Разве непонятно, что это обращение?

9. «СПОСОБЫ ОЖИВЛЕНИЯ УТОНУВШИХ В РЕКЕ»

На таинственную фигуру Спящего намекает обитатель палаты №119 — управдом (глава «Сон Никанора Ивановича»). Все, что происходит на Земле, снится булгаковскому Демиургу, играющему миллиардами живых фигур. Являясь частью планетарного «управдома», каждое человеческое сознание лепит свой собственный мир. Верх и низ. Меж двух этих «зеркал» существует то, что мы называем объективной реальностью.

Время от времени в человеческой массе появляются особые существа — «филиусы» — носители новых идей, посредством которых Демиург («мозг») посещает собственные сновидения и управляет миром («тело»). Выполнив свою миссию, они должны уйти. Но некоторые из этих существ «засыпают» и, прожив множество жизней, почти ничем не отличаются от обычных людей. Лишь сам «филиус» способен разбудить себя. («Дело помощи

утопающим — дело рук самих утопающих»). «Великий врач» Иешуа, доставленный на допрос к Пилату — не более, чем «плод галлюцинаций» Демиурга, порожденный для спасения того, кто считал себя римским прокуратором. Он — посланец вечно бодрствующего Духа. В обличье Воланда Демиург вторгся и в свой предпоследний сон — тот самый, который снился профессору Поныреву. Именно в этом смысле Воланд, Иешуа и безымянный автор «романа о Пилате», называющий себя мастером — одна и та же сущность. «Нам чужого не надо», — подтверждает Коровьев, отдавая мастеру сберегательную книжку.

Книжка — сберегательная: «рукописи не горят»!

Заметьте: мастер любит розы, а Пилат их ненавидит. Роза — древний символ любви; у Данте, например, роза знаменует любовь Творца Вселенной к своему созданию. Запах роз преследует того, кто «утонул» в человеческом море, он ненавистен прокуратору, как спящему ненавистен звон будильника. Это — напоминание о «верхнем» мире и о том, что пора «выныривать». Не случайно Иван ныряет в холодную и грязную воду, а Маргарита — в теплую и чистую: она уже «вынырнула».

Становится понятен и смысл слов «спасателя» Иешуа, записанных Левием Матвеем на пергаменте: «Мы увидим чистую реку воды жизни…». Не здесь ли скрыт «запасной выход»: «утонувший» в человечестве Понырев должен «вынырнуть» и научиться «плавать» в другой реальности? Читаем: «…отдуваясь и фыркая, с круглыми от ужаса глазами, Иван Николаевич начал плавать…». Правильность нашей догадки подтверждается появлением экономиста Поплавского. (Эконо-мист: мистами называли учеников, допущенных к мистерии). Именно Поплав-ский видит в домоуправлении «старый плакат, изображавший в нескольких картинках способы оживления утонувших в реке».

«Филиус», которому снится жизнь Пилата, только начинает пробуждаться. Извлечение удается лишь двадцать веков спустя, — когда он становится московским историком, получает выигрыш, пишет роман о Пилате и попадает в психиатрическую клинику. Освободив спящего Пилата, мастер (последняя из сонных личин «филиуса») поставил точку в своем романс и «заслужил покой». А что будет, когда проснется сам Демиург — кэрроловский «Король», которому снится весь наш мир? Иллюзорный «парижский магазин» в Варьете и сгоревший Торгсин («настоящий») должны подсказать читателю, что все материальное — мираж, который может бесследно исчезнуть.

В третьей главе Бытия сказано: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные». Иначе говоря — тела… По-библейски метафоричен и Михаил Булгаков: «Последней исчезла высоченная гора платьев и обуви, и стала сцена опять строга, пуста и гола». Конец света? «Я умоляю вас не прерывать партию!» — просит Маргарита-Ева. Шахматная игра Воланда и Бегемота — символический чертеж, по которому разворачивается история живых фигур — персонажей романа. Пилат, оставляющий свое каменное кресло, назван «белой фигурой» — он и есть белый король, «сбежавший» с планетарной шахматной доски. Таким образом, мастер перестал быть фигурой и превратился в Игрока: неспроста Воланд, сидевший над хрустальным глобусом, предлагает ему «сидеть над ретортой»! Чтобы «не прерывать партию», его мантию надевает на себя офицер — «ученик» Иван. «Вы о нем продолжение напишите», — напутствует Ивана сам Воланд, пришедший под видом мастера, и поэт переходит в следующий сон. Партия продолжается?

Вторая линия сюжета — сновидения безымянной жены профессора Ивана Понырева (возможно, во сне она тоже сохраняет свое имя — Маргарита). Женщина дежурит у постели мужа и ложится спать уже на рассвете («Беречь твой сон буду я»), — именно поэтому ее сны начинаются во второй части. Первый из "их — самый страшный: «Приснилась неизвестная Маргарите местность — безнадежная, унылая, под пасмурным небом ранней весны…». Потом она «просыпается» — переходит в следующий сон: встреча с Азазелло, мазь, полет, бал, извлечение мастера, подвал, визит Азазелло, отравление… Жена профессора воскресла в третьем сне: пожар в подвале, прощание с Иваном. Воробьевы горы, полет и, наконец, — «вечный дом». Она торопливо прошла через анфиладу иллюзорных миров — в тот сон, который ее полностью устраивает: «Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше». Но именно в этот момент Маргарита из первого сна просыпается и понимает, что на самом деле ничего не было, — она не видела мастера в унылом и

безнадежном месте, не встречала Азазелло, не летала на таинственный островок, не была хозяйкой на балу Воланда, ей не вернули возлюбленного и не подарили покой. Пробуждение ее убило: «…мрачная, дожидающаяся возвращения мужа женщина вышла из своей спальни, внезапно побледнела, схватилась за сердце…». Но, умерев от сердечного приступа в первом сне, Маргарита должна проснуться в «реальности» эпилога и снова стать женой профессора Понырева.

Из своей спальни Маргарита попадает в спальню Воланда. Из сна в сон… «Беречь твой сон буду я», — говорит она своему возлюбленному, «не заслужившему свет» — не осознавшему, что он и есть тот единственный сновидец, которому снятся все остальные, — как Черному Королю, который снится Алисе. Маргарите снится Воланд, а Воланду — Маргарита.

«Я тебе снюсь», — говорит она мальчику в доме Драмлита. В этом эпизоде спрятан последний из обещанных сюрпризов Булгакова: все, что описано в романе, происходит в сознании одного-единственного человека. «Он был, а остальных не было». Испытуемый должен понять смысл своих видений и вспомнить все — кто он, откуда и куда идет.

10. ВКЛАДНОЙ ЛИСТ

Странная повесть В.Катаева «Уже написан „Вертер“…» рассказывает о человеческих судьбах, перемолотых в жерновах гражданской войны. Но только на первый взгляд… В самом начале писатель сообщает кое-что интересное о главном герое: «Кто он? Не представляю. Знаю только, что он живет и действует во сне. Он спит. Он спящий». Этот сон неотличим от жизни, но когда приходит смерть, герой просыпается в новом сне: «Его втолкнули в подвал лицом к кирпичной стене, посыпалась красная пыль, и он перестал существовать, хотя сновидение продолжало нести спящего в обратную сторону непознаваемого пространства вселенной, населенного сотнями миллионов человеческих тел…».

«В обратную сторону»…

Писатели-"дисковцы" подсказывают: то, что мы называем историей — просто чей-то сюжет. Не означает ли это, что ее можно переписать заново — в самом прямом смысле? На Патриарших «историк» Воланд достает из кармана газету. Очень многозначительный жест: «газета — история одного дня». Заметьте: отрывок из романа о Пилате был напечатан в газете. Затем нам показывают, как человек с газетой беспрепятственно проходит в писательский ресторан: «Коровьев и Бегемот посторонились и пропустили какого-то писателя в сером костюме, в летней без галстука белой рубашке, воротник которой широко лежал на воротнике пиджака, и с газетой под мышкой». Серый костюм и газета под мышкой? А кого мы видели в сером костюме, с тростью под мышкой, которая легко превращалась в шпагу? Неспроста о газете говорит и ночной гость Ивана — сам Воланд, назвавшийся мастером: «Помню, помню этот проклятый вкладной лист в газету!» После бала маг возвращает мастеру (бывшему историку!) его рукопись и сберкнижку со вкладом. Рукопись — это и есть вклад в историю?

Быть вкладным листом в тот «исторический роман», который пишет «повелитель теней» — таков, по Булгакову, смысл художественной литературы. «Вранье от первого до последнего слова» обогащается даже самым малым вкладом: «Поздравляю вас, гражданин, соврамши!»

«Я буду занят другим», — говорит мастер, прощаясь со своим учеником. Что же уготовано ему и обитателям Дома Грибоедова — тем, кто «под этой крышей скрывается и вызревает»? «Сладкая жуть подкатывает к сердцу, когда думаешь о том, что в этом доме сейчас поспевает будущий автор „Дон Кихота“ или „Фауста“, или, черт меня побери, „Мертвых душ“!»

Они «поспевают» и уходят в прошлое, — не для того ли. чтобы изменить историю? Именно об этом рассказывает тайный сюжет «Часа Быка»: экспедиция, возглавляемая историком, отправляется в ожившее прошлое Земли. А в книге Ю.Олеши «Ни дня без строчки» прямо говорится о том, что некий маг заставляет писателя совершать «самое настоящее проникновение в материальный мир прошлого».

В повести Стругацких «Полдень, XXII век» на борту аварийного звездолета появляется человек из очень отдаленного будущего. Он воскрешает мертвого космонавта и чинит реактор. Почти волшебник… (В начале повести описывается школа XXII века, и почему-то — урок

географии: «Речь шла о науке вулканологии, о вулканах вообще и о непокоренных вулканах в частности». Мало того: наставник мальчишек, мечтающих о космических путешествиях, когда-то участвовал в «замирении вулкана Стромболи». Школа Фулканелли?) А чем заканчивается «Понедельник…»? Молодые маги из НИИЧАВО АН СССР (Научно-исследовательский институт чародейства к волшебства) открывают секрет своего директора Януса Невструева: в отличие от нормальных людей, он движется из будущего в прошлое через «дыру времени». («Не в струю» — против потока?) Как Белая Королева у Кэрролла, он отлично помнит то, чему только предстоит быть, но не знает, что случилось вчера. (Янус — древнеримский бог дверей, владеющий ключами от прошлого и будущего). Даже сам рассказчик — программист А.Привалов — должен умереть в 1611 году (см. эпизод в книгохранилище). В прошлое перемещается загадочный Саул из «Попытки к бегству». Неявным образом это проделывают и герои прогрессорской эпопеи Стругацких — «экспериментальные историки». Обратите внимание на эти строки из эпилога «Трудно быть богом»: «Шоссе было анизотропное, как история. Назад идти нельзя. А он пошел».

В 1962 году Стругацкие пишут о КРИ («Полдень, XXII век»), — фактически, это устройство является машиной времени. КРИ работает под Новосибирском. В этой же главе говорится о «вопросах крови»: «…снят биологический код по методу Каспаро-Карпова». С кого же снимается генокод? С подопытного барашка, символически — с Агнца, то есть — Иисуса!.. В том же 1962 году новосибирский физик-теоретик Юрий Борисович Румер (друг Бартини, сокамерник по шараге и соавтор первой работы по пятимерной оптике) начинает работу над совершенно «непрофильной» темой — передачей генетического кода. А в 1969 году известный советский писатель Даниил Гранин издал маленькую повесть «Место для памятника» — про гениального ученого, который живет «против потока времени». Он знает будущее, но совершенно не помнит прошлого. Его работа связана с новым пониманием природы времени и сулит широчайший спектр применения — антигравитация, «комнатная» сверхпроводимость и даже возможность перемещения во времени. Но невежественный собеседник ученого дословно запомнил лишь одну фразу (очевидно, самую важную для Гранина): «…Ясно станет, как генетическая молекула хранит информацию». Несколько лет спустя Гранин пишет документальную повесть «Зубр», посвященную одному из основателей молекулярной биологии — Н.В.Тимофееву-Ресовскому. А ведь именно ему Бартини рассказывал о катастрофическом воздействии ядерных взрывов на «параллельные» миры! Какой общий интерес связывал авиаконструктора и биофизика? Это подсказывает «Зубр»: «…Удалось наладить сравнительную дозиметрию разных ионизирующих излучений, благодаря этому можно было заниматься как следует радиационно-генетическими опытами с дрозофилами, с бактериями, на дрожжах, на растениях, изучать радиобиологическое действие разных доз».

«Я хочу найти способ наяву проникнуть туда — как-то повернуть себя и встать в сторону, рядом с этим миром, чтобы пройтись вдоль него из края в край и собрать там свежие цветы минувших веков». Об этом мечтает бартиниевский Ра-Мег.

11. «ПИСАТЬ ПРИ СВЕЧАХ ГУСИНЫМ ПЕРОМ»

Вернемся к статье И.Вишнякова (И.Чутко). Теперь уже ясно, что про «невидимый самолет» автору рассказал сам Бартини, а не вымышленный Артур Вагуль. «Выйдя в запас, ехал он учительствовать в городок Лунинец», — пишет И.Вишняков. Учитель и Луна? Зная латынь, Бартини подсказал Чутко и сюжет с попутчиком: «вагус» — «странник». А имя бывшего капитана прочно ассоциируется с королем Артуром и его странствующими рыцарями — искателями Святого Грааля.

Древняя легенда гласит, что Артур — «король прошлого и грядущего» — спит в Корнуэлле, в недрах таинственной горы. Любопытное совпадение: единственной художественной книгой в бартиниевской библиотеке, переданной в музей Жуковского, оказался роман Г.Уэллса «Когда спящий проснется». Действие его происходит в… Корнуэлле!

Читая о «невидимом самолете», нельзя не вспомнить и «Человека-невидимку».

Мы уже отмечали, что этот роман заканчивается любопытной сценой: трактирщик листает зашифрованные книги, в которых скрыта «тайна невидимости и много других поразительных

тайн». Не зашифрован ли сам уэллсовский текст? Тайны, скрытые в «Человеке-невидимке», могут быть связаны с розенкрейцерами: в своих манифестах они именовали себя «Невидимыми Философами». Вот, к примеру, любопытная фраза из манифеста, когорый назывался «Исповедание Братства Розы и Креста ученой Европе»: «Бог удостоил нас быть невидимыми для простых смертных до тех пор, пока они не достигнут силы, заимствованной у орла». Сила орла — зрение особого рода?

За год до «Человека-невидимки» в лондонском журнале «Нью ревью» был напечатан уэллсовский рассказ «История Плэттнера». Учитель химии экспериментирует с каким-то порошком и попадает в мир пяти измерений. Его населяют могущественные существа, невидимые для людей — «Наблюдатели за Живым». А вот какой эпиграф выбрал Уэллс для «Войны миров»: «Но кто живет в этих мирах, если они обитаемы?.. Мы или они Владыки Мира? Разве все предназначено для человека?» Ответ дан в первых строчках: «Никто не поверил бы в последние годы девятнадцатого столетия, что за всем происходящим на Земле зорко и внимательно следят существа более развитые, чем человек». При этом слова Кеплера про «Владык Мира» Уэллс цитирует не по первоисточнику, а по бертоновской «Анатомии меланхолии», в которой Валентин Андреа назван лордом Веруламским — титулом Френсиса Бэкона!

Где оказался герой «Машины времени», перенесшийся в будущее? В зарослях рододендрона, у огромной статуи Сфинкса… Сфинкс — знак загадки, а слово «рододендрон» переводится как «розовое дерево». Очевидно. Уэллс знал, что за ширмой «настоящих» розенкрейцеров и многих других тайных обществ скрываются «Рыцари Святого Грааля», владеющие тайной времени. Сто лет назад читающая публика готова была воспринять идею линейного перемещения во времени — вперед и назад.

Но Уэллс беллетризовал то. что всегда утверждали мистики: прошлое никуда не исчезает, а будущее уже существует. Вспомним хотя бы знаменитый комментарий Нострадамуса о возможности путешествия по времени. — «исходя из факта Абсолютной Вечности, включающей в себя все времена». Не доверяйте вашим детским впечатлениям, — перечитайте «Машину времени». «Смазав кварцевую ось, сел в седло…»: не смеется ли над нами великий фантаст? К тому же часть деталей сделана из слоновой кости: в европейской мистической символике слоновая кость указывает на иллюзорность происходящего. Неспроста Уэллс муссирует мысль о фокусе и о том, что верить рассказчику вообще не следует: «Дело в том, что Путешественник по Времени принадлежал к числу людей, которые слишком умны, чтобы им можно было слепо верить». И далее: «Всегда казалось, что он себе на уме, никогда не было уверенности в том, что его обычная откровенность не таит какой-нибудь задней мысли или хитроумной уловки». Очевидно, уэллсовская Машина Времени служит тем предметом, который фокусники используют для отвода глаз. «Время — только особый вид пространства», — говорит Путешественник. Истина заботливо выделена курсивом: «Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что наше сознание движется по нему».

Движется не «машина», а сознание, запечатлевающее образ мира. (Платон: «Время есть движущийся образ Вечности»). Это означает, что настоящая «машина времени» скрыта в существах. которые только внешне похожи на обычных людей. Если извлечение «филиусов» невозможно без перемещения в прошлое, то слова Коровьева про будущих авторов знаменитых книг надо понимать буквально: они «вызревают», чтобы переписать историю заново. Но может быть Булгаков просто язвит, — сопоставляя советских писателей с Сервантесом, Гете и Гоголем? Шутка чересчур затянулась: «Ты представляешь себе, какой поднимется шум, когда кто-нибудь из них для начала преподнесет читающей публике „Ревизора“ или, на самый худой конец, „Евгения Онегина“!»

В последней главе Воланд показывает мастеру сад, который пышно разросся, пока «белая фигура» грезила в каменном кресле. Вероятно, здесь есть какая-то связь: именно в этот сад бежит «освобожденный» Пилат. Спешит — в свое прошлое?..

А что произойдет, если написать «Мертвые души» еще раз, — но чуточку по-другому? Или переиграть битву при Ватерлоо. попридержать Колумба, поторопить братьев Монгольфье… Это будет совсем другая история — «параллельная». Еще один «вкладной лист»,

еще одна веточка пышно разросшегося сада миров.

Несмотря на распространенное заблуждение, идеи не могут «носиться в воздухе». Необходим носитель — человек, движущийся вспять, навстречу реке времени — к ее истоку. Он возвращается по своим следам, вносит что-то новое в уже сыгранные им роли и тем самым разветвляет миры. В гласе «Извлечение мастера» — там, где Маргарита просит вернуть их в подвал, — происходит очень многозначительный обмен мнениями. Забывший все мастер говорит, что «вообще не бывает так. как было». Воланд отвечает: «Не бывает, вы говорите? Это верно. Но мы попробуем». В последней главе наступает предельная ясность: «Неужели ж вам не будет приятно писать при свечах гусиным пером?»

Куда же отправились после своей «смерти» Маргарита и мастер, — судя по их костюмам? В каноническом тексте остались лишь шлейф Маргариты, а также ботфорты и тяжелый плащ мастера. Упомянута и коса — правда, как-то неопределенно: на ветру волосы мастера «собрались в косу». Зато в варианте тридцать восьмого года все ясно: волосы «забраны в косу» и покрыты треуголкой. Восемнадцатый век и… будущий автор «Фауста»? Не случайно в ранних вариантах романа Фаустом звали самою мастера!

Нельзя не вспомнить и пьесу «Иван Васильевич»: по оплошности инженера Тимофеева вор и управдом отправляются в шестнадцатый век, а царь — в двадцатый. Затем все возвращаются на свои места. Но вмешательство уже произошло, история разветвилась, и очнувшийся изобретатель обнаруживает, что в этом варианте от него не ушла жена. Шпака не обокрали, а супругов Буншей не забрали в сумасшедший дом.

За два с половиной столетия до открытия Америки знаменитый алхимик Альберт фон Больштедт написал: «Люди откроют большой берег на большом расстоянии от Геракловых столбов. Эта земля будет заселена северным народом, который заполнит ее и сделает огромным государством. В государстве этом будет господствовать крест». В точности сбылось и это предсказание: «Германия трижды будет накануне победы за период, равный 700 годам. Она трижды почти овладеет миром».

Друг Пушкина князь Владимир Одоевский был убежден в том, что Россия первой выйдет в космос. Англичанин М.Робертсон выпустил роман «Тщетность», где в деталях предсказал катастрофу «Титаника», случившуюся через четырнадцать лет. Сошлось почти все: флаг, название, порт приписки, время рейса, водоизмещение, длина, скорость, вместимость, количество шлюпок, переборок, труб (в том числе — одна фальшивая), мощность машины, причина и место гибели, столкнувшийся борт… Другой хрестоматийный пример — романы Жюля Верна «С Земли на Луну» (1865) и «Вокруг Луны» (1869). Американский алюминиевый снаряд по форме, размерам, весу и материалу удивительно похож на «Аполлон». Даже стартовал он с полуострова Флорида, неподалеку от будущего космодрома! Облетев Луну, жюльверновский снаряд приводнился в Тихом океане и был подобран корветом. Это произошло всего в 2,5 милях от того места, где ровно сто лет спустя — в конце декабря 1968 года — приводнился «Аполлон-8», впервые облетевший Луну! Правда, подобрал его не корвет, а противолодочный авианосец «Хорнет».

Они уходят в прошлое и оставляют нам воспоминания о будущем, — под видом фантастики или пророчеств. Герберт Уэллс рассказал о себе в «Машине времени»: он и был тем Путешественником по Времени, который побывал в далеком будущем, «унесся в прошлое и попал к кровожадным дикарям палеолита». Писатель помнил о пересадке органов и танковых сражениях, а его роман «Когда спящий проснется», изданный за четыре года до полетов братьев Райт, завершается воздушным боем двух монопланов. Физик Лео Сцилард, открывший в середине 30-х годов возможность цепной реакции, признался, что этим он всецело обязан «Освобожденному миру» (1914) — уэллсовскому роману, в котором описан взрыв «атомистической бомбы».

12. «ТАК ПРОНЕСЛОСЬ НЕПОМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ»

Перечитывая роман «Двенадцать стульев», обратите внимание на главу «Слесарь, попугай и гадалка». Сцена испытания самодельного мотоцикла, названного «прибором» и «загадочной машиной», подозрительно напоминает уэллсовскую «Машину времени»: «…Раздалось

железное чавканье, прибор задрожал и окутался грязным дымом. Виктор Михайлович кинулся в седло, и мотоцикл, набрав безумную скорость, вынес его через туннель на середину мостовой и сразу остановился, словно срезанный пулей. Виктор Михайлович собрался было уже слезть и обревизовать свою загадочную машину, но она дала вдруг задний ход и, пронеся своего создателя через тот же туннель, остановилась на месте отправления…».

Бартини говорил о трехмерном — «пространственноподобном» — времени, по которому может перемещаться только человеческое сознание. А.Толстой «подтверждает» в «Аэлите»: «Так пронеслось непомерное пространство времени». В следующей главе намек повторяется: «Летело, летело пространство времени». Куда же путешествуют Лось и Гусев — на другую планету или в другое время?

Вскоре после возвращения из эмиграции А.Толстой пишет повесть «Голубые города». Ее герой — контуженный красноармеец Василий Буженинов — словно во сне видит город будущего и себя — чудесно омоложенного стодвадцатишестилетнего старика, построившего этот город. Товарищи зовут его «блаженным». («Василий Блаженный» — собор, воздвигнутый в честь взятия Казани!) После войны Василий действительно пошел учиться на архитектора, но затем устроил грандиозный пожар, в котором погибло множество людей. Его ждет суд и расстрел.

Ни один исследователь творчества А.Толсгого не осмелился задать простои вопрос: если героя расстреляют, — кто построит «голубой город»? Все объясняется, если допустить, что престарелый архитектор путешествует не только во времени, но и в пространстве: он попадает на одну из землеподобных планет и воплощается в тело, существующее в тамошнем 1919 году. Именно в этом варианте истории Буженинов будет расстрелян — со всеми вытекающими…

Перемещение в пространстве, похожее на путешествие во времени, совершается и в романе Л.Лагина «Голубой человек». (Связь с повестью А.Толстого заявлена уже в названии). Лагинский герой, увлекающийся историей и астрономией и мечтающий «открыть какую-нибудь новую планету», попадает из 1959 года в 1893-й. «Вместо пальто на нем благоухал прелой овчиной старый-престарый, весь в заплатах полушубок». В то же время он слышит, как на Земле возятся с покинутым телом: «Взяли, подняли!.. Осторожненько!»

«Если траектория замкнута, то возвращение во времени должно быть связано с возвращением к месту события», — пишет Бартипи в «Цепи». И далее: «В каком-то далеком уголке Вселенной должна существовать Земля, населенная жизнью — такой же, как наша». Киноповесть начинается с изображения спиральной галактики, затем поле зрения резко сужается, и на экране фантастического телескопа появляется планета, удивительно похожая на Землю. Может ли такое быть? В шестидесятые годы физики открыли очень интересный эффект: если в ускорителе рождаются пара элементарных частиц, то воздействие на одну из них непостижимым образом скажется и на другой. Законы макро— и микромира должны смыкаться, обуславливая поразительное сходство очень больших или очень малых объектов.

Возможно и другое объяснение: то, что мы полагаем физическим миром, есть максимально искаженное отражение Абсолюта. Зеркало, разбитое на мириады осколков. Количество объектов — атомов, молекул, планет, галактик — обратно пропорционально их размерам.

Нобелевские лауреаты Ричард Фейнман и Джон Уилер предположили, что множество элементарных частиц — всего лишь разные маски, под которыми скрываются частицы одного вида. А Вселенная по Бартини — одна-единственная частица, которая существует везде. Этот шестимерный квант временно-пространственной протяженности — «наименьший и наибольший» — можно условно представить в виде кольца, на котором завязаны «узелки» разной величины и сложности — объекты физического мира. Змея, укусившая свой хвост. Воображаемая нить (уступка привычной трехмерности) образует каждый атом Вселенной и связывает его с другими атомами, звездами, планетами и галактиками. Особенно тесно связаны однородные вещи — настолько, что человек, обладающий шестимерным зрением, не смог бы различить отдельные предметы. Взглянув, к примеру. на обычный стакан, он в единый миг узрит все стаканы в мире, все бокалы, фужеры, рюмки, пиалы, ритоны, кубки, кратеры, амфоры, кувшины, бутыли, бидоны, канистры, ведра, чаны, баки, бочки, цистерны, бассейны, пруды и прочие искусственные емкости — бывшие, настоящие и будущие. «Птица, которая все

птицы сразу», — говорили древние философы-гностики.

Идея, рожденная на непостижимой вершине вселенской пирамиды, по пути вниз мощно разветвилась, материализовала все мыслимые варианты искажения и превратилась в великую коммуналку физического мира. Как порождения Единого, все обитаемые планеты связаны друг с другом и невероятно похожи. Именно поэтому представители цивилизаций ефремовского Великого Кольца удивительно антропоморфны: «Круглое лицо с небольшим носом и огромными, широко расставленными синими глазами, с маленьким ртом скорее напоминало северные народности Земли». И далее: «Люди Тукана были так похожи на людей Земли, что постепенно утрачивалось впечатление иного мира». А в «Сердце Змеи» сказано прямо: «Впрочем, было известно, что есть совершенно похожие на нас люди, и этих, вероятно, больше». Ефремов пишет об одинаковых для всех законах развития жизни, но настоящее объяснение скрыто в этой строке «Туманности…»: «Невообразимо далекие точки вселенной окажутся на расстоянии протянутой руки».

Наше "Я" — часть целого. Узелок на нитке можно переместить в другое место или завязать новый, но гораздо легче найти похожий и отождествиться с ним. «Когда мы видим сон, то, находясь в постели, во сне, мы реально существуем в самых различных местах», — пишет Бартини в «Цепи». Где же находятся эти места? Невообразимо далеко и совсем рядом, — словно точки, разбросанные на бумаге, смятой в плотный комок. Дело в том, что поверхность шестимерной гиперсферы Вселенной состоит из «точек»-вселенных, в которых существуют мириады «планет-клонов» — таких же, как наша, «отставших» или «обогнавших». Перемещаясь с планеты на планету, Игроки словно уходят в прошлое и необратимо расподобляют «параллельные» истории. Образно говоря, тысяча экземпляров одной книги становится тысячью разными книгами.

13. ЗВЕЗДА ДАВИДА

То, что зашифровали в своих книгах бартиниевские ученики, очень однообразно: испытание и посвящение в «герои», «полубоги», «исполины», «принцы», «бены», в «сыновья лейтенанта Шмидта», в «сыны полка» и в прочие «филиусы». И не посвящение даже, а пробуждение памяти о своей принадлежности к какому-то таинственному роду — царскому и божественному одновременно. Перечитайте то место, где Бендер покупает орден Золотого Руна: «Старик непомерно дорожился, указывая на то, что такой орден есть только у нескольких человек в мире, да и то большей частью коронованных особ».

На могучей груди Бендера красуется Наполеон. Корейко надевает газетную треуголку. «На вас треугольная шляпа? — резвился Осгап. — А где же серый походный пиджак?» Еще откровеннее даны приметы божественности тайного героя: «Молитесь на меня, молитесь!»

« Живу как бог, — продолжал Остап, — или как полубог, что в конце концов одно и то же».

«Мне тридцать три года, — поспешно сказал Остап, — возраст Иисуса Христа. А что я сделал до сих пор? Учения не создал. учеников разбазарил, мертвого Паниковского не воскресил…».

«Ксендз! Перестаньте трепаться! — строго сказал великий комбинатор, — Я сам творил чудеса. Не далее как четыре года назад мне пришлось в одном городишке несколько дней пробыть Иисусом Христом. И все было в порядке. Я даже накормил пятью хлебами несколько тысяч верующих. Накормить-то я их накормил, но какая была давка!»

Почему Бендер называет себя гроссмейстером? Это объясняет эпизод, в котором Воробьянинов видит заветный стул: «Ипполит Матвеевич проник в шахматный кабинет и, зацепив головой висевший на стене портрет Эммануила Ласкера, подошел к стулу». Гроссмейстер Ласкер тридцать лет был чемпионом мира. Великий Игрок. «Эммануил» — имя грядущего Спасителя в пророчестве Исайи: «Итак Сам Господь дает вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил». В номере гостиницы, где поселился Бендер со своей свитой, висит репродукция «Явления Христа народу» — невозможная по тем временам вещь. Об этом говорит и песенка Паниковского: «Что за времена теперь настали! В бога верить перестали…».

Допустим, что книги «Атона» намекают на род царя Давида, который продолжается и поныне. Взять, к примеру, Буратино: он был вырезан из полена, подаренного старым столяром Джузеппе. Другая форма этого имени — Иосиф. Так звали плотника, усыновившего Иисуса. «Я знал одно семейство — всех их звали Буратино: отец — Буратино, мать — Буратино, дети — тоже Буратино…». Святое Семейство?

В фильме «Золушка» ясно различимы три этапа алхимической трансмутацин: чумазая девушка (нигредо) облекается в белое платье (альбедо) и едет на бал. Затем старый волшебник отправляет влюбленных в иллюзорную Волшебную Страну, а паж приносит девушке мороженое в рубиновом стаканчике (рубедо). На груди короля — Мальтийский крест. Он говорит волшебнику: «Вино, которое мы пили в волшебном кабачке из волшебных бокалов, было восхитительным!» Крупным планом: голова волшебника, увенчанная высоким конусом, на котором сияют вырезанные из фольги звезды Давида.

«Они пошли к двери. Хунта пропустил Федора Симеоновича вперед и, прежде чем выйти, косо глянул на меня и стремительно вывел пальцем на стене Соломонову звезду». Это — «Понедельник…». В «Послесловии и комментариях», написанных от лица героя повести, Стругацкие поясняют, что звезда Соломона — «магический знак в виде шестиконечной звезды». Она же — звезда Давида, отца Соломона… В романе «Отягощенные злом» появляется исторический персонаж — Омар ибн ал-Хаттаб, арабский полководец VII века. окончательно уничтоживший Александрийскую библиотеку. Не потому ли с ним враждует помощник Демиурга — тот, который был библиотекарем Ивана Грозного? А кого ищут лагинские герои? Зловредного братца старика Хоттабыча — Омара Хоттабовича!..

«— Я. несчастный джинн, ослушался Сулеймана ибн Дауда — мир с ними обоими! — я и брат мой Омар Юсуф Хоттабович. И Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и тот доставил нас насильно. И Сулейман ибн Дауд — мир с ними обоими — приказал принести два сосуда: один медный, а другой глиняный, и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего. Омара Хоттабовича, — в медном. Он запечатал оба сосуда…».

(Остап-Сулейман-Берта-МарияБендер-бей).

Кто же этот могущественный царь Сулейман ибн Дауд, упоминаемый в лагинской сказке раз тридцать? Не кто иной, как Соломон, сын Давида — только по-арабски! В одной из последних глав простой советский пионер Волька Костыльков запросто переводит это имя: «Если не ошибаюсь, речь идет о бывшем царе Соломоне?» И тут же уточняет, что Соломон «умер две тысячи девятьсот девятнадцать лет назад». Таким образом, «сына царя джиннов» запечатал в сосуд именно он — сын царя Давида и предок Иисуса! Глава называется «Таинственный сосуд», причем Волька резонно предположил, что в сосуде — золото. Что же на самом деле получили два друга — Костыльков и Богорад? Ответ мы найдем в цирковой программке, которую купили мальчики: «Чудеса иллюзионной техники». Иначе говоря, запечатанные сосуды содержали в себе тест на избранность — в образе двух ужасно невоспитанных джиннов. На испытуемых свалилась куча иллюзорных опасностей и соблазнов (вспомните хотя бы виртуальный караван с золотом!). Но юные «богорады» их успешно преодолели, доказав свою принадлежность к «сосудам избранным» — то есть, к ста сорока четырем тысячам «запечатленных»…

«Кровь — великое дело». «И не водою из Соломонова пруда, как хотел я для вашей пользы, напою я тогда Ершалаим! Нет, не водою!» — восклицает Пилат. Давид и сын его Соломон считаются патриархами рода. Воланд появляется на Патриарших прудах и поит кровью — своей! — мастера и Маргариту. Про Соломона и Давида говорит патриарх в пьесе «Иван Васильевич». А эти слова бормочет татарский князь из рассказа «Ханский огонь»: «По живой моей крови, среди всего живого шли и топтали, как по мертвому». Он приехал из-за границы под видом иностранца, чтобы выкрасть из своей библиотеки пергаменты, подтверждающие права на имения. Но усадьбу, ставшую музеем, князь безжалостно сжигает — значит, не надеется на возвращение. Зачем же ему документы?

Рассказ был опубликован в феврале 1924 года — через пять месяцев после приезда Бартини в СССР. За словами о «живой крови» может скрываться тайна Святого Грааля — «живой крови» царя Давида. Это подтверждает одна маленькая деталь: сторож с библейским именем Иона заботится о сохранности каких-то драгоценных чашек. «Самое главное — чашки.

Чашки самое главное».

«Господи Иисусе!» — таким возгласом встречает хозяина старый слуга. Нам дважды показывают балюстраду с «белыми богами» и портрет самого князя в белоснежной форме кавалергарда: «Побеждающим дам одежды белые»? Булгаков пишет о том, что в жилах героя течет царская кровь, а весь рассказ перенасыщен царскими портретами. Обратите внимание на портрет Павла 1 — «юного курносого» сына Екатерины II. На его груди мы видим «четырехугольные звезды» орденов. Похожая кокарда — знак ордена Св. Апостола Андрея Первозванного — была на касках русских кавалергардов: две четырехугольные звезды, наложенные друг на друга. Четыре плюс четыре — восемь. Но каска на портрете князя-кавалергарда — с… «шестиугольной звездой»!

Но: «Самое главное — чашки».

В ефремовской повести «Звездные корабли» рассказывается о том, как археолог по фамилии Давыдов нашел то, что осталось от древнего пришельца со звезд — фиолетовый череп. Не намекает ли писатель на фиал — плоскую чашу, употреблявшуюся для жертвенных возлияний богам? Сравните: Воланд превращает череп в чашу, на балу мы видим фонтан фиолетового вина, из которого наполняют «плоские чаши», Коровьев стал «темно-фиолетовым рыцарем», в восемнадцатой главе мелькнула «дама в фиолетовом белье». «Дам» — «кровь».

(Имя-отчество фиолетовой дамы — Мария Александровна — намекает на знаменитую Марию из Александрии, написавшую алхимический трактат о «Маргарите» — жемчужине).

Воробьяниновская теща умирает под фиолетовым одеялом, а сам предводитель дворянства заведует генеалогическими древами. «Теперь вся сила в гемоглобине». И далее: «Замолчали и горожане, каждый по-своему размышляя о таинственных силах гемоглобина». Не идет ли речь о чудесных свойствах «живой крови», которые передаются по цепи рода и способствуют возвращению «филиусов»?

Из многочисленных горных селений, расположенных на Военно-Грузинской дороге, Ильф и Петров упомянули только Сиони: на иерусалимской горе Сион находится могила Давида. А поворотным пунктом маршрута стал Тифлис: отсюда начинается возвращение героев в Москву. (Все получилось так, как «предсказывал» эпизод с испытанием мотоцикла: вперед и назад. И заметьте: колеса этой «машины времени» — «давидсоновские»!). Но возвращению предшествует многозначительное возлияние в тбилисском ресторане: «Кислярский посадил страшных знакомцев в экипаж с посеребренными спицами и повез их к горе Давида». И далее: «Заговорщики поднимались прямо к звездам». "

14. «В БЕЛОМ ПЛАЩЕ С КРОВАВЫМ ПОДБОЕМ»

«Казни не было», — говорит булгаковский Иешуа. И Воланд подтверждает: «…Ровно ничего, из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда». Это, конечно, не новость: мусульмане, к примеру, убеждены в том, что Иисус был одним из пророков, но на кресте не умирал. В «Коране» написано: «…Они не убили его и не распяли, но на их глазах его заменили двойником». Некоторые мусульманские комментаторы называют имя «дублера» — Симон из Сирены. Между тем, мотив подмены — один из главных в булгаковском романе: шахматный офицер надел мантию короля. Николай Иванович прельстился обнаженной хозяйкой, а «получил» домработницу, таинственный иностранец приходит к Ивану под видом мастера, червонцы превращаются в этикетки — и так далее… Мелькнула «говорящая» фамилия — Подложная, — а в конце романа прикинулся убитым Бегемот. И, наконец, эпизод в Торгсине, воспроизводящий подмену жертвы: гражданин в сиреневом пальто выдавал себя за иностранца и за это сильно пострадал. «Симон из Сирены»? В первых вариантах романа Воланд появляется на Патриарших в сиреневом берете, но позднее Булгаков заменил его серым, — словно исправив какую-то ошибку. Но сигнальный цвет перешел не только к поддельному иностранцу, но и к окну мастера, возле которого появляются «одевающиеся в зелень кусты сирени». «Необыкновенно пахнет сирень!» — говорит гость Ивана. А далее — про «сумерки из-за сирени» и про «сугробы, скрывавшие кусты сирени».

Мастер ушел в прошлое и… заменил Иешуа?! Сиреневый иностранец — пародия на Воланда: даже акцент у него внезапно пропадает, как у незнакомца на Патриарших. Очевидно,

нам подсказывают, что легенду о замене Иисуса Симоном из Сирены не следует понимать буквально: она знаменует совсем другую подмену, куда более фантастическую! Обратите внимание на голос Иешуа на допросе у Пилата: «…донесся до него высокий, мучающий его голос». Голос самого прокуратора — «сорванный, хрипловатый». На столбе голос Иешуа резко изменился: «Га-Ноцри шевельнул вспухшими губами и отозвался хриплым разбойничьим голосом». И опять:

«Хрипло попросил палача…». Это повторяется на последней странице романа: Пилат беседует с Иешуа, у которого опять «хриплый голос» — как у Пилата! А в главе «Погребение» казненный Исшуа снится Пилату. «Мы теперь будем всегда вместе, — говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом вставший на дороге всадника с золотым копьем. Раз один — то, значит, тут же и другой. Помянут меня, — сейчас же помянут и тебя! Меня, — подкидыша, сына неизвестных родителей, и тебя, сына короля-звездочета…».

Освобожденный мастером Пилат (то есть сам мастер!) вышел на таинственную дорогу, ведущую в прошлое, встретил Иешуа и… стал им? (Иисус: «Я семь путь, истина и жизнь»). Воланд напутствует его: «По этой дороге, мастер, по этой!»

Дорога — на Голгофу?!

Вот в чем была наша ошибка: мы решили, что все «мастера» уходят в прошлое по своим же следам. Вероятно, этот путь действительно существует, — судя по тому, сколько пророчеств уже сбылось. Но пятиться назад, переигрывая череду своих собственных жизней — это слишком долго. Есть «запасной выход». На него прямо указывает «Баня»: герои пьесы улетают на невидимом кресте Чудакова, который они сами затащили на «Голгофу» верхнего этажа. Действующую модель Голгофы изображает и Булгаков: на балу Маргариту «устанавливают» на возвышении, и тысячи гостей поднимаются к ней, чтобы поцеловать ее колено. Перед «восхождением на Голгофу» Маргарита принимает кровавый душ. Очищение… души? Библия подтверждает: «Душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает». Пилату мерещится чаша с темной жидкостью — с ядом. как он ошибочно полагает. — но это и есть «кровь сия». Через двадцать веков он, наконец, выпивает эту чашу — «отравленное» фалернское вино, присланное Воландом. «Прошу заметить, это то самое вино, которое пил прокуратор Иудеи», — говорит Азазелло. Но внимательный читатель, несомненно, помнит, что прокуратор с Афранием пили не «Фалерно», а тридцатилетнюю «Цекубу» — белое вино. Может быть. имеется в виду красное вино из разбитого кувшина, расплескавшееся на полу? И здесь загвоздка: фалернское — тоже белое! Причем Булгаков об этом отлично знал: в его черновиках есть соответствующая запись про «золотистое фалернское». Похоже, что писатель допустил неточность намеренно, — чтобы мы обратили внимание на вино Воланда. «Вино нюхали, налили в стаканы, глядели сквозь него на исчезающий перед грозою свет в окне. Видели, как все окрашивается в цвет крови».

«— Здоровье Воланда! — воскликнула Маргарита, поднимая свой стакан».

Свершилось: того, кто был Пилатом, настигла спасительная чаша. Он находит лунную дорогу, встречает своего «седока» Иешуа и становится им — в самом прямом смысле! Пилат идет «'путем крови», быстро поднимаясь в прошлое по цепи жизней — вплоть до того момента, когда он предстанет перед самим собой на балконе дворца Ирода Великого. И, конечно, новый Иешуа сделает все, чтобы прокуратор послал его на смерть. Но Пилат уже предчувствует то, что ему придется совершить: «Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О, боги, боги! Или ты думаешь, что я готов занять твое место?»

Наверное, это похоже на эскалатор метро в «спальном» районе, — ранним утром, когда толпа спускается по правой стороне, а по левой поднимается редкая череда усталых фигур. Но однажды какой-нибудь чудак справа очнется и вспомнит, что ему надо наверх. Немедленно!.. Он может просто побежать обратно — если достанет сил сопротивляться встречному движению. Но лучше проделать рискованный кульбит и оказаться слева. Это лишь символическая картина, подобная той, которую мы видим в последней главе булгаковского романа: Понтий Пилат — «человек в белом плаще с кровавым подбоем» — бежит по лунной дороге обратно в Ершалаим, чтобы стать Иешуа, «занять место» на столбе и завершить очищение. Он неизбежно вмешивается в ход событий. Именно поэтому судьба Иешуа Га-Ноцри

— «нищего из Эн-Сарида» — почти не соотносится с рассказами евангелистов: он на шесть лет моложе, по крови — сириец, не помнит родителей. От своего единственного ученика он рад бы отделаться. В этом варианте истории мертвое тело Иешуа не отдано Иосифу Аримафейскому, — его тайно похоронили в какой-то долине — в одной могиле с разбойниками.

В романе о втором пришествии Иисуса («Отягощенные злом») Стругацкие описывают платяной шкаф: «Есть в Приемной такой, вполне доступный, и в нем полно одежды. На все возрасты и на все вкусы. Там можно найти мужской костюм-тройку, совершенно новый, ни разу не надеванный. А рядом будет висеть мятый плащ-болонья, с рукавом, испачканным уличной засохшей грязью, и в кармане плаща найдется смятая пачка „Примы“ с единственной, да и то лопнувшем сигаретой. В шкафу можно обнаружить и школьную форменную курточку с заштопанными локтями, и великолепное мохнатое пальто с плеча какого-то современного барина, и полный кожаный женский костюм с отпечатками решетчатой садовой скамейки на заду и на спине, и целый кочан разноцветных мужских сорочек, нацепленных на одну распялку…».

(Распятие для «примусов» — «на все возрасты и на все вкусы»? Именно поэтому из десятка популярных сортов папирос Стругацкие выбрали «Приму»).

Перед домом, где поселился Иисус, мы видим «доски со страшными торчащими гвоздями». На гвозде театральной кладовки повисает Буратино — перед тем как навестить черепаху (черепаха — Лысый Череп — Голгофа!) и стать директором нового кукольного театра. Из черепа пьет Маргарита, а лысый Берлиоз перед смертью мечтает о Кисловодске: не предчувствует ли он губку с уксусом — чуть подкисленной водой, — которую ему дадут на Голгофе?

Почему будущий управдом О.Бендер стремится в Рио-де-Жанейро? На первый взгляд, это никак не мотивируется. Но перечитайте «Рассказ Остапа Бендера о Вечном Жиде» — маленькую вставную новеллу в двадцать седьмой главе «Золотого теленка». Герой апокрифических легенд благополучно доживает до наших дней и «разгуливает под пальмами в белых штанах. Штаны эти он купил по случаю восемьсот лет назад в Палестине у какого-то рыцаря, отвоевавшего гроб господень, и они были еще совсем как новые». А где же он разгуливает? «В прекрасном городе Рио-де-Жанейро»!.. Дальше еще интереснее: «захотелось ему в Россию», и «аккурат в 1919 голу Вечный Жид в своих рыцарских брюках нелегально перешел румынскую границу» — с контрабандой на животе! В России его зарубили шашкой. Можно подумать, что в этой притче Бендер говорит о себе — вечном страннике, зарезанном и воскресшем: он ведь уже тогда планировал перейти румынскую границу и добраться до Рио-де-Жанейро. Но Вечный Жид идет в обратном направлении! Это многое проясняет в судьбе тайного героя, оказавшегося в России: он мечтает о возвращении к… Иисусу! Доказательство легко найти в подшивках тогдашних газет: 12 октября 1931 года в Рио-де-Жанейро состоялось торжественное открытие и освящение самой большой в мире статуи Христа — тридцатиметрового колосса с распростертыми руками.

15. КРАТЕР РИЧИ

«…Пришлось в одном городишке несколько дней пробыть Иисусом Христом», — говорит Бендер. Шутку «полубога» следует понимать буквально: ученики, обладающие «таинственной силой гемоглобина», возвращаются к распятию, получают знак Агнца — Золотое Руно — и становятся планетарными «управдомами». В «Лезвии бритвы» Ефремов подсказывает, что все происходит в сознании самого «филиуса»: «…раскинув руки, на темном дне твоих зеленых глаз». На это намекает и эпизодический «писатель Иоганн из Кронштадта», мелькнувший в главе «Было дело в Грибоедове»: знаменитый проповедник о. Иоанн Кронштадский написал книгу «Моя жизнь во Христе».

Мы уже не раз упоминали о Петре Демьяновиче Успенском — ученике Гурджиева и авторе нескольких книг по теории и истории мистицизма. Одна из них — «Новая модель Вселенной» — издана в Англии в 1930 году и содержит популярное обоснование шестимерности мира. Точно по Бартини, только без математики: трехмерное пространство в

трехмерном времени! В этой книге Успенский говорит и о пользе попятного движения во времени: «Не было бы никакой возможности для эволюции человечества, если бы для индивидуально развивающихся людей не было возможности возвращаться в прошлое…». И далее: «Путем перевоплощений в прошлое людей, достигших определенного уровня внутреннего развития, в жизненном потоке создается попятное движение. Этот обратный поток и есть эволюционное движение». Но автор утверждает, что можно исправить уже свершившуюся историю, сделать ее лучше, — словно забыв о том, что сам писал про ветвящиеся миры! Эту странную забывчивость, возможно, объяснит один эпизод, про который очень невнятно упоминает Петр Демьянович: Гурджиев предложил ему пройти какое-то страшное посвящение, но он решительно отказался. А вот что пишет Успенский в другом месте: «Существуют роли, специально созданные для перевоплощающихся душ, уже достигших известной степени сознательности. Некоторые из таких ролей известны, ибо принадлежат историческим личностям, за которыми можно предположить влияние эзотерических школ». И далее: «Каждый Апостол может надеяться однажды сыграть роль Христа».

(«Я есмь дверь; кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет»).

А теперь вернемся к последним главам «Понедельника…» — к странной истории директора НИИЧАВО У-Януса Невструева. Он уходит в прошлое по ступенькам жизней, — бесконечно рождаясь и умирая. Ключ к этой загадке — попугай по имени Фотон, принадлежащий Невструеву. Птица умирает и сгорает в чашке Петри, а наутро почему-то «воскресает» — веселая и здоровая. (Птица и чашка Петри: Адепт, Грааль и Камень?) Сгорающий и воскресающий попугай — символический Феникс. Христианские мистики видели в этой легенде аллегорию воскресения Иисуса. Алхимики называли «фениксом» смерть и преображение вещества. Или — самого Адепта… «Из этого пепла, как поэтический феникс, возрождается новая личность», — пишет об исчезнувшем Фулканелли его ученик). «Феникс» выкрикивает слова, которые молодым магам кажутся бессмысленными — о дыре времени, кратере Ричи и Аризоне. Несгораемый попугай помогает им понять, кто такой Невструев, но про кратер и Аризону маги забывают напрочь. Почему? Очевидно, это маленькая шарада: Ричи — известный астроном, итальянец по происхождению, но лунный кратер его именем не называли. Несуществующий «итальянский» кратер (чаша для вина) нужно связать с чашкой Петри, с «дырой времени» и с директором советского магического института. Роберто Бартини — человек-"феникс" и хранитель Грааля?

«А при чем здесь Аризона?» — спросит читатель-скептик. Дело в том, что столица штата Аризона — город Феникс.

Вспомните: булгаковский Бегемот «спасает» из горящего дома Грибоедова три предмета — поварской халат («одежды белые»), ландшафт в золотой раме и рыбу — символ Христа. А в начале романа мы видим в этом доме любопытную вывеску: «На дверях первой же комнаты в этом верхнем этаже виднелась крупная надпись „Рыбно-дачная секция“, и тут же был изображен карась, попавшийся на уду». Удочка, ландшафт в золотой раме (не пейзаж, заметьте — ландшафт!) и дом литераторов, принадлежавший грибоедовской тетке, которая «наслаждалась комедией гениального племянника». Может быть, имеется в виду алхимическая литература? Есть лишь один текст, на который могло бы намекать слово «ландшафт» — «Сад наслаждений» Геррада Ландсбергского (XII в.). Этот трактат украшен необычной иллюстрацией: Иисус с удочкой, но вместо лески — цепь. В семи звеньях видны портреты самого Давида и шести его потомков. а ниже висит распятие — маленькое и весьма условное. Похоже на нательный крестик, но внизу он изгибается в форме рыболовного крючка, пронзившего нижнюю челюсть Левиафана — с рыбьим хвостом, львиными лапами и сложенными крыльями. Чудище плещется в воде. и пасть его широко раскрыта. Знаменитый психолог и исследователь алхимии Карл Юнг «объясняет» этот рисунок следующим образом: «Ловля Левиафана рыболовной снастью, состоящей из семи колен Давидовых, с распятием в качестве наживки». Но заметьте: Спаситель не вытаскивает Левиафана из воды, а только заставляет его открыть пасть. Не для того ли, чтобы при помощи распятия извлечь кого-то из чрева, как библейского Иону? («Чревовещатель», — сказал чекист Бегемоту). Мы не осмеливаемся утверждать, что все происходило именно так. Можно лишь осторожно

предположить, что двадцать веков назад начался поиск и тотальная эвакуация тех, кто сошел в первобытное человечество и полностью с ним отождествился. Игроки, очнувшиеся от многовековой амнезии, начали покидать Землю и «возвращаться в прошлое» — по ожерелью землеподобных планет. Возможно, существует причина, по которой «Сынам Божьим» приходится гостить на всех планетах цепи, но в конце пути каждого ждет своя собственная Голгофа. Не исключено также, что «филиусы» могли воплощаться только в родовых линиях, оставленных предшественниками, — чтобы не «уснуть» снова. «Вопросы крови — самые важные…».

(«Я был в крови своих родителей. А до этого — в крови родителей своих родителей», — говорит голован в «Жуке…». Стругацкие называют это «генетической памятью». У них есть киносценарий под названием «Пять ложек Эликсира»: четверо бессмертных — хранители источника вечной жизни, — приходят к писателю Снегиреву и пытаются навязать ему место, принадлежащее пятому. Но писатель отказывается от бессмертия, — и на этом все заканчивается. Или — начинается?.. Визит мог быть проверкой кандидата на человеческие качества. Не случайно бессмертными гостями Снегирева руководит «сын Давидов» — Иван Давидович Мартынюк, химик из института на Богородском шоссе. А источник, способный бесконечно продлевать жизнь пятерым посвященным, находится в пещере, — это красный сталактит, с острия которого стекают капли «живой воды». Копье и кровь? Нашу догадку подтверждает и последний эпизод «Пяти ложек…»: Снегирев с двумя внуками, которых он называет «разбойниками». Одного из них зовут Фома: именно апокрифическое Евангелие от Фомы сообщает о том, что Иисус, сын Давидов родился в пещере. Фильм, поставленный по этому сценарию, назывался еще более откровенно — «Искушение Р.». Иисус в пустыне. Как известно, Он преодолел искушение и был распят вместе с двумя разбойниками).

Таким образом, весть о распятии Сына Божьего на Голгофе могло служить «филиусам» своеобразным посадочным знаком — вроде тех Т-образных полотнищ, которые выкладывали когда-то на летном поле. А четыре столетия спустя появилась легенда о том, что Иосиф Аримафейский собрал в чашу Тайной Вечери кровь Христа, и этот сосуд имеет великую силу. Таким образом, Грааль стал одним из многих дорожных знаков, направляющих к «запасному выходу».

16. «ФИЛЕАС, МАНЕКЕН В ЦИЛИНДРЕ»

Среди книг «Атона» особой прозрачностью шифра выделяется набоковская «Защита Лужина» (1929). В этом романе вообще нет тайного сюжета: загадкой является сам герой и все, что с ним происходит. Только очень снисходительный читатель может увидеть в Лужине рассеянного гения: на самом деле это человекоподобное существо имеет очень мало общего с людьми. Тарзан наоборот. Размежевание героя с миром происходит в детстве и описывается как новое рождение: «…Весь мир вдруг потух, как будто повернули выключатель, и только одно, посреди мрака, было ярко освещено, новорожденное чудо…». Между турнирами Лужин живет как во сне, но играя, чувствует, что «тот или другой воображаемый квадрат занят определенной сосредоточенной силой, так что движение фигуры представлялось ему как разряд, как удар, как молния, — и над этим напряжением он властвовал». Управление виртуальным миром. Однажды Лужин заболел, и врачи запретили ему играть в шахматы. Потеряв точку приложения сил, гроссмейстер задумывается над своим собственным существованием и делает вывод: им руководит могущественная сила — «таинственный, невидимый антрепренер».

Не о себе ли рассказывает Владимир Набоков?

Лужин ищет «ключ комбинации» в перипетиях своей судьбы. в расстановке лиц, в случайно брошенном слове. Так должен действовать и дешифровщик: в персонажах и событиях нужно увидеть тщательно расставленные указатели — вроде меловых стрелок в «казаках-разбойниках». Эти знаки не только объясняюг суть происходящего в романе, но и выводят за пределы текста, — к реалиям, имеющим для Набокова чрезвычайную важность. Вот начало романа:

«Больше всего его поразило то, что с понедельника он будет Лужиным. Его отец — настоящий Лужин, пожилой Лужин, Лужин, писавший книги, — вышел от него, улыбаясь,

потирая руки, уже смазанные на ночь прозрачным английским кремом, и своей вечерней замшевой походкой вернулся к себе в спальню».

На первый взгляд, все просто и понятно: отец объявляет сыну, что тот скоро пойдет в школу. Но к этой теме зачем-то примешивается другое — мысль о двойничестве и о том, что быть Лужиным — значит, писать книги. Возможно, в этих строчках зашифровано «второе рождение» самого Набокова: школьник получает прозвище «Антоша», — по имени героя одной из отцовских книг. Много лет спустя Лужину вручают самопишущее перо. принадлежавшее отцу, а затем его по ошибке принимают за сочинителя. Писатели и школа «Атон»?

«Игра богов. Бесконечные возможности». — так говорит о шахматах безымянный музыкант, приглашенный на лужинский вечер. Слова музыканта открывают тему шахмат в «Защите…», а самый известный способ защиты носит имя Филидора — шахматиста и музыканта. Этот намек дублируется словами про героя любимой лужинской книги: «Филсас, манекен в цилиндре, совершающий свой сложный изящный путь…». Некий «складной цилиндр» упомянут и на следующей странице — вместе с «учебником чудес», «шкатулкой с двойным дном» и прочими многозначительными предметами.

«Филиус» и Тоннель?

«Тура летит», — слышит мальчик, впервые наблюдающий за шахматной игрой. Эта реплика лишь кажется случайной: окончательное пробуждение героя будет связано с итальянским гроссмейстером Турати и с русским инженером Валентиновым — антрепренером Лужина. «Русский итальянец» Бартини — тайный наставник писателей? Символическое единство двух персонажей подчеркивает реклама новых самопишущих перьев — бюст с двумя лицами. (Янус!) Про Валентинова сказано, что он носил кольцо с «адамовой головой» и «изобрел походя удивительную металлическую мостовую, которая была испробована в Петербурге, на Невском, близ Казанского собора». Собор в Казани? Неспроста в романе упоминается Везувий, вращающийся диск в Луна-парке и солнечный диск — «плоский и бескровный». Перед смертью Лужин рисует «адамову голову» — череп, лежащий на телефонной книге. А вот еще одна интересная деталь: отец Лужина — страстный грибник. Он даже умер из-за грибов, — пошел в лес и простудился.

Когда у Лужина проявился необыкновенный талант, его увезли за границу — «на берег Адриатического моря». Очевидно, речь идет о Фиуме. А среди нескольких европейских столиц упомянут Будапешт.

Обратите внимание на эпизод, в котором герой впервые наблюдает за шахматной игрой. Лужин замечает, что «каким-то образом он ее понимает лучше, чем эти двое, хотя совершенно не знает, как она должна вестись…». И неудивительно: «Единственное, что он знал достоверно, это то, что спокон века играет в шахматы, — и в темноте памяти, как в двух зеркалах, отражающих свечу, была только суживающаяся, светлая перспектива: Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, только поменьше, и потом еще меньше, и так далее, бесконечное число раз».

Реинкарнация?

Набоков придает лицу своего героя азиатские черты: «У него были удивительные глаза, узкие, слегка раскосые, полуприкрытые тяжелыми веками…». А на следующей странице говорится про учителя географии, побывавшего в гостях у Далай-ламы. Этот эпизодический персонаж появляется несколько раз, но его имя мы узнаем лишь в самом конце: Валентин Иванович. Связь учителя с Валентиновым несомненна (Валентинов — настоящий учитель Лужина), а упоминание Далай-ламы заставляет вспомнить о том, что каждый новый глава буддистов считается воплощением предыдущего. Преемника ищут среди детей, родившихся после известной даты; и новым правителем Лхассы становится тот, кто безошибочно опознает личные вещи умершего. Косвенное подтверждение этой догадки мы нашли в «Других берегах» — в обманчиво-ироничном пассаже про «каких-то английских полковников индийской службы, довольно ясно помнящих свои прежние воплощения под ивами Лхассы». И далее: «В поисках ключей и разгадок я рылся в своих самых ранних снах…»

Чтобы сбежать из тюрьмы, надо почувствовать себя узником. Шахматы — будильник для «спящего» Игрока. Лужин разгадал план «невидимого антрепренера» и почувствовал, что он несет угрозу его привычному существованию: «Ключ найден. Цель атаки ясна. Неумолимым

повторением ходов она приводит к той же страсти, разрушающей жизненный сон». Но просыпаться герой не хочет. Он пытается защитить ускользающие связи с реальностью — забыть о шахматах и погрузиться в обычное человеческое существование. Когда это не удается, Лужин сбегает из жизни, как некогда сбежал из школы. Но его очередная смерть приурочена к Рождеству, а символическая картина, которую видит падающий Лужин, обещает новое рождение: «…Собирались, выравнивались отражения окон, вся бездна распадалась на бледные и темные квадраты, и в тот миг, что Лужин разжал руки, в тот миг, что хлынул в рот стремительный ледяной воздух, он увидел, какая именно вечность угодливо и неумолимо раскинулась перед ним».

Бесконечное повторение ходов — круг. Не это ли происходит с «филиусом» — в тех жизнях, когда сонный дрейф в будущее уже остановлен, но пробуждение еще впереди? Именно в такой ситуации оказывается герой «единоличной» повести А.Стругацкого (А.Ярославцева) «Подробности из жизни Никиты Воронцова»: после каждой смерти герой возвращается в исходную точку — 6 сентября 1937 года. Но однажды ему удалось изменить историю заметным образом и вырваться из заколдованного круга.

О «неумолимом повторении ходов» начал догадываться и Успенский. Его идея фикс заключалась в том, что каждый человек проживает одну и ту же жизнь бесконечное число раз. «Вечное возвращение» — так назвал свою теорию Успенский. А вот что сказал его учитель Гурджиев:

«Идея повторения не является полной и абсолютной истиной, но это ближайшее приближение к ней. В данном случае истину выразить в словах невозможно. Но то, что вы говорите, очень к ней близко. И если вы поймете, почему я не говорю об этом, вы будете к ней еще ближе. Какая польза в том, что человек знает о возвращении, если он не осознает его и сам не меняется? Можно даже сказать, что если человек не меняется, для него не существует и повторения; и если вы скажете ему о повторении, это лишь углубит его сон. Зачем ему совершать сегодня какие-либо усилия, если впереди у него так много времени и так много возможностей — целая вечность?»

17. «СОСУД, НАПОЛНЕННЫЙ ЧЕМ-ТО ТАКИМ СВЯЩЕННЫМ»

Урок повторяется снова и снова, — до тех пор, пока «уснувший» Игрок не начинает понимать подаваемые ему знаки. В «Защите Лужина» эти знаки должен заметить и внимательный читатель. Вот тетя показывает «Антоше», как ходят шахматные фигуры. А перед этим она говорит, что «…Латам за двадцать пять рублей прокатит ее на „Антуанетте“, которая, впрочем, пятый день не может подняться, между тем, как Вуазен летает, как заводной, кругами…». «Антоша» и «Антуанетта». Герою подсказывают, что нужно подняться над «заводными» кругами бессознательных жизней. Он должен «взять королеву» (Мария-Антуанетта!), иначе говоря — сплавить воедино мужское и женское начала. Перед нами опять «Химическая женитьба»: после венчания молодых поздравляет швейцар, затем жена Лужина принимает ванну, выходит из воды, «помутившейся от мыльной пены» и смотрится в зеркало. Тициан, «Венера с зеркалом». Но самое раннее «предупреждение» появляется в начале романа: в гостиной родительского дома висит картина — «копия с купающейся Фрины». Фрина — знаменитая греческая гетера, ставшая моделью для анеллесовской «Афродиты, выходящей из моря». Оригинал и копия. Нельзя не узнать и «пудру проекции» — одно из двух десятков выражений, означающих Философский Камень. В «Защите Лужина» пудра встречается несколько раз — простая и сахарная. Прибавьте к этому разноцветные порошки для фокусов, пыль, покрывающую книги, и глаза Лужина, «как бы запыленные чем-то». После прерванной партии с Турати гроссмейстер погружается в глубокий сон, и двое подвыпивших прохожих принимают спящего Лужина за своего одноклассника по фамилии Пульвермахер и долго глядят на звезды:

«Оба некоторое время неподвижно глядели ввысь где в чудесной бледно-сизой бездне дугообразно текли звезды. „Пульвермахер тоже смотрит“, — после молчания сказал Курт. „Нет, спит“, — возразил Карл, взглянув на полное неподвижное лицо. „Спит“, — согласился Курт».

«Пульвермахер» — «мастер порошка».

«Домой, — сказал он тихо. — Вот, значит, где ключ комбинации». С этими словами «филиус» проходит в стеклянные вращающиеся двери. Ключ от квартиры Лужиных лежит на подзеркальном столике: ключ и зеркало. Чтобы открыть «запасной выход», зеркало надо разбить. Именно этот «ключ комбинации» зашифрован в последнем эпизоде романа: герой пробивает в стекле «звездообразную дыру», но вываливается он через другое окно — «с зеркальным отливом». А незадолго до своего бегства из жизни Лужин обнаружил дыру в кармане (дверь в себя!) и нашел за подкладкой миниатюрные шахматы в сафьяновом переплете. Сравните с «огромными фигурами на сафьяновой доске», которые были подарены Лужину в детстве: Микрокосм и Макрокосм.

В «Защите…» нет ничего лишнего, — как в часах. Все подчинено шифру. Отец, обрекший сына на муки школы, «вышел от него, улыбаясь, потирая руки». Пилат. «Слава Богу, слава Богу!..» — повторяет мать. Француженка-гувернантка читает вслух «Монте-Кристо». В переводе с французского — «Гора Христа». Голгофа. Первый урок шахмат мальчик получает в праздник Пасхи, — это происходит благодаря крошке от кулича, попавшей в отца. Символически — тело Христово… А в конце романа жена ведет Лужина в музей и "обращает его внимание на двух собак, по-домашнему ищущих крошек под узким, бедно убранным столом «Тайной Вечери».

«Ради Христа, садитесь, Лужин, — тихо говорила она, не сводя с него глаз». Но он уже побывал у Валентинова и видел фотографию: «…Бледный человек с безжизненным лицом в больших американских очках, который на руках повис с карниза небоскреба». Приняв «приглашение на казнь», Лужин повисает на окровавленных руках. Распятие. А перед этим он видит собственный рисунок — белый куб. «…Дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает». Роман, начавшийся с получения «нового имени» — Лужин, — заканчивается тем, что героя впервые называют по имени-отчеству: «Александр Иванович, Александр Иванович!» «Но никакого Александра Ивановича не было», — таковы последние слова романа. Имя избранного не появилось на камне. «Филиус» все еще спит, — как спали Апостолы после Тайной Вечери. Тот же неутешительный итог выражен в символах «Химической женитьбы»: Лужин уснул в первую брачную ночь и не увидел свою «Венеру».

Короля играет свита. Вот что говорится об одном эпизодическом персонаже: «Он больше ничего не сказал, так как говорил вообще мало, не столько из скромности, сколько, казалось, из боязни расплескать что-то драгоценное, не ему принадлежащее, но порученное ему». И далее: «…Словно он был сам по себе некий сосуд, наполненный чем-то таким священным и редким, что было бы даже кощунственно внешность сосуда расцветить». И еще через две строчки: «Единственным его назначением в жизни было сосредоточенно и благоговейно нести то, что было ему поручено, то, что нужно было сохранить непременно, во всех подробностях, во всей чистоте…».

«Сосуд, наполненный чем-то таким священным» — Святой Грааль? Фамилия «человека-сосуда» — Петров. «Камень». Но в той же главе появляется персонаж по фамилии Граальский. Чтобы намекнуть на действие спасительной Чаши, Набоков сталкивает своего героя с неким Петрищевым:

«Но не сама встреча была страшна, а что-то другое, тайный смысл этой встречи, который следовало разгадать. Он стал по ночам напряженно думать, как бывало думал Шерлок над сигарным пеплом, и постепенно ему стало казаться, что комбинация еще сложнее, чем он думал сперва, что встреча с Петрищевым только продолжение чего-то, и что нужно искать глубже, вернуться назад, переиграть все ходы жизни…».

Слова о возвращении в прошлое объясняют смысл шахматных задач, которые разбирает Лужин: каждое положение фигур таит в себе множество ветвящихся вариантов. Вырвавшись из круга «вечного возвращения», герой должен «переиграть все ходы жизни», достичь Голгофы и произвести «рокировку» с Иисусом — занять Его место. «И был один прием, очень ему поправившийся, забавный своей ладностью: фигура, которую Кребс назвал турой, и его же король вдруг перепрыгнули друг через друга». Кем же был Лужин две тысячи лет назад? За несколько минут до своего добровольного «распятия» он «…пошел в спальню, где принялся тщательно мыть руки в большой бело-зеленой чашке, облепленной фарфоровым плющом».

(«А ваш роман, Пилат?»)

Плющ — священное растение греков, символ спасения: он защитил от огня маленького Диониса — сына Зевса и смертной женщины Семелы. Чаша Спасителя, зовущая «филиусов» к возвращению…

«Сознаюсь, что я не верю во время, — пишет Набоков в „Других берегах“. — Мне нравится расстелить отслуживший свое волшебный ковер так, чтобы узоры накладывались друг на друга». «Узоры времени» — «параллельные» миры? В этом убеждают строчки из романа «Соглядатай» (1930):

«Есть острая забава в том, чтобы, оглядываясь на прошлое, спрашивать себя, — что было бы, если бы…, заменять одну случайность другой, наблюдать, как из какой-нибудь серой минуты жизни, прошедшей незаметно и бесплодно, вырастает дивное розовое событие, которое в свое время так и не вылупилось, не просияло. Таинственна эта ветвистость жизни: в каждом былом мгновении чувствуется распутие, — было так, а могло бы быть иначе, — и тянутся, двоятся, троятся несметные огненные извилины по темному полю прошлого».

18. "НА ДРУГОГО НАДЕЛИ ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ'

Человек — лишь оттиск высшего существа, до неузнаваемости искаженный образ и подобие. «Печать» и «оттиск» соотносятся примерно так же, как герой произведения с его автором. Булгаков пишет о мастере, сочиняющем роман о Пилате. Стругацкие придумывают писателя Сорокина, который придумывает писателя Банева, который пишет свою книгу и так далее… Но и сам Сорокин догадывается о «том, кому надлежит ведать его судьбой», — этот мотив проходит через всю книгу. Набоковская метафора — гроссмейстер, обнаруживший, что он — пешка в чьей-то невидимой руке. А кто «сочинил» Набокова, Булгакова, братьев Стругацких и весь наш мир? Среди тех, кто пытался ответить на этот вопрос, был александрийский ересиарх Валентин. Он противопоставляет Плерому (полнота бытия и всеведение) и Кеному (абсолютное небытие и незнание). Между ними по нисходящей располагаются тридцать пар эонов, каждый из которых является отдельной сущностью мужского или женского рода. Однажды тридцатый зон, названный Софией, попытался совершить дерзкий бросок наверх, но был отброшен в Кеному. Это событие внесло в Иерархию некоторую неупорядоченность.

Чтобы восстановить равновесие, вторая ступень Божественной Иерархии породила новую пару эонов — Христа и Духа Святого. Далее происходит череда не вполне понятных событий, в результате которых рождается пара соперников — Демиург и Космократ, — а в человечество, существующее в Кеноме, вкладывается некое духовное семя. Это позволяет Христу воплотиться в Иисуса, и вознести в Плерому духовных людей — пнев-матиков. Вторую фракцию человечества Валентин называет психиками — это люди душевные. К психикам принадлежит и Демиург, находящийся между Плеромой и низшим миром. В этот «вестибюль» он приведет из Кеномы своих собратьев.

(Гроссмейстер Лужин лечится в психиатрической клинике. «Гроссмейстер» О.Бендер демонстрирует повязку с надписью «Распорядитель» и говорит: «Я невропатолог, я психиатр. Я изучаю души своих пациентов. И мне почему-то попадаются очень глупые души». Иван Бездомный — Воланду: «Перестаньте вы психовать!» Поэт попадает к психиатру Стравинскому, а следом за ним привозят служащих филиала и управдома).

Валентинов впервые появляется в пятой главе «Защиты…», — он упомянут там целых тринадцать раз! В той же главе промелькнул профессор Василенко — «одноразовый» персонаж, от которого не тянется ни одной ниточки к дальнейшим событиям.

Валентинов и Василенко. В истории гностических учений Валентин соседствует с другим александрийским еретиком — Василидом. Василид учил: есть Бог, про которого нельзя сказать, что Он существует. Он порождает три верховных Сыновства и 365 эонов. Едва родившись, первое Сыновство уходит к сверсущему бытию, а второе, более тяжелое, вынуждено создать для подъема крылья Святого Духа. Выполнив свое назначение, эта вспомогательная сущность становится твердью, отделяющей верхние миры от нижнего, в котором томится третье Сыновство — пневматики. Такова последняя тайна Иисуса: человечество изначально разделено

на пневматиков, психиков и гиликов. После вознесения третьего Сыновства мир обретет покой.

Плерома — полнота, и потому Набоков не устает повторять про полноту Лужина. Валентинов уходит в кинематограф: Кенома? О новом появлении Валентинова лужинской жене говорит Граальский. При последней встрече с Лужиным Валентинов предлагает гроссмейстеру сыграть в будущем фильме самого себя. (Буратино: «Я стану играть самого себя»). Рассказывая сценарий фильма, человек, носящий кольцо с адамовой головой, пытается напомнить своему подопечному о том, что предшествовало его появлению в земном мире: юноша видит обнаженную девушку, набрасывается на нее и отправляется на каторгу. Адам и Ева. После освобождения киногерой становится знаменитым шахматистом.

(Маленький Лужин встречает девочку с зеленым яблоком, на курорте отдыхающие кушают яблочный пирог, в доме невесты игрок видит картину — женщина с яблоком).

В начале романа Набоков пишет: кинематограф — это «таинственное как астрология дело, где читают манускрипты и ищут звезд». А вот что говорит Валентинов о сценарии фильма: «Манускрипт сочинен мной». Не намекает ли автор на какую-то древнюю рукопись, неизвестную тогдашней науке?

До середины прошлого века сочинения Валентина и Василида считались безвозвратно утерянными. Идеи ересиархов были известны лишь в изложении их критиков — ортодоксальных богословов. По словам епископа Иринея, Василид утверждал «самую отвратительную из всех ересей»: на кресте Иисуса подменили Симоном из Сирены. Это подтвердили и «Рукописи Мертвого моря», обнаруженные через шестнадцать лет после публикации набоковского романа. В манускрипте, озаглавленном «Парафраз Сета», Иисус рассказывает о рокировке с неким Симоном:

«Я умер только с виду, это другой был на моем месте и выпил желчь и уксус. Они побили меня тростником, но крест на своих плечах нес другой, Симон. На другого надели терновый венец…»

19. «ОН СТАЛ УЧАСТНИКОМ ИГР БОГОВ»

Статья о «невидимом самолете», послужившая ключом к «Мастеру и Маргарите», впервые напечатана в 1972 году. Но от нее тянется еще одна ниточка — к мифу о предсмертном открытии Эйнштейна. Гений умер в 1955 году, и весь мир тотчас узнал, что перед своей кончиной он сжег какие-то расчеты. А три года спустя американский журналист Моррис Джессуп — астрофизик по образованию — опубликовал сенсационный материал о секретном эксперименте «Филадельфия», проведенном американскими ВМС. Джессуп нашел документы, свидетельствующие о том, что во время войны группа физиков под руководством Эйнштейна занималась проблемой невидимости. 15 августа 1943 года специально оборудованный эсминец «Элдридж» должен был исчезнуть не только с экранов локаторов, но и с глаз наблюдателей. Вместо этого корабль был мгновенно переброшен из Филадельфии в Норфолк и обратно. Члены экипажа (181 человек) остались в живых, но впоследствии исчезали поодиночке: один на глазах очевидцев словно растаял в воздухе, другой вошел в стену бара — и так далее… После выхода статьи автора нашли мертвым в собственном «шевроле», — и это обстоятельство почему-то убедило тех, кто сомневался в подлинности проекта «Филадельфия». А в восьмидесятые годы в Голливуде сняли три фильма о матросах с эсминца-невидимки, которые «перескакивают» в будущее и обратно. Все сделано точно по Уэллсу: «Человек-невидимка» и «Машина Времени». Адресаты этой шифровки — «существа более развитые, чем человек» — должны были обратить внимание на слова «Филадельфия» и «Эйнштейн»: «филиус» и «первый камень».

Через пятьдесят шесть лет в одном из отелей Атлантик-Сити собрались пятнадцать членов команды «Элдриджа» во главе с капитаном Биллом ван Алленом. «Понятия не имею, как возникла вся эта история, — заявил журналистам старый кэп. — Я готов поклясться на Библии, что наш эсминец никогда не брал на борт дополнительное оборудование, не участвовал ни в каких экспериментах и не заходил в Филадельфию!»

В начале шестидесятых годов в США произошла еще одна странная история. Молодой пилот, обладающий писательскими задатками, услышал таинственный голос: «Чайка Джонатан

Ливингстон…». Вслед за этим в его сознании прокручивается целый «фильм» и обрывается на самом интересном месте. Ричард Бах записывает первую часть и терпеливо ждет. Через восемь лет ему привиделось продолжение истории удивительной чайки; книга была закончена, издана и имела ошеломляющий успех на всех континентах. Некоторые горячие головы даже называли ее новым Евангелием!

«— Ты приблизишься к небесам, Джонатан, когда приблизишься к совершенной скорости. Это не значит, что ты должен пролететь тысячу миль в час, или миллион, или научиться летать со скоростью света. Потому, что любая цифра — это предел, а совершенство не знает предела. Достигнуть совершенной скорости, сын мой — это значит оказаться там. Не прибавив ни слова, Чианг исчез и тут же появился у кромки воды, в пятидесяти футах от прежнего места…». И далее: «Чтобы лететь с быстротой мысли или, говоря иначе, лететь куда хочешь, нужно прежде всего понять, что ты уже прилетел».

Позднее Бах опубликовал новый роман, в котором гидросамолет становится средством передвижения по «параллельным» мирам, расстилавшимся под крылом узорчатым ковром. Автор пишет, что время не существует в том смысле, в котором мы его понимаем. «Временем вы называете ваше движение к осознанию мира. Любое событие, которое может произойти в пространстве-времени, происходит сейчас, сразу, все — одновременно. Нет ни прошлого, ни будущего, только настоящее».

Многие признаки говорят о том, что в Западной Европе и за океаном действовал филиал «Атона». Это подтверждают книги Войнич, Майринка, Набокова и Сент-Экзюпери. Можно предположить, что после ухода из жизни преподобного Доджсона структуру возглавил Герберт Уэллс. «Большая Советская энциклопедия» приводит несколько заглавий уэллсовских книг: «Первые люди на Луне», «Люди как боги». «Пища богов», «Бог — невидимый король». Человек, поколебавший наши представления о времени, трижды посещал Россию — в 1913,1920 и 1934 годах. В свой первый приезд Уэллс останавливался в петербургском особняке В.Д.Набокова.

Нужно по-новому взглянуть и на творчество Марка Твена (Сэмюэля Клеменса). Особенно интересен его роман «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889): старший мастер одного из американских заводов переносится в Англию VI века, а затем возвращается обратно с рукописью-отчетом. «Типичный прогрессор». Налицо и другие известные нам знаки: Луна и Солнце (история с затмением), король Артур, рыцари, уезжающие «граалить», свиньи, колодец, путешествие во времени и газета «Литературный Вулкан». Это объясняет, почему сам С.Клеменс стал героем известного фантастического цикла Филиппа Хосе Фармера «Мир Реки». Главная достопримечательность этого странного мира и его фундамент — духовный и материальный — гигантские каменные грибы.

Если спросить, кто из зарубежных фантастов XX века писал о Луне, девять из десяти читателей первым назовут Артура Кларка. Помимо ранней повести «Лунная пыль», английский писатель знаменит своей тетралогией «Космическая одиссея» (1968, 1982, 1987, 1998). Она начинается с того, что питекантроп по имени Смотрящий на Луну обнаруживает возле своей пещеры монолит — огромный кристалл правильной прямоугольной формы. Он сравнивает этот камень с… грибами! Излучение «Нового Камня» перестроило примитивный мозг нашего далекого предка и подсказало несколько первоочередных идей, позволивших племени убить дикую свинью, разделать ее и впервые наесться досыта.

«Некоторых питекантропов кристалл совсем оставил в покое — он как бы сосредоточил все внимание на тех, кто подавал наибольшие надежды. К их числу принадлежал и Смотрящий на Луну: он снова почувствовал, будто какие-то пытливые щупальца шарят по дальним закоулкам его мозга. Затем начались видения».

Школа.

«Это была медленная, кропотливая работа, но кристаллический монолит был терпелив. Ни он, ни подобные ему монолиты, разбросанные по половине земного шара, не имели целью добиться успеха среди всех объектов, охваченных экспериментом. Какое значение могла иметь сотня неудач, если один-единственный успех способен изменить судьбу всей планеты!» Так началась человеческая история. Через три миллиона лет на Луне нашли второй монолит. (К тому времени родился первый лунный ребенок — девочка по имени Диана). Третий камень

обнаружили на Япете — спутнике Сатурна.

Ошибка программиста по имени Чандра (индийск. «чандра» — «луна») стала причиной гибели экипажа космолета «Дискавери». («Диск»?) Но монолит спас одного из астронавтов и мгновенно перебросил его в ядро Галактики — по гиперпространственному тоннелю. Это очень странное место, — что-то вроде космического родильного дома, в котором будущий Демиург расстается со своим физическим телом и становится тем, чем он был на самом деле — сгустком высокоорганизованной энергии. Сыном Божьим: «Он был выше любви и ненависти, страха и желания — хотя не забыл этих эмоций и понимал, каким образом они правят миром, частью которого он был прежде…. Он стал участником игр богов; чтобы их продолжать, надо было познать правила». И далее: «Огромные массивы информации собирались не для хранения, а для действия. Строились сложные планы, принимались решения, от которых зависят судьбы миров. Оь еще не полностью включился в этот процесс, — но когда-нибудь включится».

20. ПЛАТОК И КАМЕНЬ

Имя кларковского «Одиссея» — Давид. Дэвид Боумен, «живой звездолет». Фамилия переводится как «стрелец» или «лучник»: галактическое ядро находится в направлении созвездия Стрельца. «Дорожный знак»? Пройдя «Звездные Врата», Боумен оставляет свое тело, возвращается домой и незримо посещает несколько мест, в числе которых оказались два хранилища «огромных массивов информации» — библиотека Ватикана и архивы Кремля.

(Ватиканская библиотека и либерея Ивана Грозного — «не для хранения, а для действия»?)

Многие признаки свидетельствуют о том, что «Космическая Одиссея» зашифрована. Взять, к примеру, «чудесную икону шестнадцатого века», о которой дважды вспоминает врач русского экипажа: это век Ф.Бэкона и Ивана Грозного. Еще более красноречива «ошибка» Кларка во втором романе: автор словно забывает, что третий монолит найден на спутнике Сатурна и помещает его на юпитерианской орбите. В чем же смысл замены? Это подсказывает глава, в которой дается краткий обзор четырех главных лун Юпитера, но не упоминается о Галилео Галилее, открывшем их. Глава называется — «Миры Галилея»!.. (Галилея — земля, в которой жил и проповедовал Учитель).

Дверь, открытая Дэвидом, ведет к преображению человека в космическое существо. Но прохождение сквозь стекловидную поверхность камня скрывает истинный способ межзвездной рокировки — через собственный Микрокосм. Перед возвращением на Землю герой видит крохотную галактику: «Казалось, перед глазами в хрустальной пластине — прекрасная, необычайно точная и подробная модель. Но то была реальность, схваченная во всей своей цельности чувствами, которые стали гораздо восприимчивей зрения».

Монолит несколько раз сравнивается с могильной плитой. Не намекает ли Кларк на таинственные свойства овального камня, закрывавшего вход в Гроб Господень? Сопоставьте это с «Туманностью Андромеды» — с надгробным камнем «знаменитого поэта очень древних времен» и с подготовкой к старту человекообразного звездолета: «Из черного зияния выдвинулась овальная плита такого же серого цвета, как и весь корпус». Символический склеп? Нельзя не заметить и явный анахронизм: перед стартом звездолета над космодромом звонят колокола! А вот чем заканчивается рабочий день Воробьянинова: он встал из-за стола, похожего на «старую надгробную плиту», — и в этот момент «на соседней желтенькой с белым колокольне что есть мочи забили в колокола».

Известно, что освобождение христианских святынь было объявлено целью восьми крестовых походов. Главными из материальных свидетельств жизни Иисуса считались Гроб Господень, Святой Грааль, Святое Копье, терновый венец, неугасимая лампада, плащаница и «Нерукотворный Спас» — плат Св. Вероники. (Вероника сняла платок с головы и подала Иисусу, когда Он шел на Голгофу. Иисус вытер им лицо, и на ткани появилось Его изображение). О ветхозаветных святынях даже не помышляли: Ковчег Завета, например, пропал из Соломонова храма еще до вавилонского плена.

После взятия Иерусалима в Европу доставили несколько предметов меньшего ранга — перо Архангела Гавриила, обрывки одежды, щепки от Святого Креста, сено из Рождественских

Яслей и древко копья, пронзившего сердце Иисуса — но важнейшие предметы Ватикан так и не получил. Некоторые историки считают, что они были тайно отправлены в Константинополь — в уплату огромного долга за снабжение крестоносного войска. Не потому ли четвертый крестовый поход (1199-1204) начался взятием и разорением византийской столицы?

Робер де Клари — автор хроники «Взятие Константинополя» — пишет о том, что «Нерукотворный Спас» хранился в одной из церквей. После штурма он пропал. Каменной плитой завладели венецианцы, но затем она тоже бесследно исчезла. Между тем, в 1-й Новгородской летописи есть рассказ о русском очевидце этих событий — Добрыне Ядрейковиче, ставшем новгородским архиепископом Антонием II. А более поздняя вставка (70-80 годы XIII в.) сообщает, что из Цезарь-града Ядрейкович «привез Гроб Господень»! Речь могла идти только о «двери» — большом плоском камне, который закрывал вход в могильный грот Иисуса.

На этом след камня теряется и обнаруживается лишь в зашифрованных книгах «Атона» — вместе с платком Святой Вероники. Гриновская героиня Тави Тум продает свою шаль после первой встречи с Круксом (второе имя Друда, в переводе с латыни — крест). Крест и платок. В булгаковской рукописи 1929 года иностранец подробно рассказывает литераторам о шелковом платке Св. Вероники, которым она «пыталась утереть лицо Христу». Это можно счесть еще одной подсказкой (мессир — неузнанный Мессия). Но она была слишком прозрачной, и в следующей редакции «фотографический» платок исчез. Взамен появляется платок Фриды, фотокарточка мастера, похороненная под грудой шелковых обрезков и, наконец, эта остроумная экспозиция: «От подоконника на пол лег зеленоватый платок ночного света, и в нем появился ночной иванушкин гость, называющий себя мастером».

Вспомните, читатель: что в первую очередь внедряет про-грессор Румата? «На первом же балу Румата извлек из-за обшлага изящный кружевной платочек и промакнул им губы. На следующем балу бравые гвардейцы уже вытирали потные лица большими и малыми кусками материи разных цветов, с вышивками и монограммами. А через месяц появились франты, носившие на согнутой руке целые простыни, концы которых элегантно волочились по полу».

Разнообразные платки появляются и в ключевых эпизодах «Хромой судьбы»: писатель Сорокин вытирает платком лицо при встрече с таинственным человеком, похожим на Булгакова, и то же самое делает его герой — писатель Банев. Собственно, с платка и начинается история Банева — ссылка, встреча с Дианой, лунный исход странных мутантов и «конец света».

В повести И.Ефремова «Звездные корабли» рассказывается о находке черепа межзвездного путешественника — первого гуманоида на Земле. По древнееврейским преданиям, череп первого человека похоронен на Голгофе. Ветхий Завет именует древних израильтян «народом в шатрах», а герои «Звездных кораблей» — Шатров и Давыдов. Шатер Давида? Повесть начинается с того, что Шатров утирает лицо платком. А чем она заканчивается? На поверхности найденного Давыдовым диска («Атон»!) проявилось изображение «небесного пришельца». Сын Давидов, платок и «фотография»?

«Молитесь на меня, молитесь», — говорит О.Бендер. Он назван «красавцем с черкесским лицом» — не потому ли, что недалеко от Черкесска находится таинственная икона с ликом Иисуса? Спаситель изображен на скале минеральными красками и поразительно похож на негатив фотографии, сделанной с Туринской плащаницы. Это неудивительно: в начале XX века монахи расположенного поблизости Зеленчукского монастыря рассказывали паломникам, что икона написана с платка Святой Вероники, привезенного из Византии. Когда фреска была готова, «Нерукотворный Спас» исчез. Возможно, его увезли дальше на север — вместе с камнем из Святого Гроба.

В чем же смысл перемещения этих предметов? Даже закоренелые материалисты не отрицают, что некоторые вещи обладают какой-то непонятной силой. Мистики же говорят об идеях, спустившихся с верхних этажей Мироздания и разнообразно овеществленных в нашем «подвале». Высшая идея воплотилась в Сыне Божьем: «Слово стало делом». И потому самые обыденные вещи, соприкасавшиеся с Ним, несут на себе незримый отпечаток — заряд таинственной энергии. Очевидно, эти предметы должны напомнить «филиусам» истинную картину мира и указать дорогу домой — «запасной выход». «Жук сползет в конце концов с муравейника и убредет своей дорогой».

21. «НАД НИМ ПОТЕК ЗАПАХ СКЛЕПА»

Первый из четырех романов «Космической Одиссеи» вышел из печати за год до высадки человека на Луну. Почти одновременно в Париже была издана странная брошюра Жана Санди «Луна — ключ к Библии». Автор предсказывал обнаружение артефакта, подтверждающего подлинность Священного Писания. «Луна — это и есть Небесный Иерусалим», — писал Санди. Именно там оставили свои следы «Сыны Божьи», и эта находка откроет нам путь к звездам. Воссоздание государства Израиль (1948) и освобождение Иерусалима (1967) — важнейшие вехи на пути к Луне. Кроме того, Жан Санди обращает внимание на одну интересную публикацию, принадлежащую перу некоего Шаили — каббалиста из России. Она появилась за три года до «шестидневной войны» и называлась очень длинно — «Книга Чисел Освобождения, согласно Книге Даниила и учению Гаона из Вильно и Ари из Сафеда». По расчетам Шаили, Иерусалим должен быть освобожден в 5728 году иудейского календаря — то есть, в 1967-68 годах от Рождества Христова. Так и случилось.

Шифр А.Кларка связывает Луну с камнем Гроба Господня и «архивами Кремля» — библиотекой Ивана Грозного, спрятанной в казанском тайнике. Косвенно это подтверждается тем, что уже в ранних книгах Кларка появляются несколько русских персонажей. В «Острове Дельфинов», например, есть русский профессор по фамилии Казан.

А что происходит во внешнем сюжете «Космической Одиссеи»? Во втором романе тетралогии Кларк пишет о совместном полете двух экипажей — американского и русского. Американский звездолет получил имя «Дискавери», а русский назван в честь космонавта — «Алексей Леонов». Или — в честь писателя Леонида Леонова, последнего из «дисковцев» коктебельского набора?..

Леонов поместил волшебную дверь в кладбищенской церкви. Ильф и Петров начинают свой первый роман с гробов (глава «Безенчук и „Нимфы“»)., затем Бендер рассказывает о гусаре-схимнике, много лет пролежавшем в гробу, и приводит Воробьянинова в общежитие химиков — по соседству со скелетом! Но перед этим они снова встречают Безенчука, выгружающего гробы.

В «Золотом теленке» символ укрупняется: «Скумбриевич очень уважал этот гроб и придавал ему большое значение. Иногда, повесив на себя фартук, Егор собственноручно перекрашивал гроб заново…». Мы увидели здесь насмешку над масонским ритуалом и не заметили второй слой шифра: Скумбриевич — рыба — Иисус. Гроб Господень? Первая часть «Двенадцати стульев» называется «Старгородский лев». («Лев из колена Иудина» — ветхозаветное пророчество о Христе). Старгород — «псевдоним» Новгорода? Это легко опровергнуть: по пути из Старгорода в Москву поезд пересекает Оку. Но соавторы зачем-то дважды повторяют про Гусище — окраину Старгорода. Место в центре Великого Новгорода называлось Дворищем, окраина — Городищем. Нашу догадку подтверждает и неприметный эпизод в старгородской «богадельне»: «черноземный Баттистини» поет новгородские частушки.

(Итальянский баритон Баттистини — барон Бартини?)

До Новгорода не дошел Батый, разоривший почти всю остальную Русь. Несколько лет спустя случилось «чудо на Неве» — маленький отряд новгородского князя Александра Ярославовича отразил организованное ватиканскими легатами нападение шведов. После этой битвы Александра Невского стали называть «русским Давидом». В 1570 году «Господин Великий Новгород» захватило опричное войско Ивана Грозного. В Москву увезли десятки возов с драгоценной церковной утварью. Падение Новгородской феодальной республики считается кульминацией опричнины, а истоки ее видят в событиях 1560 года, когда в опалу попал ближайший советник царя — новгородский священник Сильвестр. Не он ли рассказал Ивану Грозному о священной реликвии?

В гостиной квартиры №50, где поселился Воланд (Иешуа), «входящего охватывала какая-то погребная сырость». Склеп? Перед «какой-то темной дверью», ведущей из гостиной в спальню, остановилась Маргарита и за одно мгновение пережила видение многочасового бала. Он начался с раскрывшегося гроба и соответственно закончился: «Тление на глазах Маргариты

охватило зал. Над ним потек запах склепа». «Темная дверь» Гроба Господня — в Москве? Таинственный иностранец говорит про государственную библиотеку, а в конце романа восседает на ней, как на троне. В мире, который мы полагаем реальным, человек, ставший прототипом Воланда, извлекает из казанского тайника часть библиотеки Ивана Грозного. Артур Кларк, в свою очередь, связывает «архивы Кремля» с монолитом — космической дверью, через которую прошел Давид. Не подсказывают ли нам, что царская «либерея» и камень, закрывавший вход в гробницу Иисуса, хранились в одном месте?

В ранних вариантах «Мастера и Маргариты» Воланд объясняет свой приезд желанием разобрать рукописи Бэкона и бенедиктинского монаха Гильдебранда. Почему выбрано такое сочетание? Очевидно, есть какая-то легенда о Гильдебранде, — и это в свою очередь связано с рукописями Бэкона. Стругацкие ребус разгадали и предложили свой — в «Хромой судьбе»: «Он страшно удивился. Разве мне не интересно иметь в распоряжении такую вещь? Неужели я не хотел бы иметь гвоздь, которым была прибита к перекладине креста рука Учителя? Или, например, каменную плиту, на которой Сатана оставил проплавленные следы своих копыт, когда стоял над гробом папы Григория Седьмого, Гильдебранда».

22. АСФАЛЬТОВОЕ ОЗЕРО

Рассказ И.Ефремова «Эллинский секрет» был написан во время войны, но опубликован почти через четверть века. Именно здесь впервые появляется идея о наличии у некоторых людей наследственной памяти, локализованной в заднем отделе мозга. «Генная память». С помощью темноты и какого-то «особого лекарства» профессору-психиатру удалось усилить галлюцинации своего пациента и помочь ему «вспомнить» давно утерянный химический рецепт.

Пациента зовут Виктор Филиппович («побеждающий» и «филиус»?), родился он в Крыму, но жил в Москве. Условия, в которых проводился эксперимент, подозрительно похожи на комнату Бартини: «Окно, завешенное толстым ковром, не давало света. Маленькая лампочка, накрытая чем-то голубым, едва давала возможность различать предметы».

Пациент «видит» древнюю школу и медный лист — «позеленевшая поверхность с вырезанными на ней значками». Когда надпись перевели, оказалось, что в рецептуру, помимо морской воды, входят какие-то загадочные компоненты — «порошок этакены» и «масло Посейдона». Ефремов подсказывает: «названия веществ нужно будет особо истолковать». А не следует ли «особо истолковать» весь «Эллинский секрет» и его героя-рассказчика — Израиля Абрамовича Файнциммера?

(Ап. Павел: «Нет ни эллина, ни иудея»).

«Файнциммер» в переводе с немецкого — «прекрасный плотник». Так называют не только Св. Иосифа, но и его приемного сына Иисуса: считается, что этим ремеслом Он жил в Назарете.

Секрет Иисуса — на медном листе?

Пациента к профессору Израилю Файнциммеру направил профессор Новгородцев, а видения происходят на Таганке — в «доме с башенкой». Про Таганку повторяется несколько раз — многовато для небольшого рассказа! К тому же это слово происходит от татарского тагана — подставки для казана.

Путь медного листа: Новгород — Казань — Израиль?

«Эллинский секрет» написан в сорок четвертом, часть казанского клада Бартини извлек ранней весной сорок седьмого, а осенью сорок восьмого года научный мир потрясла сенсационная находка: в 25 километрах к востоку от Иерусалима были обнаружены семь кожаных свитков, принадлежавших, как предполагают, общине ессеев. Нашли их каким-то подозрительным образом: пастух Мухаммед эд-Диб из бедуинского племени таамире искал заблудившуюся козу, заглянул в пещеру и увидел два глиняных сосуда с пергаментными свитками, завернутыми в ткань. Это произошло в конце мая 1947 года, вблизи селения Наг-Хаммади, неподалеку от Мертвого моря. Через несколько месяцев пастух продал куски кожи старьевщику, торгующему на вифлеемском рынке, и там они попались на глаза профессору Иерусалимского университета. Пергаменты оказались фрагментами самого

древнего экземпляра Священного Писания. Словом, — рояль в кустах…

В общем хоре радостного изумления раздавались и осторожные голоса. Некоторые ученые сомневались в самой возможности сохранения в Палестине столь древних свитков. Не подделка ли это? Но при систематических раскопках в окрестных пещерах обнаружили около тысячи пергаментов — Евангелие от Фомы, Евангелие от Филиппа, Евангелие от Марии, «Парафраз Сета», «Гром Совершенный Ум» и еще несколько десятков неизвестных произведений раннего христианства. Слова Иисуса и Его Апостолов были недоступны для бесчисленных комментаторов, переводчиков и переписчиков, — не потому ли кумранские апокрифы далеки от канонов всех нынешних христианских конфессий? Близким но духу оказалось только учение альбигойцев.

Некоторые из текстов «Кодекса Наг-Хаммади» (другое название — «Кумранские рукописи») рисуют Иисуса как Наставника и Спасителя немногих избранных. Он говорит о приоритете знания над верой, о личной связи с Богом, о том, что ученику нужно пережить состояние общности с мирозданием. Спасение — в самопознании. Настойчиво повторяется мысль о том, что есть знания, которые нужно скрывать от непосвященных — для их собственного блага.

Большой интерес вызвал и так называемый «Документ Задоките». Этот текст уточняет обстоятельства появления на Земле сынов Божьих — тех самых, о которых рассказывается в шестой главе Библии. «Небесные люди пришли с упрямством в душах и пали, поскольку не исполняли Заповедей Божиих. То же произошло с их сыновьями, высокими, как ливанские кедры, и крепкими, как горные кряжи. Все они пали».

На первый взгляд, кумранские пергаменты никак не связаны с медным листом Ефремова — «позеленевшей поверхностью с вырезанными на ней значками». Но в марте 1952 года вблизи первой пещеры археологи нашли две медные полосы, свернутые в тридцатисантиметровые трубки. Текст — древнееврейский, хотя отдельные строки заканчивались греческой буквой. Эллинско-иудейский секрет? Получается, что Ефремов заранее знал о том, что некоторые казанские раритеты окажутся в Палестине и будут «случайно» найдены! И не только Ефремов: в «Старике Хоттабыче» (1936) находят два сосуда — сначала глиняный, а затем медный. Обратите внимание на маленькую деталь: сосуд с джинном был закупорен чем-то зеленым, с оттиснутой на нем печатью. Вот что приносит Хоттабыч в экскурсионное бюро: «Это был желтоватый пергаментный свиток с болтавшейся на золотистом шелковом шнурке большой зеленой восковой печатью». Не намекает ли Лагин на содержимое первого сосуда Вади-Кумрана — древние нергаменты?

Хоттабыч меняет свой белый кафтан и белоснежные шелковые шаровары на белый пиджак: «одежды белые»! Спасенный пионером Волькой, он чересчур часто читает «Пионерскую правду»: пионер (первый — Адам из глины) извлекает из глиняного сосуда нечто, запечатанное Соломоном, сыном Давидовым. Ясно, что глиняный сосуд — сам Волька Костыльков («Царство Божие внутри вас»), и речь идет о какой-то информации, позволяющей избранному вспомнить о своей божественной природе. Но все приключения героев в конечном счете сводятся к поиску второго сосуда — медного, — в котором находился ужасно злой братец Хоттабыча. Когда его освобождают, он улетает к Луне и становится искусственным спутником.

Луна и «медный манускрипт»?

Вспомните: Булгаков называет Иешуа «нищим из Эн-Сарида». И Воланд зачем-то говорит «извлеченному» мастеру, что «придется нищенствовать», — на что тот охотно соглашается. Коровьев изображает из себя попрошайку, нищими прикидываются проводники Буратино — кот Базилио и лиса Алиса. Бендер — Воробьянинову: «У вас талант к нищенству заложен с детства!». Через две главы «сатирики» возвращаются к этой теме: у поселка Сиони герои занимаются «альпийским нищенством». А вот самоназвания кумранской общины: «Сыны Неба», «Сыны Истины», «Избранные» и… «Нищие»!

Вряд ли кому-нибудь покажется странным, что двор дома, где поселился Воланд, трижды назван асфальтовым. Помимо этого, автор отметил асфальтовую площадку у дома Грибоедова, асфальтовый тротуар возле дома литераторов и большую площадь перед следственным учреждением, «залитую асфальтом». Булгаковский роман связывает «залитую асфальтом» Москву с древней Иудеей, а точнее — с тем неназванным местом, откуда пришел Иешуа. Это

место нам укажет «странная туча», которую принесло с моря — «дымное черное варево». Асфальт? Булгаков зачем-то уточняет направление, в котором двигалась «асфальтовая» туча: «Грозу сносило к Мертвому морю». Библейское название Мертвого моря — Соленое озеро, но греки и римляне именовали его Асфальтетис — «Асфальтовое озеро»: там добывали асфальт — «черное варево».

Не потому ли Маргарита уговаривала своего возлюбленного уехать «к Черному морю»? А в повести Стругацких «Хищные вещи века» есть место, где слова «асфальтовое озеро» повторяются дважды — всего через восемь строчек!

23. ТАЙНА МЕДНОГО СВИТКА

Рассказчик в «Эллинском секрете» — психотерапевт Файнциммер. В «Отягощенных злом» Апостол Иоанн приказывает одному достойному персонажу конца XX века стать терапевтом человечества. Но именно так именовало себя тайное общество эллинизированных иудеев в Александрии. Филон Иудейский называет терапевтов «слугами Бога», а некоторые исследователи связывают их с ессеями — таинственным братством посвященных-целителей. По словам Плиния Старшего, эта удивительная «пещерная секта» с незапамятных времен жила на берегу Асфальтового озера — «народ… одинокий и отличающийся от всех других народов на свете». Они называли себя «Сынами Неба». Много, хотя и не очень доказательно писали о том, что именно ессеи воспитали Иисуса, жившего в общине целителей до тридцати лет.

«Ты великий врач?» — спрашивает Пилат арестованного Иешуа. В главе «Погребение» прокуратор повторяет: «Безумный мечтатель и врач». Некоторые современные исследователи прямо выводят название секты из арамейского «си» — «врач». Но ессеями называли также эфесских жрецов лунной богини — Великой Матери Дианы. Не потому ли в «Хромой судьбе» героиню зовут Диана, а в последнем абзаце это имя повторяется целых четыре раза!

…Медные свитки пролежали неразвернутыми три года. Летом пятьдесят пятого ученые Манчестерского технологического колледжа залили первый из рулонов авиационным клеем и разрезали на фрагменты. Текст поразил воображение многих: речь шла о 64 золотых и серебряных кладах общим весом около двухсот тонн. Другие исследователи говорили о пятидесяти тоннах и насчитывали 60 или 61 клад. Но названия мест историкам ничего не говорили; неясной осталась и роль греческих букв. Между тем, неподалеку от кумранских пещер археологи нашли поселения ессеев, а также то, что можно назвать посвятительным центром. Вот что сообщает об этом Большая советская энциклопедия (статья «Мертвого моря рукописи»): «Вблизи пещер раскопаны остатки трех кумранских поселений, в т. ч. развалины центр, строения общины (Хирбет-Кумран; разрушен римлянами в 68), где были обнаружены водопровод, цистерны, мастерские и различные хоз. сооружения, кухня, кладовые, зернохранилища, трапезная, писцовая и др., а также примыкающий к центр, строению некрополь. Рукописи и археологические памятники свидетельствуют, что члены кумранской общины жили на коллективистских началах: общая собственность плюс совместный труд. Основателем и идеологом кумранской общины является безымянный „Учитель праведности“, которому, как полагали кумраниты, Бог открыл тайны, неведомые даже пророкам».

…Первый ход «междупланетного» гроссмейстера Бендера — с е2 на е4. Затем мы видим, как с доски противника исчезает «черная башня» — ладья. Допустим, что верным является тот перевод медного свитка, в котором кладов шестьдесят четыре — по числу шахматных клеток и… «платяных шкафов» на землеподобных планетах!? Эту странную догадку подтверждает и Булгаков: в клинике ученику привиделась «черная, мрачная и безжалостная башня Антония» («платяной шкаф» иерусалимского первосвященника), но в конце романа мы с изумлением читаем, что «ноги сами несли Иуду, и он не заметил; как мимо него пролетели мшистые страшные башни Антония»!

Вероятно, Хирбет-Кумран был одним из шестидесяти четырех «постоялых дворов», в которых Игроков готовили к выходу в жестокий и увлекательный мир Земли. Здесь действовало общее правило: язык, быт и технологии должны строго соответствовать времени и месту. Но лучшим прикрытием была община «Сынов Неба» — людей, полагающих себя избранными Богом для какого-то таинственного служения. Неясно, по каким критериям их

отбирали, но возраст, национальность и социальное положение не имели никакого значения. Судя по найденному Уставу, этот древний монашеский орден был занят «познанием сокрытого», — строго дозированным по степеням посвящения. Он воспитывал в своих членах жесточайшую самодисциплину: за один только гневный взгляд, брошенный на товарища, полагался целый год отлучения от общих занятий и ритуалов. Экзамены — «проверка разумения и деяний» — проводились ежегодно. Среди кумранских рукописей встречаются стихи, похожие на отчеты о космических экскурсиях:

Так я ступаю по беспредельным высотам
И знаю, что есть надежда
Для тех, кого слепил Ты из пыли,
Чтобы утешить в вечности.

Не оттуда ли начал свой путь Иисус? Прямых свидетельств этого нет, но многие исследователи допускают, что Христос заимствовал свое учение у наставника кумранской общины. А в одном пергаменте, датируемом 150 годом до Р.Х., содержится пророчество о приходе Мессии и о том, что враги распнут Его. Еще одна любопытное сообщение приводится в книге Лоренса Гарднера «Потомство Святого Грааля»: в Хирбет-Кумране было специальное помещение для рожениц. Оно называлось «Вифлеемом».

24. ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ

Что будет, если поднести магнит к листку с железными опилками? На периферии останется первозданный хаос, но ближе к центру образуется некоторая упорядоченность, переходящая в строгий узор. Возможно, таким образом структурированы все без исключения тайные общества.

Историк Чарльз У. Гекерторн пишет: «Венец поэтического блеска окружает орден розенкрейцеров. Магический свет фантазии играет около их грациозных грез, а таинственность, которой они облекли себя, придает лишнее очарование их истории». «Лишнее очарование» — мишура. Но она притягивает в мистические сообщества людей с воображением — принцев крови и оборванцев, властолюбцев и филантропов, ученых и бурсаков. Самые интересные экземпляры сразу же отсеиваются (их переводят в так называемый внутренний круг), а остальные за свою «избранность» платят молчанием и повиновением. Можно с уверенностью сказать, что все тайные союзы, о которых еще при жизни стало что-либо известно, были «конторами по заготовке рогов и копыт» — ложными целями, по которым бил обманутый противник.

Летом 1927 года чекисты разгромили очередной мистический кружок — «Орден Святого Грааля». Его возглавлял некто Александр Габриэлович Гошерон-Делафос, служивший фининспектором. В орден принимались исключительно бывшие дворяне. Вслед за питерскими «рыцарями Грааля» были арестованы члены московского «Ордена Света». Из следственных документов явствует, что московский «Орден» создала кучка вполне безобидных граждан, вообразивших себя духовными наследниками тамплиеров. Организация ставила своей задачей «сообщением легенд способствовать внутреннему перерождению и духовному подъему».

В списке арестованных «рыцарей» были машинистки, стенографистки, артисты, учителя, домохозяйки… Все они получили очень небольшие сроки. Своеобразный юмор этой ситуации придает одна из подписей под приговором Коллегии ОГПУ: «Г.И.Бокий». Тот самый Бокий — комиссар госбезопасности 2-го ранга, расстрелянный семью годами позже за участие в «Едином трудовом братстве»!

И вот что интересно: Барченко создал «ЕТБ» в том году, когда «чрезвычайка» разогнала «Звездный Свет» — «тайное мистическое общество», руководимое «Иерофантом» и «Рыцарем Кадош» Борисом Зубакиным — неудачливым поэтом, посвященным в «духовные наследники древних розенкрейцеров» каким-то петербургским аптекарем. Дело было поставлено с межпланетным размахом: «Иерофант» сообщил своим ученикам, что с глубокой древности розенкрейцерам помогает сверхъестественное существо по имени Орал. Вспомните название

организации, которую сколотил О.Бендер — «Союз меча и орала»!

Очевидно, Ильф и Петров знали о подставном ордене. Не забыли «сатирики» и о масонах: «Это был прекрасный агитационный гроб, который по большим праздникам геркулесовцы вытаскивали на улицу и с песнями носили по всему городу… Скумбриевич очень уважал этот гроб и придавал ему большое значение. Иногда, повесив на себя фартук, Егор собственноручно перекрашивал гроб заново…». Как известно, масоны кладут посвящаемого в бутафорский гроб, а затем вручают церемониальный фартук. Множество узнаваемых масонских символов демонстративно рассыпано в «Мастере и Маргарите». Это позволило некоторым исследователям вывести от «вольных каменщиков» всю генеалогию булгаковского романа.

Но еще в начале XX века немало писали о бутафорском характере мистических организаций и о том, что они служат прикрытием какой-то другой деятельности. Одну из таких работ мы не можем не процитировать: «…Чего именно можно ожидать, это сказать трудно, потому что для этого самому нужно стоять в центре франкмасонства. А для этого необходимо достигнуть высших степеней франкмасонства, к которому три низшие ступени (ученика, подмастерья и мастера) служат только преддверием; члены этих степеней знают только немногих представителей своих лож; они находятся под руководством членов высших разрядов: „Масонов шотландского обряда“, „Розенкрейцеров“, и „Невидимых“ или „Задних“ лож; … чтобы достигнуть этого, нужно иметь 33-ю степень франкмасонства. Собственно, имеющие эту степень и стоят во главе франкмасонского союза».

Далее автор выражает твердую уверенность в том, что «последних целей союза» не знают даже большинство его руководителей, — исключая, конечно, «Невидимых». Статья называется «Современное франкмасонство в его отношении к церкви и государству». Она была написана и опубликована в «Трудах Киевской Духовной академии» (№12,1903 г.) профессором академии Афанасием Ивановичем Булгаковым — отцом писателя.

А теперь вернемся к судьбе казанского клада. Мы предположили, что медный свиток и несколько пергаментов были доставлены в Палестину и послужили детонатором кумранских открытий. Кувшин с пергаментами появился на свет в мае сорок седьмого, — значит. Да всю операцию ушло не более двух месяцев. Сразу после войны советские войска стояли в Европе, на Среднем Востоке, в Китае и Корее. Переправить небольшой чемоданчик на военном самолете не составляло труда. Возможен и другой путь — дипломатическая почта. В этом мог помочь друг Ефремова и его сосед по даче — советский дипломат Иван Михайлович Майский. Из опубликованной переписки видно, что Майский живо интересовался литературными делами профессора-палеонтолога и даже читал его рукописи. До сорок шестого года он был замнаркома иностранных дел и председателем Межсоюзнического комитета по репарациям, а потом последовала не совсем понятная и достаточно мягкая опала. Но некоторое влияние Майский сохранил и мог использовать, чтобы перебросить за границу гипотетический чемоданчик.

Другим соседом Ефремова оказался генерал МГБ Павел Судоплатов — начальник группы "С", которая добывала атомные секреты. Именно он руководил советскими резидентами, работавшими с Бруно Понтекорво. Судоплатов возглавлял и разведывательно-диверсионное Бюро ь2 МГБ. В 1947 году это подразделение переправляло немецкое трофейное оружие в Палестину. А в пятьдесят третьем Майский и Судоплатов были арестованы, причем Майского обвинили в том, что он помог сионистским заговорщикам наладить тайную связь с Израилем. Тогда же Ефремов уничтожил все личные записи.

Пример с КЛФ подсказывает, что «Атон» мог служить ядром менее закрытых структур, — соперничающих друг с другом и не подозревающих о существовании единого центра. Голова и руки. Именно на это намекают «Двенадцать стульев»: с одной стороны — Бендер и Воробьянинов, с другой — отец Федор. «Конкурирующая фирма». В «Часе Быка» появляются «Серые Ангелы» — «очень древнее тайное общество», борющееся с режимом «змееносцев». А эти слова мы обнаружили в «Лезвии бритвы»: «И думается, почему бы людям не создавать дружеских союзов взаимопомощи, верных, стойких и добрых. Вроде древнего рыцарства…». Именно такой союз начинает собираться вокруг профессора Гирина, и это сообщество связано с таинственным камнем, тестирующем потомков богов.

«Иван Гирин — это я», — говорил И.Ефремов. Не был ли он преемником Барченко и

руководителем той части «Единого трудового братства», которая избежала ареста? Это предположение объясняет историю с обыском на квартире покойного писателя: товарищи Ефремова, работавшие в МГБ и МВД, хотели увериться в том, что их организации ничего не угрожает.

Фамилия Гирин подсказывает, что на другой чаше весов находилась еще одна «гиря» — второе тайное общество. В романе эту «конкурирующую фирму» изображает антипод Гирина по фамилии Деригази — таинственный иностранец, приехавший в Москву под видом археолога. Он демонстрирует парольный знак своей организации — плоский камень с крестом. Гроб Господень? Диспозицию подкрепляет и объясняет третий абзац пролога: «Если проследить всю цепь, а затем распутать начальные ее нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой. Отсюда начинается долгий ряд событий, неизбежно долженствующих сблизить совершенно чужих людей, живущих в разных местах нашей планеты, и заставить их действовать совместно, враждуя или дружа, любя или ненавидя, в общих исканиях одной и той же цели».

Предположим, что в «Лезвии…» зашифрована реальная ситуация: два тайных ордена соперничают за право хранить камень от опустевшей гробницы Иисуса. Один из них отправил в Москву пергамент и медный свиток, а другой перехватил «посылку» и доставил в Палестину. Рукописи были заложены в пещеры очень профессионально, — не означает ли это, что иностранный археолог существовал в действительности? В 1971 году в Вене появилась публикация американского археолога Джона Аллегро. Он предположил, что ученики Иисуса употребляли… галлюциногенные грибы! Гипотеза, связывающая чудеса Иисуса с грибами, не могла родиться на пустом месте. «Откуда дровишки?» Оказывается, Аллегро был одним из первых исследователей Хирбет-Кумрана. Именно он привез в Англию «Медный свиток», организовал «препарирование», а затем первым прочитал таинственный текст. Да и весь ажиотаж вокруг древней школы («нездоровый», по мнению большинства кумрановедов) во многом поддерживался благодаря усилиям Аллегро. Не случайно из великого множества западных публикаций, посвященных кумранским находкам, в СССР была переведена только книга Дж. Аллегро «Сокровища Медного свитка». Она подписана к печати почти одновременно с «Лезвием бритвы». К тому времени пастух Мухаммед эд-Диб уже сменил показания: пещеру он, якобы, нашел еще в конце сорок пятого года. Кому же понадобилось алиби — Аллегро, Ефремову или самому Бартини?

Летом шестьдесят седьмого года израильтяне запретили дальнейшие раскопки и резко ограничили доступ к рукописям Мертвого моря. Некоторые исследователи подозревают, что это связано с какими-то новыми находками, проливающими свет на историю цивилизации. Например, израильский археолог доктор Хешфелд заявил, что правительство пытается скрыть пергаменты, в которых говорится о контактах с «пришельцами из космоса».

…О «летающих тарелках» заговорили в том же году, когда были найдены первые кумранские свитки. Фотографии «объектов» и рисунки разномастных пришельцев заполонили западные издания, сотни людей, похищенных инопланетянами, рассказывали о том, как у них брали на анализ сперму и кровь. Но огромное количество наблюдаемых феноменов так и не переросло в качество. Сегодня мы знаем не больше, чем в сорок седьмом году, — и это следует признать единственным твердо установленным фактом.

«Нас не интересуют летающие тарелки», — сказал в одном из интервью Б.Стругацкий. Очевидно, этот грандиозный спектакль предназначался тем, кто не верил в случайные совпадения и мог сопоставить описания НЛО с одним из текстов, обнаруженных в третьей пещере. Мы приводим его по книге Джона Аллегро «Мистерия открытия рукописей Мертвого моря», Нью-Йорк, 1982 г.:

«Колеса коснулись земли, огонь стих, дверь внешней комнаты отворилась, и Ангелы спустили серебряную дорожку. Его Ангелы поманили Иезекииля внутрь, и он присоединился к ним. Затем они сели за стол и разделили хлеб и питье. Ангелы показали Иезекиилю будущее, как приказал им Бог. Когда они заговорили, серебряная дорожка поднялась внутрь колеса. Иезекииля удивило их колесо и великолепное зрелище земли, уходящей вниз. Кроме того, Иезекииль увидел величие солнца, луны и звезд, как никогда до того. Он громко заплакал, когда Ангелы Господни вознесли руки свои и глаза горе и восславили Творца. Их колесо

поднялось над землей выше, чем когда-либо поднимался самый сильный орел. Иезекииль увидел и понял истинное значение Божественного Братства между человеком и теми, кто прибыл издалека, чтобы помочь сынам человеческим. Сон овладел Иезекиилем, а когда он проснулся, то увидел, что лежит на берегу реки Хебар. Он также увидел рядом с собой круглый отпечаток колеса».

25. ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ КЛЕТКИ

Ильфопетровский кладоискатель отец Федор начинает свой путь у зеркала, — это уже известный нам знак «запасного выхода». Соавторы подчеркивают особый — символический — смысл предмета: «Рядом с зеркалом висела старинная народная картинка „Зерцало грешного“, печатанная с медной доски…». А что изображено на «медной» картинке? Библейский сюжет о сыновьях Ноя: «Сим молитву деет, Хам пшеницу сеет, Яфет власть имеет. Смерть всем владеет». Отцу Федору больше всего нравится третья картинка: «Тучный богатый человек с бородою сидел в маленьком зальце на троне». Трон (стул с сокровищем), сыновья и… «таинственные силы гемоглобина»?

На минуту допустим, что медная доска в доме кладоискателя о. Федора намекает на медный свиток ессеев — перечень «кладов». Какое же сокровище разыскивал «гроссмейстер», поднявшийся на гору Давида? Ответ может подсказать маленькая деталь, вычеркнутая из рукописи при подготовке первой журнальной публикации: кроме астролябии Бендер нес еще одну неожиданную вещь — «длинный рулон плотной бумаги». Свиток? А в первой главе говорится о том, что Воробьянинов «совершал таинства» в загсе — записывал «сведения о родословных жителей города N и о генеалогических древах, произросших на скудной уездной почве». Кровь Давида?

Бендер и Воробьянинов могли бы вообще никуда не ездить. Они делают большой круг по Волге, Кавказу, Крыму и возвращаются на Каланчевскую площадь — туда, где материализовались сокровища воробьяниновской тещи. Таков видимый всем маршрут: из Москвы — в Москву, через гору Давида. А подразумеваемый — от начальной точки?.. Из N в N. Какой же предмет они получили? Внимательно рассмотрим тот единственный «клад», который Бендер извлек из стула, украденного на пароходе: «Ящичек открыли. На дне лежала медная позеленевшая пластинка с надписью: „Этим полукреслом мастер Гамбс начинает новую партию мебели…“».

Гамбит — дебют, в котором жертвуют пешкой. Стало быть, «новую партию» следует понимать в шахматном смысле. Игрок с «медальным профилем» (медаль — медь) — нашел настоящее сокровище, скрытое в «первостуле» — древнюю медную табличку, рассказывающую о временах, когда наш мир только создавался. Медный свиток? Трудно поверить, что это совпало случайно: табличка найдена Остапом во время путешествия по Волге, а на следующий день «гроссмейстер» Бендер объявил васюкинцам, что он здесь «проездом в Казань»! Затем герой возвращается к отправной точке своего аллегорического путешествия. Не потому ли, что список кладов был у него изначально, как и у отца Федора: вспомните вычеркнутый из рукописи «свиток»! Шестая глава подтверждает эту догадку: «А уже через час оба сидели за шатким столиком и, упираясь друг в друга головами, читали длинный список драгоценностей…».

«Все, что было и будет, есть всегда», — говорил Бартини. Мы предположили, что медный свиток адресован «филиусам» и содержит зашифрованный перечень «запасных выходов», открытых в разных местах и временах. В разных, но не во всех!.. «Междупланетный шахматный турнир» должен быть ограничен временно-пространственными рамками одной партии. В этих пределах разрешено перемещение фигур и ответвление «параллельных» вариантов истории, лимитированных числом «запасных выходов» — 64.

«Ипполит Матвеевич сел на пол, обхватил стул своими жилистыми ногами и с хладнокровием дантиста стал выдергивать из стула медные гвозди, не пропуская ни одного. На шестьдесят втором гвозде работа его кончилась». Значит, впереди остались только две «станции»? Нашу догадку подтверждают последние страницы «Туманности Андромеды»: перед тем, как покинуть Землю, командир человекоподобного звездолета получает бронзовую

табличку, на которой «другие члены комиссии поставили свои шифры». Куда же направляется «зашифрованный» звездолет? К двум планетам-близнецам, похожим на Землю…

26. «ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ»

В «Сказке о тройке» говорится про бесчисленные этажи НИИЧАВО: «Так, утверждалось, например, что сто двадцать четвертый этаж имеет выход в соседствующее пространство с иными физическими свойствами, на двести тринадцатом этаже обитает якобы неведомое племя алхимиков — идейных наследников знаменитого „Союза Девяти“, учрежденного просвещенным индийским царем Ашокою, а на тысяча семнадцатом до сих пор живут себе не тужат у самого Синего Моря старик, старуха и золотые мальки Золотой Рыбки». Итого: алхимия, «запасной выход», наследники и золотые мальки Золотой Рыбки — потомство Иисуса. Где же на самом деле находится Синее Море? Это должны подсказать правила пользования лифтом, — «вытравленные на медной доске».

Подозрительна и принятая Стругацкими датировка событий. Например, предыстория «Жука в муравейнике» начинается «25 декабря 37-го года», — когда на безымянной планете обнаружили подземелье в виде большой полусферы из янтарина. В этой опрокинутой чаше нашли «Инкубатор» (янтариновый!) — устройство для хранения тринадцати оплодотворенных человеческих яйцеклеток. Генетический сейф был заложен некими могущественными существами — Странниками, — когда на Земле еще жили кроманьонцы. Яйцеклетки сразу же начали делиться, а через девять месяцев на свет появился первый из «близнецов». Много лет спустя сработала загадочная программа, и этот человек направился к неведомой ему самому цели — в музей, где хранился футляр неясного назначения с тринадцатью дисками — Детонатор. Диски помечены особыми значками, — и такие же значки появились на теле у каждого из «подкидышей».

Увидеть в одной истории другую (подлинную — и оттого еще более фантастическую!) поможет одна маленькая деталь, которая повторяется в нескольких повестях Стругацких: все артефакты, связанные с таинственными Странниками, сделаны из материала, который земляне назвали янтарином. Это, по существу, их «фирменный знак», и он появляется даже в тех вещах, где Странники и янтарин вообще не упомянуты. В «Миллионе лет…», например, мы видим сыр «Янтарь» — на первой же странице! — а в «Понедельнике…» программист Привалов приезжает на машине, проходит проверку и получает другую машину — электронную. «Электром» греки называли янтарь, и знаменит он был «магической» способностью притягивать легкие предметы. (Фалес Милетский, например, писал про одушевленность янтаря).

Кого же притягивают янтариновые объекты Стругацких? Самих Странников, забывших себя: наш мир для них — увлекательнейшее кино, от которого невероятно трудно оторваться. Именно поэтому любимую девушку первенца Инкубатора зовут Майя (магическая сила, персонифицированная как богиня иллюзий) и она носит янтарное ожерелье!

Приступая к незнакомому шифру, первым делом обращают внимание на повторяющиеся элементы. Сравните «Жука в муравейнике» с «Понедельником…»: Инкубатор (заменитель курицы) хранится в музее, а программиста Привалова поселили в избу на куриных ногах — музей НИИЧАВО. Значит, огромная янтариновая чаша, оставленная Странниками — некое устройство, создающее оптимальные условия для созревания «золотых мальков Золотой Рыбки». Оно находит, притягивает и учит. Булгаков подтверждает нашу догадку: «Приятно думать, что под этой крышей скрывается и вызревает целая бездна талантов». Дата находки «Инкубатора» выдает истинную природу «янтаринового» потомства: 25 декабря — католическое Рождество. Кроме того, «подкидышей» сразу же помещают в ясли, — как новорожденного Иисуса! Янтариновое хранилище генетической информации («чаша с кровью»!), дата и ясли — недвусмысленные намеки на истинную природу и цели той силы, которая притягивает к себе «филиусов» и приводит их в чувство. Еще одна любопытная подробность появляется в следующей повести этого цикла — «Волны гасят ветер» — там, где один из Странников предстает перед начальником космической экспедиции: «Впоследствии он рассказал, что на четырнадцатый день этого его безумного бытия к нему явился некто в белом и

объявил, что он, командир, с честью прошел первый тур испытаний и принят кандидатом в сообщество Странников».

«Идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков», — сказал Иисус ученикам. Не этим ли промыслом занимался «красный барон»? «Некто в белом» появляется на Тиссе, и в скобках Стругацкие уточняют — «не на реке Тисе». (По документам Бартини родился в Каниже-на-Тисе). А тайна Странников окончательно раскрывается 14 мая — в день рождения Бартини!

27. «ТОЛЬКО УЙТИ ТУДА…»

Бартини вышел на свободу весной сорок седьмого. Мы предположили, что он извлек из казанского тайника часть пергаментов и переправил их на берега Мертвого моря, — чтобы напомнить «филиусам» дорогу назад. Но подсказку могли понять и Консерваторы. В 1952 году, когда были найдены медные свитки, ученик Фулканелли Э.Канселье объявил, что недавно встречал Адепта в Париже. Бартини поступил в точности наоборот, — неожиданно для родных и друзей он переехал в Новосибирск. Там барон начал писать «Цепь». Первые слова этой рукописи свидетельствуют о грозящей автору опасности: «Наступил год 2952 — может быть, последний год моей жизни». В рукописи видно, что первая двойка переправлена с единицы.

Три раза Бартини уезжает из столицы и возвращается снова. Значит, петроградский «Диск», дом Волошина в Коктебеле, балаклавский маяк, Кривоарбатский переулок и Барвиха были лишь вестибюлями истинного «вокзала». Это место должно быть зашифровано с особой тщательностью.

Читатели старшего поколения хорошо помнят научно-фантастический роман Юрия Долгушина «Генератор чудес» (1939). Он был опубликован незадолго до войны в журнале «Техника-молодежи», а в 1958 году издан отдельной книгой — под названием «ГЧ» и с предисловием И.Ефремова. В романе Долгушина рассказывается об изобретении аппарата, усиливающего излучение мозга. Первоначально аппарат создавался для превращения одного металла в другой (алхимия!), но затем направление поиска изменилось. С помощью этого прибора профессор Ридан и его ученик Тунгусов проделывают многие чудеса, приписываемые древним магам — воскрешение из мертвых, телепатию и управление человеческими массами.

Кто же послужил прототипом профессора Ридана — современного алхимика? В главе «От автора» сообщается, что в профессоре Ридане отразились черты нескольких реальных людей, а его ученик Николай Тунгусов списан с Николая Афанасьевича Байкузова. Обычному читателю такие сведения не нужны, но они необходимы дешифровщику: инженер-радист Н.А.Байкузов был другом и учеником Бартини. В конце тридцать седьмого года он готовился к кругосветному перелету на «Сталь-7». После ареста конструктора экипаж спас прекрасную машину, настояв на продолжении испытаний. Далее цитируем историка авиации В.Шаврова: «После ряда испытательных полетов „Сталь-7“, проведенных летчиками Н.П.Шебановым, В.А.Матвеевым с участием инженера-радиста Н.А.Байкузова, были совершены беспосадочные полеты 28 августа 1938 г. по маршруту Москва — Симферополь — Москва». Словом, мы не очень удивились, обнаружив Юрия Долгушина в списке «Атона».

В сюжет романа вплетены все известные нам сигнальные слова — «диск», «маяк», «грибы», «алхимия», «шифр». Появляется и стальная амфибия: до сего дня единственной такой машиной остается бартиниевский «ДАР». Профессор, воскрешающий свою дочь — это явный намек на Иисуса, вернувшего к жизни Лазаря, дочь Иаира и сына наинской вдовы.

Первым из учеников Иисуса был Апостол Петр. «Петрос» — «камень», а фамилия ридановского ученика напоминает о небесном камне, упавшем на Землю. Деревня, в которой родился Тунгусов, была затоплена Московским морем. Там, где он пас коров, вырыли канал — «величайший из водных путей, созданных человеком». Очевидно, автор указывает на местность, расположенную к северу от столицы, — неподалеку от устья канала Москва-Волга и нынешней Дубны. В Москву пастушок добирался несколько дней — шел по «по изрытому временем шоссе», держа направление «на полдень». Взгляните на карту Подмосковья: это может быть только Дмитровское шоссе.

Нашу догадку подтверждает эпилог «Лезвия бритвы» — романа, рассказывающего о поиске таинственного камня. На протяжении целой страницы героиня вспоминает эпизод, совершенно не связанный с сюжетом: поздним вечером она вышла за околицу какой-то подмосковной деревни и «шла навстречу звездам». Автор дает четкие ориентиры — «из-за леса поднимался серп месяца», а «слева от меня медленно угасала бледная поздняя заря». Следовательно, она идет на север. Затем девушка садится на камень (!), и Ефремов снова уточняет направление: «Убегающая в темную даль дорога и непроглядный лес становились преддверием ожидающей меня тайны. Только уйти туда. и идти долго, правее зари и левее луны…».

На загадочную местность у реки Дубны намекает и Булгаков: «Маргарита увидела широкую дубовую кровать со смятыми и скомканными грязными простынями и подушкою. Перед кроватью стоял дубовый на резных ножках стол…». Именно за этим столом Воланд играл в шахматы. Но: «Был еще один стол с какой-то золотой чашей…».

Почти половина романа посвящена испытанию Маргариты. Все начинается со сна, в котором она видит мастера, и он «манит се рукой, зовет» в какую-то ужасно нехорошую местность. Между тем, в ранних вариантах это место выглядит совершенно иначе: теплое море (неподалеку от Москвы!), чудесный песчаный пляж. уютные домики и уже упомянутые летающие лодки, которые в следующей главе названы просто аэропланами. А в рукописи 1933 года они сделаны из… дубовой коры! Позже в этой главе появился второй сон, где все происходит «далеко в деревне в глуши», и мастер манит свою возлюбленную в «странное темного дуба помещение». В тексте имелась и целая «группа дубков» — там, где прилетевшая на щетке Маргарита купается в реке.

В редакции тридцать седьмого года местность резко переменилась. Исчезли также летающие лодки и «темного дуба помещение», «группа дубков» была заменена на вербы. Но кое-что есть и в каноническом тексте — например, мимолетная столовая критика Лавровича, обшитая дубом. К тому же Лаврович ушел на реку: река и дуб!

А зачем автору понадобился свист Коровьева? Для того, чтобы в последней главе можно было вставить слова «дубовое дерево» и «речной трамвай»! В окончательном варианте романа Булгаков трижды повторяет, что таинственная клиника Стравинского расположена на берегу реки, — но какой? Перечитав главу «Шизофрения, как и было сказано», мы обнаружили второй слой шифра: получается, что Ивана везли совсем не в Барвиху, а строго на север — по Дмитровскому шоссе, к… Иваньковскому водохранилищу! Есть и намек на Дмитлаг, располагавшийся поблизости от устья Дубны: «какие-то заборы с караульными будками». Только здесь и могла быть «земля, исполосованная каналами», которую видел Рюхин, возвращаясь в Москву.

Обратите внимание на полное имя «великого комбинатора» — Остап-Сулейман-Берта-Мария. А в самом начале «Двенадцати стульев» воробьяниновской теще снится «девушка Мари». Дева Мария? Между тем, в Дубне есть церковь Похвалы Пресвятой Богородице. Она построена на Ратминской стрелке — узком полуострове между Волгой и устьем Дубны. Бендер и Воробьяни-нов отправляются в плавание по великой реке (гл. «Волшебная ночь на Волге»). А в начале своей автобиографической киноповести Бартини пишет о далеком предке по имени Ра-Мег, жившем на берегу какой-то реки. «Мег» — «большой», Ра — древнее имя Волги. «Большая Волга» — пристань возле Дубны!

28. ГОРОД N

В аллегорическом романе В. Набокова «Приглашение на казнь» (1935) реальность оказывается декорацией, и герой уходит из этого мира к «существам, подобным ему». Инициация. Обратите внимание на старика с удочкой, пришедшего поглазеть на казнь («Мнимый сумасшедший, старичок из евреев, вот уже много лет удивший несуществующую рыбу в безводной реке»), а также на позу, которую принял Циннннат: он лег на плаху, «раскинув руки». «Распятие в качестве наживки»?

Герой Набокова резко отличается от окружающих, но пытается это скрыть. Он читает древние манускрипты и делает куклы, изображающие великих русских писателей XIX века:

«…тут был и маленький волосатый Пушкин в бекеше, и похожий на крысу Гоголь, и старичок Толстой…». Затем героя переводят в детский сад — «учителем разряда Ф». Школа Фулканелли? Можно предположить также, что в куклах-писателях страстный энтомолог Набоков зашифровал превращение куколки в бабочку — известную аллегорию преображения человека в сверхсущество. Не случайно в камеру Циннинната вносят огромную бабочку, а его палач м-сье Пьер после казни становится маленький, «как личинка». Пьер — Петр — «камень». Таким образом, тюремная камера символизирует алхимическое Яйцо, «фурнус секретус» — «тайную печь», в которой вызревает Философский Камень. Другое название — атанор. Во многих древних трактатах «тайная печь» изображалась как сосуд сложной формы, увенчанный птичьими крыльями. А что мы видим в камере Цинцнннната? Огромный желудь, похожий на яйцо и пергамент с древним гербом города — «доменная печь с крыльями»!

В «Приглашении…» персонажи говорят по-русски, — автор повторяет это несколько раз. Там есть любопытный эпизод: герой читает древние книги в плавучей библиотеке, пришвартованной к берегу реки, рядом с мавзолеем Спящего. Затем реку соединяют каналом с другой рекой. Мавзолей, река и канал. В том году, когда писалось «Приглашение…», эти слова могли относиться только к Москве и ее окрестностям.

В тюрьме Цннциннат читает «современный роман» про дуб, растущий у реки. «Роман был биографией дуба. Там, где Цинциннат остановился, дубу шел третий век; простой расчет подсказывал, что к концу книги он достигнет, по крайней мере, возраста шестисотлетнего». И далее: «…автор чередой разворачивал все те исторические события — или тени событий, — коих дуб мог быть свидетелем». Вот последняя из этих «теней событий»: Вечный Жид и два его спутника пьют вино из фляжек. Сравните: перед казнью Цинциннат не пожелал выпить стакан вина, по палач воскликнул, что «чаша долготерпения выпита». Тайное значение имеет и описание плахи — «гладкая дубовая колода», — а также темно-красный цвет эшафота, с которого герой уходит к «существам подобным ему».

Дубна и Грааль?

«Что это за лужа? — подумал Ипполит Матвеевич. — Да, да, кровь… Товарищ Бендер скончался». А вот как начинается первый роман дилогии: «В уездном городе N…». Такое обозначение выделяет город из длинного ряда населенных пунктов, упомянутых Ильфом и Петровым — таких, как Старгород (Новгород?), Москва или Тифлис. Допустим, что N — это норд, север. Тогда «уездный город N» может обозначать местность, расположенную к северу от Москвы.

Первая глава называется «Безенчук и „Нимфы“». В третьем абзаце читаем: «По левую руку за волнистыми зеленоватыми стеклами серебрились гробы похоронного бюро „Нимфа“. Справа, за маленькими, с обвалившейся замазкой, окнами угрюмо возлежали дубовые пыльные и скучные гробы гробовых дел мастера Безенчука». Гробы, заметим — дубовые, а нимфы — это божества рек и источников (ср.: у Стругацких в «Понедельнике…» русалка сидит на дубе!). Река Дубна?

Обратите внимание на фамилию гробовщика: в конце 20-х годов нынешний поселок Безенчук был маленькой железнодорожной станцией. А во что превратилось сокровище двенадцатого стула? В железнодорожный клуб… «Железнодорожный» гробовщик говорит: "…Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дал. Так про них и говорят: «А наш-то, слышали, дуба дал».

Откройте шестнадцатую главу, в которой на полстраницы раскинулось лирическое отступление о московских вокзалах. О самом маленьком из них — Савеловском — написано намного больше, чем об остальных: «Самое незначительное количество людей прибывает в Москву через Савеловский. Это — башмачники из Талдома, жители города Дмитрова, рабочие Яхромской мануфактуры или унылый дачник, живущий зимой и летом на станции Хлебникове. Ехать здесь в Москву недолго. Самое большое расстояние по этой линии — сто тридцать верст». Действительно: в те годы линия заканчивалась станцией Савелово Тверской губернии — на нравом берегу Волги, неподалеку от устья Дубны. «Против ихнего глазету ни одна фирма, даже в самой Твери, выстоять не могла…», — говорит гробовщик.

Дубна впадает в Волгу в ста двадцати восьми километрах к северу от столицы. В сказке А.Ярославцева (А.Стругацкого) «Экспедиция в преисподнюю» некие могущественные

существа украли сорок километров лесистой местности вдоль шоссе — начиная со 120 километра! Пропал и дедушка героини — «бывший кок Северного подводного флота» (север!), а приключения начинаются в древней избушке, под огромным дубом. (Именно в этой сказке мы обнаружили модель многомерной Вселенной — миры, вложенные один в другой наподобие матрешки).

А когда созревает идея о путешествии на север в «Старике Хоттабыче»? В тот момент, когда джинн сидел «в тени могучего дуба»!.. Вспомним и «Золотую Железку» В.Аксенова: город физиков располагается на дне котловины, имеющей форму чаши. Святой Грааль зашифрован здесь в виде воронки, которую оставил потерпевший катастрофу инопланетный звездолет. Как и легендарная чаша с кровью Спасителя, это место само выбирает своих хранителей.

Странный «грибник» Мемозов испытывает учеников «сном особого свойства». В тексте много раз повторяются слова «тоннель» и «микрокосмос», появляется старый алхимик, мелькает башня Сююмбике («казанский след»!), а один из героев в отпуске исследовал подводный вулкан. Упомянут и дубовый стол в кабинете директора Научного центра: по научной специализации видно, что аксеновские «Пихты» — псевдоним подмосковной Дубны. Тем не менее автор старательно путает следы: герои долго летят из Москвы в Зимоярск, а затем едут в Пихты на автомобиле. С той же целью упоминаются другие «города науки» — новосибирский Академгородок, Обнинск и даже Дубна. Так сказать, алиби… Но неспроста в повести появляется шофер Телескопов. Он уже известен читателям по «Затоваренной бочкотаре», и там ему отведено более важное место. Сказано, что Телескопов и раньше здесь работал — на каком-то сверхважном производстве, в «лабораторных цехах». По целому ряду признаков можно определить, что герои «Бочкотары» путешествуют по Верхневолжью. Они проезжают, к примеру, город Мышкин — это километров двести к северо-востоку от Дубны.

А где происходят события, описанные в повести «Понедельник начинается в субботу»? Герой берет напрокат «Москвич» и едет отдыхать, но благодаря двум охотникам («ловцы человеков») оказывается в Научно-исследовательском институте чародейства и волшебства. Институт находится где-то на севере, в маленьком городке Соловце, у реки Соловы. Все понятно: подмосковная Дубна — у реки Дубны, в месте ее слияния с Волгой! Про истинное местонахождение НИИЧАВО можно догадаться и по наличию волшебного дуба, в ветвях которого обитает русалка. Дуб и река. В маленькой первой главе слово «дуб» употреблено целых десять раз, во второй главе — двенадцать, в пятой встречается слово «дубина», затем следует доцент Дубино-Княжицкий и совершенно эпизодический Неунывай-Дубино. А платок сотрудницы института Н.К.Горыныч украшен «Атомиумом» — атомным ядром в оплетке из электронов, символом Брюссельской всемирной выставки 1958 года. Он же — герб Дубны. Нельзя не вспомнить и про знаменитый Соловецкий монастырь — самый северный форпост христианского мира.

Что же погнало героя в «северную» глушь? И насколько случайной была встреча молодого программиста с двумя «ловцами»? Програм-мист. Мист — ученик, проходящий Мистерию — посвящение в тайное учение о происхождении мира и человека. Учитель, соответственно — мистагог… Подобно О.Бендеру, мист устроил «автопробег по бездорожью» на прокатном автомобиле. Вспомните слова из песни, которую поет гриновский Друд: «тот путь без дороги…».

Продолжим сравнение Стругацких с Ильфом и Петровым: химическая лжеартель «Реванш» «рифмуется» с «большим письмом рабочих химического завода», которое программист читает в газете «Правда». Не связана ли эта «большая химическая работа» («Великое Делание») с его будущей работой в НИИЧАВО — на электронной машине «Алдан-3»? Но ЭВМ с таким названием никогда не было, и об этом зачем-то сказано в послесловии. Зато есть река Алдан, протекающая по золотоносной территории. «Алдан» — по-тюркски «золото»: не указывают ли Стругацкие на особые свойства местности, по которой течет река Солова (Дубна)? Или это свойства самой «электронной» реки?..

По прибытии на место новичка подвергают целой серии тестов. Первым делом ему показывают общеизвестного кота («…Пойдет направо — песнь заводит, налево — сказки говорит»), страдающего провалами в памяти. Ясно: кандидат должен вспомнить то, что хорошо

знал в прежней жизни. Привалов видит разные предметы — неразменный пятак, книгу-оборотень, говорящее зеркало, какой-то странный цилиндр, требующий «основательного знания электронной алхимии» и, наконец, — музейный стенд «Развитие идеи философского камня». А в предпоследней главе загадочный попугай кричит ему: «Рубидий! Рубидий!» Очевидно, это «рубедо» — красная (завершающая) стадия Великого Делания.

Первая часть «Понедельника…» заканчивается символическим бегством из внешнего мира, причем одновременно с Приваловым из дверей выбегает большой черный козел и удирает в противоположную сторону. Сепарация агнцев и козлищ. Чем кончается эта веселая повесть? Директор НИИЧАВО — «маг-иерофант» — самолично посвящает кандидата в тайну ветвящейся Вселенной: «…не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них».

«Фактов всегда достаточно — не хватает фантазии», — этим эпиграфом Стругацкие предваряют последнюю главу. И подпись: «Д. Блохинцев». В то время — директор Объединенного института ядерных исследований в Дубне…

29. «ВОЛГА-ВОЛГА»

Ессеи ходили в белых одеждах. Так же выглядят «два мужа», дежурившие в опустевшем Гробе Господнем. В белом кафтане появляется Хоттабыч, программист Привалов ходит в белой куртке, одет в белое таинственный Саул из «Попытки к бегству». Странник О.Бендер, (называющий себя также пилигримом и паломником), мечтает попасть туда, где все ходят в белых штанах. Белые штаны, купленные у рыцаря-паломника в Палестине, носит Вечный Жид. Об этом рассказывает Остап, а в его саквояже — белый халат врача. На Тиссе «некто в белом» называет себя Странником. В «Обитаемом острове» Странником зовут земного резидента Рудольфа Сикорски, ставшего одним из соправителей Страны Отцов. «Странник» по-латински — «vagus». Вспомните и фамилию человека, якобы рассказавшего о «невидимом самолете»: Вагуль. Артур Вагуль — и король Артур, хранитель Грааля!..

Невидимый король?

Возможно, Святой Грааль связан с какой-то местностью: неспроста средневековые рыцари искали не сам Грааль, а легендарный замок, в котором хранился волшебный сосуд. По-видимому, это особое свойство места, благоприятное для проверки и инициации «филиусов», — как дверной проем благоприятен для того, кто хочет оказаться по ту сторону стены. Или как в шахматах: есть линия, дойдя до которой пешка становится ферзем. Стругацкие называют это Инкубатором и дают понять, что он обладает таинственной силой лишь при соединении с другой вещью — Детонатором.

Можно догадаться, что этот предмет был доставлен не позднее тридцать седьмого года, и некоторые люди внезапно потеряли покой. Сами того не понимая, они изобретали замысловатые предлоги и целые комбинации, чтобы появиться в том месте, где Дубна впадает в Волгу. Выявлять их не составляло большого труда — достаточно было обычных контрразведывательных мероприятий, проводящихся в окрестностях любого режимного объекта. В тридцать четвертом году неподалеку от этого места создали Дмитлаг. Семь тысяч заключенных (в большинстве своем — из интеллигенции и раскулаченных крестьян) проходили «трудовую перековку» на строительстве канала Москва-Волга.

В 1937 году специалисты Наркомтяжпрома стали искать площадку для авиазавода №30. Завод должен был выпускать американские гидросамолеты. Именно Бартини предложил место на берегу Московского моря (ныне — Иваньковское водохранилище), напротив устья реки Дубна и входа в канал Москва-Волга. Там же построили пристань Большая Волга и одноименный поселок речников. Об этом Казневскому рассказал тогдашний заместитель Бартини — И.Берлин. Многолюдная стройка могла служить ментальной завесой Святому Граалю и Гробу Господню. А весной сорок седьмого года неподалеку от авиазавода были заложены коттеджи и лаборатории будущего международного ядерного центра.

«Городом сосредоточенности» назвал Дубну Даниил Гранин. Верхневолжский «атомград» стал настоящей Меккой физиков и лириков: сюда приезжали крупнейшие ученые мира, знаменитые писатели, артисты, поэты и музыканты. «Советской Александрии» посвящали

восторженные газетные репортажи и стихи, снимали фильмы. Всем памятны, к примеру, «Девять дней одного года», а любители поэзии непременно назовут поэму А.Вознесенского «Оза».

С конца 50-х годов в Дубну зачастил Бартини. Там же, в Объединенном институте ядерных исследований, работал академик Бруно Понтекорво — выдающийся итальянский физик, переправленный в Советский Союз в 1950 году. Именно он рекомендовал к публикации бартиниевскую статью о константах шестимерного Мира.

…В 1936 году на экраны вышел фильм режиссера Григория Александрова «Цирк», в котором Любовь Орлову выстреливают «на Луну» из огромной американской пушки. Следующую комедию Александров снял через два года — это знаменитая «Волга-Волга», любимый фильм Сталина. От приближенных не укрылось то особенное выражение лица, с которым Хозяин смотрел кадры, снятые на подходе к шлюзам канала: от пристани Большая Волга отчаливает новый теплоход «Иосиф Сталин», а затем разворачивается картина какой-то стройки. Завод гидросамолетов? Видимо, для того, чтобы у зрителя не оставалось никаких сомнений, показана панорама Иваньковского водохранилища и даже выруливающий на взлет американский гидросамолет. А в заключительной сцене самодеятельные артисты получают роскошный кубок.

Ясный намек на Грааль читается и в «Золотом ключике»: дубовый человечек узнает тайну, сидя в кувшине из-под вина. Кроме того, Алексей Толстой придумал очень многозначительное название для кукольного театра — «Молния»: золотой зигзаг молнии был вышит на занавесе театра, обнаруженного за «дверцей из потемневшего дуба». В «Мастере…» многочисленные телеграммы-"молнии" получает и отправляет Римский — финдиректор Варьете. А с чего начинается «Волга-Волга»? Девушка-почтальон, сочинившая «Песню о Волге», несет «молнию» и застревает на середине какой-то небольшой реки. «Я приду, подобно молнии…», — обещал Иисус своим ученикам. Девушку зовут Стрелка, — это напоминает о Ратминской стрелке и о церкви, посвященной Деве Марии.

30. «ИГРА ВО ИМЯ ВЕЛИЧАЙШИХ ЦЕЛЕЙ»

Вернемся к янтарину — материалу загадочных Странников. В статье И.Вишнякова, послужившей отправной точкой нашего поиска, указано время испытаний «невидимого самолета» — поздняя осень 1937-го. В повести «Жук в муравейнике» янтарино-вую чашу с Инкубатором и Детонатором нашли (и тем самым включили!) на далекой планете, в «37-м году». По сюжету можно догадаться, что действие происходит в XXII веке, но подсказка скрыта в индексе светила планетной системы: ЕН 9173.

1937-й?

Очевидно, в тридцать седьмом году начался интенсивный поиск «филиусов». «Детонатор» соединился с «Инкубатором», и «жуки» поспешили на зов. Именно тогда у Булгакова произошел качественный скачок, и роман «Мастер и Маргарита» обрел свой окончательный вид. Объяснение мы найдем в повести «Волны гасят ветер»:

«…Поиск, выделение и подготовка к приобщению созревших индивидов не могут не сопровождаться явлениями и событиями, доступными внимательному наблюдателю. Можно ожидать, например, возникновения массовых фобий, новых учений мессианского толка, появления людей с необычными способностями, необъяснимых исчезновений людей…» («Волны гасят ветер»).

Побочным эффектом излучения был психоз 1937-1938 годов, названный впоследствии «периодом массовых репрессий»: московские процессы, вакханалия арестов, многотысячные шабаши на площадях, требующие «сорвать маски», «раздавить гадину», «разбить собачьи головы шпионам и наймитам»… У людей подавлялся антисуггестивный центр, и они свято верили всему, что читали или слышали. А какие восторженные оды посылали в свои издания московские корреспонденты западных газет — эти буржуазные «гиены пера и шакалы ротационных машин»! Какие проникновенные слова находили литераторы, очарованные социалистической действительностью! Уехав на родину, они писали совсем другое, — и тогда советская пресса дружно обижалась.

Еще одна подсказка ждет нас в «Обитаемом острове»: психотронное излучение вызывает у населения Страны Отцов регулярные приступы энтузиазма. «Физиологический механизм воздействия известен не был, но суть этого воздействия сводилась к тому, что мозг облучаемого терял способность к критическому анализу действительности. Человек мыслящий превращался в человека верующего, причем верующего исступленно, фанатически, вопреки бьющей в глаза реальности».

Редчайшее исключение составляли «выродки» — люди, не испытывавшие ничего, кроме ужасной боли. «Выродков было сравнительно мало, что-то около одного процента, но они были единственными бодрствующими людьми в этом царстве сомнамбул. Только они сохраняли способность трезво оценивать обстановку, воспринимать мир как он есть, воздействовать на мир, изменять его, управлять им». Этих «мутантов» отлавливали и изолировали, но парадокс состоял в том, что «выродками» были сами правители страны!

В романе «Град обреченный» некий сверхмогущественный Наставник подвергает своего ученика страшному испытанию: в его видении появляется Сталин и на шахматной доске моделирует ситуацию тридцать седьмого года. Ученик не выдерживает первого экзамена на «управдома»: «Не хочу, подумал Андрей. Не хочу я этой игры. Может быть, так все и должно быть, без этой игры и нельзя. Может быть. Даже наверняка. Но я не могу…. Не умею. И учиться даже не хочу…». И далее: «Великая игра, благороднейшая из игр, игра во имя величайших целей, которые когда-либо ставило перед собой человечество, но играть в нее дольше Андрей не мог».

Чью же роль пытался сыграть ученик? Лакированный козырек фуражки упорно налезал ему на глаза: не намекают ли Стругацкие на историческое лицо, противостоявшее Сталину и носившее фуражку именно таким образом? (Справка: А.Гитлер упоминается в восьми произведениях Стругацких). Этот учебный сон герою показывают в «Красном Здании». Здесь присутствуют и другие важные детали: Андрей Воронин открывает «дубовую дверь», проходит за «дубовый барьер», пьет вино и видит кровь. Когда все кончилось, ученик очнулся возле цементной чаши.

31. «ПОКА ЕСТЬ ОГОНЬ ПОД КОТЕЛКОМ»

Мы уже отмечали, что в легендах о Святом Граале можно различить две главные версии — французскую и английскую. Если существует две Чаши, и одна из них оказалась в России, то след второй нужно искать в США: именно эти страны вышли в финал лунной гонки. А «Детонатор» — один… Не потому ли Бартини готовил пассажирский «Сталь-7» к кругосветному перелету?

Вероятно, противник запеленговал появление «Детонатора» вблизи Москвы. Это произошло раньше, чем рассчитывал Бартини, и подготовить «семерку» он не успел. Предвидя удар, «первосвященник» перевозит «Детонатор» во Францию, распускает учеников и пишет донос на самого себя: тюрьма — самое безопасное место в СССР. Тем временем источник таинственного излучения перемещается дальше — в западное полушарие.

Можно предположить, что груз переплыл Атлантику на пароходе. Сопровождать его мог граф Антуан де Сент-Экзюпери — потомок рыцарей Грааля. В середине января 1938 года, когда Бартини уже находился в Бутырской тюрьме, Сент-Экзюпери плыл на пароходе в США. А 30 октября массовая паника охватила штат Нью-Джерси: люди приняли радиоинсценировку «Войны миров» за репортаж с места события. Даже когда все разъяснилось, десятки тысяч беженцев готовы были подтвердить под присягой, что своими глазами видели полчища треножников и слышали артиллерийскую канонаду. Многие люди в разных странах задумались над тайным смыслом происшествия. Некоторые поняли: мировая война!..

(«Нам кажется, что мы движемся, от нас что-то зависит, а на самом деле мы можем бурлить, шипеть, испаряться и испытывать иллюзию свободы, пока есть огонь под котелком. А изменить ничего не можем. Вернее, наличие или отсутствие огня от нас не зависит». Из интервью с Б.Стругацким в газете «Ком-мерсантъ»,20. 03.1999).

Не убедили ли мы сами себя? Получается, что любой случай массовой фобии можно объяснить перемещением загадочного «Детонатора» — «огня под котелком». Но возьмем, к

примеру, знаменитую панику на нью-йоркской бирже, ставшую началом Великой Депрессии 1929 года: при чем здесь Бартини?

Во-первых, подобную ситуацию описывал А.Толстой — в «Союзе пяти» (1925) и в «Гиперболоиде инженера Гарина» (1927). В обоих «пророчествах» крах американской экономики был вызван искусственно, причем в «Союзе пяти» — при помощи ракетной бомбардировки Луны. Зашифрованная информация не должна соотноситься с внешним сюжетом повести. Не выдается ли цель за средство? Если это так, то Игнатий Руф — организатор лунной атаки — должен каким-то неявным образом соотноситься с «итальянцем» Бартини. Фамилия героя совершенно неитальянская, но так звали римского христианина, упомянутого в «Послании к римлянам» Апостола Павла. Нельзя не вспомнить ветхозаветную Руфь — прародительницу рода Давидова, — и знаменитого Игнатия Лойолу, создавшего «Общество Иисуса». Мало того: стартовая площадка располагается в кратере потухшего вулкана, а ракеты запущены 14 мая — в день рождения Бартини!

…23 октября 1929 года биржевики начали сбрасывать акции. Никаких видимых причин к тому не'было: всего за полгода до «черного четверга» министр торговли США заявил, что «страна вступает в золотой век»! Все рухнуло в одночасье: разорились миллионы вкладчиков, закрылись тысячи предприятий, за короткое время объем производства в США снизился наполовину. Точно известно, что первая волна биржевой паники поднялась на северо-востоке США, а пика достигла в Нью-Йорке — вечером 29 октября 1929 года. В тот день флагманский военинженер Бартини отдыхал, слушал радио и писал рапорт об увольнении в запас из рядов Красного Флота. Позади были полгода напряженной работы по подготовке перелета Москва — Нью-Йорк. Барон руководил установкой поплавков на колесный АНТ-4 и отвечал за тихоокеанскую часть маршрута — от Хабаровска до Сиэтла. Там поплавки снова заменили на колеса.

13 октября — Сиэтл.

19 октября — Сан-Франциско.

28 октября — Детройт.

Утром 31 октября самолет «Страна Советов» подлетел к нью-йоркскому аэродрому Кертис Филд и перед посадкой сделал пару кругов над двенадцатитысячной толпой встречающих.

Великая Депрессия погнала американские компании на необозримый советский рынок. Все было дешево — товары, технологии и кредиты. По новейшим проектам строились десятки заводов, тысячи американских инженеров и техников помогали осваивать производство паровозов, комбайнов, грузовиков, авиамоторов, транспортных самолетов, подводных лодок, генераторов, револьверных станков… Если бы кризис начался годом позже, Советский Союз не успел бы создать современную промышленность и вооружить армию.

32. СЕМЕНА БАОБАБОВ

Всего через полгода после начала Великой Депрессии папа римский Пий IX — тучный старик с хищным носом и в темных очках — призвал к крестовому походу против СССР. Догадывался ли бывший префект Ватиканской библиотеки о тайной сути перемен? В энциклике «О молитве по четкам» (27 сентября 1937 г.) папа писал: «Пресвятая Дева однажды изгнала из христианских стран ужасную секту альбигойцев. Теперь мы взываем к Ней, чтобы она поставила преграду новым заблуждениям, прежде всего — коммунизму».

Именно после обнародования папской энциклики Гитлер огласил первый конкретный план продвижения на Восток — путем присоединения к Рейху Австрии и оккупации Чехословакии. Это было сделано быстро и бескровно. Но в конце 1938 года начали поступать сигналы, свидетельствующие о готовности Берлина договориться с Москвой. Летом тридцать девятого между двумя странами произошло резкое потепление отношений. Тем непонятнее выглядит внезапное решение Гитлера о разработке «плана Барбароссы», принятое в разгар подготовки вторжения на Британские острова.

Фюрер сломил молчаливое сопротивление военных и дипломатов, убедил промышленников, и в декабре 1940 года появилась директива № 21, ставящая целью летнего

наступления захват Москвы и выход к Волге. Но даже в начале 1941 года немецкие военачальники испытывали сильнейшие сомнения. «Война с Россией — бессмысленная затея, которая не может иметь счастливого конца», — заявил генерал-фельдмаршал фон Рунштедт. 28 января начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф.Гальдер писал в своем дневнике: «Смысл кампании неясен. Англию мы этим нисколько не затрагиваем. Наша экономическая база от этого нисколько не улучшится. Если мы будем скованы в России, то положение станет еще более тяжелым. Рискованность операции „Барбаросса“».

Англия была спасена, — не потому ли, что «Детонатор» снова вернулся в Дубну?

Предположим, что Гитлер услышал невнятный «зов крови» и привел под Москву бронированные орды. Ненависть — вывернутая наизнанку любовь. Даже на фоне общей авантюрности восточных планов бросается в глаза маниакальное желание фюрера затопить русскую столицу. Это архисложное и во многом проблематичное гидротехническое мероприятие можно было выполнить лишь переброской вод из Иваньковского водохранилища — по каналу Москва-Волга.

Ненависть к «будильнику»…

«Я никогда не уйду с Волги!!!» — яростно кричал Гитлер в ответ на предложение начальника генштаба отвести стотысячную армию Паулюса от Сталинграда. Такую же ошибку он совершил месяцем раньше, не дав рвущемуся в Палестину корпусу Роммеля отступить на более выгодные позиции.

(Иерусалим и Москва — как у Булгакова! А чем известен германский император Фридрих I Барбаросса? Он был одним из трех монархов, возглавивших 3-й Крестовый поход — крайне неудачный).

«Вы никогда не будете знать, о чем я думаю на самом деле», — сказал он однажды своим товарищам по партии. В растерянности остаются и те немногие историки, которые попытались честно и непредвзято разобраться в судьбе неудачливого живописца, создавшего «Тысячелетний Рейх». «Чем больше узнаешь о нем, тем больше возникает вопросов», — заметил англичанин Алан Буллок, автор одной из пятидесяти тысяч серьезных работ, посвященных Гитлеру. Но в этой «гитлериане» можно обнаружить очень любопытные факты. Известно, к примеру, что в молодости Гитлер прочитал множество книг о Граале и пришел к очень своеобразному выводу: «…испытания, связанные с поиском Грааля и предназначенные для пробуждения латентных возможностей человека с чистой кровью, не имели ничего общего с христианством».

В 1930 году родословную вождя национал-социализма изучал юрист Ганс Франк — по поручению самого Гитлера. Он-то и обнаружил, что отец будущего фюрера Алоизий был внебрачным сыном еврея Франкенберга, в семье которого Анна Шикльгрубер работала поварихой. Она даже получала от Франкенберга небольшое пособие, пока мальчику не исполнилось четырнадцать лет.

«Слушавший Гитлера внезапно видел появление вождя славы, — рассказывал его соратник и соперник О.Штрассер. — Словно освещалось темное окно. Господин со смешной щеточкой усов превращался в архангела… Потом архангел улетал, и оставался только усталый Гитлер с остекленевшим взором».

Все мы приспосабливаемся как можем к реалиям этого мира. «Филиусы» же, напротив — подгоняют под себя действительность, смутно ощущая свою скрытую мощь. Эту энергию можно канализировать — в искусство, например. Чаще всего они так и делают, — порождая странные миры, завораживающие своей невозможной реальностью. Нищему художнику Гитлеру этот путь перекрыли, и неконтролируемый «филиус» начал просыпаться самым катастрофическим образом, — залив кровью полмира.

Возможно, именно этим объясняется метаморфоза страшной «золушки». Сразу после мюнхенского «пивного путча» (1923) известный евгеник профессор Макс фон Грубер обследовал будущего вождя великой германской нации, яростного проповедника «чистоты расы». Вот его заключение: «Лицо и голова — низшего типа, полукровка, низкий покатый лоб, безобразный нос, маленькие глаза…». Десять лет спустя бездомный бродяга стал живым богом для одних людей, а для других — исчадием ада. Он погасил уже занимавшееся пламя гражданской войны и примирил враждебные классы. Он дал цель нации и позаботился о том,

чтобы мужчины имели работу, а женщины рождали здоровых детей и растили их сытыми и уверенными в завтрашнем дне. Но любое действие, совершаемое в нашем мире, немедленно уравновешивается: костры из книг, тотальная слежка, концлагеря и невиданная по своим масштабам и жестокости война — именно это связывается сегодня с Гитлером.

Перечитайте с холодным вниманьем «Отягощенных злом» — странный роман Стругацких, в котором Иисус вновь собирает своих учеников. За двадцать веков скитаний из жизни в жизнь Апостолы напрочь забыли все, что говорил им Учитель. Великий закон всемирного искажения изменил их до неузнаваемости, — настолько, что один из учеников Спасителя дважды называет Гитлера… «святым Адольфом»! Не сам ли он был фюрером? Уж очень подробно описано у Стругацких вымышленное полотно молодого Шикльгрубера (Гитлера): «На картине была изображена комната. Окно раскрыто. За окном угадывается утреннее солнце. В комнате имеют место: слева — развороченная постель с ненормальным количеством подушек и перин; справа — чудовищный комод с выдвинутым ящиком, на комоде — масса фарфоровых безделушек. Посередине — человек в исподнем. Он в странной позе — видимо, крадется к окну. В правой руке его, отведенной назад, к зрителю, зажата ручная граната». Картина называется «Мотоцикл под окном в воскресное утро». «Отягощенный злом» хотел бы поспать еще, но под окном уже заработал ненавистный «будильник», который не придавить никакой подушкой. Воскресенье, 22 июня?..

Неспроста Учитель (про которого сказано, что он одновременно присутствует во множестве параллельных миров!) озаботился судьбой «святого Адольфа», — приказав своему помощнику не скупясь приобретать все картины, которые нарисует художник. Не означает ли это, что в каком-то из «клонов» нашего мира Гитлер не станет Гитлером? Похожая ситуация показана и в аллегорической «Улитке на склоне»: человек по имени Перец («соль земли»!) пытается вырваться из пресного и безнадежного абсурда, который царит в Управлении по делам леса. У него заканчивается командировка, но уехать так и не удается. Последняя и самая отчаянная попытка завершается тем, что герой становится директором Управления, получает диктаторские полномочия, и первый его приказ обрекает на смерть десятки ни в чем не повинных людей. На гитлеровскую Германию намекают вещи, обнаруженные Перецем в сейфе предшественника — Железный крест с дубовыми листьями и витые погоны оберста.

«И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена… это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронижет ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки».

33. «ВСАДНИК ЗОЛОТОЕ КОПЬЕ»

Среди океана ильфопетровских стульев лишь в одном скрывается сокровище. Чтобы яснее указать на таинственную силу его пружин, писатели подменяют один предмет другим: мягкий стул с обивкой в цветочек — матрацем в цветочках. «Матрац ломает жизнь человеческую. В его обивке и пружинах таится некая сила, притягательная и до сих пор не исследованная. На призывный звон его пружин стекаются люди и вещи». И далее: «Какие чудесные сны видит человек, засыпающий на его голубой дерюге!» Неудивительно, что этому предмету почти целиком посвящена глава «Уважайте матрацы, граждане!».

«Призывный» матрац назван «альфой и омегой меблировки» (Иисус в Апокалипсисе: «Я — Альфа и Омега») и «отцом примусов». Одна из вещей, притянутых матрацем — примус «Ювель ь I». «Мне не нужна вечная игла. Я не хочу жить вечно», — ответил О.Бендер, когда ему предложили вечную иглу для примуса. А что мы видим в комнатах «алхимического» общежития? Проверьте по тексту: «…здесь были люди и примусы». «Primus» — «первый»: об игле для примуса Остап рассказывает «первочеловеку» Адаму Козлевичу!

Предположим, что Инкубатор, оставленный Странниками — это Святой Грааль, реальный или символический сосуд с кровью Иисуса, а Детонатор — Копье. Первенец Инкубатора — Лев Абалкин — погибает, когда пытается завладеть своим Детонатором. А в двух повестях Стругацких упоминается ферма «Волга-Единорог». На первый взгляд название не кажется странным: на исследовательской ферме XXII века производятся генетические эксперименты с

целью выведения новых пород скота. Но вот что писал о символике единорога Гонорий Отенский («Зерцало Таинств Церкви»): «Это животное представляет Христа, рог же — Его непобедимую силу. Он, возлегший на лоно Девы, был пойман охотниками, — то есть, обретен в человеческом образе возлюбившими Его». Еще одна легенда рассказывает о бесконечной борьбе единорога и льва. За этим поединком наблюдает и кэрролловская Алиса, оказавшаяся в Зазеркалье. Она слышит, как Единорога упрекают в том, что он снова проткнул бок Льву. «Ему нисколечко не больно!» — ответил Единорог. А в «Держателе знака» одному из героев снится сон: на поле красных маков белый единорог встречается с черной пантерой. Черный, белый и красный — стадии алхимического Делания. Но одна деталь подсказывает, что в этой шараде пантера заменяет царя зверей: на ее голове — золотая корона. Как и в других подобных книгах, здесь скрыто тайное единство двух аллегорических животных: Иисуса называли «львом из племени Иуды».

Допустим, что наша догадка верна: копье римского центуриона, пронзившее левый бок Иисуса, стало детектором «филиусов» («игла для примуса»!) и тем магическим рычагом, с помощью которого Игроки встряхивают мир. Одна и та же сила гнала Европу в крестовые походы против сарацин и еретиков-альбигойцев, вела в снега России армии Наполеона и Гитлера, собирала и рушила великие империи. Не случайно лорд-канцлер Френсис Бэкон выбрал для себя этот знак — Геркулеса с копьем, — а для сокрытия литературных опытов взял фамилию «Шекспир». В переводе с английского — «потрясающий копьем»… Об этом знал Марк Твен: его старший мастер из Коннектикута получил удар по голове от «одного молодца, которого мы прозвали Геркулесом», перенесся в прошлое и стал «пленником копья». Вспомните «Клятву Геркулеса» из «Туманности Андромеды» и то место в «Золотом теленке», где «Геркулесу» предписано переехать в помещение «Жесть и бекон». Таинственный артефакт зашифрован и у Булгакова: первый завершенный вариант романа назывался «Великий канцлер», а вторая глава — «Золотое Копье»! В окончательном тексте копье упоминается много раз, но золотое — только дважды.

«…Пилат указал вдаль направо, где в высоте пылал храм, — это я тебе говорю — Понтий Пилат, всадник Золотое Копье!»

«— Мы теперь будем всегда вместе, — говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом вставший на дороге всадника с золотым копьем…».

В «Мастере…» присутствует множество острых предметов: ножи, копья, шпаги, рапиры, шприцы, стрелы, булавки, клювы и носы. Даже борода Арчибальда Арчибальдовича — «кинжальная»!.. Невидимая игла колет в сердце Берлиоза и в висок Маргариты, Ивану делают уколы в клинике и дома (в эпилоге), ему же «кололи палец», «кололи, но не больно, чем-то в спину», «кололи в локтевом сгибе». В ранних вариантах он приколол «бумажную иконку, изображающую Иисуса», прямо к телу! «Копьем» самого Иешуа становится его голос: «Голос отвечавшего, казалось, колол Пилата в висок». Милосердное копье прекращает мучения Иешуа и двух разбойников. Тупым концом копья ударили в грудь Левия Матвея. Трость Воланда превращается в шпагу, Азазелло летит на рапире, а Маргарита — на щетке. Перед боем всадница берет ее наизготовку: «Взяв щетку под мышку, Маргарита вошла в подъезд». Она орудует щеткой, словно копьем, и разбивает дорожный знак. Действия Маргариты пародирует и странный воробей, напроказивший у профессора Кузьмина: он «с размаху будто стальным клювом клюнул в стекло фотографии». Даже гость Ивана (Воланд) — человек «с острым носом».

Среднестатистический читатель «Двенадцати стульев» вряд ли припомнит там копья. Тем не менее они упомянуты дважды и прямо связаны с выходом: из железных копий сделаны ворота, разобранные старгородским слесарем-одиночкой, а в музее мебели копья перекрещиваются на стеклянной дверце шкафа. Копье и дверь. Бендер, жаждущий получить «ключ от квартиры, где деньги лежат», вскрывает стулья перочинным ножом. А какой предмет оставил кровоподтек на спине Бендера? Точный аналог копья — стальное перо огромной сувенирной ручки, стоявшей в углу редакторского кабинета.

«Посреди стола лежала плита из гладкой меди, без всяких украшений, покрытая какими-то знаками, а перед нею — черный кинжал и синяя стеклянная чаша». Эту картину мысленно увидел скульптор-инвалид из «Эллинского секрета», а смысл ее истолковал

рассказчик с еврейской фамилией Файнциммер. Кинжал и чаша во внешнем сюжете не задействованы, но ближе к концу Ефремов снова возвращается к этим предметам:"…кинжал и чаша для яда — обычные атрибуты тысячелетиями практиковавшегося обряда посвящения. В памяти веков от него остались лишь главные вехи…". Автор дает отвлекающее объяснение: яд и кинжал обещают смерть за раскрытие тайны. Вспомним: еврейское слово «яд» — «рука».

Однорукий скульптор увидел далекое прошлое — древнюю школу мастеров, а рука — древний и повсеместный символ Учителя. Чаша — с кровью Учителя? Но был ли предмет, лежащий рядом с чашей, кинжалом или герой увидел что-то другое, очень похожее по форме и размерам?

В «Туманности Андромеды» с копьем сравнивается луч связи, направленный в созвездие Единорога. В этой же главе появляется второе копье — в руке древнего вождя. А третье скрывается под видом «памятника первым людям, вышедшим на просторы космоса»:

«Склон крутейшей горы в облаках и вихрях заканчивался звездолетом старинного типа — рыбообразной ракетой, нацелившей заостренный нос в еще недоступную высоту. Цепочка людей, поддерживая друг друга, с неимоверными усилиями карабкалась наверх, спирально обвивая подножие памятника, — летчики ракетных кораблей, физики, астрономы, биологи, смелые писатели-фантасты… Рассвет уже рдел на корпусе древнего звездолета…».

Подытожим: старинный, заостренный и рдеющий (окровавленный?) камень притягивает к себе «первых людей» и направляет их к звездам.

34. «КОПЬЕ СУДЬБЫ»

Остроносый деревянный человечек А.Толстого, протыкающий нарисованный котелок — живое копье. Затем копье соединяется с Граалем: Буратино забирается в кувшин из-под красного вина и узнает тайну двери, скрытой за нарисованным котелком. В сказке Л.Лагина тоже присутствуют два сосуда — условно говоря, «добрый» и «злой». В одном оказывается Хоттабыч, а в другом — его смертоносный братец, полетевший на Луну. Он был найден на северном архипелаге, названном в честь Франца-Иосифа — предпоследнего императора из династии Габсбургов. Об этой династии напоминают слова Воробьянинова про «регалии» мадам Петуховой и доставшийся Бендеру орден Золотого Руна: регалии этого ордена хранятся в императорском дворце Хофбург, в «Сокровищнице Габсбургов» — по соседству с витриной, в которой выставлено Святое Копье.

…Очень немногие люди могут указать момент, определивший всю их дальнейшую жизнь. Гитлер стал Гитлером в Хофбурге, в 1909 году:

"Группа остановилась точно напротив того места, где я находился, и гид показал на старый наконечник копья. Вначале я не обращал внимания на то, что рассказывал гид, считая присутствие рядом со мной этой группы всего лишь вторжением в интимное течение моих мрачных мыслей. Вот тогда-то я и услыхал слова, которые вскоре изменили мою жизнь: «С этим копьем связана легенда, согласно которой тот, кто объявит его своим и откроет его тайну, возьмет судьбу мира в свои руки…».

Судьбу мира решила христианская реликвия — Святое Копье. «В ту же секунду я понял, что наступил знаменательный момент в моей жизни, — говорил впоследствии Гитлер. — Однако я не понимал, как этот чисто христианский символ мог вызвать у меня столь сильное волнение. Долгие минуты я стоял, рассматривая копье, совершенно забыв обо всем, что происходило вокруг. Казалось, что копье хранит какую-то тайну, от меня ускользавшую, однако мною владело такое чувство, будто я знаю о ней инстинктивно, не в состоянии проанализировать ее смысл в своем сознании. Копье было чем-то вроде магического носителя откровения: оно открыло такие прозрения в идеальный мир, что человеческое воображение казалось более реальным, чем реальный материальный мир. Это было, как если бы я столетия тому назад уже держал это копье в руках, и оно дало мне все свое могущество. Как это было возможно? Что за безумие овладело моим разумом и родило бурю в моем сердце?»

Известно, что копье центуриона Гая Кассия Лонгина было найдено в 1098 году, во время первого крестового похода. Захватив Антиохию, Христово войско само попало в осаду. Когда воины съели всех лошадей и принялись за кожаную амуницию, одному из крестоносцев было

видение: двенадцать Апостолов приказали ему выкопать копье возле алтаря кафедрального собора Св. Петра. Чудесная находка так воодушевила рыцарей, что они вышли из крепости в пешем строю и наголову разбили конницу эмира Кербоги.

«Франки побили наших исключительно с помощью шайтана, который вдохнул в них свою великую силу», — писал арабский хронист. В следующем году крестоносцы штурмом взяли Иерусалим.

В Европу копье доставил французский король Людовик Святой. Древко хранится в Ватикане, а железный наконечник долгое время был собственностью многих европейских монархов. Существовал также искусно выполненный дубликат этой реликвии, — в начале двадцатого века он находился в Кракове. Во время наполеоновских войн Святое Копье досталось Габсбургам и хранилось в Вене — до 1938 года, когда Гитлер без единого выстрела захватил Австрию и реквизировал «будильник».

Летом сорок пятого копье было обнаружено среди развалин Нюрнберга — в тайнике, расположенном под Паниер-плац. По приказу генерала Эйзенхауэра его возвратили в Вену.

«В настоящее время копье находится в Зале сокровищ Хоф-бургского музея, — пишет Тревор Равенскрафт в „Копье судьбы“ („La lance du destin“, 1972). — Оно покоится на ложе из алого бархата, в кожаном ларце, на том самом месте, где его впервые увидел Гитлер в 1909 году. Зал открыт для доступа публики с 9 часов утра до 6 часов вечера ежедневно, кроме воскресенья. Вход — свободный». Этим заканчивается книга Т.Равенскрафта — бывшего узника концлагеря, ставшего учеником австрийского историка Вальтера Штайна. Еще будучи студентом, Штайн познакомился со странным субъектом, обитавшим в венской ночлежке — Адольфом Гитлером. Именно со слов Штайна Равенскрафт написал о чувствах, испытанных Гитлером при виде копья.

Владел ли фюрер подлинным «золотым ключиком»? Думаем, что нет: задолго до аншлюса в Хофбурге произошла подмена, и таинственный экспонат оказался в Советской России. Косвенным подтверждением версии о подмене может служить единственный боевой эпизод в «Красных самолетах»: в 1922 году группа Бартини якобы выследила савинковского курьера и незаметно подменила портфель с документами. Но мы уже выяснили, что Савинков не приезжал в Италию, а Бартини никогда не привлекали к акциям боевых групп.

35. «КРОВЬ-КАМЕНЬ»

Безымянный маг из книги «Ни дня без строчки» заставляет Олешу совершить «самое настоящее проникновение в материальный мир прошлого». Он проделывает это с помощью классической волшебной палочки, но на конце ее — маленькое острие. Зачем понадобилась такая странная деталь, и в какое прошлое должен проникнуть ученик?

Ответ зашифрован в романе «Зависть» (1927): склонный к галлюцинациям персонаж по фамилии Кавалеров видит во сне распятие и смерть своего учителя — изобретателя необыкновенных вещей. Свое первое изобретение — аппарат искусственных сновидений — он сделал еще в детстве, а убила его придуманная им игла — огромная, как копье. Ученик кричит: «Мое место с ним! Учитель! Я умру с вами!».

В 1943 году ученик «Атона» Евгений Шварц написал сказочную пьесу «Дракон» — о воздушном поединке странствующего рыцаря Ланцелота и огромного трехголового чудовища. Из двух десятков знаменитых рыцарей короля Артура Шварц выбрал для своего героя имя Ланцелота: французское «lance» — «копье». Перед боем рыцарь получает ковер-самолет, на котором выткан кубок с красным вином, шапку-невидимку и копье — с двумя запасными наконечниками! Прямо говорится и о предыдущих воплощениях Ланцелота: он был Св. Георгием и Персеем. Как и в прошлых жизнях, рыцарь сразился с драконом и спас девицу, предназначенную в жертву чудовищу. Очевидно, Шварц намекает на многовековую цепь инкарнаций одной личности, связанной со Святым Копьем.

Вспомните «серпасто-молоткастую» скульптуру Веры Мухиной: не сам ли кузнец изготовил серп женщины? Разгадка скрыта в словах Исайи, предсказавшего приход Иисуса: «И будет Он судить народы, и обличит многие племена, и перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы». Серп — перекованное копье? Ясно, что Мухина использовала уже

известную эмблему Советской России, но кто придумал ее в 1918 году? На этот простой вопрос не ответит ни одна энциклопедия мира. Не потому ли, что «рабоче-крестьянский» символ имеет непосредственное отношение к дебюту планетарной шахматной партии — к священной крови, пролитой на Голгофе? Именно поэтому булгаковский мастер пишет роман о Понтии Пилате, всаднике Золотое Копье. «Понт» в переводе с греческого — «море», а латинское слово «пилатус» — «копьеносец». И зачем-то много раз повторяется, что он — «сын короля-звездочета»… «Король», имя которого означает «морской копьеносец», приказал заколоть копьем Иисуса, чей знак — рыба.

Через двадцать столетий этот символический король-рыбак встречает свою тайную жену, которая после бала у Воланда делается кроткой и милосердной. Маргарите и положено быть такой — по легенде, пересказанной Вольфрамом фон Эшенбахом в средневековом романе «Парцифаль» (1200). В волшебном замке живет король-рыбак Амфортас, у которого мучительно болит нога (!), а также женщина по имени Репанс де Шой, что означает «не знающая гнева». Они — хранители Святого Грааля и загадочного копья, с острия которого постоянно стекает кровь. Молодой рыцарь Парцифаль посещает этот замок, видит эти чудесные предметы, но из ложной скромности не спрашивает о смысле увиденного. Инициация не состоялась. После долгих и опасных поисков Парцифаль снова находит замок Грааля и задает свой вопрос. Король-рыбак («ловец человеков»?) сразу выздоравливает и передает ему трон, Грааль и копье.

Роман Вольфрама фон Эшенбаха лег в основу знаменитой оперы-мистерии немецкого композитора В. Вагнера. Не случайно музыкой Вагнера начинается кинокомедия «Волга-Волга». В конце фильма герои получают кубок, и это происходит на фоне знамен, увенчанных копьеобразными наконечниками.

«Впереди чернел холм, и когда мы подошли ближе, он оказался группой человеческих мраморных фигур, сплетенных над колоссальной чашей…». Это — «Золотая цепь»: суденышко, пропахшее сушеной рыбой, благополучно причаливает, юнгу ведут в чудесный дворец, возле которого он видит чашу. Затем озябший герой пьет вино и встречает Ганувера — больного владельца роскошного дворца. Он и есть «король-рыбак»: сказано, что дворец был приобретен у некоего Траулера. А что мечтает купить Санди на заработанные деньги? Рыбачий баркас!..

Сюжет «Парцифаля» воспроизведен и в булгаковском романе: «ученик» Иван Бездомный, мечтающий написать продолжение романа мастера — новый «король-рыбак». Булгаков заставляет Ивана «ловить консультанта», а в эпилоге мы видим его «неизлечимо больным». Сравните с «Понедельником…» братьев Стругацких: будущий «ученик чародеев» ловит в колодце волшебную щуку и даже символически наследует королю — спит на необыкновенном диване, принадлежавшем императору Рудольфу II, большому знатоку алхимии.

…На памятнике Бартини высечена сверхзвуковая амфибия, очень похожая на наконечник гарпуна. А В.Казневский запомнил одну фотографию, висевшую в кабинете конструктора еще до войны: молодой Бартини бросает копье. Этот снимок видели и в его квартире, — он висел рядом с бартиниевской акварелью, изображающей человека с копьем — древнего исполина Ра-Мега, героя киноповести «Цепь». Барон пишет о том, что Ра-Мег первым изготовил «огромное копье» с бронзовым наконечником — «кровь-камнем».

Оно считалось волшебным: «Огонь воплотился в кровь-камень его копья». Сравните с красным сталактитом Стругацких («кровь-камень»!) и с «Белым доминиканцем»: роль копья у Майринка выполняет «меч из красного железа — „кровавого камня“»! Вспомните и ефремовских инопланетян: их кожа отсвечивает «кроваво-красным отблеском, какой бывает на полированном красном железняке — гематите». Прочитайте наоборот имя бартиниевского великана: «гема Р».

36. СВЯТОЙ БАССЕЙН

Бартиниевский «кровь-камень», тестирующий «филиусов», может быть неким единством Копья, Грааля и Философского Камня (Lapis Exillis). Эту догадку подтверждает и Вольфрам фон Эшенбах:

"Множество доблестных рыцарей обитает здесь, в Мунсальвеше, и я могу назвать причину, которая ими движет. Они живут ради камня самой чистой воды в мире. Если вам он неизвестен, я назову его имя. Этот камень называется Lapis Exillis.

Благодаря могуществу этого камня феникс умирает и возрождается из пепла. При этом он теряет свое оперение, с тем, чтобы затем обрести новое, такое же прекрасное и яркое. Такую же власть камень дает и человеку, позволяя ему вновь обрести молодость. Камень этот также называется Граалем.

Сегодня — день Святой Пятницы, и мы ожидаем голубку, посланную небесами. Она несет маленькую белую гостию, чтобы положить ее на камень.

Слушайте же теперь, как узнаются избранные Граалем. На каждой грани камня появляются буквы, складывающиеся в имя того или той, кто должен совершить священное путешествие, а также имя его или ее потомков. Никто не должен стирать надпись, поскольку имя исчезает тотчас после того, как оно прочитано".

Бал Воланда происходит в пятницу. Прилетевшая Маргарита — «гостья» — стоит, опираясь на аметистовую колонку, и страдает от нестерпимой боли: гостия на камне, символическая жертва. Ее возлюбленному напомнили забытое имя («А ваш роман, Пилат?»). Затем их отправили в «священное путешествие», — как было обещано в «Парцифале».

В нескольких повестях Стругацких появляется загадочная и совершенно не связанная с сюжетом научная дисциплина — «реализация абстракций Парсиваля». Она трижды упоминается в «Волнах…» — там. где ищут сверхчеловеков. Их выявляют по наличию «зубца Т» — копьеобразного скачка ментограммы. А вот какую аппаратуру земляне установили на планете Торманс («Час Быка»): «В проходе между двух деревьев устроили дополнительное поле, пропускающее только людей с определенным уровнем возбуждения зубцов К и отбрасывающее всех других». «Зубец К» — наконечник копья? Ефремовский «диссектор психосущности» находился неподалеку от столицы и тестировал тех, кто желал приобщиться к высшему знанию.

…Многие признаки говорят о том, что в послевоенные годы напряженность поля резко упала. Очевидно, «Детонатор» переместили подальше от Дубны, скорее всего — в Москву. Где же он находился? Это может подсказать «Туманность Андромеды»: на борту звездолета мы видим огромный бассейн. Через год после «Туманности…» появился новый вариант «Старика Хоттабыча», в котором ковер-самолет приземляется не в фонтан, а в «бассейн для плавания».

Откроем повесть Стругацких «Парень из преисподней» — там, где ученик (Бойцовый Кот) наблюдает за посадкой мяукающих звездолетов типа «призрак». Один из «живых звездолетов» промахнулся и угодил в плавательный бассейн возле дома — в точности как ковер-самолет Хоттабыча! Это «перевозочное средство» впервые появляется в пятом абзаце третьей главы — без всякой связи с бассейном. Но вот чем кончается предыдущий абзац: «А сегодня утром — приснилось мне, что ли? — Корней прямо из бассейна без ничего в одних плавках взмыл в небо, как птица…».

«Повесть о дружбе и недружбе» — сон школьника Андрея Т. Виртуальное испытание. Оно завершает целый ряд многозначительных невзгод, обрушившихся на простого советского школьника. «Удача кончилась три года назад, когда человеку подарили ко дню рождения лотерейный билет и он выиграл на этот билет будильник». Узнаваем и символический ряд: буква Т — распятие, герой принял на себя роль Спасителя, а экзаменатора зовуг Конь Кобылыч («перевозочное средство»). Сказано также, что Андрей Т. очень хотел бы оказаться в Грибановской (!) караулке и «рыть тоннели в снегу».

Первое испытание — дыра, открывшаяся на кухне. Она ведет в какое-то пространство, загадочным образом совмещенное с кинотеатром «Космос» (!). Затем следуют тоннель, плавательный бассейн, наполняемый горячей водой («Нет, не зря коварная судьба усгроила этот бассейн на его пути!») и «дубовые ворота», которые огкрываются, если правильно ответишь на три вопроса. Один из вопросов касался устройства гиперболоида. («Так я и не собрался узнать, что такое шамонит», — сетует испытуемыи). Но самый страшный экзамен происходит на дне гигантской железной кастрюли с низкими стенками, причем герой вооружен ржавой и мокрой шпагой.

Бассейн и"копье"?

В «Попытке к бегсгву» дается определение слова «пика»:

«Длинный деревянный шест. На конце — острый железный наконечник, часто зазубренный. Используется для протыкания насквозь ближнего своего». Герой «Улитки на склоне» видит острие, торчащее из огромного ящика и никак не мотивированное. В приемной Иисуса («Отягощенные злом») нам показывают странное кресло: «…из самой середины его сиденья совершенно открыто и нагло торчит длинный стальной шип сантиметров двадцати, да такой острый, что озноб пробегает по коже за того беднягу, которому предназначено устроиться на нем». Зачем Стругацким понадобилось это острие, и с какой целью прекрасные стилисты добавили слово «длинный» к «сантиметрам двадцати»? «Дпинный» по-латински — «longinus». Так прозвали Гая Кассия — римского легионера, который прекратил страдания Иисуса, заколов Его копьем. Позднее он уверовал в Христа.

Кто стал первым другом Каммерера в «Обитаемом острове»? Капрал по имени Гай. А где испытывают писателя Феликса Сорокина — героя «Хромой судьбы»? В новом здании с «огромным круглым залом»!.. Очень многословно описан коридор, по которому герой с «железным» именем (он же — автор романа «Железная семья») идет на встречу со своим «иерофантом»: «И не прямым был этот коридор, он шел классическим фортификационным зигзагом, причем каждый отрезок зигзага не превышал двадцати метров. Здесь все было рассчитано на тот случай, когда панцирной пехоте противника удалось сломить наше сопротивление на винтовой лестнице, и она, пехота, опрокинув старушку с ее столиком, ворвалась сюда, еще не зная, какая страшная ловушка ей здесь уготована: из отдушин под потолком на нее изливаются потоки кипящего масла, распахнувшиеся железные двери ощетиниваются копьями с иззубренными наконечниками шириной в ладонь…».

Этот отрывок может скрывать местонахождение наконечника Святого Копья. «Железный» Сорокин («панцирная пехота»!) попадает в ловушку для «филиусов». Именно в это время он заканчивает роман о писателе Баневе, который привлек внимание «мокрецов» — тайных сверхчеловеков, «хомо супер». Они живут в лепрозории, а отбор кандидатов проводят в близлежащем санатории «Теплые ключи».

(Лепрозорий — явный намек на Иисуса. В книге Фредерика Фаррара «Жизнь Иисуса Христа» говорится об ошибке в латинском переводе Библии: там утверждается, что Христос, исцеливший многих от проказы, сам был прокаженным).

И еще: «мокрецы» любят воду, и жители близлежащего городка связывают с ними непрекращающиеся дожди и туманы. Эта ситуация подозрительно напоминает жалобы москвичей, живших вблизи бассейна «Москва». Много писали о том, что от постоянной сырости страдает расположенное неподалеку книгохранилище главной российской библиотеки. Вспоминается и «Град обреченный»: инициация героев — встреча с иллюзорным «Красным Зданием» — происходит возле цементной чаши с сырым дном. В конце романа они добираются до необыкновенного плавательного бассейна, идут дальше и находят то, что искали — «огромную круглую яму, выложенную каменными плитами». А вот какая мысль была высказана на краю бассейна: «История большинства имеет конец, а вот история меньшинства закончится только вместе со Вселенной».

37. ПРИЗРАК ХРАМА

Булгаковеды не сходятся в датировке событий, описанных в «Мастере и Маргарите». Разброс очень велик — от 1929 года до 1936-го. Последняя дата исчисляется по фразе Коровьева о человеке, велевшем обрызгать ядом стены своего служебного кабинета — перед тем, как передать его преемнику. Если верить *'Судебному отчету по делу антисоветского правоцентристского блока" («Правда»* . 30 марта 1938 года), это проделал бывший наркомвнудел Генрих Ягода. Еще одна важная примета — троллейбус, на котором едет Маргарита: первая троллейбусная линия была пущена в 1934 году. Тогда же минеры НКВД взорвали храм Христа Спасителя. (В третьей редакции про Ивана сказано: «Он вышел на Остоженку и пошел к тому месту, где некогда стоял Храм Христа Спасителя»).

На месте храма был заложен фундамент Дворца Советов, спроектированного Б.Иофаном. Это сооружение походило на циклопическую подзорную трубу и должно было венчаться

80-метровой фигурой в рабочем фартуке, вздымающей звезду на палочке: «Освобожденный пролетарий». Позднее было решено установить фигуру Ильича, а в голове вождя устроить зал для заседаний Совнаркома.

(«На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя…»).

…Храм исчез из булгаковского романа. Но изменилась и «вина» Иешуа: если в ранних вариантах Пилат обвиняет его в намерении занять иудейский престол, то в каноническом тексте речь идет о… разрушении храма! Первая глава начинается у пруда, затем о прудах говорит Пилат, — но зачем?

Обратите внимание на «ванную» тему, — очень заметную и, на первый взгляд, совершенно не связанную с храмом. Она начинается с погони за Воландом (голая гражданка в ванне) и купания Ивана возле исчезнувшего храма, а заканчивается словами Алоизия Могарыча о пристроенной ванне. Перед балом Маргариту моют кровью и розовым маслом в небольшом бассейне — самоцветном, — а гости Воланда плавают в «чудовищном по размерам бассейне» с вином. Чтобы объяснить истинный смысл событий, происходящих на Земле (война на глобусе Воланда), шут Бегемот пародирует хозяина, — он выгоняет из бассейна опьяневших купальщиков («филиусы») и сам ныряет в коньячные волны.

Что же объединяет разрушенный храм Спасителя и булгаковский бассейн с вином — символический Грааль? Из-за начавшейся войны Дворец Советов так и не был воздвигнут, но в I960 году его чашеобразный котлован превратили в «чудовищный по размерам бассейн» (диаметр — 126 метров). Это было сделано по предложению бартиниевского друга Б.Иофана.

Всесоюзная купель приобрела невиданную популярность: только за первые пять лет здесь побывали десять миллионов посетителей! Многие отважно лезли на вышку, расположенную в центре бетонной чаши. А первым, кто печатно напомнил о разрушенном храме, был «дисковец» Катаев («Алмазный мой венец», 1977): «Я почти неощутимо пережил эпоху новых мостов через Москву-реку и передвижение громадных старых домов с одного места на другое, эпоху строительства первых линий метрополитена, исчезновение храма Христа Спасителя, чей золотой громадный купол, ярко блестевший на солнце, можно было разглядеть, как золотую звезду над лесом, когда до Москвы еще оставалось верст шестьдесят. Теперь вместо него плавательный бассейн с вечной шапкой теплого пара над его изумрудной водой, теплой — можно купаться даже в морозы. Но на месте плавательного бассейна я до сих пор вижу призрак храма Христа Спасителя…».

Наверное, так должно было случиться — по каким-то непостижимым планам и срокам. Не случайно герои «Аэлиты» видят грандиозные водохранилища круглой формы, называвшиеся Ро.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. «ТОГДА Я ВЕРНУСЬ»

"Алиса решила переменить тему.

— А что здесь за люди живут? — спросила она.

— Вон там, — сказал Кот и махнул правой лапой, — живет Болванчик. А там, — и он махнул левой, — Мартовский Заяц. Все равно, к кому ты пойдешь.Оба не в своем уме.

— На что же мне безумцы? — спросила Алиса.

— Ничего не поделаешь, — возразил Кот, — все мы здесь не в своем уме — и ты, и я.

— Откуда вы знаете, что я не в своем уме? — спросила Алиса.

— Конечно, не в своем, — ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась".

Л.Кэрролл, «Приключения Алисы в Стране Чудес».

1. «ЖЕСТЬ И БЕКОН»

«Я приближался к месту моего назначения». — этими словами начинается первая глава «Понедельника…». Будущий ученик магов по фамилии Привалов был встречен двумя охотниками — «ловцами человеков» — и препровожден в очень своеобразную гостиницу. Намек на знаменитую картину «Охотники на привале» и профессия ученика — программист — делает видимым симпатический текст: в человеке срабатывает тайная программа. и сам того не зная, он начинает поиск силы, которая ему поможет. В последующем Стругацкие прямо описывают этот процесс («Жук в муравейнике». «Волны гасят ветер», «Поиск предназначения»). Любопытно также, что в роли метрдотеля подразумеваемой Школы выступает хранительница волшебного дивана-транслятора: латинское слово «translatio» — «передача». а слово «диван» в переводе с древнеперсидского — «книга»'. В конце повести рассказывается о гигантской библиотеке НИИЧАВО АН СССР: «Хранилище было битком набито интереснейшими книгами на всех языках мира и истории, от языка атлантов до пиджининглиш включительно».

Четкий пунктир: атланты, Англия, Россия.

«Потом Маргарита оказалась в чудовищном по размерам бассейне, окаймленном колоннадой. Гигантский черный Нептун выбрасывал из пасти широкую розовую струю». Вино — символическая кровь: ясно, что речь идет о какой-то необычной наследственности. А в первой главе романа говорится о том, что «…еще до Иисуса родился целый ряд сынов божьих». Римский Нептун — «калька» с греческого Посейдона, повелителя морей. Сравните с «Эллинским секретом», в котором говорится о тайне наследственной памяти: молодой скульптор «вспоминает» древний рецепт размягчитсля слоновой кости, и среди прочих веществ называет «масло Посейдона». Сказано также, что это требуется «истолковать особо». Кроме того, в рассказе зачем-то упоминается «громадное кладбище» мамонтов, погибших двенадцать тысяч лет назад. И прозревшая Маргарита говорит про «двенадцать тысяч лун за одну луну когда-то». Ясно, что речь идет не о лунных месяцах, а о ежегодных «балах весеннего полнолуния», которые дает Воланд.

Если верить Платону, со времен гибели Атлантиды прошло двенадцать тысячелетий. «Некогда всю землю, отдельными участками, боги разделили между собой.., — писал Платон. — Посейдон получил в удел остров Атлантиду, и там поселил своих потомков, рожденных от смертной жены, в каком-то месте этого острова». Он разделил остров на десять царств — по числу детей. Сыновья Посейдона — пять пар близнецов — стали родоначальниками могущественной цивилизации, погибшей «в один страшный день и одну роковую ночь» по воле Зевса. Он решает наказать островитян — возгордившихся и забывших законы, — и на этом рассказ Платона обрывается. Историки предполагают, что продолжение сгорело в Александрии. Но «рукописи не горят», — утверждает «историк» Воланд, приглашенный в государственную библиотеку для знакомства с «интересными рукописями Бэкона». Вспомните «Аэлиту»: земляне — Сыны Неба — попадают в библиотеку правителя Марса и узнают об истории… Атлантиды! А.Толстой пишет, что расцвет цивилизации атлантов начинается с приходом к власти людей, называющих себя «сыновьями Аама». Потомки Адама?

Тонкая нить соединяет легендарный остров и сокровища воробьяниновского стула: поп-кладоискатель мечтает купить свечной заводик, а на афише «жреца» Бендера — «Свечи с Атлантиды». Эта афиша появляется во втором романе, где Остап «наследует» сокровища Корейко — тайного правителя учреждения, которому предлагают переехать в помещение акционерного общества «Жесть и бекон».

Бендер и Корейко — не враги и даже не соперники. Они похожи, как братья-близнецы: не случайно вторая часть романа называется «Два комбинатора». Остап — «междупланетный» гроссмейстер, странник с астролябией, а Корейко в юности грезит о сокровище, которое ждет его возле «звездного желоба» — водосточной трубы, усеянной цинковыми звездами. Еще один знак оставлен в финсчетном зале, где работает Корейко: витраж с «двумя готическими рыцарями». Они влюбляются в одну и ту же девушку, но оба «рыцаря» побеждают свою страсть. Корейко назван «смиреннейший из конторщиков», а Остап создает «Контору по заготовке рогов и копыт».

О.Бендер — «рыцарь, лишенный наследства» — наследует сокровище и… становится управдомом! А что происходит с его маленькой конторой? Она превращается в

«Гособъединение рога и копыта», — веселый намек на Союз Советских Социалистических Республик.

СССР, Бэкон и… Атлантида?

В 1961 году «прогрессивное человечество» отмечало 400-летний юбилей со дня рождения Френсиса Бэкона — «настоящего родоначальника английского материализма и всей современной экспериментальной науки» (К.Маркс). По этому поводу издательство Академии наук впервые напечатало бэконовскую «Новую Атлантиду» — произведение, которое считается итогом его жизни.

На первый взгляд перед нами обычная для того времени литературная утопия: английский корабль пристает к неведомому тихоокеанскому острову и обнаруживает там высокоразвитую цивилизацию. Остров называется Бенсалем, а всеми делами здесь заправляет «политбюро» из двенадцати человек. Бенсалемцы создали мощный флот, самую передовую военную промышленность и даже систему научно-технического шпионажа. Иноверцев в страну не пускают, а островитянам запрещено выезжать за границу — в целях сохранения государственных тайн и недопущения на остров чуждых идей. Наука стала основой политики и экономики Бенсалема, — именно поэтому большая часть бэконовского текста посвящена перечислению изобретений и научных тем, которые разрабатываются учеными: радио, телевидение, сверхглубокие шахты, сверхвысокие башни, подводные суда и даже «несколько принципов полета». А работы по превращению одних растений в другие подозрительно похожи на опыты «народного академика» Т.Лысенко. Но есть еще одна крохотная деталь — маленький красный крестик на белом головном уборе портового чиновника. Красный крест на белом — знак тамплиеров.

«Новая Атлантида» — будущий Советский Союз? Мы установили, что шифр «Атона» связывает «интересные рукописи Бэкона» с библиотекой Ивана Грозного. На гравированном портрете лорда-канцлера присутствует Библия, а в его левой руке зажат маленький квадратик бумаги. Ключ к Библии? «В свое время секретные истины будут открыты», — гласит надпись на титульном листе первого издания «Новой Атлантиды», напечатанного через год после смерти автора. В зашифрованном дневнике Ф.Бэкон сравнивает себя с Иисусом и говорит об огромной ценности спрятанных им документов. От этих манускриптов зависят судьбы мира. Мы предположили, что Бэкон переправил документы в далекую Московию, — чтобы извлечь их из тайника четыреста лет спустя. Не об этом ли рассказывает история приобщения Бенсалема к христианской вере? Через двадцать лет после воскресения Сына Божьего к острову приплыл кедровый ларец. «Он сам собою раскрылся, и в нем оказались книга и послание — и то, и другое на тонком пергаменте, обернутые в льняную ткань». Доставленная на Бенсалем книга содержала Ветхий и Новый Заветы, а также послание Апостола Варфоломея. Здесь нетрудно увидеть еще один намек на СССР: Св. Ап. Варфоломей принял мученическую смерть в Армении, а двадцать лет, прошедшие после Христа — это двадцать веков. А кто указал О.Бендеру местонахождение сокровища? Архивариус по прозвищу Варфоломеич!.. Во втором романе Остап расследует деятельность концерна, экспортирующего кедровую древесину.

Платон писал, что Атлантидой правили цари из божественного рода. «Бен-салем» в переводе с иврита — «сын мира». Точный синоним — «бен-адам». «сын человеческий»: так называл себя Иисус, подчеркивая свою человеческую природу. К тому же остров управляется «Домом Соламона», — ясный намек на род Давида. А единственной «бытовой» сценой стал «Праздник семьи» — официальное чествование отца семейства, давшего жизнь не менее тридцати потомкам. В этом ритуале есть очень многозначительный момент: среди сыновей, внуков и правнуков выбирается самый достойный — «Сын виноградной лозы» «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь». — говорил Иисус.

2. «СПАСИТЕЛЬ ЛЮБИЛ ТЕБЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДРУГИХ ЖЕНЩИН»

Любопытное совпадение: статья о «невидимом самолете» была напечатана почти одновременно с книгой Т.Равенскрафта «Копье судьбы». В том же месяце британские зрители увидели знаменитый телефильм «Пропавшее сокровище Иерусалима?» — первый из трех фильмов Би-Би-Си, посвященных зашифрованным пергаментам Ренн-ле-Шато. Они были

обнаружены в 1891 году аббатом Беранже Соньером при ремонте церкви Марии Магдалины. После этого аббат сказочно разбогател. Авторы фильма предположили, что аббат расшифровал документы и нашел клад — золото Иерусалимского храма, разграбленного римлянами в 70 году. Рассматривались и другие версии, — они вели к катарам и тамплиерам.

Нашел ли Соньер сокровища или ему платили за молчание? Стало известно, что незадолго до Первой мировой войны дом скромного деревенского священника посетили несколько высокопоставленных лиц. В их числе был эрцгерцог Иоганн Габсбургский — кузен императора Франца-Иосифа. После посещения Ренн-ле-Шато эрцгерцог положил на банковский счет Соньера очень крупную сумму. Когда новый епископ Каркассона потребовал дать отчет о происхождении богатства, Ватикан приказал оставить Соньера в покое. В январе 1917 года аббат почувствовал себя очень плохо, и к нему позвали священника из соседнего прихода. Выслушав исповедь, потрясенный кюре отказался соборовать умирающего. Говорили даже, что с того дня никто не видел его в добром расположении духа.

Через несколько месяцев после премьеры фильма авторы получили письмо от престарелого англиканского священника. По его словам, документы, найденные Соньером, «содержат формальное доказательство того, что распятия на кресте не было, и что Иисус в 45 году от своего Рождества еще был жив». Это письмо положило начало новым розыскам. Итогом стала книга «Святая кровь и Святой Грааль», изданная в 1982 году (русское издание 1993 года — под названием «Священная загадка»). Сценарист телефильма Г.Линкольн, историк Р.Лей и журналист М.Байджент пришли к еретическому выводу: Спаситель был женат на Марии Магдалине. Именно она была рядом с Иисусом и первой увидела Его после Воскресения. В этом сходятся Матфей, Марк и Иоанн. А в кумранских рукописях содержатся прямые указания на брак Иисуса и Марии. Евангелист Филипп свидетельствует: «Подругой Спасителя была Мария из Магдалы. Христос любил ее больше, чем всех своих учеников, и часто целовал ее в губы». Филипп обращает внимание на слова Иисуса о Себе: «Господь есть Сын Человеческий, а сын Сына Человеческого есть тот, кто создан через Сына Человеческого». Это можно понять как указание на рождение ребенка. В другом кумранском апокрифе — Евангелии от Марии — приведена фраза Апостола Петра, обращенная к этой женщине: «Сестра моя, мы знаем, что Спаситель любил тебя больше, чем других женщин. Передай нам Его слова, которые ты помнишь, которые ты слышала и которых мы не знаем».

Соавторы «Священной загадки» предположили, что после казни Иисуса Мария Магдалина с детьми перебралась на юг Галлии. На руинах Римской империи Его потомки заложили фундамент европейских монархий — династию Меровингов, легендарных франкских «королей-волшебников». Об этом знал не только Ватикан, но и европейские монархи. Тайной подоплекой Крестовых походов было завоевание Иерусалимского королевства — законного владения царского рода Давидова. Именно по этой причине первым христианским королем Святой Земли стал прямой потомок Меровингов — Годфруа Бульонский, герцог Лотарингский. Но официально он этот титул не принял: «Как я, смертный, возложу на себя золотой венец царей земных?» Даже в XVI веке потомка первого иерусалимского короля Генриха Лотарингского встречали криками: «Осанна сыну Давидову!»

«В настоящее время невозможно определить, кто был прямой потомок Иисуса. Генеалогические древа увеличиваются ввысь и вширь, от одного поколения к другому, образуя настоящие леса, и сегодня в Англии и в Европе существует по меньшей мере два десятка семей, принадлежащих к роду Меровингов, и каждая насчитывает огромное количество боковых ветвей».

В книге Г.Линкольна, Р.Лея и М.Байджента большое место занимает история «Сиона» — чрезвычайно законспирированного ордена, якобы владеющего тайной Давидовой крови. Преемники этой организации именуют себя «Сионской Общиной». Они начали приоткрывать свои карты в конце 1956 года — после окончания боевых действий на Ближнем Востоке и подавления венгерского восстания. Публикуя анонимные брошюры и подбрасывая журналистам документы разной степени достоверности, орден инспирировал появление дюжины книг о загадке Ренн-ле-Шато. Их авторы были увлечены двумя темами — золото и власть.

Соавторы книги «Святая кровь и Святой Грааль» полагают, что большая часть сведений,

полученных от «Сионской Общины», соответствует действительности: хорошая «деза» должна подкрепляться достоверной информацией. Стало известно, например, что генеральным секретарем «Общины» в семидесятые и восьмидесятые годы являлся Пьер Плантар де Сен-Клер — прямой потомок меровингского короля Дагоберта II, друг и соратник генерала де Голля. Журналистам позволили узнать, что дед Плантара был другом аббата Соньера. А в одном из своих интервью Плантар сообщил, что «Сионская Община» действительно владела исчезнувшим сокровищем Иерусалимского храма. Он сказал об этом в прошедшем времени, но добавил: «В нужный момент это достояние будет возвращено в Израиль». Речь идет о духовном сокровище, — эту мысль Плантар подчеркнул особо.

3. «ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ДРЕВА РАСТУТ ВВЫСЬ И ВШИРЬ»

Среди документов «Общины» особое внимание привлекают списки Великих Магистров. Стало известно, что в девятнадцатом веке и в начале двадцатого «Сионскую Общину» поочередно возглавляли Шарль Нодье, Виктор Гюго и Клод Дебюсси. С последним встречался аббат Соньер.

С 1918 года «Навигатором» становится Жан Кокто — парижский литератор, кинодраматург и художник. В списке Навигаторов он был двадцать третьим Иоанном (Жан — Иоанн) и умер в том же году, когда скончался папа Иоанн XXIII. За три года до смерти папа опубликовал странную энциклику на тему «драгоценной крови Христовой». Как поговаривали ортодоксы, это пастырское послание исказило основы христианской веры. Там утверждалось, в частности, что искупление человечества совершилось кровью Иисуса, — при вопиющем пренебрежении остальными подробностями, весьма важными для католического канона. Консервативное крыло Ватикана не одобряло и восточную политику Иоанна XXIII. Он был первым папой, протянувшим руку «безбожной» Москве. Через несколько лет после неожиданной смерти понтифика были напечатаны «Пророчества папы Иоанна XXIII» — темные и бессвязные. В анонимном предисловии говорится, что автор являлся членом общества. наследующего древним розенкрейцерам.

Но самое удивительное совпадение мы обнаружили в пророчествах ирландского монаха-визионера Малахии, жившего и XII веке. Он перечислил 52 будущих папы, дав каждому условное имя и предельно лаконичную характеристику. Иоанн XXIII — «Пастор и Навигатор». Может быть, пророк имел в виду двух разных людей, связанных между собой каким-то не совсем очевидным образом?

(Если верить Малахии, нынешний местоблюститель трона Св. Петра Иоанн Павел II — предпоследний, а последним будет «Flos florum». «Цветок цветков». С пророчеством о пятьдесят втором папе связывали самые загадочные строки «Божественной комедии» — про грядущего обновителя церкви по имени «Пятьсот Пятнадцать». DXV. Все комментаторы Данте сходились на том, что вторую и третью цифры следует поменять местами: латинское слово DVX — «вождь». Самые смелые толкователи писали о новом воплощении Св. Петра или даже Моисея).

Как и следовало ожидать, Кокто нигде не пересекался с Анджело Ронкалли — будущим папой. Но в I960 году «Навигатор» участвовал в реставрации лондонской церкви Богоматери Французской, пострадавшей от бомбежек. Он написал странное распятие, изобразив только нижнюю часть креста и ноги до колен — неизвестно чьи. Зато другие детали нам уже знакомы: под ступнями жертвы цветет гигантская роза — «цветок цветков», — а в небе зияет круглая черная дыра. Среди плачущих женщин и римских воинов стоит сам Кокто, а в стороне от людей за происходящим наблюдает большая птица, отчетливо стилизованная под египетского Гора — сына Ра. Дешифровщик должен сообразить, что птица — аллегория какого-то человека, имеющего прямое отношение к тому, что происходило на Голгофе. Возможно, он являлся современником Кокто. Чтобы до конца разгадать живописную шараду, нужно вспомнить другой символ соколиноголового Гора — Атон, крылатый солнечный диск.

Может быть, истинный «Навигатор» — Роберто Бартини? Именно на эту «должность» могут указывать многочисленные астронавигаторы из «Туманности Андромеды» и «Часа Быка», гриновский мальчик Санди, ставший штурманом и даже эпизодический персонаж

Стругацких — прогрессор, носящий имя-перевертыш Шуштулетидоводус. В текстах «Атона» нетрудно увидеть и другие пересечения с «Сионской Общиной». По древнему уставу это сообщество должно состоять из 121 человека: «Сто двадцать одну Маргариту обнаружили мы в Москве…». Степеней посвящения — пять, причем третья сверху напоминает о Бендере — «Командор». У деревни Сиони Бендер «скакал и плясал», словно Давид перед Ковчегом. А какую песню запел собесовский огнетушитель, приведенный в действие Остапом? «Коль славен наш Господь в Сионе»! Командором именует Маяковского В.Катаев, а в записной книжке пролетарского поэта есть парижский адрес и телефон Жана Кокто. Булгаковский поэт Рюхин (списанный с Маяковского) привозит связанного Ивана в клинику Стравинского. Услышав фамилию Берлиоза, дежурный врач спрашивает: «Это… композитор?». Иван отвечает, что «композитор — это однофамилец Миши Берлиоза». Но был и другой однофамилец — известный композитор Стравинский, — русский парижанин, один из ближайших друзей Жана Кокто. Именно Стравинский переводил беседу Кокто и Маяковского в 1926 году. Об этой встрече Кокто упоминает единственный раз — в маленьком эссе «Стравинский». А годом раньше появляется «Собачье сердце» — повесть о том, как московский хирург Филипп Филиппович Преображенский сотворил человека. О профессоре сказано: «маг и чародей», «высшее существо», «волшебник», «умственного труда господин, с французской остроконечной бородкой и усами седыми, пушистыми и лихими, как у французских рыцарей». А далее следует прямой намек на Меровингов — «королей-волшебников»: «Филипп Филиппович горделиво поднял плечи и сделался похож па французского древнего короля».

Шум, поднявшийся через шестьдесят лет после находки деревенского аббата, указывает на тайный смысл этого события. Но был ли он известен Соньеру? В Ренн-ле-Шато аббат построил большую виллу и «Башню Магдалы», отремонтировал церковь и украсил ее странными изображениями. «Далекими от текста Священного Писания». — как осторожно выразились создатели фильма… Перед церковью был установлен древний каменный столб, на котором Соньср приказал вырезать короткую надпись: «Миссия 1891». А над портиком появились слова из Библии: 'Terribilis est locus iste". «Ужасно это место». Кроме того, аббат разместил в церкви несколько новых фигур и даже самолично разрисовал стены. Одна из этих странных и весьма грубых по исполнению фресок изображает маленького ребенка, завернутого в черно-красный шотландский плед. Сюжет другой фрески — положение Христа во гроб. Но пещера, освещенная полной луной, находится в глубине… звездного неба!

Кто же родился? Некоторый свет на эту загадку может пролить дневник аббата Соньера за 1901 год — ветхая тетрадь, куда записывались всякого рода хозяйственные дела. На форзаце наклеены две картинки, вполне приличествующие сану — ангелы, опускающие с небес спеленутого младенца и «Поклонение волхвов». Под первой картинкой рукой Соньера сделана надпись: «Год 1896, уносимый в вечность вместе с плодом, о коем говорится ниже». Но ниже — волхвы, пришедшие к маленькому Иисусу и вторая подпись: «Прими, о Царь, золото, символ царской власти».

Аббат прикоснулся к тайне за десять лет до появления этой тетради: «Миссия 1891». Через пять лет родился младенец, — это точно совпадает с годом рождения Бартини, о котором говорил Казневский. Если мы правильно поняли фреску Соньера и аллегорические картинки на обложке дневника, ребенку суждено было остаться без родителей и пройти таинственное посвящение, похожее на то, что принял в младенчестве Иисус. То и другое может быть связано с «вопросами крови»: за гипотезой о происхождении Меровингов от потомков Иисуса скрывается воплощение Игрока в роде Давидовом.

4. ЗАГАДКА ПУССЕНА

Из четырех документов, обнаруженных Соньером под алтарем церкви Марии Магдалины, три содержат генеалогические древа. Четвертый пергамент исписан с обеих сторон отрывками из Нового Завета на латинском языке. На одной стороне слова расположены непоследовательно, без пробелов, в них вставлены лишние буквы, а на обороте строчки оборваны, разбросаны в беспорядке, и некоторые буквы написаны одна над другой. Аббат

сложил «лишние» буквы и прочитал по-французски следующее послание:

> BERGERE PAS DE TENTATION QUE POUSSIN TENIERS GARDENT LA CLEF PAX DCLXXXI PAR LA CROIX ET CE CHEVAL DE DIEU J'ACHEVE CE DAEMON DE GARDIEN A MIDI POMMES BLEUES
>
> A DAGOBERT II ROI ET A SION EST CE TRESOR ET IL EST LA MORT

Вот дословный перевод:

> "Пастушка нет соблазна что Пуссен и Тенье хранят ключ мир 681 крестом и этой лошадью Бога я добиваю этого демона хранителя в полдень синих яблок
>
> Дагоберту II королю и Сиону принадлежит это сокровище и оно есть смерть".

С благословления своего епископа Соньер отвез пергаменты в Париж, а вернувшись, продолжил реставрацию церкви. Вскоре аббат извлек из земли резную каменную плиту и разбил ее. Затем он уничтожил одно древнее надгробие с местного кладбища, — не зная, что надпись, высеченная на этом камне, уже скопирована и хранится в одном частном архиве. Она была полна орфографических ошибок, но из букв складывалась первая часть шифровки, обнаруженной в пергаментах — про пастушку, синие яблоки и тайну, которую хранят художники Пуссен и Тенье.

«Нет соблазна», — значит, ключ к шифру надежно скрыт в картине с пастушкой?

У отца и сына Тенье ничего похожего не найдено. Но у Николы Пуссена такое полотно есть — «Пастухи Аркадии». Оно хранится в Лувре. Три пастуха и пастушка разглядывают большое каменное надгробие, похожее на сундук с четырехскатной крышей. Оно помещено в центре композиции, — фигуры людей лишь обрамляют этот предмет. Младший из пастухов положил руку на «крышку», средний указывает на само надгробие, а старший водит пальцем по надписи «Et in Arcadia ego». «И вот я в Аркадии». Женщина стоит с задумчивым видом, опершись о плечо среднего пастуха. Но их одеяния кажутся более уместными в Афинах, чем в диких горах Аркадии.

«Tenet confidentiam» («хранит тайну») — эти слова Пуссен вырезал на своей личной печати. В 60-е годы в одном из французских архивов было обнаружено любопытное письмо аббата Луи Фуке, навещавшего художника в Риме. Сразу после этого визита он писал своему брату — суперинтенданту Людовика XIV: «Вместе с господином Пуссеном мы задумали одно дело, которое может стать для Вас выгодным, если только Вы этим не пренебрежете; короли с большим трудом смогли бы вытянуть это у него, и после него впоследствии, быть может, никто в мире этого не возвратит. К тому же это не потребует больших расходов, а может обернуться выгодой, и это сейчас разыскивается многими, и кто бы они не были, но равного или лучшего достояния сейчас на земле нет ни у кого».

Ответ на это письмо не найден. Но шесть лет спустя суперинтендант был арестован и приговорен к пожизненному заключению, Пуссен умер, а картина «Пастухи Аркадии» оказалась в королевских апартаментах. На полотно обратили внимание все авторы, писавшие о загадке Ренн-ле-Шато. Но тайна осталась неразгаданной. Между тем, в британском музее Чатсуорт хранится вариант этой картины, написанный двадцатью годами ранее — более динамичный, но приземленный. Черно-белую репродукцию можно увидеть в 21-м томе БСЭ — на вклейке, указанной в статье «Пуссен». Фигурам приданы живые позы, одеты они куда правдоподобнее, а каменный «ящик» имеет другую форму. Еще одна похожая картина появилась между двумя вариантами «Пастухов…»: на переднем плане — задумчивое существо, похожее на водяного, а за ним виднеется надгробие с той же надписью. Что же не

удовлетворяло художника? Может быть, ему не удавалось выразить какую-то важную мысль?

Три пастуха и пастушка различаются не только цветом одежд. Самый младший — в неокрашенном гиматии — равнодушно опирается на камень. Пастух в красном, указывающий на надгробие, противопоставлен младшему не только композиционно, — вид у него чрезвычайно заинтересованный. Должно быть, это связано с «вопросами крови»: во времена Пуссена красный цвет считался царским. Вторая пара фигур напоминает про «полдень синих яблок», — это бородатый мужчина в синем гиматии и женщина в синем хитоне и желтой гиматии-хламидионе. Палец «синего» пастуха — второго слева — указывает на вторую букву в слове «Arcadia». Не соответствуют ли четыре фигуры первым четырем буквам? Одно из значений латинского слова «arca» — «ковчег». «Arca foederis» — «Ковчег Завета». Хорошо объясняется и демонстративная парность синего цвета в сочетании с желтым (золото): в Исходе сказано, что при перевозке золотой Ковчег укрывали синими кожами.

«Пусть построят ковчег из дерева ситтим, длина его два с половиной локтя, ширина его полтора локтя и высота его полтора локтя, и пусть обложат его чистым золотом изнутри и снаружи, и пусть отольют четыре кольца золотые и утвердят их на четырех нижних углах, два кольца с одной стороны и два с другой стороны, и пусть сделают четыре шеста из дерева ситтим и обложат их золотом. И пусть вложат шесты в кольца по обе стороны ковчега, чтобы носить его. И пусть шесты остаются в кольцах и никогда не вынимаются оттуда. В ковчег же пусть положат откровение, которое я дал вам. И пусть сделают крышку из чистого золота, длина ее два с половиной локтя и ширина ее полтора локтя. И пусть сделают двух золотых херувимов чистой работы, на обоих краях крышки. Пусть будет один херувим на одном краю крышки, а другой пусть будет на другом краю крышки. И пусть херувимы широко распростертыми крыльями осеняют крышку, и пусть они обратятся лицом друг к другу, лицом к крышке. И этой крышкой пусть закроют ковчег, а в ковчег пусть положат откровение, которое я вам дам. Оттуда, с крышки ковчега Завета, я буду говорить с тобой обо всем, что будет заповедано народу Израиля».

Эти слова услышал Моисей — пастух, ставший вождем израильтян. Он поднялся на гору, вошел в таинственную тучу и беседовал с Богом сорок дней и ночей. Но народ зароптал. Вернувшись из тучи, Моисей в гневе разбил первые скрижали — каменные таблички Завета. Затем он снова взошел на гору и принес новые скрижали — с десятью заповедями. По его приказанию из древесины акации («дерево ситтим») был изготовлен большой сундук, обложенный золотом, а также специальный шатер — скиния, — прообраз будущего Иерусалимского храма. По другой версии (Второзаконие) Ковчег изготовил сам Моисей. Заповеданное сбылось: следуя указаниям, раздававшимся с крышки Ковчега, богоизбранный народ вернулся в Ханаанскую землю и отвоевал ее у пришлых племен. Но при Соломоне или сразу после него Ковчег исчез. С этого момента Израиль вступил в полосу фатальных неудач, завершившуюся рассеянием евреев по всей Земле и холокостом.

Самая ранняя попытка объяснить значение Ковчега связана с именем Филона Александрийского, родившегося за двадцать лет до Иисуса. Филон назвал Ковчег «обиталищем Божьим», а его части — «ключами к тайне Творения».

«Мы должны рассмотреть все это последовательно, чтобы разгадать заключенную в этих явлениях символику. Есть сундук, есть хранящийся в нем завет, прикрытый крышкой ковчега. Над крышкой простирают крылья два херувима, а между ними и над ними был слышен голос, Слово; над ним же господствует Единосущее, от которого исходит это слово. И если бы кто-то мог вполне постичь суть этих явлений, то ему открылась бы прекрасная сущность Божества, так как ему уже не потребовалось бы ничего иного».

…"Равного или лучшего достояния сейчас на земле нет ни у кого", — писал аббат Фуке после разговора с Пуссеном. Вряд ли это простое совпадение: между первым и вторым вариантом «Пастухов…» Пуссен создал картину «Нахождение Моисея».

5. СЛЕД КОВЧЕГА

Бэконовский кедровый ларец, называемый также ковчежцем, живо напоминает о Ковчеге Завета. Неудивительно, что чиновник, встречавший путешественников, одет в синий кафтан, а в

руке у него — деревянный жезл с концами синего цвета. Он подплывает к кораблю на деревянной лодке, украшенной позолотой. Мы видим также одного из высших сановников острова, восседающего под синим балдахином; по сторонам стоят мальчики в белом. Белое, золотое, синее… А вот еще одна интересная деталь: ларец приплыл через двадцать лет после воскрешения Христа. XX век?

В 1944 году журнал «Краснофлотец» опубликовал ефремовский рассказ «Бухта Радужных Струй». Сюжет весьма любопытен: советский самолет-амфибия летит в США с неким «ценным грузом», от которого «зависело многое в сложных судьбах войны». Экипаж сбился с курса и сел во Флориде — в маленькой бухте сердцевидной формы. Пилот обнаружил там необычные деревья — белые, но с «бурой сердцевиной». Они растут прямо из воды и придают ей свойства Эликсира Жизни. Несколько деревьев самолет срубил при посадке: летчик привез куски древесины в Москву и передал профессору, который долго и безуспешно искал подобное растение. Оказалось, что оно описано у знаменитого алхимика Атаназиуса Кирхеруса под названием эйзенгартия. Секретом белого дерева владели иезуиты: они дарили королям чаши, сделанные из сердцевины ствола.

Шифр здесь простой: иезуиты — члены «Общества Иисуса». «Ценный груз», — это, несомненно, Грааль: не случайно летчик посещает лабораторию профессора и пьет «волшебный напиток». Все как у Булгакова! Скрытый сюжет рассказа как нельзя лучше подтверждает нашу гипотезу о временном перемещении Чащи в США. Но как объяснить «деревянную» тему? Очевидно, с Граалем связан еще один артефакт — самый таинственный и могущественный. Очевидно, этот предмет находится в России: перед полетом пилот видит свежесрубленные пни (вспомните белые чудо-деревья, срубленные самолетом!), а на бетонке — «радужные кольца масляных пятен». Чтобы читатель не упустил эти знаки, автор заставляет героев прослушать несуществующее произведение Чайковского — «Березку». В голосе скрипки им чудятся русские леса.

Имя хранителя Ефремов зашифровал с особой тщательностью. Во-первых, этот человек имеет отношение к морской авиации и к полету в США. Во-вторых, он алхимический Адепт: гидросамолет несколько раз именуется птицей — белой и серебряной, — а также альбатросом (от лат. albus — светлый). В-третьих: самолет приземлился в сердцевидной бухте, а название чудесного дерева происходит от немного искаженного немецкого слова, которое переводится как «железное сердце». Таинственный груз, белый цвет дерева и самолета, а также «железное сердце» напоминает о знаменитом походе шотландского отряда, который вез в Святую Землю сердце умершего короли. Оно хранилось в сердцевидном железном ящичке. Когда шотландцев атаковали сарацины и начали теснить, предводитель отряда бросил в них «железное сердце». Тем самым он изменил «судьбы войны» (как и «ценный груз», доставленный в США): нападавшие в ужасе разбежались. Эти события описаны в романе А.Конан-Дойля «Белый отряд». Имя короля — Роберт. Этим же ключом открывается тайна второго «ценного груза»: ящик из белого дерева ситтим — Ковчег Завета. Понятно также, почему ефремовское дерево окрашивает воду в синий цвет с золотым отливом: деревянный сундук, обложенный золотом, укрывали синей кожей.

(Для сравнения можно вспомнить другой ефремовский рассказ, датированный 1944 годом — «Эллинский секрет». Герой видит синюю чашу и медную «скрижаль»).

Два цвета — это еще не радуга. Почему же рассказ называется «Бухта Радужных Струй»?

«И сказал Господь Бог: вот знамение завета, который Я поставлю между Мною и между вами и между всякою душою живою, которая с вами в роды навсегда: Я полагаю радугу Мою в облаке, чтобы она была знамением завета между Мною и между землею». Бытие, глава девятая.

…21 февраля 1965 года газета «Правда» опубликовала директивную статью, призывающую к «более широкому знакомству советских читателей с лучшими образцами прогрессивной зарубежной литературы». Новые веяния не стали неожиданностью для издательства «Молодая гвардия»: уже в апреле был подписан в печать первый том знаменитой «Библиотеки современной фантастики». Кто же отбирал «лучшие образцы»? Вот список редколлегии: литературовед Кирилл Андреев, писатели Ариадна Громова, Сергей Жемайтис, Иван Ефремов, Аркадий Стругацкий и Еремей Парнов. А семь лет спустя Парнов получил от Ефремова необыкновенный подарок. Он сам пишет об этом в «Богах лотоса» (1980): «Однажды

писатель Иван Антонович Ефремов подарил мне зеленый от древней патины обломок буддийской статуи. Это была изящная бронзовая рука, пальцы которой соединялись в фигуру, известную как „колесо учения“. Он нашел руку неведомого бодхисаттвы в гобийской пустыне, у подножия холма…».

Перенесемся в жаркое лето семьдесят второго года. Почти одновременно со статьей о «невидимом самолете» был напечатан приключенческий роман Еремея Парнова «Ларец Марии Медичи» — тогдашний бестселлер. Из этой книги советские люди впервые узнали об альбигойцах, тамплиерах и розенкрейцерах — хранителях древних свитков, чаши Грааля и Философского Камня («алмаз винно-красного цвета», «кристалл, вобравший в себя таинственную энергию звезд»). Особенно запомнились сцены падения Монсегюра, остроконечные колпаки альбигойских священников, а также их символы, знакомые каждому советскому человеку — голубь и пятиугольник («Знак качества», значок «Летчик-космонавт СССР», орден Октябрьской революции, лунные вымпелы). Неудивительно, что ключ к древнему ларцу, давшему название всему роману, был выполнен в форме креста с розой. Но Парнов пишет о том, что все без исключения тайные общества — алхимические, масонские, розенкрейцеровские и прочие — до неузнаваемости исказили крохи тайного знания, унаследованные от посвященных древности. Эта мысль звучит рефреном.

Отдельные моменты, предметы и персонажи романа остались неразъясненными. Герцоги Лотарингские, например, — какое отношение они имели к Граалю? Непонятна и роль кинжала — одного из семи «слуг» таинственного ларца. «Много превратностей пережил мир из-за этого кинжала», — говорит глава альбигойцев и требует сохранить его любой ценой. Но самым загадочным видится эпизод, в котором альбигойские священники, унесшие из обреченного замка Грааль и семь тайных книг, становятся всемогущими невидимками: «Мертвая материя и грубая живая плоть стали подвластны Совершенным, пространство покорилось им, и даже необоримое время избавило их от своего извечного гнета. Навсегда молодыми и бессмертными ушли четверо совершенных в неведомые земли, и сокровенная сила их ушла с ними. Один только Мирпуа узрел вдруг, как мелькнули в дрожащем над отгоревшим пепелищем воздухе четыре стеклистые тени…». И далее: «Говорили, что были они невидимы и жили на земле вот уже много веков, следя с высот своей мудрости за ничтожными страстями и великими муками людскими».

Из Южной Франции ниточка тянется в парижский Тампль, оттуда — к розенкрейцерам, масонам и мальтийским рыцарям, затем в Санкт-Петербург, в Тверскую губернию (Дубна?) и, наконец, — в Москву, на Патриаршие пруды (!). В дело вступает следователь МУРа, обладающий экстрасенсорными способностями — бывший штурман рыболовного флота, тоскующий по своему траулеру. Московский «ловец человеков» кушает ветчину, рассматривает статуэтку Будды с кабаньей головой, а затем ищет пропавшего интуриста с русской фамилией Свиньин — сына тверского губернатора. Но, сам того не понимая, московский следователь служит Граалю.

По приказу иностранца был украден древний ларец — ковчег Грааля, унесенный альбигойцами из Монсегюра. Но в ларце оказался только кинжал с крестообразной рукояткой, и следователь вспоминает пушкинскую строчку — «зашифрованную» — о «цареубийственном кинжале». Острие, крест и… Царь Иудейский?

Предположим, что под видом кинжала зашифровано Святое Копье. (Вернее — его дубликат, который экспонируется в Хофбурге: парновский кинжал тоже оказался дубликатом — «новоделом» начала XIX века). Что же символизировали «истинные» сокровища альбигойцев — свитки, чаша и «винно-красный» кристалл? Ответ подсказывает эпизод с бараньей кровью, которую собирает в тигле алхимик-профан: кровь Агнца.

В последней главе выясняется, что Философский Камень (он же — Святой Грааль) хранился на маленьком острове Азорского архипелага («А роза упала на лапу Азора») и вместе с ним ушел на дно при недавнем извержении подводного вулкана. Очевидно, Парнов указывает на связь Фулканелли с Рюгеном — островом пушкинского царя Гвидона. Недаром исчезнувший остров называется Гвидо, а Свиньина — владельца кольца с надписью «Гвидо», — утопили в бочке. Соедините этот намек с бараньей кровью, стекающей в бочку и с названием романа, в котором Мария Медичи упоминается, но не играет никакой роли.

«Ты положи игре конец и отыщи жену младую…», — призывает стихотворная инструкция, которой следуют герои. Ларец Марии… Магдалины?! Игра завершится, когда будет открыт Философский Камень («возвышенный смарагд») и седьмая книга укажет местоположение Святого Грааля:

Литое сердце пентаграммы
Навеки в сердце унеси.
Премудрость не на небеси —
Незримо воссияют грани,
Когда возвышенный смарагд
Рассеет вековечный мрак,
Стена падет перед глазами!
В седьмой найдешь ты указанье,
Как отыскать в скале Грааль.
На том и кончится игра.

О том, что Святой Грааль хранился в ларце, нам уже известно — со слов последнего из потомков Алонсо Кихано, прославленного Сервантесом под именем Дон Кихота. Но речь шла о шкатулке из слоновой кости, а не о деревянном сундуке, с трудом проходящем в дверь. Парновский ларец больше похож на Ковчег Завета. Даже резные украшения — крылатые грифоны — напоминают о херувимах Ковчега.

В романе Парнова большое место занимает не опубликованная Пушкиным десятая глава «Евгения Онегина». С помощью «зашифрованной главы» герои пытаются разгадать тайну кинжала, но это им не удается. Ружье не выстрелило. Для чего же оно понадобилось? Есть такие пестренькие картинки, — если расфокусировать взгляд и долго глядеть на них, возникает отчетливое «стереоскопическое» изображение, которого раньше не было. Подобным образом нужно взглянуть на «Евгения Онегина». Сестры Ларины (ларь — сундук), полюбили двух друзей с «речными» фамилиями (Онега и Лена). Действие происходит в Москве и «на брегах Невы», а также в неуказанном месте, где расположены имения Лариных, Ленского и Онегина. Но Пушкин описывает только поместье, унаследованное Онегиным: «Господский дом уединенный, горой от ветров защищенный, стоял над речкою». Расклад получается весьма любопытный: с одной стороны — много раз упомянутая Нева и «речные» фамилии героев, а с другой — гора и речка. Не связано ли слово «Нева» с какой-нибудь горой? Подтверждение этой странной догадки мы нашли в Ветхом Завете: во второй Книге Маккавеев говорится о том, что Ковчег и жертвенник курения спрятаны на горе… Нево! Здесь же похоронен Моисей, «раб Господа», — так его называет Второзаконие. Не потому ли Ленский посещает могилу Дмитрия Ларина — «Господнего раба и бригадира»? А эти строчки — якобы иронические и посвященные Ленскому — возможно, приоткрывают тайну самого автора:

…Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья.
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

6. «Я-МОЗЕС!»

Ковчег Завета — первое и единственное в своем роде доказательство бытия Божьего. Таинственный артефакт был посредником между Яхве и людьми: «Оттуда, с крышки ковчега Завета, я буду говорить с тобой обо всем, что будет заповедано народу Израиля». Имелось и военно-прикладное значение: при помощи Ковчега израильтяне форсировали Иордан и разрушили стены Иерихона. Прочие качества остались неизвестными. Не исключено, к

примеру, что деревянный сундук был коммутатором миров и времен — чем-то вроде Машины Времени. Не об этом ли писал Уэллс? Чтобы намекнуть на Ковчег, он поместил свою Машину внутрь огромного бронзового ящика, служащего пьедесталом необычному Сфинксу: «крылья его не прилегали к телу, а были распростерты». Сравните: «И пусть херувимы широко распростертыми крыльями осеняют крышку». Уэллсовская Машина Времени изготовлена из никеля, слоновой кости, кварца и горного хрусталя, — про это сказано в момент первого появления Машины. Но в конце романа список материалов меняется: дерево и бронза.

«…Сияющий столб и крест распались и рассыпались как бы на множество звезд, вскоре также погасших; а на воде остался лишь небольшой ковчежец или ларец кедрового дерева, нимало не подмоченный водой, хотя и плыл по ней». Так описывает Бэкон прибытие на Бенсалем священных книг христианства. Столб света узнали сразу: этот божественный знак привел народ Моисея в землю обетованную. Но никто из комментаторов не обратил внимание на то, что бэконовский «ковчег» приплыл из… будущего! Автор сообщает об этом прямо и недвусмысленно: «Апокалипсис и некоторые другие книги Нового Завета, в ту пору еще не написанные, также тем не менее оказались тут».

Тень Ковчега осеняет книги учеников Бартини. «Нарисуй барашка!» — просит летчика Маленький принц и получает рисунок… ящика! Говорящее полено превращается в деревянного человечка и приводит героев А.Толстого к деревянной дверце нового кукольного театра. Ключ к этой дверце ему подарила черепаха Тортила, которую Дуремар обозвал «старым чемоданом». Неспроста Буратино получает золотые монеты («пусть обложат его чистым золотом»!) и рисует в воображении тарелку с манной кашей: помимо скрижалей, в Ковчеге хранился сосуд с манной небесной.

Гриновский Бам-Гран приезжает в Петроград в закрытых носилках, — это ящик с дверцей, переносимый на двух шестах. («И пусть вложат шесты в кольца по обе стороны ковчега, чтобы носить его»). Он исчезает на льду Невы.

Мы уже отмечали, что при перевозке Ковчег заворачивали в синие кожи. А вот как выглядит предмет, который воздействует на сознание героя и переносит его в дом Бам-Грана: это небольшой конус из белого металла, завернутый в синий платок. Он «включается», если снять платок. Синим сукном накрыт и стол в КУБУ, за которым Бам-Гран демонстрирует чудесные подарки. Чтобы вернее указать на чехол Ковчега, перед синим столом свалены кожаные тюки.

«Блистающий мир»: «Тонкий, неизвестного материала, остов был, как каркас абажура, обтянут великолепным синим шелком…». Так выглядит «летательный аппарат» Крукса.

«Золотая цепь»: «…Я представил человека в синих очках, с бледным, ехидным ртом и большими ушами, сходящего с крутой вершины по сундукам, окованным золотыми скрепами». Таким Санди воображает владельца сокровищ, живущего на мысе Гарденс («Хранитель»). Юнга представляет это, когда лежит в кубрике — в «дощатой норе». Если прочитать слово «нора» наоборот, получится «арон». В переводе с древнееврейского — «ковчег»…

«Это был большой, из массивного золота, саркофаг. Грубые изображения зверей и птиц покрывали его с четырех сторон. Наверху покоилось изображение спящего марсианина». Так выглядит главная святыня марсиан в «Аэлите». Но это, конечно не саркофаг: А.Толстой пишет, что марсианский пророк, которому посвящен этот ящик, был сброшен со скалы в озеро.

В «Гиперболоиде инженера Гарина» Ковчег зашифрован по всем правилам «тарабарской грамоты»: к уже известному нам слову «арон» добавлено три буквы — две в середину слова и одну — в конце. «Аризона». Цвет яхты — белый. Ситтим. Но палуба — «слегка выгнутая, из узких досок, точно замшевая», и над ней натянут большой синий тент, — прозрачный намек на синюю кожу. Алексеи Толстой воспользовался тем, что судно Ноя и сундук, в котором хранились скрижали Завета, в русском языке называются одним и тем же словом. Не случайно яхтой командует капитан Янсен: богатый голландский менонит Петр Янсен прославился тем, что соорудил полномасштабный макет Ноева ковчега и спустил его на воду.

Первый Иерусалимский храм — дом для Ковчега Завета — построил царь Соломон. Во 2-и книге Паралипоменон сказано, что Соломон «сделал серебро и зологo в Иерусалиме равноценным простому камню», — то же самое повторил Гарин. Из трех самых знаменитых хранителей Ковчега Завета только Соломон запечатлен на мирских картах. Не потому ли перед

отплытием «Аризоны» ходят слухи о том, что яхта отправляется на Соломоновы острова? В эпизоде пиратского нападения на пароход «ковчег» заговорил: «Таинственный корабль остановился и резкий голос оттуда прокричал в мегафон по-английски…». А что уцелело после крушения «Аризоны»? Ящик с книгами!

«Белой акации цветы эмиграции», — эти слова произносит Бендер за минуту до появления Воробьянинова — предводителя дворянства (Моисей — вождь израильтян!) и владельца «ковчега». Стул с сокровищами — хранилище, своеобразный ящик на ножках. Чтобы подчеркнуть это, соавторы помещают в один из стульев маленький «ковчег» — ящичек с медной табличкой. Именно этот стул попадается комиссионерам во время плавания на пароходе, а затем они видят его плывущим по реке. Пароход — «Ноев ковчег»? Ильф и Петров подтверждают: «Население тиражного ковчега уснуло». Но соавторы дают понять, что под видом одного ковчега они говорят о другом: транспарант, изготовленный Бендером, назван «скрижалью», а на бортах пароход нес знаки Божественного обещания — «радужные изображения гигантских облигации».

(Сравните: на выигравшую облигацию были куплены машины для автоклуба, который хотел возглавить Бендер. Булгаковский мастер выиграл по облигации десять тысяч рублей. Слово «облигация» происходит от латинского «obligatio» — «обещание», «обязательство»).

У горного селения Сиони Остап «скакал и плясал»: во 2-й Книге Царств эти слова сказаны про Давида, везущего Ковчег в Иерусалим. А вот как появляется инженер Щукин — человек, усгроивишй потоп в кварчире: «Мужа дома не было. Впрочем, он скоро явился, таща с собой портфель-сундук». Понятно также, почему во втором романе о Бендере говорят: «невский франт». (Про Онегина: «В своей одежде был педант и то, что мы назвали франт»). А вот что говорит Бендер в конце «Золотого теленка»: «Да, — ответил Остап, — я типичный Евгений Онегин…».

К догадке ведег и другая цепочка символов: отец Федор — третий охотник за стульями — смотрит на старинную картинку, «печатанную с медной доски», на которой изображены сыновья Ноя и достает сундучок с книгами и — золотыми монетами. Сундук-Федора — «arca foederis»? Не случайно священник-расстрига мечтает о свечном заводике в Самаре, а гробовщик получает фамилию Безенчук — по названию станции на Самарской железной дороге: еврейская секта самаритян верит во второе пришествие Моисея и в новое обретение святыни. К Моисею отсылает и название второго романа: пока вождь израильтян беседовал с Богом, его народ «сотворил себе идола» — изготовил золотого тельца и молился ему, как Господу.

Ильфопетровские романы насыщены цветом. Известно, например, что штиблеты Бендера — апельсиновые, отец Федор надел коричневый картуз, а Клавдия Ивановна умирала в абрикосовом чепце. Когда воробьянинская теща говорила о сокровищах, лицо ее стало купоросного цвета — иначе говоря, синего! Но вот парадокс: даже самый памятливый читатель не назовет цвет обивки стульев! Эта обесцвеченность не случайна: в последней главе сказано, что стул, в котором хранилось сокровище — подразумеваемый ящик — приобрел завклубом по фамилии Красильников. А теперь загляните в первую главу: «Вынув из ящика стола синюю войлочную подушечку, Ипполит Матвеевич положил ее на стул…». И далее: «…он боялся протереть брюки и потому пользовался синим войлоком». Стул с синей подушечкой и ящик. Намек дублируется: в конце рабочего дня «…Ипполит Матвеевич сложил дела, спрятал в ящик войлочную подушечку…». Деревянный ящичек был найден в стуле на пароходе — «тиражном ковчеге». Но самое любопытное совмещение ящика и стула можно увидеть в трудах еврейских раввинов: Ковчег Завета они именуют «престолом Божьим», а также «сиденьем Бога».

Перед Ковчегом первосвященник курил благовония. «Вы знаете, Ласкер дошел до пошлых вещей, с ним стало невозможно играть. Он обкуривает своих противников сигарами. И нарочно курит дешевые, чтобы дым противней был». Эти слова говорит «гроссмейстер» О.Бендер. С подразумеваемым «сиденьем Бога» гроссмейстер-курильщик пересекается в последней главе: портрет Ласкера висит над заветным стулом.

«Вы хотите курить, как я вижу? — спрашивает Воланд у Ивана. — Вы какие предпочитаете?» После слов «Наша марка» (м-арка!) появляется портсигар, набитый этими папиросами — «громадных размеров, червонного золота, и на крышке его сверкнул синим и

белым огнем бриллиантовый треугольник». Золотое, синее и белое — цвета Ковчега, а сияющий треугольник — известный символ триединого Бога. Мимоза — цветы «дерева ситтим» — появляются в момент первой встречи мастера и Маргариты: «Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве».

Ковчег — это говорящий сундук, а председатель Акустической комиссии в «Мастере…» носит имя Аркадий. Во время погони за иностранцем поэт видит «громадный ларь, обитый железом» и слышит «гулкий мужской голос в радиоаппарате», — этот голос будет сопровождать поэта на всем его пути. А какую именно радиопередачу слышит Иван? Оперу «Евгений Онегин»!.. «Тяжелый бас пел о своей любви к Татьяне», — этими словами заканчивается глава «Погоня». О «Евгении Онегине» вспоминает и Коровьев — в том эпизоде, где они с Бегемотом посещают писательский ресторан.

«Зачем Моисею понадобилось на гору лезть?» — спрашивает редактор в набросках к первому варианту «Мастера…». Затем эта фраза исчезла — вместе с парчовым одеянием священника, которую Маргарита видит в комнате иностранца. Но в тексте остался иерусалимский храм, первосвященник Кайфа и Антониева башня, где хранилось его праздничное одеяние, а в «нехорошей квартире» мы видим стол, «покрытый церковной парчой». Мало того: в комнате Воланда Маргарита замечает святыню, стоявшую в храме рядом с Ковчегом — «канделябр с гнездами в виде когтистых птичьих лап». Булгаков уточняет: «В этих семи золотых лапах горели толстые восковые свечи».

В первых строчках «Мастера…» читатель узнает, что у Берлиоза было «хорошо выбритое лицо». Потом «в воздухе запахло парикмахерской», и на Патриарших появился «бритый иностранец». «Бритое и упитанное лицо» пытается успокоить Ивана в ресторане, он встречается с доктором Стравинским — «по-актерски обритым», а ночью к поэту приходит «бритый» незнакомец". Затем мы видим Бенгальского — «человека с бритым лицом». «Бритое лицо» отмечено у Пилата и Варенухи, Бегемот рассуждает о том, что «бритый кот — это безобразие», мастер на следующий день после бала «был выбрит впервые». Сюда можно прибавить десяток персонажей, про которых сказано, что они небриты. От Булгакова не отстают и соавторы «Двенадцати стульев»: в первом же абзаце они сообщают, что «жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться…». Затем мы видим парикмахерскую «Пьер и Константин», Бендера, бреющего Воробьянинова и Воробьянинова, убивающего Бендера опасной бритвой. У Ефремова — «Лезвие бритвы»… При виде бритвы в кожаном футляре следователь Парнова пускается в рассуждения о проблемах брюнетов: «Не пройдет и часа, как снова синева проступает». Как объяснить эту странную настойчивость? «Завет» по-древнееврейски — «брит». Не случайно перед отлетом из Москвы бритый Воланд оставляет «знамение завета», усиленное словом «арка»: «…Аркой перекинувшись через всю Москву, стояла в небе разноцветная радуга…».

«Заведующий внешними станциями Великого Кольца Дар Ветер продолжал следить за светом Спиральной Дороги. Ее гигантская дуга горбилась в высоте…». Так впервые появляется один из героев «Туманности Андромеды» — главный «связист» Земли. Через два десятка страниц дуга появляется снова, но названа она другим словом: «На невысоком плато поодаль высилась гигантская алюминиевая арка…». «Я люблю синий цвет», — говорит Дар Ветер. Кроме того, он любит археолога Веду Конг, разыскивающую сокровища культуры. Но на главное сокровище «дисковец» Ефремов только намекает: во время сеанса межзвездной связи Веда читает лекцию об истории Земли, стоя на диске синего цвета. А в шестой главе, например, слово «синий» встречается двенадцать раз!

Веда-Дар. Если четвертую букву женского имени сделать первой и соединить это имя с мужским, получится библейское имя Аведдар. Оно принадлежит человеку, который три месяца хранил Ковчег в своем доме.

«Час Быка» является своеобразным продолжением «Туманности…». Ефремов дал новому роману «тарабарское» название, почти не связанное с сюжетом, но отсылающее к «китайскому» эпиграфу: «Земля рождена в час Быка». Тот, кто не хочет обмануться, должен прочитать наставления Моисея: «Пусть Аарон принесет в жертву быка во искупление грехов своих. И пусть совершит жертвоприношение, зарезав быка, за себя и за дом свой. И пусть, откинув

завесу, войдет в святилище и совершит воскурение в честь Господа, и пусть облако окутает крышку ковчега Завета, иначе он примет смерть». Это таинство происходило во время ежегодного праздника Искупления.

(«…Кот подмахнул бумагу, откуда-то добыл печать, по всем правилам подышал на нее, оттиснул на бумаге слово „уплочено“…»).

Начальница звездной экспедиции неспроста выбирает для себя скафандр с двумя блестящими треугольничками на плечах: на плечах первосвященника, входящего к Ковчегу, сияли два изумруда.

(То же самое мы видим на рисунке Сент-Экзюпери: на плечах Маленького принца блестят два драгоценных камня. «Эпполе-эт», — так зовет Ипполита Воробьянинова теща. А вот как выглядит «Эпполет» при «совершении таинства» в загсе: «Толстые желтые лучи солнца лежали на его плечах, как эполеты»).

Цвет скафандра Фай Родис — черно-синий. Такой же цвет имеют аппараты СДФ — самоходные ящики, сопровождающие каждого землянина. Они обеспечивают связь со звездолетом, транспортировку и защиту. «Это всего лишь машина, служащая сундуком для вещей, носильщиком, секретарем и сторожем», — объясняет «синяя» Фай Родис. После старта «Темного Пламени» один из чудесных «сундуков» был оставлен на Тормансе — вместе с запасными батареями. А в эпилоге сказано, что тормансиане возвели памятник землянам — в виде огромной арки.

Первый «ковчег» братьев Стругацких появляется в «Понедельнике…», — это избушка на курьих ножках — говорящая и даже увенчанная синей вывеской. «Птичья» избушка и гигантский гриф намекают на крылатых херувимов. Про древнюю хозяйку сказано, что она оклеивала купюрами свои сундук, а сама она при первом появлении просит мзду: «Позолоти ручку!». Все понятно: «Пусть обложат его чистым золотом изнутри и снаружи…». Здание НИИЧАВО тоже деревянное, и руководит этим институтом директор, единый в двух лицах — А-Янус и У-Янус. Имя названо — значит, за ним скрывается другое, настоящее. Пара таинственных существ, поставленная над деревянным сооружением, — золотые херувимы Ковчега? К тому же в НИИЧАВО работает сам Саваоф), он же Яхве Саваоф — «Господь Воинств».

Продолжением '"Понедельника…" является «Сказка о Тройке». Сюжет прост: в поисках Идеального Черного Ящика программист Привалов и его друг Эдик проникают на семьдесят шестой этаж — в сокровищницу НИИЧАВО. Функции артефакта не сообщаются. Зато соавторы оставляют косвенные указания: перед путешествием добровольцев спрашивают о том, курят ли они, а на столе главного хранителя сокровищ появляется зажигалка в форме триумфальной арки.

«Трудно быть богом»: прогрессор Румата работает в Арканарском королевстве. Arca. В повести «Жук в муравейнике» Странники оставляют большой ящик с зародышами — «эмбриональный сейф», — а также ящик поменьше — с тринадцатью дисками непонятного назначения. Инкубатор и Детонатор. Зародыши, законсервированные в далеком прошлом, были инициированы, — на Земле появились тринадцать детей, не имеющих родителей. Затем устройства сданы в музей внеземных культур, расположенный на Площади Звезды. В настоящее время известна лишь одна площадь с таким названием — в Париже. Ее главная достопримечательность — Триумфальная арка.

Герой «Обитаемого острова» летит на древнем шестимоторном бомбовозе — «настоящем символе старой империи, символе великого прошлого, символе былою могущества». Этот символический аппарат был «изукрашен многочисленными золотыми эмблемами» и дважды назван сундуком. «Широко распростертые крылья» над позолоченным сундуком — Ковчег Завета?

В 1970 году Стругацкие пишут повесть «Малыш», в которой рассказывается об операциях «Ковчег» и «Ковчег-2». В киносценарии «Туча» виден прямой намек на Моисея: город накрывает необыкновенная туча, и в нее уходят дети, чтобы строить свой мир, не отягощенный древними пороками. Они входят в тучу через триумфальную арку.

На картине, написанной Шикльгрубером-Гитлером, виден «чудовищный комод с выдвинутым ящиком» («Отягощенные злом»), а в «Улитке на склоне» герой прячется в

большом говорящем ящике. В фантастическом детективе "Отель «У Погибшего Альпиниста» рассказывается о том, как инопланетные наблюдатели попадают в опасную ситуацию и собираются покинуть Землю. Расследование странных происшествий ведет полицейский — специалист по подложным бумагам, — приехавший на отдых в гостиницу для горнолыжников. Но ни о каких бумагах речь не идет. Не является ли «подложной» сама повесть? При внимательном знакомстве с текстом становится ясно, что горнолыжная гостиница намекает на восхождение Моисея на гору, изготовление Ковчега и скинии — походного храма древних израильтян. В правильности этой догадки убеждает не только сундук, с которым не расстаются странные постояльцы — аппаратура для переброски в «соседствущее пространство», — но и лыжная тема: в немецком, английском и французском языках слово «ski» означает «лыжи». «У меня паспорта не подложные,» — говорит главный пришелец. «Я — Мозес!» — эту фразу он повторяет несколько раз. Более известна другая форма этого имени — Моисей.

7. «АЙ ДА ПУШКИН!..»

«Что это за лужа? — подумал Ипполит Матвеевич. — Да, да, кровь… Товарищ Бендер умер». В начале романа Воробьянинов заведует «генеалогическими древами», а затем оказывается на Кавказе и пьет вино на горе Давида. Булгаковская Маргарита пьет кровь, ставшую вином. Один из героев «Попытки к бегству» мечтает о напитке «Кровь тахорга».

Астроном Малянов в «Миллиарде лет..» кушает ветчину и пьет вино «Бычья кровь». Фамилия маляновского друга — Вайнгартен. «Виноградник». Кровь и вино. К тому же биолог Вайнгартен совершил открытие, связанное с ревертазой — ферментом, отвечающим за перенос генетической информации от РНК к ДНК. А про Вечеровского сказано, что он ухает, как уэллсовский марсианин, пьющий человеческую кровь. Его фамилия намекает на Тайную Вечерю: «Пейте, сие есть кровь моя…».

Мы перечитали «Войну миров» и с удивлением обнаружили, что марсиане, прилетевшие в цилиндрах, похожи на грибы: «Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба…». Они приземляются во владениях лорда Хилтона: Тоннель и «гостиница»? Не случайно герой-рассказчик ночует в покинутой лондонской гостинице и даже копает тоннель — для того, чтобы проникнуть в сеть канализационных труб. Пришельцы пьют человеческую кровь. А что пьет герой, впервые увидевший марсиан? Темно-красное вино! Ключ к этой загадке спрятан в последней главе: «Миновав Геральдическую палату, я увидел свой дом». В Геральдической палате хранятся сведения о знатных родах королевства. Не по этой ли причине «Война миров» упомянута в «Миллиарде лет…»?

Предположим, что Стругацкие зашифровали имя человека из рода Давидова. На него прямо указывает предпоследний абзац, который заканчивается следующим четверостишием: «Он умел бумагу марать под треск свечки. Ему было за что умирать у Черной речки». Стихотворение — не доказательство, но знак: из множества поэтов, посвящавших свои строки Пушкину, Стругацкие выбрали Давида Самойлова. Самуил — библейский пророк, помазавший Давида на царство. Нашу догадку подтверждает и «Поиск предназначения»: один из двух главных героев этого романа похож на Пушкина и бывал в Африке. О Пушкине говорится еще в восьми повестях Стругацких, а в трех упомянута эфиопская столица Аддис-Абеба.

Известно, что прадед Пушкина по материнской линии Абрам Ганибал был сыном эфиопского удельного князя. В раннем детстве он попал в плен к маврам. Русский посланник в Константинополе выкупил мальчика из сераля и отправил его к царю Петру. Государь стал крестным отцом Ганибала, и до 1716 года «царев арап» сопровождал его повсюду. Затем его послали учиться военному делу во Францию. Петровский любимец отличился в испанской войне, вернулся в Россию, пережил несколько взлетов и падений и окончил свои дни в поместье, на 93-м году. В незаконченной автобиографии Пушкин пишет, что перед смертью прадед сжег какие-то «драгоценные бумаги». Возможно, они были связаны с тайной происхождения.

За судьбой Абрама внимательно следили те, кто его послал. Они проверяли, насколько прочно он укоренился. «Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника». На основании этих пушкинских строк некоторые

исследователи предполагаю), чго Абрам происходил из рода эфиопского нгусэ нэгэст — «царя царей». А сами правители этой страны, принявшей христианство еще в V веке, считали себя потомками… царя Соломона!

В древнеэфиопском эпосе «Слава царей» рассказывается о визите в Иерусалим царицы Савской — правительницы тогдашней Эфиопии. От библейской истории этот рассказ существенно отличается: перед отъездом царица Савская делит ложе с царем-мудрецом и рождает сына. В 12 лет мальчик отправляется к отцу. Но незаконнорожденный сын Соломона не остается в Израиле: будучи помазанным на Эфиопское царство под именем Давит, он уезжает на родину и тайно увозит главную святыню евреев — каменные скрижали Завета, полученного Моисеем от Бога. Эфиопские христиане-монофизиты полагают, что с момента похищения святыни Господь оставил Соломона наедине со своими грехами. А династия нгусэ нэгэст просуществовала еще три тысячи лет — до сентября 1974 года, когда просоветски настроенные офицеры низложили императора Хайле Селассие I.

Возможно, эфиопы сделали для скрижалей новый Ковчег — точно по описанию Моисея. Он много раз упоминается в хрониках Аксумского царства: с Ковчегом советовались правители, и сами летописцы слышали голос Бога. Последняя такая запись датирована 1691 годом. Но уже в первые годы следующего века начался упадок, — не потому ли, что история повторилась, и тайную эстафету принял другой народ?

«Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому. Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения: ибо тело, движущее своей силой другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает».

Можно ли поверить, что эти строки появились за полвека до рождения Пушкина? Таким языком нельзя описать мир. Он слишком тяжел и неуклюж для того, чтобы вытеснить обыденность, заронить мечту, вдохновить на подвиг и вызвать к жизни то, чего еще нет. Допушкинский язык малопригоден даже для простой трансляции знаний, накопленных Западом, — именно поэтому образованные россияне были вынуждены изъясняться по-французски. Но ручеек Давидовой крови уже тек по России. А из ненашего будущего пришел Игрок, владеющий магией слова, и на тридцать семь лет обрел новое тело.

8. «ТРОЙКА, СЕМЕРКА, ТУЗ»

Несмотря на острейший дефицит времени и свободы передвижения Пушкин выполнил чрезвычайно важную миссию: русские обрели свой настоящий язык и сделали отчаянный рывок к Луне. Кто же был наставником человека, названного «солнцем русской поэзии»?

Нельзя не заметить, что сюжет парновского «Ларца…» воспроизводит «Пиковую даму»: одним из хранителей священного сундука был легендарный граф Сен-Жермен, затем сокровище попадает в Россию и достается старухе, гадающей на картах. Чтобы завладеть им, злоумышленник является к старухе и доводит ее до обморока. Фамилия старухи — Чарская. Вспомните «Египетские ночи»: к русскому поэту Чарскому (альтер эго самого Пушкина) приходит его итальянский собрат, похожий на торговца эликсирами. А вот что говорится в «Пиковой даме»: «Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за Вечного Жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая». Эликсир Жизни — продукт второй стадии «Великого Делания». Перечитайте эпиграф, предпосланный к первой главе: странный стишок о картежниках заканчивается словом «Дело». Именно так — с заглавной буквы!..

Пушкинский Сен-Жермен передает секрет трех карт («тройка, семерка, туз») молодой графине Анне Федотовне — «московской Венере». Через шестьдесят лет «неведомая сила» притянула к дому графини «ученика» — Германна. Его инициация выстроена по мотивам «Химической женитьбы Христиана Розенкрейца». Германн видит «величавого швейцара», входит в особняк («швейцара не было»), проникает в спальню и смотрит на обнаженную «Венеру»: на его глазах престарелая графиня в чепце с розами переодевается в ночную рубашку. (Роза — цветок Венеры!) Здесь же он видит портрет графини, написанный шестьдесят лет назад — молодая женщина с орлиным носом («птица»!), с розой в пудреных (!) волосах, —

и воображает ее давнего любовника, причесанного «королевской птицей». («Птица» — алхимик, постигший все тайны «Королевского Искусства» и получивший «пудру проекции» — Философский Камень. Неспроста в первой главе говорится о «порошковых картах»!)

Из спальни старухи Германн направился в комнату молодой родственницы графини и увидел третью «Венеру» — с цветами в волосах и обнаженную! («Она сидела, сложа крестом голые руки, наклонив на открытую грудь голову, еще убранную цветами…»).

Перед каждой из шести глав «Пиковой дамы» помещен эпиграф. Самым странным кажется эпиграф к четвертой главе: «7 Mai 18** Homme sans moeurs et sans religion! Переписка». Фрагмент письма дал возможность поставить дату. В четвертой главе герой получает ключ, а загадочная дата подсказывает, что ключом к шифру «Пиковой дамы» является время. Если наша догадка верна, то портрет молодой графини символизирует прошлое, сама она — настоящее, а ее воспитанница — будущее. Обратите внимание на часы в спальне старой «Венеры» и на две «витые лестницы», которые ведут из спальни наверх и вниз — в комнатку девушки и к выходу. В прошлое и в будущее… Дверь к лестнице, уходящей вниз, называется «потаенной», и Германн смог открыть ее, лишь поднявшись к воспитаннице — то есть, в будущее. Наша догадка подтверждается тем, что на лестнице, ведущей вниз, Германн вообразил любовника молодой графини, который поднимался здесь «лет шестьдесят назад». Значит, и вперед — шестьдесят?..

Прошлое, настоящее и будущее связаны таинственной субстанцией, зашифрованной в самом названии повести («дам» — «кровь»). Вероятно, имеется в виду наследственность: Германн наследует секрет Сен-Жермена, его называют побочным сыном графини, он постоянно думает о приумножении отцовского наследства. Именно в этом месте Пушкин спрятал подсказку, свидетельствующую о том, что герой знал секрет еще до встречи с графиней: «Расчет, умеренность, трудолюбие: вот мои три верные карты — вот что утроит, усемерит мой капитал». Общеизвестный символ капитала — туз: тройка, семерка, туз!

Сравните: О.Бендер — человек с Наполеоном на груди — терпит поражение, но его «двойник» в тайном сюжете получает орден Золотого Руна — знак успешной инициации. То же самое мы видим в «Пиковой даме»: герой, про которого сказано, что он удивительно похож на Наполеона (царский род?), во внешнем сюжете проигрывает отцовское наследство. А что происходит в тайном? «Вместо туза у него стояла пиковая дама»: истинный богач (денежный туз) — человек, унаследовавший какую-то необыкновенную кровь. Речь идет именно об этом: не случайно Германн говорит, что «…не только я , но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут ее чтить, как святыню». На чей же род намекает Пушкин? Свяжите ночной визит Германна к графине, мучимой бессонницей, и слова архиерея о том, что покойная бодрствовала в ожидании Иисуса — «жениха полунощного».

9. ТАЙНА «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

В завещании Бартини сказано, что все его бумаги следует запаять в цинковый ящик и не открывать до 2197 года. Двести лет со дня рождения. Но мы помним, что на самом деле барон родился в 1896 году, — он говорил об этом Казневскому. Все объясняется, если предположить, что двести лет следует не прибавлять, а вычитать: хранитель Ковчега (цинковый ящик!) движется из будущего в прошлое и сообщает время своего следующего рождения — май 1696 года. А вот что говорит о графе де Сен-Жермене один из героев парновского «Ларца…»: «…Мне удалось установить, что он сын венгерского князя Ференца Ракоци…». И далее: «Родился он 28 мая 1696 года».

Четыре года спустя было объявлено о кончине малолетнего сына князя Ференца. Известие оказалось ложным: «Его укрыли в надежном месте, отдали под надзор верных, испытанных друзей». Мальчик вырос и узнал о своем происхождении. Среди имен, под которыми таинственный граф появлялся в европейских столицах, было и такое — Цароки. Это анаграмма другого имени — Ракоци.

Пушкинский Германн становится наследником тайны Сен-Жермена. Он должен подняться в комнату воспитанницы и получить ключ к «потаенной двери», ведущей в прошлое. Но вместе с пророчеством о трех картах «новому швейцару» дан наказ жениться на

воспитаннице графини. А в конце последней главы сказано, что Лиза вышла замуж за сына управляющего (наследник «управдома»!) и тоже взяла на воспитание бедную родственницу. Все повторится?

Дата из эпиграфа четвертой главы: 7 Mai 18**. «Пиковая дама» написана в 1833 году. Прибавим шестьдесят лет: 1893 год (Именно в этот год попадает герой Л.Лагина!) Стало быть, Игрок, известный под именем графа де Сен-Жермена, должен родиться вновь в 90-х годах XIX века. Вслушайтесь: Жермен — Германн. Эти фамилии не только созвучны — они произошли от латинского слова «germanus» — «родной» или «единокровный».

Германн — иностранец и военный инженер. В спальне графини он замечает «дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом». Нетрудно догадаться, что в следующем воплощении Игрок станет инженером-воздухоплавателем (авиаконструктором). С помощью учеников-литераторов он будет притягивать к себе «утонувших» Игроков. Как еще можно объяснить странные слова графини о том, что в новых русских романах не должно быть утопленников?

«Вероятно, некоторые узнают о нем во время следующего террора, который поразит всю Европу в целом», — так писала Е.Блаватская о будущем приходе Сен-Жермена («Теософский словарь», Лондон, 1892). Но для самого Игрока ситуация выглядит иначе: граф Сен-Жермен, появившийся в XVIII столетии — следующая инкарнация «непонятого гения советской авиации». Где граф мог оставить такой намек? Только в биографии!.. Бартини утверждал, что родился в венгерском городе, рос в семье имперского сановника итальянского происхождения и его жены, происходящей из германского рода. В «Цепи» он именует себя «маленьким принцем Ро». Сен-Жермен тоже выдает себя за сына венгерского принца и германской принцессы, взятого на воспитание семейством Медичи. («Ларец Марии Медичи»!) Многие считали его итальянцем, но позже выяснилось, что свой титул он купил у Папы Римского — вместе с итальянским поместьем Сан Жермано. Известно также, что граф никогда не ошибался в прогнозах, и для получения сведений о будущих событиях погружался в длительный — до двух суток — транс. Таким образом он предсказал судьбу Людовика XV и Людовика XVI, а также несчастной Марии-Антуанетты.

На то, что Бартини предстоит стать графом Сен-Жерменом, тайно указывают книги «Атона». «Мать покойного была графиней», — говорит О.Бендер, сочиняя себе эпитафию. (Сравните с последним абзацем "Золотого теленка: «Графа Монте-Кристо из меня не вышло». А вот как Остап описывает собственные похороны: «Тело облачено в незапятнанные белые одежды, на груди золотая арфа с инкрустацией из перламутра и ноты романса…». Этот намек поймет лишь тот, кто знает о знаменитом автографе Сен-Жермена — нотном листке с мелодией для арфы. Его приобрел на аукционе в Петербурге русский коллекционер Пыляев. Граф писал музыку, был известен как превосходный музыкант и даже дирижировал оркестром, — об этом свидетельствуют многие мемуаристы. «Я дирижер симфонического оркестра!» — говорит Остап.

Сюжет «Двенадцати стульев» — аллюзия на «Пиковую даму»: старуха сообщает тайну и умирает, а Воробьянинов — новый Германн — сходит с ума, пытаясь завладеть сокровищем. Даже девушку, за которой неудачно приударил Воробьянинов, звали Лизой, — как и воспитанницу графини! Пушкинский граф Сен-Жермен «выдавал себя за Вечного Жида», — не потому ли «сын графини» Бендер рассказывает притчу о Вечном Жиде из Рио-де-Жанейро? Если этого недостаточно, обратите внимание на самую запоминающуюся черту воробьяниновской тещи: она была усатая.

Сделаем небольшое отступление в 1834 год. После публикации «Пиковой дамы» Пушкин записал в своем дневнике: « При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Наталией Петровной и, кажется, не сердятся». В молодости княгиня Голицына действительно жила в Париже, но даже тогда не была красавицей — «русской Венерой». Вымышлено и все остальное: только после выхода «Пиковой дамы» стали говорить, что Наталья Петровна познакомилась с графом и даже воспользовалась секретом трех карт.

«А при чем здесь воробьяниновская теща?» — спросит читатель. Дело в том, что престарелую Голицину за глаза называли «княгиней Усатой», — с возрастом на ее лице прорезалась довольно густая растительность.

В набоковской «Защите Лужина» с подозрительной настойчивостью возникает томик Пушкина, а отец невесты спрашивает у игрока — «нет ли в шахматной игре такого хода, благодаря которому всегда выигрываешь?» Совпадение? Но через пару страниц появляется «престарелая княгиня Уманова, которую называли пиковой дамой (по известной опере)». С Лужиным она пытается завязать разговор о «новой поэзии», — точно пушкинская старуха, говорившая о «новых русских романах».

Музыка из знаменитой оперы звучит в «Роковых яйцах» — перед появлением первого змея: «Хрупкая Лиза из „Пиковой дамы“ смешала в дуэте свой голос с голосом страстной Полины и унеслась в лунную высь…». В «Мастере…» подозрительно часто упоминается Пушкин, а сам сюжет разворачивается вокруг странного наследства, полученного Иваном Бездомным — романа, к которому надо «продолжение написать». Сравните: сумасшедший Германн — «наследник» Сен-Жермена — попадает в палату №17, а «наследник» Воланда — в №117!

Вернемся к пушкинскому «продавцу эликсиров»: на нем был потрепанный черный фрак, и «под истертым черным галстуком на желтоватой манишке блестел фальшивый алмаз». А вот как описывают Сен-Жермена (Мэнли П. Холл): «…Человек среднего роста, пропорционально сложенный, приятной наружности, с правильными чертами лица. Он был смугл, с темными волосами, которые часто были припудрены. Одевался просто, обычно в черное, но его одежда была всегда лучшего качества и превосходно сидела на нем. У него была мания обладания камнями, которые имелись у него не только на кольцах, но и на часах, цепочке, табакерке». Сравните с алмазами булгаковского мага — на часах и портсигаре!

Подобно Воланду, граф де Сен-Жермен говорил о личном знакомстве с Иисусом и демонстрировал поразительную осведомленность об исторических событиях нескольких тысячелетий. Вольтер назвал его «человеком, который никогда не умирает и знает все». Говорили, что граф дарил женщинам капли Эликсира, производил золото в промышленных масштабах и посыпал свои волосы золотой пудрой — точь в точь как булгаковский Бегемот.

Сен-Жермен посещал Петербург и Москву незадолго до того. как лейб-гвардия посадила на русский престол Екатерину Великую. («Интурист»' Воланд замечает, что со времени его последнего приезда москвичи не изменились). Граф владел десятком языков и очень любил путешествовать под разными именами. А некоторые свидетели могли поклясться, что видели его в один и тот же день в местах, отстоящих друг от друга на многие сотни лье.

При таком образе жизни Сен-Жермен мог умереть где угодно — от Мадрида до Калькутты. Но 2 марта 1784 года он якобы скончался в доме своего друга принца Карла Гессенского, примерно в полусотне миль от Рюгена. И сделал это в отсутствие хозяина…

Мы уже отмечали намеки на Рюген в «Хищных вещах…» и «Обитаемом острове». А в первой повести Стругацких космонавты, увидевшие «обнаженную» Венеру (планета скрывалась под багровыми тучами), в шутку объявляют себя «рыцарями ордена розенкрейцеров». Замечено также, что в книгах братьев-фантастов встречается слишком много всяческих роз: просто Роза, Розанелли, Розалия, сериал «Роза салона», курорт Розалинда, Розовые пещеры, прогрессор Розенблюм, русский переводчик Розенталь Р.А., советский композитор Розенфельд Е., марка «Розовая Гвиана», симфония «Розы в томатном соусе»… Но где же притаился Сен-Жермен? Перечитайте «Далекую Радугу» (1963): действие происходит на планете, отданной физикам, экспериментирующим с многомерными пространствами, а главный герой — единственный персонаж Стругацких по имени Роберт. Его другом становится странный человек с древнеримским именем Камилл, — практически бессмертный и все знающий наперед. «Если бы вы увидели весь этот лабиринт сверху!» — говорит Камилл — «Вечный Жид» братьев Стругацких. Но он прекрасно понимает, что даже лучшие из людей не готовы увидеть то, для чего еще не придумано слов — конечную цель Мироздания.

(Радуга — «знамение завета»!)

«Он всегда один. Неизвестно, где он живет. Он внезапно появляется и внезапно исчезает. Его белый колпак видят то в Столице, то в открытом море…». Об этом таинственном герое говорят то же самое, что и о Сен-Жермене: «Есть люди, которые утверждают, что его неоднократно видели одновременно и там и там». Он объясняет Роберту: «Вы отлично знаете, Роби, …, что я приезжаю сюда каждый раз, когда перед фронтом вашего поста начинается

извержение». Фулканелли? Столь же узнаваемы другие маски Сен-Жермена: придворный кавалер Румата Эсторский, превращающий опилки в золото, Янус Невструев — человек, единый в двух лицах (не потому ли молодые работники НИИЧАВО учатся делать собственные дубли и матрикаты?), а также Вечеровский — питерский математик с «нечеловеческим мозгом», рассказавший ученику-астроному о смысле всего, что происходит во Вселенной. Камилл №2. Известно, что Сен-Жермен несколько раз «проговаривался» о том, что он скоро уедет в Гималаи. Об этом предупреждает и обладатель нечеловеческого мозга: «заберусь куда-нибудь подальше, на Памир». «И потом, ведь я там буду не один… и не только там…», — очевидно, Вечеровский говорит о дублях.

В «Миллиарде…» очень часто поминается чай, — герои без конца заваривают его, пьют, хвалят и даже каламбурят («Кто пьет чай, тот отчается»). Не намекают ли Стругацкие на знаменитый «чай Сен-Жермена» — напиток, сохраняющий молодость? Словно для того, чтобы утвердить нас в этой догадке, Вечеровский читает стихи о Пушкине и кушает конфеты «Пиковая дама».

10. «ЧЕШСКИЙ СЛЕД»

Картина Пуссена не подсказала нам местонахождение Ковчега. Но намеки на древний «генератор чудес» обнаружились в «Новой Атлантиде» Бэкона, в произведениях Булгакова, Ильфа и Петрова, Ефремова, Стругацких, а также в парновском «Ларце Марии Медичи». Именно «Ларец…» привел нас к «Пиковой даме». Дурная слава этой карты послужила Пушкину ширмой: за ней скрывается тайна Игры и очень созвучное латинское слово «pyxis» — «коробка». Неспроста в момент первого появления старой графини мы видим «коробку со шпильками»: немецкое «Spiel» — «игра». Сравните: эндшпиль — конец игры.

«Игра не кончилась», — этой фразой завершается «Ларец Марии Медичи». Парнов дважды возвращается к судьбам своих героев — в романах «Третий глаз Шивы» и «Мальтийский жезл» (первый вариант названия — «Александрийская гемма»). Особенно интересен «Жезл…» — хотя бы тем, что среди нагромождения лиц и событий внешнего сюжета промелькнуло имя Фулканелли. Таинственный алхимик упомянут в главе, действие которой происходит в Чехии, в городке Бургус Тепла. В конце романа герой вспоминает о поездке в Чехию и связывает эту страну с «азорским островком» Гвидо, ушедшим под воду вместе с Граалем: «Работая с древними картами, всякий раз рискуешь впасть в ошибку. Там, в Чехии, я, например, совершенно случайно узнал, что вверху, где у нас находится север, средневековые картографы чаще помещали юг, а то и вовсе запад. По-моему, мы тогда неверно определили координаты».

Предположим, что Парнов указывает страну, в которой хранится «ларец». Более точные приметы этого места можно увидеть в чешском городке Бургус Тепла: следователь Люсин приезжает сюда, чтобы посетить архив, расположенный в бывшем монастыре. Он узнает о монастырской лечебнице и знакомится с продукцией старинного пивоваренного завода.

Пиво и санаторий?

Самый знаменитый курорт Чехии — город Карловы Вары — прежде назывался Карлсбад. В переводе с немецкого — «Карловы бани». В «Двенадцати стульях» Бендер говорит о том, что он едет в Казань с карлсбадского турнира и рассказывает «ветхозаветные анекдоты» про великих игроков, почерпнутые из «Синего журнала». «Русским Карлсбадом» называли Пятигорск. Именно в этот город попадают Бендер и Воробьянинов: «Первую ночь на курорте концессионеры провели у нарзанного источника». А в «Золотом теленке» «сын лейтенанта Шмидта» не только останавливается в черноморской гостинице «Карлсбад», но и демонстрирует любопытную татуировку: Наполеон с пивной кружкой. «Пиво отпускается только членам профсоюза». И еще: советские газеты 20-х годов писали о том, что сын лейтенанта Шмидта, живущий в Чехословакии, опубликовал воспоминания о своем отце.

Странники, придуманные Стругацкими — галактические существа, направляющие развитие человечества. Следы Странников на планете Владислава обнаружил Бадер («Полдень, XXII век»). «Bader» в переводе с немецкого — «баня», а в Праге есть «Зал Владислава», названный по имени чешского короля Владислава II.

Планета Пандора упоминается в девяти произведениях Стругацких. (Ящик Пандоры!) «Пандора, если говорить честно, — это всего-навсего очень модный курорт», — сказал один из героев «Попытки к бегству» Перед этим он погрузил в звездолет неимоверное количество ящиков, и на одном из них написал: «Шкатулка на Пандору». В «Хромой судьбе» промелькнуло совершенно эпизодическое лицо по фамилии Аронов — одноклассник писателя Сорокина. «Арон» — ковчег. Есть и анаграмма — весьма редкое имя «Нора». Здесь же мы видим «Синюю папку» — рукопись писателя, плод неосознанного сотрудничества с высшими силами. («Я неторопливо развязал тесемки и откинул крышку папки»). А загадочный герой, диктующий Сорокину окончание этого романа, одет в синий лабораторный халат.

«Тетрадь заветная, драгоценная», — так говорится о рабочем дневнике Сорокина. В «тетради заветной» обнаружился «заветный цанговый карандаш из Чехословакии», — им был записан сюжет про пятерку бессмертных хранителей волшебной пещеры, расположенной неподалеку от маленького курортного городка.

(Этот сюжет Стругацкие использовали в киносценарии «Пять ложек Эликсира». Феликс Сорокин стал Феликсом Снегиревым. Во время встречи с читателями он говорит о двух поездках в Чехословакию).

Литератор Сорокин заканчивает роман про писателя, которого испытывают таинственные и сверхмогущественные существа. Его фамилия — Банев. Действие происходит в восточноевропейской стране, — в санатории, расположенном поблизости от курортного города. Упоминается пиво и «местная минеральная вода» — очень целебная. Страна не названа, но лучший друг Банева получил имя, вызывающее неизбежные ассоциации с чешской столицей — Голем. Если верить легенде, глиняного слугу по имени Голем сделал пражский маг и алхимик Лев Бен Бецалель. Он упомянут еще в «Понедельнике…»: Бецалель создает волшебный диван-транслятор, давший название всей первой части повести — «Суета вокруг дивана». Отметим и такую деталь: окна первого этажа НИИЧАВО закрашены мелом — как в бане. А в «Сказке о Тройке» говорится о двух банях, построенных при основании НИИЧАВО.

Судьба направляет Сорокина на улицу Банную. Но перед этим он посещает пивную и получает от «падшего ангела» ноты для труб Страшного Суда. На Банной писателю демонстрируют «машину времени». — она замаскирована под «электронную машину», предсказывающую судьбу книг. Неспроста в первой главе «Хромой судьбы» Стругацкие упоминают уэллсовскую «Машину Времени». Этот роман пародирует и одна из глав «Понедельника…»: «неофит» Привалов отправляется в будущее, существующее в воображении писателей-фантастов. Затем он пишет стихи о недостатках в работе инситутской бани — в той главе, где маги заняты разгадкой тайны времени! В «Миллиарде лет…» герой называет баней свою кваргиру и слышит рассказ о том, как люди, пришедшие из будущего, стараются предотвратить преждевременные открытия. А в «Попытке к бегству» загадочный путешественник по времени не может удержаться от смеха, слушая, как лингвист объясняет, что такое банный лист. И это — в ста пятидесяти парсеках от Земли!..

Про Виконта из «Поиска предназначения» говорится: «Он был шкодник. Мастер шкоды». Ну, конечно: машиностроительный завод «Шкода» находится в Пльзене. и там же варят знаменитое пльзенское пиво! Виконт похож на Пушкина, он работает в «ящике», клонирует двойников с синей кожей, коллекционирует курительные трубки («Вы хотите курить, как я вижу?») и пишет прелюбопытнейшие стихи. Взять, к примеру, эту строчку: «На козетке луи мирно дремлет мартышка из Само». Его друг недоумевает: «А почему Само? Нет никакого Само, есть — Сомо». Таким образом «несуществующий» топоним утраивается. Сравните с «Хромой судьбой»: герой включает телевизор — говорящий и показывающий ящик, — и видит, как «пляшет самодеятельность». Давид, Ковчег и… Само? Подсказка продублирована и здесь: в следующем абзаце появляются слова про «самодеятельных плясунов». А в 22-м томе БСЭ можно прочитать, что страна, названная по имени древнего славянского князя Само, существовала в седьмом веке на территории нынешней Чехословакии.

Когда лагинский Волька нашел сосуд, запечатанный Соломоном, он уже посинел от холода. «Вы из самодеятельности?» — спрашивает мальчик джинна. «Я не из неведомой мне страны Самодеятельность», — отвечает знаток древней географии. «Неведомая страна» — Само? Хоттабыч телепортируется в тбилисскую баню за порошком «таро» (по совету

гражданина Пивораки!). Затем он оказывается в санатории — вместе со своими питомцами. А в маленьком предисловии к "Старику Хоттабычу пять раз сказано про «драгоценный сундук»!

Но особый интерес представляет лагинский роман «Голубой человек». Его герой — молодой и очень интеллигентный рабочий транзисторного цеха, студент-заочник и участник художественной самодеятельности. Он жалеет, что не получил путевку в санаторий, готовится дебютировать в роли Евгения Онегина, но вместо этого попадает в Москву 31 декабря 1893 года по старому стилю и становится обладателем сундучка — «деревянного, крашенного в голубую краску». В старой Москве «Онегин» видит Триумфальную арку и спит на большом сундуке в каморке сапожника. Синей кожи здесь нет, зато есть лампа с «самодельным абажуром из толстой синей сахарной бумаги», — она «низко свисала над сапожницким верстаком, заваленным нехитрым инструментом и обрезками кожи». Упоминается и Моисеевская площадь. Оказавшись в прошлом, герой начинает активно вмешиваться в ход истории, — он встречается с молодым Ульяновым, пророчествует о победе революции и тем самым сеет зерно, из которого прорастает будущее. Круг замкнулся.

Транзистор — устройство, использующее эффект дырочного и электронного перехода. Переход «транзисторного» человека совершается в тот момент, когда он засыпает в маленьком кинотеатре, расположенном поблизости от Пушкинской площади. Про это помещение Лагин пишет: «Каждый раз, когда двери открывались, из него валили на улицу густые клубы пара, как из бани». И еще: оказавшись в дореволюционной Москве, герой встречает банщика, играющего на мандолине и вспоминает о встрече с чешской рабочей делегацией. В тексте упомянуты и два чешских писателя — Я.Гашек и С.Чех.

…"Словно сквозь темный кристалл я вижу в этой голубой пустыне без начала и конца величественное существо в белых одеждах. Век за веком оно ждет озарения Духом Божиим". Видение Артура Бертона — героя «Овода» — сбывается через тринадцать лет: «…Казалось, это некий грозный дух снеговых вершин, увенчанный радугой и облаченный в белоснежные покрова…». И далее: «…Он стоял над ними неподвижный, похожий на призрак в своем белом облачении». Такими словами Войнич описывает кардинала Монтанелли.

Подобно библейскому Иову, Монтанелли пережил жестокое испытание веры и удостоился высочайшего озарения: в конце романа его голосом вещает сам Бог-Отец, пославший Сына на смерть для спасения людей. «Я есмь Сущий, — говорит Господь голосом Монтанелли. — Я глядел на вас, на вашу немощность и ваши печали и на малых детей, играющих у ног ваших. И душа Моя исполнилась состраданием к ним, ибо они должны умереть. Потом Я заглянул в глаза возлюбленного Сына Моего и увидел в них искупление кровью. И я пошел Своей дорогой и оставил Его нести Свой крест».

Именно так следует понимать проповедь, прочитанную кардиналом после расстрела его незаконнорожденного сына, — если, конечно, правильно расставить прописные буквы. Очень важную роль здесь играет дароносица: она именуется ковчегом и служит ключом к тайне «радужной» инициации.

«Дьякон подал ему золотой ковчег…».

«…Он тоже идет вперед, сжимая в руках ковчег со Святыми Дарами».

«Он взглянул на причастие за хрустальной стенкой ковчега».

«И тогда из-за хрустальной стенки ковчега послышался голос, и пока он говорил, кровь капала, капала…».

«И снова послышался голос из ковчега…».

«И голос снова ответил ему…».

«И он увидел их глаза, жадно устремленные на ковчег…»

«Он схватил ковчег со Святыми Дарами, поднял его высоко над головой и с размаху бросил на пол».

«Перечитайте „Овода“», — советовал Бартини. Схематичные герои «революционного» романа оказались знаками шифра: «увенчанный радугой» Монтанелли указывает на будущего хранителя Ковчега Завета, Артур — умерший, сошедший в ад и воскресший, — это Иисус, а возлюбленная Овода (псевдоним «Таон» — «Атон»), ставшая шифровальщицей подпольной организации, символизирует собой тайную школу. Чтобы намекнуть на связь «Атона» с Ковчегом Завета, Войнич сравнивает Монтанелли с Давидом, а Джемму — с царицей Савской.

Очевидно, писательница знала, где спрятана величайшая святыня человечества: герои романа борются за освобождение Италии от австрийцев, а девушка, которая любит Овода — венгерская цыганка. Австро-Венгрия? Слово «цыганщина» по-французски — «boheme». Богема. Таким способом Войнич зашифровала Богемию — область в Австро-Венгерской империи, населенную чехами.

11. «БАРТИНИ ЛАЗНЕ»

Мы убедились в том, что «чешский след» в книгах «Атона» существует и ведет к Ковчегу. Но всемирно-историческое значение этого артефакта — прошлое и будущее — требует от нас беспримерной массированности доказательств.

В «Защите Лужина» особую роль сыграл ящик с шахматами. Маленького игрока увозят из России на берег Адриатики, а оттуда — на «немецкий курорт», где лечатся минеральной водой из источника. Не идет ли речь о Карлсбаде? Много лет спустя Лужин снова приезжает сюда, видит «лакея с дюжиной пустых пивных кружек», а белокурый мальчишка «с пустой бутылкой из-под пива в руке» швыряет в него камень. «Пиво и воды». В шахматной географии Лужина этот курорт стал самым важным местом на земле: именно здесь он впервые участвует в турнире, а во второй приезд встречает свою «Венеру». В Берлине Лужин выбрасывается из окна ванной комнаты — «badezimmer». Другое значение — «баня».

В «Аэлите» и «Гиперболоиде…» Чехия тоже не упоминается. Зато в обоих романах есть Иваны Гусевы — бывший красноармеец и мальчик, который не хотел мыться в бане. На коже мальчика Манцев написал письмо химическим карандашом. То есть — анилиновым!.. Это важно: Гарин взрывает анилиновые заводы, а химический король Роллинг (трест «Анилин Роллинг») подробно объясняет Зое, как из анилина получается кристалл-виолет — синяя краска. Затем Зоя и Роллинг едут в цирк и видят «напудренных девушек» — «голых, как в бане».

Мальчик с синими письменами на коже — живой «ковчег»?

Оба Ивана участвуют в восстаниях, — при этом один становится яростным проповедником большевизма, а другого прожигает луч гиперболоида. Иван Гусев «по-чешски» — Ян Гус. Так звали знаменитого чешского священника, сожженного на костре. Его проповеди подняли народ на восстание.

А.Грин, «Фанданго»: «Спросите цыган, и вам каждый из них скажет, как найти Бам-Грана…». Но «цыганщина» (по-французски — boheme, «богема») в сочетании с «французским» именем выдает простейший шифр: до 1918 года Богемией называлась Чехия. Над этой шарадой А.Грин поставил тайный знак: в самом начале рассказа его герой видит цыган в синих картузах. Затем Каур приходит в КУБУ и слышит, как старик ищет пропавшую карточку на сахар. Он перебирает их одну за другой, начиная с этой: «Розовая — банная карточка…». Про баню говорится и в Розовом Зале, — там, где Бам-Гран демонстрирует подарки, стоя у синего стола.

Спящая Маргарита встречает мастера в странном помещении — «не то оно отдельная кухня, не то баня». Перед балом она купается в реке, и автор уточняет, что «вода оказалась теплой, как в бане». Прибывшую на бал гостью снова искупали, а в зале она ощутила «банную духоту». Когда бал начался, «…хохот звенел под колоннами и гремел, как в бане». А что видит Иван, совершивший путешествие в древний Ершалаим? Голую гражданку в мыле! Но перед этим нам показывают «громадный ларь», над которым «висел велосипед без шин» — явный намек на уэллсовскую Машину Времени, напоминающую велосипед. («…Передо мной промелькнула неясная, похожая на призрак, фигура человека, сидевшего верхом на кружащейся массе из черного дерева и бронзы..»).

В булгаковских пьесах «Блаженство» и «Иван Васильевич» изобретатели «машины времени» живут в Банном переулке. Гриновский Каур слышит про банную карточку и совершает путешествие во времени. Последняя пьеса Маяковского называется «Баня». Никакой бани там нет и в помине, зато имеется машина времени. Героиня леоновской «Пирамиды» переносится в далекое будущее при помощи волшебной колонны с нарисованной дверью. В эту дверь она шагает с каменной приступочки синего цвета. Таким же образом Дуня возвращается

домой: ярко-синий камень существует во всех временах и пространствах. Чтобы подтвердить нашу догадку, Леонов пишет о «поразительном, даже в сумерках ядовито-синем цвете ее плюшевой шубки».

Чехия, пиво, санаторий, баня…

«Пиво есть?» — спрашивает булгаковский Иван. Сразу после этого возникает таинственный профессор и отправляет поэта на две тысячи лет назад. Но Иван решил, что все это ему приснилось. Чтобы закрепить результат, «иностранный профессор» посещает своего ученика в больничной палате. В эпилоге его подопечный становится профессором. «Ивану Николаевичу все известно, он все знает и понимает».

Предположим, что в булгаковском романе зашифрована инициация человека, послужившего прототипом Воланда. Говоря словами Будды Гаутамы, — «распознавание воспоминаний о прежних существованиях»… Вероятно, это действо происходило в клинике или в санатории: не случайно в разговоре с ночным гостем поэт «начал бормотать про какую-то поездку в санаторию». Легко догадаться и о специализации заведения: иностранец страдает ревматизмом, а его колено мажут дурно пахнущей мазью — темной и горячей. Бальнеологический санаторий?

Заметьте: роман начинается возле будочки «Пиво и воды» — на аллее, параллельной Малой Бронной, у Ермолаевского переулка. Булгаков исключительно точен в топографии московских улиц, — тем не менее в указанном месте никакой будочки не было. Для чего же она понадобилась? Не для того ли, чтобы Иван Бездомный мог потребовать пива, а Берлиоз — нарзану? Тема минеральной воды неявно продолжается и на скамейке: увидев «прозрачного гражданина престранного вида», Берлиоз думает об отдыхе в Кисловодске. А вот что делает Коровьев: материализовавшись окончательно, он рекомендуется бывшим регентом и выпрашивает «поправиться». Перед самым отлетом из Москвы регент произносит любопытную фразу: «Увы, не нам, не нам, а ему достанется эта ледяная кружка пива…».

«Не нам, не нам, а имени Твоему!» — так говорил евангельский Иисус. Чье же имя скрывает шарада, начинающаяся со слова «будочка»? На юге Чехии, неподалеку от Ческе Будейовице, есть крохотный городок Тржебон. В 80-е годы XIX века там был открыт бальнеологический санаторий «Бартинибад» («Бартина баня»). После распада Австро-Венгерской империи и образования Чехословакии санаторий стал называться по-чешски — «Бартини лазне». Это заведение существует и сегодня. Больных по-прежнему пользуют целебной мазью из местного торфа и горячей минеральной воды, а также знаменитым тржебонским пивом «Регент». Эта марка известна с 1379 года.

12. «С ЦЕЛЬЮ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ПРОВАЛА»

Все говорит о том, что Ковчег Завета, считавшийся утраченным со времен Соломона, находился в Богемии, — так называлась чешская область Австро-Венгерской империи. Можно предположить, что в 1921 или 1922 году Ковчег ненадолго перевезли в санаторий «Бартини лазне», — это было сделано для инициации нового Хранителя. Не случайно Роберто Орожди (Orosdi) прибавил к своей фамилии название санатория. К тому же Чехия упомянута в «Красных самолетах» — в числе тех стран, в которых побывал барон Орос ди Бартини. Но самое замечательное подтверждение мы нашли в единственном сказочном эпизоде «Цепи»: поздно вечером маленький Ро надевает свой синий камзольчик, идет в лес и видит волшебный замок, в котором живет фея с двумя цветками — белым и синим, — вплетенными в золотые волосы. Потом все исчезает. Это видение случилось неподалеку от какого-то пансионата.

Нынешнее местопребывание Ковчега определить не удастся, — на этот счет не может быть никаких иллюзий. Но даже сведения столетней давности вызывают жгучий интерес: зная прошлое, можно угадать будущее.

Район поиска мы начнем сужать при помощи братьев Стругацких. Нам показалось подозрительным то, что в их произведениях почти повсеместно присутствуют всяческие пещеры, обрывы и яры — большие и маленькие. У обрыва расположены Город Эксперимента («Град обреченный»), Управление по делам леса («Улитка на склоне») и здание НИИЧАВО («Понедельник начинается в субботу»). «В Крапивкином Яре за шестью каменными столбами

под белой звездой укрыта пещера, и в той пещере Эликсира Источник, точащий капли бессмертия в каменный стакан…». Эти слова звучат в «Пяти ложках Эликсира». А вот в каком месте обнаружен Инкубатор — «эмбриональный сейф» Странников: «…Интравизионная съемка зафиксировала под развалинами наличие обширного помещения в толще скальных пород». Попросту говоря — пещера…

В уже известном рассказе И.Ефремова «Бухта Радужных Струй» упомянут алхимик Атаназиус Кирхерус. Он никогда не писал о дереве «эйзенгартия», зато известен как автор алхимической книги «Подземный мир». Таким образом, аллегория Ковчега — белое дерево, окрашивающее воду в синий и золотой цвета — связывается с подземельем.

Нашу догадку подтверждает и «Туманность Андромеды»: историк Веда Конг находит древний сейф в глубине гигантской пещеры. Место, разумеется, не указано. Даже огромный золотой конь, найденный на дне моря, стоит в «естественной нише»: «Темные скалы сходились вверху гигантской стрельчатой аркой». Arca foederis. А откуда ведется межзвездная передача, в которой участвуют Веда и Дар? Из кубического помещения, скрытого в недрах горы!

Герои «Золотого ключика» скрываются в пещере у Лебединого озера. Затем Буратино находит деревянную дверь и ведет своих друзей по подземному ходу в большой сводчатый зал с отверстием в потолке. Подобные пещеры получаются в результате обрушения карстовых пустот. Примером может служить Провал — двадцатиметровая карстовая шахта, образовавшаяся на южном склоне горы Машук, неподалеку от Пятигорска.

"Милиционеры заплатили, деликатно осведомившись, с какой целью взимаются пятаки.

— С целью капитального ремонта Провала, — дерзко ответил Остап, — чтоб не слишком провалился".

Булгаковский Левий Матвей затаскивает тело Иешуа в пещеру. Мастер живет в подвальчике, — это тоже своего рода пещера. Пещеру напоминает и «нехорошая квартира», — там холодно и сыро. А куда возвращается «первосвященник» Воланд — хранитель Ковчега? Простившись с Маргаритой и ее возлюбленным, «черный Воланд, не разбирая дороги, кинулся в провал…».

Самая знаменитая пьеса Евгения Шварца — «Обыкновенное чудо». Действие происходит в Карпатах, а про главного героя сказано, что он учился в Праге. Почти незаметная ниточка связывает эту вещь с одной из ранних пьес Шварца, которая называется «Клад». Маленький отряд юных геологов ищет древний медный прииск и пещеры, в которых делали медные сосуды. О местонахождении медного клада знает сторож по фамилии Грозный — очень добрый человек, которого все считают ужасным злодеем. С помощью сторожа дети спускаются в пропасть и находят то, что искали — пещеры с медной посудой. Автор уточняет: пропасть возникла после обрушения «потолка» огромной пещеры.

Место действия «Клада» — кавказский заповедник. Это понятно: в Ковчеге хранились скрижали с десятью заповедями. Можно подумать, что фамилия доброго сторожа указывает на царя Ивана Грозного, но это не так. Шварц подсказывают, что настоящий клад следует искать не на Кавказе: чешский князь Грозната был причислен к лику святых за богоугодные дела и человеколюбие. Помимо прочего, Грозната известен тем, что основал монастырь Тепла — тот самый, о котором писал Парнов. Аббат этого монастыря в начале XIX века открыл первый в Богемии бальнеологический курорт Марианске-Лазне. Есть в Чехии и пропасть, похожая на шварцевскую, — это знаменитый провал Мацоха, находящийся неподалеку от города Брно. Глубина — 138 метров. В потолке гигантской карстовой пещеры зияет воронкообразное отверстие, внизу — множество гротов, а по дну пропасти течет подземная река Пунква, образующая несколько озер.

13. «ПОД БЕЛОЙ ЗВЕЗДОЙ УКРЫТА ПЕЩЕРА»

Была ли Мацоха тем местом, где хранился самый ценный клад на Земле — святыня трех мировых религий? Косвенные подтверждения имеются. Взять, к примеру, карстовую пещеру, о которой говорится в «Пяти ложках Эликсира»: она скрыта за шестью каменными столбами. Такие столбы — сталагмиты — есть и в Мацохе. Чтобы указать на истинное местонахождение пещеры, один из бессмертных гостей Снегирева упоминает об Ужгородской унии: в 1649-1950

годах она действовала на территории Чехословакии. В «Граде обреченном» герой коллекционирует стрелковое оружие. Это хобби «не работает» на сюжет — не влияет на судьбу самого Воронина и не задевает других персонажей. Оно придумано для того, чтобы можно было упомянуть о каком-то конкретном «стволе». «Может быть, „чешску збройовку“ повезет найти», — мечтает герой, живущий на краю пропасти. Стрелковое оружие этой марки выпускается в Брно.

«Центром распространения зловещего тумана» Воронин считает Красное Здание — передвигающийся по ночам дом с папским крестом на крыше. «Красное» неспроста пишется с заглавной буквы: Мацоха — главная достопримечательность Моравского Краса. Одна из тех, кто рассказывает Воронину о Красном Здании — пани Гусакова. Обращение «пани» употребляется в Чехии, Словакии и Польше, но фамилия ее — не польская. К тому же пани Гусакова говорит со слов некоего Франтишека: Франтишковы-лазне входит в тройку самых знаменитых курортов Чехии. А в первой главе романа Чехословакия упомянута прямо и совершенно всуе.

«Банные» приметы Красного Здания связывают знаменитую пропасть с «Бартинибадом»: в первом описании отмечено, что здание похоже на старую казарму, из темно-красного кирпича, с печной трубой, а окна первого этажа закрашены мелом. Одно из мест, где видели передвигающийся дом с папским крестом на крыше, находится неподалеку от костела. Но Воронин встречает его у синагоги, — еще один знак того, что речь идет о Ковчеге Завета. На это же намекает имя одного из свидетелей — Давид.

Красное Здание появляется и в конце романа: «Но теперь все окна его были темны, и ставен на нижнем этаже кое-где не хватало, а стекла были грязные, с потеками, с трещинами, кое-где заменены фанерными покоробленными щитами, а кое-где заклеены крест-накрест полосками бумаги. И не было больше торжественной и мрачной музыки — от Здания невидимым туманом ползла тяжелая ватная тишина».

Все кончено, — как мы и предполагали. «Машина желаний» давно уехала, и никто не знает куда. Но, может быть, удастся пройти до конца по «чешскому следу»?

Перенесемся мысленно в красовский провал: множество маленьких гротов и пещер располагаются по периметру огромного «помещения». Бендер — «гроссмейстер из Карлсбада» — приходит в полдень с северо-запада. Возможно, это означает, что интересующая нас пещера находится на северо-западной стороне Мацохи, а ориентиром является какое-то светило, заглядывающее в провал в полдень — Солнце, Луна или звезда. На последний вариант намекает название прибора для измерения высоты небесных светил, — того самого, что Бендер держит в руке: «Сама меряет, — сказал молодой человек, передавая астролябию покупателю, — было бы что мерять».

Из глубокой пещеры звезды видны даже днем, — это общеизвестно. Самая яркая из них — Венера. «Сообщение с Венерой сделается таким же легким, как переезд из Рыбинска в Ярославль», — говорит Остап. Эта же планета зашифрована в «Бане» Маяковского: гостья из будущего — «Фосфорическая женщина», а одно из имен, под которым Венера была известна в древности — Фосфор. Греки называли ее Гесперой — по имени одной из трех Гесперид, хранительниц золотых яблок вечной молодости. В зашифрованном пергаменте Соньера говорится про «полдень синих яблок», — это означает, что золотой предмет, укрытый синим, может быть найден при помощи Гесперы-Венеры точно в указанное время.

«В Крапивкином Яре за шестью каменными столбами под белой звездой укрыта пещера». Первый ключ к этим словам Стругацкие оставили в самом конце «Града обреченного»: «Тогда Андрей, стараясь не смотреть в ту сторону, откуда доносился голос, поднялся и прислонился плечом к шкафу у окна. Черный колодец двора, слабо освещенный желтыми прямоугольниками окон, был под ним и над ним, а где-то далеко наверху, в совсем уже потемневшем небе, горела Вега». Но эта звезда, шкаф и голос — только знаки Ковчега. Синяя Вега подменяет настоящий ориентир — ослепительно-белую Венеру: не зря эта планета упомянута в шестнадцати произведениях Стругацких. В «Стране багровых туч», например, герои именуют себя «рыцарями ордена розенкрейцеров» и летят на Венеру. А вот как выглядит ключ от парновского ларца:

"Березовский разнял полые трубки и, поковыряв пальцем в отверстии, извлек оттуда

черный эбеновый крестик с жемчужиной посередине, удивительно напоминающей розу. Впрочем, жемчуг был серый с прозеленью — мертвый.

— Крест и роза, — сказал он, становясь перед сундуком на колени."

Так открывается глубочайшая тайна «Достохвального Ордена Креста и Розы»: тот, кто видит спящую Венеру, получает Золотое Руно и становится швейцаром — одним из стражей Ковчега Завета.

Вернемся к «Граду…» и рассмотрим второй ключ к пещере — «Дело о Падающих Звездах». Следователь Воронин знакомится с ним только потому, что прокурор Мартинелли увидел некую связь с «Делом о Красном Здании». «Падающей планетой» в астрологии называется слабость ее положения. Венера восходит раньше Солнца, а заходит позже. «Падением» этой планеты считается восток. Во второй главе булгаковского романа — там, где Пилат допрашивает Иешуа — солнце «не успело еще приблизиться к своей наивысшей точке». После разговора с Каифой Пилат видит «раскаленный шар почти над самой его головой». «Дело идет к полудню,» — отмечает прокуратор. О Пилате рассказывает Воланд, но поэт Иван Бездомный видит все это будто воочию. А вот какими словами заключает Воланд свой рассказ: «Было около десяти часов утра»! Разница — два часа. Примерно на такое время Венера отстает от Солнца. Появлением Венеры завершается и короткая цепочка событий, случившихся после того, как булгаковский Левий Матвей снял со столба тело Иешуа и укрылся в пещере: «Луна быстро выцветала, на другом краю неба было видно беловатое пятнышко утренней звезды».

Пещера и утренняя звезда.

То же самое зашифровано в «Золотом теленке»: обольстив Зосю Синицкую, Бендер получав миллион на Восточной магистрали, а товарный вагон, в котором это происходит, назван «пещерой Алладдина». (Остап встречает Зосю в химическом убежище: аллюзия на Венеру из "Химической свадьбы Христиана Розенкрейца!) Затем Остап идет на запад — в меховой «тиаре» и с орденом Золотого Руна. Таким образом нам указывают на западную стену Мацохи, — именно оттуда должна быть видна восходящая Венера.

«Если Ковчег золотой, почему юные геологи Шварца ищут в провале медь? — спросит дотошный читатель. — В чем сокровенный смысл медного бюста Жуковского и почему у Бендера — человека с „медным профилем“ — остались медная пуговица и Золотое Руно? Да и с „Пикником…“ непонятно: про Золотой Шар сказано, что он был скорее медный!»

Медь — алхимический эквивалент Венеры.

Но в сценарии «Сталкера» нет ни Золотого Шара, ни золотого диска. Просто — Комната… В Комнате находится то, что Профессор называет «подарком», — некий артефакт, исполняющий самые сокровенные желания. Дар Бога.

14. «ПОДОБНО ЗЕРКАЛУ»

Должно быть, нас осталось совсем немного — из тех, кто вечность тому назад вошел в этот лабиринт с бесстрашием профанов. Долгими часами быка мы бродили в туманностях, натыкаясь на несгораемые рукописи, руины маяков и выпотрошенные стулья, коим несть числа. Святой Грааль не узрели, Философский Камень не нашли, а с вычислением координат Ковчега опоздали на целых восемьдесят лет.

«Соберите сведения о всей моей жизни, — написал человек, принявший имя Роберто Орос ди Бартини. — Извлеките из этого урок». Достоверных сведений оказалось на удивление мало. Зато возник другой след — совершенно невероятный: в текстах «Атона» проступила цепь инкарнаций, протянувшаяся через десятки веков и планет. Некоторые звенья этой цепи ясно различимы: сэр Френсис Бэкон, граф де Сен-Жермен и барон Орос ди Бартини. Подкидыши. Последней возникла величественная фигура Моисея — собеседника Господа и хранителя позолоченного сундука, знаменующего союз Бога с избранным народом. Микеланджело изобразил его сидящим на стуле, с книгой в руке. Но про Моисея можно было догадаться и раньше: это имя подсказывала буква М на шапочке Иванова гостя и W — перевернутая М — в паспорте Воланда.

А теперь вернемся в исходную точку нашего расследования — к статье И.Вишнякова (И.Чутко) о «невидимом самолете». Вот как описываег автор одну из двух картин «Дунаева»:

«Глубокое красноватое ущелье: солнечные лучи не достигают дна, где бредут две согнутые человеческие фигурки, бредут туда, где не то стены смыкаются, не то тень все закрывает». Возможно, это Мацоха: от Моравского Краса до Дуная рукой подать — всего сто километров.

«Стоит ли искать смысл в каждой мелочи?» — спросит скептик. Словно предупреждая такие сомнения. Вишняков пишет: «Только о дунаевских картинах разговора не было, так его и не спросили, что они означают. Обсудили их между собой, согласившись, что, наверное, какой-то смысл в них заложен». К тому же картины дали повод к многозначительной сноске: «Похожие аллегорические картины я видел дома у авиаконструктора Р.Бартини. Как выяснилось, Бартини все же знал о проекте „невидимки“ и даже консультировал по отдельным вопросам его основных разработчиков в академии имени Н.Е. Жуковского, но дополнить чем-либо сообщение В.Шаврова не захотел или не смог».

Историк авиации В.Шавров пишет, что самолет проектировал С.Козлов, а особенностью конструкции была обшивка из «родоида» — «органического стекла французского производства». Далее говорится о том, что родоид был «покрыт изнутри слоем амальгамы, подобно зеркалу». Книга Шаврова — бартиниевского друга и сокамерника — была издана в 1969 году. Можно предположить, что сведения о «невидимке» он получил от Бартини. Позднее барон рассказал эту историю своему биографу И.Чутко, работавшему в журнале «Изобретатель и рационализатор». Так появилась статья о «невидимке». А в 1993 году в архиве Минобороны были обнаружены три письма, адресованных маршалу Тухачевскому. Эти документы подтверждают, что необычный самолет существовал в действительности, но оргстекло для него делалось на химзаводе в Мытищах и называлось «целлон». Откуда же взялся «французский родоид»? Мы консультировались со специалистами, просмотрели множество справочников и каталогов того времени — наших и зарубежных, — и можем с уверенностью сказать, что оргстекла с таким названием никогда не было. Все объясняется просто: в книге Шаврова и в статье Чутко зашифровано сообщение, о котором сами авторы даже не догадывались. «Красный барон» («арон» и Крас!), скрывшийся под фамилией «Дунаев», подсказал и ключевые слова шарады — «родоид» и «подобно зеркалу». Прочитайте слово «родоид» наоборот («подобно зеркалу»): «Диодор». В переводе с греческого — «Дар Бога»… Почти одновременно со статьей о дунаевской «невидимке» был напечатан роман, ставший третьим фрагментом этой шифровки — «Ларец Марии Медичи». Внимательные читатели не могли не заметить поразительное совпадение с «французским оргстеклом»: ковчег Грааля, попавший из Франции в Россию, охраняли летающие существа-невидимки — «стеклистые тени». «Говорили, что были они невидимы и жили на земле вот уже много веков, следя с высот своей мудрости за ничтожными страстями и великими муками людскими». Таким образом, общий смысл шифровки мог быть понят еще тридцать лет назад: Ковчег Завета — крылатый сундук — находится в России.

Летом семьдесят второго года, когда журнал со статьей И.Вишнякова уже вышел из печати, Бартини лечился в «Барвихе». Вместе с ним там отдыхал Б.Иофан. В.Казневский, навещавший барона, вспоминал, что в его палате было очень много бумаг — «какие-то расчеты и даже, кажется, архитектурные наброски». Похожие наброски хранятся и в бартиниевском фонде музея Н.Е. Жуковского. Есть там и эскиз очень высокой башни. А в статье о «невидимом самолете» описана картина Дунаева: «…невероятно высокая башня, каких не бывает и быть не может, уходящая сквозь подсвеченные снизу облака». Не задумывалось ли это сооружение как тайный храм Ковчега?

Осенью того же года группа архитекторов, художников, искусствоведов и строителей обратилась в ЦК КПСС с неожиданным предложением — возвести в Москве Дворец Ленинизма. Эскизный проект прилагался. На Старой площади удивились: не принято было творческой интеллигенции проявлять подобную инициативу — даже при самом благожелательном отношении к основателю Советского государства. Поражал и размах проектировщиков: сооружение должно было подняться на километровую высоту — три Останкинские телебашни одна на другой! Форма — столп, расширяющийся у самого основания и увенчанный 200-метровым позолоченным шаром. Архитекторы предлагали несколько вариантов привязки, но самым предпочтительным местом был бассейн «Москва» — готовый фундамент иофановского Дома Советов. Любопытно также, что о проекте Дворца Ленинизма вспомнила Наталья Александровна Иофан — внучка архитектора (журн. «Человек», №1, 1996

г.).

Циклопический «Грааль» построить не удалось, — не хватило времени или изменились обстоятельства. Но через двадцать с лишним лет на месте бассейна вырос храм Христа Спасителя, а чуть поодаль встала гигантская фигура Петра Великого.

15. «БЫЛА В АДРИАТИКЕ НАЙДЕНА РЫБА»

«Он и есть Илия», — сказал Иисус об Иоанне Крестителе. Инкарнация. А в кого воплотился тот, кто был Моисеем? Возможно, он находился рядом с Христом и готовился выполнить какую-то важную миссию: Илия и Моисей появляются вместе с Иисусом в момент Преображения.

«Так кто ж ты, наконец?» — эту строчку из «Фауста» Булгаков сделал эпиграфом к своему роману. Мы были уверены, что нашли ответ — в том эпизоде, где Маргарита видит таинственного шахматиста, одетого в «ночную длинную рубашку, грязную и заплатанную на левом плече». Ночная рубашка — это «старенький разорванный голубой хитон» Иешуа! Но даже в шутку Иешуа не мог сказать Ивану Бездомному: «Вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной»!

Грузинское церковное предание гласит, что в Мцхете, под алтарем патриаршего собора Двенадцати Апостолов, хранится нешвенный хитон Иисуса. Сопоставьте это с легендой о Симоне из Сирены, заменившем Спасителя на кресте, а также со сценой, разыгранной на шахматной доске Воландом и Бегемотом: королевскую мантию надевает офицер. Очевидно, речь идет об ученике Иисуса, получившем исключительные полномочия. Один из двенадцати…

«Я сделаю, что вы будете ловцами человеков», — сказал Иисус первым Апостолам — галилейским рыбакам Симону и Андрею. Братья оставили свои сети и пошли за Ним. А полторы тысячи лет спустя Нострадамус написал загадочный катрен, относящийся к концу XX века:

"Была в Адриатике, найдена рыба.
Ее голова как у многих людей.
У всех корабельщиков волосы дыбом,
И нет петуха на просторах морей.
Великий бульдог воет тягостным воем.
Из траура вспыхнет свет новой звезды.
Двух солнц на семь дней даже тучи не скроют,
Святой после смерти на землю глядит".

Ничего похожего не произошло — ни взрыва Сверхновой в созвездии Большого Пса, ни поимки морского чудища с головой, напоминающей человеческую. Да и слово «найдена» применительно к рыбе звучит несколько странно. Может быть, речь идет о рыбаке? «Голова как у многих людей» — не означает ли это, что она лысая? Нашу догадку косвенно подтверждает строчка, противопоставленная предыдущей: «У всех корабельщиков волосы дыбом». Кто же эти загадочные корабельщики, и почему они должны испугаться лысого рыбака?

Корабль — известный символ католической церкви, называющей себя «престолом Святого Петра». А лысым был сам Апостол Петр — старший из учеников Иисуса, бывший рыбак по имени Симон. На средневековых иконах он изображался не только с рыбой, но и с петухом — в память об отступничестве и раскаянии. После Тайной Вечери Учитель сказал Симону: «Не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды». Так и случилось. («И нет петуха на просторах морей» — не потому ли, что отречься уже невозможно?). Но именно Симон первым из Апостолов признал божественное происхождение Учителя. За это Иисус наградил его греческим именем Петр («камень») и на долгие века сделал «управдомом» цепи Земель. Как иначе можно понять Его слова: «Блажен ты, Симон бар-Иона, потому, что не кровь и плоть открыли тебе это, а Отец Мой, Который на небесах. И Я говорю тебе: ты — Камень, и на этом камне Я построю Мою Церковь, и врата адовы не одолеют ее. Я дам тебе ключи Царства Небесного; и что ты свяжешь на земле, будет связано на небесах: и что разрешишь на земле,

будет разрешено на небесах».

Ковчег, Грааль и Свягое Копье — «ключи» Петра? Допусшм, что мы угадали: в катрене Нострадамуса зашифровано пророчество о том, что в XX веке миру откроется главный «ловец человеков» — рыбак Симон, названный Петром, — и произойдет эго на берегах Адриатики. Но именно оттуда в Россию вернулся Роберто Бартини и забросил в человеческое море незримую сеть. вылавливающую «филиусов». «Король-рыбак». А кто был первым из литературных персонажей, «списанных» с Бартини? Симеон Айшер («Решай»), он же Крукс («Крест»), он же Друд. Решить предложенную Грином загадку помогут эти строки: «…Увидела она сквозь золотой туман алтаря, что Друд вышел из рамы, сев у ног маленького Христа. В грязной и грубой одежде рыбака был он, словно лишь теперь вышел из лодки». Летающий человек, записавшийся в гостинице «Рим» под именем «Симеон» — никто иной, как Апостол Петр. проповедовавший в Риме и принявший там мучительную казнь! Именно он смело шагнул из лодки навстречу Иисусу — «по воде аки посуху». (Сравните: «Бегущая по волнам»!). Объясняется и эпизод с «летающей лодкой» Друда: в очертаниях зачехленного «аппарата» Тави увидела «подобие тиары» — головного убора папы римского. Считается, что Апостол Петр был первым главой христианской общины Рима.

Мы предположили, что прототипом Воланда, Друда, Бам-Грана, Бендера и Хоттабыча послужил Роберто Бартини —конструктор стальных самолетов. О нем же весело и страшно пишет В. Аксенов в «Стальной птице»: самолетоподобный Попенков (англ. pope — папа) приходит из котлована иофановского Дворца Советов, влезает в медные ботфорты, оставшиеся от статуи Петра Великого, а в конце летит над бассейном «Москва». Окончательно раскрывается и шифр Парнова: московский следователь Люсин — бывший рыбак. Он ищет и находит древний ларец, называемый «ковчегом Грааля». Хоттабыч превращается в рыбку и попадает в сети: «Была в Адриатике найдена рыба…». Затем следует эпизод с итальянскими рыбаками, которым волшебник подарил рыбный «чемодан-самобранку» — по примеру Иисуса, наполнившего сети рыбаков. Старшего из лагинских рыбаков зовут Пьетро. А кого увидел в кукольном театре остроносый Буратино (аллюзия на «Животворящее Древо» — крест Голгофы, — а также на Святое Копье)? Обсыпанного пудрой Пьеро!.. У Воланда — «лысеющий лоб», он говорит об осетрине первой свежести, бал завершается криком петуха… К тому же иностранец поселился на квартире ювелира Фужере, сбежавшего после революции, — ясный намек на знаменитого Петра Фаберже, «волшебника камня». «И Я говорю тебе: ты — Камень…»

«Имейте в виду, что Иисус существовал», — говорит булгаковский иностранец. Воланд подчеркивает, что он — очевидец: «Я лично присутствовал при всем этом». И нельзя не вспомнить слова из Второго соборного послания Святого Апостола Петра: «Ибо мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия». А почему Воланд называет себя сатаной? Дело в том, что незадолго до ареста Иисуса Петр пытался ободрить Его, и заслужил гневную отповедь: «Отойди от меня, сатана!»

В ранних редакциях «Мастера…» Воланд появляется на Патриарших в лодке. Позднее автор придумал новую подсказку — слово «нефть». О нефти для котельной дважды вспоминает управдом, летящая Маргарита видит нефтелавку, нефтью пахнет вода, в которой плавает Иван после встречи с иностранцем… Нефть по-латински — «петролеум»!

16. «И ОТСЕК ЕМУ ПРАВОЕ УХО»

В погоне за иностранным «профессором» (буквальный перевод этого слова — «провозвестник», «апостол») Иван Бездомный прикалывает себе на грудь иконку с «неизвестным святым» и устраивает драку в ресторане. Булгаков пишет: «Судорога исказила его лицо, он быстро переложил свечу из правой руки в левую, широко размахнулся и ударил участливое лицо по уху». То же противоправное действие совершает Бегемот: «…Размахнувшись, ударил Варенуху по уху…». Ему помогает Азазелло: «Этот второй, будучи, очевидно, левшой, съездил администратора по другому уху». Маргарита вцепляется в ухо Бегемота: «Королева… ухо вспухнет… зачем же портить бал вспухшим ухом?..». Даже после

бала был момент, когда Бегемот в комическом ужасе спасал свои уши. Как ни странно, эта тема связана со шпагой Воланда. Перечитайте то место в Евангелии от Иоанна, где говорится об аресте Иисуса: «Симон же Петр, имея меч, извлек его и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо…».

Именно эти слова стали эпиграфом к роману Стругацких «Отягощенные злом», в котором рассказывается о пришествии в СССР Демиурга. Стругацкие называют его Назаретянином — то есть Иисусом. Но история ареста Иисуса в Гефсиманском саду намеренно запутана: ухо отрубают самому Иоанну, и он же становится Прудковым Агасфером Лукичом — бессмертным наместником Демиурга. Свое искусственное ухо Агасфер Лукич кладет на ночь в «какой-то алхимический сосуд»!

Вспомните: на втором этаже дома Грибоедова «была освещена одна комната, и в ней томились двенадцать литераторов». Двенадцать первых грибоедов — по числу Апостолов? И ефремовских «странствующих живыми» (ученики Бета Лона, отправленные им в «параллельные измерения») оказалось ровно двенадцать. В «Отягощенных злом» Иисус собирает Своих учеников в доме на Балканской улице. Они едят югославский пакетный суп. В приемной Назаретянина мы видим спальный гарнитур «на двенадцать персон» — и тоже югославский! (Возможно, здесь зашифрован адрес: дом, в котором жил Бартини, расположен напротив югославского посольства). Из кресла торчит стальной шип. А в «Пяти ложках Эликсира» хранители волшебных капель, стекающих с красного сталактита (окровавленное острие?), говорят о каких-то ритуальных ключах.

«Почему же зародышей в „Жуке…“ — тринадцать?» — спросит особо дотошный читатель. Действительно: в Инкубаторе, оставленном Странниками, было «тринадцать оплодотворенных яйцеклеток вида хомо сапиенс». Но четверть века спустя Борис Стругацкий писал: «В сентябре 1975-го появляются первые наметки будущей повести. Там есть уже и саркофаг с двенадцатью зародышами, и гипотезы, объясняющие этот саркофаг…». (Журн. «Если», 1999, № 3). И далее: «Чистовик мы добили окончательно в конце апреля 1979 года и тогда же — никак не раньше! — приняли новое название „Жук в муравейнике“». Можно предположить, что название и еще один зародыш понадобились для остроумной шарады: «жук» (Лев Абалкин, знак "Ж" на локте) и двенадцать «муравьев-апостолов», найденных в декабре и отправленных в тайную ссылку. «Два смысловых слоя я уловил, но, по-моему, там был еще и третий», — эти многозначительные слова Стругацкие вкладывают в уста переводчика с языка голованов.

«Наконец разбойники решили повесить его вниз головой. Привязали к ногам веревку, и Буратино повис на дубовой ветке…». Вниз головой пришлось повисеть «авиаконструктору» Вольке Костылькову, а Хоттабыч несколько раз произнес слово «таро». Очевидно, имеется в виду двенадцатый аркан мистических карт Таро: юноша, висящий вниз головой. Эта карта символизирует ученика, претерпевшего все испытания и узревшего истину. Сравните: булгаковская Маргарита летит на Т-образной деревянной щетке (распятие) и зачем-то переворачивается вниз головой. Далее: «Отбросив от себя щетку, она разбежалась и прыгнула в воду вниз головой». То же самое проделано с Алоизием Могарычем: «Тогда Могарыча перевернуло кверху ногами и вынесло из спальни Воланда…». Аннушка видит, как Могарыч оказался на площадке и «кверху ногами вылетел во двор». «Рим лучше!» — говорит Азазелло, а финдиректор Римский уезжает в Ленинград (Санкт-Петербург — город Св. Петра). Именно в Риме Апостол Петр был распят вниз головой, — по его собственной просьбе. Вероятно, это был знак: если верно, что распятие Иисуса направляло проснувшихся Игроков в прошлое, то «Агиос Петрос» сходил по ступеням жизней в будущее. Не сам ли он был Философским Камнем, обещавшим власть над природой и преображение?

«И Я говорю тебе: ты — Камень…» Рука Воланда — «будто каменная», у него на пальце — черный камень, на груди — «каменный жук». А почему Воланд приходит к Ивану в 117-ю палату? «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла», — сообщает 117-й псалом Давида.

«Бэкон сидел здесь», — эта странная эпитафия украшает могильную плиту лорда-канцлера. Воланд наблюдает Москву, сидя на «каменной террасе», на сцене он требует кресло, а в конце романа показывает Маргарите человека, сидящего в «каменном кресле». «Он

там сидел, как на стуле», — пишет А.Грин о полете Друда. Не намекают ли эти тексты на «трон Петра» — обыкновенный деревянный стул, который хранится в золотой раке собора Святого Петра? Ильф и Петров подтверждают: стульев, как и апостолов, — двенадцать, но лишь один из них содержит сокровища покойной мадам Петуховой. («…И нет Петуха на просторах морей»). Воспользуйтесь «тарабарской грамотой» и две последние буквы имени Бендера сделайте первыми: Остап — Апост.

Считается, что в Риме Апостол Петр ходил в желтой мантии. А в «Золотом теленке» Остап достает из саквояжа афишу «Приехал Жрец» (латинское слово «понтифик» — титул папы — означает «жрец»), перекрашивает автомобиль в желтый цвет, надевает «бобровую тиару» и уходит в Румынию. (Romania — от слова Roma, Рим)). Как будто для того, чтобы мы не усомнились в своей догадке, будущий управдом О.Бендер сколачивает «Союз меча и орала» («Симон же Петр, имея меч…»).

Аукцион, на котором продавались стулья Воробьянинова, происходил на Петровке. Последний из проданных стульев — тот, в котором хранились драгоценные камни — был увезен на Октябрьский вокзал, ныне — Ленинградский. С этого вокзала уезжают в город Святого Петра. В Санкт-Петербурге изготовлен гостиный гарнитур Воробьянинова, — об этом мы узнаем из медной таблички, найденной в одном из стульев. В «Золотом теленке» Бендер-миллионер говорит своим попутчикам про сухарик, которому «один шаг до точильного камня». Затем они поют частушку про Петра Великого. Даже юный Корейко — двойник Бендера — мечтает найти кошелек с деньгами на улице Полтавской Победы! А где собрались сыновья лейтенанта Шмидта? У Сухаревой башни. Соавторы выбрали этот ориентир не только потому, что в башне, построенной генерал-фельдцейхмейстером Яковом Брюсом — алхимиком и чернокнижником — размещалась Навигацкая школа. Важнее другое: на фасаде башни был выложен каменный вензель Петра I. Остается вспомнить имя-отчество Шмидта — Петр Петрович!..

«Я дам тебе ключи Царства Небесного», — сказал Иисус Петру. Воланд посещает поэта под видом мастера, а в руке у него — связка ключей. Набоковский гроссмейстер находит «ключ к комбинации» после встречи с второстепенным персонажем по фамилии Петрищев, В «Граде обреченном» свидетель по фамилии Петров приводит Воронина к Красному Зданию. А кто руководит аллегорической инициацией героя в романе «Приглашение на казнь»? М-сье Пьер.

О.Бендер, — гроссмейстер и великий комбинатор, — говорит про ключи от квартиры, где деньги лежат и получает деньги на станции Гремящий Ключ. Ване Солнцеву доверили снарядный ключ. Те же знаки мы видим в тайном сюжете «Золотого ключика»: черепаха (Голгофа — Череп!) отдает Буратино ключ к Микрокосму, он скачет на петухе и становится директором нового планетарного театра — Демиургом. «Теплый ключ» — так называется санаторий, в котором испытывают Банева. А что покупает на неразменный пятак герой «Понедельника…»? Ириски «Золотой ключик»!.. Во второй части повести ученик чародеев заступает на свое первое ночное дежурство по НИИЧАВО, и ему сдают огромное множество ключей. Перечитайте и булгаковскую пьесу «Иван Васильевич»: слово «ключ» встречается там около двадцати раз. Причем ключ этот — к «машине времени»!.. Когда инженер Тимофеев угощает Ивана Грозного «дубнячком», то царь интересуется: «Ключница делала?» Но в фильме Л.Гайдая они пьют простую водку.

Ключ Петра зашифрован и в «Космической одиссее» А.Кларка: второй обучающий монолит (Петр — камень!) обнаружили в лунном кратере Тихо Браге, а прилунился герой в кратере Клавий. Но в одноименном фильме Стенли Кубрика, снятом по сценарию Артура Кларка, загадочный камень находят в самом Клавии. Фильм предшествует роману, — возможно, поэтому его шифр более прозрачен. Кратер Клавий назван в честь немецкого астронома Клау (латинская форма — «Клавий»), чья фамилия происходит от слова «ключ». Ключ к космической двери. А вот что говорится про леоновского «ангела»: «Самое наличие таинственной двери да еще связка ключей в руке позволяют приписать ему заведование запасным выходом к нам оттуда и наоборот». Герой «Пирамиды», нарисованный на каменной колонне церкви, оставляет свой пост и появляется в стране победившего социализма. А годом раньше из Парижа исчезает Фулканелли — анонимный алхимик, объявивший о получении Философского Камня. Еще через четыре года там издается его книга о символах алхимии,

запечатленных в камне — «Тайны готических соборов». (В предисловии есть фраза о благодарных «Гелиопольских Братьях». Каменная колонна из Гелиополя стоит в Риме, на площади Святого Петра, и тень от нее когда-то падала на висящего вниз головой Апостола).

Тем временем в Петрограде появляется Роберто Бартини, а из Парижа возвращается А.Толстой — будущий автор «Петра I». Банкет в честь приезда знаменитого писателя организует молодой литератор М.Булгаков. Вскоре А.Толстой пишет повесть о Петре Петровиче Гарине, мечтающем стать планетарным диктатором — с помощью аппарата, сделанного из очень твердого и прозрачного камня. Таинственный камень получает носовский Незнайка — и становится космическим путешественником.

Стругацкие продолжили эту шифровку: в конце повести «Возвращение или Полдень, XXII век» возникает Петр Петрович — человек из будущего, обладающий фантастическим могуществом. Голова Камилла (камень?) из «Далекой Радуги» кажется лысой из-за белого пластикового шлема, который он никогда не снимал. А в последней главе повести «Попытка к бегству» оказывается, что Саула — путешественника по Времени — на самом деле зовут Савелом Петровичем. Савл — первое имя Апостола Павла. Петр и Павел? Савел Петрович («человек в широкой белой блузе и белых брюках») говорит о прогрессорстве: «Можно напялить белые хламиды и прямо в народ. Вы, Антон, будете Христос, Вадим будет апостолом Павлом, а я, конечно, Фомой».

В «Понедельнике…» появляется чашка Петри — в той главе, где разгадана тайна директора НИИЧАВО, идущего из будущего в прошлое. Петр и Грааль. А кто является тайным резидентом прогрессоров в повести «Трудно быть богом»? Симонов А.В., он же — дон Кондор. На последнее воплощение Апостола Петра намекает лучший друг богоподобного Руматы — барон Пампа. К тому же его подвешивают за ноги!

В «Попытке к бегству» мелькнул математик по фамилии Симонян. Упомянуты и структуры Симоняна — весьма прозрачный намек на организацию, во главе которой стоит Симон-Петр. В «Обитаемом острове» действует Мак Сим (М.Сим, он же Максим Каммерер), а в "Отеле «У Погибшего Альпиниста» — полицейский по имени Петер. («В руках у полиции ключ. Много ключей. Целая связка». И далее: «Огромное количество ключей скопилось у меня в кармане. Еще пара часов, подумал я, и все ключи, какие есть в отеле, мне придется таскать на себе»). Петеру противопоставлен физик Симон Симонэ, — именно он первым поверил в инопланетное происхождение постояльцев горного отеля во главе с Мозесом-Моисеем и попытался их спасти. Но сквозь детективно-фантастический сюжет просвечивает иное: Петр, Иаков и Иоанн видят Иисуса, беседующего с Моисеем и Илией на горе Фавор. Преображение Христово.

Через год Стругацкие напечатали повесть «Малыш» — про мальчика Пьера Семенова, спасенного от гибели высокоразвитой цивилизацией. Фамилия космического подкидыша происходит от имени «Симон»: Пьер Семенов — Петр Симон? Не потому ли хозяев планеты выдают гигантские артефакты, похожие на удилища? Мальчик ловит рыбу и принимает неожиданные позы: «У человека, готовящегося метнуть диск, можно на мгновение уловить подобную позу…».

«Вспомните, как чуть не утонул Святой Петр», — говорит Писатель в киносценарии «Сталкер». Эти слова были произнесены перед спуском в так называемый «сухой тоннель».

…Бартини писал в «Цепи» о своем автобиографическом герое: «Его привела сюда рука, которая правит судьбами смертных». «Непонятый гений советской авиации» строил летающие лодки («…вышедши из лодки, Петр пошел по воде»). Его старший сын Гэро занимался петрографией. Три раза перепечатывалась статья И.Вишнякова (И.Чутко) о «невидимом самолете», и четыре издания выдержала «документальная» повесть «Красные самолеты». Расчет был прост: тот, кто заинтересуется фантастическим аппаратом и выйдет на Бартини, непременно обнаружит и настоящего автора этой идеи — австро-венгерского пилота, обтянувшего свой «Таубе» полупрозрачным «эмаллитом». Его звали Петрош фон Петроши. А в последнем издании «Красных самолетов» помещена цветная репродукция одной из картин Бартини: в сиянии, исходящем от круглой дыры, почти неразличим крест из золотых цепей. Черный круг уже срезан на треть: выход закрывается? В этой книге есть рассказ о любопытном происшествии, якобы случившемся в Риме: барон вызвал на дуэль офицера, оскорбившего

компартию и… отрубил ему ухо.

17. «КАК ПАСТЫРЬ ОТДЕЛЯЕТ АГНЦЕВ ОТ КОЗЛИЩ»

Одно из самых таинственных мест Ветхого Завета — шестая глава Бытия. Она рассказывает о том, как в глубокой древности «филиусы» сошли на Землю: «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божий увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал». Кончилось животное блаженство земного первочеловечества и началась Игра. Об этом рассказывает и «Книга Еноха», найденная в Кумране:

«Когда люди размножились, и стали рождаться у них видные из себя и прекрасные лицом дочери, то ангелы, Сыны Неба, увидев их, воспылали к ним любовью и сказали: „Пойдем, выберем себе жен из дочерей человеческих и произведем с ними детей“. Они взяли себе жен, каждый по своему выбору, они вошли к ним и жили с ними и научили их волшебству, заклинаниям и употреблению корней и трав. Кроме того, Азазел научил людей делать мечи, щиты и панцири; он же научил их делать зеркала, браслеты и украшения, а также употреблению румян, подкрашиванию бровей, употреблению драгоценных камней изящного вида и цвета, так что мир совершенно преобразился…».

Все сходится: булгаковский Азазелло Воланд — обладатель «драгоценных камней изящного вида» — в следующей редакции романа передал свое имя телохранителю. Азазелло дарит Маргарите волшебную косметику, пахнущую травами, а в последней главе мы видим его в стальных доспехах. Чтобы понятливый читатель обратил внимание на «Книгу Еноха», Булгаков дает приметы этого патриарха: иностранец появляется на Патриарших, подходит к писателям и составляет гороскоп Берлиоза. Именно Енох считался создателем письменности и астрологии. Он был взят на небо живым и получил особое перо — «борзописную трость» — для написания истории человечества. Сравните: «иностранный историк» «…нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя»!

«Пора, пора!» — так называется глава, в которой Маргарита и ее возлюбленный покидают свой подвал. «Сынам Неба» и «дочерям человеческим» пора возвращаться. «Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит», — говорит Воланд.

Иисус рассказывал притчи о зернах и плевелах, об агнцах и козлищах, о первых и последних… «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? — спрашивал Он учеников. И Сам отвечал: — Нет, говорю вам, но разделение». То же самое можно прочитать в одном из свитков Хирбет-Кумрана: «Иисус сказал: Возможно, люди думают, что Я пришел дать миру мир, и они не знают, что Я пришел бросить на землю разделения, огонь, меч, войну». Все просто и понятно: ужасы последних двадцати веков были чем-то вроде вибратора, выгоняющего из бетона пузырьки воздуха.

«Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, — писали Стругацкие в „Волнах…“, — причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую». О расколе говорится и в «Отягощенных злом»: «Да ведь это же главное, неужели не ясно — оптимальный выбор! Максимум выживания козлищ при минимуме агнцев!» А в «Хромой судьбе» с Земли уходят сверхгениальные «мокрецы» — гадкие утята, ставшие лебедями… Откройте третью главу «Двенадцати стульев» — на той странице, где отец Федор посылает за утиным картузом и достает книги из дорожного сундучка. Между «Русским паломником» и «Русским в Италии» упомянута «История раскола»!

Человечество — живая лестница, по которой спускаются и поднимаются высшие существа — восстают из праха и в прах обращаются. Прогрессоры отличаются от Консерваторов только одним: они движутся в прошлое. В этом восхождении им помогают персональные Спасители — Воланд, Друд, Румата, Вечеровский, — но только правильно понятые, без литературного грима. «Мы вообще не люди, — говорит главный „люден“ Стругацких. — Пусть вас не сбивает с толку, что мы рождены людьми и от людей». Отважную попытку рассказать о воплощении «филиусов» предпринял Леонид Леонов. Он объясняет, что существа, подобные «ключарю» Дымкову «…при сошествии в нижние этажи стихийно меняют свою предельно разреженную каркасно-циклопическую структуру, построенную из шквальных

ливней сверхкоротких излучений, исполинского натяженья темных космических масс, гравитирующих на запредельной скорости, вольных звездных ветров и еще не раскрытых учеными гормональных дуновений вообще откуда-то извне на местную, более скромную, всего лишь атомную инженерную конструкцию. Отсюда, концентрируясь в земные габариты, галактическое долгожительство приобретает видимость бессмертия, а сомасштабно уплотненный творческий потенциал становится даром чудотворенья. Но сама внешность пришельцев оттуда остается стандартно прежней — раз и навсегда проверенный ген, кодирующий их суть и форму, всюду будет один и тот же, отчего при переходе в земные параметры тамошние гиганты и становятся неотличимы от людей».

Иисус нашел того, кто пятнадцать веков назад был Моисеем и стал рыбаком Симоном. Учитель назвал его Петром, — и это имя начало пробуждать дремлющую память о каменных скрижалях, на которых были записаны простые и понятные условия Его договора с одним из человеческих племен. Пережив еще несколько воплощений, Моисей осознал, что означают слова Учителя о ключах к Царствию Небесному, и стал искать других «филиусов» — редкие жемчужины в горе устриц. При этом сам он должен возвращаться в прошлое — по ступеням жизней, каждая из которых сносит Игрока в будущее. Бежать наверх приходится быстрее, чем движется этот эскалатор, — и пробудившиеся «филиусы» ускоряют историю, насколько возможно. Именно поэтому бартиниевская киноповесть «Цепь» начинается в будущем, а продолжается в далеком прошлом — с чудесного рождения Ра-Мега. Он — луч звезды, воплотившийся в человека. Племя восхищалось силой и ловкостью великана, но боялось его. Чувствует свою "ужеродность и сам Ра-Мег «Среди вас я был одинок, но я вас любил». Пришелец из будущего добывает руду, плавит металл, строит на реке свайное поселение и мечтает вернуться в прошлое — «встать в сторону, рядом с этим миром, чтобы пройтись вдоль него из края в край и собрать там свежие цветы минувших веков». Он говорит: «Возвращение во времени должно быть связано с возвращением к месту события».

«Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел, — сказала Маленькому принцу змея. — Но ты чист и явился со звезды». К какому же «месту события» возвращаются Игроки?

18. «ЛЕБЕДЬ БУДЕТ ДОСТУПЕН НАШЕМУ ЗОВУ ЕЩЕ ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЧАСОВ»

В европейской мистической традиции имеется два-три десятка текстов, к которым принято относиться с особым почтением. Среди них — «Ключ», один из семнадцати трактатов александрийского «Герметического свода». Речь идет о высшем посвящении: «Затем они входят в хор неподвижных богов; есть два хора богов: один — звезд блуждающих, другой — неподвижных. Это последний этап славного посвящения души».

У Булгакова мы видим «освещенный диск со стрелой» — тот самый, который крушит летящая Маргарита. В повести «Трудно быть богом» ученики школы прогрессоров отправляются в лес пострелять из самодельных арбалетов. Стрела — знак созвездия Стрельца и прекрасный ориентир для тех, кто должен направиться в сердце Галактики. Именно там побывал клар-ковский Давид Боумен («Стрелец») — новый «управдом» человечества. «Стрельцом» становится и пушкинский Гвидон: его стрела спасает хозяйку волшебного острова — Лебедь. Зашифровано и «микрокосмическое» средство передвижения: чтобы перенести героя на дальнее расстояние. Лебедь превращает его в комара, муху и шмеля. Под косой у красавицы — месяц, днем она «солнце затмевает», «ночью землю освещает». Солнце, Луна и Грааль — бочка с «царской кровью». Известно, что обряду посвящения в рыцари Грааля предшествовало многолетнее испытание — «поиск Грааля». Символически этот процесс описывается как полет голубя от солнца (сердце) к луне (ум): солнечное «золото», растворенное в крови, должно подняться от сердца к голове и «короновать» ее. А теперь вспомните «Алые паруса»: не связана ли наследственная бочка Артура Грэя с именем отца героини — Лонгреном? Средневековые «народные» предания сообщают, что отцом иерусалимского короля Годфруа был легендарный Лоэнгрин — «Рыцарь Лебедя». Золотоволосый Лоэнгрин знаменит в основном своей семейной драмой. Он — сын Парцифаля и рыцарь Святого Грааля — полюбил

спасенную им герцогиню и женился на ней, взяв обещание никогда не спрашивать его настоящее имя. Но жена нарушила уговор. Рыцарь запряг своего волшебного лебедя в лодочку и уплыл.

Так же поступил Маленький принц — мальчик с золотыми волосами: он улетел от своей возлюбленной при помощи птичьей упряжки. К тому же сказка графа Антуана де Сент-Экзю-пери имеет странное посвящение: «Леону Верту, когда он был маленьким». Маленькому… Леону Верту? Переставьте гласные буквы в имени, замените французское слово «верт» («зеленый») английским и соедините вместе: Лоэнгрин! Бриг, на котором плавал гриновский Лонгрен, назывался именем созвездия — «Орион». Не означает ли это, что символика «Рыцаря с лебедем» каким-то образом связана со звездами?

В «Тайнах готических соборов» есть одно место, где Фул-канелли делает обширную и ничем не оправданную сноску — перечень «герметических Братств», искавших секрет алхимического первовещества. Среди них — Рыцари Лебедя… В письме к своему другу И.Пузанкову, датированном 1953 годом, Ефремов перечисляет названия рассказов, которые он собирается написать. В этом списке есть «Рыцари Лебедя» («исторический, из времен крепостного права»). В «Лезвии бритвы» индийского философа называют «Парамахамса» — «Лебедь Неба». Именно он рассказывает о том, что Шамбала существует везде и всегда, — как школа необыкновенных людей, уходящих из круга смертей и рождений.

Еще раз перечитаем описание звездолета «Лебедь» («Туманность Андромеды»): «Вертикально стоявший на растопыренных упорах звездолет имел в себе что-то человекообразное. Может быть, это впечатление создавал круглый шар носовой части, увенчанный острым колпаком и светящий сигнальными огнями, как глазами. Или ребристые рассекатели центральной контейнерной части корабля, похожие на наплечники рыцарских лат? Звездолет высился на своих упорах, словно растопыривший ноги исполин, презрительно и самоуверенно взиравший поверх толпы людей».

«Рыцарь с Лебедем» — сверхчеловек, межзвездный путешественник. В «Золотой Железке» водитель по фамилии Телескопов (труба к звездам?) ездит на такси «Лебедь». У Стругацких есть повесть «Гадкие лебеди», ставшая затем частью «Хромой судьбы» — рукописью писателя Сорокина. (Гад — змея: Лебедь и Змееносец). «Лебедь раскрыл огромные крылья, и в то время, когда разбойники уже хватали Буратино за ноги, торчащие из воды, лебедь важно полетел через озеро». Незадолго до «важного» полета над Лебединым озером Буратино забирается в сосуд из-под вина: Лоэнгрин и Грааль. А теперь вспомните, как выглядит синий «аппарат», на котором улетел гриновский «авиаконструктор» Друд: «Его очертания спереди напоминали нос лодки, вытянутый и утонченный зигзагом лебединой шеи, причем точное подобие головы лебедя оканчивало эту шею-бушп-рит». И далее: «…Белая голова лебедя гордо смотрела перед собой, дыша тайным молчанием». Друд — Рыцарь с Лебедем? Его избранница Тави Тум (анаграмма латинского слова «vitatum» — «спасенная») читает рыцарский роман и отождествляет Друда с его героем. Затем она вспоминает про детскую игрушку — плавающих в воде восковых лебедей с маленькими магнитами внутри: «Если поводишь магнетизированной палочкой, — они плывут и расходятся, как живые». В этих словах скрыт ключ к загадочному эпизоду в церкви: Друд оказался рядом с маленьким Иисусом и провел пальцем над корабельным компасом. Стрелка закрутилась в разные стороны. В чем же смысл этого молчаливого сообщения, которое Сын Божий понял и согласно кивнул? Возможно, ключевым является само слово «стрелка», и нам подсказывают название созвездия — Стрелец.

Магнитная стрелка неспроста связана с «магнитным» лебедем: на звездной карте Яна Гевелия (XVII в.) хорошо видно, что голова Лебедя обращена к созвездиям Змееносца и Стрельца. Там — ядро Галактики. Не случайно в созвездие Змееносца летит звездолет из «Сердца Змеи». Те же знаки нетрудно разглядеть в раннем ефремовском рассказе «Обсерватория Нур-и-Дешт»: «В высоте над нами, прорезая световые облака Млечного Пути, сиял распростертый Лебедь, вытянув длинную шею в вечном полете к грядущему». «Вечный полет» — к ядру Галактики?.. Именно его видит артиллерист Лебедев («стрелец»), нашедший светящуюся чашу: «…Низко над горизонтом светит красный Антарес, а правее едва обозначается тусклый Стрелец. Там лежит центр чудовищного звездного колеса Галактики — центральное „солнце“ нашей Вселенной». Ефремов дублирует и усложняют знак: под

«заостренной стрельчатой аркой» (Стрелец и Ковчег) археологи находят «синеватую плиту» с арабской надписью, гласящей, что обсерватория была построена «по указу такого-то, в таком-то году, в месяце Ковус». В переводе с арабского — «Стрелец»…

И снова Стругацкие, повесть «Пикник на обочине»: «…Все шесть Зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля-Денеб. Денеб — это альфа созвездия Лебедя…».

Стрелец и «Лебедь»: созвездие, указывающее на центр Галактики, и высшая степень посвящения. Мэнли П. Холл пишет: «Грация и чистота лебедя были эмблемами духовной грации и чистоты инициированных. Это объясняет аллегории воплощения богов (секретная мудрость) в тело лебедя (инициированный)».

«"Лебедь" будет доступен нашему зову еще восемнадцать часов», — так заканчивается журнальная публикация «Туманности Андромеды». Что же на самом деле означает это число? В том, что оно выбрано не произвольно, можно убедиться, заглянув в конец любого из последующих изданий романа: там говорится о девятнадцати часах! Затем проставлены годы работы: 1955-1956. Если прибавить к ним число 19 — уточненное! — то получим 1974-1975. Бартини умер в ночь на 5 декабря 1974 года (праздник Введения Богоматери) и похоронен на Введенском кладбище.

«Если вам случится тут проезжать, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы уж конечно догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте утешить меня в моей печали, скорей напишите мне, что он вернулся».

19. «ТОГДА Я ВЕРНУСЬ»

«И на этом камне Я построю Мою Церковь», — обещал Иисус. Свершилось по слову Его: бесчисленные соборы, церкви, кирхи и молитвенные дома озарились мириадами свечей, знаменуя нерушимый союз человечества с Богом — и ныне, и присно, и во веки веков. Но всегда был тайный круг помощников, знающих истинную задачу Симона Петра — поиск и возвращение «филиусов». «Ибо вы от Него, и вы снова туда возвратитесь». Ученики Бартини помогли шире распахнуть «запасной выход», — они расщепили атом, запустили спутники, оплели Землю электронной паутиной и написали «тарабарские» книги, зовущие к космическому исходу.

Когда появился человек, животное и растительное царства перестали эволюционировать. Позднее остановилось совершенствование самого гомо сапиенс, — не потому ли, что на Землю пришли «Сыны Неба»? Они уйдут, и человек вновь станет развиваться как биологический вид. Вероятно, так было всегда: таинственные существа возникали среди земных народов и уходили обратно — волна за волной.

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки…».

Наверное, это и есть «конец света»: актеры пробуждаются, чтобы возвратиться к началу времен, а статисты плывут в будущее — по «Волге человечьего времени». Мы заслужили покой.

«— Оставьте их вдвоем, — говорил Воланд, склоняясь со своего седла к седлу мастера и указывая вслед ушедшему прокуратору, — не будем им мешать. И, может быть, до чего-нибудь они договорятся». О чем договариваются Иешуа и прокуратор, идущие к Луне? Разгадка — в последнем слове… В эпилоге эта сцена повторяется и заканчивается тем же словом: «Идущие о чем-то разговаривают с жаром, спорят, хотят о чем-то договориться». «Иностранец» подписывает два очень многозначительных договора — с Варьете и с управдомом. «Я другое хочу написать», — говорит новый евангелист Иван. Очевидно, это будет третий договор человечества с Богом — Новейший Завет.

«Золотой Век — впереди!» — говорил своим коллегам Роберт Людвигович Бартини — человек, вернувшийся из будущего. И еще что-то такое говорил — о самом важном… Нет, не вспомнить. Зато прекрасно помнят, как смешно он выговаривал название всесоюзной рыбы: «Хэ-э-эк!» И непременно вставал, когда к столику подходила официантка. А еще — стихи писал:

"…И тогда
Неисчерпаемое плодородие Жизни
В бурном обновлении разольется по всей земле.
Страстное стремление
И властная воля недр,
Как. вольные волны над людским океаном
Побегут победно
Через разорванную плотину
В бездну великого водопоя Жизни.
В пылающем зареве бесчисленных звезд,
У вековых вершин,
Покрытых девственным снегом,
Горячее лоно земли родит нового человека —
Родных братьев моих.
Тогда пройдут века
В серебристый туман забвенья.
Никто больше не помнит даже имя мое.
Тогда я вернусь…"

1995 — 2002